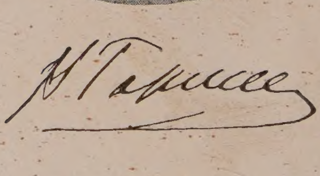
ныя

со-
съ
мъ



Арт. зав. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. М. ГАРШИНА.

Вновь просмотрѣнное и дополненное изданіе.

Съ портретомъ, автобіографическимъ очеркомъ, воспоминаніями о Всев. Гаршинѣ въ разныя эпохи его жизни и критическими статьями.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ.
1910.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПАМЯТИ ГАРШИНА.

(Стихотвореніе А. Н. Плещеева).

Чиста, какъ снѣгъ на горныхъ высотахъ,
И кротости исполнена безмѣрной
Была душа твоя, почившій братъ.
Незлобивъ былъ, какъ голубь, ты; вражды
И зависти твое не знало сердце.
Любви и всепрощенія родникъ,
Неизсякаемый, въ груди твоей таился.
Любовью всѣ твои созданья дышатъ,—
Глубокою любовью къ человѣку...
Не отвергалъ съ презрѣньемъ падшихъ ты,
Но пробуждалъ къ нимъ въ ближнихъ состраданье;
Вотъ почему всѣ честныя сердца
Ты влекъ къ себѣ съ неотразимой силой!
Немного тѣхъ, кто чистоту души
Умѣлъ сберечь средь мутныхъ волнъ житейскихъ,
Какъ ты сберегъ,—и въ комъ не въ силахъ были
Онѣ любви свѣтильникъ потушить...
Спи мирно, братъ нашъ милый!.. Долго будетъ
Въ сердцахъ людскихъ жить свѣтлый образъ твой.
О, если бы могли хотя на мигъ
Твои открыться вѣжды!.. Въ нашихъ взорахъ
Прочелъ бы ты — какою безпредѣльной,
Великой скорбью душу наполняетъ
Намъ мысль, что ты навѣкъ отъ насъ ушелъ!

26 марта 1888 года.

ВС. М. ГАРШИНЪ.

(Черты его жизни и дѣятельности).

I.

Автобіографическая замѣтка.

Родъ Гаршиныхъ — старинный дворянскій родъ. По семейному преданію, нашъ родоначальникъ, мурза Горша, или Гарша, вышелъ изъ Золотой Орды при Иванѣ III и крестился: ему или его потомкамъ были даны земли въ нынѣшней Воронежской губерніи, гдѣ Гаршины благополучно дожили до нынѣшнихъ временъ и даже остались помѣщиками въ лицѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ, изъ которыхъ я видѣлъ только одного, да и то въ дѣтствѣ. О Гаршиныхъ много сказать не могу. Дѣдъ мой, Егоръ Архиповичъ, былъ человѣкъ крутой, жестокій и властный: поролъ мужиковъ, пользовался правомъ primae noctis и заливалъ кипяткомъ фруктовыя деревья непокорныхъ однодворцевъ. Онъ судился всю жизнь съ сосѣдями изъ-за какихъ-то подтоповъ мельницы и къ концу жизни сильно разстроилъ свое крупное состояніе, такъ что отцу моему, одному изъ четверыхъ сыновей и одиннадцати или двѣнадцати дѣтей, досталось только семьдесятъ душъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Страннымъ образомъ, отецъ мой былъ совершенной противоположностью дѣду: служа въ кирасирахъ (въ Глуховскомъ полку) въ николаевское время, онъ никогда не билъ солдатъ; развѣ ужъ когда очень разсердится, то ударитъ фуражкой. Онъ кончилъ курсъ въ 1-й московской гимназіи и пробылъ года два въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ: но потомъ, какъ онъ самъ говорилъ, „увлекся военной службой" и поступилъ въ кирасирскую дивизію. Квартируя съ полкомъ на Донцѣ и ѣздя съ офицерами по помѣщикамъ, онъ познакомился съ моею матерью, Е. С. (Екатериной Степановной), тогда еще Акимовою, и въ 1848 году женился.

Ея отецъ, помѣщикъ Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. отставной морской офицеръ, былъ человѣкъ очень образованный и рѣд-

ко-хорошій. Отношенія его къ крестьянамъ были такъ необыкновенны въ то время, что окрестные помѣщики прославили его опаснымъ вольнодумцемъ, а потомъ — и помѣшаннымъ. Помѣшательство его состояло, между прочимъ, въ томъ, что въ голодъ 1843 года, когда въ тѣхъ мѣстахъ чуть не пол-населенія вымерло отъ голоднаго тифа и цынги, онъ заложилъ имѣніе, занялъ денегъ и самъ привезъ „изъ Россіи“ большое количество хлѣба, который и роздалъ голодавшимъ мужикамъ, своимъ и чужимъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ очень рано, оставивъ пятерыхъ дѣтей; старшая, моя мать, была еще дѣвочкой, но его заботы о воспитаніи ея принесли плоды, и послѣ его смерти попрежнему выписывались учителя и книги, такъ что ко времени выхода замужъ моя мать сдѣлалась хорошо образованной дѣвушкой, а по тогдашнему времени и для глухихъ мѣстъ Екатеринославской губерніи—даже рѣдко образованной.

Я родился третьимъ (въ имѣніи бабушки, въ Бахмутскомъ уѣздѣ) 2-го февраля 1855 года, за двѣ недѣли до смерти Николая Павловича. Какъ сквозь сонъ помню полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ колетахъ и волосатыхъ каскахъ. Вмѣстѣ съ полкомъ мы часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто; много смутныхъ воспоминаній сохранилось въ моей памяти изъ этого времени, но разсказать я ничего не могу, боясь ошибиться въ фактахъ. Въ 1858 году отецъ, получивъ наслѣдство отъ умершаго дѣда, вышелъ въ отставку, купилъ домъ въ Старобѣльскѣ, въ 12 верстахъ отъ котораго было наше имѣнье, и мы стали жить тамъ. Во время освобожденія крестьянъ отецъ участвовалъ въ харьковскомъ комитетѣ членомъ отъ Старобѣльскаго уѣзда. Я въ это время выучился читать: выучилъ меня по старой книжкѣ „Современника“ (статьи не помню) нашъ домашній учитель П. В. Завадскій, впослѣдствіи сосланный за безпорядки въ харьковскомъ университетѣ—въ Петрозаводскъ и теперь уже давно умершій.

Пятый годъ моей жизни былъ очень бурный: меня возили изъ С. (Старобѣльска) въ Харьковъ, изъ Х. (Харькова) въ Одессу, оттуда въ Х. (Харьковъ) и назадъ въ С. (Старобѣльскъ) (все это на почтовыхъ, зимою, лѣтомъ и осенью); нѣкоторыя сцены оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и, быть-можетъ, слѣды на характерѣ. Преобладающее на моей физіономіи печальное выраженіе, вѣроятно, получило свое начало въ ту эпоху.

Старшихъ братьевъ отправили въ Петербургъ; матушка поѣхала съ ними, а я остался съ отцомъ. Жили мы съ нимъ то въ деревнѣ, въ степи, то въ городѣ, то у одного изъ моихъ дядей въ С. (Старобѣльскомъ) же уѣздѣ. Никогда, кажется, я не перечиталъ такой массы книгъ, какъ въ три года жизни съ отцомъ, отъ пяти до восьмилѣтняго возраста. Кромѣ разныхъ дѣтскихъ книгъ (изъ которыхъ особенно памятенъ мнѣ превосходный „Міръ Божій“ Разина), я перечиталъ все, что могъ едва понимать изъ „Современника“, „Времени“ и другихъ журналовъ за нѣ-

сколько лѣтъ. Сильно на меня подѣйствовала Бичеръ-Стоу („Хижина дяди Тома“ и „Жизнь негровъ“). До какой степени свободенъ былъ я въ чтеніи, можетъ показать фактъ, что я прочелъ „Соборъ парижской Богоматери“ Гюго въ семь лѣтъ и, перечитавъ его въ 25, не нашелъ ничего новаго, а „Что̀ дѣлать?“ читалъ по книжкамъ въ то самое время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости. Это раннее чтеніе было, безъ сомнѣнія, очень вредно. Тогда же я читалъ Пушкина, Лермонтова („Герой нашего времени“ остался совершенно непонятымъ, кромѣ Бэлы, объ которой я горько плакалъ), Гоголя и Жуковскаго. Въ 1863 г. матушка пріѣхала за мною изъ Петербурга и увезла съ собою. 15-го августа въѣхали мы въ него послѣ путешествія изъ Старобѣльска до Москвы на перекладныхъ и отъ Москвы по желѣзной дорогѣ; помню, что Нева привела меня въ неописанный восторгъ (мы жили на Вас. остр.), и я началъ даже съ извозчика сочинять къ ней стихи съ риомами „широка“ и „глубока“.

Съ тѣхъ поръ я—петербургскій житель, хотя часто уѣзжалъ въ разныя мѣста. Два лѣта провелъ у П. В. Завадскаго въ Петрозаводскѣ; потомъ одно на дачѣ около Петербурга; потомъ жилъ въ Сольцѣ, Псковской губ., около полугода; нѣсколько лѣтъ живалъ по лѣтамъ въ Старобѣльскѣ, въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ Орловской губерніи, на Шекснѣ (въ Кирилловскомъ уѣздѣ). Послѣдній мой отъѣздъ изъ Петербурга былъ очень продолжителенъ, я прожилъ около $1^1/_2$ лѣтъ въ деревнѣ у одного изъ своихъ дядей, В. С. Акимова, въ Херсонскомъ уѣздѣ, на берегу Бугскаго лимана.

Въ 1864 году меня отдали въ 7-ю спб. гимназію, въ 12-й л. Вас. остр. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особенною лѣностью: много времени уходило на постороннее чтеніе. Во время курса я два раза болѣлъ и разъ остался въ классѣ по лѣности, такъ что семилѣтній курсъ для меня превратился въ десятилѣтній, что̀, впрочемъ, не составляло для меня большой бѣды, такъ какъ я поступилъ въ гимназію 9 лѣтъ. Хорошія отмѣтки я получалъ только за русскія „сочиненія“ и по естественнымъ наукамъ, къ которымъ я чувствовалъ сильную любовь, не умершую и до сихъ поръ, но не нашедшую себѣ приложенія. Математику искренно ненавидѣлъ, хотя трудна она мнѣ не была, и старался по возможности избѣгать занятій ею. Наша гимназія въ 1866 году была преобразована въ реальную гимназію и долго служила образцовымъ заведеніемъ для всей Россіи (теперь она 1-е реальное училище). Мнѣ рѣдко случалось видѣть воспитанниковъ, которые сохранили бы добрую память о своемъ учебномъ заведеніи; что касается до седьмой гимназіи, то она оставила во мнѣ самыя дружелюбныя воспоминанія. Къ В. Ѳ. Эвальду (директоръ въ мое время, директоръ и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошія чувства. Изъ учителей я съ благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Ѳедорова (ест. исторія); послѣдній былъ превосходный человѣкъ и превосходный учи-

тель, къ сожалѣнію, погубленный рюмочкой. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Начиная съ 4-го класса, я началъ принимать участіе (количественно, впрочемъ, весьма слабое) въ гимназической литературѣ, которая одно время у насъ пышно цвѣла. Одно изъ изданій, „Вечерняя газета“, выходило еженедѣльно аккуратно въ теченіе года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью „Агасферъ“) пользовались успѣхомъ. Тогда же я подъ вліяніемъ „Иліады“ сочинилъ поэму (гекзаметромъ) въ нѣсколько сотъ стиховъ, въ которой описывался нашъ гимназическій бытъ, преимущественно — драки.

Будучи гимназистомъ, я только первые три года жилъ въ своей семьѣ. Затѣмъ мы съ старшими братьями жили на отдѣльной квартирѣ (имъ тогда было 16 и 17 лѣтъ); слѣдующій годъ прожилъ у своихъ дальнихъ родственниковъ, потомъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи; два года жилъ въ семьѣ знакомыхъ петербургскихъ чиновниковъ и наконецъ былъ принятъ на казенный счетъ.

Передъ концомъ курса я выдержалъ тяжелую болѣзнь, отъ которой едва спасся послѣ полугодового лѣченья. Въ это же время застрѣлился мой второй братъ...

Не имѣя возможности поступить въ университетъ, я думалъ сдѣлаться докторомъ. Многіе изъ моихъ товарищей (предыдущихъ выпусковъ) попали въ Медицинскую академію и теперь доктора. Но какъ разъ ко времени моего окончанія курса Деляновъ подалъ записку покойному государю, что вотъ, молъ, реалисты поступаютъ въ Медицинскую академію, а потомъ проникаютъ изъ академіи и въ университетъ. Тогда было приказано реалистовъ въ доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь изъ техническихъ заведеній: я выбралъ то, гдѣ поменьше математики, — Горный институтъ. Я поступилъ въ него въ 1874 году. Въ 1876 хотѣлъ уйти въ Сербію, но, къ счастью, меня не пустили, такъ какъ я былъ призывнаго возраста. 12-го апрѣля 1877 г. я съ товарищемъ (Аѳанасьевымъ) готовился къ экзамену изъ химіи; принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки такъ и остались открытыми: мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ. Въ кампаніи я былъ до 11-го августа, когда былъ раненъ. Въ это же время, въ походѣ, я написалъ свою первую, напечатанную въ „От. Зап.“, вещь „Четыре дня“. Поводомъ къ этому послужилъ дѣйствительный случай съ однимъ изъ солдатъ нашего полка (скажу кстати, что самъ я ничего подобнаго никогда не испыталъ, такъ какъ послѣ раны былъ сейчасъ же вынесенъ изъ огня).

Вернувшись съ войны, я былъ произведенъ въ офицеры, съ большимъ трудомъ вышелъ въ отставку (теперь опять меня зачислили въ запасъ). Нѣкоторое время (1/2 г.) слушалъ лекціи въ университетѣ (по историко-филологическому факультету). Въ 1880 г. заболѣлъ и по этому-то случаю прожилъ долго въ деревнѣ у дяди. Въ 1882 г. вернулся въ Петер-

бургъ, въ 1883 г. женился на Н. М. (Надеждѣ Михайловнѣ) Золотиловой; въ томъ же году поступилъ на службу секретаремъ въ желѣзнодорожный съѣздъ.

23 августа 1884 г. СПБ.

II.

Воспоминанія о Вс. Гаршинѣ въ разныя эпохи его жизни.

1) Воспоминанія брата, Евгенія Михайловича.

Братъ мой родился рано утромъ, въ деревнѣ „Пріятная", въ долинѣ Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Это было имѣніе нашей покойной бабки А. С. Акимовой. Дворовые люди ея и комнатная прислуга, чистокровные малороссы, въ виду существующаго въ Малороссіи повѣрья, тотчасъ же заговорили по поводу рожденія будущаго писателя: „Сэ якась не прòста людина буде: тильки що видрами бабы брязнули, а винъ тутъ и найшовсь. У весь вікъ ёго люди объ ёмъ гомонитымуть". То-есть: „не простой изъ него человѣкъ выйдетъ: только-что бабы ведрами звякнули, онъ такъ тутъ и появился. Весь вѣкъ будутъ люди объ немъ толковать".

Пророчество это сбылось: проживъ всего 33 года, онъ своимъ талантомъ заставилъ много говорить о себѣ...

Въ раннемъ дѣтствѣ Всеволодъ былъ необыкновенно красивъ, добръ, кротокъ и пользовался общей любовью всѣхъ окружающихъ. Ему было года четыре, когда однажды, при выходѣ изъ церкви въ праздничный день, одинъ старый, почтенный генералъ, совершенно незнакомый моей матери, подошелъ къ ней представиться и сталъ восхищаться прекраснымъ мальчикомъ.

— Вашъ сынъ удивительно хорошъ, — сказалъ онъ: — но эта красота не ангельская: болѣе всего онъ напомнилъ мнѣ Іоанна Крестителя, какъ его изображаютъ съ агнцемъ. Я именно такого видѣлъ за границей, въ Дрезденской галлереѣ.

Такова дѣйствительно была своеобразная красота Всеволода. Она невольно влекла къ нему. Въ особенности прекрасны были его глаза— большіе, свѣтло-каріе, съ длинными рѣсницами. Уже съ дѣтства свѣтились въ нихъ и доброта, и кротость, и какая-то грусть. Такими они остались и въ юности, и въ зрѣломъ возрастѣ; и поэтъ (Н. М. Минскій-Виленкинъ), надъ могилою его, въ двухъ строкахъ совершенно вѣрно изобразилъ эти чудесные глаза:

„Я ничего не зналъ прекраснѣй и печальнѣй
Лучистыхъ глазъ твоихъ"...

Еще тогда, четырехъ лѣтъ отъ роду, этотъ мальчикъ, похожій на Іоанна Крестителя, уже выказывалъ наклонность къ подвигамъ само-

отверженія. Отецъ нашъ былъ отставной военный. Въ городѣ, гдѣ тогда жила наша семья (Старобѣльскъ, Харьк. губ.) постоянно смѣнялись квартировавшіе тамъ кавалерійскіе полки. Офицеры часто бывали у насъ въ домѣ. Велись безконечные разговоры о только-что окончившейся, памятной каждому русскому восточной войнѣ (1853—1856), о славной оборонѣ Севастополя, въ которой участвовали и двое братьевъ нашей матери. Впечатлительный ребенокъ рано узналъ, что̀ такое родина, царь, русская беззавѣтная храбрость, долгъ, тяжелые походы. Онъ ко всему прислушивался, всѣмъ интересовался. Но особенно любилъ онъ слушать разсказы нашего слуги М. Я. Жукова, который всю жизнь провелъ въ походахъ, состоя на службѣ при командирѣ одного изъ гусарскихъ полковъ. Тяжкая болѣзнь заставила Жукова пролежать нѣсколько времени въ больницѣ нашего городка. Въ это время полкъ ушелъ на новую стоянку, а Жуковъ, по выздоровленіи, поступилъ къ намъ въ домъ. Онъ, какъ и всѣ, полюбилъ маленькаго Всеволода и по цѣлымъ часамъ занималъ его своими разсказами. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, у Всеволода явилась мысль о необходимости итти въ походъ— служить царю и отечеству. И вотъ онъ начиналъ собираться въ путь: заказывалъ повару на дорогу пирожки, собиралъ нѣсколько бѣлья, все увязывалъ въ узелокъ, надѣвалъ его на плечи и являлся прощаться съ домашними.

И эти сборы не были игрой: мальчикъ искренно вѣрилъ въ возможность немедленно сдѣлаться солдатомъ и печальный и грустный приходилъ онъ къ матери.

— Прощайте, мама,—говорилъ онъ: — что̀ же дѣлать, всѣ должны служить.

— Но ты подожди, пока выростешь, — отвѣчала мать: — куда же тебѣ итти, голубчикъ, такому малому?

— Нѣтъ, мама, я долженъ.

И глаза его наполнялись слезами.

Но вотъ доходила очередь до прощанья съ няней, тоже принимавшей дѣятельное участіе въ этихъ сборахъ. Няня начинала голосить и причитывать, какъ надъ заправскимъ новобранцемъ, Всеволодъ заливался горькими слезами и наконецъ соглашался на убѣжденія матери отложить походъ до утра. Утро вечера мудренѣе, — говоритъ пословица, и нашъ Всеволодъ, проснувшись утромъ, совершенно забывалъ о вчерашнемъ; но недѣли черезъ двѣ снова возвращался къ тому же, такъ что мать окончательно запретила прислугѣ поддерживать въ немъ столь ранній геройскій духъ.

Мои личныя воспоминанія о братѣ Всеволодѣ относятся къ тому времени, когда мнѣ было лѣтъ 5—6, а ему 10—11. У старшихъ братьевъ бываетъ иногда дурная привычка относиться къ меньшимъ свысока. Ничего подобнаго никогда не было въ отношеніяхъ Всеволода ко мнѣ. Живо помнится мнѣ лѣто на дачѣ подъ Петербургомъ, близъ пороховыхъ

выхъ заводовъ. Братъ, который первые годы своего дѣтства провелъ среди южной степной природы и деревенской обстановки, былъ моимъ ревностнымъ, снисходительнымъ и терпѣливымъ менторомъ, стараясь изъ маленькаго городского увальня сдѣлать смѣлаго мальчика. Ему исключительно я обязанъ своимъ умѣньемъ плавать. Въ первое лѣто, которое мы проводили въ деревнѣ, меня насильно тащили въ рѣку, а на третье лѣто я уже плавалъ довольно порядочно, и не могу забыть того удовольствія, какое я доставилъ брату, въ первый разъ переплывши нашу довольно широкую рѣку Айдару (притокъ Сѣв. Донца). Нечего говорить, что онъ плылъ въ этотъ разъ около меня, да и не онъ одинъ, но и всѣ наши пріятели, подростки со всего города, которыхъ врядъ ли мы знали и по именамъ, но всегда встрѣчались съ ними на „пристѣнѣ". Такъ назывался въ нашемъ городѣ возвышенный берегъ рѣки, прорытый террасами для удобства купающихся. Братъ былъ превосходный пловецъ: онъ могъ по нѣскольку часовъ держаться на водѣ, проплывая громадныя разстоянія, „доставая дно" на самыхъ глубокихъ мѣстахъ, и смѣло нырялъ. Впрочемъ, онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что и ему плаванье долго не давалось, и что девяти лѣтъ онъ еще совсѣмъ не умѣлъ плавать. Въ этомъ возрастѣ онъ, вмѣстѣ со старшими братьями, провелъ цѣлое лѣто у нашихъ друзей З. (Завадскихъ), въ г. Петрозаводскѣ и его окрестностяхъ. Здѣсь на каникулы собралось много молодежи, и купанье, конечно, составляло необходимую потребность и лучшее развлеченіе. Всеволодъ не рѣшался плавать, но однажды кто-то предложилъ ему занести его на близълежащій островокъ и тамъ оставить, на что братъ охотно согласился. Онъ оставался на островкѣ до тѣхъ поръ, пока самъ не рѣшился пуститься обратно вплавь; его подбадривала мысль, что его жестокіе друзья у него въ виду, и что они, конечно, окажутъ ему помощь, если бы онъ сталъ тонуть. Нечего и говорить, что этого перваго урока было болѣе чѣмъ достаточно. Черезъ два года братъ относился къ водѣ совершенно неустрашимо.

Ранней весной 1867 г., передъ самой Пасхой, Всеволода, въ виду его крайне болѣзненнаго вида и общей слабости, взяли домой отъ экзаменовъ при переходѣ въ третій классъ, предпочитая, чтобы онъ окрѣпъ физически, тѣмъ болѣе, что возрастъ вполнѣ позволялъ ему просидѣть лишній годъ въ классѣ. Это лѣто мы проводили въ большомъ селѣ, расположенномъ на берегу широкой сплавной рѣки Шелони. Занимаемый нами домъ выходилъ заднимъ фасадомъ къ маленькой, но весною бурливой рѣчонкѣ, впадающей въ Шелонь. И вотъ нашъ Всеволодъ, не смущаясь тѣмъ, что на рѣкѣ еще не прошелъ ледъ, собственноручно сколотилъ изъ какихъ-то старыхъ досокъ плотъ, вооружился самодѣльнымъ же двухконечнымъ весломъ и спустился по малой рѣчкѣ въ Шелонь. Къ счастью, его скоро замѣтили между льдинъ: поднялась тревога; нѣсколько опытныхъ пловцовъ бросились за нимъ и чуть не насильно вернули домой. Въ это же время мы съ нимъ часто катались на собакѣ.

У мѣстнаго аптекаря былъ громадный водолазъ, пріученный ходить въ санкахъ и дрожкахъ. Пока я ѣздилъ одинъ, дѣло шло хорошо, но первая же наша поѣздка со Всеволодомъ на бѣговыхъ дрожкахъ обошлась не совсѣмъ благополучно: быть-можетъ, нашему псу не понравилась излишняя тяжесть, но только мы проѣхали очень немного и едва лишь взобрались на гать передъ мостомъ, какъ нашъ кудластый рысакъ, увидя подъ гатью, на берегу рѣки, большое сборище собакъ, опрометью кинулся къ своимъ — врагамъ или друзьямъ, я не знаю, а мы полетѣли съ дрожекъ; къ счастью, вся исторія кончилась неудержимымъ хохотомъ.

Какъ только появились грибы, Всеволодъ со страстью принялся за ихъ собираніе. Онъ уходилъ рано утромъ и возвращался поздно вечеромъ, пропадая цѣлыми днями въ окрестныхъ лѣсахъ. Въ менѣе отдаленныя экспедиціи онъ увлекалъ и меня, постоянно обращая мое вниманіе на разныя явленія природы. Въ этихъ прогулкахъ насъ сопровождала — кто бы вы думали, читатель? Ручная, выросшая у насъ галка. Она летѣла низко, рядомъ съ нами, и часто садилась отдыхать на плечо или на голову брата Всеволода, котораго особенно любила. Когда впослѣдствіи лошадь отдавила ей ногу и она умерла, оба мы горько плакали.

По любви брата моего къ природѣ, въ немъ всѣ предвидѣли будущаго естествоиспытателя. Всѣхъ окружающихъ очень занималъ мальчикъ, постоянно возившійся съ лягушками, ящерицами и жуками. Однажды онъ распоролъ брюхо лягушки, разсмотрѣлъ ея внутренности, затѣмъ аккуратно зашилъ, приложилъ деревяннаго масла, обвязалъ тоненькимъ бантикомъ, и лягушка послѣ этого ускакала.

Для старшихъ братьевъ мать выписывала довольно много книгъ и лучшіе тогдашніе журналы: „Подснѣжникъ“ и „Журналъ для дѣтей“. Когда братья поступили въ Морской корпусъ, книги были уложены въ сундукъ, отданный черезъ нѣсколько времени въ безконтрольное распоряженіе уже подросшаго Всеволода. Покойный Всеволодъ неоднократно съ благодарностью говаривалъ, что многими положительными знаніями онъ обязанъ исключительно прочитанному въ вышесказанныхъ книгахъ.

Увлеченный въ гимназіи уроками естествознанія, онъ на слѣдующее лѣто снова пропадаетъ цѣлыми днями въ поляхъ и лѣсахъ, предаваясь ботанизированію.

Мнѣ живо вспоминаются первыя числа августа 1868 г. Мы съ матерью тогда уже переѣхали на югъ, въ Старобѣльскъ, и Всеволодъ, проведя у насъ все лѣто, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, въ гимназію. До желѣзной дороги (т.-е. до Воронежа) было отъ насъ около 300 верстъ, и онъ отправился туда съ знакомыми барынями, ѣхавшими на богомолье. Какъ теперь вижу эту картину: у крыльца нашего дома стоитъ своеобразный экипажъ — просторная малороссійская телѣга съ верхомъ, защищающимъ отъ вѣтра и дождя. Вся компанія плотно усаживается. Всеволодъ, конечно, не садится до послѣдней ми-

нуты. Онъ долго прощается со всѣми домашними. Черезъ плечо у него, на широкой лентѣ, повѣшены двѣ довольно большія клеенчатыя сумки. Въ этихъ сумкахъ цѣлое богатство: гербарій, собранный имъ въ теченіе лѣта; каждое растеніе тщательно высушено, аккуратно расправлено на листѣ бѣлой бумаги и систематически разложено между страницами толстой книги „Московская флора“ Кауфмана.

Шли годы. Братъ продолжалъ учиться въ Петербургѣ, въ 1874 году кончилъ курсъ въ здѣшнемъ первомъ реальномъ училищѣ и поступилъ въ Горный институтъ. Каждое лѣто и даже каждое Рождество Всеволодъ пріѣзжалъ къ намъ въ Харьковъ, куда наша мать переѣхала теперь ради моего воспитанія.

Весной 1877 года, когда 12-го апрѣля былъ объявленъ манифестъ о войнѣ за освобожденіе Болгаріи, Всеволодъ бросилъ экзамены при переходѣ со второго на третій курсъ Горнаго института и, вмѣстѣ съ однимъ своимъ товарищемъ, отправился въ дѣйствующую армію. Въ Кишиневѣ они поступили рядовыми въ 138-й Болховской пѣхотный полкъ и немедленно выступили въ походъ, впослѣдствіи такъ живо описанный Всеволодомъ въ его повѣсти: „Изъ записокъ рядового Иванова“. Черезъ всю Румынію, до перехода черезъ Дунай при Систовѣ, Всеволодъ шелъ пѣшкомъ, терпѣливо, наравнѣ съ солдатами, перенося усталость и проливные дожди, не оставлявшіе на нашихъ солдатахъ ни одной, что̀ называется, сухой нитки. Не обращая вниманія на физическія лишенія, Всеволодъ былъ пламенно увлеченъ походомъ. Его искренно любили солдаты, съ которыми онъ дѣлилъ горе и радость, и въ этихъ простыхъ людяхъ, одѣтыхъ въ сѣрыя шинели, онъ изучалъ русскій народъ.

Въ первомъ сраженіи, въ которомъ Всеволодъ принималъ участіе, поле битвы осталось за турками, которые однако тоже не удержали своей позиціи. Какъ только они ушли изъ этой мѣстности, командиръ той части войска, гдѣ служилъ Всеволодъ, распорядился отправить отрядъ, который долженъ былъ озаботиться погребеніемъ павшихъ въ сраженіи. Но каково же было радостное изумленіе нашего отряда, когда среди труповъ оказался живой человѣкъ—солдатъ того же Болховского полка, четыре дня остававшійся на полѣ сраженія съ перебитыми ногами, безъ пищи и безъ воды. Этотъ случай оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ Всеволода и послужилъ впослѣдствіи темой для его разсказа: „Четыре дня“.

Вскорѣ затѣмъ наступило и второе сраженіе при Аясларѣ, среди высотъ, облегающихъ городъ Рущукъ; наши войска отчаянно бились съ турками, которые давили ихъ страшными массами, отстаивая каждую пядь земли. Болховской полкъ, въ рядахъ котораго сражался Всеволодъ, медленно отступалъ, продолжая отстрѣливаться; братъ, не замѣтивъ этого, оставался на прежней позиціи, поминутно стрѣляя, и такимъ образомъ едва не попалъ въ плѣнъ. Однако товарищи во̀-время замѣтили, въ какой опасности онъ находился, ринулись на выручку своего

однополчанина и тѣмъ увлекли въ наступленіе и весь русскій отрядъ, дѣйствовавшій на Аясларскихъ высотахъ. Всеволодъ былъ раненъ въ лѣвую ногу навылетъ, и его отнесли на перевязочный пунктъ. Въ военномъ отчетѣ объ этомъ дѣлѣ было сказано, что „рядовой изъ вольноопредѣляющихся, Всеволодъ Гаршинъ, примѣромъ личной храбрости увлекъ своихъ товарищей въ атаку и тѣмъ способствовалъ успѣху дѣла". Рота единогласно присудила ему Георгіевскій крестъ, котораго однако онъ почему-то не получилъ, но зато былъ представленъ къ производству въ офицеры. Главной же наградой для него было возвращеніе на родину, къ матери, въ Харьковъ, куда онъ былъ отправленъ на излѣченіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на это мы, домашніе, искренно радуясь, что братъ отдѣлался легкой раной, не угрожавшей ни изуродованію его, ни подкосить его здоровье, и что, оставляя театръ военныхъ дѣйствій въ августѣ мѣсяцѣ, онъ такимъ образомъ избавлялся отъ всѣхъ ужасовъ зимняго похода. Помню, съ какимъ торжествомъ я и мои товарищи, гимназисты VII—VIII класса, перевозили Всеволода изъ офицерскихъ бараковъ, куда его доставили прямо съ поѣзда, въ нашу маленькую квартирку. Всеволодъ быстро сталъ поправляться, и уже черезъ недѣлю его никакъ нельзя было заставить лежать неподвижно въ постели: его живая натура не переносила такого стѣсненія. Онъ приспособился какъ-то ползать на рукахъ, вытянувъ впередъ плотно забинтованную ногу, и такимъ образомъ путешествовалъ по всѣмъ нашимъ тремъ комнатамъ. Еще въ Болгаріи, лежа въ лазаретѣ Краснаго Креста, Всеволодъ набросалъ свой разсказъ „Четыре дня". Теперь же въ Харьковѣ онъ тщательно обработалъ его и поручилъ одному своему другу, ѣхавшему въ Петербургъ, снести рукопись въ редакцію журнала „Отечественныя Записки". Черезъ двѣ-три недѣли разсказъ появился въ октябрьской книжкѣ этого журнала и вызвалъ всеобщій восторгъ. Разсказъ этотъ, переведенный почти на всѣ иностранные языки, облетѣлъ Европу. Вся читающая Россія, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ тогда ужасовъ войны, была глубоко тронута правдивымъ описаніемъ трагическаго эпизода, описаннаго въ „Четырехъ дняхъ". Имя Всеволода сразу сдѣлалось извѣстнымъ; его карточки, на которыхъ онъ изображенъ въ сѣрой солдатской шинели, покупались нарасхватъ въ мѣстной фотографіи, а самъ Всеволодъ оставался все такимъ же милымъ, скромнымъ и застѣнчивымъ. Особенно конфузился онъ, когда весной слѣдующаго 1878 года его произвели въ офицеры; ему было неловко въ новой формѣ, и его стѣсняла обязанность нижнихъ чиновъ отдавать ему честь.

Старшая сестра нашего отца прочитала разсказъ „Четыре дня", написанный отъ перваго лица, и поняла (точно такъ же, какъ это поняли многіе другіе), что все разсказанное случилось съ самимъ Всеволодомъ. Встревоженная старушка немедленно написала моей матери, чтобы та поскорѣе разъяснила ей, такъ ли это? И, успокоившись, упросила насъ

съ братомъ, чтобы мы пріѣхали къ ней показаться, такъ какъ раньше она насъ никогда еще не видала.

Это лѣто, проведенное въ Орловской губерніи, въ привольномъ имѣньи нашей покойной тетки, было предпослѣднимъ, когда я видѣлъ Всеволода веселымъ, бодрымъ и вполнѣ здоровымъ, и когда онъ съ увлеченіемъ предавался незамысловатымъ лѣтнимъ удовольствіямъ. Слѣдующую весну 1879 г. онъ снова былъ уже въ Харьковѣ, вмѣстѣ со своими друзьями, молодыми художниками. Я тогда кончалъ курсъ въ гимназіи, и всѣ мои товарищи были друзьями Всеволода, несмотря на разницу въ лѣтахъ. Мы, окончившіе курсъ гимназисты, молодые художники, теперь уже составившіе себѣ извѣстность, и братъ—молодой писатель, составляли пеструю, веселую толпу молодежи, предъ которой раскрывалась жизнь со всѣми ея радостями и горестями. Предводимые энергичнымъ Всеволодомъ, который славился среди насъ своей неутомимостью въ ходьбѣ, мы ежедневно дѣлали огромныя прогулки по живописнымъ окрестностямъ Харькова.

Въ концѣ лѣта братъ отправился путешествовать по Россіи, навѣщая своихъ друзей, которыхъ у него было безчисленное множество.

Но съ этихъ поръ пошли тяжелые годы для нашей семьи. Всеволодъ продолжалъ писать, но гораздо меньше прежняго, служилъ, женился, но дѣтей не имѣлъ, и каждое лѣто страдалъ безпредметной и безпричинной тоской...

---

2) Воспоминанія дяди, В. С. Акимова.

Я познакомился со Всеволодомъ въ маѣ 1857 года. Ему было два года. Это былъ забавный бутузъ, только-что начавшій болтать,—общій баловень въ семьѣ. Когда онъ начиналъ капризничать, нашъ старый лакей Дмитрій пугалъ его „Грицькомъ“, и этотъ фантастическій Грицько приводилъ ребенка въ такой ужасъ, что, при одномъ произнесеніи страшнаго имени, онъ глоталъ слезы и утихалъ. Помню, что онъ любилъ молиться Богу и усердно поминалъ „дѣкаку“ и „бакаку“ (дѣдушку и бабушку). Часто онъ изображалъ святогорскаго іеродьякона и, надѣвъ на себя простыню въ видѣ мантіи, съ линейкой въ рукѣ, изображавшей свѣчу, прохаживался по комнатамъ, возглашая: „Возстаните!“. Позже, въ началѣ 1860 года, онъ пріѣзжалъ съ матерью ко мнѣ въ Одессу, куда я только-что возвратился изъ лондонскаго плаванія на пароходѣ „Веста“ (впослѣдствіи знаменитомъ). Это былъ уже пятилѣтній мальчикъ, очень кроткій, серьезный и симпатичный, носившійся постоянно съ „Міромъ Божьимъ“ Разина, который онъ оставлялъ только ради излюбленнаго имъ рисованія. У меня до сихъ поръ сохраняются мои замѣтки о плаваніи, совершенно имъ испорченныя изображеніями на каждой страницѣ „Весты“. Затѣмъ я совсѣмъ потерялъ его изъ вида и

о ходѣ его воспитанія и образованія зналъ только по письмамъ его матери, моей сестры.

Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка я встрѣтилъ его въ Харьковѣ возвратившимся съ войны раненымъ унтеромъ. Я съ любопытствомъ осматривалъ его, какъ героя и автора „Четырехъ дней", сдѣлавшихъ на меня глубокое и грустное впечатлѣніе. Мы очень съ нимъ подружились и вели продолжительныя бесѣды, преимущественно о ботаникѣ, въ которой онъ былъ очень силенъ; но вообще мнѣ грустно было его видѣть: блуждающіе, какіе-то тревожные глаза, лихорадочная торопливость разговора, внезапные припадки раздражительности при малѣйшемъ противорѣчіи—все это явно показывало, что малый нехорошъ.

Пропускаю тяжелый періодъ пребыванія его на „Сабуровой дачѣ", гдѣ я навѣщалъ его во время моихъ пріѣздовъ въ Харьковъ. Я не могъ безъ слезъ видѣть его въ этой ужасной обстановкѣ, которая, къ счастью, продолжалась недолго.

Зимой 1880 года, возвращаясь изъ Петербурга чрезъ Харьковъ, я нашелъ Всеволода въ ужасномъ положеніи: у него былъ столбнякъ, прерываемый иногда только безпричинными слезами; вызвать его на разговоръ, даже мнѣ, которому онъ показывалъ столько дружбы, не удавалось. Тогда, въ виду особыхъ причинъ, о которыхъ здѣсь считаю лишнимъ распространяться, у меня родилась мысль увезти его къ себѣ за 600 верстъ и поставить въ совершенно другую обстановку и другія условія жизни, устранивъ отъ него все то многое, что въ Харьковѣ никакимъ образомъ не могло способствовать улучшенію его бѣдственнаго положенія. Получивъ согласіе сестры и Евгенія (родного брата Всеволода), я предложилъ Всеволоду погостить у меня въ Ефимовкѣ, пока не надоѣстъ, на что онъ отвѣчалъ: „Вы вѣдь знаете, дядя, что я не имѣю ни воли ни желаній; если вы находите нужнымъ взять меня, я поѣду, если нѣтъ,—мнѣ все равно". Я объяснилъ ему, что нахожу нужнымъ, и увезъ. Мы вдвоемъ занимали цѣлый вагонъ, и я съ радостью увидѣлъ, что, по мѣрѣ удаленія отъ Харькова, расположеніе духа больного мѣняется; онъ, по моему предложенію, съ любопытствомъ принялся рыться въ моемъ чемоданѣ, гдѣ находились разныя механическія игрушки, купленныя мною дѣтямъ, и не могъ не засмѣяться при видѣ медвѣдя, ходившаго съ ревомъ по вагону; особенно же его заняла очень сильная крысоловка, и онъ сталъ выражать капризное раздраженіе по случаю невозможности примѣнить ее сейчасъ же къ дѣлу,—потомъ, придавивъ себѣ весьма сильно палецъ, самъ разсмѣялся надъ своимъ ребячествомъ. Эта крысоловка впослѣдствіи оказала мнѣ важную услугу, такъ какъ она въ продолженіе двухъ недѣль занимала его; онъ съ увлеченіемъ принялся истреблять крысъ, которыхъ было множество въ амбарахъ. Заведенъ былъ журналъ, въ которомъ ежедневно отмѣчалось число казненныхъ животныхъ, съ особой графой примѣчаній: „съ крысами тихо",

„крысы въ угнетеніи“, „твердое настроеніе“ и проч. Кончилось тѣмъ, что ловушка безслѣдно исчезла, и мы пришли къ предположенію, что въ нее попался хорекъ, который и утащилъ ее на себѣ въ свою невѣдомую нору.

Несмотря однако на видимую рѣзкую перемѣну, почти сразу обнаружившуюся въ моемъ дорогомъ больномъ, первое время его пребыванія у меня было очень тяжелое: иногда, среди живого и веселаго разговора, онъ вдругъ задумывался и обводилъ всѣхъ страннымъ, блуждающимъ взоромъ: не проходило почти ночи, чтобы онъ не сдѣлалъ тревоги внезапными, громкими рыданіями, которыя прекращались очень трудно. Такое положеніе продолжалось недѣли три. Тѣмъ временемъ я понемногу начиналъ вводить его въ систему задуманнаго мною лѣченія, которая заключалась въ слѣдующемъ: полное изолированіе отъ всего зaефимовскаго міра, кромѣ матери, братьевъ и В. А. Фауссека, къ которому онъ всегда относился съ самой нѣжной дружбой; постоянное, хоть и молчаливое сообщество кого-нибудь изъ насъ; какъ можно больше движенія и физическаго труда и никакихъ литературныхъ занятій, кромѣ любимаго имъ писанія писемъ на родину моимъ рабочимъ. Впрочемъ, впослѣдствіи я уступилъ его желанію заняться переводомъ на русскій языкъ повѣсти „Colomba“ найденной имъ въ библіотекѣ моей, между статьями журнала „La Revue des Revues“ 40-хъ годовъ; этотъ трудъ онъ объяснялъ желаніемъ усовершенствоваться во французскомъ языкѣ, да я и не видѣлъ въ такомъ занятіи ничего противорѣчившаго моему плану, такъ какъ это было чисто-механическое дѣло. Не знаю, что̀ сталось съ этой повѣстью,—брульоны же я оставилъ себѣ на память.

День у насъ начинался обыкновенно катаньемъ на конькахъ до 8 часовъ утра, несмотря ни на какую погоду; въ этомъ отношеніи Всеволодъ достигъ огромныхъ успѣховъ: ему нипочемъ было сбѣгать къ святотроицкому маяку, въ 5 верстахъ, и обратно въ 40 минутъ. Послѣ чая онъ приходилъ ко мнѣ въ камеру и наблюдалъ бытовыя сцены, записывая въ то же время протоколы свидѣтельскихъ показаній. Передъ обѣдомъ опять катанье на конькахъ, потомъ возня съ дѣтьми, которыхъ онъ очень любилъ, переводъ, чтеніе газетъ и журналовъ, и наконецъ вечерняя партія въ шахматы, къ которой онъ приступалъ съ неизмѣннымъ предложеніемъ: „не хотите ли меня когтить?“ (выраженіе Тургенева); кромѣ того, одинъ часъ всегда посвящался пикету съ больной бабушкой. Почта приходила по понедѣльникамъ и пятницамъ и ожидалась съ любопытствомъ; мы получали: „Русскій Вѣстникъ“, „Голосъ“, „Старину“, „Вѣстникъ Европы“, „Ниву“, „Огонекъ“ и одну мѣстную газету; кромѣ того, Всеволоду присылались изъ Харькова „Отечественныя Записки“ и изъ Петербурга „Русское Богатство“ и „Устои“; впрочемъ, зачитываться я ему не давалъ, и какъ только онъ кончалъ своихъ излюбленныхъ Щедрина и Г. И. Успенскаго—я книги пряталъ.

Съ восторгомъ я видѣлъ, какъ мой Всеволодъ возвращался къ жизни

не по днямъ, а по часамъ; къ веснѣ онъ былъ уже неузнаваемъ: земляной цвѣтъ лица уступилъ мѣсто прекрасному здоровому румянцу, аппетитъ и сонъ—отличные, внезапная задумчивость и рыданія давно исчезли; явился настоящій Всеволодъ, съ его чудесной душой, мягкимъ, покладистымъ характеромъ и добродушнымъ юморомъ—словомъ, драгоцѣннѣйшій сожитель. Теперь онъ самымъ спокойнымъ образомъ и до мельчайшихъ подробностей разсказывалъ мнѣ самые тяжелые эпизоды изъ своей несчастной жизни—Сабурову дачу, лѣчебницу Фрея и проч.

Наступала весна 1881 года. Въ концѣ февраля я долженъ былъ ѣхать въ Египетъ и оставаться тамъ до конца апрѣля. Это время было тяжкимъ испытаніемъ для Всеволода; безъ меня насъ постигло горе, семейное—смерть моей матери и народное—смерть государя. Признаюсь, я, наслаждаясь прелестями береговъ Нила, часто задумывался о моемъ паціентѣ, тѣмъ болѣе, что и изъ писемъ его видно было, что онъ крѣпко скучалъ и томился „одиночнымъ заключеніемъ“; но безконечная доброта этого человѣка и способность пріурочиться къ даннымъ условіямъ сдѣлали то, что онъ вполнѣ вошелъ въ интересы семьи, и когда я возвратился, то не нашелъ никакихъ тревожныхъ слѣдовъ его относительнаго одиночества. Какъ-то разъ, поздней весной, я, ободренный чудеснымъ ходомъ исцѣленія Всеволода, шутя упрекнулъ его въ томъ, что онъ ничего не пишетъ; тутъ онъ сознался мнѣ, что состояніе его души въ настоящее время совершенно неудобно для литературнаго труда, и что почти все, что онъ до сихъ поръ написалъ, являлось въ то время, когда на него „находило“. Не знаю, дѣлалъ ли онъ кому-нибудь подобное признаніе, но какъ онъ былъ правъ, бѣдный! Полтора года, прожитые въ Ефимовкѣ, я считаю самымъ лучшимъ временемъ его душевнаго состоянія; между тѣмъ за это время онъ написалъ только слабѣйшій изъ своихъ разсказовъ. Помню я, какъ онъ, конфузясь и затворяя всѣ двери, прочиталъ мнѣ этотъ разсказъ и еще болѣе сконфузился, когда увидѣлъ на моемъ лицѣ незавидное мнѣніе мое объ этомъ произведеніи. Онъ поспѣшилъ увѣрить меня, что разсказъ написанъ исключительно для дѣтей г. Герда, и что онъ никогда не будетъ напечатанъ; при этомъ онъ самъ указывалъ на разныя несообразности разсказа и прежде всего на отсутствіе мысли. „Знаете ли, дядя, — говорилъ онъ: — я написалъ этотъ вздоръ только потому, что мнѣ до ребячества нравится это звукоподражаніе: „какой скандалъ!“ и выраженіе „хвостяка“, хотя это послѣднее и вставлено здѣсь ни къ селу ни къ городу. „Хвостяка“—слово чисто-хохлацкое и выражаетъ собой понятіе о тощей, забитой и запаршивѣвшей мужицкой лошаденкѣ; у меня же приведенъ гнѣдко—правда, очень старый, но статный и сытый конь, и Антонъ Дюльдинъ — настоящій орловскій кацапъ, который незнакомъ съ такимъ выраженіемъ; но что-жъ дѣлать, когда оно кажется мнѣ такимъ характернымъ. Вотъ вы мнѣ какъ-то разсказывали, какъ вамъ разъ случилось на кораблѣ ночью случайно подслушать тихое мурлыканье матроса, облокотившагося о

бортъ: это была какая-то едва слышная импровизація, изъ которой вы разслышали „отдааай швартооовъ“. Вотъ этотъ самый „швартовъ“ не даетъ мнѣ покоя: я на немъ построилъ, въ головѣ, цѣлый романъ; суровая 25-лѣтняя морская служба, оторванность отъ родной среды, оставленная молодка-жена и ребенокъ, отправленіе въ дальнее плаваніе на нѣсколько лѣтъ, неизвѣстность будущаго, тоска по родинѣ, потомъ, какъ pia desideria, выходъ въ отставку, тоже своего рода „отдай швартовъ“ *), возвращеніе въ семью... И я чувствую, что эта бездушная команда ляжетъ въ основаніе моего будущаго разсказа, если мнѣ суждено сдѣлаться когда-нибудь совсѣмъ здоровымъ человѣкомъ“. Не суждено было сбыться надеждѣ бѣднаго малаго!

Осенью 1881 года мы предприняли капитальную работу—постройку длинной пристани на сваяхъ. Мы сдѣлали на шлюпкѣ самый тщательный промѣръ съ цѣлью найти подходящую глубину и послѣ Новаго года приступили къ забивкѣ свай. Я не переставалъ радоваться при видѣ горячаго участія, съ которымъ Всеволодъ относился къ этому дѣлу; онъ почти неотлучно находился на работѣ и каждый день долженъ былъ давать на водку рабочимъ, которые въ свой неизмѣнной „Дубинушкѣ“ импровизировали въ честь его диѳирамбы въ родѣ того, что „Всеволодъ Михалычъ, нашъ милый панычъ, дастъ намъ на могорычъ“ и т. п. Особенную дружбу онъ питалъ къ старику-коперщику, извѣстному подъ названіемъ „дяди“, главная обязанность котораго была слѣдить за вертикальнымъ направленіемъ сваи, пока ее вбиваютъ. Всеволодъ часто прибѣгалъ въ домъ полюбоваться изъ окна оптической несообразностью, вслѣдствіе которой казалось, что чугунная баба не вбиваетъ сваю, а колотитъ „дядю“ по головѣ.

Вообще въ эту зиму, наблюдая тщательно за Всеволодомъ, я совершенно убѣдился, что онъ находится на пути къ спасенію. Въ одинъ весенній день 1882 года мы пріѣхали въ Николаевъ по дѣламъ. Послѣ пятичасовой бѣготни по городу, я нашелъ Всеволода уже собравшимся въ обратный путь и очень сконфуженнымъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что, за полчаса передъ тѣмъ, онъ тутъ же въ ресторанѣ пилъ кофе и усѣлся напротивъ стеклянной двери, за которой, въ швейцарской, висѣло его пальто, и прежде чѣмъ онъ выпилъ свой кофе, пальто было украдено у него подъ носомъ. Успокоивъ его и посмѣявшись надъ его разсѣянностью, я хотѣлъ выйти, чтобы распорядиться о лошадяхъ, какъ вдругъ онъ бросился ко мнѣ на шею и со слезами заговорилъ: — „Дядя, дядя, я чувствую, что все *это* прошло; никакихъ „проклятыхъ вопросовъ“ нѣтъ, и вся моя горькая и несчастная жизнь съ реальнаго училища—гдѣ-то потонула“. То была кульминаціонная точка. Увы!—скоро послѣ

*) Швартовомъ называется канатъ, которымъ судно прикрѣпляется съ носа или кормы къ неподвижному предмету. Отдать швартовъ — значитъ освободить судно, и команда: «отдай швартовъ»—прекращаетъ послѣднюю связь судна съ берегомъ.

этого порыва, наполнившаго мою душу гордой радостью, я началъ замѣчать, что съ каждой почтой, приносившей Всеволоду множество объемистыхъ писемъ, онъ сталъ грустить, задумываться и заговаривать со мной о томъ, что онъ совершенно здоровъ, и что невозможно долѣе продолжать dolce far-niente. Сначала рѣчь шла о возвращеніи въ свой старый Болховской полкъ, потомъ разныя другія предположенія... Напрасно я представлялъ ему блестящіе результаты полуторагодового „одиночнаго заключенія“ и настаивалъ на необходимости продолженія его еще на годъ и прекращенія корреспонденціи—видно, эта корреспонденція была краснорѣчивѣе моихъ доводовъ. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и больше я его не видѣлъ.

Такъ неудачно кончилась моя попытка помочь родному и любимому человѣку, а можетъ-быть, и сохранить для общества крупный талантъ.

---

3) Воспоминанія товарища по гимназіи, М. Е. Малышева.

Всеволода Михайловича Гаршина я помню съ 1865 г., когда я поступилъ во второй классъ, бывшей с.-петербургской 7-й гимназіи, нынѣ 1-го реальнаго училища. Гаршинъ только-что перешелъ изъ перваго класса во второй, и тутъ мы съ нимъ познакомились и сошлись. Онъ былъ мальчикъ необыкновенно скромный, но веселый, уживчивый и чудесный товарищъ, и хотя я и не отличался всѣми этими качествами, но мы съ нимъ подружились и до самой трагической кончины Гаршина жили душа въ душу. Разъ только нашла тучка на нашу дружбу, да и то кругомъ былъ виноватъ я, и Всеволодъ Михайловичъ разсердился больше по принципу. Я былъ пансіонеромъ, а Всеволодъ Михайловичъ приходящимъ; насъ, пансіонеровъ, кормили неважно и для здороваго, сильнаго шалуна даже очень мало, почему я частенько бывалъ впроголодь. Гаршинъ же, приходя въ училище ежедневно, приносилъ съ собою завтракъ,—и вотъ разъ, въ особенно плохую минуту, я напалъ на него, отнялъ завтракъ и съѣлъ. Это грубое насиліе страшно возмутило Всеволода Михайловича, и мнѣ стоило большихъ усилій, признавъ всю неблаговидность моего поступка, примириться съ нимъ. Это—наша единственная ссора за всѣ 23 года дружбы. Частенько, вспоминая годы дѣтства и дойдя до этого эпизода, Гаршинъ не могъ не прибавить: „а все же, сознайся, это было подло!“

Изъ всѣхъ знавшихъ покойнаго Гаршина врядъ ли найдется кто, могущій сказать дурное объ этомъ глубоко-честномъ, миломъ и хорошемъ человѣкѣ.

Всѣ воспоминанія о немъ—панегирикъ ему, и панегирикъ этотъ слышалъ я и въ Болгаріи отъ солдатиковъ, сослуживцевъ покойнаго, и въ Петербургѣ отъ его друзей и знакомыхъ, а знакомыхъ у него было чрезвычайно много. Его симпатичность, мягкій, уживчивый и общительный

характеръ невольно съ перваго раза располагали къ нему всякаго, а образованіе дѣлало бесѣду съ нимъ интересною и увлекательною.

Читалъ онъ необыкновенно много и обладалъ замѣчательною памятью. Кончивъ гимназію и поступивъ въ Горный институтъ, В. М. сблизился съ кружкомъ молодыхъ художниковъ и сталъ непремѣннымъ членомъ ихъ сборищъ. На этихъ собраніяхъ, „Пятницахъ“, читались впервые нѣкоторыя изъ произведеній его, обсуждались и комментировались, и такъ какъ тѣсная дружба царила между членами кружка, то и мнѣнія, иногда, правда, нелѣпыя, бывали всегда искренни. Споры объ искусствѣ не умолкали, и В. М. горячо, горячѣе многихъ художниковъ, ратовалъ за искусство, какъ служеніе высшимъ идеаламъ добра и правды, и этому искусству оставался вѣренъ всю свою жизнь. Дружбу и симпатію къ нѣкоторымъ членамъ этого кружка онъ сохранилъ до самой своей смерти, и воспоминаніе о „Пятницахъ“ всегда было однимъ изъ лучшихъ его юношескихъ воспоминаній.

Съ этихъ „Пятницъ“ началась и укрѣпилась его близость съ художниками, продолжавшаяся всю его недолгую жизнь. Симпатіи къ Гаршину въ мірѣ художниковъ очень велики, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ та готовность, съ которою русскіе художники откликнулись на призывъ поработать для изданія, посвященнаго его памяти.

Когда въ 1877 г. была объявлена война Турціи, Гаршинъ съ однимъ изъ своихъ друзей, В. Н. Аѳанасьевымъ, бросили Горный институтъ, гдѣ они были студентами, и отправились въ дѣйствующую армію. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, они зачислились въ Болховской полкъ и на другой же день выступили въ походъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ и мнѣ удалось попасть въ Болгарію, и, прибывъ въ гор. Бѣлу, я узналъ, что Гаршинъ раненъ и находится тутъ же въ походномъ лазаретѣ. Наша встрѣча въ Бѣлѣ была совершенной неожиданностью для насъ обоихъ и поэтому, несмотря на печальную госпитальную обстановку, очень насъ порадовала. Рана Гаршина была не опасна: пулей пробило ему мякоть ноги выше колѣна навылетъ, кость осталась цѣла. Я нашелъ его на койкѣ бодрымъ и веселымъ. Тѣ нѣсколько часовъ, которые мы провели вмѣстѣ, были для насъ обоихъ манной небесной. Я привезъ цѣлый коробъ новостей о Петербургѣ, откуда я выѣхалъ только мѣсяцъ назадъ (къ Петербургу же Гаршинъ чувствовалъ всегда особую любовь, да и немудрено — лучшіе годы юности прошли здѣсь, его воспитаніе, юношескіе восторги лучшихъ друзей—все это далъ ему Петербургъ, въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ), а Гаршинъ посвятилъ меня въ тайны военно-походной и боевой жизни, съ которой уже ознакомился на опытѣ. Тутъ же въ госпиталѣ услышалъ я отъ него эпизодъ, послужившій темой для его разсказа „Четыре дня“. Послѣ сраженія при Езерджи, наши, подобравъ раненыхъ, отступили, ушли и турки, и только черезъ четыре дня нашъ батальонъ, въ которомъ служилъ В. М., пришелъ похоронить

убитыхъ. Въ кустахъ найденъ былъ между убитыми и еле живой солдатъ, если не ошибаюсь, 2-й стрѣлковой роты Болховского полка, съ перебитыми гранатою ногами. Фактъ этотъ такъ поразилъ В. М., что онъ, придя на бивуакъ, немедленно же принялся за свои „Четыре дня". Такъ какъ всѣ детали были еще свѣжи въ его памяти, то разсказъ — а разсказывалъ онъ очень хорошо — вышелъ необыкновенно сильнымъ и произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Однако Гаршинъ, по свойственной ему скромности, сильно побаивался, что разсказа его не примутъ въ „Отечественныя Записки". Пробывъ въ Бѣлѣ нѣсколько часовъ, я распрощался съ Гаршинымъ, такъ какъ долженъ былъ слѣдовать съ партіею дальше, а когда черезъ недѣлю мнѣ опять случилось быть въ Бѣлѣ—Всеволода Михайловича уже не было въ госпиталѣ, онъ уѣхалъ лѣчиться въ Россію, въ Харьковъ.

Прошелъ почти годъ, и я, вернувшись изъ похода, встрѣтился съ Всеволодомъ Махайловичемъ уже въ Петербургѣ въ ореолѣ его славы, героемъ дня, но не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны. Успѣхъ не отуманилъ его и хотя, на время, впрочемъ, и придалъ ему крылья, но сердце его осталось такимъ же честнымъ, простымъ и открытымъ для друзей и недруговъ.

Помню я, какъ искренно жалѣли солдатики нашей 5-й роты, что не отдали своего ротнаго креста Гаршину, надѣясь, что онъ получитъ именной Георгій, къ которому былъ представленъ за личную храбрость и котораго почему-то не получилъ, несмотря на двукратное представленіе и на самые лестные отзывы ближайшаго начальства.

Живой по натурѣ, непосѣда, въ высшей степени общительный, простой и ласковый, Гаршинъ очень полюбился солдатамъ, привыкшимъ видѣть въ вольноопредѣляющемся кандидата на офицера, а не своего товарища. Онъ близко сошелся съ ними, училъ ихъ грамотѣ, писалъ письма, читалъ газеты и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними; бесѣды эти долго еще спустя, когда Гаршинъ, раненый, уже ѣхалъ въ Россію, вспоминались солдатиками.

„Все-то онъ зналъ, все-то разсказать могъ, и сколько онъ намъ исторій разныхъ поразсказалъ на походѣ! Изморимся, языкъ высунемъ, еле ноги волочемъ, — разсказывали мнѣ: — а ему и горюшка мало, снуетъ промежъ насъ, съ тѣмъ покалякаетъ, съ другимъ. На привалъ придемъ—только бы ткнуться куда, а онъ соберетъ котелки да за водой. Чудной такой, живой! Славный баринъ, душа!"

Несмотря на свою кажущуюся физическую слабость, Гаршинъ выносилъ тягости похода несравненно легче большинства.

Когда онъ былъ здоровъ—не было собесѣдника пріятнѣе его. Развитый и остроумный, онъ былъ, что называется, „душа общества", но нервность его натуры сказывалась во всемъ: не было стола, этажерки, на которыхъ бы онъ не перетрогалъ всѣхъ вещей; зачастую случалось, что, отыскивая „душу" предмета, онъ его ломалъ окончательно. Придя

домой, съ увѣренностью можно было сказать, — заходилъ Всеволодъ Михайловичъ или нѣтъ. Но эта кажущаяся неряшливость не мѣшала Гаршину на дѣлѣ быть чрезвычайно чистоплотнымъ и нравственно и физически. Убѣжденіямъ своимъ и долгу Всеволодъ Михайловичъ не измѣнялъ никогда. Несмотря на самыя заманчивыя, лестныя и выгодныя предложенія, онъ наотрѣзъ отказался работать въ журналѣ „Новь", не сходясь съ нимъ во взглядахъ. Въ ужасную минуту онъ не побоялся пробраться къ одному очень и очень высокопоставленному лицу и высказать ему свой взглядъ на дѣло весьма щекотливаго свойства*). Это вліятельное лицо, къ счастью, оказалось очень честнымъ и умнымъ человѣкомъ, и Всеволодъ Михайловичъ ничѣмъ не поплатился за свою отважность. Рано утромъ, придя послѣ этого разговора въ мою комнату страшно взволнованный, онъ, разсказывая мнѣ о своемъ посѣщеніи, осыпалъ горячими похвалами своего собесѣдника и восторженно ждалъ отъ него великихъ дѣлъ. Лицо это до сихъ поръ, вѣроятно, помнитъ молодого энтузіаста, всю ночь проведшаго въ его квартирѣ.

Тяжкій недугъ, которымъ по временамъ страдалъ Гаршинъ, послѣ его женитьбы замѣтно смягчился, характеръ заболѣванія уже не имѣлъ той острой формы, какъ прежде, но за послѣдніе годы почти каждую весну, мѣсяца на два, хандра и апатія ко всему обладѣвали имъ; осенью же и зимою онъ опять былъ совершенно нормаленъ, полнѣлъ, молодѣлъ и чувствовалъ себя отлично. Лѣто 1885 г. я жилъ на дачѣ въ Муринѣ, и Гаршинъ пріѣхалъ къ намъ погостить. Состояніе духа его было особенно угнетенное, онъ высказывалъ полное невѣріе въ свои силы, въ свой талантъ и даже въ свое призваніе, жаловался, что талантъ, „если только онъ былъ", онъ не развивалъ, а зарылъ, что онъ ничего не знаетъ, что долженъ всему учиться съ азбуки, что онъ въ тягость всѣмъ людямъ и напрасно только коптитъ небо, но о самоубійствѣ ни разу не проронилъ ни слова. Временами онъ какъ будто дѣлался бодрѣе, и мы опять видѣли милаго, умнаго и веселаго Гаршина. Начало лѣта 1887 г. (май и іюнь) онъ былъ здоровъ и бодръ и, пріѣхавъ ко мнѣ на дачу, онъ, разсказывая мнѣ объ одномъ чрезвычайно непріятномъ семейномъ дѣлѣ, радовался, что оно, несмотря на всю свою серьезность, не вызывало прежнихъ припадковъ хандры, тогда какъ раньше малѣйшаго пустого повода было достаточно, чтобы вызвать полный упадокъ духа. „Обыкновенный срокъ моего заболѣванія уже прошелъ, и, несмотря на это ужасное, отвратительное письмо и на прочія гадости, я здоровъ. Слава Богу, значитъ, на этотъ годъ я останусь цѣлъ. Ты не повѣришь, Мишуной (такъ часто называлъ меня Всеволодъ Михайловичъ), какъ я радъ этому",—говорилъ Гаршинъ.

Этимъ надеждамъ, къ несчастью, не суждено было оправдаться, и въ іюлѣ онъ заболѣлъ, а въ апрѣлѣ его не стало.

*) Къ гр. М. Т. Лорисъ-Меликову, только-что назначенному тогда начальникомъ верховной распорядительной комиссіи. *Прим. Ред.*

Особенную нѣжность и заботливость проявлялъ Всеволодъ Михайловичъ къ своей женѣ. Не было супруговъ нѣжнѣе ихъ, такъ что у насъ ребятишки даже посмѣивались надъ этой взаимною нѣжностью. Не разъ онъ говаривалъ мнѣ, что не хочетъ еще умирать, что онъ хотѣлъ бы, чтобы его Надя была сначала обезпечена, и когда его книжки стали давать доходъ, онъ искренно радовался, что на случай его смерти у жены его кое-что останется, да и въ дѣлѣ изданія своихъ сочиненій онъ увѣренъ былъ только въ женѣ, онъ зналъ, что она, зная его взгляды и любя его, не захочетъ его именемъ эксплоатировать публику, что всегда страшно его возмущало.

Къ несчастью, эти надежды покойнаго не оправдались: онъ не успѣлъ написать законнаго духовнаго завѣщанія и формально передать женѣ право изданія своихъ сочиненій.

Смерть Гаршина—потеря и большая потеря для русской литературы, но мы, близко знавшіе его друзья, потеряли въ немъ, кромѣ честнаго, талантливаго писателя, еще и чудеснѣйшаго человѣка и вѣрнаго друга.

---

4) Воспоминанія Н. В. Рейнгардта.

I.

Въ началѣ февраля 1866 года я пріѣхалъ въ Петербургъ, направляясь изъ О—й губерніи въ Харьковъ для поступленія въ университетъ.

Въ Петербургѣ я предполагалъ пробыть около трехъ недѣль, чтобы повидаться съ родными, друзьями и съ тѣми лицами, которыя бы могли мнѣ дать кой-какія указанія о Харьковѣ, такъ какъ я совершенно не зналъ этого города.

Отъ одного изъ своихъ хорошихъ пріятелей я имѣлъ письмо къ Екатеринѣ Степановнѣ Гаршиной, къ которой и отправился на другой день по пріѣздѣ въ столицу. Екатерина Степановна встрѣтила меня съ большимъ радушіемъ, оказала такое сердечное, совершенно родственное участіе, которое въ то время было для меня очень дорого и котораго я, конечно, никогда не забуду. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я почти каждый день бывалъ у нея и очень подружился съ ея сыномъ Всеволодомъ, тогда 12-ти или 13-ти-лѣтнимъ гимназистомъ, хотя по возрасту мы значительно разнились другъ отъ друга и между нами не могло быть ничего общаго: я былъ взрослый молодой человѣкъ, а онъ—ребенокъ. Но этотъ ребенокъ показался мнѣ крайне симпатичнымъ, да и онъ, повидимому, привязался ко мнѣ. Бывало, когда я приду къ Екатеринѣ Степановнѣ, то онъ, если не былъ занятъ уроками, тотчасъ подсядетъ около меня или постарается увести въ другую комнату, чтобы показать или разсказать что-нибудь интересное.

Помню, мнѣ нравились въ маленькомъ Всеволодѣ любознательность

и основательное знаніе тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться. Онъ очень, кажется, любилъ естественныя науки и сильно интересовался ими. Пользуясь полной свободой, проводя часто время со взрослыми, онъ не былъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которые любятъ корчить большихъ, вмѣшиваться въ разговоры, резонерствовать. Ничего подобнаго у него не было. Онъ былъ добрымъ, милымъ ребенкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень умнымъ. Впрочемъ, я помню, какъ онъ однажды вмѣшался въ разговоръ взрослыхъ, но это вмѣшательство было необходимо и вышло само собой.

Какъ-то вечеромъ собрались у Екатерины Степановны (матери Всев. Мих.) нѣсколько знакомыхъ, между которыми были довольно извѣстныя въ интеллигентныхъ петербургскихъ кружкахъ лица. Мы съ Всеволодомъ сидѣли въ сторонѣ и о чемъ-то вполголоса трактовали. По какому-то поводу одна дама, очень образованная особа, задала вопросъ: почему такъ легко подымается якорь изъ воды, между тѣмъ какъ онъ держится такъ крѣпко на днѣ, что скорѣе лопнетъ во время бури якорная цѣпь, чѣмъ сдвинется корабль? Изъ присутствовавшихъ никто не могъ дать отвѣта; одинъ очень образованный господинъ замѣтилъ, между прочимъ, что надо спросить моряка. Услышавъ это, Всеволодъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ туда, гдѣ шелъ разговоръ о якорѣ.—„Вотъ почему его такъ легко поднять“, — обратился онъ къ вопрошавшей особѣ и затѣмъ объяснилъ весьма просто и наглядно способъ подъема якоря. Любознательность дамы была вполнѣ удовлетворена. Оказалось, что образованные люди, изучавшіе физику и много разъ, вѣроятно, видѣвшіе поднятіе якоря, не могли дать объясненіе относительно очень простого и обыкновеннаго явленія, которое объяснилъ гимназистъ 3-го или 4-го класса.

Въ то время очень поразило описанное обстоятельство. Меня поразило не столько его знаніе,—явившееся или результатомъ самостоятельнаго наблюденія, или путемъ спроса знающихъ лицъ, вслѣдствіе любознательности къ явленіямъ, на которыя другіе не обращаютъ никакого вниманія,—сколько умѣнье весьма просто и наглядно объяснить непонятную для многихъ вещь. Этотъ фактъ, да и многіе другіе, о которыхъ я теперь не помню, заставили меня предполагать въ то время, что изъ Всеволода Гаршина выйдетъ или замѣчательный ученый, или замѣчательный педагогъ; его любознательность, ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, которые онъ зналъ, служили, повидимому, тому ручательствомъ.

Всеволодъ Михайловичъ въ дѣтствѣ, насколько я успѣлъ замѣтить въ короткое время, былъ вполнѣ самостоятельной натурой. Эта самостоятельность, какъ мнѣ казалось тогда, выражалась въ томъ, что на него не имѣла никакого вліянія окружающая обстановка.

Вообще дѣти, которымъ предоставлена полная свобода, являются часто вѣрнымъ отраженіемъ всего окружающаго; они повторяютъ слова,

фразы, которыя приходится имъ слышать, стараются интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересуются взрослые. Но Всеволодъ Михайловичъ представлялъ, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи нѣчто особенное: онъ жилъ какъ будто въ другомъ мірѣ. Да и дѣйствительно у него былъ свой маленькій мірокъ, который заключался въ книжкахъ, рисункахъ, различныхъ вещицахъ, небольшихъ естественно-историческихъ коллекціяхъ, — кажется, если не ошибаюсь, имъ самимъ составленныхъ, — и этотъ маленькій мірокъ сосредоточивалъ на себѣ все его вниманіе, всѣ его созерцательныя способности, отвлекая мысли отъ окружающихъ явленій.

Но болѣе всего меня поражала во Всеволодѣ Михайловичѣ одна чисто-внѣшняя особенность, выражавшаяся по временамъ въ глубоко-меланхолическомъ взглядѣ. Когда онъ говорилъ,—въ особенности о предметѣ, который сильно интересовалъ его,—то взоръ его оживлялся, глаза горѣли тѣмъ огнемъ, который свидѣтельствуетъ о внутренней работѣ, объ энергіи. Но когда бесѣда прекращалась и наступало всеобщее молчаніе, то взоръ Всеволода Михайловича дѣлался вдругъ необыкновенно задумчивымъ, взглядъ пріобрѣталъ отпечатокъ тихой меланхоліи, съ выраженіемъ кротости, доброты. Подобный взглядъ мнѣ приходилось встрѣчать у людей чрезвычайно несчастныхъ, но никогда не жаловавшихся на свою судьбу, въ особенности у женщинъ, которымъ довольно часто выходитъ удѣлъ нести тяжелый крестъ жизни. У маленькаго Всеволода, мнѣ казалось, появлялся иногда именно меланхолически-задумчивый взглядъ женщины, безропотно переносящей судьбу свою...

Наступило наконецъ время покинуть Петербургъ.

Послѣдній вечеръ, который я провелъ у Екатерины Степановны Гаршиной, мнѣ памятенъ, между прочимъ, потому, что Всеволодъ почти не отходилъ отъ меня. Былъ онъ очень веселъ и очень оживленъ, много разсказывалъ. Въ этотъ вечеръ было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ Екатерины Степановны—лицъ, съ которыми я также ранѣе успѣлъ познакомиться. Когда настала минута разставанья и я сталъ прощаться съ присутствовавшими, то невольно взглянулъ на Всеволода, стоявшаго около своей матери. Бывшая передъ этимъ веселость исчезла. Онъ печально глядѣлъ на меня своимъ обычно меланхолически-задумчивымъ взглядомъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то невыразимо грустно, точно я навсегда покидалъ близкихъ, дорогихъ мнѣ людей...

II.

Прошло много лѣтъ. Имя Всеволода Михайловича Гаршина сдѣлалось извѣстнымъ. Изъ него не вышелъ, вопреки моему предположенію, замѣчательный ученый или педагогъ,—но изъ него вышелъ замѣчательный беллетристъ, обратившій на себя вниманіе небольшими, но необыкновенно художественными произведеніями.

Послѣ отъѣзда въ Харьковъ я не видалъ его до 1884 года и встрѣтилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ іюня этого года я возвращался изъ Петербурга въ Казань. Меня просили взять съ собой одного мальчика, отправлявшагося на каникулы къ родителямъ. Я согласился. Но такъ какъ я предполагалъ провести сутки у NN., моего пріятеля, жившаго въ Любани, на станціи Николаевской желѣзной дороги, то просилъ отправить этого мальчика на другой день послѣ моего выѣзда изъ Петербурга, съ тѣмъ расчетомъ, что я встрѣчу его въ Любани, и затѣмъ мы отправимся вмѣстѣ съ нимъ на станцію желѣзной дороги, чтобъ ѣхать въ Казань. Занявшись полученіемъ билета и сдачею багажа, я просилъ NN. встрѣтить моего юнаго спутника, описавъ его примѣты и назвавъ его имя (звали его Сережей М—въ). Сдѣлавъ все, что мнѣ было нужно, я пошёлъ на платформу, гдѣ увидѣлъ NN. идущаго въ сопровожденіи Сережи М. и другого, незнакомаго мнѣ молодого человѣка, съ черной бородой.

— Вотъ тебѣ Сережа,—сказалъ, обращаясь ко мнѣ, NN.:— а вотъ еще твой старый знакомый, котораго ты зналъ, когда онъ былъ такимъ, какимъ теперь Сережа.

Я глядѣлъ и не узнавалъ.

Молодой человѣкъ ласково улыбался.

— Это Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ! — сказалъ мой пріятель.

— Такъ это Всеволодъ!—воскликнулъ я, и мы облобызались.

При разговорѣ оказалось, что мы часа два или полтора проѣдемъ вмѣстѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ на томъ же поѣздѣ. Часа полтора прошли незамѣтно въ разговорахъ, посвящённыхъ преимущественно воспоминаніямъ о прошедшемъ.

Къ концу пути разговоръ у насъ вдругъ почему-то прекратился. Я взглянулъ на Гаршина и увидѣлъ прежнее задумчиво-меланхолическое выраженіе лица.

— Знаете ли что, Всеволодъ Михайловичъ,—обратился я къ нему:— если бы я васъ встрѣтилъ гдѣ-нибудь, то, конечно, ни за что не узналъ бы, но, глядя теперь, я вижу въ васъ прежняго Всеволода... Въ дѣтствѣ у васъ я замѣчалъ иногда меланхолическій видъ, который вы сохранили до сего времени...

— Вотъ какъ!—отвѣтилъ онъ, добродушно улыбаясь.

Въ то время я не зналъ, что Всеволодъ Михайловичъ подверженъ былъ нѣкогда тяжелой психической болѣзни. Если бы зналъ, то никогда бы не сказалъ упомянутыхъ словъ. Но они, кажется, не произвели на него никакого впечатлѣнія. Тотчасъ послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что это такое сдѣлалось съ NN. (мой любанскій пріятель)? Онъ сталъ какой-то грустный, точно самъ не свой...

— Не знаю, — отвѣтилъ я: — вѣроятно, отсутствіе дѣятельности, отсутствіе друзей, которые какъ будто совсѣмъ его оставили. Ему,

мнѣ кажется, нужно общество, среди котораго онъ бы могъ разсѣяться.

— Да я и самъ думалъ объ этомъ... Вотъ ѣду теперь къ Г. И., и вмѣстѣ мы потомъ отправимся къ NN. Жалко, если раскиснетъ совсѣмъ человѣкъ...

Тутъ поѣздъ подошелъ къ станціи, и мы простились... Когда поѣздъ сталъ отходить,—я взглянулъ въ окошко и увидѣлъ Всеволода Михайловича, дружески кивающаго мнѣ головой; взглядъ его былъ тотъ же, какимъ провожалъ онъ меня восемнадцать лѣтъ передъ этимъ. Мнѣ сдѣлалось опять какъ-то болѣзненно-тоскливо, какъ и тогда, но мнѣ и въ голову не приходило, что я вижу Всеволода Михайловича въ послѣдній разъ, что уже болѣе никогда не встрѣчусь съ нимъ...

Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, предо мною возстаетъ изъ-за тумана далекаго прошлаго симпатичный образъ мальчика Всеволода, съ его задумчиво-меланхолическимъ взглядомъ.

Говорятъ, что глаза—зеркало души. Отражалась ли тогда въ этомъ взорѣ та поэтическая душа, которая проявилась впослѣдствіи въ созданіи оригинальныхъ художественныхъ произведеній, или отражался зародышъ той душевной болѣзни, которая привела къ преждевременному и трагическому концу?

Какъ знать!

---

5) Воспоминанія В. А. Фауссека.

I.

Первое знакомство мое съ Всев. Мих. Гаршинымъ относится къ веснѣ 1876 года. Ему было тогда лѣтъ двадцать, онъ былъ студентомъ перваго курса Горнаго института. Я былъ почти мальчикъ и учился въ гимназіи, въ Харьковѣ, вмѣстѣ съ его братомъ, г. Евгеніемъ Гаршинымъ. Въ семьѣ моего товарища мнѣ часто приходилось слышать про его старшаго брата, Всеволода; кажется, къ этому времени относятся его первыя попытки писать, и чуть ли онъ не помѣстилъ уже тогда гдѣ-то своего перваго разсказа. Родные ожидали его пріѣзда къ лѣту, на каникулы. Однажды, помню, въ отличное майское утро, къ низкому окошку небольшого одноэтажнаго домика, гдѣ я жилъ, подошелъ Гаршинъ, мой товарищъ, и съ нимъ молодой человѣкъ въ студенческой горной фуражкѣ—его братъ Всеволодъ, котораго онъ привелъ ко мнѣ, чтобы познакомить насъ и немедленно вытащить меня гулять вмѣстѣ. Но, прежде чѣмъ итти гулять, молодой студентъ обратилъ живое вниманіе на мой акварій, стоявшій на окнѣ, попросту на большую банку съ тритонами, улитками, ряской и другими водяными травами; онъ зналъ ихъ латинскія названія, чѣмъ сразу доставилъ мнѣ большое удовольствіе: мнѣ, ученику классической гимназіи, пришлось тогда, кажется, въ первый разъ въ жизни встрѣтить человѣка, знающаго названія растеній и

занимающагося ботаникой. Этотъ общій нашъ интересъ къ ботаникѣ и вообще къ естественнымъ наукамъ и послужилъ первой, исходной точкой завязавшагося между нами знакомства.

Не помню теперь, гдѣ провелъ Вс. Мих. лѣто 1876 года; кажется, въ Харьковѣ, въ самомъ городѣ, гдѣ я продолжалъ съ нимъ постоянно видаться въ августѣ мѣсяцѣ, вернувшись изъ деревни по окончаніи гимназическихъ каникулъ. Въ этомъ же году онъ успѣлъ еще разъ побывать въ Харьковѣ, зимою, на рождественскихъ праздникахъ.

Объ его образѣ жизни, объ его занятіяхъ во время его непродолжительныхъ наѣздовъ домой за этотъ періодъ времени, немного сохранилось у меня теперь въ памяти подробностей. Помню, одно время онъ учился играть на віолончели; онъ доставалъ инструментъ у стараго харьковскаго музыканта П., съ сыномъ котораго учился вмѣстѣ въ Горномъ институтѣ, и съ увлеченіемъ упражнялся на немъ. На лицѣ его отражалось глубокое удовольствіе, когда онъ водилъ смычкомъ по струнамъ, и самъ онъ слушалъ съ наслажденіемъ свою музыку, но особенныхъ успѣховъ онъ не оказывалъ и скоро, кажется, бросилъ.

Главнымъ и кореннымъ умственнымъ интересомъ была и тогда для него, конечно, художественная литература; бесѣды о литературѣ были преобладающей, почти исключительной темой въ домѣ Гаршиныхъ. Кружокъ юношей, собиравшихся у нихъ, платилъ тогда особую дань поклоненія и удивленія Диккенсу, и Всев. Мих. всецѣло раздѣлялъ наши чувства; Диккенсъ всегда оставался однимъ изъ его любимыхъ писателей.

Пришелъ 1877-й годъ, и весной была объявлена война. Всеволодъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ манифеста 12-го апрѣля родные его получили отъ него письмо, гдѣ онъ извѣщалъ, что оставляетъ Горный институтъ и идетъ на войну вольноопредѣляющимся. Для его матери это было большое горе, а для его молоденькихъ харьковскихъ пріятелей—смѣлый и великодушный поступокъ; съ этихъ поръ съ именемъ изящнаго и симпатичнаго петербургскаго студента былъ соединенъ какой-то особенный ореолъ душевнаго благородства, ореолъ, не покидавшій его до самой смерти и пріобрѣтавшій все новыхъ и новыхъ друзей его имени. Проѣздомъ на театръ войны онъ пробылъ нѣсколько дней въ Харьковѣ; мать плакала и собирала его въ дорогу; онъ утѣшалъ ее, сколько могъ. Его друзья собрались на вокзалъ проводить его и пожелать ему благополучнаго возвращенія. Онъ спѣшилъ въ Кишиневъ, гдѣ догналъ свой полкъ, и былъ, по особому Высочайшему приказу, зачисленъ вольноопредѣляющимся.

Черезъ три мѣсяца онъ уже вернулся. Чуть ли не въ первомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, въ дѣлѣ подъ Аясларомъ, 11 августа, онъ былъ раненъ, и война для него кончилась. Онъ былъ отправленъ въ Харьковъ къ роднымъ на поправленіе. Хотя онъ и писалъ домой о своей ранѣ и о скоромъ пріѣздѣ, но почему-то—не помню уже теперь—ему не удалось извѣстить ихъ телеграммой о днѣ пріѣзда, и никто не

встрѣтилъ его на вокзалѣ, когда онъ прибылъ въ Харьковъ съ партіей раненыхъ. Ему наняли извозчичью коляску и отправили въ офицерскій баракъ, на другой конецъ города. Проѣзжая по улицамъ, онъ все ждалъ, не встрѣтитъ ли кого-нибудь, и перваго попавшагося знакомаго окликнулъ, остановилъ и попросилъ пойти увѣдомить мать о его пріѣздѣ.

На другой день я узналъ объ этомъ отъ его брата и побѣжалъ въ больницу. Я засталъ В. М. въ постели, но бодраго и веселаго; онъ былъ раненъ пулей въ ногу—въ ту самую ногу, которую сломалъ потомъ при своемъ предсмертномъ паденіи съ лѣстницы, раненъ навылетъ, но безъ поврежденія костей и крупныхъ сосудовъ. Въ тотъ же день мы перевезли его въ маленькую квартиру его родныхъ, на Мало-Сумской улицѣ, гдѣ онъ и пробылъ все время до своего выздоровленія.

Это время его выздоровленія было счастливое и веселое время; рана его шла хорошо, и онъ пролежалъ, я думаю, всего мѣсяцъ или полтора. Когда ему перевязывали и промывали ее, онъ стоналъ отъ боли и капризничалъ; но въ остальное время чувствовалъ себя по большей части хорошо и былъ въ самомъ веселомъ и хорошемъ настроеніи духа. Изъ Петербурга пріѣхалъ навѣстить его товарищъ и пріятель Вл. М. Латкинъ и прожилъ нѣсколько времени въ Харьковѣ; товарищи его брата, молодые люди и молодыя дѣвицы толпились постоянно въ домѣ Гаршиныхъ, и В. М. рѣдко оставался одинъ. Длинные вечера проходили въ неистощимыхъ разговорахъ, шуткахъ и смѣхѣ.

Съ этимъ временемъ совпадаетъ и начало настоящей литературной дѣятельности В. М.—если не считать тѣхъ робкихъ юношескихъ опытовъ, о которыхъ я упоминалъ выше. Не помню, въ Харьковѣ ли онъ написалъ „Четыре дня", или еще раньше, въ Болгаріи, въ лазаретѣ; но помню, какъ однажды онъ показалъ мнѣ съ волненіемъ запечатанный довольно толстый конвертъ и сказалъ, что это рукопись его разсказа, и что онъ рѣшается послать ее „прямо въ „Отечественныя Записки". Кажется, ее отвезъ и передалъ въ редакцію журнала Вл. Мих. Латкинъ.

Мало-по-малу онъ сталъ ходить сперва съ костылемъ, потомъ опираясь на палку; сталъ дѣлать небольшія прогулки пѣшкомъ, или ѣздить кататься. Поправившись совершенно, онъ уѣхалъ, помнится, уже въ началѣ зимы, въ Петербургъ. „Четыре дня" были напечатаны и имѣли большой успѣхъ; Гаршинъ сдѣлался писателемъ.

Война кончилась, и оставаться въ военной службѣ В. М. не хотѣлось; помню, что ему пришлось немало возиться и хлопотать, пока ему дали отставку; но все это происходило въ Петербургѣ, и я не знаю подробностей его мытарствъ. Знаю только, что онъ пробылъ довольно долгое время въ Николаевскомъ военно - сухопутномъ госпиталѣ „на испытаніи".

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ нашего знакомства, 76—79, В. М. пользовался полнымъ душевнымъ здоровьемъ. Меланхолическое угнетеніе, которое такъ преслѣдовало его въ послѣдніе годы его жизни, въ

этомъ періодѣ не появлялось ни разу. Хотя ему приходилось переносить довольно тяжелые физическіе недуги, рану, напр., но на его психическое здоровье они не оказывали никакого дѣйствія. Я помню его постоянно живымъ, бодрымъ, чрезвычайно оживленнымъ; онъ легко возбуждался и приходилъ въ волненіе въ разговорѣ о предметахъ, его интересовавшихъ. Онъ охотно спорилъ, гораздо охотнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда порой безучастно выслушивалъ совершенно ему враждебныя мнѣнія, отвѣчая на нихъ молчаніемъ; спорилъ онъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша", — Тургеневъ примѣнялъ этотъ стихъ къ Бѣлинскому,—горячился и сердился. О своемъ бывшемъ уже періодѣ безумія онъ, кажется, не любилъ говорить, не любилъ, вѣроятно, даже и думать; по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы онъ когда-нибудь словомъ упомянулъ объ немъ, и я зналъ объ его болѣзни только отъ его родныхъ.

Онъ горячо любилъ природу. Пріѣзжая въ Харьковъ изъ Петербурга въ маѣ мѣсяцѣ, въ самый разгаръ украинской весны, онъ всей душой уходилъ въ наслажденіе ею. Въ первый же день пріѣзда, едва успѣвъ повидаться съ матерью и братомъ, онъ ужъ уходилъ бродить въ Университетскій садъ или куда-нибудь за городъ. Слово бродить, впрочемъ, не подходитъ къ его прогулкамъ: онъ не бродилъ, а бѣгалъ, быстрой и неровной, слегка качающеюся походкою.

Его походка и еще болѣе его манера вообще гулять, его странныя привычки при этомъ хорошо отражали на себѣ его характеръ, болѣзненное безпокойство и напряженность его духа. Я часто бывалъ его спутникомъ и любилъ бѣгать по Харькову вмѣстѣ съ Вс. М. Съ нимъ я забирался иногда въ такіе закоулки, куда бы никогда не попалъ одинъ. Во время прогулокъ ему приходили въ голову одна фантазія за другой: то въ садъ, то на лодкѣ кататься, то поѣхать въ Куряжъ по желѣзной дорогѣ. Его планы измѣнялись постоянно, и, выходя съ нимъ изъ дому, я ужъ привыкъ заранѣе знать, что совершенно неизвѣстно, гдѣ мы будемъ и когда вернемся домой. Впослѣдствіи въ Петербургѣ я убѣдился, что эти привычки его сохранились вполнѣ.

II.

Онъ былъ всегда оживленъ и веселъ, но никогда онъ не былъ такъ полонъ кипучимъ весельемъ, такой жизненностью, такой суетливой энергіей, какъ весной 1879 года. Онъ напечаталъ уже нѣсколько разсказовъ, и талантъ его былъ всѣми признанъ; въ головѣ его кипѣли планы и литературные замыслы. Въ Петербургѣ онъ свелъ знакомства въ литературномъ мірѣ и всюду былъ принятъ съ участіемъ, уваженіемъ и съ большими надеждами на его талантъ. Все это придавало ему бодрости и веселья, и онъ пріѣхалъ въ маѣ въ Харьковъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Въ одно время съ нимъ въ Харьковъ заѣхали на нѣкоторое время „на этюды" два его пріятеля, художники М. Е. Малышевъ и І. Е. Крачковскій. Составилась довольно обширная компанія

молодежи, молодыхъ людей и дѣвицъ, душою которой былъ Всеволодъ Михайловичъ. Не всѣ члены этого кружка были между собою близки, иные даже мало знакомы между собою; но всѣ относились съ одинаковою симпатіею къ В. М., и онъ былъ центромъ, соединявшимъ все общество. Мы собирались чуть не каждый день, чаще всего у Гаршиныхъ, въ другой разъ у кого-либо изъ знакомыхъ, и постоянно предпринимали отдаленныя загородныя прогулки. Цѣлое учредительное собраніе обсуждало ихъ планъ, и особый комитетъ бралъ на себя финансовую часть: исполненіе всѣхъ расходовъ и равномѣрную раскладку ихъ между участниками; могу прибавить, что расходы на вино составляли самую скромную долю стоимости всей экспедиціи. Нѣкоторыя изъ такихъ экскурсій требовали значительной доли героическаго самоотверженія; мы вставали, напр., въ 4 часа утра, чтобы поспѣть къ раннему утреннему поѣзду въ Куряжскій монастырь, и, проведя тамъ цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ и пропустивши всѣ обратные поѣзда, имѣли мужество возвращаться домой ночью, пѣшкомъ—девять верстъ по довольно плохой дорогѣ. И В. М. первый будилъ насъ рано утромъ и, казалось, никогда не уставалъ; ходить пѣшкомъ, бродить по лѣсу, кататься въ лодкѣ—никогда ему не надоѣдало.

Постоянныя развлеченія не мѣшали однако В. М. работать. Въ это время онъ писалъ „Художниковъ"; впослѣдствіи меня удивлялъ контрастъ между грустнымъ тономъ разсказа, между мрачными картинами, занимавшими тогда воображеніе автора, и тѣмъ яснымъ состояніемъ его духа, настроеніемъ безудержной веселости, въ которомъ онъ находился все время. Этотъ контрастъ между мрачной работой воображенія и веселымъ и спокойнымъ личнымъ состояніемъ духа я замѣчалъ у Гаршина и позднѣе; на него указывалъ и Гл. Ив. Успенскій въ своей статьѣ о В. М. послѣ его смерти *).

Въ іюнѣ Вс. М. уѣхалъ изъ Харькова. Онъ поѣхалъ на югъ, заѣхалъ къ знакомымъ по Петербургу слушательницамъ медицинскихъ курсовъ, около станціи Амвросіевки, пробылъ у нихъ нѣсколько дней, затѣмъ

*) Статья моя была уже написана, когда я познакомился съ біографіей В. М., составленной Я. В. Абрамовымъ, и узналъ, что въ это же время письма его изъ Харькова къ знакомымъ были полны жалобъ на тоску, на мрачное расположеніе духа, на недовольство жизнью. Я. В. Абрамовъ сообщилъ мнѣ нѣкоторые отрывки изъ его писемъ, не приведенные въ біографіи, особенно замѣчательные по странному, болѣзненному тону. А между тѣмъ, сколько я ни стараюсь припомнить, я все-таки не могу его себѣ представить въ это время иначе, какъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Можетъ-быть, многое ускользало тогда отъ моего вниманія, но все-таки я видѣлся съ нимъ почти каждый день, помню безконечные разговоры и споры о разныхъ вещахъ, часто серьезныхъ и мрачныхъ, и помню его всегда бодрымъ и радостнымъ. Такая разница въ настроеніи В. М. въ обществѣ людей и наединѣ, такая раздвоенность ощущеній указываетъ, вѣроятно, на значительное уже нарушеніе душевнаго равновѣсія, наступавшее у него въ это время.

отправился черезъ Ростовъ къ одному доктору (Ѳ. Г. Попову) въ Землѣ Войска Донского. Я проводилъ лѣто въ деревнѣ въ тѣхъ же мѣстахъ на югѣ, и онъ обѣщалъ ко мнѣ заѣхать, но съ нимъ случилось приключеніе на желѣзной дорогѣ, о которомъ онъ извѣстилъ меня въ слѣдующемъ письмѣ:

„Орловская губ. Кромской уѣздъ, сельцо Мураевка. $^{15}/_{VII}$79. Дорогой В. А. Не пришлось мнѣ къ вамъ заѣхать: виновата сама судьба и еще одинъ джентльменъ цыганскаго происхожденія. По порядку: выѣхалъ изъ Х. Пріѣхалъ въ Амвросіевку...“ и по пріѣздѣ онъ наскочилъ на неожиданное событіе въ домѣ его знакомыхъ, которое и описываетъ весьма забавно подъ титуломъ „трагическаго элемента“. Этотъ „трагическій элементъ“, впрочемъ, благополучно окончившійся, я, къ сожалѣнію, долженъ пропустить и привожу продолженіе его письма:

„Пробылъ четыре дня, ѣду дальше. Въ Таганрогѣ выхожу на вокзалъ вмѣстѣ съ вещами, чтобы не украли вещи безъ меня или меня безъ вещей. Ѣду. Луна. Море. Аспектъ. Садится прохвостъ, цыганская морда, въ чуйкѣ, съ серебряной часовой цѣпочкой, лѣтъ сорока, весьма разговорчивыхъ свойствъ. Болтаетъ“.

Разговоръ его съ „цыганской мордой“, весьма курьезнаго свойства, къ сожалѣнію, тоже относится къ категоріи „трагическаго элемента“ и потому долженъ быть пропущенъ.

...«*Она* (морда) ложится и храпитъ. Я сижу и думаю. Думы переходятъ въ грезы, а грезы чортъ знаетъ во что. Засыпаю сидя послѣ послѣдней (передъ Ростовомъ) станціи. Слышу свистокъ. (Не люблю свистковъ, сэръ). Просыпаюсь—поѣздъ гремитъ, стрѣлки, красные огни, словомъ—всякая дрянь. Нужно собрать вещи. Но куда исчезла морда? Лѣзу подъ скамейку за чемоданомъ—и о ужасъ! О мое шелковое платье, о мои новыя рубашки, о рукописи, о цыганская морда! Ты все унесла! Выскочила она на ходу. Я остаюсь въ одной русской рубашкѣ. Ѳедосъ (д-ръ Ѳ. Г. Поповъ), куда я пріѣхалъ на другой день, сшилъ мнѣ еще красную. Жилъ у него полторы недѣли, то-есть больше не жилъ, а ѣздилъ съ нимъ по дѣламъ въ тѣ страны, гдѣ текутъ рѣки: Калитва и двѣ Калитвенціи. Откуда казаки взяли такой суффиксъ? Продавали тамъ землю мужикамъ. Видѣлъ много мужиковъ, но обо всемъ этомъ, равно какъ о полуторанедѣльномъ пребываніи въ Харьковѣ, о дальнѣйшей поѣздкѣ и о пребываніи у Гердовъ, гдѣ я теперь нахожусь, еще будетъ время разсказать. Заѣхать къ вамъ я не могъ по причинѣ отсутствія приличнаго костюма, что̀, надѣюсь, ясно видно изъ моего разсказа“.

Но недолго длилось у Вс. М. въ этомъ году его веселое, жизнерадостное настроеніе. Теперь я думаю даже, что и не къ добру оно было, что то состояніе крайней энергіи духа и неистощимаго веселья, въ которомъ я его помню весной 1879 года, уже было, можетъ-быть, предвозвѣстникомъ приближающейся реакціи—упадка душевныхъ силъ и

душевной болѣзни. Послѣ лѣтнихъ каникулъ я увидѣлся съ нимъ снова въ октябрѣ мѣсяцѣ; на этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Харьковъ такимъ, какимъ я его еще никогда не видалъ. У него развивалась меланхолія. Онъ находился въ томъ состояніи неопредѣленной и мучительной тоски, которое впослѣдствіи находило на него каждое лѣто и свело его наконецъ въ могилу. Дѣлать онъ ничего не могъ; онъ чувствовалъ страшную апатію и упадокъ силъ; не только всякая работа была ему мучительно тяжела, всякое проявленіе воли, всякій поступокъ казался ему тяжелымъ, мучительнымъ. Всякое, самое простое дѣйствіе требовало отъ него напряженія душевныхъ силъ, совершенно непропорціональнаго значенію дѣйствія и физической работѣ, съ нимъ сопряженной. Душу его угнетала постоянная тоска. Онъ измѣнился и физически; осунулся, голосъ сталъ слабымъ и болѣзненнымъ, походка вялая; онъ шелъ, понуря голову, и, казалось, даже итти было для него непріятнымъ и болѣзненнымъ трудомъ. Его мучила безсонница. Цѣлый день онъ не могъ ничего дѣлать, а по ночамъ лежалъ до 4, до 5 часовъ и не могъ заснуть. Онъ проводилъ ночи за чтеніемъ романовъ и старыхъ журналовъ. Чтеніе, случайное и неправильное, перваго, что попадется подъ руку, было единственное доступное ему занятіе. Ничто не могло доставить ему удовольствія или обрадовать его. Самое ощущеніе удовольствія стало для него недоступно; всѣ душевныя проявленія были для него болѣзненны.

Онъ ходилъ иногда къ знакомымъ, разъ или два былъ въ театрѣ, или въ концертѣ, куда его затаскивали почти насильно, но нигдѣ не покидалъ своего мрачнаго вида.

Эту осень я жилъ у Гаршиныхъ и почти все свое свободное время проводилъ съ В. М. Всякія утѣшенія или ободренія были для него безполезны, и я избѣгалъ съ нимъ говорить объ его душевномъ настроеніи, какъ я это дѣлалъ обыкновенно и впослѣдствіи, при повтореніи его недуга.

Я указалъ ему разъ, въ славный осенній день, на красивый и далекій видъ съ одной изъ улицъ города. Онъ поморщился. „Что мнѣ до этого вида, — говорилъ онъ. — Счастье человѣка не въ космосѣ, а въ томъ микрокосмѣ, который въ душѣ!“ И въ его микрокосмѣ не было въ это время ощущенія счастья.

Помню, какъ однажды онъ прочиталъ мнѣ наизусть — наизусть онъ зналъ множество стиховъ — любимое свое лермонтовское стихотвореніе: „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской, я зналъ, ударъ судьбы меня не обойдетъ“... Онъ стоялъ передо мной, неподвижно вперивъ въ меня взглядъ, и въ его печальныхъ, серьезныхъ глазахъ, въ его глухомъ, взволнованномъ голосѣ было столько тоски, столько глубокаго убѣжденія, столько увѣренности въ пророческой правдѣ тѣхъ словъ, которыя онъ произносилъ. „Но я безъ страха жду довременный конецъ, — давно пора мнѣ міръ увидѣть новый“, — читалъ онъ, и я слы

шалъ въ этихъ словахъ и въ его тонѣ выраженіе его задушевной мысли, безнадежной, тяжелой увѣренности въ своей гибели.

Но прогулки подкрѣпляли его физическія силы, разговоръ отвлекалъ отъ сосредоточенія на мрачныхъ мысляхъ. Мало-по-малу у насъ составилась привычка сейчасъ послѣ обѣда уходить изъ дому и послѣ маленькой прогулки итти пить чай къ одной изъ его хорошихъ харьковскихъ знакомыхъ, учительницѣ женской гимназіи А. Ф. Т. Визиты эти мы дѣлали чуть не каждый день, и В. М. не разъ извинялся и просилъ у нея прощенія, что заноситъ къ ней свою тоску; но эти посѣщенія доставляли ему нѣкоторый отдыхъ. Мы сидѣли, пили чай, говорили объ литературѣ или о чемъ-нибудь постороннемъ; тихая, спокойная обстановка, разговоръ, уносившій его далеко отъ его личныхъ несчастій, деликатное и мягкое участіе хозяйки хорошо на него дѣйствовали, и онъ чувствовалъ себя лучше и спокойнѣе въ ея комнатѣ и въ ея присутствіи. Онъ вставалъ и уходилъ, извиняясь, что надоѣдаетъ ей своимъ печальнымъ видомъ, а на другой день приходилъ опять, чтобы „жаловаться“ и чтобы „поговорить о чемъ-нибудь хорошемъ“.

Позднѣе, въ Петербургѣ, онъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ ея участія и дружбы, что, думая объ этомъ тяжеломъ времени, онъ всегда вспоминаетъ свои посѣщенія А. Ф. и бесѣды съ ней за послѣобѣденнымъ чаемъ. „За то, что она для меня тогда дѣлала, я ей до конца жизни буду благодаренъ“, — говорилъ онъ.

Онъ пробылъ въ Харьковѣ около полутора мѣсяца, и состояніе его не улучшалось нисколько, скорѣе все ухудшалось. Въ половинѣ ноября онъ уѣхалъ въ Петербургъ, одержимый тоской и смутными, мрачными опасеніями.

Вскорѣ послѣ него я тоже уѣхалъ изъ Харькова на всю зиму и имѣлъ объ немъ мало свѣдѣній. Съ нимъ я не переписывался; отъ его родныхъ я зналъ, что они получаютъ отъ него иногда письма, и, повидимому, все болѣе и болѣе бодрыя. Наконецъ въ мартѣ 1880 г. я получилъ печальную и поразившую меня неожиданностью вѣсть, что Гаршинъ сошелъ съ ума.

Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, направляясь куда-то, въ Саратовскую, кажется, губернію, но сперва хотѣлъ заѣхать въ Харьковъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, онъ доѣхалъ до Тулы, гдѣ и остался. Родные его въ Харьковѣ получили отъ него оттуда письмо и ждали его со дня на день. Онъ все не ѣхалъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія и не получая отъ него больше никакихъ извѣстій, не получая отвѣта на письма, они снеслись по телеграфу съ тульскимъ полицеймейстеромъ и получили отъ него отвѣтъ слѣдующаго содержанія: Всеволодъ Гаршинъ проживалъ въ гостиницѣ, взялъ такого-то числа наемную верховую лошадь и, оставивъ въ гостиницѣ всѣ свои вещи, исчезъ неизвѣстно куда. Его братъ немедленно поѣхалъ въ Тулу, сталъ его искать по губерніи и, найдя черезъ нѣкоторое время у однихъ его знакомыхъ (ка-

жется, уже около Орла), пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Харьковъ. Всеволодъ былъ на границѣ полнаго безумія.

Я поѣхалъ въ Харьковъ, мнѣ хотѣлось его увидѣть. Это было въ концѣ марта или въ первыхъ числа апрѣля, на Вербной или на Страстной недѣлѣ. Я пришелъ къ Гаршинымъ часовъ въ восемь вечера и не засталъ Всеволода; онъ давно уже ушелъ куда-то и все еще не возвращался. Его родные стали разсказывать мнѣ подробности его заболѣванія и его похожденій. Мнѣ не хотѣлось уходить, не дождавшись и не увидѣвши Всеволода. Гаршины жили тогда въ маленькомъ двухъэтажномъ флигелѣ во дворѣ, на Подгорной улицѣ. Въ верхнемъ этажѣ былъ балконъ, выходившій въ садикъ. Въ нижнемъ помѣщалась ихъ столовая; окна ея выходили во дворъ; мы сидѣли здѣсь и пили чай; я помѣстился около самаго окошка. Долго мы сидѣли за самоваромъ; время шло, а Всеволода все не было; ужъ совсѣмъ свечерѣло, и на дворѣ стояла темная, пасмурная, весенняя ночь. Его хотѣли дождаться съ чаемъ; всѣмъ намъ было жутко; мы и такъ были возбуждены, а его долгое отсутствіе заставляло невольно безпокоиться. Гдѣ онъ? Ужъ не сотворилъ ли чего-нибудь? Вдругъ я услыхалъ рѣзкій и быстрый стукъ въ окошко, у котораго я сидѣлъ; оглянулся—и при свѣтѣ лампы, стоявшей на столѣ, съ трудомъ разглядѣлъ Всеволода. Онъ проходилъ по двору, увидѣлъ меня въ освѣщенное окошко и застучалъ мнѣ, весело улыбаясь и оживленными жестами выражая мнѣ привѣтствіе. Черезъ минуту онъ вбѣжалъ въ комнату и сталъ шумно выражать мнѣ, какъ радъ меня видѣть. Я не узналъ того Всеволода, съ которымъ простился осенью на Харьковскомъ вокзалѣ.

Онъ похудѣлъ и страшно загорѣлъ на мартовскомъ солнцѣ и вѣтрѣ во время своихъ скитаній по Тульской и Орловской губерніямъ. Онъ сталъ совсѣмъ какой-то черный отъ загара. Глаза его горѣли, какъ уголья; выраженіе тайной грусти, обыкновенно свѣтившееся въ нихъ, исчезло. Они сіяли теперь радостно, возбужденно и гордо. И весь онъ былъ такъ странно оживленный и счастливый, какимъ я его еще не видалъ.

На немъ было пальто и черная шляпа съ широкими полями. И пальто и платье были по грудь совершенно сырыя. Онъ разсказалъ намъ, что давно уже, чуть не съ полудня, ушелъ за городъ и тамъ гулялъ все время; въ одномъ мѣстѣ онъ наткнулся на рѣчку, не могъ ее обойти и перешелъ вбродъ: вода была ему по грудь. Нѣсколько часовъ ходилъ онъ мокрый, къ вечеру обсохъ немного, но все еще былъ сырой, мы не могли убѣдить его пойти переодѣться. Съ нимъ была папка, а въ ней, между листами газетной бумаги, онъ принесъ съ собой множество первыхъ весеннихъ цвѣтовъ; съ чувствомъ необыкновенной радости и удовольствія сталъ онъ ихъ перебирать, показывать мнѣ и перекладывать. Я спросилъ его, зачѣмъ они ему? „А какъ же! — воскликнулъ онъ. — Это для Герда гербарій; ему это очень нужно“.

Я пробылъ въ Харьковѣ два или три дня и каждый день подолгу проводилъ съ нимъ время. Онъ былъ въ состояніи крайняго возбужденія; лихорадочная дѣятельность его, разговоръ безъ умолку не прекращались ни на минуту. Отъ его осенней тоски не осталось и слѣда. Онъ имѣлъ теперь видъ человѣка увѣреннаго въ себѣ, гордаго, довольнаго, совершенно счастливаго. Онъ вовсе не производилъ страшнаго или непріятнаго впечатлѣнія; онъ былъ такъ же мягокъ въ обращеніи, ласковъ и любезенъ, какъ всегда. По крайней мѣрѣ, я его видѣлъ такимъ. Мнѣ разсказывали, что иногда онъ приходилъ въ состояніе крайняго раздраженія и вспыльчивости. При мнѣ этого не случалось, и въ немъ не было ничего, внушающаго безпокойство. Но его чрезвычайное нервное напряженіе невольно передавалось и его собесѣднику, и присутствіе его волновало: разговоръ съ нимъ, поневолѣ осторожный и неискренній, былъ тяжелъ. Говорилъ онъ безъ умолку, постоянно перескакивая съ одного предмета на другой, но безумнаго собственно въ это время въ его разговорѣ еще было мало. Всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшняго міра онъ былъ еще доступенъ, и бредъ его больного духа въ это время еще не заслонялъ передъ нимъ дѣйствительности, какъ это было позднѣе; только отношеніе къ дѣйствительности было у него ненормальное. Изрѣдка проскальзывало въ его разсказахъ кой-что такое, чего, можетъ-быть, и не было съ нимъ на самомъ дѣлѣ, а только казалось или мерещилось ему; въ общемъ же онъ еще довольно ясно сознавалъ и себя и дѣйствительность. Постороннему, чужому человѣку онъ съ перваго раза, вѣроятно, не показался бы сумасшедшимъ, а только очень оживленнымъ, счастливымъ и какимъ-то страннымъ человѣкомъ.

На другой день я пришелъ къ нему утромъ, часовъ въ 11, и засталъ его на балконѣ верхняго этажа ихъ домика, среди страшнаго хаоса вещей. Въ одной изъ этихъ комнатъ наверху онъ отгородилъ себѣ уголъ, заставилъ его какими-то шкапами и заклеилъ всѣ его стѣны вырѣзками изъ газетъ и рисунками изъ книгъ и иллюстрированныхъ изданій. На балконѣ же было чистое столпотвореніе вавилонское; протянуты какія-то веревки, небольшой круглый столикъ, опрокинутый вверхъ ногами, какъ-то долженъ былъ, по его словамъ, приводиться этими веревками въ движеніе... Онъ былъ весь погруженъ въ сооруженіе этой путаницы, веселъ и оживленъ, какъ наканунѣ, радостно привѣтствовалъ меня и немедленно посвятилъ меня въ свои занятія. Онъ устраивалъ именно машину для приготовленія изъ глины цвѣточныхъ горшковъ. Зачѣмъ они ему? Да какъ же, въ комнатахъ для цвѣтовъ нужны горшки (кажется, у Гаршиныхъ тогда никакихъ цвѣтовъ не было), и онъ непремѣнно хотѣлъ ихъ сдѣлать самъ. „Скажите мнѣ, — спросилъ онъ вдругъ: — какая, по-вашему, самая лучшая, первая книга на свѣтѣ?“ Я, конечно, затруднился отвѣтить ему.— „Самая лучшая книга—это Робинзонъ Крузо. Эта книга учитъ, что человѣкъ вполнѣ можетъ довольствоваться самимъ собою, можетъ все дѣлать для себя самъ“. Онъ сталъ

много и горячо говорить въ пользу этой мысли и доказывать, что если каждый человѣкъ будетъ все самъ для себя дѣлать и не заставлять работать на себя другихъ, не будетъ зависѣть отъ другихъ людей, то жить будетъ лучше, и масса всякаго рода зла исчезнетъ со свѣта. Онъ самъ хотѣлъ жить сообразно своимъ мыслямъ, все дѣлать самъ,—и начиналъ съ того, что строилъ машину для производства цвѣточныхъ горшковъ.

Напомню, что онъ говорилъ это въ 1880 году, когда еще вопросъ о томъ, что „человѣкъ долженъ все для себя дѣлать самъ", не поднимался еще у насъ въ литературѣ и обществѣ, ученіе нравственности Л. Н. Толстого не проникало еще въ публику, да и самъ авторъ „Въ чемъ моя вѣра" стоялъ еще на той точкѣ зрѣнія, о которой онъ разсказалъ намъ въ „Исповѣди". Слѣдовательно Всеволодъ Михайловичъ въ это время самъ по себѣ, вполнѣ самостоятельно, хотя и больной духомъ, пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывалъ позднѣе Л. Н. Толстой.

Въ этомъ разговорѣ Гаршинъ не касался литературныхъ достоинствъ Робинзона Крузо, а говорилъ только о его тенденціи; и тенденція эта казалась ему весьма высокою, настолько высокою, что онъ называлъ его „лучшею книгою на свѣтѣ". Позднѣе (въ 1886 году) мнѣ случалось нѣсколько разъ говорить съ нимъ объ этой же книгѣ, и его взглядъ былъ совсѣмъ другой. Всеволодъ Михайловичъ принималъ тогда участіе въ составленіи „Обзора дѣтской литературы", издававшагося подъ редакціей его и А. Я. Герда. Объ Робинзонѣ Крузо, какъ о патентованной дѣтской книжкѣ, рѣчь заходила часто, и Гаршинъ, діаметрально противоположно своему прежнему мнѣнію, не одобрялъ духа этой книги. По его словамъ, описаніе жизни Робинзона въ одиночествѣ и мораль разсказа: „человѣкъ можетъ вполнѣ обойтись безъ другихъ людей"— проникнуты эгоистическимъ, себялюбивымъ духомъ, и весь разсказъ есть „апоѳеозъ индивидуализма". Онъ противополагалъ ему другую книгу про Робинзона, французскаго писателя Сентина, гдѣ та же самая тема обработана въ совершенно противоположномъ духѣ. Робинзонъ Сентина подъ вліяніемъ одиночества, безъ общества другихъ людей, томился страшной тоской, искалъ какой-нибудь привязанности; единственнымъ такимъ существомъ, къ которому онъ могъ привязаться, была маленькая, прирученная имъ обезьянка, и когда она погибла, онъ совершенно одичалъ и впалъ въ звѣроподобное состояніе. Эта идея казалась ему гораздо болѣе нравственной и вѣрной, и онъ такъ заинтересовался Сентиномъ, что хотѣлъ самъ сдѣлать переработку той же фабулы. Одно время онъ даже ходилъ въ Публичную библіотеку и собиралъ литературный матеріалъ для своего разсказа; но, кажется, отъ этой мысли его отвлекло обычное весеннее нездоровье, и позднѣе онъ къ ней не возвращался.

Онъ написалъ отзывъ объ книгѣ Сентина, изданной по-русски для дѣтей, для „Обзора дѣтской литературы"; но третій выпускъ этого изданія уже не появлялся, и его рецензія не была напечатана.

Возвращаюсь къ разсказу. Въ этотъ же день я ходилъ гулять съ В. М. и, какъ и прежде, много и долго бродилъ съ нимъ по улицамъ. Обыкновенно довольно безпокойный спутникъ, теперь онъ сталъ еще тревожнѣе; ежеминутно его вниманіе перескакивало съ одного предмета на другой; желанія его и цѣли его прогулки постоянно мѣнялись; то онъ останавливался передъ окнами магазиновъ, гдѣ его внезапно привлекала какая-нибудь бездѣлушка или заглавіе книги, то заходилъ въ лавку или куда-нибудь въ мастерскую безъ всякой надобности. Все время онъ безъ умолку говорилъ, и говорилъ почти все о себѣ, о своихъ желаніяхъ и планахъ. Во время этой прогулки онъ разсказалъ мнѣ вкратцѣ про свое посѣщеніе графа Лорисъ-Меликова передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, посѣщеніе, странныя и трогательныя подробности котораго я узналъ лишь позднѣе отъ него же, когда онъ, уже здоровый, передавалъ мнѣ все, что было съ нимъ въ эту ночь, его поведеніе, его рѣчи и отвѣты графа. Теперь же я слушалъ его и не зналъ, вѣрить ему или не вѣрить. Потомъ онъ разсказывалъ мнѣ, съ таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ, не договаривая и говоря намеками, о какихъ-то странныхъ похожденіяхъ въ Москвѣ, гдѣ онъ будто бы былъ задержанъ, при чемъ долженъ былъ тайно выбросить свои деньги изъ кармана,— кому-то былъ предъявленъ и т. д. Объ томъ, какъ онъ потихоньку выбросилъ свои деньги, онъ говорилъ съ такимъ значительнымъ, таинственнымъ и гордымъ видомъ, какъ будто это было что-то необходимое и важное, и удавшееся ему, и онъ гордился своею удачею. Я не зналъ, вѣрить ему или нѣтъ, не зналъ, все ли въ его разсказѣ правда, или все продуктъ его разстроеннаго воображенія, или наполовину правда, наполовину бредъ; и не знаю этого и до сихъ поръ.

Утромъ слѣдующаго дня я засталъ его уже за другимъ занятіемъ. Во дворѣ, въ глухомъ углу между двумя каменными стѣнами и заборомъ, онъ дѣятельно и торопливо перекапывалъ заступомъ землю, приготовляя грядки для цвѣтовъ или для огорода. Я замѣтилъ ему, что онъ выбралъ темное мѣсто для своихъ насажденій; онъ оглянулся, посмотрѣлъ на окружающія стѣны и немедленно возразилъ: „это ничего, я оклею стѣны листами бѣлой бумаги, тогда будетъ много отраженнаго свѣта“.

Я уѣхалъ и увидѣлъ его вновь черезъ мѣсяцъ, въ маѣ, уже въ харьковской больницѣ для умалишенныхъ, на такъ-называемой Сабуровой дачѣ; теперь онъ былъ въ такомъ состояніи, что съ перваго слова въ немъ виденъ былъ сумасшедшій. Я посѣтилъ его вмѣстѣ съ его братомъ и д-ромъ Ѳ. Г. Поповымъ. Мы нашли его въ большомъ саду, принадлежащемъ больницѣ; онъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, узналъ всѣхъ троихъ—узнавать знакомыхъ онъ, кажется, не переставалъ и въ самый разгаръ болѣзни—и много съ нами разговаривалъ. Онъ бралъ поочереди то брата, то меня, то д-ра Попова и, гуляя подъ-руку по аллеѣ, горячо бесѣдовалъ. Онъ говорилъ со мною торжественно и таинственно о какихъ-то важныхъ своихъ предпріятіяхъ, но трудно было понять что-

нибудь въ его рѣчахъ. Онъ говорилъ о своихъ врагахъ; гдѣ-то за стѣной, на которую онъ робко указывалъ, жилъ какой-то принцъ или князь, его врагъ, съ которымъ у него должна была быть дуэль; лицо его на мгновеніе вспыхнуло злобой — странное, непривычное ему выраженіе. Съ какою искреннею, тяжелою ненавистью смотрѣлъ онъ и указывалъ мнѣ на тотъ уголъ сада, гдѣ въ его фантазіи жилъ этотъ вымышленный врагъ его! Но это выраженіе быстро исчезло, какъ только разговоръ его принялъ другое направленіе. Мои очки привлекли его вниманіе, онъ попросилъ ихъ у меня и надѣлъ; но, обладая хорошимъ зрѣніемъ, онъ не могъ смотрѣть въ нихъ и, отодвинувъ ихъ на самый кончикъ носа, смотрѣлъ сверху. Вдругъ, замѣтивъ, что мнѣ неловко безъ очковъ, онъ захотѣлъ ими подѣлиться—переломилъ оправу, отдалъ мнѣ одно стекло, а другое оставилъ у себя въ рукахъ.

Онъ былъ худъ и изнуренъ, страшно возбужденъ и взволнованъ. Общій строй его, тонъ его разговора, привѣтствія, которыми отъ времени до времени онъ обмѣнивался съ другими больными, — все казалось мнѣ дикимъ, страннымъ, непохожимъ на прежняго В. М. Я живо припомнилъ все это позднѣе, читая „Красный цвѣтокъ".

Я надолго уѣхалъ изъ Харькова и за время его болѣзни не видѣлъ больше Всеволода Михайловича. Пробывъ нѣкоторое время на Сабуровой дачѣ, оставившей въ немъ, какъ я знаю, самое дурное воспоминаніе, онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ здѣсь въ лѣчебницѣ д-ра Фрея, гдѣ скоро и оправился. Но до полнаго выздоровленія было еще далеко. Безуміе прошло, но смѣнилось вновь состояніемъ тоски и крайняго упадка силъ, въ еще болѣе жестокой степени, чѣмъ то, которымъ его болѣзнь началась. Въ такомъ положеніи его привезли осенью 1880 г. къ роднымъ въ Харьковъ; люди, видѣвшіе его въ это время, говорили, что онъ производилъ ужасное впечатлѣніе: это былъ живой трупъ, нравственный трупъ. Всякая душевная дѣятельность была поражена въ немъ, онъ находился въ состояніи глубокаго угнетенія и безысходной тоски. Такимъ его увидѣлъ дядя его, Вл. Ст. Акимовъ, пріѣхавшій на короткое время въ Харьковъ, и увезъ его съ себѣ въ деревню.

Въ деревнѣ В. С. Акимова, Ефимовкѣ, въ Херсонской губерніи, около Днѣпровско-Бугскаго лимана, недалеко отъ Николаева, Всеволодъ Михайловичъ прожилъ почти полтора года. Спокойная деревенская жизнь, заботливый уходъ и дружелюбіе всего семейства его дяди, южнорусскій климатъ и природа, которые онъ такъ любилъ, мало-по-малу сдѣлали свое дѣло, и онъ сталъ оправляться, но чрезвычайно медленно и постепенно.

Когда онъ оправился настолько, что сталъ интересоваться окружающимъ міромъ и возобновилъ свои прежнія связи и отношенія, я сталъ ему писать и обмѣнивался съ нимъ отъ времени до времени письмами во все время его жизни въ деревнѣ.

Весной 1882 года, чувствуя себя наконецъ вполнѣ здоровымъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ въ это время уже не было его родныхъ, и пробылъ у меня два дня. Я увидѣлъ его мужественнымъ, загорѣлымъ, бодрымъ и очень веселымъ. Хотя въ Петербургѣ его ожидала полная неизвѣстность, какъ онъ устроитъ свою судьбу въ матеріальномъ отношеніи, но онъ былъ тѣмъ не менѣе веселъ и волновался ожиданіемъ вновь увидѣть старый міръ, старыхъ друзей.

Я, конечно, ни словомъ не намекалъ ему объ его болѣзни; но не успѣлъ онъ пробыть въ моей комнатѣ пятнадцати минутъ, умываясь и переодѣваясь съ дороги, какъ уже сказалъ мнѣ: „Я еще долженъ вамъ очки купить“. Я не обратилъ вниманія на это замѣчаніе, и онъ больше не заводилъ уже рѣчи объ очкахъ; но я былъ непріятно пораженъ его словами: неужели онъ помнитъ все, что было съ нимъ во время его болѣзни? Дѣйствительно, онъ все помнилъ

Вотъ что онъ писалъ мнѣ еще изъ Ефимовки въ отвѣтъ на мое первое письмо къ нему:

„Живу я, что называется, понемногу, вѣрнѣе, совсѣмъ не *живу*, такъ какъ отправляю только растительные процессы: ѣмъ, сплю, встаю, опять ѣмъ и т д. Думать—почти не думаю, да, по правдѣ сказать, оно и лучше, потому что все, что только наводитъ на какія-нибудь мысли, такъ темно и неприглядно... Болѣе всего угнетаютъ меня безобразныя, мучительныя воспоминанія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Господи, какъ извращаетъ человѣка болѣзнь!.. Чего я только ни надѣлалъ въ своемъ безумствѣ. Хотя и существуетъ мнѣніе, что человѣкъ съ больнымъ мозгомъ неотвѣтственъ за свои поступки, но я по себѣ вижу, что оно не такъ. По крайней мѣрѣ то, что называется совѣстью, мучитъ меня ничуть не менѣе за сдѣланное во время изступленія, какъ если бы его и вовсе не было“.

Нѣсколько ниже въ томъ же письмѣ онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

„Живешь-живешь благополучно—вдругъ, какъ тать въ нощи—нервозность. Мнѣ кажется, впрочемъ, что если бы я велъ жизнь не столь безобразную (въ головномъ отношеніи), а правильно работалъ, т.-е. добросовѣстно вызубрилъ бы курсъ хоть Горнаго института, то, можетъ-быть, и не заболѣлъ бы. Думаю, вопреки всѣмъ психіатрамъ, что умственный трудъ—правильный, конечно—не способствуетъ, а предотвращаетъ развитіе „психоза“—есть же на свѣтѣ такія скверныя слова“.

Годы не ослабляли въ немъ этого тягостнаго чувства. Позднѣе, въ Петербургѣ, онъ не разъ говорилъ мнѣ о своей болѣзни. Онъ помнилъ все, что съ нимъ было, всѣ свои похожденія, безумные поступки, и эти воспоминанія остались для него навсегда мучительными. Иногда ночью, проснувшись на нѣсколько минутъ, онъ вспоминалъ что-либо изъ времени своего безумія, и не было у него мыслей тяжелѣе. Онъ мучился

совѣстью: по его словамъ, самыя тяжелыя угрызенія (а я, зная близко жизнь этого чистаго человѣка, думаю, что и единственныя) для его совѣсти—это было сожалѣніе о вещахъ, совершенныхъ въ безуміи. Сознаніе невиновности, невмѣняемости не облегчало его души—какъ это видно изъ приведеннаго мною письма его. Онъ отлично понималъ, что былъ боленъ, былъ безуменъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ его не осудитъ — да, насколько мнѣ извѣстно, онъ и не причинилъ никому вреда своими безумными дѣйствіями; но онъ не успокаивался и мучился.

Я помню, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ изъ его болѣзненныхъ поступковъ, который онъ разсказывалъ мнѣ, какъ образчикъ той замѣчательной раздвоенности сознанія, которая часто бывала у него во время болѣзни. Это было еще въ первое его помѣшательство, когда ему было 17 лѣтъ; и тогда также онъ былъ помѣщенъ въ лѣчебницу д-ра Фрея. Онъ вышелъ гулять однажды въ садъ или на дворъ, не помню, и, увидѣвши стоящій стулъ, опрокидываетъ его и начинаетъ толкать передъ собой. При этомъ стулъ въ его мозгу немедленно превращается въ плугъ, и онъ пашетъ: черезъ минуту онъ вспоминаетъ, какъ онъ читалъ однажды про китайскаго императора, въ извѣстный день въ году совершающаго собственноручно священный обрядъ паханія земли, — и вотъ онъ — китайскій императоръ за плугомъ. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ чувствуетъ себя китайскимъ императоромъ и видитъ въ стулѣ плугъ, ни на минуту не переставая въ то же время сознавать, что онъ—Гаршинъ, а стулъ—стулъ.

Повидимому, все содержаніе „Краснаго цвѣтка“—кромѣ конца, конечно — носитъ въ высокой степени автобіографическій характеръ и есть художественная исповѣдь самого Всеволода Михайловича *).

III.

Въ 1883 году онъ женился и получилъ мѣсто въ Петербургѣ, и съ этого времени въ его жизни до самаго конца ея почти не было внѣшнихъ перемѣнъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ почти безвыѣздно, и съ 1884 по 1888 годъ я вновь видался съ нимъ постоянно.

---

*) Изъ его писемъ изъ Ефимовки приведу еще одинъ маленькій, поэтическій отрывокъ.

28 ноября 1881 г. (Дядя его уѣхалъ съ дочерью на время въ Петербургъ, и Всеволодъ Михайловичъ остался почти безъ общества). «А всетаки, какъ ни крѣпись, а надо признаться, жутко бываетъ иногда здѣсь. Особенно ночью, когда всѣ лягутъ спать (я не сплю большею частью часовъ до двухъ): вѣтеръ воетъ (вѣтры здѣсь такіе, какихъ я никогда не испыталъ), лиманъ ревётъ, и мертвечина и пустота кругомъ страшныя. Если читаешь что-нибудь, часто слова уходятъ изъ глазъ, и начинаютъ проходить передъ тобою цѣлыя вереницы былыхъ сценъ, знакомыя лица. Боже мой, какъ все это далеко теперь и во времени и въ пространствѣ! Какъ-то чудно видѣть себя одинокимъ и молчащимъ, того самаго, который всегда отличался неистовой любовью къ людской толкотнѣ».

Служба и обычная петербургская сутолока отнимали у него много времени, и работалъ онъ мало. Его собственная непосѣдливость, любовь къ обществу и наклонность къ безпорядочному блужданію часто уводили его изъ дому, а его необыкновенная мягкость, добродушіе и деликатность не умѣли оградить его отъ всякихъ нарушеній покоя, причиняемыхъ многочисленными, подчасъ докучными, подчасъ даже назойливыми посѣтителями, втягивавшими его въ то или другое дѣло, въ тѣ или другія хлопоты. Все это поглощало у него массу времени, и болѣе или менѣе регулярно работать могъ онъ только по утрамъ, до ухода на службу. Онъ и любилъ пользоваться этими утренними часами.

Ему часто приходилось слышать замѣчанія и сожалѣнія и въ печати и въ частныхъ разговорахъ, что онъ мало пишетъ, и эти замѣчанія огорчали его. Въ дурныя минуты онъ часто съ сокрушеніемъ говорилъ, что, видно, литературная карьера его подходитъ къ концу, и онъ никогда не напишетъ ничего значительнаго; его знакомые говорили обыкновенно, что служба и разсѣянная жизнь мѣшаютъ ему работать. Хотя это было до извѣстной степени и справедливо, но я все-таки думаю, что главная причина его незначительной продуктивности была другая, болѣе глубокая внутренняя причина. Литературная работа слишкомъ утомляла его, слишкомъ напрягала его нервы, чтобы онъ могъ постоянно или часто заниматься ею. Онъ не могъ писать спокойно и не волнуясь; его маленькіе разсказы требовали отъ него сильнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, и созданія его воображенія глубоко его волновали. Писалъ онъ свои разсказы недолго, обыкновенно даже очень быстро, исписывая мелкимъ почеркомъ маленькіе, безпорядочные клочки бумаги; но когда онъ садился писать, обыкновенно весь разсказъ былъ уже готовъ у него въ головѣ.

Онъ обдумывалъ его на улицѣ, во время своихъ продолжительныхъ прогулокъ, или дома, работая за переплетнымъ станкомъ; онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что главное удовольствіе, доставляемое ему переплетаніемъ книгъ, состоитъ въ томъ, что за этимъ занятіемъ такъ хорошо думать.

Переплетнымъ мастерствомъ онъ занимался съ большою любовью и посвящалъ ему обыкновенно почти каждый день предобѣденные и послѣобѣденные часы. Онъ былъ вообще большой любитель всякихъ физическихъ упражненій и особенно разныхъ ручныхъ работъ; постоянный житель города, онъ имѣлъ мало случаевъ удовлетворять своимъ наклонностямъ, но былъ очень способенъ на всякую физическую и механическую работу. Его нервность, его живая, подвижная натура не давала покоя его рукамъ, вѣчно ищущимъ дѣятельности, и когда въ нихъ попадали какія-нибудь вещи, инструменты, мелкіе приборы, клочокъ бумаги или веревка—они подвергались цѣлому ряду фантастическихъ превращеній. Дѣти любятъ разобрать каждую игрушку и узнать ея устройство: эта дѣтская черта вполнѣ была въ характерѣ Всеволода Михайловича.

Когда я, возвращаясь домой, находилъ въ своей комнатѣ какой-нибудь особенно странный безпорядокъ — книги, разложенныя узоромъ, или на столѣ огромное сооруженіе, на верхушкѣ котораго качалась на кончикѣ пера записка, я зналъ уже, что это заходилъ безъ меня Всеволодъ Михайловичъ.

Давно когда-то, въ Харьковѣ, за его умѣнье дѣлать искусственныя гирлянды и украшенія изъ цвѣтовъ и листьевъ, кто-то шутя дразнилъ его сходствомъ съ гоголевскимъ губернаторомъ, умѣвшимъ даже „вышивать по тюлю“. Это сравненіе его очень забавляло, и онъ любилъ самъ подсмѣиваться надъ своими „тюлевыми“ упражненіями

Эти „тюлевыя“ способности, способность ко всякому механическому мастерству, весьма неожиданно сослужили ему однажды службу и при другихъ условіяхъ, можетъ-быть, дѣйствительно развили бы изъ него хорошаго инженера или механика. Ему пришлось быть какъ-то вечеромъ у одного стараго знакомаго своего инженера; разговоръ зашелъ у нихъ о преміи, которая была въ это время назначена за устройство особаго приспособленія къ вагонамъ для перевозки хлѣба. Пустившись въ обсужденіе требуемыхъ условій и придумывая поочереди то или другое приспособленіе, они мало-по-малу договорились до такихъ подробностей, что у нихъ вышелъ цѣлый проектъ вагона, и они рѣшили представить его на премію. Проектъ былъ тутъ же написанъ и составилъ, кажется, всего одинъ листъ бумаги. Сестра его товарища-инженера переписала его, и они рѣшили, если получатъ премію, раздѣлить ее на три части, по числу сотрудниковъ. Все это было сдѣлано въ одинъ вечеръ. И что же? Премія въ самомъ дѣлѣ досталась ихъ проекту, и Всеволодъ Михайловичъ получилъ третью часть, что-то около 700 рублей. Надсонъ, жившій тогда за границей, въ шуточномъ письмѣ къ Всеволоду Михайловичу, поздравлялъ его съ успѣхомъ на инженерскомъ поприщѣ и предсказывалъ ему великую желѣзнодорожную будущность.

Вообще Гаршинъ былъ человѣкъ въ высшей степени разносторонній и интересовался всѣмъ, чѣмъ только интересуются люди. Начитанность его была обширна и разнообразна, а превосходная память помогала ему сохранять въ головѣ обширный запасъ свѣдѣній. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, хотя, какъ это часто бываетъ, самъ былъ невысокаго мнѣнія и о своихъ познаніяхъ и о своихъ способностяхъ. Десятки разъ онъ съ сокрушеннымъ видомъ говорилъ мнѣ, какъ ослабѣла его память въ сравненіи съ тѣмъ, какова она была у него въ 17—20 лѣтъ. Все, что читалъ онъ тогда, всѣ пріобрѣтенныя въ тотъ періодъ свѣдѣнія навсегда остались въ его головѣ; а въ послѣдніе годы чтеніе стоило ему, по его словамъ, большого труда; можетъ-быть, это было и такъ, можетъ-быть, память его съ возрастомъ относительно и ослабѣла; но все-таки была далеко не ординарной силы. О чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, онъ всегда удивлялъ своими неожиданными, казалось бы, совершенно ему излишними и мало интересными для него

свѣдѣніями. Его ясный, аналитическій умъ помогалъ ему изъ каждой книги, слегка даже имъ просмотрѣнной, извлечь все цѣнное и значительное и откинуть все ненужное или второстепенное.

На первомъ планѣ, конечно, стояла для него русская литература, и онъ зналъ ее очень хорошо. У него былъ тонкій вкусъ и отличное критическое пониманіе. Сужденія его были мѣтки и оригинальны, и отзывы его были всегда вполнѣ искренни и самостоятельны; все, что онъ говорилъ, было его собственное, продуманное; онъ былъ въ высшей степени самостоятеленъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ. Если онъ и грѣшилъ иногда пристрастіемъ, то развѣ къ произведеніямъ своихъ пріятелей или людей, къ которымъ онъ лично былъ расположенъ. Разговоры съ нимъ объ литературѣ составляли для меня всегда большое удовольствіе; не разъ говорилъ я ему, отчего онъ ограничивается беллетристикой, отчего не пишетъ критическихъ этюдовъ. Въ прежніе годы я получалъ отъ него отвѣтъ, что онъ не хочетъ „мѣшать два эти ремесла“ и не хочетъ писать что-либо, кромѣ повѣстей, боясь, что одна работа другой помѣшаетъ; онъ измѣнилъ этому рѣшенію только для двухъ-трехъ статей о художественныхъ выставкахъ. Какъ-то прошлою осенью у насъ возобновился этотъ разговоръ; мы говорили объ романахъ М. Серао, печатавшихся въ переводѣ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Всеволоду Михайловичу очень нравился талантъ итальянской писательницы, и онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ мѣткихъ и оригинальныхъ замѣчаній о типѣ журналиста въ ея романѣ, что я опять невольно замѣтилъ ему, какъ бы хорошо онъ сдѣлалъ, если бы отъ времени до времени писалъ этюды по выдающимся явленіямъ литературы, русской или иностранной, все равно. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ, но черезъ нѣсколько времени, когда мы вмѣстѣ вышли на улицу, онъ грустно сказалъ мнѣ, что его огорчили мои слова. Я удивился — почему. „Мнѣ кажется, ты потому совѣтуешь мнѣ писать статьи, что втайнѣ думаешь—я никогда больше не буду въ состояніи писать разсказы“... Я долженъ былъ успокаивать его, говорить, что не смущаюсь его болѣзнью, не сомнѣваюсь въ его литературной будущности.

За современнымъ движеніемъ литературы онъ слѣдилъ внимательно, и всякое проявленіе новаго таланта его сердечно радовало. Покойнаго Надсона онъ близко зналъ и любилъ и считалъ его очень талантливымъ. Въ послѣдніе годы жизни поэта, когда онъ, умирая отъ чахотки, жилъ то за границей, то въ Кіевѣ, то въ Крыму, Всеволодъ Михайловичъ постоянно переписывался съ нимъ и радъ былъ хоть какой-нибудь бездѣлицей доставить ему мимолетное удовольствіе. Онъ писалъ ему остроумныя, полныя юмора письма; однажды онъ сочинилъ даже цѣлое посланіе на церковно-славянскомъ языкѣ, тщательно выводя славянскія буквы — тоже одно изъ его „тюлевыхъ“ умѣній. Изъ-за Надсона онъ разошелся и прекратилъ отношенія съ г. Минскимъ, послѣ рецензіи послѣдняго на стихотворенія Надсона.

Съ величайшею симпатіей встрѣтилъ онъ появленіе разсказовъ г. Короленко и позднѣе г. Чехова; въ его сердцѣ не было никогда ни тѣни зависти къ чужому успѣху.

Онъ любилъ изучать старую русскую литературу, и нѣкоторыя старинныя произведенія были его любимыми книгами, которыя онъ зналъ почти наизусть. Къ числу таковыхъ принадлежало, напр., житіе протопопа Аввакума. Онъ зналъ также много наизусть изъ старыхъ поэтовъ, изъ Ломоносова и Державина, любилъ цитировать Державина и указывать на его поэтическія достоинства. Пушкина и Лермонтова онъ перечитывалъ изъ года въ годъ. Онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что Пушкина надо каждый годъ перечитывать, потому что съ каждымъ годомъ жизни открываешь въ немъ все новыя черты. Я засталъ его какъ-то за „Евгеніемъ Онѣгинымъ"; онъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ плакалъ, читая, плакалъ не потому, что былъ тронутъ какими-нибудь мѣстами самой поэмы, а плакалъ отъ умиленія и восторга при мысли, что у насъ былъ такой поэтъ. „Вотъ стихи, которые я тысячу разъ читалъ, и всякій разъ замѣчаю новыя подробности". Онъ сталъ читать мнѣ отъѣздъ Лариныхъ изъ деревни и указалъ на стихъ: „Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ", какъ на перлъ добродушнаго юмора, ускользавшій до сихъ поръ отъ его вниманія.

Но настоящимъ властителемъ его думъ былъ Левъ Толстой. Его произведенія были для него настольною книгой, несравненнымъ образцомъ художественнаго творчества. Человѣческая жизнь, изображенная въ романахъ Толстого, была для него какъ бы еще болѣе реальной, еще болѣе дѣйствительной, чѣмъ настоящая жизнь. Съ субъективнымъ отношеніемъ Толстого, съ его оцѣнкой жизни и жизненныхъ явленій (въ его романахъ) онъ не всегда соглашался, но художественный матеріалъ, но поэзія его—были для него предметомъ безусловнаго поклоненія. Говоря о какомъ-нибудь общественномъ явленіи или о душевной жизни человѣка, онъ ссылался на примѣры изъ романовъ Толстого, какъ на нѣчто вполнѣ реальное, какъ на неоспоримые аргументы. Онъ перечитывалъ его десятки разъ и помнилъ всякую подробность. О герояхъ и о разныхъ событіяхъ изъ романовъ Толстого онъ часто въ разговорѣ упоминалъ такимъ тономъ, какъ будто это былъ не вымыселъ, а дѣйствительные люди, истинныя происшествія.

Говоря о Толстомъ, нельзя обойти молчаніемъ его сочиненій послѣдняго времени, посвященныхъ вопросамъ морали. Вс. М. внимательно читалъ ихъ, интересовался всѣмъ, что̀ выходило изъ-подъ пера Льва Толстого, но не соглашался съ его выводами. Самая сущность ученія Л. Н. Толстого казалась ему ошибочной, какъ ученія, стремящагося построить жизнь на разсудочной почвѣ; между тѣмъ жизнь управляется, по мнѣнію В. М., главнымъ образомъ страстями людей, и пороки и несчастія человѣческой жизни не отъ того происходятъ, что люди не понимаютъ умомъ, что̀ хорошо и что̀ дурно. Ученіе о „непротивленіи злу"

было ему несимпатично; онъ не одобрялъ Толстого за его презрѣніе къ историческому развитію нравственности, къ „историческому взгляду“ на жизнь. Онъ любилъ ссылаться при этомъ на русскую исторію, на нашествіе татаръ, напр., и примѣнять къ такимъ явленіямъ теорію непротивленія злу, въ видѣ deductio ad absurdum.

Это не мѣшало ему, конечно, сочувствовать цѣлямъ и дѣятельности „Посредника“. Онъ былъ друженъ съ П. Г. Чертковымъ и относился къ нему съ большою симпатіею и уваженіемъ.

„Власть тьмы“ онъ встрѣтилъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Кажется, одинъ только разъ въ жизни Гаршину пришлось выступить въ качествѣ оратора, и это было именно по поводу „Власти тьмы“. Въ одномъ небольшомъ обществѣ была прочитана авторомъ рецензія на „Власть тьмы“, возмутившая В. М., и онъ возражалъ на нее цѣлою рѣчью, произнесенною экспромтомъ. Рѣчь эта была опроверженіе рецензіи и подробный разборъ „Власти тьмы“, и говорилъ онъ превосходно. Казалось, онъ вложилъ всю душу въ защиту своего любимаго писателя; въ сильномъ волненіи, онъ говорилъ быстро и страстно, сыпля цитатами; но, несмотря на страстное чувство, на негодующій, восторженный, взволнованный тонъ его рѣчи, тонъ, невольно забиравшій за сердце и подымавшій нервы, онъ съ строгой логической послѣдовательностью приводилъ одинъ аргументъ за другимъ, и рѣчь его вышла стройною, законченною, логически-цѣльною. Автора рецензіи и многихъ изъ слушателей онъ, впрочемъ не убѣдилъ; но никто уже не возражалъ ему. Онъ защищалъ пьесу Толстого противъ обвиненія въ безнравственности; по его мнѣнію, „Власть тьмы“ была настоящая, истинная трагедія, какъ ее понимали греки: по Аристотелю, трагедія должна вызывать въ зрителѣ „ужасъ и состраданіе“; „Власть тьмы“ именно и вызываетъ ужасъ и состраданіе *).

Съ европейскими литературами Гаршинъ не былъ знакомъ съ такою же подробностью; ему мѣшало плохое знаніе языковъ, такъ какъ только на французскомъ языкѣ онъ могъ читать свободно. Съ дѣтства не выучившись языкамъ практически, онъ потомъ никогда уже не могъ этого

---

*) Ему не пришлось лично познакомиться съ великимъ художникомъ — если не считать, конечно, его посѣщенія Ясной-Поляны въ періодъ болѣзни. Въ 1884 или 1885 году, бывая на короткое время въ Москвѣ, онъ вновь посѣтилъ его, былъ радушно принятъ графиней, но самого, Л. Н. Толстого въ это время въ Москвѣ не было. Мнѣ извѣстно, — и, я думаю, не будетъ нескромностью съ моей стороны упомянуть объ этомъ, — что Л. Н. Толстой относился къ нему очень хорошо: онъ говорилъ, что Гаршинъ—одно изъ самыхъ симпатичныхъ явленій въ русской литературѣ за послѣднія двадцать лѣтъ. Когда Гаршинъ явился къ нему въ Ясную-Поляну, весной 1879 г., Л. Н. не имѣлъ объ немъ никакого понятія, какъ о писателѣ. Но лѣтомъ, кажется, этого же года Тургеневъ обратилъ его вниманіе на новый талантъ, появившійся въ русской литературѣ. Л. Н. Толстой прочиталъ разсказы В. М. и вспомнилъ тогда о той скромности, съ которой онъ въ разговорѣ мимоходомъ упомянулъ, что онъ «пописываетъ».

сдѣлать, хотя часто огорчался своимъ незнаніемъ. Не разъ принимался онъ за систематическое чтеніе по-нѣмецки или по-англійски, за грамматику и упражненія, но скоро утомлялся и бросалъ. Онъ вовсе не былъ лѣнивъ, но не могъ быть усидчивымъ; онъ никогда не могъ заниматься тѣмъ, что̀ требовало много терпѣнія и выучки (кромѣ чисто-ручного труда, какъ я упоминалъ выше). Однообразный и утомительный трудъ, частое повтореніе одного и того же были ему не по нервамъ.

Въ одномъ письмѣ изъ Ефимовки онъ пишетъ:

„Представьте себѣ нижеслѣдующій казусъ: я только-что порвалъ письмо къ вамъ, съ великимъ трудомъ написанное мною по-англійски. Я уже довольно давно принялся снова долбить англійскія слова и пр.; вчера же мнѣ пришло въ голову поэксплоатировать васъ по этой части (я тогда тоже одно время учился англійскому языку). Поэтому я и настрочилъ посланіе въ первый разъ въ жизни на чужомъ языкѣ, но оно вышло до того возмутительно-глупо, что я его порвалъ, а къ вамъ пишу ужъ по-русски, какъ и всѣ святые угодники дѣлывали“.

Позднѣе въ Петербургѣ онъ одно время опять возобновилъ свой англійскій языкъ и ѣздилъ для занятій куда-то необыкновенно далеко, къ Александровскому селу, какъ бы подтверждая этимъ замѣчаніе одного изъ его друзей, говорившаго, что у Гаршина въ характерѣ „нѣкоторая любовь къ неудобствамъ“. Онъ бралъ урокъ у молодого англичанина и сочинялъ для него фразы въ родѣ слѣдующей: the use of Kalinkin beer is more preferable, than the use of Neva water. Но и эти путешествія онъ скоро бросилъ. А между тѣмъ англійскій языкъ особенно привлекалъ его; національный геній англійскаго народа былъ для него всегда предметомъ уваженія и глубокаго интереса. Когда онъ мечталъ о поѣздкѣ за границу, то на первомъ планѣ всегда стояли Англія и Лондонъ. Шелъ какъ-то разговоръ о великихъ людяхъ; ни одинъ народъ, по его мнѣнію, не могъ выставить двухъ такихъ именъ, какъ Ньютонъ и Дарвинъ: „и если я прибавлю къ нимъ еще третье великое имя—Шекспира, то должно сказать, что это дѣйствительно первый народъ на землѣ“.

Тѣмъ не менѣе классиковъ европейскихъ, равно какъ кой-что изъ классической литературы древности (въ переводахъ, разумѣется), онъ зналъ хорошо. Два европейскихъ писателя пользовались его особенною любовью—это Диккенсъ и Андерсенъ. Слогу диккенсовскихъ героевъ онъ любилъ подражать въ шутку въ своихъ письмахъ. Вліяніе андерсеновскихъ сказокъ отразилось на его собственной литературной дѣятельности. Онъ сказалъ мнѣ какъ-то, что ему хотѣлось бы издать когда-нибудь всѣ свои сказки отдѣльной книжечкой съ общимъ посвященіемъ „великому учителю своему Гансу-Христіану Андерсену“.

Кстати о сказкахъ—я припоминаю анекдотъ, разсказанный имъ мнѣ о происхожденіи его сказки про жабу и розу. Это было на вечерѣ у Я. П. Полонскаго; игралъ А. Г. Рубинштейнъ, а прямо противъ Рубинштейна усѣлся и пристально смотрѣлъ на него весьма несимпатичный

Гаршину (нынѣ уже умершій). непріятнаго вида, чиновный старикъ. Гаршинъ смотрѣлъ на нихъ обоихъ, и, какъ антитеза къ Рубинштейну и къ его противному слушателю, у него мелькнула мысль о жабѣ и розѣ; подъ звуки музыки Рубинштейна у него складывалась въ головѣ незатѣйливая фабула и трогательныя слова его маленькой сказки.

Онъ очень любилъ живопись и, насколько я знаю, и въ этой области искусства обладалъ хорошимъ вкусомъ и пониманіемъ: всякая художественная выставка привлекала надолго его вниманіе. Смолоду, еще въ студенческіе годы, онъ много вращался въ средѣ молодыхъ художниковъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ — напр., съ М. Е. Малышевымъ — остался друженъ на всю жизнь. Позднѣе его знакомства въ художественномъ мірѣ еще болѣе расширились, особенно среди членовъ товарищества передвижныхъ выставокъ: онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ И. Е. Рѣпинымъ и Н. А. Ярошенко. Члены товарищества приглашали его на свои обычные обѣды передъ началомъ выставки, гдѣ въ качествѣ званаго гостя, кромѣ Гаршина, бывалъ еще Д. И. Менделѣевъ.

Ко всей области естественныхъ наукъ у него былъ всегда живой интересъ, и къ наукѣ онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ припомнилъ какъ-то слова Менделѣева (въ „Основахъ химіи“) о томъ, „какъ привольно, свободно и радостно живется въ научной области“, и замѣтилъ, какъ хороши эти слова въ устахъ автора, и какъ рѣдки люди, для которыхъ понятенъ ихъ смыслъ: „онъ думаетъ, всѣмъ тамъ такъ же хорошо, какъ ему“.

Выросшій въ то время, когда у насъ естественныя науки были въ особенной модѣ и литература наводнялась популярными, по большей части переводными книгами по естествознанію, онъ въ молодости и проглотилъ множество такихъ книгъ; да и позднѣе онъ также прочитывалъ все, что̀ попадало ему подъ руку изъ этой области. Онъ занимался когда-то, въ гимназіи еще и въ Горномъ институтѣ, много ботаникой, гербаризировалъ, порядочно зналъ русскую флору и любилъ собирать растенія; впрочемъ, въ этой наклонности играло роль, я думаю, и эстетическое удовольствіе—онъ любилъ цвѣты и растенія—какъ и вообще природу. О лѣтѣ, о степи, о животныхъ, дикихъ и домашнихъ, о ихъ нравахъ и привычкахъ—могъ онъ говорить цѣлые часы; въ его разсказахъ было много поэзіи, много юмору и отличной наблюдательности. Въ медленную и холодную петербургскую весну онъ вспоминалъ о югѣ: „съ какимъ удовольствіемъ, — говорилъ онъ мнѣ однажды: — надѣлъ бы я теперь высокіе сапоги и ходилъ бы по грязи у насъ въ Старобѣльскѣ“.

Имя Дарвина было для него одно изъ величайшихъ именъ, и къ нашимъ доморощеннымъ анти-дарвинистамъ онъ относился съ враждебной насмѣшкой. Его раздражала, конечно, не самая критика дарвиновскихъ теорій, не разборъ фактическихъ данныхъ, а тотъ тонъ, который позволяли себѣ по отношенію къ великому мыслителю наши газетные ученые. Они не понимаютъ того, говорилъ онъ, что если бы даже всѣ

теоретическіе взгляды Дарвина были поколеблены, его заслуга отъ этого не уменьшится. Онъ взглянулъ на міръ иными глазами, чѣмъ смотрѣли до него; онъ научилъ людей иначе думать. Его критики не замѣчаютъ того, что, когда они даже опровергаютъ его, они идутъ въ томъ же направленіи, которое имъ указано, смотрятъ на вещи такъ, какъ онъ научилъ смотрѣть.

Онъ взялъ какъ-то у А. Я. Герда томъ книги Дарвина о прирученныхъ животныхъ и прочиталъ весь подъ-рядъ. Когда А. Я. Гердъ выразилъ ему свое удивленіе, какъ онъ могъ одолѣть эту массу мелочей, мельчайшихъ фактовъ, не представляющихъ для него никакого интереса, В. М. отвѣтилъ, что именно эти страницы книги онъ читалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Онъ читалъ и любовался, съ какимъ безконечнымъ вниманіемъ, терпѣніемъ и добросовѣстностью Д. нанизываетъ безконечный рядъ мельчайшихъ фактовъ, съ какимъ строгимъ и постояннымъ анализомъ добивается онъ ключа къ истинѣ; и какъ эти мелочи, въ которыхъ запутался бы всякій изслѣдователь, въ его рукахъ, путемъ напряженнаго вниманія, тщательнаго изученія и сравненія, получаютъ вдругъ смыслъ, слагаются въ одно стройное цѣлое. Статья проф. Тимирязева (Климента Аркадьевича) о книгѣ Данилевскаго („Русск. Мысль" за 1887 г.) была прочитана Вс. М. съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Женатый на женщинѣ-врачѣ, онъ имѣлъ случай часто касаться разныхъ вопросовъ медицины и русскаго медицинскаго міра. Его интересъ къ медицинѣ, въ особенности къ ея общественному значенію, былъ въ значительной степени интересъ художника. Умный врачъ, по его мнѣнію, гораздо шире и яснѣе могъ понимать жизнь, чѣмъ человѣкъ съ другимъ образованіемъ. Онъ читалъ часто журналъ „Врачъ" профессора Манассеина, получаемый Надеждою Михайловной. Прошлой весной (1887) я засталъ его разъ послѣ того, какъ онъ только-что прочиталъ во „Врачѣ" одну замѣчательную статью проф. Тарновскаго. Онъ далъ мнѣ ее прочитать; статья поразила его, какъ замѣчательная картина нравовъ, какъ изображеніе такихъ странныхъ характеровъ и такихъ возмутительныхъ сторонъ общественной жизни, которыя доступны только изученію врача, — и только врачъ же можетъ вполнѣ оцѣнить и истолковать ихъ значеніе. „И какъ это превосходно, сильно и умно написано",—говорилъ онъ.

При такой разносторонности интересовъ, В. М. Гаршинъ былъ одаренъ сильнымъ умомъ, и умомъ въ высшей степени свободнымъ и самостоятельнымъ. Никогда, несмотря на крайнюю мягкость своего характера, не поддавался онъ вліянію чужихъ мнѣній, никогда не боялся безпристрастно и искренно высказать свой взглядъ, какъ бы онъ ни шелъ въ разрѣзъ съ мыслями и чувствами его собесѣдника; и когда вы говорили съ нимъ, вы чувствовали невольно, что этотъ человѣкъ дѣйствительно серьезно передумалъ то, что̀ говоритъ, и искренность его не

подлежитъ никакому сомнѣнію; часто онъ останавливался посреди своей быстрой обыкновенно рѣчи и, придумывая, пріискивалъ слово, — какъ бы возможно точно и добросовѣстно выразить всѣ оттѣнки, всѣ подробности своей мысли.

Ко всѣмъ явленіямъ жизни онъ относился критически, и его наклонность къ анализу и строгая честность еще въ юношествѣ дѣлали для него невозможнымъ увлеченіе многими иллюзіями, несмотря на его жажду общеполезнаго дѣла, на болѣзненное ощущеніе злыхъ сторонъ жизни, на порывы самопожертвованія. По вопросамъ общественной жизни онъ не принадлежалъ, строго говоря, ни къ одному изъ нашихъ направленій: свободный отъ увлеченій, онъ безпристрастно и терпимо относился къ чужимъ теоретическимъ взглядамъ, которыхъ самъ нисколько не раздѣлялъ. Но это вовсе не былъ индифферентизмъ къ вопросамъ политики и общественной жизни; его независимость и безпристрастіе не мѣшали ему къ нѣкоторымъ направленіямъ русской жизни и къ нѣкоторымъ литературнымъ лагерямъ относиться безусловно враждебно.

Какъ на характерную черту его строгаго отношенія къ русской дѣйствительности, я могу указать на то живое чувство одобренія, которое возбудила въ немъ первая статья Вл. Соловьева: „Россія и Европа", въ „Вѣстникѣ Европы" за 1888 г. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ прочиталъ ее съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ. По его словамъ, въ статьѣ много увлеченій и несправедливо-рѣзкихъ отзывовъ, но всѣ крайности и неточности ея отнюдь не нарушаютъ вѣрности ея основной мысли, ея главнаго содержанія. „Я бы, по настоящему времени, велѣлъ эту статью прочитать каждому юношѣ въ Россіи",—говорилъ онъ мнѣ.

Я съ трудомъ рѣшаюсь говорить здѣсь о характерѣ Всеволода Михайловича; я знаю, что не сумѣю достаточно ясно разсказать про глубокое благородство его души, про его доброту и сердечность, не сумѣю передать тотъ оттѣнокъ трогательной грусти и поэзіи, которыми вѣяло отъ всей его личности. Его чрезвычайная нѣжность и мягкость, благородное изящество всего его душевнаго облика дѣлали его обаятельнымъ человѣкомъ. Я зналъ его двѣнадцать лѣтъ; я любилъ его ясный умъ, любилъ его занимательный, оживленный разговоръ, цѣнилъ его изящный, всѣми признанный, литературный талантъ. Но для меня, какъ, вѣроятно, и для всѣхъ, кто его лично зналъ, его умъ и его талантъ какъ-то блѣднѣли и отходили на второй планъ передъ необыкновенною прелестью его личнаго характера. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный въ полномъ смыслѣ этого слова. Я часто думалъ, что если можно представить себѣ такое состояніе міра, когда въ человѣчествѣ наступила бы полная гармонія, то это было бы тогда, если бы у всѣхъ людей былъ такой характеръ, какъ у Всеволода Михайловича. И что̀ же? Единственный человѣкъ, который казался мнѣ

намекомъ на возможность осуществленія такой мысли, былъ самъ глубоко-несчастный, душевно-больной человѣкъ.

Онъ не былъ способенъ ни на какое дурное движеніе душевное. Основная черта его была — необыкновенное уваженіе къ правамъ и чувствамъ другихъ людей, необыкновенное признаніе человѣческаго достоинства во всякомъ человѣкѣ, не разсудочное, не вытекающее изъ выработанныхъ убѣжденій, а безсознательное, инстинктивно свойственное его натурѣ. Чувство человѣческаго равенства было ему присуще въ высшей степени; всегда, со всѣми людьми безъ исключенія, держался онъ одинаково. Говорилъ ли онъ съ знаменитымъ, заслуженно пользующимся блестящимъ успѣхомъ, человѣкомъ, или съ робкимъ новичкомъ, впервые пробующимъ свои силы; съ человѣкомъ, стоящимъ на высшихъ общественныхъ ступеняхъ, или съ несчастнымъ бѣднякомъ, не имѣющимъ куска хлѣба,—въ его манерахъ, въ его тонѣ, въ его непринужденной, благожелательной вѣжливости я не замѣчалъ никогда ни малѣйшей разницы. Онъ уважалъ право всякаго человѣка имѣть свои интересы, а съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, умѣлъ всегда войти въ кругъ желаній и понятій своего собесѣдника, понять и оцѣнить значеніе тѣхъ интересовъ, которые его занимаютъ.

Добръ и мягокъ онъ былъ подчасъ до забавнаго, до того, что его друзей брала на него досада. Но доброта его не вытекала, какъ это бываетъ иногда, изъ близорукой довѣрчивости къ людямъ и изъ непониманія ихъ. Нисколько. Правда, случалось и ему увлекаться на короткое время людьми, которые затѣмъ быстро повергали его въ полное разочарованіе и вынуждали его подшучивать надъ самимъ собой и своимъ увлеченіемъ. Но это случалось рѣдко, и отношенія эти бывали обыкновенно мимолетны. Онъ легко и ясно видѣлъ слабости и недостатки людей, глупыхъ и дурныхъ людей понималъ отлично, рѣдко вдавался въ обманъ и вовсе не относился къ нимъ въ сущности дружелюбно; но, когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, котораго онъ въ глубинѣ души не любилъ и не уважалъ, онъ не могъ, въ силу самой натуры своей, относиться къ нему иначе, какъ благодушно и ласково, какъ будто въ его глазахъ ни одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не заслуживалъ дурного, враждебнаго, холоднаго къ себѣ отношенія. Онъ, вѣроятно, и не думалъ этого вовсе, но безсознательно, всѣмъ поведеніемъ своимъ, выражалъ это. Онъ часто вызывалъ противъ себя нареканія за такой, какъ казалось, индифферентизмъ. Это не былъ индифферентизмъ, это была неспособность проявленія чувствъ злобы и вражды противъ кого бы то ни было.

Насмѣшливость совершенно не была въ его характерѣ. Онъ любилъ трунить и добродушно подсмѣиваться надъ своими друзьями, охотно и самъ въ свою очередь подвергался шуткамъ. Но я въ жизни не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ кому-либо въ лицо насмѣшку или самую незначительную колкость; если онъ хотѣлъ выразить

свое неодобреніе, то всегда говорилъ серьезно и открыто, и всегда съ огорченіемъ.

Когда онъ узнавалъ о какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ, дурномъ поступкѣ, мнѣ кажется, въ немъ сильнѣе пробуждалось чувство участія къ пострадавшему, чѣмъ негодованія противъ обидчика. А все-таки иногда онъ бывалъ вспыльчивъ, и если на его глазахъ случалась какая-нибудь гадкая, злая обида, онъ могъ выходить изъ себя и безъ малѣйшаго колебанія и раздумья становился на защиту обижаемаго, не стѣсняясь въ выраженіяхъ вражды. Теорія непротивленія злу и казалась ему особенно несимпатичною своею холодною разсудочностью.

Мнѣ хочется здѣсь прибавить еще одно замѣчаніе по поводу одного довольно распространеннаго, но, по-моему, ошибочнаго взгляда на личность Всеволода Михайловича. На его произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ какой-то неопредѣленной печали, содержаніе ихъ всегда мрачное, и тонъ разсказа сквозитъ сдержанной грустью. Общій характеръ его поэзіи опредѣляютъ обыкновенно какъ мрачный и унылый, и это, вообще говоря, справедливо. Кромѣ того, Всеволодъ Михайловичъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ меланхоликъ, много мѣсяцевъ своей недолгой жизни проведшій въ состояніи самой мрачной тоски. И тѣмъ не менѣе въ здоровое время, даже въ то самое время, когда онъ писалъ свои мрачные разсказы, онъ не только не былъ пессимистомъ, но вовсе не былъ скорбнымъ, разочарованнымъ, разстроеннымъ человѣкомъ, какимъ онъ часто представлялся своимъ читателямъ. Несмотря на свою затаенную грусть, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени жизнерадостный (какъ это ни покажется парадоксально). У него была огромная способность понимать и чувствовать счастье жизни. Его разносторонняя, впечатлительная, богато одаренная натура была крайне чутка ко всему доброму и хорошему въ мірѣ; всѣ источники радости и наслажденія въ человѣческой жизни были ему доступны и понятны. Страстный цѣнитель искусствъ, онъ всей душой любилъ поэзію, живопись и музыку, никогда не уставалъ ими наслаждаться. Знатокъ и любитель природы, онъ чрезвычайно чутко относился ко всѣмъ ея красотамъ, ко всѣмъ ея проявленіямъ; онъ любилъ небо и звѣзды, море и степь, звѣрей и растенія; книга-природа была для него великолѣпная книга, каждая страница которой доставляла ему наслажденіе. Онъ любилъ людей, былъ общительнаго характера, и человѣческое общество ему, доброму, скромному и въ высшей степени терпимому человѣку, всегда было пріятно, всегда доставляло удовольствіе. Онъ любилъ всякія физическія упражненія, всякій ручной трудъ и съ увлеченіемъ и радостью предавался имъ. Словомъ, всѣ источники и удовольствія, какіе только существуютъ для людей, всѣ были ему доступны. Для него міръ былъ полонъ прекраснаго; онъ не думалъ, что „жизнь міра есть грѣхъ и зло“; онъ тѣмъ болѣе ненавидѣлъ зло, что оно было на его взглядъ чудовищнымъ контрастомъ съ той радостью и красотой, которую онъ видѣлъ въ мірѣ.

Если я прибавлю къ этому, что онъ былъ здоровъ, крѣпокъ и ловокъ физически; что онъ былъ вполнѣ счастливъ въ своей семейной жизни, нѣжно любилъ жену и имѣлъ въ ней лучшаго и преданнаго друга; что у него было много дружескихъ отношеній, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей, почти не зная враговъ, — казалось бы, сколько условій для хорошей, счастливой жизни!

А между тѣмъ чувство затаеннаго страданія никогда не погасало въ немъ. Было ли это неизгладимое воспоминаніе о перенесенныхъ несчастіяхъ, или смутное, безсознательное предчувствіе чего-то ужаснаго и мрачнаго въ будущемъ, Богъ вѣсть! Ко всякой радости, ко всякому наслажденію примѣшивалась у него какая-то тайная горечь. Приходило время, и въ теченіе нѣсколькихъ дней В. М. изъ бодраго и веселаго человѣка превращался въ страдальца, недоступнаго самому ощущенію удовольствія, способнаго только къ болѣзненнымъ впечатлѣніямъ.

IV.

Послѣ двухлѣтняго періода здоровья, съ 1884 года его душевная болѣзнь вступила въ новый фазисъ, довольно странный и очень мучительный. Каждую весну, въ апрѣлѣ—маѣ, онъ заболѣвалъ меланхоліей. Заболѣваніе обыкновенно происходило въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ начиналъ немножко скучать, чувствовать упадокъ силъ и духа, и черезъ нѣсколько дней онъ дѣлался такимъ же мрачнымъ, разстроеннымъ, неспособнымъ ни на какой трудъ, какимъ онъ былъ осенью 1879 года. Упадокъ силъ, страшная, безпричинная тоска, не покидающая его ни на минуту, безсонница—вотъ общія черты его болѣзни.

Это началось съ 84-го года. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ онъ началъ скучать. Лѣтомъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ:

...„Не писать къ вамъ у меня были свои причины; я думаю, вы, хорошо зная меня, уже догадываетесь, какія. Я страшно хандрю всѣ эти полгода, самой скверной, безпричинной хандрой, и ужасно боюсь, какъ бы не заболѣть. Мнѣ не такъ страшно умереть, какъ заболѣть. А не будь около меня Надежды Михайловны, непремѣнно заболѣлъ бы... Теперь у меня нѣтъ острой, мучительной тоски, но апатія и лѣнь чудовищныя. И нѣтъ никакихъ силъ сбросить ихъ съ себя. Очень плохи мои дѣла, В. А.“

Когда я въ августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, я засталъ его уже здоровымъ. Въ слѣдующіе годы тоска его становилась сильнѣе и все болѣе и болѣе захватывала осенніе мѣсяцы. Промучивши его цѣлое лѣто, это меланхолическое состояніе проходило въ августѣ—сентябрѣ, проходило такъ же быстро и внезапно, какъ появлялось. Иной разъ было даже удивительно. Три дня тому назадъ видѣлъ Гаршина въ самомъ несчастномъ видѣ; смотришь—онъ идетъ бодрый, спокойный, а еще черезъ два дня веселъ и подвиженъ, какъ будто съ нимъ ничего не было.

У него былъ одинъ странный симптомъ въ его болѣзни. Со времени

наступленія тоски онъ не могъ курить; какъ только болѣзнь начинала его покидать, у него вдругъ снова появлялся аппетитъ и вкусъ къ куренію. Онъ зналъ это и въ концѣ лѣта съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ ждалъ, когда онъ будетъ опять въ состояніи курить. Это ожиданіе раздѣляли и его окружающіе. Бывало, невольно слѣдишь, скоро ли увидишь В. М. съ папиросой. Иногда онъ самъ, въ минуты кажущагося облегченія, когда видѣлъ кого-нибудь курящаго, бралъ папиросу и для опыта закуривалъ. Если табакъ былъ все еще ему противенъ, онъ съ печальнымъ видомъ бросалъ ее; какъ только куренье дѣлалось ему доступнымъ,—онъ зналъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ здоровъ.

Въ эти тяжкіе, ежегодно повторявшіеся періоды жена его была ему неоцѣненнымъ другомъ, помощникомъ, нянькой. Съ безконечнымъ терпѣніемъ ухаживала она за нимъ, успокаивала, берегла его, отстраняя отъ малѣйшихъ трудовъ, хлопотъ и волненій, день и ночь возилась около него, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь, облегчить и успокоить. Онъ былъ тяжелъ въ это время; его мрачный, страдающій видъ производилъ невольно угнетающее впечатлѣніе. Его слезы и жалобы разстраивали. Иногда онъ становился раздражительнымъ. Безпомощный и изнеможенный, онъ не могъ исполнять самыхъ пустыхъ житейскихъ мелочей; пойти куда-нибудь по самому пустому дѣлу былъ для него невыносимый трудъ. Служба его, обыкновенно мало его утомлявшая, даже развлекавшая его, превращалась для него въ каторгу. И надобно отдать справедливость учрежденію, въ которомъ онъ служилъ. И главный завѣдующій имъ и всѣ сослуживцы относились къ Гаршину съ полнымъ участіемъ, съ самымъ искреннимъ вниманіемъ. Во время его заболѣванія ему доставляли всевозможныя облегченія, обыкновенно освобождали даже совсѣмъ отъ его обязанностей, до его выздоровленія. И онъ высоко цѣнилъ дружелюбное участіе и хорошее расположеніе своихъ сослуживцевъ и чувствовалъ къ нимъ самую теплую благодарность.

Его благодарность и нѣжность къ женѣ не имѣли предѣловъ. Когда онъ былъ боленъ, она была для него все; безъ ея любви, безъ ея мужественнаго характера, онъ погибъ бы, можетъ-быть, еще гораздо раньше. Онъ чувствовалъ это и платилъ ей всей привязанностью своего сердца.

Однажды осенью, въ началѣ сентября, года два-три тому назадъ, я встрѣтился съ нимъ разъ у однихъ общихъ знакомыхъ, куда онъ зашелъ ненадолго, хотя былъ еще боленъ. Какъ-то случилось, что мы остались одни въ комнатѣ: онъ не могъ удержаться и зарыдалъ; слезы градомъ текли по его лицу, и онъ говорилъ мнѣ: „Если бы ты зналъ, какое это ужасное страданіе! Не будь Нади, я бы не медля ни минуты покончилъ съ собою“. А дней черезъ десять онъ былъ опять здоровъ и, казалось, забылъ и думать о своей болѣзни.

Такъ онъ прожилъ, съ чередующимися состояніями здоровья и меланхоліи, до 1887 года.

V.

Зимой 1886—1887 года онъ сталъ готовиться къ работѣ, мысль о которой давно его занимала: онъ мечталъ написать романъ изъ эпохи Петра Великаго. Онъ сталъ изучать литературу объ этомъ времени и читалъ все, что̀ зналъ, что̀ могъ достать или купить по исторіи Петра и XVII—XVIII вѣковъ. Чтеніе это все больше и больше увлекало его; но изъ самого романа, кажется, не было у него написано ни строчки. Былъ, кажется, набросанъ планъ; мало-по-малу выяснялись для него фабула и содержаніе романа; кажется, центральною частью должна была быть судьба царевича Алексѣя Петровича (онъ любилъ картину Ге и говорилъ, что, по его мнѣнію, Ге удалось вѣрно схватить и передать типъ царевича).

Какъ-то разъ въ маѣ мѣсяцѣ (1887) я встрѣтился съ нимъ случайно на улицѣ, и, пользуясь тѣмъ, что до обѣда оставалось еще часа три, а погода стояла прекрасная, хоть и пасмурная, мы пошли гулять и совершили одну изъ тѣхъ длинныхъ, безцѣльныхъ и безпорядочныхъ прогулокъ, которыя онъ такъ любилъ: ѣздили по какимъ-то конкамъ, переплывали Неву, и когда пошелъ небольшой дождь, то В. М. заявилъ, что „сія плювія“ не должна помѣшать нашему удовольствію. Въ концѣ концовъ мы очутились въ паркѣ на Петербургской Сторонѣ, куда В. М. привлекло, по его словамъ, непреодолимое желаніе увидѣть бегемота— т.-е. пойти въ Зоологическій садъ смотрѣть звѣрей. И мы, вѣроятно, застряли бы тамъ надолго, если бы не спохватились наконецъ, что уже поздно, и что жена будетъ его ждать къ обѣду и безпокоиться, какъ она всегда безпокоилась смутной тревогой, когда онъ долго не возвращался. Поэтому къ бегемоту мы не попали, но были около домика Петра Великаго, и В. М. принялся съ жаромъ говорить о Петрѣ—въ этомъ году это была одна изъ любимыхъ темъ его разговора. „Я представляю себѣ, какъ великій человѣкъ шелъ по этому самому мѣсту, гдѣ мы теперь идемъ“, — сказалъ онъ и признался, что часто представляетъ себѣ въ воображеніи мощную фигуру Петра то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ Петербурга. Онъ любилъ Петербургъ, и для него, какъ для Пушкина, Петербургъ оставался неразрывно связаннымъ съ образомъ его основателя.

Зналъ онъ городъ превосходно, до мельчайшихъ закоулковъ, и былъ живымъ путеводителемъ по Петербургу; онъ помнилъ всякіе историческіе событія и анекдоты, связанные съ различными мѣстами и постройками города. Не разъ объяснялъ и разсказывалъ онъ мнѣ подробности разныхъ происшествій на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Это была моя послѣдняя прогулка съ нимъ. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ и оставилъ его совершенно здоровымъ и веселымъ. Это имѣло большое значеніе, такъ какъ была уже половина мая, и въ предыдущіе годы онъ въ это время заболѣвалъ; теперь же онъ чувствовалъ себя пока прекрасно; можетъ-быть, это нужно было приписать поѣздкѣ въ

Крымъ, которую онъ совершилъ на пасхальныхъ каникулахъ,—но только обычный его недугъ не наступалъ, и можно было надѣяться, что пощадитъ его на это лѣто. Онъ безконечно радовался своему здоровью и ждалъ только, чтобы счастливо миновалъ іюнь мѣсяцъ, собираясь воспользоваться представившейся ему въ этомъ году возможностью покинуть Петербургъ на лѣтніе мѣсяцы и думая уѣхать или на югъ Россіи, или за границу, въ Англію—свою старинную мечту. Я обѣдалъ у него наканунѣ моего отъѣзда и давно не видалъ его такимъ милымъ, радостнымъ и счастливымъ; жизнь такъ и била въ немъ ключомъ. Уйдя отъ него и выйдя на дворъ дома, гдѣ онъ жилъ, я увидѣлъ, что онъ высунулся изъ открытаго окна 4-го этажа и еще разъ прощался со мной; я крикнулъ ему, что забылъ у него свои папиросы—и вмѣсто того, чтобы выслать мнѣ ихъ съ прислугой, онъ сейчасъ же, вѣрный своему обыкновенію, сдѣлалъ себѣ изъ этого забаву — сталъ осторожно спускать мнѣ папиросницу изъ окна на длинной ниткѣ. Но нитка хватила только на два этажа, папиросница упала къ моимъ ногамъ, а В. М. смѣялся, какъ ребенокъ. Я не слыхалъ уже больше этого дѣтски-наивнаго, веселаго смѣха.

Его отличное расположеніе духа вселяло и во мнѣ надежду, что на этотъ разъ, можетъ-быть, онъ останется здоровымъ и на лѣто. И дѣйствительно его болѣзнь долго не приходила. Въ концѣ іюня я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„15 іюня 1887 г. Милый другъ, прошу тебя простить за неэтикетную бумагу и вѣрить, что она совершенно не соотвѣтствуетъ моему къ тебѣ уваженію. Я все ждалъ увѣдомленія о твоемъ точномъ адресѣ, но изъ сегодняшнаго свиданія съ В. вынесъ твердую увѣренность, что тебѣ слѣдуетъ писать до востребованія.

„Искали-искали мы дачи и не нашли. Поѣздки за дачей въ Лѣсной полутора- и двухчасовыя такъ напугали меня, что я отказался отъ мысли ѣздить каждый день въ городъ. Къ тому же въ началѣ іюля я ужъ навѣрно уѣду въ Англію или на югъ, или не знаю куда; слѣдовательно переселяться пришлось бы только на мѣсяцъ. Поэтому мы кончили переселеніемъ (horribile dictu!) въ таможню *), въ чемъ я, къ своему удовольствію, не раскаиваюсь. Живемъ мы втроемъ съ Н. Предпринимаемъ морскія путешествія неограниченнаго числа и продолжительности. Ходимъ подъ парусами, пальто и даже зонтиками и ватерпруфами. На-дняхъ придетъ новая двухмачтовая лодка, пріобрѣтаемая нами въ полное распоряженіе. Ѣзда на пароходѣ (3/4 часа) неутомительна и допускаетъ чтеніе, такъ что времени пропащаго не Богъ знаетъ сколько (онъ говоритъ про свои поѣздки на службу). Занимаюсь я преимущественно Петровщиной; прочелъ много, но сколько осталось еще! Думаю съѣздить въ Царское къ Пыпину: я прочелъ недавно его статью о Петрѣ (о мнѣніяхъ о немъ) въ „В. Е.“, и очень захотѣлось поговорить съ нимъ.

---

*) Къ роднымъ его жены.

Кромѣ того, почти кончилъ разсказъ, который врядъ ли увидитъ свѣтъ. Не знаю, порвать его или отложить. Очень деликатный для меня вопросъ. Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ фигурируетъ фантастическій элементъ и, можешь себѣ представить, наука. А такъ какъ дѣйствующія лица могутъ говорить о наукѣ, не превышая уровня пониманія автора, то выходитъ дѣло очень плохо. Такъ какъ я писалъ для себя, то для меня оно, можетъ-быть, и интересно: почему же и мнѣ не говорить и не думать о наукѣ („и кошка имѣетъ право смотрѣть на короля"), но что̀ сказали бы Скабичевскій и бирюлевскія барышни *), если бы я вздумалъ философствовать печатно! Горька моя судьба!"

Это письмо еще болѣе подтвердило мои надежды на благополучный исходъ лѣта для Всеволода Михайловича,—но надежды эти не оправдались. Болѣзнь, казалось, дала ему только отсрочку, чтобы съ тѣмъ большею силою овладѣть имъ. Въ послѣднихъ числахъ іюня онъ началъ скучать и съ іюля мѣсяца былъ уже въ полной меланхоліи, на этотъ разъ оказавшейся роковой.

Въ сентябрѣ я пріѣхалъ и поѣхалъ къ нему, къ Нарвской заставѣ, гдѣ онъ жилъ у родныхъ своей жены. Я засталъ его въ обычномъ, больномъ, лѣтнемъ состояніи духа; онъ тосковалъ и имѣлъ очень дурной видъ. Но, какъ обыкновенно, въ теченіе разговора онъ постепенно оживлялся и за обѣдомъ разговаривалъ довольно много и съ нѣкоторымъ интересомъ о разныхъ предметахъ. Но когда послѣ обѣда ушла его жена и мы остались съ нимъ одни, онъ вдругъ опять измѣнился въ лицѣ и сталъ съ ужасомъ и съ горькими слезами говорить мнѣ о себѣ. Онъ говорилъ, что погибаетъ; что онъ не можетъ служить, неспособенъ ни къ какой работѣ, что впереди ему предстоитъ нищета и сумасшествіе. „Я полный банкротъ, во всякомъ смыслѣ, и въ матеріальномъ и въ нравственномъ,—говорилъ онъ.—Вѣдь я схожу съ ума, понимаешь ты это, я чувствую, я чувствую, что я схожу съ ума", — твердилъ онъ, глядя на меня безумными глазами, съ искаженнымъ отъ ужаса и отчаянія лицомъ. Ужасъ его невольно сообщался и мнѣ; но я зналъ, что всякія утѣшенія здѣсь безполезны, и сталъ упрекать его, говоря, что онъ мучитъ себя боязнью и ложными предчувствіями, что теперешняя тоска его ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ его меланхолическихъ періодовъ и также пройдетъ быстро и безслѣдно съ наступленіемъ осени и первыхъ холодовъ. Мало-по-малу онъ успокоился, ободрился, заговорилъ объ осени, о предстоящей зимѣ и, между прочимъ, передалъ мнѣ содержаніе разсказа, о которомъ писалъ мнѣ лѣтомъ.

Это была странная исторія, съ яркимъ фантастическимъ характеромъ, съ медіумическими явленіями и пространными діалогами научнаго и философскаго характера. Общій смыслъ ея былъ — защита ересей въ наукѣ, протестъ противъ научной нетерпимости, противъ исключитель-

---

*) Въ тургеневской повѣсти «Затишье».

ной ортодоксальности людей ученаго міра. Дѣйствующія лица повѣсти были ученые, старые и молодые, профессора университета и ученики ихъ, начинающіе, но гордые знаніемъ и враждебные ко всему, что̀ „не научно“, химики и физики. Между прочимъ, тамъ появлялись съ своими теоретическими взглядами и дѣйствительныя лица, не названныя, конечно, но описанныя съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ ихъ индивидуальныхъ чертъ, и между ними профессора Менделѣевъ и Манассеинъ. Оба они были всегда предметомъ глубокаго уваженія В. М., и, лично знакомый съ пр. Манассеинымъ, онъ отзывался объ немъ съ симпатіей, но, не будучи нисколько ни спиритомъ ни гомеопатомъ, не одобрялъ ихъ отношенія къ этимъ „ересямъ“. Въ повѣсти аргументація его основывалась главнымъ образомъ на исторіи науки, на томъ, сколько разъ уже ученія и теоріи, казавшіяся и всѣми признаваемыя за нелѣпость, за грубыя заблужденія, за суевѣріе — оказывались основанными на вполнѣ реальныхъ фактахъ и открывали для научнаго изслѣдованія такія области, такія явленія, самое существованіе которыхъ никѣмъ не подозрѣвалось.

Главными дѣйствующими лицами разсказа были два молодыхъ пріятеля, одинъ начинающій ученый, молодой самодовольный педантъ, другой—тоже натуралистъ по образованію, но не занимающійся спеціально наукой, замкнутый въ себѣ, странный, болѣзненный чудакъ, можетъ-быть, тоже съ легкимъ „психозомъ“ и съ сильною наклонностью къ отвлеченному мышленію. Онъ вѣчно сидитъ одинъ въ своей комнатѣ и думаетъ, и додумался до медіумическихъ явленій. По просьбѣ своего ученаго друга, пораженнаго новыми и таинственными явленіями, онъ показалъ то, до чего онъ додумался, избранному обществу ученыхъ скептиковъ—и поплатился, заранѣе это зная, за обнаруженіе своей „творческой силы“ всей своей душевной дѣятельностью: послѣ сеанса онъ впалъ въ неизлѣчимое слабоуміе. При этомъ въ повѣсти былъ описанъ петербургскій университетъ, зданіе физическаго кабинета, старинное зданіе, которое всегда интересовало Всеволода Михайловича.

Онъ передалъ мнѣ весь разсказъ послѣдовательно и подробно, многихъ мѣстахъ, вѣроятно, прямо подлинными словами, какъ было написано, и все, что̀ онъ разсказывалъ, было очень умно и очень интересно; несмотря на отвлеченныя разсужденія, самый интересъ разсказа и фабулы все болѣе и болѣе возрасталъ, а фантастическій элементъ, полный странной, нѣсколько болѣзненной поэтичности, придавалъ всему разсказу особенный оригинальный оттѣнокъ. Вообще это была вещь въ высшей степени оригинальная. Онъ написалъ ее въ іюнѣ, кажется, всего въ нѣсколько дней, а когда заболѣлъ, то сжегъ рукопись, и теперь, разсказывая мнѣ, глубоко сожалѣлъ объ этомъ и говорилъ, что не сможетъ ужъ вновь написать позднѣе, „когда поправится“.

Но ему уже не суждено было поправиться. Пришла осень, пришли холода, ему не становилось лучше. Тоска не покидала его. Въ октябрѣ

онъ долженъ былъ возобновить свои служебныя занятія, но не могъ и вышелъ въ отставку. Жизнь его совершенно вышла изъ колеи. Онъ плакалъ, жаловался на свои страданія и приходилъ все въ большее и большее отчаяніе. По ночамъ его мучила безсонница, и засыпалъ онъ часто не раньше 5 часовъ утра; проснувшись, онъ не имѣлъ силы встать съ постели и лежалъ иногда до 3, до 4 часовъ дня. Никакого занятія онъ не могъ переносить; его переплетный станокъ всю зиму пролежалъ безъ употребленія.

Общество людей нѣсколько развлекало его, но ненадолго. Иногда, когда къ нему собиралось вечеромъ нѣсколько друзей и завязывался живой разговоръ о всякихъ вещахъ — о литературѣ, о политикѣ, о природѣ, онъ, сначала вялый, молчаливый и грустный, постепенно оживлялся, голосъ его становился громче и сильнѣе, онъ стряхивалъ съ себя тоску свою и дѣлался на нѣкоторое время тѣмъ же умнымъ и живымъ собесѣдникомъ, какимъ онъ былъ обыкновенно. Но какъ только онъ оставался одинъ, минутное, искусственное оживленіе исчезало мгновенно, и душой его опять овладѣвалъ мракъ отчаянія.

Я жилъ близко отъ него, и онъ довольно часто заходилъ ко мнѣ на короткое время. Взойдетъ унылый и тоскливый въ своей шубѣ и теплой шапкѣ, нехотя раздѣнется и бродитъ вяло по комнатѣ, заглядывая, по своей всегдашней привычкѣ, во всѣ книги и трогая всѣ вещи, которыя попадались ему на глаза. Предложите ему чаю, онъ откажется; но если нальешь ему стаканъ и усадишь его за столъ, онъ станетъ пить и разговаривать, и, постепенно оживляясь, мало-по-малу принимался болтать, даже шутить и смѣяться. Уходя, онъ сразу дѣлался мрачнымъ: онъ зналъ, что за дверями его ждетъ и караулитъ злая тоска.

Друзья его совѣтовали ему уѣхать; но онъ ни за что не хотѣлъ, боялся даже уѣхать зимой изъ Петербурга. Онъ боялся безлюдья и зимней дурной погоды гдѣ-нибудь на югѣ, куда бы онъ могъ поѣхать. Н. А. и М. П. Ярошенко предлагали ему ѣхать въ Кисловодскъ и жить тамъ у нихъ на дачѣ.

Такъ проходилъ мѣсяцъ мартъ (1888 г.), и ему вдругъ стало лучше. Однажды, въ первыхъ числахъ марта, утромъ, въ неурочное время, часовъ въ 8, онъ вдругъ явился ко мнѣ. Видъ у него былъ веселый, глаза его блестѣли. Онъ сказалъ, что не спалъ всю ночь и рано утромъ вышелъ изъ дому погулять и зашелъ ко мнѣ, думая, что я уже всталъ. Онъ показался мнѣ въ крайне возбужденномъ состояніи; я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на него, и непріятно звучали для меня слова его: „простите сумасшедшаго, который васъ потревожилъ“. Онъ сѣлъ и обратился ко мнѣ съ нѣкоторою торжественностью: „я пришелъ сообщить тебѣ замѣчательную новость“. Я подумалъ, что это что-нибудь новое въ его отношеніяхъ къ своимъ роднымъ. „Нѣтъ, — сказалъ онъ: — это вовсе ни меня ни нашихъ не касается. Новость вотъ какая: въ Россіи появился новый первоклассный писатель“. Онъ говорилъ про „Степь“,

разсказъ г-на Чехова, только-что появившійся въ „Сѣв. Вѣстникѣ“.

Онъ познакомился съ разсказами г-на Чехова съ тѣхъ поръ, какъ они стали появляться въ „Новомъ Времени“, и высоко оцѣнилъ его талантъ. „Степь“ онъ прочиталъ наканунѣ, и она произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе. На него, любителя и поклонника русскаго юга, пахнуло широкимъ дыханіемъ лѣтней степной природы, и онъ пришелъ въ болѣзненный восторгъ; случайно ли совпало временное оживленіе его духа съ прочтеніемъ этой повѣсти, или же дѣйствительно вынесенное сильное впечатлѣніе дало толчокъ его душевному состоянію, но онъ относился къ ней съ суевѣрнымъ чувствомъ благодарности. Чеховъ какъ будто воскресилъ его: „у меня точно нарывъ прорвался, — говорилъ онъ: — и я чувствую себя хорошо, какъ давно не чувствовалъ“.

О разсказахъ г-на Чехова мнѣ не разъ приходилось уже говорить съ нимъ, и я зналъ его высокое о нихъ мнѣніе. Но его восторгъ, его пламенные глаза меня смущали и безпокоили.

Онъ пригласилъ меня притти къ нему вечеромъ прочитать „Степь“ вслухъ. Но послѣ обѣда я получилъ отъ него записку, которая меня нѣсколько успокоила.

„Дорогой В. А.,—писалъ онъ: — прости меня и не приходи сегодня съ Ю. И., зане я, слава Богу, спать хочу смертельно. Дамы мои уѣхали неожиданно въ театръ, а я намѣренъ часовъ четырнадцать проспать и вознаградить себя за прошлую ночь“.

Я узналъ позднѣе, что въ то же утро, уйдя отъ меня, онъ еще долго бродилъ по городу. Зашелъ въ Владимірскую церковь, гдѣ шла обѣдня, и пробылъ тамъ нѣсколько времени; потомъ былъ въ какомъ-то трактирчикѣ и пилъ тамъ чай, обращая на себя вниманіе дворниковъ и извозчиковъ, смущенныхъ появленіемъ необычнаго гостя. Все это, въ связи съ безсонной ночью и страннымъ визитомъ ко мнѣ, были плохіе симптомы.

На другой день я былъ у него вечеромъ. Состояніе возбужденія, въ которомъ я его видѣлъ наканунѣ, прошло, но онъ дѣйствительно чувствовалъ себя много лучше. Я выразилъ ему мою радость, что вижу его въ хорошемъ настроеніи и свѣжимъ, но онъ поморщился въ отвѣтъ и сказалъ, что въ глубинѣ души ему еще нехорошо. Но все-таки тоска, повидимому, почти вполнѣ его оставила; онъ хорошо спалъ, былъ оживленъ, бодръ тѣломъ, могъ курить — всегдашній симптомъ его выздоровленія. У него было нѣсколько человѣкъ его друзей, и онъ читалъ намъ вслухъ „Степь“; это чтеніе доставляло ему большое наслажденіе. Въ образѣ отца Христофора онъ узнавалъ тѣхъ южно-русскихъ поповъ, о которыхъ онъ писалъ мнѣ когда-то изъ Ефимовки; онъ говаривалъ часто, что вообще не можетъ даже представить себѣ священника, который не говорилъ бы: „нэ врэдно“ и „нэ безполэзно“ (какъ онъ при-

выкъ слышать на югѣ). Въ такомъ тонѣ читалъ онъ, съ большимъ юморомъ и добродушіемъ, и отца Христофора, — и разсмѣялся веселымъ, почти совсѣмъ здоровымъ смѣхомъ, словамъ добрѣйшаго старика въ его поученіи мальчику-гимназисту: „и сочинителемъ тоже быть хорошо".

Это было, какъ я уже сказалъ, въ первыхъ числахъ марта. Почувствовавъ себя лучше, В. М. рѣшился уѣхать и сталъ собираться въ дорогу; онъ хотѣлъ воспользоваться приглашеніемъ друзей своихъ, г-дъ Ярошенко, и поѣхать въ Кисловодскъ. Тамъ онъ собирался всецѣло посвятить себя отдыху и подъему своихъ физическихъ силъ, строилъ планы прогулокъ и экскурсій, хотѣлъ возобновить свои юношескія ботаническія занятія и собирать гербарій.

Во вторникъ, 15 марта, возвращаясь откуда-то изъ гостей, онъ, довольно поздно вечеромъ, зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Надеждой Михайловной. Онъ имѣлъ видъ нѣсколько утомленный и болѣе скучный, чѣмъ въ предыдущіе дни, и съ неудовольствіемъ говорилъ о сборахъ къ путешествію, которые его утомляли. Между прочимъ, онъ хотѣлъ до отъѣзда написать духовное завѣщаніе; зная его отношенія съ родными, я одобрилъ его намѣреніе и старался въ то же время, чтобъ онъ не придавалъ этому значенія какихъ-либо мрачныхъ опасеній, а смотрѣлъ какъ на обезпеченіе противъ какой-либо несчастной случайности.

Онъ просилъ меня дать ему на лѣто инструменты для занятія ботаникой, — лупу, пинцетъ и т. п. Между вещами, которыя я предложилъ ему на выборъ, находилась и бритва для анатомическихъ препаратовъ. Онъ хотѣлъ взять и ее; но я сказалъ ему, что бритва эта не моя, хотя, впрочемъ, владѣлецъ ея, навѣрное, не будетъ ничего имѣть, если онъ увезетъ ее съ собой. Но онъ отказался и рѣзко, съ какимъ-то страннымъ неудовольствіемъ, отодвинулъ ее рукой. Я не обратилъ на это особеннаго вниманія, видя, что онъ вообще разстроенъ и раздраженъ, но позднѣе припомнилъ его сердитый жестъ.

Это было мое послѣднее свиданье съ нимъ. На другой день я зашелъ къ нему, но не засталъ его дома, и узналъ отъ сестры его жены, что ему опять стало гораздо хуже, и онъ опять мраченъ. Болѣзнь, послѣ короткаго перерыва, пошла впередъ быстрыми и рѣшительными шагами; онъ сталъ бояться за себя, поѣхалъ съ женой къ д-ру Фрею и совѣтовался съ нимъ. Докторъ еще надѣялся на улучшеніе и уговаривалъ его немедленно уѣхать. У него стали, какъ кажется, проскальзывать безумныя идеи — такъ какъ въ послѣдніе дни у него вырывались замѣчанія и слова, непонятныя для слушателей; онъ чувствовалъ, вѣроятно, приближеніе безумія, не выдержалъ страшнаго ожиданія и, наканунѣ назначеннаго отъѣзда, когда все уже было готово и вещи уложены, послѣ мучительной, безсонной ночи, въ припадкѣ безумной тоски, онъ вышелъ изъ своей квартиры, спустился нѣсколько внизъ и бросился съ лѣстницы.

Онъ не убился до смерти; его подняли разбитаго, съ переломленной

ногой, и перенесли въ квартиру. Тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ еще пробылъ въ сознаніи, онъ глубоко страдалъ нравственно, онъ не переставалъ упрекать себя за свой поступокъ; въ близости конца онъ, кажется, былъ вполнѣ увѣренъ. „Неужели? Неужели?“ — сказалъ онъ, глядя на свои изувѣченныя ноги; была ли это радость, что прекратятся его страданія, или ужасъ при мысли, что для него все кончено? — Это осталось непонятнымъ. Доктору, который успокаивалъ его, что черезъ мѣсяцъ онъ встанетъ, — онъ отвѣтилъ усмѣшкой. Когда А. Я. Гердъ пріѣхалъ къ нему, онъ засталъ В. М. лежащимъ на кровати и цѣлующимъ руки жены. На вопросъ, больно ли ему, страдаетъ ли онъ,—онъ отвѣтилъ А. Я. Герду:—„что̀ значитъ эта боль въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ здѣсь!“—и указа̀лъ на сердце. Когда физическое страданіе усиливалось, В. М. говорилъ: „такъ мнѣ и нужно, такъ мнѣ и нужно“.

Я увидѣлъ его уже въ больницѣ, въ безсознательномъ состояніи. Около него сидѣли жена его и В. М. Латкинъ. Онъ казался спящимъ, крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ здороваго, но очень утомленнаго человѣка. Дыханіе его было сильное и громкое. Онъ не шевелилъ ни рукой ни ногой, и жена его отъ времени до времени перемѣняла положеніе его головы и тѣла, чтобы не отекали члены. Къ головѣ его прикладывали ледъ. Красивый, южный типъ его смуглаго лица, его густые, черные волосы какъ-то особенно рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушкѣ, бѣломъ одѣялѣ и бѣломъ платкѣ, прикрывавшемъ голову. Выраженіе лица было спокойно и не обнаруживало страданія.

Онъ не выходилъ изъ этого состоянія глубокаго сна до самой смерти.

---

6) Воспоминанія сослуживца, А. Васильева.

В. М. Гаршинъ, какъ извѣстно, былъ секретаремъ въ канцеляріи общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, или, вѣрнѣе, секретаремъ завѣдывавшаго дѣлами общаго съѣзда, Ф. В. Фельдмана, съ февраля 1883 года, и во все это время, слишкомъ 4$^1/_2$ года, я ежедневно почти находился съ нимъ въ сообществѣ по нѣскольку часовъ; я же замѣщалъ его всегда и во время его болѣзни.

Я имѣю сказать о В. М. не какъ о литераторѣ-художникѣ, какъ его на̀зываютъ, — объ этомъ, конечно, скажутъ другіе его товарищи-писатели; я скажу о немъ, какъ о человѣкѣ только, какъ о товарищѣ-сослуживцѣ, какихъ мнѣ не случалось встрѣчать въ жизни. В. М. поступилъ къ намъ въ 1883 г., вскорѣ послѣ болѣзни, слѣды которой долго оставались на его лицѣ, задумчивомъ и грустномъ. Онъ мало говорилъ, больше казался сосредоточеннымъ; но, по мѣрѣ освобожденія отъ гнетущаго состоянія, онъ становился сообщительнѣе и оживленнѣе; въ дѣлѣ показалъ себя работникомъ, не бѣлоручкой. Работая, не разбиралъ онъ дѣла, часто самъ составлялъ и переписывалъ бумаги, самъ записывалъ

въ журналы и разсыльную книгу, надписывалъ дѣла, конверты, копировалъ, словомъ, дѣлалъ все, что и не входило въ кругъ его обязанностей.

Своимъ благороднымъ, добродушно-кроткимъ, простымъ и тихимъ обращеніемъ В. М. приблизилъ къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, пріобрѣлъ общія симпатіи служащихъ, сталъ общимъ всѣхъ любимцемъ. Кротостью и добродушіемъ онъ доводилъ иногда до изумленія. Въ подтвержденіе послѣдняго я приведу здѣсь два-три факта.

Разъ посланный за полученіемъ денегъ на почту по одной повѣсткѣ получилъ и сдалъ ему деньги сполна, а по другой отдалъ только пакетъ съ препроводительной бумагой, извинившись, что вложенныя деньги издержалъ на свои потребности, и В. М., по добротѣ своей, не только не донесъ объ этомъ кому слѣдовало, не въ состояніи былъ сдѣлать ему даже легкаго замѣчанія за это; вложилъ недостававшія деньги изъ своихъ средствъ и только сожалѣлъ о поступившемъ такъ.

Въ другой разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ дерзкаго оскорбленія его лицомъ почти-что постороннимъ, безъ малѣйшаго со стороны В. М. повода, отъ котораго онъ отошелъ безропотно и плакалъ; а на другой день самъ же себя винилъ, что оскорбился, говоря, что, можетъ-быть, и самъ онъ виноватъ, что съ нимъ такъ поступили.

Казалось, что В. М. ничто не интересовало въ жизни, не привязывало къ себѣ, онъ, видимо, здѣсь жилъ не для себя. Къ этому заключенію я прихожу въ виду его же словъ.

По объявленному общимъ съѣздомъ конкурсу на приспособленіе къ перевозкѣ хлѣба въ ссыпную, В. М., какъ участнику въ одномъ изъ премированныхъ проектовъ, пришлось получить часть преміи, рублей въ 800. На замѣчаніе объ неожиданномъ сюрпризѣ онъ мнѣ сказалъ: „Да, Надежда Михайловна (жена), пожалуй, будетъ довольна; что же касается меня, то для меня что 800 рублей, что 800.000 рублей, что 8 рублей — безразлично. Я дѣлю довольныхъ на три категоріи: довольныхъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, довольныхъ богатствомъ, роскошью, довольныхъ симпатіею женщинъ. Для меня ничего этого не существуетъ“.

Но такъ индифферентно онъ относился только къ самому себѣ. По отношенію же къ другимъ онъ не обнаруживалъ апатіи. Въ общемъ онъ болѣлъ за всѣхъ. Чужая радость радовала и его, чужое горе — было его горе, хотя онъ и не выражалъ этого вслухъ; особенно въ горѣ общественномъ онъ былъ участникомъ отзывчивымъ, горячимъ.

Я никогда не забуду, какъ однажды, принеся вырѣзку изъ какой-то газеты о воспрещеніи празднованія юбилеевъ, В. М. глубоко былъ опечаленъ, что этимъ распоряженіемъ затемняется память народа о свѣтломъ днѣ освобожденія его отъ рабства, о его волѣ, дарованной царемъ-освободителемъ (передъ которымъ благоговѣлъ покойный), — какъ близко къ сердцу принялъ онъ и извѣстный циркуляръ объ ограниченіи пріема непривилегированныхъ дѣтей въ гимназіи.

Казалось, раньше В. М. былъ человѣкомъ нуждавшимся, хотя онъ никогда не говорилъ объ этомъ. До насъ онъ служилъ у кого-то изъ купцовъ здѣшняго Гостинаго двора, кажется, Лингардта, получая по 50 руб. въ мѣсяцъ и занимаясь отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Только съ поступленіемъ въ канцелярію общаго съѣзда его матеріальное состояніе улучшилось, и то благодаря глубокому вниманію къ его положенію такого же, какъ онъ, великодушнаго и добраго человѣка.

Насколько пріятно было находиться съ В. М. въ его здоровомъ состояніи, настолько же невыносимо тяжело было видѣть его угнетеннымъ болѣзнью, доводившей его до крайняго изнеможенія. Обезсиленный потерей аппетита и безсонницей, онъ едва двигалъ ногами, ходилъ, шатаясь изъ стороны въ сторону. Продолжая бороться съ недугомъ, онъ хотѣлъ заставить себя работать, хотѣлъ переломить себя, и напрягалъ къ тому всѣ силы. Однако эти усилія были напрасны, онъ ничего не могъ сообразить ни написать,—по цѣлымъ часамъ сидѣлъ за столомъ, облокотясь на руки и заливаясь слезами; или же безсознательно тыкалъ перомъ въ подложку. Его честная натура не могла выносить, чтобъ, не работая, получать содержаніе, чтобы за него дѣлали другіе, и поэтому онъ оставался неутѣшнымъ и мрачнымъ, несмотря на всѣ старанія разубѣдить его и успокоить. Случалось, онъ сидѣлъ такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ расходились, и когда я, опасаясь оставлять его одного въ такомъ положеніи, подходилъ къ нему съ намѣреніемъ сколько-нибудь развлечь, то онъ, рыдая, хватался за сердце, клалъ мнѣ на плечи руки и голову, просилъ, умолялъ Богомъ хоть чѣмъ-нибудь помочь ему, метался по комнатѣ, не зналъ, куда дѣваться. Онъ говорилъ: „Если бы не жена, которую я такъ люблю, то я давно бы порѣшилъ съ собой". И этому легко вѣрилось...

Болѣзненное состояніе повторялось съ В. М., во время нахожденія его у насъ (съ 1883 г.), періодически изъ года въ годъ, мѣсяца по четыре, при полномъ сохраненіи сознанія, а въ прошломъ, 1887 году его душевная болѣзнь началась съ первыхъ чиселъ іюля (онъ пересталъ заниматься съ 10-го іюля) и не покидала его, какъ извѣстно, до самой смерти. Особенно онъ плохъ былъ осенью прошлаго года, когда вернулся съ дачи. Мрачное настроеніе его пугало всѣхъ, кто его зналъ. Онъ говорилъ, что не спитъ часто по цѣлымъ суткамъ; что во время этой безсонницы его преслѣдуетъ мысль о самоубійствѣ, и что онъ по нѣскольку разъ въ ночь подходитъ къ стоящему въ квартирѣ—гдѣ онъ жилъ временно — шкапу съ оружіемъ, намѣреваясь достать оттуда или кинжалъ, или револьверъ, и если не воспользовался ими, то лишь потому только, что не въ силахъ былъ взломать запертый шкапъ.

Правда, въ зимніе мѣсяцы онъ выглядѣлъ свѣжѣе нѣсколько, но постоянно при этомъ жаловался на тяжесть въ головѣ и на ослабленіе памяти. О послѣднемъ онъ говорилъ такъ: „Что мнѣ прежде давалось съ прочтенія двухъ разъ, то же самое теперь я не могу запомнить при

всемъ усилiи". И это было главное изъ всѣхъ его мученiй. Не разъ онъ говорилъ мнѣ: „Меня мучитъ одно, что я такимъ совсѣмъ останусь, буду калѣкой на всю жизнь на попеченiи жены, которой и безъ того я жизнь испортилъ. Будь я безрукимъ или безногимъ, будь я безъ глаза, но со свѣжей головой! А это развѣ жизнь?" Онъ плакалъ и глубоко вздыхалъ.

Коснувшись душевныхъ страданiй В. М., я не могу не привести эпизода съ нимъ въ психiатрической клиникѣ въ Харьковѣ, рисующаго варварское обращенiе нашей прислуги въ этихъ заведенiяхъ. Я передамъ его приблизительно такъ, какъ разсказалъ мнѣ его самъ В. М. въ 1883 году. „Разъ, въ ожиданiи ванны, которую готовилъ для меня хохолъ-служитель, стоялъ я совсѣмъ раздѣтый у окна. Мнѣ вспомнилось тогда и дѣтство, проведенное среди родныхъ, въ домѣ родителей, подъ наблюденiемъ матушки, которая такъ любитъ насъ; представилось и одиночество въ мрачномъ углу этой больницы, освѣщенномъ однимъ окномъ — съ желѣзною рѣшеткой куда-то въ стѣну, и этотъ геркулесъ-служитель, наблюдающiй за краномъ и за мной. Я думалъ... я... представьте себѣ, какимъ я былъ тогда. Вдругъ сильный ударъ въ грудь сбиваетъ меня съ ногъ, и я упалъ на полъ безъ памяти. Это было напоминанiе служителя о ваннѣ. „За что ты меня ударилъ?—говорю, опомнившись, ему, державшему меня подъ-мышки:—что я тебѣ сдѣлалъ?.."— Если бы былъ предоставленъ выборъ между больницей и каторгой, то я предпочелъ бы скорѣй пойти года на три на каторгу, чѣмъ на одинъ годъ въ больницу. И теперь иногда чувствую боль въ этомъ мѣстѣ",— добавилъ В. М.

Въ послѣднiй разъ мы видѣли В. М. дней за девять до катастрофы— 8-го и 9-го марта. Онъ заходилъ поговорить, рѣшившись ѣхать на Кавказъ. Казалось, онъ выглядѣлъ гораздо лучше. Мы даже порадовались за него и выражали надежду на поправку его послѣ этой поѣздки. Повидимому, онъ не раздѣлялъ нашихъ надеждъ. Онъ говорилъ: „скорѣе бы убраться до тепла", и онъ убрался, только туда, откуда никто ужъ не приходитъ.

Да, повторю еще, я не встрѣчалъ человѣка, подобнаго В. М. Не встрѣчалъ такой любящей, отзывчивой, дѣтски-незлобивой, теплой души, какъ у покойнаго. Замѣчательно, что, за все время служенiя его у насъ, никто не видалъ его смѣющимся. Онъ улыбался добродушно, но не смѣялся. Его чарующе-прелестные глаза рѣдко блестѣли радостью, чаще они плакали, полны были горячихъ слезъ, глубокихъ думъ и скорби — о чемъ, про то вѣдаетъ Богъ да онъ, печальникъ неутѣшный...

7) Воспоминанія В. И. Бибикова.

Я ничего не зналъ прекраснѣй и печальнѣй
Лучистыхъ глазъ твоихъ и блѣднаго чела,
Какъ будто для тебя земная жизнь была
Тоской по родинѣ, недостижимо дальней;
И творчество твое и красота лица
Въ одну гармонію слились съ твоей судьбою,
И жребій твой похожъ, до страшнаго конца,
На грустный вымыселъ, разсказанный тобою.

Н. Минскій.

Въ 1884 году въ Кіевѣ былъ кружокъ молодежи, студентовъ, только-что окончившихъ гимназію дѣвушекъ и гимназистокъ, который жилъ тѣсно сплоченной семьей.

Мы ежедневно сообща читали что-нибудь вслухъ, преимущественно произведенія молодыхъ беллетристовъ: Альбова, М. Бѣлинскаго, Осиповича и Всев. Гаршина; нашими любимыми поэтами были Минскій и Надсонъ. Мы почти одинаково цѣнили талантъ всѣхъ четырехъ беллетристовъ новой генераціи, но особенная любовь, доходящая до обожанія, окружала имя Всев. Гаршина: онъ всѣхъ ближе былъ намъ, проще, безыскусственнѣе, понятнѣе, и его лирическая поэзія яснѣе выражала наши стремленія и порывы. Его разсказы, появлявшіеся въ журналахъ, вырѣзывались и переплетались отдѣльно; мѣста, казавшіяся намъ лучшими, заучивались наизусть, а одинъ изъ насъ зналъ на память почти всю первую книгу его разсказовъ, — вторая тогда еще не выходила.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, въ одинъ изъ ясныхъ осеннихъ дней того же года, когда я пришелъ къ М. Бѣлинскому (I. I. Ясинскому), и онъ, встрѣчая меня въ передней, объявилъ, что у него въ гостяхъ Всев. Гаршинъ, — у меня отъ счастья увидѣть любимаго писателя занялось дыханіе, и, войдя въ гостиную, я молча пожалъ руку привѣтливо улыбнувшагося мнѣ Гаршина и ничего не могъ отвѣтить на его вопросъ, давно ли я знакомъ съ Бѣлинскимъ.

Обыкновенно, молодые восторженные почитатели любого виднаго дѣятеля всегда представляютъ себѣ его красивымъ, подбирая въ своемъ воображеніи черты лица и складъ фигуры, согласно живущему въ душѣ каждаго изъ нихъ идеалу красоты. И я, да и мы всѣ, до встрѣчи съ Гаршинымъ, были увѣрены, что онъ красавецъ; и каждый изъ насъ, въ особенности барышни, часто говорили — какой изъ себя онъ долженъ быть; но когда я увидѣлъ стройнаго широкоплечаго В. М. съ его лицомъ, поражавшимъ при первомъ взглядѣ особенной, ему одному свойственной печалью въ чудесныхъ черныхъ глазахъ, осѣненныхъ длинными рѣсницами, когда я услышалъ его неторопливый, задушевный голосъ,— мнѣ показалось, что вотъ такимъ именно я представлялъ себѣ его, и

такимъ представляютъ всѣ, кто еще не видалъ его, но читалъ его разсказы.

Тогда онъ недавно оправился отъ тяжелой душевной болѣзни, тогда только-что появился его „Красный цвѣтокъ“, и любовь къ нему, какъ къ писателю и человѣку, выросла еще болѣе, если только это было возможно...

Въ Кіевѣ Гаршинъ пробылъ недолго, всего нѣсколько дней, во время которыхъ успѣлъ осмотрѣть окрестности живописнаго города, покататься на лодкѣ по Днѣпру и посѣтить Лаврскій монастырь съ ближними и дальними пещерами, которыя потомъ внушили ему нѣсколько вдохновенныхъ страницъ въ его повѣсти „Надежда Николаевна“. Въ Кіевѣ же случилось съ нимъ приключеніе, которое считаю нелишнимъ передать. Въ городѣ тогда жила его двоюродная сестра, съ которой Гаршинъ давно не видался. В. М. отправился къ ней, позвонилъ у подъѣзда; но, такъ какъ ему долго не отворяли, онъ попробовалъ отворить самъ,—дверь оказалась незапертой, и онъ вошелъ въ квартиру. Въ первыхъ комнатахъ его никто не встрѣтилъ, и, благодаря толстымъ и пушистымъ коврамъ, онъ безшумно проникъ въ кабинетъ сестры, которая сидѣла за письменнымъ столомъ и читала какую-то книгу. Онъ остановился на порогѣ, и такъ какъ сестра, погруженная въ чтеніе, не замѣтила его появленія, то онъ опустился въ ближайшее кресло въ углу комнаты, отдѣленное отъ письменнаго стола рѣшеткой жардиньерки. Такъ просидѣлъ онъ минутъ десять, не сводя глазъ съ читавшей сестры; она не отрывалась отъ книги, и В. М. ушелъ тѣмъ же путемъ и такъ же тихо, какъ и пришелъ. Кажется, что они такъ и не увидались въ этотъ пріѣздъ Гаршина въ Кіевъ.

Услыхавъ отъ него этотъ разсказъ, я, удивленный, спросилъ, зачѣмъ онъ не окликнулъ сестру; которая такъ давно его не видала. Но онъ отвѣчалъ, что на лицѣ сестры было написано такое вниманіе и такой интересъ къ чтенію, что у него не хватило духа помѣшать ей.

Прошло два года. Я жилъ въ Петербургѣ, и хотя три моихъ разсказа были приняты разными журналами, но ни одинъ изъ нихъ еще не былъ напечатанъ, и мнѣ не хотѣлось, пользуясь случайнымъ знакомствомъ, навязываться Гаршину; однако весной 1886 года Литературный фондъ далъ вечеръ, и я отправился послушать, какъ читаютъ литераторы. Посѣщая часто театръ, я привыкъ къ оваціямъ, которыя устраиваются актерамъ и актрисамъ; я видѣлъ, какъ встрѣчали Сару Бернаръ,—но все это блѣднѣетъ передъ встрѣчей публикой Всев. Гаршина въ тотъ памятный для меня вечеръ. Когда онъ вышелъ на сцену, рукоплесканія, начавшіяся еще до его появленія, усилились до невѣроятныхъ размѣровъ: встали многіе и въ партерѣ и въ ложахъ, стучали стульями, дамы—вѣерами, и минутъ двадцать не смолкали плески и крики. Наконецъ Гаршинъ сѣлъ за столъ, раскрылъ книгу.—„Красный цвѣтокъ!“—прочиталъ онъ заглавіе разсказа, и опять затрещали аплодисменты

въ галлереѣ, ихъ тотчасъ подхватилъ партеръ, поднялась новая буря рукоплесканій; Гаршинъ долженъ былъ встать, и долго восторженная толпа не позволяла ему начать чтенія. То же повторилось и по окончаніи чтенія: Гаршина вызывали безчисленное число разъ, и я какъ теперь вижу его, счастливаго и гордаго своимъ успѣхомъ: онъ проходитъ по сценѣ къ своему столу и, не кланяясь, смотритъ на протянутыя къ нему руки, бѣлые платки галлереи, и слушаетъ этотъ слитный, долгій крикъ тысячной толпы, повторяющей на разные лады его фамилію...

Въ январѣ 1887 года въ Петербургъ привезли тѣло С. Я. Надсона, и мы встрѣтились съ В. М. Гаршинымъ на кладбищѣ. Онъ на память прочиталъ мнѣ только-что написанное на смерть Надсона извѣстное стихотвореніе Я. П. Полонскаго, и я уговаривалъ его прочитать надъ могилой. Онъ долго не соглашался, боясь сбиться; но, когда начались рѣчи, Гаршинъ уступилъ моимъ просьбамъ и прочиталъ стихотвореніе...

Популярность В. М. въ Петербургѣ вообще поражала своими размѣрами: учащаяся молодежь перенесла на него симпатіи, которыя возбуждали прежде Тургеневъ и Достоевскій, и успѣхъ раздѣлялъ съ нимъ развѣ только А. Н. Плещеевъ. Послѣ каждаго студенческаго вечера, если присутствовалъ В. М., его неизбѣжно качали на рукахъ; когда онъ появлялся въ театрѣ, на публичной лекціи въ качествѣ зрителя, одобрительный шопотъ встрѣчалъ его появленіе; въ альбомѣ любого студента, курсистки, гимназистовъ старшихъ классовъ всегда можно найти его портреты. Однажды, въ вечеръ подъ Андрея, когда дѣвушки гадаютъ о суженомъ, спрашивая на улицахъ имя у перваго попавшагося мужчины, Гаршинъ съ женой шелъ къ своимъ знакомымъ. По дорогѣ къ нимъ подбѣжала группа дѣвушекъ, спрашивая его имя. — „Всеволодъ“,—отвѣчалъ онъ. — „Всеволодъ Гаршинъ!“ — вскричали радостно въ одинъ голосъ барышни и толпой проводили Гаршиныхъ до цѣли ихъ прогулки.

Тутъ же, на кладбищѣ, В. М. захотѣлъ показать мнѣ литературныя могилы, и мы ушли отъ могилы Надсона. Встрѣчавшіеся намъ молодые люди снимали шляпы, почтительно кланяясь В. М... Съ кладбища мы рѣшили возвратиться пѣшкомъ; В. М. пригласилъ меня къ себѣ обѣдать... Онъ жилъ болѣе чѣмъ скромно, въ четвертомъ этажѣ, во второмъ дворѣ дома Бенардаки на Невскомъ; три крошечныя комнаты были его квартирой: въ обстановкѣ—ничего лишняго, много книгъ въ трехъ шкапахъ и на полкахъ, и только на одной изъ стѣнъ дорогимъ украшеніемъ висѣла картина Рѣпина, малороссійскій пейзажъ, подаренная художникомъ любимому писателю.

Онъ долго говорилъ о Надсонѣ. Они были дружны, и поэтъ, живя въ Кронштадтѣ, пріѣзжалъ еженедѣльно на четверги Гаршина; а если нездоровье не позволяло поѣздки, онъ присылалъ В. М. стихотворныя посланія. Одно изъ нихъ, шуточное, помѣщено въ полномъ собраніи

стихотвореній покойнаго поэта. Гаршинъ показывалъ мнѣ письма Надсона; помню, въ одномъ онъ пишетъ:—„вотъ я теперь пишу къ вамъ и себѣ не вѣрю: вѣдь я пишу къ настоящему литератору, да еще къ какому: Всеволоду Гаршину!“ Надсонъ тогда только-что начиналъ.

— Да, я люблю Надсона, и изъ него навѣрно вышелъ бы настоящій большой поэтъ, — сказалъ Гаршинъ: — но пока все-таки его лучшія пьесы навѣяны Лермонтовымъ. Кстати, прочтите мнѣ что-нибудь изъ Лермонтова!—обратился онъ ко мнѣ совершенно неожиданно.

Я прочиталъ ему стихотвореніе „Ребенку“:

„О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ...“

В. М. прослушалъ внимательно.

— Вы читаете недурно,—сказалъ онъ:—но слишкомъ торжественно, къ Лермонтову это не идетъ. Хотите, я прочту вамъ, но съ условіемъ, чтобы не соскучились... Я прочту большую вещь.

Разумѣется, я согласился, и Гаршинъ прочиталъ мнѣ „Мцыри“, всю поэму наизусть: у него была удивительная память; такъ, напримѣръ, онъ зналъ наизусть многія стихотворенія, прочитанныя имъ всего одинъ разъ. Читалъ онъ превосходно, въ его декламаціи почти не чувствовалось стиха, и я какъ теперь слышу и вижу В. М., съ особеннымъ удареніемъ и слезами на глазахъ читающаго вотъ это, хорошо опредѣляющее его, мѣсто поэмы:

„Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну,—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю“.

Чтеніе Гаршина возбудило меня; я сталъ читать Пушкина, и мы вдвоемъ, перебивая и подсказывая другъ другу, долго, до утомленія, читали стихи.

Этотъ поэтическій пиръ сблизилъ меня съ Гаршинымъ; я разсказалъ В. М., что и я въ послѣднюю войну не выдержалъ бездѣйствія и уѣхалъ въ дѣйствующую армію къ брату пятнадцатилѣтнимъ гимназистомъ. Но, къ несчастью, мнѣ такъ и не удалось услышать „звонъ мечей“, потому что черезъ двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда были заключены Санъ-Стефанскія прелиминаріи. Такъ же, какъ и онъ, я мечталъ о пре-

сѣченіи зла міра и всеобщемъ счастьѣ, я былъ убѣжденъ, что на мнѣ лежитъ разрѣшеніе этой великой задачи; но и мои мечты, какъ и Гаршина, окончились душевной болѣзнью—mania grandiosa, и я отдѣлался отъ нея годовымъ пребываніемъ въ кіевскомъ домѣ умалишенныхъ. Сходство нашей судьбы тронуло и расположило ко мнѣ В. М. съ памятнаго для меня дня похоронъ Надсона и не прекращалось до его смерти. Тогда же онъ разсказалъ мнѣ исторію своего помѣшательства: какъ онъ, уже душевно-больной, пріѣхалъ въ Ясную-Поляну къ Льву Толстому и сообщилъ знаменитому писателю свои планы объ устройствѣ всеміpнаго счастья. Левъ Толстой переживалъ тогда тяжелый нравственный періодъ, разрѣшившійся всѣмъ извѣстной „Исповѣдью" съ ея послѣдствіями, и планы В. М. не показались ему такими несбыточными, какими они казались всѣмъ другимъ, знавшимъ больного Гаршина. Они долго говорили; подробностей бесѣды В. М. не помнилъ, но помнилъ, что Толстой одобрилъ и привѣтствовалъ его начинанія: и Гаршинъ выѣхалъ изъ Ясной-Поляны окончательно убѣжденнымъ въ необходимости своей высшей миссіи, купилъ на дорогѣ у перваго встрѣчнаго крестьянина лошадь, отдавъ за нее всѣ свои деньги и, какъ Донъ-Кихотъ, поѣхалъ верхомъ по Тульской губерніи съ проповѣдью объ уничтоженіи зла. Но слѣдившій за нимъ братъ снесся по телеграфу съ мѣстными властями; В. М. задержали, и онъ былъ отвезенъ въ харьковскій домъ умалишенныхъ, результатомъ пребыванія въ которомъ и явился „Красный цвѣтокъ".

Въ началѣ 1887 года я часто, еженедѣльно, а иногда и по нѣскольку разъ въ недѣлю, видался съ Гаршинымъ. Можно сказать, что время это, до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1887 года, было послѣднимъ счастливымъ временемъ въ жизни В. М. Увлеченный дѣятельностью общества „Посредникъ", изданія котораго на первыхъ порахъ расходились въ массѣ экземпляровъ, Гаршинъ хотѣлъ видѣть въ ней то настоящее живое дѣло, которое захватило бы всего его и котораго онъ такъ жадно искалъ всю свою жизнь. Онъ издалъ нѣсколько разсказовъ въ этой фирмѣ, написалъ даже для нея особый разсказъ „Сигналъ", пропагандировалъ это въ литературныхъ кружкахъ, и для него было личной обидой, если кто-нибудь выражалъ сомнѣніе въ полезности этого предпріятія. Тогда же только-что появилась драма Льва Толстого „Власть тьмы". В. М. читалъ ее еще въ рукописи, выучилъ почти наизусть, постоянно приводилъ выдержки изъ пьесы и сулилъ ей колоссальный успѣхъ. Однако его ожиданія не оправдались. Слишкомъ разнорѣчивые толки, продолжающіеся и досслѣ, встрѣтили новое произведеніе Толстого, и успѣха, равносильнаго успѣху „Смерти Ивана Ильича", пьеса не имѣла. Въ эту же зиму онъ усиленно трудился надъ давно уже задуманнымъ имъ романомъ изъ эпохи Петра Великаго. Онъ собиралъ необходимые матеріалы, много читалъ, дѣлалъ выписки. Работа кипѣла и спорилась въ его рукахъ; онъ часто говорилъ о ней, и въ его бу-

магахъ,—если только передъ смертью онъ ихъ не истребилъ,—должна сохраниться первая часть романа.

В. М. былъ членомъ комитета Литературнаго фонда и много работалъ по дѣламъ этого Общества, былъ членомъ педагогическаго кружка, издающаго книги; въ этомъ же году его избрали въ дѣйствительные члены Литературно-Драматическаго Общества, и немало времени отнимала у него служба — секретарство при съѣздѣ представителей желѣзныхъ дорогъ III-ей группы.

Онъ ни минуты не могъ сидѣть безъ дѣла; если къ нему приходили знакомые, при которыхъ нельзя было читать, онъ, разговаривая съ ними, переплеталъ книги (онъ былъ искуснымъ переплетчикомъ), и почти всѣ книги его небольшой, но прекрасно составленной библіотеки — въ переплетахъ его работы.

У Гаршина былъ свой взглядъ на дѣятельность писателя; онъ говорилъ:—„Если прочитанная книга возбудила во мнѣ, помимо признанія таланта, еще и любовь къ автору, такую любовь, что мнѣ хочется съ нимъ познакомиться, — значитъ, авторъ достигъ цѣли, разумѣется, по отношенію ко мнѣ. Хотя, — прибавлялъ онъ: — мнѣ кажется, что это общій законъ“. Онъ отрицалъ формулу: „искусство для искусства“; и когда я, между прочими доводами въ ея защиту, приводилъ слова Пушкина, что „цѣль поэзіи — поэзія“, Гаршинъ возражалъ, что говорить такъ могъ только одинъ Пушкинъ, цѣльная художественная натура котораго ни въ одномъ изъ стремленій своихъ не могла сдѣлать ошибки; а когда я ссылался на любимцевъ Гаршина — Флобера и Мериме (романъ Мериме „Коломба“ былъ переведенъ В. М.), то онъ всегда отвѣчалъ мнѣ пушкинскимъ стихомъ изъ его перваго посланія къ цензору:— „Что нужно Лондону, то рано для Москвы“, и заключалъ споръ убѣжденіемъ, что въ Россіи можетъ имѣть успѣхъ и право на существованіе писатель-учитель, вѣчно стремящійся къ идеаламъ правды, добра и красоты и будящій то же чувство въ своихъ читателяхъ. Споры оканчивались обоюднымъ соглашеніемъ, потому что, если я противорѣчилъ Гаршину въ теоріи, то представляемые имъ писатели, какъ Левъ Толстой, Диккенсъ, Тургеневъ и Флоберъ, побуждали меня согласиться. Разумѣется, въ концѣ концовъ его, какъ художника, могъ тронуть только настоящій талантъ, и, — какими бы честными и добрыми намѣреніями ни задавался бездарный писатель, — никто, какъ Гаршинъ, не умѣлъ такъ хорошо замѣтить всѣ слабыя или смѣшныя стороны произведенія, и никакими партійными тенденціями нельзя было тронуть его, какъ художника.

Изъ своихъ сверстниковъ-писателей В. М. особенно любилъ М. Бѣлинскаго (І. Ясинскаго) и Альбова. Онъ высоко цѣнилъ таланты названныхъ беллетристовъ, и когда вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ романъ Ясинскаго „Путеводная звѣзда“, Гаршинъ однимъ изъ первыхъ прочиталъ эту трогательную пьесу и говорилъ мнѣ о своемъ восхищеніи...

Всеволодъ Гаршинъ обладалъ солидной начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія; онъ свободно владѣлъ французскимъ языкомъ и зналъ англійскій и нѣмецкій настолько, насколько это нужно для свободнаго чтенія безъ лексикона. Онъ хорошо помнилъ правило Жоржъ-Зандъ, которое гдѣ-то въ своихъ письмахъ цитируетъ Тургеневъ: „Писатель не можетъ, какъ и всякій человѣкъ, знать все, но „il faut tout se contenter", и для Гаршина не проходило ни одного дня, въ которомъ онъ бы не обогатилъ себя какимъ-нибудь новымъ знаніемъ. И то, что̀ онъ зналъ, онъ зналъ основательно; всякое верхоглядство было противно ему, и я помню, какъ возмущали Гаршина лекціи Брандеса о русской литературѣ. „Вѣдь каждый изъ насъ,—говорилъ онъ мнѣ:—знаетъ, положимъ, французскую литературу гораздо лучше, чѣмъ русскую — Брандесъ, и, навѣрно, лучше его говоритъ по-французски; но какой же русскій писатель отважится поѣхать во Францію и читать тамъ лекціи французамъ?"

Весною, на передвижной выставкѣ, Рѣпинъ выставилъ портретъ Гаршина, пріобрѣтенный недавно г. Терещенко. Въ газетахъ тогда же появились отзывы объ этомъ портретѣ, въ которыхъ рецензенты говорили, что Рѣпинъ написалъ Гаршина сумасшедшимъ и не сумѣлъ уловить добраго выраженія глазъ Гаршина, составляющаго характерное отличіе его лица. А портретъ былъ написанъ четыре года тому назадъ, въ эпоху „Краснаго цвѣтка", и у Гаршина были именно такіе глаза, какъ на картинѣ Рѣпина, что̀ подтверждаютъ и фотографическіе портреты того времени. Эти отзывы и статьи о другихъ картинахъ крѣпко раздражали В. М., и онъ рѣшилъ написать рядъ статей, гдѣ ему хотѣлось провести тѣ взгляды на искусство, какіе онъ считалъ справедливыми, показать, какъ надо писать такія статьи, — и, въ особенности, ему хотѣлось уяснить читателямъ истинное значеніе Рѣпина въ русской живописи. Онъ любилъ этого художника, преклонялся передъ его могучимъ дарованіемъ и находилъ, что двѣ послѣднія картины Рѣпина—„Не ждали" и „Грозный" — не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской живописи. Онъ служилъ Рѣпину натурщикомъ для его картины „Иванъ Грозный"; съ него написанъ царевичъ Иванъ, и у художника сохранился этюдъ масляными красками съ Гаршина, который является лучшимъ портретомъ покойнаго В. М. Но Гаршину не удалось осуществить своего намѣренія; ряда статей не появилось, а появилась одна статья о двухъ картинахъ Сурикова и Полѣнова въ мартовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника" за прошлый (1887) годъ, статья, написанная чудеснымъ языкомъ, гдѣ Гаршинъ высказалъ свой взглядъ на значеніе художника вообще и которая можетъ служить образцомъ для статей подобнаго рода.

Въ апрѣлѣ В. М. поѣхалъ въ Крымъ и возвратился въ маѣ, освѣженный, здоровый, похорошѣвшій. Онъ ѣздилъ набраться силъ для предстоящей лѣтомъ работы надъ историческимъ романомъ. Въ первыхъ числахъ іюня я уѣхалъ изъ Петербурга, а когда, въ августѣ, возвра-

тился въ Петербургъ, до меня дошли слухи, что В. М. снова страдаетъ тяжкой душевной болѣзнью, и мало надежды на его выздоровленіе. Знакомые и друзья Гаршина уже привыкли къ тому, что каждую осень В. М. чувствовалъ себя нехорошо: въ это время года обыкновенно является опасность рецидива для каждаго, кто хоть однажды страдалъ душевной болѣзнью, и я думалъ, что и на этотъ разъ недомоганіе и небольшое нравственное угнетеніе В. М. разрослось въ досужихъ толкахъ въ новую душевную болѣзнь; но когда я услышалъ, что къ нему не пускаютъ, пришлось повѣрить.

Прошло два мѣсяца; въ началѣ октября я узналъ, что Гаршину лучше, и отправился къ нему. Пока приносили лампу въ полутемную гостиную, В. М. посадилъ меня въ кресло у письменнаго стола, сѣлъ на стулъ у окна и глухо, едва слышно, сказалъ: „Не обращайте вниманія, если я не совсѣмъ способенъ говорить, я боленъ, мнѣ тяжело“... и спряталъ въ руки свою голову. Въ это время внесли лампу: В. М. поднялъ голову, и я только тогда увидѣлъ, какъ страшно онъ измѣнился. Онъ похудѣлъ, платье свободно висѣло на немъ, образуя широкія складки, глаза запали глубоко и, окруженные синими полосами, горѣли лихорадочнымъ огнемъ; цвѣтъ лица поражалъ своей блѣдностью, и даже его маленькія уши какъ-то странно побѣлѣли.

Онъ посмотрѣлъ на меня долгимъ тоскливымъ взглядомъ; я не находилъ словъ,— въ это время изъ сосѣдней комнаты вышла его супруга, и онъ съ громкимъ плачемъ подошелъ къ ней, цѣлуя ея руки и пряча у ней на груди свое заплаканное лицо. Она утѣшала его, какъ могла; онъ не переставалъ плакать,—я собирался уже уходить, извиняясь, что, быть-можетъ, мой приходъ разстроилъ его, но онъ не пустилъ меня. Понемногу онъ успокоился; слезы утихли, В. М. овладѣлъ собой и разсказалъ мнѣ, какъ онъ потерялъ свое мѣсто секретаря въ съѣздѣ представителей желѣзныхъ дорогъ III-ей группы. Почувствовавъ себя не въ силахъ работать лѣтомъ, онъ взялъ отпускъ въ концѣ іюня; но прошли два мѣсяца, срокъ отпуска близился къ концу, а болѣзнь не проходила. Тогда, чтобы не задерживать текущихъ дѣлъ, В. М. предложилъ своему начальнику назначить временнаго замѣстителя его должности. Желаніе Гаршина было исполнено; но когда онъ нѣсколько поправился и рѣшилъ, что чисто-механическая секретарская работа, пожалуй, даже будетъ ему полезна, и отправился на службу, то былъ встрѣченъ своимъ замѣстителемъ, на лицѣ котораго В. М. прочиталъ непріятное удивленіе. Слухи объ усилившейся болѣзни В. М. дошли до канцеляріи, и замѣститель былъ увѣренъ, что мѣсто больного сослуживца навсегда останется за нимъ.—„Онъ крайне сухо встрѣтилъ меня,—говорилъ В. М.:— почему-то даже нашелъ нужнымъ забыть мое имя и называть меня Владиміромъ Николаичемъ, увѣрялъ, что съѣздъ недоволенъ моей дѣятельностью, что будто бы ему пришлось приводить въ порядокъ запущенныя мною дѣла, и все существо его было проникнуто насквозь одной мыслью,

какъ бы меня сплавить, такъ что я не выдержалъ и сейчасъ же подалъ просьбу объ увольненіи".

Несмотря на то, что весь разсказъ объ увольненіи былъ переданъ В. М. почти хладнокровно,—чувствовалось, что потеря мѣста усиливала и безъ того тягостное настроеніе В. М.

На другой день онъ пришелъ ко мнѣ и сообщилъ, что на дорогѣ онъ чуть не упалъ, такъ у него закружилась голова; онъ сказалъ также, что переходить черезъ улицу онъ не отваживается, потому что боится попасть подъ колеса вагоновъ конножелѣзной дороги. Онъ пересмотрѣлъ всѣ мои книги, картины, рисунки; перелистывая мой альбомъ, онъ долго смотрѣлъ на свой портретъ, снятый въ Кіевѣ въ 1884 г. вмѣстѣ съ Ясинскимъ и Минскимъ.

— Какой я тогда былъ жизнерадостный! — сказалъ онъ мнѣ съ грустью, не допускавшей словъ утѣшенія

Съ этого дня я опять почти такъ же часто, какъ и въ прошломъ (1887) году, посѣщалъ В. М. Его угнетенное душевное настроеніе долго не проходило. Не разъ, провожая меня со свѣчой по лѣстницѣ до подъѣзда (въ это время онъ жилъ уже въ Поварскомъ переулкѣ), онъ говаривалъ: — „Право, лучше умереть, чѣмъ жить въ тягость себѣ и другимъ". Я пробовалъ обращать разговоръ въ шутку, но онъ останавливался на лѣстницѣ, держа меня за рукавъ пальто, освѣщалъ свѣчой широкій пролетъ лѣстницы и говорилъ:—„Неужели васъ не подмываетъ броситься туда?" Внизу пролета стояла печка; вѣтеръ чрезъ плохо притворенную дверь подъѣзда врывался на лѣстницу, тѣни бродили по стѣнамъ, и блѣдный В. М. продолжалъ убѣжденнымъ голосомъ: —„Зачѣмъ жить, чего ждать? Все равно, никогда не сбудется то, о чемъ мечтаешь; а жить для славы, для искусства, право, смѣшно. Ну, хорошо, вы добьетесь славы Льва Толстого, но въ глазахъ огромнаго большинства дворникъ, который сторожитъ домъ и отворитъ вамъ ворота,—и полезнѣе и нужнѣе всякаго писателя".

Онъ нарочно подолгу останавливался на лѣстницѣ, чтобы развивать свои, сдѣлавшіеся любимыми, взгляды наединѣ со мной, потому что тамъ, въ квартирѣ, ему не хотѣлось огорчать семью.

Но приходила зима, возвращалось понемногу здоровье, и В. М. дѣлался все бодрѣе и бодрѣе. Если бы не удручавшія его головныя боли, В. М. можно было бы считать совершенно здоровымъ. Онъ опять интересовался литературой, перечитывалъ Гончарова, Мериме, Бальзака, живо слѣдилъ за крѣпнувшимъ и развивавшимся талантомъ Антона Чехова. Онъ предсказывалъ этому писателю блестящую будущность, и каждый новый разсказъ Чехова поднималъ и возбуждалъ Гаршина. Черезъ два дня послѣ выхода въ свѣтъ книги журнала съ новой повѣстью Чехова, В. М. встрѣтилъ на Невскомъ Ясинскаго и меня. Первый вопросъ, который онъ задалъ намъ обоимъ, былъ о „Степи". Оказалось, что Ясинскій тогда еще не успѣлъ прочитать

этой повѣсти; я отвѣчалъ Гаршину, что за „Степью“ я провелъ почти всю эту ночь.

— Ну, что, каково?—спросилъ быстро В. М.

— Хорошо-то, хорошо...— началъ я, но В. М. перебилъ меня, возразивъ, что такимъ тономъ стыдно говорить объ этой повѣсти. Онъ считалъ „Степь“ изъ ряду выходящимъ литературнымъ явленіемъ; я соглашался съ его мнѣніемъ, но, отдавая должную дань таланту Чехова и его мастерскимъ описаніямъ природы, находилъ, что архитектура повѣсти слаба, и „Степь“ можно назвать рядомъ небольшихъ этюдовъ, соединенныхъ общимъ заглавіемъ. Такъ, споря, мы прошли весь Невскій; В. М. не переставалъ говорить о „Степи“ и разсказывалъ Ясинскому содержаніе повѣсти. При разставаніи я обѣщалъ В. М. притти къ нему сегодня же вечеромъ, но засидѣлся у Ясинскаго; туда пришелъ и Гаршинъ. До часу ночи мы просидѣли у Ясинскаго. Зашелъ, между прочимъ, разговоръ о „Красномъ цвѣткѣ“, кажется, по поводу того, что въ одномъ изъ руководствъ психіатріи этотъ разсказъ указанъ въ числѣ любопытнѣйшихъ документовъ въ исторіи душевныхъ болѣзней. В. М. сталъ разсказывать о своемъ пребываніи въ харьковскомъ домѣ умалишенныхъ. Окна комнаты, въ которой онъ помѣщался, выходили въ небольшой садъ, у окна росла сирень, недалеко былъ разбитъ цвѣтникъ. Форточку отворяли на ночь, окно было снабжено толстой желѣзной рѣшеткой.

— И въ чудесныя лунныя ночи,—говорилъ В. М.:—я подолгу простаивалъ на окнѣ, прильнувъ лицомъ къ рѣшеткѣ. Въ сиреневомъ кустѣ иногда пѣлъ соловей, или, можетъ-быть, мнѣ такъ казалось; до меня доносился ароматъ цвѣтовъ, луна смотрѣла мнѣ въ лицо, и немудрено, если грезы мои имѣли такое направленіе, какъ это разсказано въ „Красномъ цвѣткѣ“. Кромѣ конца, тамъ все правда, я ничего отъ себя не прибавилъ.

Мы пошли проводить В. М. до его квартиры. По дорогѣ онъ продолжалъ восторгаться повѣстью Чехова, приводилъ на память изъ нея нѣкоторыя мѣста, а почти у самаго дома онъ разсказалъ, какъ недавно онъ всталъ въ 5 часовъ утра и долго бродилъ по Петербургу.

— Знаете, — говорилъ онъ: — нѣтъ ничего лучше такого ранняго утра: всѣ люди бодрые; городовые, забывая, что они, по природѣ своей, враги извозчиковъ, обмѣниваются съ ними шутками; дворники тоже ласковые; я зашелъ въ извозчичій трактиръ, полный народа; но не только никто не былъ пьянъ, — я не услыхалъ ни одного браннаго слова: всѣ мирно сидятъ, пьютъ чай и степенно разговариваютъ.

Еще два раза я былъ у В. М. Въ первое мое посѣщеніе, вечеромъ, онъ жаловался, что Петербургъ его измучилъ, и онъ спитъ и видитъ, какъ бы скорѣе уѣхать изъ города.

— „Степь“ Чехова меня обновила, и мнѣ подъ ея впечатлѣніемъ хочется поскорѣе уѣхать, а то здѣсь, что ни день, то новое огорченіе.

Во второй разъ я видѣлъ Гаршина въ воскресенье, 13-го марта; онъ пригласилъ меня къ обѣду. За обѣдомъ говорили о Флоберѣ. Онъ считалъ его величайшимъ писателемъ нашего времени и тутъ же далъ себѣ слово, пріѣхавъ на Кавказъ, немедленно заняться переводомъ „Искушенія св. Антонія", единственной книги Флобера, не имѣющейся въ русскомъ переводѣ. Я выразилъ сомнѣніе въ возможности появленія у насъ, по цензурнымъ условіямъ, этого сочиненія и привелъ въ примѣръ покойнаго С. П. Якубовича, который перевелъ и издалъ эту книгу въ Москвѣ, но ее не разрѣшили; однако на В. М. мои доводы не подѣйствовали, и онъ сказалъ, что теперь нѣтъ никакихъ причинъ, могущихъ служить препятствіемъ, и повторилъ, что непремѣнно, сейчасъ по пріѣздѣ въ Кисловодскъ, займется переводомъ.

Послѣ обѣда мы поговорили съ полчаса, и я всталъ, чтобы прощаться — дома меня ожидала срочная работа. В. М. упрашивалъ провести съ нимъ вечеръ, говоря, что врядъ ли мы успѣемъ еще свидѣться. Но я взялъ съ него слово, что онъ наканунѣ отъѣзда дастъ мнѣ знать письмомъ, и ушелъ.

Но я не получилъ этого письма; черезъ пять дней Гаршина не стало, и я увидѣлъ его уже въ гробу...

III.

Смерть В. М. Гаршина.

Статья Глѣба Ив. Успенскаго.

I.

Въ безконечной вереницѣ всякихъ степеней и качествъ тѣхъ психическихъ страданій, которыми изнурено почти все современное культурное общество, есть одинъ родъ такого психическаго недуга, особенности котораго, мнѣ кажется, весьма примѣтны въ жизни В. М., главное, въ его удивительной смерти. Этотъ родъ недуга, именуемый „параличомъ воли", выясненъ въ одномъ изъ научныхъ писемъ г. Эльпе („Нов. Вр.", 88 г., № 4294), въ его возникновеніи и послѣдствіяхъ, слѣдующимъ образомъ: „Всякое *психическое состояніе*, чѣмъ бы оно ни порождалось, *стремится перейти* въ движеніе, *во внѣшнее дѣйствіе*, характеризующееся разнообразными измѣненіями во всѣхъ такъ-называемыхъ физіологическихъ отправленіяхъ нашего организма". Эти отправленія суть *внѣшніе показатели внутренняго психическаго состоянія*. Физіологическія внѣшнія отправленія понижаются или повышаются въ своей интенсивности сообразно съ интенсивностью психическаго настроенія, стремящагося перейти во внѣшнее дѣйствіе. Но представьте себѣ, что вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ (о нихъ рѣчь будетъ ниже)

стремленіе (отразить психическое состояніе во внѣшнемъ движеніи, поступкѣ) сокращается до нуля, тогда становится невозможной и зависящая отъ психическаго стремленія внѣшняя дѣятельность, напримѣръ, дѣятельность мышечной системы. При этомъ какъ „*мышечная система, такъ и всѣ органы движенія могутъ пребывать въ совершенно нормальномъ состояніи, въ такомъ же нормальномъ состояніи могутъ находиться и умственныя способности,* но за отсутствіемъ *стремленія* выразить потребности психическаго настроенія въ дѣйствіи, — дѣйствія этого не будетъ“. *Параличъ воли* есть поэтому прекращеніе, *смерть самого желанія выразить* въ дѣйствіи то, что наполняетъ душу, при чемъ однакоже „могутъ сохраняться всѣ умственныя способности въ совершенно нормальномъ состояніи“.

Человѣкъ, захваченный этимъ недугомъ, можетъ переживать удивительно мучительныя минуты...

„Онъ желаетъ и внутренно стремится, какъ никогда прежде, исполнить то, что считаетъ возможнымъ, что считаетъ своею обязанностью, *но его умственная сила неизмѣримо превосходитъ не только* способность дѣйствовать, но даже *пытаться* дѣйствовать... онъ понимаетъ, онъ видитъ свой долгъ, но не можетъ его выполнить“...

„Больной сознаётъ необходимость дѣятельности. Разсудокъ говоритъ ему, что это нужно дѣлать“, физическое состояніе организма нисколько тому не препятствуетъ, мышечная система здорова, органы движенія также, стоитъ только *попытаться*, но этого-то побужденія, *стремленія* и нѣтъ.

„Знаю, что это нужно, — говорилъ Эспиролю одинъ изъ его паціентовъ, страдавшій параличомъ воли: — и не могу! Ваши совѣты разумны, и я желалъ бы послѣдовать имъ, *но заставьте меня хотѣть это сдѣлать*, такъ хотѣть, чтобы я не могъ этого не сдѣлать. Я вижу, что у меня не хватаетъ только *воли желать*, такъ какъ разсудокъ мой сохраненъ и я знаю, что я долженъ дѣлать“.

„Нѣкоторые изъ нерѣшительныхъ характеровъ, хоть и очень немногіе, бываютъ таковыми именно вслѣдствіе *богатства идей*: сравненіе мотивовъ, разсужденіе, взвѣшиваніе послѣдствій образуютъ чрезвычайно сложную мозговую работу, въ которой стремленія къ дѣйствію задерживаются другъ другомъ“...

...„Нѣтъ такого ощущенія, чувствованія, такого наконецъ впечатлѣнія, которое бы не стремилось перейти въ дѣйствіе, которое бы не отражалось на мышечной системѣ. Но если вслѣдствіе какой-нибудь причины соотношеніе это нарушено, тогда мышечная система, при самомъ нормальномъ здоровомъ состояніи, мало того что можетъ оказаться непригодной для самыхъ насущныхъ своихъ назначеній, — *но можетъ породить рядъ дѣйствій*, въ высшей степени нецѣлесообразныхъ *и прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя желательны и необходимы*“.

Вотъ въ какомъ обликѣ рисуется намъ человѣкъ, отягченный недугомъ паралича воли, и если мы минуту припомнимъ кое-какія подробности ближайшихъ къ смерти Гаршина минутъ, то не можемъ не увидѣть, что въ обстоятельствахъ этой смерти есть всѣ признаки этого недуга. Какъ бы ни было неотразимо для Гаршина медленное упорное развитіе его пессимистическихъ идей,—сильныя впечатлѣнія его личной жизни были для него настолько благопріятны, что самое логическое развитіе въ немъ пессимистической мысли о суетѣ суетъ вообще не могло бы лично его убѣдить въ томъ, что онъ-то и долженъ отдать себя на жертву логически развившихся идей. Каждая написанная имъ строчка имѣла внимательнаго и любящаго читателя; общество, въ которомъ онъ жилъ, было общество, почти все состоявшее изъ людей, которые его понимали, общество лучшее и, кромѣ того, любящее его. Все это — если мы вспомнимъ кое-что изъ характеристики описываемаго психическаго состоянія—не только не звало его къ смерти, не доказывало ему, что все суета суетъ,—но, напротивъ, звало жить, обязывало дѣйствовать, переполняло его мысли обиліемъ идей, и онъ—какъ больной Эспироля — зналъ, что нужно дѣлать, что дѣла много, но не могъ ощутить желанія, *хотѣнія*, утратилъ способность *стремленія* отражать въ какомъ-нибудь дѣйствіи обиліе мыслей. Мыслей была тьма и сознаніе обязанностей огромное, но все это было какъ бы закупорено въ закупоренномъ сосудѣ; онъ не только не могъ логически додуматься и дойти во имя пессимистическихъ идей до мысли о смерти, — но, напротивъ, зналъ, что ему надобно откупорить самого себя; какъ больной, жаждалъ поставить себя въ положеніе, которое бы разбило эти крѣпкія стѣнки бутылки. Въ убѣжденіи выйти изъ такого положенія, онъ собрался ѣхать на Кавказъ, и наканунѣ его смерти, за нѣсколько часовъ до нея, въ его квартирѣ было уже все уложено, завязано, упаковано. Онъ чувствовалъ, что его, какъ того же больного Эспироля, надо *заставить хотѣть*, надо взять, посадить въ вагонъ и увезти. Вотъ его желанія *необходимыя ему*, желательныя ему всѣмъ обиліемъ мыслей, но недугъ заставляетъ его поступить прямо *противоположно* этимъ истиннымъ его желаніямъ. Онъ *знаетъ*, что ему надо жить, но нѣтъ въ немъ тѣни *хотѣть* жить; съ обиліемъ мыслей, съ обиліемъ доводовъ, убѣждающихъ его въ этой необходимости жить и исполнять свои обязанности, онъ падаетъ съ лѣстницы, какъ камень, не зная, что съ нимъ творится, и думая навѣрно о томъ, что надо жить, ѣхать на Кавказъ, что все готово. Это — какъ бы одна голова, живущая полною мыслей и желаній, намѣреній, но лишенная всего остального аппарата человѣческаго организма, покоряющаяся внѣшнему толчку, двигающаяся сообразно его силѣ и катящаяся туда, куда влечетъ ее этотъ толчокъ, тогда какъ мысли, наполняющія голову, не имѣютъ съ этимъ толчкомъ ни малѣйшей связи.

Я знаю, что сравненіе, сдѣланное мною, грубо и непріятно,—но въ

такомъ грубомъ видѣ, я думаю, легче удержать въ памяти общее представленіе объ этомъ недугѣ, а это необходимо въ виду того, что ниже мы попытаемся выяснить признаки именно этого недуга въ жизни и въ литературной дѣятельности В. М. Теперь обратимся къ выясненію вопроса о томъ, какія именно причины могутъ довести нормальнаго, физически здороваго человѣка до такого невѣроятнаго психическаго состоянія?

Причинъ, перечисленныхъ г. Эльпе въ его научномъ обозрѣніи, указано великое множество — отъ неумѣреннаго употребленія опія до чуткости къ страху и т. д. Но мы здѣсь ихъ перечислять не будемъ, а остановимся только на одной, имѣющей для насъ самое существенное значеніе.

„Когда ребенокъ,—говоритъ г. Эльпе:—не знаетъ съ дѣтства себѣ другой клички, кромѣ злого, гадкаго, когда отовсюду онъ слышитъ себѣ предсказанія: „изъ него выйдетъ разбойникъ“, „быть ему въ каторгѣ“ и т. д., то нерѣдко онъ и дѣйствительно становится таковымъ: достаточно ничтожнаго повода, чтобы внушенная идея проложила себѣ путь въ жизни. Точно такъ же бываетъ и тогда, когда ребенку внушается недовѣріе къ своимъ силамъ, способностямъ, когда это внушеніе поддерживается въ немъ всѣмъ ходомъ его воспитанія; въ душѣ ребенка зарождается сомнѣніе въ своихъ силахъ; ему кажется, что онъ дѣйствительно „не можетъ“ и неспособенъ, и затѣмъ является сознаніе безсилія, переходящее въ слабость дѣйствія“. Указавъ такимъ образомъ значеніе внѣшнихъ вліяній на отдѣльную личность, г. Эльпе говоритъ и о значеніи такихъ же внѣшнихъ вліяній и въ психическомъ настроеніи общества и слѣдовательно каждаго живущаго въ этомъ обществѣ человѣка. „Когда обществу, устами его авторитетнѣйшихъ представителей, внушается, на разные варіанты, но всегда *настойчиво*, мысль о его слабости, безпомощности; когда печатнымъ словомъ и иными способами съ особеннымъ усердіемъ бракуется всякое начинаніе своего, родного; съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркивается или размазывается та или другая неудача; поднимается на смѣхъ малѣйшая попытка къ самостоятельности; когда атмосфера, въ которой живетъ и дышитъ общество, насыщается недовѣріемъ къ своимъ силамъ; когда только и слышится: куда намъ, гдѣ намъ!—тогда это внушаемое недовѣріе исподволь переходитъ *въ дѣйствительное безсиліе* и постепенно понижаетъ энергію общественной жизнедѣятельности, пріучаетъ общество къ мысли, что оно дѣйствительно безпомощно, что оно не можетъ жить безъ помочей“. Оставляя въ сторонѣ особенность и качества тѣхъ внушеній, которыя отмѣчаетъ г. Эльпе, и взявъ изъ вышеприведеннаго отрывка только то, что̀ объясняетъ фактъ нравственнаго безсилія,—мы увидимъ, что вообще тонъ общественной жизни, вліянія, преобладающія въ немъ, однообразіе и, главное, *настойчивость* этихъ вліяній, *разнообразіе средствъ*, которыми они проводятся въ общество, и не-

престанное *однообразіе* въ *сущности* этихъ вліяній, — все это можетъ развить въ человѣкѣ, живущемъ среди этихъ вліяній, точно такіе же симптомы психическаго недуга, точно такъ же парализовать волю, привести это разстройство къ тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, къ которымъ приводятъ и другія, перечисляемыя г. Эльпе, причины недуга: опіумъ, страхъ и т. д. Всѣ эти выводы г. Эльпе дѣлаетъ, ссылаясь на авторитетныя европейской наукѣ имена, и мы, простые смертные, не можемъ сдѣлать ничего иного, какъ принять ихъ за выводы достовѣрные и для насъ поучительные. Попробуемъ же теперь, пересмотрѣвъ факты жизни и литературной дѣятельности В. М.—отмѣтить и въ томъ и въ другомъ значеніе внѣшнихъ общественныхъ настроеній и вѣяній, которымъ онъ, какъ человѣкъ извѣстнаго времени, родившійся и жившій въ извѣстные годы, невольно долженъ былъ, какъ и всѣ его сверстники, подчиняться и покоряться. Не значатъ ли что-нибудь эти вѣянія и внѣшнія вліянія *извѣстнаго времени* въ развитіи въ немъ того недуга, который довелъ его до возможности *поступать совершенно противоположно желательному?*

II.

Вопросъ о наслѣдственности въ психическомъ разстройствѣ Гаршина не подлежитъ никакому сомнѣнію, и разстройство это играетъ какъ въ жизни, такъ и въ смерти В. М. весьма существенную роль. Спрашивается: какого же качества должно быть это нервное разстройство, если человѣкъ, подвергавшійся ему періодически, періодически же былъ совершенно нормаленъ и могъ быть даже вполнѣ здравомыслящимъ человѣкомъ,—да еще замѣчательнымъ писателемъ? Гдѣ и въ чемъ тотъ поворотный пунктъ въ сознательной жизни В. М., на которомъ здравомыслящій художникъ превращается въ нездравомышленнаго помѣшаннаго? Къ сожалѣнію, для уясненія этого вопроса у насъ нѣтъ подъ рукою надлежащаго матеріала, и мы должны довольствоваться только небольшой замѣткой врача-психіатра, д-ра Сиккорскаго, появившейся въ 1884 году въ редактируемомъ профессоромъ г. Мержеевскимъ журналѣ „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи". Впрочемъ, замѣтка эта, хотя и составляетъ единственный матеріалъ, при помощи котораго мы можемъ добраться до уясненія себѣ *качества* нервнаго разстройства В. М., но и ея намъ будетъ совершенно достаточно въ виду нашихъ соображеній, такъ какъ она прямо становитъ дѣло на надлежащую почву.

Въ этой замѣткѣ докторъ Сиккорскій, вполнѣ компетентный врачъ-психіатръ, обращаетъ вниманіе врачей-товарищей на октябрьскую (1883 г.) книжку „Отечеств. Записокъ" и на разсказъ В. М.: „Красный цвѣтокъ", въ которомъ онъ нашелъ „чуждое аффектаціи и субъективизма, правдивое описаніе маніакальнаго состоянія, сдѣланное въ художественной формѣ". „Изображеніе общаго маніакальнаго возбу-

жденія со смутными экспансивными идеями, которыя еще не приняли опредѣленной конкретной формы и представляются больному въ видѣ неясныхъ силуэтовъ“, г. Сиккорскій называлъ *классическимъ*. „Въ особенности рельефно представлено совмѣстное существованіе двухъ сознаній—нормальнаго и патологическаго“. Нерѣдко можно встрѣтить отпечатокъ клинической правды въ „изображеніи свѣтлыхъ промежутковъ и перехода отъ нихъ къ болѣзненному приступу“. „Общее, чувственно-двигательное возбужденіе маніака нарисовано мѣткими чертами“. „Ассоціаціи болѣзненныхъ идей подмѣчены авторомъ и прослѣжены съ поразительною тонкостью. Эта сторона разсказа съ психіатрической точки зрѣнія имѣетъ высокія достоинства“. „Но всего нагляднѣе раскрыта удивительная механика ассоціативныхъ репродукцій при переходѣ больного изъ періода маніакальнаго возбужденія въ періодъ, выражающійся фиксированными идеями бреда“. Вообще д-ръ Сиккорскій считаетъ разсказъ „Красный цвѣтокъ“ замѣчательнымъ психологическимъ этюдомъ, прибавляя, что вообще описанія, сдѣланныя талантливыми людьми, имѣвшими несчастье перенести душевную болѣзнь, имѣютъ для науки особенную цѣнность. Точно также и разсказъ Гаршина: онъ представляетъ собою *не просто сырой матеріалъ*, годный для исторіи болѣзни, — это скорѣе *картина болѣзненнаго самочувствія*, освѣщенная тонкимъ проницательнымъ анализомъ художественнаго таланта“.

Этотъ коротенькій пересказъ статьи г. Сиккорскаго, конечно, не исчерпываетъ ея содержанія во всей полнотѣ, но и по этимъ незначительнымъ чертамъ, указаннымъ врачомъ-психіатромъ, мы уже можемъ до нѣкоторой степени судить о *качествѣ* психической болѣзни Гаршина. Онъ, какъ оказывается, будучи психически боленъ, *можетъ удержать въ памяти* всѣ мельчайшія подробности переходныхъ ступеней недуга, т.-е. *до точности помнитъ* весь ходъ собственной болѣзни, наблюдаетъ *самъ себя*, какъ самый лучшій врачъ-психіатръ. Уже одно это качество психическаго разстройства г. Сиккорскій цѣнитъ чрезвычайно и указываетъ, какъ на рѣдкій случай, на профессора Лорда, который *впервые* смогъ сдѣлать опыты подобнаго самонаблюденія, „что̀ пріобрѣло ему безсмертную извѣстность“.

Но вѣдь Гаршинъ въ своемъ „Красномъ цвѣткѣ“ сумѣлъ упомнить и удержать въ своемъ вниманіи переходные моменты *не только болѣзненнаго* состоянія.

Читая такую вещь, какъ „Красный цвѣтокъ“, мы, кромѣ тонкихъ наблюденій надъ симптомами психической *болѣзни*, видимъ, что источникъ страданія больного человѣка таится въ условіяхъ окружающей его жизни, и что оттуда, изъ жизни, страданіе вошло въ его душу. Видимъ, что жизнь оскорбила въ немъ чувство справедливости, огорчила его, что мысль о жизненной неправдѣ есть главный корень душевнаго страданія, и что нервное разстройство, физическая боль, фи-

зическое страданіе только осложняютъ напряженную работу совершенно опредѣленной мысли, внушенной впечатлѣніями живой жизни. Огорченная *жизнью* мысль бьется, какъ бьется перелетная птица съ вѣтромъ, съ туманомъ,—бьется съ симптомами физической болѣзни, но она, эта мысль, какъ птица, знающая цѣль своего полета, не искажается этими встрѣчными на пути ея полета препятствіями, а старается пробиться сквозь нихъ, устремляясь къ извѣстной цѣли, въ данномъ случаѣ къ похищенію цвѣтка, къ истребленію его, какъ источника всякаго зла. Одно уже то обстоятельство, что психически-больной сосредоточиваетъ свое вниманіе не просто на цвѣткѣ, а именно на *красномъ*, и что именно этотъ цвѣтъ обнаруживаетъ неразрывную связь просто физическаго страданія съ страданіемъ нравственнымъ, возбужденнымъ жизнью, впечатлѣніями пережитаго, окрашенными въ этотъ именно красный, кровавый цвѣтъ,—ужъ одно это доказываетъ, что живыя впечатлѣнія дѣйствительной жизни, извѣстнаго тона, свойства, смысла и качества, имѣютъ въ психическомъ разстройствѣ такого человѣка, какъ Гаршинъ, первенствующее передъ физическимъ разстройствомъ значеніе. Какъ на примѣръ того, что Гаршинъ не всегда повиновался тѣмъ пессимистическимъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ, и не всегда смотрѣлъ на окружающую жизнь, какъ на прахъ и тлѣнъ, укажу на слѣдующій поступокъ В. М., сдѣланный имъ весною 1880 г.

Нѣсколько писателей собрались гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, въ только-что нанятой квартиркѣ, не имѣвшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновленіи стараго „Русскаго Богатства". Въ числѣ прочихъ былъ и В. М. Его ненормальное, возбужденное состояніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе. Никто не видалъ Гаршина въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ этотъ разъ. Охрипшій, съ глазами, налитыми и постоянно затопляемыми слезами, онъ разсказывалъ какую-то ужасную исторію, но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ и бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, когда онъ только-что съ жадностью наглотался холодной воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, откупорилъ ее, налилъ цѣлый стаканъ, опустошилъ его, какъ воду, самъ, очевидно, не понимая, что̀ такое съ нимъ творится, и видимо не зная, какъ развязаться съ ужаснѣйшимъ душевнымъ разстройствомъ. Все это происходило въ теченіе не болѣе пяти минутъ, и только тогда, когда кто-то изъ знавшихъ Гаршина ближе меня увезъ его домой, я могъ спросить: что̀ такое съ нимъ случилось?

А съ Гаршинымъ было слѣдующее: наканунѣ того дня, когда я видѣлъ его въ новорождавшейся редакціи, онъ ночью въ три часа, также для храбрости, выпилъ вина (вообще онъ совершенно не пилъ вина), почти ворвался къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ,

добился, что лицо это разбудили, и сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздирающагося на части сердца, о снисхожденіи къ какому-то лицу, подлежавшему строгому наказанію. Говорятъ, что высокое лицо сказало ему нѣсколько успокоительныхъ словъ, и онъ ушелъ. Но онъ не спалъ всю ночь, быть-можетъ, весь предшествовавшій день; онъ охрипъ именно отъ напряженной мольбы, отъ крика милосердія, и, зная самъ, что, по тысячѣ причинъ, просьба его—дѣло невыполнимое, сталъ уже хворать, болѣть, пилъ стаканами рижскій бальзамъ, плакалъ, потомъ скрылся изъ Петербурга, оказался гдѣ-то въ чьемъ-то имѣніи, въ Тульской губерніи, верхомъ на лошади, въ одномъ сюртукѣ, потомъ пѣшкомъ, по грязи доплелся до Ясной-Поляны, потомъ еще куда-то ушелъ,—словомъ, поступалъ «*какъ сумасшедшій*», пока не дошелъ до состоянія, въ которомъ больного кладутъ въ больницу.

Такимъ образомъ «*какъ сумасшедшимъ*» Гаршинъ сдѣлался и въ этотъ разъ не потому только, что онъ въ этомъ отношеніи уже испорченъ наслѣдственностью, что онъ только былъ *боленъ*, но потому, что его наслѣдственную *болѣзнь* питали впечатлѣнія дѣйствительной *жизни*.

III.

Теперь мы спросимъ: какія же именно и какого качества впечатлѣнія давала жизнь уму и совѣсти В. М.? Въ чемъ заключается сущность этихъ впечатлѣній и ихъ качество?

Два маленькихъ томика разсказовъ Гаршина весьма точно отвѣтятъ намъ на эти вопросы, такъ какъ въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ, иногда въ нѣсколько страничекъ, положительно исчерпано *все содержаніе* нашей жизни, *въ условіяхъ которой пришлось жить и Гаршину и всѣмъ его читателямъ*. Говоря—„все содержаніе жизни нашей“, я не употребляю здѣсь какой-нибудь пышной и необдуманной фразы,—нѣтъ, именно *все*, что давала наиболѣе важнаго его уму и сердцу наша жизнь (наша—не значитъ только русская,—а жизнь людей нашего времени вообще), все до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самымъ жгучимъ чувствомъ, и именно потому-то и могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ книжкахъ.

Пристрастіе къ изложенію своихъ мыслей въ сказочной формѣ есть прямой признакъ необыкновенной чувствительности къ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Написать о какомъ-либо явленіи жизни „обстоятельно“, подробно и много,—было не по нервамъ Гаршина: ему нужно было какъ можно скорѣе освобождать себя отъ угнетающаго впечатлѣнія переживаемыхъ фактовъ; они ясны ему до поразительности, и вотъ на помощь ему пришла сказка и аллегорія. Сказать: „Оселъ“, „Соловей“, „Роза“, „Навозный жукъ“ примѣнительно къ дѣйствующимъ лицамъ въ окружающей насъ жизни—значитъ сразу опредѣлить ихъ типиче-

скія особенности, „расписывать“ которыя подробно не позволяетъ чрезмѣрная чуткость нервовъ. Облегченіе же себя отъ жгучести ощущаемыхъ жизненныхъ фактовъ было необходимо Гаршину еще и потому, что единичный жизненный фактъ, поразившій его, никогда не могъ быть выдѣленъ его сознаніемъ изъ общаго строя жизни, ибо именно только такіе факты жизни, которые только связаны съ ея общимъ строемъ, и потрясали его нервы и завладѣвали всей его духовной дѣятельностью. Въ виду этого каждый маленькій разсказикъ или сказка Гаршина всегда исчерпываютъ, или, по крайней мѣрѣ, стремятся исчерпать всю массу явленій, соприкасающихся съ фактомъ жизни, давшимъ толчокъ для работы его мысли. Вотъ крошечная сказка: „То, чего не было“. Въ ней всего пять-шесть страницъ, но попробуйте сосчитать по пальцамъ, какихъ сторонъ жизни хотѣлъ коснуться въ ней Гаршинъ: все, что̀ составляетъ для всего общества насущнѣйшую заботу переживаемаго имъ времени,—все стремится Гаршинъ затронуть, поставить на свое мѣсто, указать связь между всею цѣпью явленій текущей дѣйствительности. Вотъ почему въ двухъ маленькихъ томикахъ могло быть передано Гаршинымъ — иногда строчкой, иногда однимъ, какъ въ сказкѣ, словечкомъ, названіемъ—положительно *все*, что̀ имъ пережито, передумано и перечувствовано, до конца, до полной невозможности развить свою чувствительность еще въ какую-нибудь сторону и въ какомъ бы то ни было направленіи.

Однако что̀ же именно пережито и перечувствовано имъ? Для этого достаточно будетъ припомнить одни только названія его разсказовъ. „Четыре дня“ — ужасная драма непостижимаго совѣстью и умомъ: убійство другъ друга людьми, не имѣющими къ этому ни тѣни надобности; фактъ огромной важности, тяготѣющій надъ всѣмъ человѣчествомъ и обязывающій не выдѣлять его изъ общаго строя неправдъ. Думая о связи этого непонятнаго явленія жизни, есть отъ чего притти въ отчаяніе и есть отъ чего помутиться умомъ. А вотъ вамъ простой *кочегаръ*, котораго также *общія* условія жизни терзаютъ и молотомъ, и огнемъ, и горемъ, и бѣдностью,—и опять *весь строй* жизни долженъ быть притянутъ къ отвѣту за это терзаемое несправедливостью человѣческое существо. Точно такъ же *весь строй* жизни овладѣваетъ мыслью Гаршина, когда онъ пишетъ о женщинѣ легкаго поведенія, которая пришла къ необходимости броситься въ Неву, и тогда, когда онъ пишетъ о человѣкѣ, который всю ночь борется съ необходимостью пустить себѣ пулю въ лобъ и желаніемъ жить на свѣтѣ. И такъ все въ томъ же родѣ. Все это вокругъ насъ, все это обыкновенно, со всѣмъ этимъ мы, большинство, сжились, а еще большее большинство даже и не думало, что можно обо всемъ этомъ безпокоиться. Но соберите всѣ эти обыкновеннѣйшіе „сюжеты“: война, самоубійство, каторжный трудъ невѣдомому Богу, невольный развратъ, невольное убійство ближняго,—и вы увидите, что вся совокупность этихъ обыденныхъ явленій есть именно

существеннѣйшія язвы современнаго строя жизни, что за ними не видно хорошаго, что времени, возможности даже нѣтъ выдѣлить это хорошее изъ неотразимо дѣйствующихъ фактовъ зла. Нельзя не мучить себя сознаніемъ, что все это страшный грѣхъ человѣка противъ человѣка, и что этотъ ужасный грѣхъ—наша жизнь, что мы привыкли жить среди него, что мы не можемъ не жить именно такъ, чтобы нашей страдающей отъ собственныхъ неправдъ душѣ не приносились эти безчисленныя жертвы.

IV.

Я только указалъ на четыре небольшихъ разсказа, но и они, какъ видите, охватываютъ явленія окружающей насъ жизни на огромнѣйшее пространство. Обыденный фактъ требуетъ отъ впечатлительнаго ума писателя огромной работы, анализа всего строя общества, и неминуемо долженъ истерзать впечатлительнаго человѣка. Въ двухъ маленькихъ книжкахъ Гаршинъ пережилъ *все* окружающее насъ зло, пережилъ до послѣдней мелочи, и, принявъ въ соображеніе размѣры этого пережитаго и чрезмѣрную впечатлительность нервовъ Гаршина, читатель не можетъ не видѣть, что жить и переживать то же самое и писать на тѣ же темы, то-есть, какъ говорится, „разрабатывать" тѣ же самые ужасы жизни, которые ужъ пережиты до тла,—было рѣшительно не по натурѣ, не по нервамъ Гаршина. Если бы какой-нибудь „прискорбный случай" удалилъ его изъ привычной обстановки жизни куда-нибудь въ глушь, поставилъ бы его въ условія совершенно иного строя жизни, отодвинулъ бы отъ нашего вѣка на два-три столѣтія,—несомнѣнно, обновленіе мыслей новымъ матеріаломъ жизни оживило бы духовную дѣятельность Гаршина. Но помимо того, что Гаршинъ выросъ въ Петербургѣ, то-есть въ самомъ источникѣ вліяній, которымъ должно подчиняться общество,—онъ долженъ былъ всю свою жизнь испытывать ту неумолимую *настойчивость* въ неразрѣшимости всѣхъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые онъ уже пережилъ. Жизнь не только не сулила хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко сознаннаго зла къ чему-нибудь... да, хоть къ чему-нибудь лучшему, но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь била по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ же ежедневный „слухъ"—и всегда мрачный и тревожный; одинъ и тотъ же ударъ по одному и тому же больному мѣсту, и непремѣнно притомъ по больному и непремѣнно по такому мѣсту, которому надобно „зажить", поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое проситъ добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ

ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое-то безпрерывное, непрестанно, неумолимо-настойчивое отталкиванiе человѣка отъ малѣйшей попытки „поступить"—вотъ что̀ дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ уже жгуче перестрадалъ ея горе. Немудрено послѣ этого понять, что загипнотизированный окаменѣвшей на десятки лѣтъ дѣйствительностью, подавленный неподвижностью грозныхъ вопросовъ жизни, онъ могъ, при *обилiи мыслей* о своихъ, къ этой дѣйствительности, *обязанностяхъ*, потерять даже тѣнь *хотѣнiя* жить во имя *желательнаго*, и пришелъ къ возможности, думая объ одномъ, дѣлать совершенно ему *противоположное*.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ.

Я помню, какъ мы бѣжали по лѣсу, какъ жужжали пули, какъ падали отрываемыя ими вѣтки, какъ мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрѣлы стали чаще. Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее тамъ и сямъ. Сидоровъ, молоденькій солдатикъ первой роты («какъ онъ попалъ въ нашу цѣпь?»—мелькнуло у меня въ головѣ), вдругъ присѣлъ къ землѣ и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изо рта у него текла струя крови. Да, я это хорошо помню. Я помню также, какъ уже почти на опушкѣ, въ густыхъ кустахъ, я увидѣлъ... его. Онъ былъ огромный, толстый турокъ, но я бѣжалъ прямо на него, хотя я слабъ и худъ. Что-то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, огромное пролетѣло мимо; въ ушахъ зазвенѣло. «Это онъ въ меня выстрѣлилъ»,—подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что-то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше. Наши кричали «ура!», падали, стрѣляли. Помню, и я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, уже выйдя изъ лѣсу, на полянѣ. Вдругъ «ура» раздалось громче, и мы всѣ сразу двинулись впередъ. Т.-е. не мы, а наши, потому что я остался. Мнѣ это показалось страннымъ. Еще страннѣе было то, что вдругъ все исчезло; всѣ крики и выстрѣлы смолкли. Я не слышалъ ничего, а видѣлъ только что-то синее; должно-быть, это было небо. Потомъ и оно исчезло.

Я никогда не находился въ такомъ странномъ положеніи. Я лежу, кажется, на животѣ и вижу передъ собою только маленькій кусочекъ земли. Нѣсколько травинокъ, муравей, ползущій съ одной изъ нихъ внизъ головою, какіе-то кусочки сора отъ прошлогодней травы — вотъ весь мой міръ. И вижу я его только однимъ глазомъ, потому что другой зажатъ чѣмъ-то твердымъ, должно-быть, вѣткою, на которую опирается моя голова. Мнѣ ужасно неловко, и я хочу, но рѣшительно не понимаю, почему не могу шевельнуться. Такъ проходитъ время. Я слышу трескъ кузнечиковъ, жужжанье пчелы. Больше нѣтъ ничего. Наконецъ я дѣлаю усиліе, освобождаю правую руку изъ-подъ себя и, упираясь обѣими руками о землю, хочу встать на колѣни.

Что-то острое и быстрое, какъ молнія, пронизываетъ все мое тѣло отъ колѣнъ къ груди и головѣ, и я снова падаю. Опять мракъ, опять ничего нѣтъ.

Я проснулся. Почему я вижу звѣзды, которыя такъ ярко свѣтятся на черно-синемъ болгарскомъ небѣ? Развѣ я не въ палаткѣ? Зачѣмъ я вылѣзъ изъ нея? Я дѣлаю движеніе и ощущаю мучительную боль въ ногахъ.

Да, я раненъ въ бою. Опасно или нѣтъ? Я хватаюсь за ноги тамъ, гдѣ болитъ. И правая и лѣвая ноги покрылись заскорузлой кровью. Когда я трогаю ихъ руками, боль еще сильнѣе. Боль, какъ зубная: постоянная, тянущая за душу. Въ ушахъ звонъ, голова отяжелѣла. Смутно понимаю я, что раненъ въ обѣ ноги. Что-жъ это такое? Отчего меня не подняли? Неужели турки разбили насъ? Я начинаю припоминать бывшее со мной, сначала смутно, потомъ яснѣе, и прихожу къ заключенію, что мы вовсе не разбиты. Потому что я упалъ (этого, впрочемъ, я не помню; не помню, какъ всѣ побѣжали впередъ, а я не могъ бѣжать, и у меня осталось только что-то синее передъ глазами) — и упалъ на полянкѣ, наверху холма. На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленькій батальонный. «Ребята, мы будемъ тамъ!» — закричалъ онъ намъ своимъ звонкимъ голосомъ. И мы были тамъ: значитъ, мы не разбиты... Почему же меня не подобрали? Вѣдь здѣсь на полянѣ открытое мѣсто, все видно. Вѣдь, навѣрно, не я одинъ лежу здѣсь. Они стрѣляли такъ часто. Нужно повернуть голову и посмотрѣть. Теперь это сдѣлать удобнѣе, потому что еще тогда, когда я, очнувшись, видѣлъ травку и муравья, ползущаго внизъ головою, я, пытаясь подняться,

упалъ не въ прежнее положеніе, а перевернулся на спину. Оттого-то мнѣ и видны эти звѣзды.

Я приподнимаюсь и сажусь. Это дѣлается трудно, когда обѣ ноги перебиты. Нѣсколько разъ приходится отчаиваться; наконецъ, со слезами на глазахъ, выступившими отъ боли, я сажусь.

Надо мною—клочокъ черно-синяго неба, на которомъ горитъ большая звѣзда и нѣсколько маленькихъ, вокругъ что-то темное, высокое. Это — кусты. Я въ кустахъ: меня не нашли!

Я чувствую, какъ шевелятся корни волосъ на моей головѣ.

Однако, какъ это я очутился въ кустахъ, когда они застрѣлили меня на полянкѣ? Должно-быть, раненый, я переползъ сюда, не помня себя отъ боли. Странно только, что теперь я не могу пошевельнуться, а тогда сумѣлъ дотащиться до этихъ кустовъ. А быть-можетъ, у меня тогда была только одна рана, и другая пуля доконала меня уже здѣсь.

Блѣдныя розоватыя пятна заходили вокругъ меня. Большая звѣзда поблѣднѣла, нѣсколько маленькихъ — исчезли. Это всходитъ луна. Какъ хорошо теперь дома!..

Какіе-то странные звуки доходятъ до меня... Какъ будто бы кто-то стонетъ. Да, это — стонъ. Лежитъ ли около меня какой-нибудь такой же забытый, съ перебитыми ногами или съ пулею въ животѣ? Нѣтъ, стоны такъ близко, а около меня, кажется, никого нѣтъ... Боже мой, да вѣдь это— я самъ! Тихіе, жалобные стоны; неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ больно? Должно-быть. Только я не понимаю этой боли, потому что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ. Лучше лечь опять и уснуть, спать, спать... Только проснусь ли я когда-нибудь? Это все равно.

Въ ту минуту, когда я собираюсь ложиться, широкая блѣдная полоса луннаго свѣта ясно озаряетъ мѣсто, гдѣ я лежу, и я вижу что-то темное и большое, лежащее шагахъ въ пяти отъ меня. Кое-гдѣ на немъ видны блики отъ луннаго свѣта. Это пуговицы или аммуниція. Это или трупъ, или раненый.

Все равно, я лягу...

Нѣтъ, не можетъ быть. Наши не ушли. Они здѣсь, они выбили турокъ и остались на этой позиціи. Отчего же нѣтъ ни говора ни треска костровъ? Да вѣдь я отъ слабости ничего не слышу. Они, навѣрно, здѣсь.

— Помогите!.. Помогите!

Дикіе, безумные, хриплые вопли вырываются изъ моей груди, и нѣтъ на нихъ отвѣта. Громко разносятся они въ ночномъ воздухѣ. Все остальное молчитъ. Только сверчки трещатъ попрежнему неугомонно. Луна жалобно смотритъ на меня круглымъ лицомъ.

Если бы онъ былъ раненый, онъ очнулся бы отъ такого крика. Это трупъ. Нашъ или турокъ? Ахъ, Боже мой! Будто не все равно?.. И сонъ опускается на мои воспаленные глаза.

Я лежу съ закрытыми глазами, хотя уже давно проснулся. Мнѣ не хочется открыть глаза, потому что я чувствую сквозь закрытыя вѣки солнечный свѣтъ: если я открою глаза, то онъ будетъ рѣзать ихъ. Да и лучше не шевелиться... Вчера (кажется, это было вчера?) меня ранили; прошли сутки, пройдутъ другія, я умру. Все равно. Лучше не шевелиться. Пусть тѣло будетъ неподвижно. Какъ было бы хорошо остановить и работу мозга! Но ея ничѣмъ не задержишь. Мысли, воспоминанія тѣснятся въ головѣ. Впрочемъ, все это ненадолго, скоро конецъ. Только въ газетахъ останется нѣсколько строкъ, что, молъ, потери наши незначительны: ранено столько-то; убитъ рядовой изъ вольноопредѣляющихся, Ивановъ. Нѣтъ, и фамиліи не напишутъ; просто скажутъ: убитъ одинъ. Одинъ рядовой, какъ та одна собачонка.

Цѣлая картина ярко вспыхиваетъ въ моемъ воображеніи. Это было давно; впрочемъ, все, вся моя жизнь, та жизнь, когда я не лежалъ еще здѣсь съ перебитыми ногами, была такъ давно... Я шелъ по улицѣ, кучка народа остановила меня. Толпа стояла и молча глядѣла на что-то бѣленькое, окровавленное, жалобно визжавшее. Это была маленькая хорошенькая собачка: вагонъ конножелѣзной дороги переѣхалъ ее. Она умирала, вотъ какъ теперь я. Какой-то дворникъ растолкалъ толпу, взялъ собачку за шиворотъ и унесъ. Толпа разошлась.

Унесетъ ли меня кто-нибудь? Нѣтъ, лежи и умирай. А какъ хороша жизнь!.. Въ тотъ день (когда случилось несчастье съ собачкой) я былъ счастливъ. Я шелъ въ какомъ-то опьяненіи, да и было отчего. Вы, воспоминанія, не мучьте меня, оставьте меня! Былое счастье, настоящія муки... пусть бы остались одни мученія, пусть не мучатъ меня воспоминанія, которыя невольно заставляютъ сравнивать. Ахъ, тоска, тоска! Ты хуже ранъ.

Однако становится жарко. Солнце жжетъ. Я открываю

глаза, вижу тѣ же кусты, то же небо, только при дневномъ освѣщенiи. А вотъ и мой сосѣдъ. Да это турокъ, трупъ. Какой огромный! Я узнаю его, это тотъ самый...

Передо мною лежитъ убитый мною человѣкъ. За что я его убилъ?

Онъ лежитъ здѣсь мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть-можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекiй сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ?..

А я? И я также... Я бы даже помѣнялся съ нимъ. Какъ онъ счастливъ: онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ ранъ, ни смертельной тоски, ни жажды... Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь. Это сдѣлалъ — я.

Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ.

Ну и что̀ же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскiй мундиръ) — онъ виноватъ еще меньше. Прежде, чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слыхалъ ни о Россiи ни о Болгарiи. Ему велѣли итти, онъ и пошелъ. Если бы онъ не пошелъ, его стали бы бить палками, а то, быть-можетъ, какой-нибудь паша всадилъ бы въ него пулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула до Рущука. Мы напали, онъ защищался. Но, видя, что мы страшные люди, не боящiеся его патентованной англiйской винтовки Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькiй человѣкъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце.

Чѣмъ же онъ виноватъ?

И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его? Чѣмъ я виноватъ? За что меня мучитъ жажда? Жажда! Кто знаетъ, что значитъ это слово! Даже тогда, когда мы шли по Румынiи, дѣлая въ ужасныя сорокаградусныя жары переходы по пятидесяти верстъ, тогда я не чувствовалъ того, что̀ чувствую теперь. Ахъ, если бы кто-нибудь пришелъ!

Боже мой! Да у него въ этой огромной флягѣ, навѣрно,

есть вода! Но надо добраться до него. Чтò это будетъ стоить! Все равно, доберусь.

Я ползу. Ноги волочатся, ослабѣвшія руки едва двигаютъ неподвижное тѣло. До трупа сажени двѣ, но для меня это больше — не больше, а хуже — десятковъ верстъ. Все-таки нужно ползти. Горло горитъ, жжетъ, какъ огнемъ. Да и умрешь безъ воды скорѣе. Все-таки, можетъ-быть...

И я ползу. Ноги цѣпляются за землю, и каждое движеніе вызываетъ нестерпимую боль. Я кричу, кричу съ воплями, а все-таки ползу. Наконецъ вотъ и онъ. Вотъ фляга... въ ней есть вода — и какъ много! Кажется, больше полъ-фляги. О! воды мнѣ хватитъ надолго... до самой смерти!

Ты спасаешь меня, моя жертва!.. Я началъ отвязывать флягу, опершись на одинъ локоть, и вдругъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ лицомъ на грудь своего спасителя. Отъ него уже былъ слышенъ сильный трупный запахъ.

Я напился. Вода была тепла, но не испорчена, и притомъ ея было много. Я проживу еще нѣсколько дней. Помнится, въ «Физіологіи обыденной жизни» сказано, что безъ пищи человѣкъ можетъ прожить больше недѣли, лишь бы была вода. Да, тамъ еще разсказана исторія самоубійцы, уморившаго себя голодомъ. Онъ жилъ очень долго, потому что пилъ.

Ну, и чтò же? Если я проживу еще дней пять-шесть, чтò будетъ изъ этого? Наши ушли, болгаре разбѣжались. Дороги близко нѣтъ. Все равно — умирать. Только вмѣсто трехдневной агоніи я сдѣлалъ себѣ недѣльную. Не лучше ли кончить? Около моего сосѣда лежитъ его ружье, отличное англійское произведеніе. Стòитъ только протянуть руку; потомъ — одинъ мигъ, и конецъ. Патроны валяются тутъ же, кучею. Онъ не успѣлъ выпустить всѣхъ.

Такъ кончать или — ждать? Чего? Избавленія? Смерти? Ждать, пока пріѣдутъ турки и начнутъ сдирать кожу съ моихъ раненыхъ ногъ? Лучше ужъ самому.

Нѣтъ, не нужно падать духомъ; буду бороться до конца, до послѣднихъ силъ. Вѣдь если меня найдутъ, я спасенъ. Быть-можетъ, кости не тронуты; меня вылѣчатъ. Я увижу родину, мать, Машу...

Господи, не дай имъ узнать всю правду! Пусть думаютъ, что я убитъ наповалъ. Чтò будетъ съ ними, когда они узнаютъ, что я мучился два, три, четыре дня!

Голова кружится; мое путешествіе къ сосѣду меня со-

вершенно измучило. А тутъ еще этотъ ужасный запахъ. Какъ онъ почернѣлъ... что̀ будетъ съ нимъ завтра или послѣзавтра? И теперь я лежу здѣсь только потому, что нѣтъ силы оттащиться. Отдохну и поползу на старое мѣсто; кстати, вѣтеръ дуетъ оттуда и будетъ относить отъ меня зловоніе.

Я лежу въ совершенномъ изнеможеніи. Солнце жжетъ мнѣ лицо и руки. Накрыться нечѣмъ. Хоть бы ночь поскорѣе; это, кажется, будетъ вторая.

Мысли путаются, и я забываюсь.

Я спалъ долго, потому что, когда проснулся, была уже ночь. Все попрежнему; раны болятъ, сосѣдъ лежитъ, такой же огромный и неподвижный.

Я не могу не думать о немъ. Неужели я бросилъ все милое, дорогое, шелъ сюда тысячеверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучился отъ зноя; неужели наконецъ я лежу теперь въ этихъ мукахъ — только ради того, чтобы этотъ несчастный пересталъ жить? А вѣдь развѣ я сдѣлалъ что-нибудь полезное для военныхъ цѣлей, кромѣ этого убійства?

Убійство, убійца... И кто же? Я!

Когда я затѣялъ итти драться, мать и Маша не отговаривали меня, хотя и плакали надо мною. Ослѣпленный идеею, я не видѣлъ этихъ слезъ. Я не понималъ (теперь я понялъ), что̀ я дѣлалъ съ близкими мнѣ существами. Да вспоминать ли? Прошлаго не воротишь.

А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ! «Ну, юродивый! Лѣзетъ, самъ не зная чего!» Какъ могли они говорить это? Какъ вяжутся такія слова съ ихъ представленіями о геройствѣ, любви къ родинѣ и прочихъ такихъ вещахъ? Вѣдь въ ихъ глазахъ я представлялъ всѣ эти доблести. И тѣмъ не менѣе я — «юродивый».

И вотъ я ѣду въ Кишиневъ; на меня навьючиваютъ ранецъ и всякія военныя принадлежности. И я иду вмѣстѣ съ тысячами, изъ которыхъ развѣ нѣсколько наберется, подобно мнѣ, идущихъ охотно. Остальные остались бы дома, если бы имъ позволили. Однако они идутъ такъ же, какъ и мы, «сознательные», проходятъ тысячи верстъ и дерутся такъ же, какъ и мы, или даже лучше. Они исполняютъ свои обязанности, несмотря на то, что сейчасъ же бросили бы и ушли — только бы позволили.

Понесло рѣзкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Кусты зашеве-

лились, вспорхнула полусонная птичка. Звѣзды померкли. Темно-синее небо посѣрѣло, подернулось нѣжными перистыми облачками; сѣрый полумракъ поднимался съ земли. Наступалъ третій день моего... Какъ это назвать? Жизнь? Агонія?

Третій... Сколько ихъ еще осталось? Во всякомъ случаѣ, немного. Я очень ослабѣлъ и, кажется, даже не смогу отодвинуться отъ трупа. Скоро мы поровняемся съ нимъ и не будемъ непріятны другъ другу.

Нужно напиться. Буду пить три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ

Солнце взошло. Его огромный дискъ, весь пересѣченный и раздѣленный черными вѣтвями кустовъ, красенъ, какъ кровь. Сегодня будетъ, кажется, жарко. Мой сосѣдъ — что̀ станется съ тобой? Ты и теперь ужасенъ.

Да, онъ былъ ужасенъ. Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная отъ природы, поблѣднѣла и пожелтѣла; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухомъ. Тамъ копошились черви. Ноги, затянутыя въ штиблеты, раздулись, и между крючками штиблетъ вылѣзли огромные пузыри. И весь онъ раздулся горою. Что̀ сдѣлаетъ съ нимъ солнце сегодня?

Лежать такъ близко къ нему невыносимо. Я долженъ отползти во что бы то ни стало. Но смогу ли я? Я еще могу поднять руку, открыть флягу, напиться; но — передвинуть свое тяжелое, неподвижное тѣло? Все-таки буду двигаться, хоть понемногу, хоть на полъ-шага въ часъ.

Все утро проходитъ у меня въ этомъ передвиженіи. Боль сильна, но что̀ мнѣ она теперь? Я уже не помню, не могу представить себѣ ощущеній здороваго человѣка. Я даже будто привыкъ къ боли. Въ это утро я отползъ-таки сажени на двѣ и очутился на прежнемъ мѣстѣ. Но я недолго пользовался свѣжимъ воздухомъ, если можетъ быть свѣжій воздухъ въ шести шагахъ отъ гніющаго трупа. Вѣтеръ перемѣняется и снова наноситъ на меня зловоніе, до того сильное, что меня тошнитъ. Пустой желудокъ мучительно и судорожно сокращается; всѣ внутренности переворачиваются. А зловонный, зараженный воздухъ такъ и плыветъ на меня. Я прихожу въ отчаяніе и пла̀чу.

Совсѣмъ разбитый, одурманенный, я лежалъ почти въ безпамятствѣ. Вдругъ... Не обманъ ли это разстроеннаго воображенія? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Да, это — говоръ. Конскій топотъ, людской говоръ. Я едва не закричалъ, но

удержался. А что̀, если это турки? Что̀ тогда? Къ этимъ мученіямъ прибавятся еще другія, болѣе ужасныя, отъ которыхъ дыбомъ волосъ становится, даже когда о нихъ читаешь въ газетахъ. Сдерутъ кожу, поджарятъ раненыя ноги... Хорошо, если еще только это; но вѣдь они изобрѣтательны. Неужели лучше кончить жизнь въ ихъ рукахъ, чѣмъ умереть здѣсь? А если это—наши? О, проклятые кусты! Зачѣмъ вы обросли вокругъ меня такимъ густымъ заборомъ? Ничего я не вижу сквозь нихъ; только въ одномъ мѣстѣ будто окошко между вѣтвями открываетъ мнѣ видъ вдаль, въ лощину. Тамъ, кажется, есть ручеекъ, изъ котораго мы пили передъ боемъ. Да, вонъ и огромная песчаниковая плита, положенная черезъ ручеекъ, какъ мостикъ. Они, навѣрно, поѣдутъ черезъ нее. Говоръ умолкаетъ. Я не могу разслышать языка, на которомъ они говорятъ: у меня и слухъ ослабѣлъ. Господи! Если это наши... Я закричу имъ; они услышатъ меня и отъ ручейка. Это лучше, чѣмъ рисковать попасть въ лапы башибузукамъ. Что-жъ они такъ долго не ѣдутъ? Нетерпѣніе томитъ меня; я не замѣчаю даже запаха трупа, хотя онъ нисколько не ослабѣлъ.

И вдругъ на переходѣ черезъ ручей показываются казаки! Синіе мундиры, красные лампасы, пики. Ихъ цѣлая полусотня. Впереди, на превосходной лошади, чернобородый офицеръ. Только-что полусотня перебралась черезъ ручей, онъ повернулся на сѣдлѣ всѣмъ тѣломъ назадъ и закричалъ:

— Р-ы-сью, ма-аршъ!

— Стойте, стойте, Бога ради! Помогите, помогите, братцы!—кричу я; но топотъ дюжихъ коней, стукъ шашекъ и шумный казачій говоръ громче моего хрипѣнья—и меня не слышатъ!

О, проклятіе! Я въ изнеможеніи па̀даю лицомъ къ землѣ и начинаю рыдать. Изъ опрокинутой мною фляжки течетъ вода, моя жизнь, мое спасенье, моя отсрочка смерти. Но я замѣчаю это уже тогда, когда воды осталось не больше полъ-стакана, а остальная ушла въ жадную, сухую землю.

Могу ли я припомнить то оцѣпенѣніе, которое овладѣло мною послѣ этого ужаснаго случая? Я лежалъ неподвижно, съ полузакрытыми глазами. Вѣтеръ постоянно перемѣнялся и то дулъ на меня свѣжимъ и чистымъ воздухомъ, то снова обдавалъ меня вонью. Сосѣдъ въ этотъ день сдѣлался страшнѣе всякаго описанія. Разъ, когда я открылъ глаза, чтобы взглянуть на него, я ужаснулся. Лица у него уже не было. Оно сползло съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная улыбка, показалась мнѣ такой отвратительной, такой ужас-

ной, какъ никогда, хотя мнѣ случалось не разъ держать черепа въ рукахъ и препарировать цѣлыя головы. Этотъ скелетъ въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами привелъ меня въ содроганіе. «Это война,—подумалъ я:—вотъ ея изображеніе».

А солнце жжетъ и печетъ попрежнему. Руки и лицо у меня уже давно обожжены. Оставшуюся воду я выпилъ всю. Жажда мучила такъ сильно, что, рѣшившись выпить маленькій глотокъ, я залпомъ проглотилъ все. Ахъ, зачѣмъ я не закричалъ казакамъ, когда они были такъ близко отъ меня! Если бы даже это были и турки, все-таки лучше. Ну, мучили бы часъ, два, а тутъ я и не знаю еще, сколько времени придется валяться здѣсь и страдать. Мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты свои сѣдыя косы, ударишься головою объ стѣну, проклянешь тотъ день, когда родила меня, весь міръ проклянешь, что выдумалъ на страданіе людямъ войну!

Но вы съ Машей, должно-быть, и не услышите о моихъ мукахъ. Прощай, мать, прощай, моя невѣста, моя любовь! Ахъ, какъ тяжко, горько! Подъ сердце подходитъ что-то...

Опять эта бѣленькая собачка! Дворникъ не пожалѣлъ ее, стукнулъ головою объ стѣну и бросилъ въ яму, куда бросаютъ соръ и льютъ помои. Но она была жива. И мучилась еще цѣлый день. А я несчастнѣе ея, потому что мучусь цѣлыхъ три дня. Завтра—четвертый, потомъ пятый, шестой... Смерть, гдѣ ты? Иди, иди! Возьми меня!

Но смерть не приходитъ и не беретъ меня. И я лежу подъ этимъ страшнымъ солнцемъ, и нѣтъ у меня глотка воды, чтобъ освѣжить воспаленное горло, и трупъ заражаетъ меня. Онъ совсѣмъ расплылся. Миріады червей падаютъ изъ него. Какъ они копошатся! Когда онъ будетъ съѣденъ и отъ него останутся однѣ кости и мундиръ, тогда— моя очередь. И я буду такимъ же.

Проходитъ день, проходитъ ночь. Все то же. Наступаетъ утро. Все то же. Проходитъ еще день...

Кусты шевелятся и шелестятъ, точно тихо разговариваютъ. «Вотъ ты умрешь, умрешь, умрешь!»—шепчутъ они. «Не увидишь, не увидишь, не увидишь!»—отвѣчаютъ кусты съ другой стороны.

— Да тутъ ихъ и не увидишь!—громко раздается около меня.

Я вздрагиваю и разомъ прихожу въ себя. Изъ кустовъ глядятъ на меня добрые голубые глаза Яковлева, нашего ефрейтора.

— Лопаты!—кричитъ онъ.—Тутъ еще двое, да ихній.

«Не надо лопатъ, не надо зарывать меня, я живъ!»—хочу я закричать; но слабый стонъ выходитъ изъ запекшихся губъ.

— Господи! Да никакъ онъ живъ? Баринъ Ивановъ! Ребята! Вали сюда, нашъ баринъ живъ! Да доктора зови!

Черезъ полминуты мнѣ льютъ въ ротъ воду, водку и еще что-то. Потомъ все исчезаетъ.

Мѣрно качаясь, двигаются носилки. Это мѣрное движеніе убаюкиваетъ меня. Я то проснусь, то снова забудусь. Перевязанныя раны не болятъ; какое-то невыразимо отрадное чувство разлито во всемъ тѣлѣ...

— Сто-о-ой! О-опуска-а-й! Санитары, четвертая смѣна, маршъ! За носилки! Берись, подыма-ай!

Это командуетъ Петръ Ивановичъ, нашъ лазаретный офицеръ, высокій, худой и очень добрый человѣкъ. Онъ такъ высокъ, что, обернувъ глаза въ его сторону, я постоянно вижу его голову съ рѣдкой длинной бородой и плечи, хотя носилки несутъ на плечахъ четыре рослыхъ солдата.

— Петръ Иванычъ!—шепчу я.

— Чтò, голубчикъ?

Петръ Иванычъ наклоняется надо мною.

— Петръ Иванычъ, чтò вамъ сказалъ докторъ? Скоро я умру?

— Чтò вы, Ивановъ, полноте! Не умрете вы. Вѣдь у васъ всѣ кости цѣлы. Этакій счастливецъ! Ни кости ни артеріи. Да какъ вы выжили эти трое съ половиною сутокъ? Чтò вы ѣли?

— Ничего.

— А пили?

— У турка взялъ флягу. Петръ Иванычъ, я не могу говорить теперь. Послѣ...

— Ну, Господь съ вами, голубчикъ, спите себѣ.

Снова сонъ, забытье...

Я очнулся въ дивизіонномъ лазаретѣ. Надо мною стоятъ доктора, сестры милосердія, и кромѣ нихъ я вижу еще знакомое лицо знаменитаго петербургскаго профессора, наклонившагося надъ моими ногами. Его руки въ крови. Онъ возится у моихъ ногъ недолго и обращается ко мнѣ:

— Ну, счастливъ вашъ Богъ, молодой человѣкъ! Живы будете. Одну ножку-то мы отъ васъ взяли; ну, да вѣдь это—пустяки. Можете вы говорить?

Я могу говорить и разсказываю имъ все, чтò здѣсь написано.

ПРОИСШЕСТВIЕ.

I.

Какъ случилось, что я, почти два года ни о чемъ не думавшая, начала думать—не могу понять. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, натолкнуть меня на эти думы тотъ господинъ. Потому что эти господа такъ часто встрѣчаются, что я уже привыкла къ ихъ проповѣдямъ.

Да, почти всякiй изъ нихъ, кромѣ совершенно привыкшихъ, или очень умныхъ, непремѣнно заговариваетъ объ этихъ ненужныхъ ни ему ни даже мнѣ вещахъ. Сперва спроситъ, какъ меня зовутъ, сколько мнѣ лѣтъ, потомъ большей частью съ довольно печальнымъ видомъ начнетъ говорить о томъ, что «нельзя ли какъ-нибудь уйти отъ подобной жизни?» Сначала меня мучили такiе разспросы, но теперь я привыкла. Ко многому привыкаешь.

Но вотъ уже двѣ недѣли, всякiй разъ, когда я не весела, т.-е. не пьяна (потому что развѣ есть для меня возможность веселиться, не будучи пьяной?) и когда я остаюсь совсѣмъ одна, я начинаю думать. И не хотѣла бы, да не могу: не отвязываются эти тяжелыя думы; одно средство забыть—уйти куда-нибудь, гдѣ много народа, гдѣ пьянствуютъ, безобразничаютъ. Я начинаю также пить и безобразничать, мысли путаются, ничего не помнишь... Тогда—легче. Отчего прежде этого не бывало, съ самаго того дня, какъ я махнула рукой на все? Больше двухъ лѣтъ я живу здѣсь, въ этой скверной комнатѣ, все время провожу одинаково, такъ же бываю въ разныхъ Эльдорадо и Пале-де-Кристаль, и все время, если и не было весело, такъ хоть не думалось о томъ, что невесело; а теперь вотъ—совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Какъ это скучно и глупо! Вѣдь все равно не выберусь

никуда, не выберусь просто потому, что сама не захочу. Въ жизнь эту я втянулась, путь свой знаю. Вонъ и въ «Стрекозѣ» (которую приноситъ мнѣ одинъ знакомый довольно часто и ужъ непремѣнно, когда въ ней появляется что-нибудь «пикантное»), и въ «Стрекозѣ» я видѣла рисунокъ: посерединѣ маленькая, хорошенькая дѣвочка съ куклой, а около нея два ряда фигуръ. Вверхъ отъ дѣвочки идутъ: маленькая гимназистка или пансіонерка, потомъ скромная молодая дѣвушка, мать семейства, и наконецъ старушка, почтенная такая, а въ другую сторону, внизу,—дѣвочка съ коробкомъ изъ магазина, потомъ я, я и еще я. Первая я—вотъ какъ теперь; вторая—улицу метлой мететъ, а третья—та ужъ совсѣмъ отвратительная, гнусная старуха. Но только я ужъ не допущу себя до этого. Еще два-три года, если вынесу такую жизнь, а потомъ въ Екатериновку. На это меня хватитъ, не испугаюсь.

Какой странный однако этотъ художникъ! Почему такъ-таки непремѣнно, если пансіонерка или гимназистка, такъ уже и скромная дѣвица, почтенная мать и бабушка? А я-то? Слава Богу, вѣдь и я могу блеснуть гдѣ-нибудь на Невскомъ французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ! И рисовать цвѣты, я думаю, еще не забыла, и «Calipso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse» помню. И Пушкина помню, и Лермонтова, и все, все: и экзамены, и то роковое, ужасное время, когда я осталась дурой, набитой дурой, одна у добрыхъ родныхъ, увѣрявшихъ, что они «пріютили сироту», и пылкія, пошлыя рѣчи того фата, и какъ я сдуру обрадовалась, и всю ложь и грязь тамъ, въ «чистомъ обществѣ», откуда я попала сюда, гдѣ теперь одурманиваюсь водкой... Да, теперь я стала пить даже и водку. «Horreur!»—закричала бы кузина Ольга Николаевна.

Да и въ самомъ дѣлѣ развѣ не horreur? Но виновата ли я сама въ этомъ дѣлѣ? Если бы мнѣ, семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, съ восьми лѣтъ сидѣвшей въ четырехъ стѣнахъ и видѣвшей только такихъ же дѣвочекъ, какъ и я сама, да еще разныхъ мамановъ, попался не такой, какъ тотъ, съ прическою à la Capoule, любезный мой другъ, а другой, хорошій человѣкъ—то, пожалуй, тогда было бы и не то...

Глупая мысль! Развѣ есть они, хорошіе люди, развѣ я ихъ видѣла и послѣ и до моей катастрофы? Должна ли я думать, что есть хорошіе люди, когда изъ десятковъ, которыхъ я знаю, нѣтъ ни одного, котораго я могла бы не ненавидѣть? И могу ли я вѣрить, что они есть, когда тутъ и мужья отъ молодыхъ женъ, и дѣти (почти дѣти—четырна-

дцати-пятнадцати лѣтъ) изъ «хорошихъ семействъ», и старики лысые, параличные, отжившие?

И наконецъ могу ли я не ненавидѣть, не презирать, хотя я сама—презираемое и презрѣнное существо, когда я вижу среди нихъ такихъ людей, какъ нѣкоторый молодой нѣмчикъ, съ вытравленнымъ на рукѣ, повыше локтя, вензелемъ? Онъ самъ объяснилъ мнѣ, что это—имя его невѣсты. «Jetzt aber bist du, meine Liebe, allerliebstes Liebchen»,—сказалъ онъ, смотря на меня масляными глазками, и вдобавокъ прочелъ стишки Гейне. И даже съ гордостью объяснилъ мнѣ, что Гейне—великій нѣмецкій поэтъ, но что у нихъ, у нѣмцевъ, есть еще выше поэты, Гёте и Шиллеръ, и что только у геніальнаго и великаго нѣмецкаго народа могутъ рождаться такіе поэты.

Какъ мнѣ хотѣлось вцѣпиться въ его скверную, смазливую, бѣлобрысую рожу! Но вмѣсто этого я залпомъ выпила стаканъ портвейна, которымъ онъ меня поилъ, и забыла все.

Зачѣмъ мнѣ думать о своемъ будущемъ, когда я и такъ знаю его очень хорошо? Зачѣмъ мнѣ думать и о прошедшемъ, когда тамъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы замѣнить мою теперешнюю жизнь? Да, это правда. Если бы мнѣ предложили сегодня же вернуться туда, въ изящную обстановку, къ людямъ съ изящными проборами, шиньонами и фразами, я не вернулась бы, а осталась бы умирать на своемъ посту...

Да, и у меня свой постъ! И я тоже нужна, необходима. Недавно приходилъ ко мнѣ одинъ юноша, очень разговорчивый, и цѣлую страницу причиталъ мнѣ наизусть изъ какой-то книги.—«Это нашъ философъ, нашъ русскій философъ»,—говорилъ онъ. Философъ говорилъ что-то очень туманное и для меня лестное; въ родѣ того, что мы—«клапаны для общественныхъ страстей»... И слова гадкія, и философъ, должно-быть, скверный, а хуже всего былъ этотъ мальчишка, повторявшій эти «клапаны».

Впрочемъ, недавно и мнѣ пришла въ голову та же мысль. Я была у мирового судьи, который приговорилъ меня къ пятнадцати рублямъ штрафа за неприличное поведеніе въ общественномъ мѣстѣ.

Въ ту самую минуту, когда онъ читалъ рѣшеніе, причемъ всѣ встали, я подумала вотъ что̀. За что вся эта публика такъ презрительно смотритъ на меня? Пусть я исполняю грязное, отвратительное дѣло, занимаю самую презрѣнную должность; но вѣдь это—должность! Этотъ судья тоже занимаетъ должность. И я думаю, что мы оба...

Я ничего не думаю, я чувствую, что пью, что ничего не помню и путаюсь. Въ моей головѣ все перемѣшалось: и та скверная зала, гдѣ я сегодня вечеромъ буду безстыдно плясать, и Литовскій зàмокъ, и эта скверная комната, въ которой можно жить только пьяной. Въ вискахъ у меня стучитъ, въ ушахъ звонъ, въ головѣ все куда-то скачетъ и несется, и я сама несусь куда-то. Мнѣ хочется остановиться, удержаться за что-нибудь, хоть за соломинку, но у меня нѣтъ и соломинки.

Лгу я, есть она у меня! И даже не соломинка, а, быть-можетъ, что-то понадежнѣе; но я сама до того опустилась, что не хочу протянуть руку, чтобы схватиться за опору.

Кажется, это случилось въ концѣ августа. Помню, тогда былъ такой славный осенній вечеръ. Я гуляла по Лѣтнему саду и тамъ познакомилась съ этой «опорой». Этотъ человѣкъ не представлялъ ничего особеннаго, кромѣ развѣ какой-то добродушной болтливости. Онъ разсказалъ мнѣ чуть не о всѣхъ своихъ дѣлахъ и знакомыхъ. Ему было двадцать пять лѣтъ, звали его Иваномъ Ивановичемъ. Собою онъ былъ ни дуренъ ни хорошъ. Онъ болталъ со мною, какъ съ какимъ-нибудь знакомымъ; разсказывалъ даже анекдоты о своемъ начальникѣ и объяснилъ мнѣ, кто у нихъ въ департаментѣ на виду.

Онъ ушелъ, и я забыла о немъ. Черезъ мѣсяцъ онъ однако явился. И явился пасмурный, печальный, похудѣвшій. Когда онъ вошелъ, я даже немного испугалась незнакомаго нахмуреннаго лица.

— Вы меня помните?

Въ эту минуту я вспомнила его и сказала, что помню.

Онъ покраснѣлъ.

— Я потому думалъ, что вы не помните, что вѣдь много...

Разговоръ пересѣкся. Мы сидѣли на диванѣ; я въ одномъ углу, онъ въ другомъ, какъ будто въ первый разъ выѣхалъ съ визитами, прямой, вытянутый, даже цилиндръ въ рукахъ держалъ. Сидѣли мы довольно долго; наконецъ онъ приподнялся и поклонился.

— Такъ до свиданья-съ, Надежда Николаевна,—произнесъ онъ со вздохомъ.

— Какъ вы узнали мое имя?—закричала я, вспыхнувъ. Мое ходячее имя было не Надежда Николаевна, а Евгенія.

Я крикнула на Ивана Ивановича такъ сердито, что онъ даже испугался.

— Вѣдь я ничего дурного, Надежда Николаевна... Я ни

одному человѣку... А я знакомъ съ Петромъ Васильевичемъ, участковымъ, такъ онъ мнѣ разсказалъ о васъ все, какъ было. Я хотѣлъ сказать вамъ: Евгенія, да языкъ не послушался, и я ваше настоящее имя произнесъ.

— Да вы скажите, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?

Онъ молчалъ и печально смотрѣлъ мнѣ въ глаза

— Для чего?—продолжала я, все разгорячаясь.—Какой интересъ я представляю для васъ? Нѣтъ, вы лучше не ходите ко мнѣ; знакомства я съ вами вести не буду, потому что у меня нѣтъ знакомыхъ. Я знаю, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ! Васъ заинтересовалъ разсказъ этого полицейскаго. Вы подумали: вотъ рѣдкость, образованная дѣвушка въ какую жизнь попала... Вы вздумали спасать меня? Подите отъ меня, мнѣ ничего не нужно! Оставьте меня лучше издыхать одну, чѣмъ...

Тутъ я взглянула на его лицо—и остановилась. Я видѣла, что била его каждымъ словомъ. Онъ не говорилъ ничего, но одинъ видъ его заставилъ меня замолчать.

— До свиданья, Надежда Николаевна,—сказалъ онъ.—Очень жалѣю, что огорчилъ васъ. И себя тоже. До свиданья.

Онъ протянулъ мнѣ руку (я не могла не дать ему своей) и вышелъ медленными шагами. Я слышала, какъ онъ спускался по лѣстницѣ, и видѣла въ окно, какъ онъ, согнувъ шею, перешелъ черезъ дворъ какою-то медленною и качающеюся походкою. У воротъ онъ оглянулся, посмотрѣлъ на мои окна и исчезъ.

И вотъ этотъ-то человѣкъ можетъ быть моей «опорой». Стоитъ мнѣ только заикнуться, и я сдѣлаюсь законной женой. Законной женой бѣднаго, но благороднаго человѣка, и даже сдѣлаюсь бѣдною, но благородною родительницею, если только Господь во гнѣвѣ Своемъ еще пошлетъ мнѣ ребенка.

II.

Сегодня Евсей Евсеичъ говоритъ мнѣ:

— Вы послушайте меня, Иванъ Иванычъ, что̀ вамъ я, старикъ, скажу. Вы, батюшка, не дѣльно вести себя стали: смотрите, какъ бы до начальства не дошло!

Онъ еще долго говорилъ (стараясь говорить о самой сути дѣла обиняками) о службѣ, чинопочитаніи, о нашемъ генералѣ, обо мнѣ, и наконецъ началъ добираться и до моего несчастія. Мы сидѣли въ трактирѣ, куда Надежда Николаевна часто заходитъ со своими знакомыми.

Евсей Евсеичъ все давно замѣтилъ и давно уже вытя-

нулъ отъ меня многія подробности. Не могъ я удержать глупаго языка, разболталъ все, да притомъ еще чуть не разревѣлся.

Евсей Евсеичъ разсердился.

— Ахъ вы бабень, бабень вы чувствительный! Молодой человѣкъ, хорошій чиновникъ, изъ-за дряни какую исторію развелъ! Да плюньте вы на нее! Да что̀ вамъ до нея за дѣло? Добро бы дѣвица благопристойная, а то, съ позволенья сказать...

Евсей Евсеичъ даже плюнулъ.

Послѣ этого случая онъ часто возвращался къ предмету своихъ огорченій (Евсей Евсеичъ искренно огорчается за меня), но уже не ругался, потому что замѣтилъ, что это мнѣ непріятно. Впрочемъ, онъ могъ сдерживать себя недолго, и хотя сначала старался заговаривать издалека, но въ концѣ концовъ всегда приходилъ къ одному заключенію, что надо бросить, «наплевать»—и тому подобное.

Я и самъ сочувствую, строго говоря, тому, что̀ онъ твердитъ мнѣ каждый день. Сколько разъ и я думалъ тоже, что нужно бросить и наплевать! Да, сколько разъ! И столько же разъ, послѣ такихъ мыслей, выходилъ изъ дому, и ноги несли меня въ ту улицу... И вотъ она идетъ нарумяненная, съ насурмленными бровями, въ бархатной шубкѣ и щегольской котиковой шапочкѣ—прямо на меня, и я сворачиваю на другую сторону, чтобы она не замѣтила моихъ преслѣдованій. Она доходитъ до угла и поворачиваетъ назадъ, нагло и гордо смотря на прохожихъ и иногда заговаривая съ ними; я слѣжу за нею съ другой стороны улицы, стараясь не терять ее изъ виду, и безнадежно смотрю на ея маленькую фигурку, пока какой-нибудь... мерзавецъ не подойдетъ къ ней, не заговоритъ. Она отвѣчаетъ ему, она поворачивается и идетъ съ нимъ... И я за ними. Если бы дорога была утыкана острыми гвоздями, мнѣ не было бы больнѣе. Я иду, не слыша ничего и не видя ничего, кромѣ двухъ фигуръ...

Я не смотрю себѣ подъ ноги и около себя и иду, выпуча глаза, натыкаясь на прохожихъ, получая замѣчанія, ругательства и толчки. Одинъ разъ я опрокинулъ ребенка...

Они поворачиваютъ направо и налѣво, входятъ въ калитку; сначала она, потомъ онъ: почти всегда изъ какой-то странной вѣжливости онъ даетъ ей дорогу. Потомъ и я вхожу. Противъ двухъ оконъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, стоитъ сарай съ сѣноваломъ; на сѣновалъ ведетъ легкая желѣзная лѣсенка, кончающаяся площадкою безъ перилъ.

И сижу я на этой площадкѣ и смотрю на спущенныя бѣлыя занавѣски...

Сегодня я тоже стоялъ на своемъ странномъ посту, хотя на дворѣ порядочный морозъ. Озябъ я ужасно, ногъ не слышалъ подъ собою, а все-таки стоялъ. Паръ шелъ отъ моего лица, усы и борода обмерзли, ноги начали цѣпенѣть. По двору ходили люди, но не замѣчали меня и, громко разговаривая, проходили мимо. Съ улицы доносилась пьяная пѣсня (веселая это улица!), какая-то перебранка, стукъ скребковъ о панель, которую чистили дворники. Всѣ эти звуки шумѣли въ моихъ ушахъ, но я не обращалъ на нихъ вниманія, какъ и на морозъ, щипавшій лицо, и на озябшія ноги. Все это: и звуки, и ноги, и морозъ, было какъ будто далеко-далеко отъ меня. Ноги ныли сильно, но внутри меня что-то ныло еще сильнѣе. У меня нѣтъ силъ пойти къ ней. Знаетъ ли она, что есть человѣкъ, который счелъ бы за счастье сидѣть съ нею въ одной комнатѣ и, не касаясь даже руки ея, только смотрѣть ей въ глаза? Что есть человѣкъ, который кинется въ огонь, если это поможетъ ей выйти изъ ада, если бы она захотѣла выйти? Но она не хочетъ... И я до сихъ поръ не знаю, почему она не хочетъ. Вѣдь я не могу повѣрить, что она испорчена до мозга костей; не могу я повѣрить этому, потому что знаю, что это не такъ, потому что знаю ее, потому что люблю—люблю ее...

Лакей подошелъ къ Ивану Иванычу, который положилъ локти на столъ и на локти—лицо, и изрѣдка вздрагивалъ, и сталъ трогать его за плечо.

— Господинъ Никитинъ! Такъ нельзя-съ... При всѣхъ... Хозяинъ забранитъ. Господинъ Никитинъ! Здѣсь нельзя, чтобъ этакимъ родомъ. Извольте вставать!

Иванъ Иванычъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на слугу. Онъ вовсе не былъ пьянъ, и слуга понялъ это, какъ только увидѣлъ его печальное лицо.

— Это, Семенъ, ничего. Это такъ. Ты вотъ дай мнѣ графинчикъ очищенной.

— Съ чѣмъ прикажете?

— Съ чѣмъ? Съ рюмкой. И побольше, чтобы не графинчикъ, а графинъ. Вотъ тебѣ, получи за все и еще возьми два двугривенныхъ. Черезъ часъ отправишь меня домой на извозчикѣ. Ты вѣдь знаешь, гдѣ я живу?

— Знаю-съ... Только, сударь, какъ оно это?..

Онъ, очевидно, недоумѣвалъ: подобный случай представился ему въ первый разъ за все время его долголѣтней практики.

— Нѣтъ, постой, я лучше самъ.

Иванъ Иванычъ вышелъ въ переднюю, одѣлся и, выйдя на улицу, завернулъ въ торговое заведеніе, на низкомъ окнѣ котораго ярко блестѣли освѣщенные газомъ разноцвѣтные ярлыки бутылокъ, аккуратно и со вкусомъ уложенныхъ въ подстилку изъ мха. Черезъ минуту онъ вышелъ, неся въ рукахъ двѣ бутылки, дошелъ до своей квартиры, которую нанималъ въ меблированныхъ комнатахъ Цукербергъ, и заперъ за собою дверь на ключъ.

III.

Я опять забылась и опять проснулась. Три недѣли ежедневнаго шатанья! Какъ я только выношу это! Сегодня у меня болитъ голова, кости, все тѣло. Тоска, скука, безцѣльныя и мучительныя разсужденія! Хоть бы пришелъ кто-нибудь.

Какъ будто въ отвѣтъ на ея мысль, въ передней зазвенѣлъ звонокъ. «Дома Евгенія?»—«Дома, пожалуйте»,—отвѣтилъ голосъ кухарки. Неровные, торопливые шаги простучали по коридору, дверь распахнулась, и въ ней появился Иванъ Иванычъ.

Онъ вовсе не былъ похожъ на того робкаго и застѣнчиваго человѣка, который приходилъ сюда же два мѣсяца назадъ. Шляпа набекрень, цвѣтной галстукъ, увѣренный, дерзкій взглядъ. И при этомъ шатающаяся походка и сильный винный запахъ.

Надежда Николаевна вскочила съ мѣста.

— Здравствуй!—началъ онъ:—я къ тебѣ пришелъ.

И онъ сѣлъ на стулъ у двери, не снявъ шляпы и развалясь. Она молчала, молчалъ и онъ. Если бы онъ не былъ пьянъ, она бы нашла, что̀ сказать, но теперь она потерялась. Пока она думала, что̀ ей дѣлать, онъ опять заговорилъ.

— Нида! Вотъ я и пришелъ... Имѣю прраво!—вдругъ бѣшено закричалъ онъ и вытянулся во весь ростъ.

Шляпа упала съ его головы, черные волосы въ безпорядкѣ падали на лицо, глаза сверкали. Вся его фигура выражала такое бѣшенство, что Надежда Николаевна испугалась на минуту.

Она попробовала говорить съ нимъ ласково.

— Слушайте, Иванъ Иванычъ, я очень буду рада вашему приходу, только идите теперь домой. Вы выпили лишнее. Будьте такъ добры, голубчикъ, идите домой. Приходите, когда будете здоровы.

— Струсила!—пробормоталъ будто про себя Иванъ Иванычъ, опять усаживаясь на стулъ.—Укротилась? Да за что ты меня гонишь?—опять отчаянно завопилъ онъ.—За что? Пить-то вѣдь я изъ-за тебя началъ, вѣдь трезвый былъ! Чѣмъ ты тянешь меня къ себѣ, скажи ты мнѣ?

Онъ плакалъ. Пьяныя слезы душили его, текли по лицу и попадали въ ротъ, искривленный рыданіями. Онъ едва могъ говорить.

— Вѣдь другая за счастье бы сочла избавиться отъ этого ада. Работалъ бы я, какъ волъ. Жила бы ты беззаботно, спокойная, честная. Говори, чѣмъ я заслужилъ отъ тебя ненависть?

Надежда Николаевна молчала.

— Что̀ ты молчишь?—закричалъ онъ.—Говори! Говори, что̀ хочешь, только скажи что-нибудь. Пьянъ я—это вѣрно... непьяный не пришелъ бы сюда. Знаешь ты, какъ я боюсь тебя, когда я въ здравомъ умѣ? Вѣдь ты меня въ узелокъ связать можешь. Скажешь: украдь — украду. Скажешь: убей—убью. Знаешь ли ты это? Навѣрно, знаешь. Ты умная, ты все видишь. Если не знаешь... Надя, родная моя, пожалѣй меня!

И онъ на колѣняхъ ползалъ передъ нею по полу. А она неподвижно стояла у стѣны, облокотясь на нее закинутою головою и заложивъ руки за спину. Ея взоръ былъ устремленъ на какую-то одну точку пространства. Видѣла ли она что-нибудь, слышала ли что̀? Что̀ она чувствовала при видѣ этого человѣка, валявшагося у нея въ ногахъ и просившаго у нея любви? Жалость, презрѣніе? Ей хотѣлось жалѣть его, но она чувствовала, что не можетъ жалѣть. Онъ возбуждалъ въ ней только отвращеніе. И могъ ли возбуждать онъ иное чувство въ этомъ жалкомъ видѣ: пьяный, грязный, униженно молящій?

Онъ уже нѣсколько дней, какъ бросилъ ходить на службу. Пилъ каждый день. Найдя утѣшеніе въ винѣ, онъ сталъ меньше слѣдить за своею страстью, и все сидѣлъ дома и пилъ, собираясь съ силами, чтобы пойти къ ней и сказать все. Что̀ онъ долженъ былъ сказать ей, онъ и самъ не зналъ. «Скажу все, открою душу»—вотъ что̀ мелькало въ его пьяной головѣ. Наконецъ онъ рѣшился, пришелъ, началъ говорить. Даже сквозь туманъ похмелья онъ сознавалъ, что говоритъ и дѣлаетъ вещи, вовсе не возбуждающія къ нему любви, и все-таки говорилъ, чувствуя, что съ каждымъ словомъ все ниже и ниже куда-то падаетъ, все туже и туже затягивая петлю на своей шеѣ.

Онъ говорилъ еще долго и безсвязно. Рѣчь становилась все медленнѣе и медленнѣе, и наконецъ его опьянѣвшія, опухшія вѣки сомкнулись, и, откинувъ голову назадъ на спинку стула, онъ заснулъ.

Надежда Николаевна стояла въ прежней позѣ, безцѣльно глядя куда-то въ потолокъ и барабаня пальцами по обоямъ стѣны.

«Жалко мнѣ его? Нѣтъ, не жалко. Что̀ я могу сдѣлать для него? Выйти за него замужъ? Да развѣ я смѣю? И развѣ же это не будетъ такою же продажею? Господи, да нѣтъ, это еще хуже!»

Она не знала, почему хуже, но чувствовала это.

«Теперь я, по крайней мѣрѣ, откровенна. Меня всякій можетъ ударить. Развѣ я мало терплю оскорбленій? А тогда! Чѣмъ я буду лучше? Развѣ не будетъ тотъ же развратъ, только не откровенный? Вонъ онъ сидитъ сонный, и голова отвалилась назадъ. Ротъ раскрытъ, лицо блѣдное, какъ у мертваго. Платье на немъ выпачканное: должно-быть, валялся гдѣ-нибудь... Какъ онъ тяжело дышитъ... Иногда даже хрипитъ... Да, но вѣдь это пройдетъ, и онъ опять будетъ приличнымъ, скромнымъ. Нѣтъ, тутъ не то! А мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ, если я дамъ ему надъ собою верхъ, замучитъ меня однимъ воспоминаніемъ... И я не вынесу. Нѣтъ, пусть я останусь тѣмъ, что̀ есть... Да вѣдь и недолго ужъ оставаться...»

Она набросила себѣ на плечи накидку и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Иванъ Иванычъ проснулся отъ стука, посмотрѣлъ вокругъ себя безсмысленными глазами и, найдя, что на стулѣ спать неудобно, съ трудомъ добрался до постели, повалился на нее и заснулъ мертвымъ сномъ. Онъ проснулся съ головною болью, но трезвый, уже поздно вечеромъ и, увидя, гдѣ онъ находится, тотчасъ же убѣжалъ.

Я вышла изъ дому, сама не зная, куда пойду. Погода была скверная, день пасмурный, темный; мокрый снѣгъ падалъ на лицо и руки. Гораздо лучше было бы сидѣть дома; но можно ли мнѣ теперь сидѣть тамъ? Онъ совсѣмъ погибаетъ. Что̀ мнѣ дѣлать, чтобы поддержать его? Могу ли я измѣнить свои отношенія къ нему? Ахъ, все въ моей душѣ, вся моя внутренность горитъ. Я не знаю сама, почему я не хочу воспользоваться случаемъ бросить эту ужасную жизнь, освободиться отъ кошмара. Если бы я вышла за него? Новая жизнь, новыя надежды... Развѣ то чувство жалости,

которое я все-таки чувствую къ нему, не можетъ перейти въ любовь?

Ахъ, нѣтъ! Теперь онъ готовъ лизать мои руки, а тогда... тогда онъ придавитъ меня ногою и скажетъ:—«А ты еще сопротивлялась, презрѣнная тварь! Презирала меня!»

Скажетъ ли онъ это? Я думаю, что скажетъ.

Есть у меня одно средство спастись, избавиться—отличное, на которое я уже давно рѣшилась и къ которому, навѣрно, въ концѣ концовъ прибѣгну; но мнѣ кажется, что теперь еще рано. Слишкомъ я молода, слишкомъ много чувствую въ себѣ жизни. Жить хочется. Хочется дышать, чувствовать, слышать, видѣть; хочется имѣть возможность хоть изрѣдка взглянуть на небо, на Неву.

Вотъ и набережная. Громадныя зданія съ одной стороны, а съ другой—почернѣвшая Нева. Скоро тронется ледъ, рѣка будетъ голубая. Паркъ на той сторонѣ зазеленѣетъ. Острова также покроются зеленью. Хоть и петербургская, а все-таки весна.

И вдругъ вспомнилась мнѣ моя послѣдняя счастливая весна. Была тогда я дѣвочкой семи лѣтъ, жила у отца и матери, въ деревнѣ, въ степи. За мною присматривали мало, и я бѣгала, гдѣ хотѣла и сколько хотѣла. Помню, какъ въ началѣ марта у насъ по степнымъ оврагамъ побѣжали, зашумѣли рѣки талой воды, какъ потемнѣла степь, какой удивительный сталъ воздухъ, такой сырой и отрадный. Обнажились сперва вершины бугровъ, зазеленѣла на нихъ травка. Потомъ и вся степь зазеленѣла, хоть въ оврагахъ еще лежалъ умиравшій снѣгъ. Быстро, въ нѣсколько дней, точно изъ-подъ земли, совсѣмъ готовые, выскочили, выросли кустики піоновъ, и на нихъ пышные, ярко-пурпуровые цвѣты. Жаворонки начали пѣть...

Господи, что̀ я сдѣлала такого, что еще при жизни меня слѣдовало бросить въ адъ? Развѣ не хуже всякаго ада то, что̀ я переживаю?

Каменный спускъ ведетъ прямо къ проруби. Что-то потянуло меня спуститься и посмотрѣть на воду. Но вѣдь еще рано? Конечно, рано. Я подожду еще.

А все-таки хорошо было бы стать на этотъ скользкій, мокрый край проруби. Такъ сама бы скользнула. Только холодно... Одна секунда—и поплывешь подъ льдомъ внизъ по рѣкѣ, будешь безумно биться объ ледъ руками, ногами, головою, лицомъ. Интересно знать, просвѣчиваетъ ли туда дневной свѣтъ?

Я стояла надъ прорубью неподвижно и долго и уже до-

шла до того состоянія, когда человѣкъ ни о чемъ не думаетъ. Я давно промочила себѣ ноги, а не двигалась съ мѣста. Вѣтеръ былъ не холодный, но пронизывалъ меня насквозь, такъ что я вся дрожала, а все-таки стояла. И не знаю, сколько бы времени продолжалось это оцѣпенѣніе, если бы съ набережной кто-то не закричалъ мнѣ:

— Эй! Мадамъ! Сударыня!

Я не обертывалась.

— Сударыня, пожалуйте на панель!

Кто-то сзади меня началъ спускаться по лѣстницѣ. Кромѣ шарканья ногъ по посыпаннымъ пескомъ ступенямъ, я слышала еще какой-то тупой стукъ. Я обернулась: спускался городовой, стучала его шашка. Увидѣвъ мое лицо, онъ вдругъ измѣнилъ чинное выраженіе своей физіономіи на грубое и дерзкое, подошелъ ко мнѣ и дернулъ за плечо:

— Убирайся вонъ отсюда, дрянь ты этакая! Шляетесь вездѣ! Сунешься сдуру въ прорубь, потомъ отвѣчай за васъ, за шельмовъ.

Онъ узналъ по моему лицу, кто я.

IV.

Все то же и то же... Нѣтъ возможности ни минуты остаться одной, чтобы не схватила за душу тоска. Что̀ сдѣлать съ собою, чтобы забыть?

Аннушка принесла мнѣ письмо. Откуда оно? Я такъ давно не получала ни отъ кого писемъ.

«Милостивая государыня Надежда Николаевна! Хотя я очень хорошо понялъ, что для васъ не составляю ничего, но все-таки полагаю, что вы добрая дѣвушка и не захотите обидѣть меня. Въ первый и послѣдній въ жизни разъ я прошу васъ быть у меня, такъ какъ сегодня мои именины. Родныхъ и знакомыхъ у меня нѣтъ. Умоляю васъ, приходите. Даю вамъ слово, что я ничего не скажу вамъ обиднаго или непріятнаго. Пожалѣйте преданнаго вамъ

«Ивана Никитина».

«P. S. О своемъ недавнемъ поведеніи въ квартирѣ вашей не могу вспомнить безъ стыда. Будьте же у меня сегодня въ 6 часовъ. Прилагаю адресъ. И. Н.».

Что̀ это значитъ? Онъ рѣшился написать ко мнѣ. Тутъ что-нибудь не совсѣмъ просто. Что̀ онъ хочетъ сдѣлать со мною? Итти или нѣтъ?

Странно разсуждать—итти или не итти? Если онъ хочетъ заманить меня въ западню, то или для того, чтобы убить, или... но если и убьетъ, все же развязка.

Пойду.

Я одѣнусь попроще и поскромнѣе, смою съ лица румяна и бѣлила. Ему все-таки будетъ пріятнѣе. Причешу попроще голову. Какъ мало у меня осталось волосъ! Я причесалась, надѣла черное шерстяное платье, черный шарфикъ, бѣлый воротничокъ и рукавчики и подошла къ зеркалу взглянуть на себя.

Я чуть не заплакала, увидя въ немъ женщину, совсѣмъ непохожую на ту Евгенію, которая такъ «хорошо» пляшетъ скверные танцы въ разныхъ притонахъ. Я увидѣла вовсе не нахальную, нарумяненную кокотку съ улыбающимся лицомъ, съ ухарски взбитымъ шиньономъ, съ наведенными рѣсницами. Эта забитая и страдающая женщина, блѣдная, тоскливо смотрящая большими черными глазами съ темными кругами вокругъ—что-то совсѣмъ новое, вовсе не я. А можетъ-быть, это-то и есть я? А вотъ та Евгенія, которую всѣ видятъ и знаютъ, та—что-то чужое, насѣвшее на меня, давящее меня, убивающее.

И я дѣйствительно заплакала и плакала долго и сильно. Отъ слезъ легче становится, какъ твердили мнѣ съ самаго дѣтства; только, должно-быть, это справедливо не для всѣхъ. Не легче мнѣ стало, а еще хуже. Каждое рыданье болью отзывалось, каждая слеза горька. Тѣхъ, кому есть еще какая-нибудь надежда на исцѣленіе и миръ, тѣхъ слезы, быть-можетъ, и облегчаютъ. А гдѣ она у меня?

Я вытерла слезы и отправилась.

Я безъ труда нашла номера мадамъ Цукербергъ, и чухонка-горничная показала мнѣ дверь къ Ивану Иванычу.

— Можно войти?

Въ комнатѣ раздался стукъ быстро задвигаемаго ящика.

— Войдите!—быстро закричалъ Иванъ Иванычъ. Я вошла. Онъ сидѣлъ у письменнаго стола и заклеивалъ какой-то конвертъ. Мнѣ онъ даже какъ будто и не обрадовался.

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ,—сказала я.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна,—отвѣтилъ онъ, вставая и протягивая мнѣ руку.

Что-то нѣжное мелькнуло у него на лицѣ, когда я протянула ему свою, но тотчасъ же и исчезло. Онъ былъ серьезенъ и даже суровъ.

— Благодарю васъ, что пришли.

— Зачѣмъ вы звали меня?—спросила я.

— Боже мой, неужели вы не знаете, что̀ значитъ для меня

видѣть васъ! Впрочемъ, этотъ разговоръ для васъ непріятенъ.

Мы сидѣли и молчали. Чухонка принесла самоваръ. Иванъ Иванычъ подалъ мнѣ чай и сахаръ. Потомъ поставилъ на столъ варенье, печенье, конфеты, полбутылки сладкаго вина.

— Вы извините меня за угощеніе, Надежда Николаевна. Вамъ, быть-можетъ, непріятно, но не сердитесь. Будьте добры, заварите чай, налейте. Кушайте: вотъ конфеты, вино.

Я стала хозяйничать, а онъ сѣлъ противъ меня такъ, что его лицо оставалось въ тѣни, и принялся разсматривать меня. Я чувствовала на себѣ его постоянный и пристальный взглядъ и чувствовала, что краснѣю.

Я на минуту подняла глаза, но сейчасъ же опять опустила, потому что онъ продолжалъ серьезно смотрѣть мнѣ прямо въ лицо. Что̀ это значитъ? Неужели эта обстановка, скромное, черное платье, отсутствіе нахальныхъ лицъ, пошлыхъ рѣчей подѣйствовали на меня такъ сильно, что я опять превратилась въ скромную и конфузливую дѣвочку, какою была два года тому назадъ? Мнѣ стало досадно.

— Скажите, пожалуйста, что̀ вы выпучили на меня глаза?—выговорила я съ усиліемъ, но бойко.

Иванъ Иванычъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Надежда Николаевна! Не говорите такъ грубо. Побудьте хоть часъ такою, какъ вы сюда пришли.

— Но я не понимаю, зачѣмъ вы меня позвали. Неужели только затѣмъ, чтобы молчать и смотрѣть на меня?

— Да, Надежда Николаевна, только за этимъ. Вамъ вѣдь это особаго огорченія не сдѣлаетъ, а мнѣ утѣшеніе—въ послѣдній разъ на васъ посмотрѣть. Вы были такъ добры, что пришли, и въ этомъ платьѣ, такою, какъ теперь. Я этого не ждалъ и за это вамъ еще больше благодаренъ.

— Но отчего же въ послѣдній разъ, Иванъ Иванычъ?

— Я вѣдь уѣзжаю.

— Куда?

— Далеко, Надежда Николаевна. Я вовсе сегодня не именинникъ. Я такъ это, не знаю самъ почему, написалъ. А мнѣ просто хотѣлось еще разъ на васъ посмотрѣть. Хотѣлъ я сначала пойти и ждать, когда вы выйдете, да ужъ какъ-то рѣшился просить васъ къ себѣ. И вы были такъ добры, что пришли. Дай вамъ Богъ за это всего хорошаго.

— Мало хорошаго впереди, Иванъ Иванычъ.

— Да, для васъ мало хорошаго. Впрочемъ, вѣдь вы сами знаете лучше меня, что̀ для васъ впереди...—Голосъ Ивана

Иваныча задрожалъ.—Мнѣ лучше,—прибавилъ онъ:—потому что я уѣду.

И его голосъ задрожалъ еще болѣе.

Мнѣ стало невыразимо жалко его. Справедливо ли все то дурное, что я чувствовала противъ него? За что я такъ грубо и рѣзко оттолкнула его? Но теперь уже поздно сожалѣть.

Я встала и начала одѣваться. Иванъ Иванычъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вы уже уходите? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да, надо итти...

— Вамъ надо... Опять туда! Надежда Николаевна! Да давайте, я лучше убью васъ сейчасъ!

Онъ говорилъ это шопотомъ, схвативъ меня за руку и смотря на меня большими, растерянными глазами.

— Вѣдь лучше? Скажите!

— Да вѣдь вамъ, Иванъ Иванычъ, за это въ Сибирь итти. Я вовсе не хочу этого.

— Въ Сибирь!.. Развѣ я оттого не могу убить васъ, что Сибири боюсь? Я не оттого... Я не могу васъ убить потому, что... да какъ же я убью васъ? Да какъ же я убью тебя?—задыхаясь, выговорилъ онъ:—вѣдь я...

И онъ схватилъ меня, поднялъ, какъ ребенка, на воздухъ, душа въ объятіяхъ и осыпая поцѣлуями мое лицо, губы, глаза, волосы. И такъ же внезапно, какъ внезапно это случилось, поставилъ меня на ноги и быстро заговорилъ:

— Ну, идите, идите... Простите меня, но вѣдь это въ первый и послѣдній разъ. Не сердитесь на меня. Идите, Надежда Николаевна.

— Я не сержусь, Иванъ Иванычъ...

— Идите, идите! Благодарю, что пришли.

Онъ выпроводилъ меня и тотчасъ же заперся на ключъ. Я стала спускаться съ лѣстницы. Сердце ныло еще больше прежняго.

Пусть онъ ѣдетъ и забудетъ меня. Останусь доживать свой вѣкъ. Довольно сентиментальничать. Пойду домой.

Я прибавила шагу и думала уже о томъ, какое платье надѣну и куда отправлюсь на сегодняшній вечеръ. Вотъ и конченъ мой романъ, маленькая задержка на скользкомъ пути! Теперь покачусь свободно, безъ задержекъ, все ниже и ниже.

«Да вѣдь онъ теперь стрѣляется!»—вдругъ закричало что-то у меня внутри. Я остановилась, какъ вкопанная; въ глазахъ у меня потемнѣло, по спинѣ побѣжали

мурашки, дыханіе захватило... Да, онъ теперь убиваетъ себя! Онъ захлопнулъ ящикъ—это онъ револьверъ разсматривалъ. Письмо писалъ... Въ послѣдній разъ... Бѣжать! Быть-можетъ, еще успѣю. Господи! Удержи его! Господи, оставь его мнѣ!

Смертельный, неиспытанный ужасъ охватилъ меня. Я бѣжала назадъ, какъ безумная, налетая на прохожихъ. Не помню, какъ я взбѣжала по лѣстницѣ. Помню только глупое лицо чухонки, впустившей меня, помню длинный темный коридоръ со множествомъ дверей, помню, какъ я кинулась къ его двери. И когда я схватилась за ея ручку, за дверью раздался выстрѣлъ. Отовсюду выскочили люди, бѣшено завертѣлись вокругъ меня, вмѣстѣ съ коридоромъ, дверьми, стѣнами. И я упала... и въ моей головѣ тоже все завертѣлось и исчезло.

ТРУСЪ.

Война рѣшительно не даетъ мнѣ покоя. Я ясно вижу, что она затягивается, и когда кончится—предсказать очень трудно. Нашъ солдатъ остался тѣмъ же необыкновеннымъ солдатомъ, какимъ былъ всегда, но противникъ оказался вовсе не такимъ слабымъ, какъ думали, и вотъ уже четыре мѣсяца, какъ война объявлена, а на нашей сторонѣ еще нѣтъ рѣшительнаго успѣха. А между тѣмъ каждый лишній день уноситъ сотни людей. Нервы, что ли, у меня такъ устроены, только военныя телеграммы, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ, производятъ на меня дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ. Другой спокойно читаетъ: «Потери наши незначительны, ранены такіе-то офицеры, нижнихъ чиновъ убито 50, ранено 100», и еще радуется, что мало, а у меня при чтеніи такого извѣстія тотчасъ появляется передъ глазами цѣлая кровавая картина. Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ—это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстіе о какомъ-нибудь убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человѣкъ? Отчего видъ пронизанныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на тилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію, а на аванпостныя дѣла, съ «незначительными» потерями тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, никто не обращаетъ вниманія?

Нѣсколько дней тому назадъ Львовъ, знакомый мнѣ студентъ-медикъ, съ которымъ я часто спорю о войнѣ, сказалъ мнѣ:

— Ну, посмотримъ, миролюбецъ, какъ-то вы будете про-

водить ваши гуманныя убѣжденія, когда васъ заберутъ въ солдаты и вамъ самимъ придется стрѣлять въ людей.

— Меня, Василій Петровичъ, не заберутъ: я зачисленъ въ ополченіе.

— Да если война затянется, тронутъ и ополченіе. Не храбритесь, придетъ и вашъ чередъ.

У меня сжалось сердце. Какъ эта мысль не пришла мнѣ въ голову раньше? Въ самомъ дѣлѣ, тронутъ и ополченіе— тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. «Если война затянется»... да она, навѣрно, затянется. Если не протянется долго эта война, все равно, начнется другая. Отчего же и не воевать? Отчего не совершать великихъ дѣлъ? Мнѣ кажется, что нынѣшняя война—только начало грядущихъ, отъ которыхъ не уйду ни я, ни мой маленькій братъ, ни грудной сынъ моей сестры. И моя очередь придетъ очень скоро.

Куда жъ дѣнется твое «я»? Ты всѣмъ существомъ своимъ протестуешь противъ войны, а все-таки война заставитъ тебя взять на плечи ружье, итти умирать и убивать. Да нѣтъ, это невозможно! Я, смирный, добродушный молодой человѣкъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги, да аудиторію, да семью и еще нѣсколько близкихъ людей, думавшій черезъ годъ-два начать иную работу, трудъ любви правды, я наконецъ, привыкшій смотрѣть на міръ объективно, привыкшій ставить его передъ собою, думавшій, что всюду я понимаю въ немъ зло и тѣмъ самымъ избѣгаю этого зла— я вижу все мое зданіе спокойствія разрушеннымъ, а самого себя напяливающимъ на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна котораго я сейчасъ только разсматривалъ. И никакое развитіе, никакое познаніе себя и міра, никакая духовная свобода не дадутъ мнѣ жалкой физической свободы—свободы располагать своимъ тѣломъ.

Львовъ посмѣивается, когда я начинаю излагать ему свои возмущенія противъ войны.

— Относитесь, батюшка, къ вещамъ попроще, легче жить будетъ,—говоритъ онъ.—Вы думаете, что мнѣ пріятна эта рѣзня? Кромѣ того, что она приноситъ всѣмъ бѣдствіе, она и меня лично обижаетъ, она не даетъ мнѣ доучиться. Устроятъ ускоренный выпускъ, ушлютъ рѣзать руки и ноги. А все-таки я не занимаюсь безплодными размышленіями объ ужасахъ войны, потому что, сколько я ни думай, я ничего не сдѣлаю для ея уничтоженія. Право, лучше не думать, а заниматься своимъ дѣломъ. А если пошлютъ раненыхъ лѣчить, поѣду и лѣчить. Что жъ дѣлать, въ такое время

нужно жертвовать собой. Кстати, вы знаете, что Маша ѣдетъ сестрой милосердія?

— Неужели?

— Третьяго-дня рѣшилась, а сегодня ушла практиковаться въ перевязкахъ. Я ее не отговаривалъ; спросилъ только, какъ она думаетъ устроиться со своимъ ученьемъ. «Послѣ, говоритъ, доучусь, если жива буду». Ничего, пусть ѣдетъ сестренка, доброму научится.

— А что жъ Кузьма Ѳомичъ?

— Кузьма молчитъ, только мрачность на себя напустилъ звѣрскую и заниматься совсѣмъ пересталъ. Я за него радъ, что сестра уѣзжаетъ, право, а то просто извелся человѣкъ, мучится, тѣнью за ней ходитъ, ничего не дѣлаетъ. Ну, ужъ эта любовь!—Василій Петровичъ покрутилъ головой.—Вотъ и теперь побѣжалъ привести ее домой, будто она не ходила по улицамъ всегда одна!

— Мнѣ кажется, Василій Петровичъ, что нехорошо, что онъ живетъ съ вами.

— Конечно, нехорошо, да кто же могъ предвидѣть это? Намъ съ сестрой эта квартира велика: одна комната остается лишняя—отчего жъ не пустить въ нее хорошаго человѣка? А хорошій человѣкъ взялъ да и врѣзался. Да мнѣ, по правдѣ сказать, и на нее досадно: ну, чѣмъ Кузьма хуже ея! Добрый, неглупый, славный. А она точно его не замѣчаетъ... Ну, вы однако убирайтесь изъ моей комнаты; мнѣ некогда. Если хотите видѣть сестру съ Кузьмой, подождите въ столовой, они скоро придутъ.

— Нѣтъ, Василій Петровичъ, мнѣ тоже некогда, прощайте.

Только-что я вышелъ на улицу, какъ увидѣлъ Марью Петровну и Кузьму. Они шли молча: Марья Петровна съ принужденно-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица впереди, а Кузьма немного сбоку и сзади, точно не смѣя итти съ нею рядомъ и иногда бросая искоса взглядъ на ея лицо. Они прошли мимо, не замѣтивъ меня.

Я не могу ничего дѣлать и не могу ни о чемъ думать. Я прочиталъ о третьемъ плевненскомъ боѣ. Выбыло изъ строя двѣнадцать тысячъ однихъ русскихъ и румынъ, не считая турокъ... Двѣнадцать тысячъ... Эта цифра то носится передо мною въ видѣ знаковъ, то растягивается безконечной лентой лежащихъ рядомъ труповъ. Если ихъ положить плечо съ плечомъ, то составится дорога въ восемь верстъ... Что же это такое?

Мнѣ говорили что-то про Скобелева, что онъ куда-то ки-

нулся, что-то атаковалъ, взялъ какой-то редутъ, или его у него взяли... я не помню. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ я помню и вижу только одно—гору труповъ, служащую пьедесталомъ грандіознымъ дѣламъ, которыя занесутся на страницы исторіи. Можетъ-быть, это необходимо—я не берусь судить да и не могу; я не разсуждаю о войнѣ и отношусь къ ней непосредственнымъ чувствомъ, возмущаемымъ массою пролитой крови. Быкъ, на глазахъ котораго убиваютъ подобныхъ ему быковъ, чувствуетъ, вѣроятно, что-нибудь похожее... Онъ не понимаетъ, чему его смерть послужитъ, и только съ ужасомъ смотритъ выкатившимися глазами на кровь и реветъ отчаяннымъ, надрывающимъ душу голосомъ.

Трусъ я или нѣтъ?

Сегодня мнѣ сказали, что я трусъ. Сказала, правда, одна очень пустая особа, при которой я выразилъ опасеніе, что меня заберутъ въ солдаты, и нежеланіе итти на войну. Ея мнѣніе не огорчило меня, но возбудило вопросъ: не трусъ ли я въ самомъ дѣлѣ? Быть-можетъ, всѣ мои возмущенія противъ того, что всѣ считаютъ великимъ дѣломъ, исходятъ изъ страха за собственную кожу? Стоитъ ли дѣйствительно заботиться о какой-нибудь одной неважной жизни въ виду великаго дѣла! И въ силахъ ли я подвергнуть свою жизнь опасности вообще ради какого-нибудь дѣла?

Я недолго занимался этими вопросами. Я припомнилъ всю свою жизнь, всѣ тѣ случаи,—правда, немногіе,—въ которыхъ мнѣ приходилось стоять лицомъ къ лицу съ опасностью, и не могъ обвинить себя въ трусости. Тогда я не боялся за свою жизнь, и теперь не боюсь за нее. Стало-быть, не смерть пугаетъ меня...

Все новыя битвы, новыя смерти и страданія. Прочитавъ газету, я не въ состояніи ни за что взяться: въ книгѣ, вмѣсто буквъ—валящіеся ряды людей; перо кажется оружіемъ, наносящимъ бѣлой бумагѣ черныя раны. Если со мной такъ будетъ итти дальше, право, дѣло дойдетъ до настоящихъ галлюцинацій. Впрочемъ, теперь у меня явилась новая забота, немного отвлекшая меня отъ одной и той же гнетущей мысли.

Вчера вечеромъ я пришелъ къ Львовымъ и засталъ ихъ за чаемъ. Братъ и сестра сидѣли у стола, а Кузьма быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, держась рукой за распухшее и обвязанное платкомъ лицо.

— Что съ тобой?—спросилъ я его.

Онъ не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой и продолжалъ ходить.

— У него разболѣлись зубы, сдѣлался флюсъ и огромный нарывъ,—сказала Марья Петровна.—Я просила его во-время сходить къ доктору, но онъ не послушался, а теперь вотъ до чего дошло.

— Докторъ сейчасъ пріѣдетъ; я заходилъ къ нему,—сказалъ Василій Петровичъ.

— Очень нужно было,—процѣдилъ сквозь зубы Кузьма.

— Да какъ же не нужно, когда у тебя можетъ сдѣлаться подкожное изліяніе? И еще ходишь, несмотря на мои просьбы лечь. Ты знаешь, чѣмъ это иногда кончается?

— Чѣмъ бы ни кончилось, все равно, — пробормоталъ Кузьма.

— Вовсе не все равно, Кузьма Ѳомичъ; не говорите глупостей,—тихо сказала Марья Петровна.

Довольно было этихъ словъ, чтобы Кузьма успокоился. Онъ даже подсѣлъ къ столу и попросилъ себѣ чаю. Марья Петровна налила и протянула ему стаканъ. Когда онъ бралъ стаканъ изъ ея рукъ, его лицо приняло самое восторженное выраженіе, и это выраженіе такъ мало шло къ смѣшной, безобразной опухоли щеки, что я не могъ не улыбнуться. Львовъ также усмѣхнулся; одна Марья Петровна сострадательно и серьезно смотрѣла на Кузьму.

Пріѣхалъ свѣжій, здоровый, какъ яблоко, докторъ, большой весельчакъ. Когда онъ осмотрѣлъ шею больного, его обычное веселое выраженіе лица перемѣнилось на озабоченное.

— Пойдемте, пойдемте въ вашу комнату: мнѣ нужно хорошенько осмотрѣть васъ.

Я пошелъ за ними въ комнату Кузьмы.

Докторъ уложилъ его въ постель и началъ осматривать верхнюю часть груди, осторожно трогая ее пальцами.

— Ну-съ, вы извольте лежать смирно и не вставать. Есть у васъ товарищи, которые пожертвовали бы немного своимъ временемъ для вашей пользы?—спросилъ докторъ.

— Есть, я думаю, — отвѣтилъ Кузьма недоумѣвающимъ тономъ.

— Я попросилъ бы ихъ,—сказалъ докторъ, любезно обращаясь ко мнѣ:—съ этого дня дежурить при больномъ и, если покажется что-нибудь новое, пріѣхать за мной.

Онъ вышелъ изъ комнаты; Львовъ пошелъ проводить его въ переднюю, гдѣ они долго разговаривали о чемъ-то вполголоса, а я пошелъ къ Марьѣ Петровнѣ. Она задумчиво

сидѣла, опершись головою объ одну руку и медленно шевеля другою ложечку въ чашкѣ съ чаемъ.

— Докторъ приказалъ дежурить около Кузьмы.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ есть опасность? — тревожно спросила Марья Петровна.

— Вѣроятно, есть; иначе зачѣмъ были бы эти дежурства? Вы не откажетесь ходить за нимъ, Марья Петровна?

— Ахъ, конечно, нѣтъ! Вотъ и на войну не ѣздила, а ужъ приходится быть сестрой милосердія. Пойдемте къ нему; ему вѣдь очень скучно лежать одному.

Кузьма встрѣтилъ насъ, улыбнувшись, насколько ему позволила опухоль.

— Вотъ спасибо,—сказалъ онъ:—а я думалъ ужъ, что вы меня забыли.

— Нѣтъ, Кузьма Ѳомичъ, теперь мы васъ не забудемъ: нужно дежурить около васъ. Вотъ до чего доводитъ непослушаніе,—улыбаясь, сказала Марья Петровна.

— И вы будете?—робко спросилъ Кузьма.

— Буду, буду, только слушайтесь меня.

Кузьма закрылъ глаза и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Ахъ да,—сказалъ онъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ:—дай мнѣ, пожалуйста, зеркало; вонъ на столѣ лежитъ.

Я подалъ ему маленькое круглое зеркало; Кузьма попросилъ меня посвѣтить ему и съ помощью зеркала осмотрѣлъ больное мѣсто. Послѣ этого осмотра лицо его потемнѣло, и, несмотря на то, что мы втроемъ старались занять его разговорами, онъ во весь вечеръ не вымолвилъ ни слова.

Сегодня мнѣ навѣрно сказали, что скоро потребуютъ ополченцевъ; я ждалъ этого и не былъ особенно пораженъ.

Я могъ бы избѣжать участи, которой я такъ боюсь, могъ бы воспользоваться кое-какими вліятельными знакомствами и остаться въ Петербургѣ, состоя въ то же время на службѣ. Меня «пристроили» бы здѣсь, ну, хоть для отправленія писарской обязанности, что ли. Но, во-первыхъ, мнѣ претитъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, а во-вторыхъ, что-то, не подчиняющееся опредѣленію, сидитъ у меня внутри, обсуждаетъ мое положеніе и запрещаетъ мнѣ уклониться отъ войны. «Нехорошо», — говоритъ мнѣ внутренній голосъ.

Случилось то, чего я никакъ не ожидалъ.

Я пришелъ сегодня утромъ, чтобы занять мѣсто Марьи Петровны около Кузьмы. Она встрѣтила меня въ дверяхъ,

блѣдная, измученная безсонной ночью и съ заплаканными глазами.

— Что̀ такое, Марья Петровна, что̀ съ вами?

— Тише, тише, пожалуйста, — зашептала она. — Знаете, вѣдь все кончено.

— Что̀ кончено? Не умеръ же онъ?

— Нѣтъ, еще не умеръ... только надежды никакой. Оба доктора... мы вѣдь другого позвали...

Она не могла говорить отъ слезъ.

— Подите, посмотрите... Пойдемте къ нему.

— Вытрите сначала слезы и выпейте воды, а то вы его совсѣмъ разстроите.

— Все равно... Развѣ онъ уже не знаетъ? Онъ еще вчера зналъ, когда просилъ зеркало; вѣдь самъ скоро былъ бы докторомъ.

Тяжелый запахъ анатомическаго театра наполнялъ комнату, гдѣ лежалъ больной. Его кровать была выдвинута на середину комнаты. Длинныя ноги, большое туловище, руки, вытянутыя по бокамъ тѣла, рѣзко обозначились подъ одѣяломъ. Глаза были закрыты, дыханіе медленно и тяжело. Мнѣ показалось, что онъ похудѣлъ за одну ночь; лицо его приняло скверный земляной оттѣнокъ и было липко и влажно.

— Что̀ съ нимъ? — спросилъ я шопотомъ.

— Пусть онъ самъ... Оставайтесь съ нимъ, я не могу.

Она ушла, закрывъ лицо руками и вздрагивая отъ сдерживаемыхъ рыданій, а я сѣлъ около постели и ждалъ, пока Кузьма проснется. Мертвая тишина была въ комнатѣ; только карманные часы, лежавшіе на столикѣ около постели, выстукивали свою негромкую пѣсенку, да слышалось тяжелое и рѣдкое дыханіе больного. Я смотрѣлъ на его лицо и не узнавалъ его; не то, чтобы его черты слишкомъ перемѣнились — нѣтъ; но я увидѣлъ его въ совершенно новомъ для меня свѣтѣ. Я зналъ Кузьму давно и былъ съ нимъ пріятелемъ (хотя особенной дружбы между нами не существовало), но никогда мнѣ не приходилось такъ входить въ его положеніе, какъ теперь. Я припомнилъ его жизнь, неудачи и радости, какъ будто бы онѣ были моими. Въ его любви къ Марьѣ Петровнѣ я до сихъ поръ видѣлъ больше комическую сторону, а теперь понялъ, какія муки долженъ былъ испытывать этотъ человѣкъ. «Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ опасенъ! — думалъ я. — Не можетъ быть; не можетъ же человѣкъ умереть отъ глупой зубной боли. Марья Петровна плачетъ о немъ, но онъ выздоровѣетъ, и все будетъ хорошо».

Онъ открылъ глаза и увидѣлъ меня. Не перемѣняя вы-

раженія лица, онъ заговорилъ медленно, дѣлая остановки послѣ каждаго слова.

— Здравствуй... Вотъ видишь, каковъ я... Конецъ наступилъ. Подкрался такъ неожиданно... глупо...

— Скажи мнѣ наконецъ, Кузьма, что съ тобой? Можетъ-быть, вовсе и не такъ дурно.

— Не дурно, ты говоришь? Нѣтъ, братъ, очень дурно. На такихъ пустякахъ не ошибусь. На, смотри!

Онъ медленно, методически отвернулъ одѣяло, разстегнулъ рубашку, и на меня пахнуло невыносимымъ трупнымъ запахомъ. Начиная отъ шеи, на правой сторонѣ, на пространствѣ ладони, грудь Кузьмы была черна, какъ бархатъ, слегка покрытый сизымъ налетомъ. Это была гангрена.

Вотъ уже четыре дня, какъ я не смыкаю глазъ у постели больного, то вмѣстѣ съ Марьей Петровной, то съ ея братомъ. Жизнь, кажется, едва держится въ немъ, а все не хочетъ оставить его сильнаго тѣла. Кусокъ чернаго мертваго мяса ему вырѣзали и выбросили, какъ тряпку, и докторъ велѣлъ намъ каждые два часа промывать большую рану, оставшуюся послѣ операціи. Каждые два часа мы, вдвоемъ или втроемъ, приступаемъ къ постели Кузьмы, повертываемъ и приподымаемъ его огромное тѣло, обнажаемъ страшную язву и поливаемъ ее черезъ гуттаперчевую трубку водою съ карболовой кислотой. Она брызжетъ по ранѣ, и Кузьма иногда находитъ силы даже улыбаться, «потому что, объясняетъ онъ, щекотно». Какъ всѣмъ рѣдко болѣвшимъ людямъ, ему очень нравится, что за нимъ ухаживаютъ, какъ за ребенкомъ, а когда Марья Петровна беретъ въ руки, какъ онъ говоритъ, «бразды правленія», т.-е. гуттаперчевую трубку, и начинаетъ его поливать, онъ бываетъ особенно доволенъ и говоритъ, что никто не умѣетъ дѣлать этого такъ искусно, какъ она, несмотря на то, что трубка часто дрожитъ въ ея рукахъ отъ волненія, и вся постель бываетъ облита водою.

Какъ измѣнились ихъ отношенія! Марья Петровна, бывшая для Кузьмы чѣмъ-то недосягаемымъ, на что онъ и смотрѣть боялся, почти не обращавшая на него вниманія, теперь часто тихонько плачетъ, сидя у его постели, когда онъ спитъ, и нѣжно ухаживаетъ за нимъ; а онъ спокойно принимаетъ ея заботливость, какъ должное, и говоритъ съ нею, точно отецъ съ маленькой дочерью.

Иногда онъ очень страдаетъ. Рана его горитъ, лихорадка трясетъ его... Тогда мнѣ приходятъ въ голову странныя

мысли. Кузьма кажется мнѣ единицею, одной изъ тѣхъ, изъ которыхъ составляются десятки тысячъ, написанныя въ реляціяхъ. Его болѣзнью и страданіями я пробую измѣрить зло, причиняемое войной. Сколько муки и тоски здѣсь, въ одной комнатѣ, на одной постели, въ одной груди—и все это одна лишь капля въ морѣ горя и мукъ, испытываемыхъ огромною массою людей, которыхъ посылаютъ впередъ, ворочаютъ назадъ и кладутъ на поляхъ грудами мертвыхъ и еще стонущихъ и копошащихся окровавленныхъ тѣлъ.

Я совершенно измученъ безсонницей и тяжелыми мыслями. Нужно попросить Львова или Марью Петровну посидѣть за меня, а я засну хоть на два часа.

Я спалъ мертвымъ сномъ, прикурнувъ на маленькомъ диванчикѣ, и проснулся, разбуженный толчками въ плечо. «Вставайте, вставайте!»—говорила Марья Петровна. Я вскочилъ и въ первую минуту ничего не понималъ. Марья Петровна что-то быстро и испуганно шептала.

— Пятна, новыя пятна!—разобралъ я наконецъ.

— Какія пятна, гдѣ пятна?

— Ахъ, Боже мой, онъ ничего не понимаетъ! У Кузьмы Ѳомича новыя пятна показались. Я уже послала за докторомъ.

— Да, можетъ-быть, и пустое,—сказалъ я съ равнодушіемъ только-что разбуженнаго человѣка.

— Какое пустое, посмотрите сами!

Кузьма спалъ, раскинувшись, тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ; онъ метался головой изъ стороны въ сторону и иногда глухо стоналъ. Его грудь была раскрыта, и я увидѣлъ на ней, на вершокъ ниже раны, покрытой повязкой, два новыхъ черныхъ пятнышка. Это гангрена проникла дальше подъ кожу, распространилась подъ ней и вышла въ двухъ мѣстахъ наружу. Хоть я и до этого мало надѣялся на выздоровленіе Кузьмы, но эти новые, рѣшительные признаки смерти заставили меня поблѣднѣть.

Марья Петровна сидѣла въ углу комнаты, опустивъ руки на колѣни, и молча смотрѣла на меня отчаянными глазами.

— Да вы не приходите въ отчаяніе, Марья Петровна. Пріѣдетъ докторъ, посмотритъ; можетъ-быть, еще не все кончено. Можетъ-быть, мы еще выручимъ его.

— Нѣтъ, не выручимъ, умретъ,—шептала она.

— Ну, не выручимъ, умретъ,—отвѣчалъ я ей такъ же тихо:—для всѣхъ насъ, конечно, это большое горе, но нельзя же такъ убиваться: вѣдь вы въ эти дни на мертвеца стали похожи.

— Знаете ли вы, какую муку я испытываю въ эти дни? И сама не могу объяснить себѣ, отчего это. Я вѣдь не любила его, да и теперь, кажется, не люблю такъ, какъ онъ меня, а умретъ онъ—сердце у меня разорвется. Все мнѣ будетъ вспоминаться его пристальный взглядъ, его постоянное молчаніе при мнѣ, несмотря на то, что онъ умѣлъ говорить и любилъ говорить. Навсегда останется въ душѣ упрекъ, что не пожалѣла я его, не оцѣнила его ума, сердца, его привязанности. Можетъ-быть, это и смѣшно вамъ покажется, но теперь меня постоянно мучитъ мысль, что люби я его—жили бы мы совсѣмъ иначе, все бы иначе случилось, и этого страшнаго нелѣпаго случая могло бы и не быть. Думаешь-думаешь, оправдываешься-оправдываешься, а на днѣ души все что-то повторяетъ: виновата, виновата, виновата.

Тутъ я взглянулъ на больного, боясь, что онъ проснется отъ нашего шопота, и увидѣлъ перемѣну въ его лицѣ. Онъ проснулся и слышалъ, что̀ говоритъ Марья Петровна, но не хотѣлъ показать этого. Его губы дрожали, щеки разгорѣлись, все лицо точно освѣтило солнцемъ, какъ освѣщается мокрый и печальный лугъ, когда раздвинутся тучи, нависшія надъ нимъ, и дадутъ выглянуть солнышку. Должнобыть, онъ забылъ и болѣзнь и страхъ смерти; одно чувство наполнило его душу и вылилось двумя слезинками изъ закрытыхъ дрожащихъ вѣкъ. Марья Петровна смотрѣла на него нѣсколько мгновеній какъ будто испуганно, потомъ покраснѣла, нѣжное выраженіе мелькнуло на ея лицѣ, и, наклонясь надъ бѣднымъ полутрупомъ, она поцѣловала его.

Тогда онъ открылъ глаза.

— Боже мой, какъ не хочется умирать!—проговорилъ онъ.

И въ комнатѣ вдругъ раздались странные, тихіе, хлипающіе звуки, совершенно новые для моего уха, потому что раньше я никогда не видѣлъ этого человѣка плачущимъ.

Я ушелъ изъ комнаты. Я самъ чуть-было не разревѣлся.

Мнѣ тоже не хочется умирать, и всѣмъ этимъ тысячамъ тоже не хочется умирать. У Кузьмы хоть утѣшеніе нашлось въ послѣднія минуты—а тамъ? Кузьма, вмѣстѣ со страхомъ смерти и физическими страданіями, испытываетъ такое чувство, что врядъ ли онъ промѣнялъ бы свои теперешнія минуты на какія-нибудь другія изъ своей жизни. Нѣтъ, это совсѣмъ не то! Смерть всегда будетъ смертью, но умереть среди близкихъ и любящихъ, или валяясь въ грязи и собственной крови, ожидая, что вотъ-вотъ пріѣдутъ и добьютъ, или наѣдутъ пушки и раздавятъ, какъ червяка...

— Я вамъ скажу откровенно,—говорилъ мнѣ докторъ въ передней, надѣвая шубу и калоши:—что въ подобныхъ случаяхъ, при госпитальномъ лѣченьи, умираютъ девяносто девять изъ ста. Я надѣюсь только на тщательный уходъ, на прекрасное расположеніе духа больного и на его горячее желаніе выздоровѣть.

— Всякій больной желаетъ выздоровѣть, докторъ.

— Конечно, но у вашего товарища есть нѣкоторыя усиливающія обстоятельства, — сказалъ докторъ съ улыбочкой. — Итакъ, сегодня вечеромъ мы сдѣлаемъ операцію— прорѣжемъ ему новое отверстіе, вставимъ дренажи, чтобы лучше дѣйствовать водою, и будемъ надѣяться.

Онъ пожалъ мнѣ руку, запахнулъ свою медвѣжью шубу и поѣхалъ по визитамъ, а вечеромъ явился съ инструментами.

— Можетъ-быть, угодно вамъ, мой будущій коллега, для практики сдѣлать операцію?—обратился онъ къ Львову.

Львовъ, кивнувъ головою, засучилъ рукава и съ серьезно-мрачнымъ выраженіемъ лица приступилъ къ дѣлу. Я видѣлъ, какъ онъ запустилъ въ рану какой-то удивительный инструментъ съ трехграннымъ остреемъ, видѣлъ, какъ острее пронизало тѣло, какъ Кузьма вцѣпился руками въ постель и защелкалъ зубами отъ боли.

— Ну, не бабничай,—угрюмо говорилъ ему Львовъ, вставляя дренажъ въ новую ранку.

— Очень больно?—ласково спросила Марья Петровна.

— Не такъ больно, голубушка, а ослабѣлъ я, измучился.

Положили повязки, дали Кузьмѣ вина, и онъ успокоился. Докторъ уѣхалъ, Львовъ ушелъ въ свою комнату заниматься, а мы съ Марьей Петровной стали приводить комнату въ порядокъ.

— Поправьте одѣяло,—проговорилъ Кузьма ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ.—Дуетъ.

Я началъ поправлять ему подушки и одѣяло, по его собственнымъ указаніямъ, которыя онъ дѣлалъ очень придирчиво, увѣряя, что гдѣ-то около лѣваго локтя есть маленькая дырочка, въ которую дуетъ, и прося получше подсунуть одѣяло. Я старался сдѣлать это какъ можно лучше, но, несмотря на все мое усердіе, Кузьмѣ все-таки дуло, то въ бокъ, то въ ноги.

— Неумѣлый ты какой,—тихо брюзжалъ онъ:—опять въ спину дуетъ. Пусть она.

Онъ взглянулъ на Марью Петровну, и мнѣ стало очень ясно, почему я не сумѣлъ угодить ему.

Марья Петровна поставила склянку съ лѣкарствомъ, которую держала въ рукахъ, и подошла къ постели.

— Поправить?

— Поправьте... Вотъ хорошо... тепло!..

Онъ смотрѣлъ на нее, пока она управлялась съ одѣяломъ, потомъ закрылъ глаза и съ дѣтски-счастливымъ выраженіемъ на измученномъ лицѣ заснулъ.

— Вы пойдете домой?—спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ, я выспался отлично и могу сидѣть; а впрочемъ, если я не нуженъ, то уйду.

— Не ходите, пожалуйста, поговоримте хоть немножко. Братъ постоянно сидитъ за своими книгами, а мнѣ одной быть съ больнымъ, когда онъ спитъ, и думать о его смерти такъ горько, такъ тяжело!

— Будьте тверды, Марья Петровна; сестрѣ милосердія тяжелыя мысли и слезы воспрещаются.

— Да я и не буду плакать, когда буду сестрой милосердія. Все-таки не такъ тяжело будетъ ходить за ранеными, какъ за такимъ близкимъ человѣкомъ.

— А вы все-таки ѣдете?

— Ѣду, конечно. Выздоровѣетъ онъ или умретъ—все равно поѣду. Я уже сжилась съ этой мыслью и не могу отказаться отъ нея. Хочется хорошаго дѣла, хочется оставить себѣ память о хорошихъ, свѣтлыхъ дняхъ.

— Ахъ, Марья Петровна, боюсь я, что не увидите вы свѣту на войнѣ.

— Отчего? Работать буду—вотъ вамъ и свѣтъ. Хоть чѣмъ-нибудь принять участіе въ войнѣ мнѣ хочется.

— Принять участіе! Да развѣ она не возбуждаетъ въ васъ ужаса? Вы ли говорите мнѣ это!

— Я говорю. Кто вамъ сказалъ, что я люблю войну? Только... какъ бы это вамъ разсказать? Война—зло; и вы, и я, и очень многіе такого мнѣнія; но вѣдь она неизбѣжна; любите вы ее или не любите, все равно, она будетъ, и если не пойдете драться вы, возьмутъ другого, и все-таки человѣкъ будетъ изуродованъ или измученъ походомъ. Я боюсь, что вы не понимаете меня: я плохо выражаюсь. Вотъ что̀: по-моему, война есть о б щ е е горе, о б щ е е страданіе, и уклоняться отъ нея, можетъ-быть, и позволительно, но мнѣ это не нравится.

Я молчалъ. Слова Марьи Петровны яснѣе выразили мое смутное отвращеніе къ уклоненію отъ войны. Я самъ ч у в с т в о в а л ъ то, что̀ она чувствуетъ и думаетъ, только д у м а л ъ иначе.

— Вотъ вы, кажется, все думаете, какъ бы постараться остаться здѣсь,—продолжала она:—если васъ заберутъ въ солдаты. Мнѣ братъ говорилъ объ этомъ. Вы знаете, я васъ очень люблю, какъ хорошаго человѣка, но эта черта мнѣ въ васъ не нравится.

— Что̀ же дѣлать, Марья Петровна: разные взгляды. За что я буду тутъ отвѣчать? Развѣ я войну началъ?

— Не вы, да и никто изъ тѣхъ, кто теперь умеръ на ней и умираетъ. Они тоже не пошли бы, если бы могли, но они не могутъ, а вы можете. Они идутъ воевать, а вы останетесь въ Петербургѣ—живой, здоровый, счастливый, только потому, что у васъ есть знакомые, которые пожалѣютъ послать знакомаго человѣка на войну. Я не беру на себя рѣшать, можетъ-быть, это и извинительно, но мнѣ не нравится, нѣтъ.

Она энергически покачала кудрявой головой и замолчала.

Наконецъ вотъ оно. Сегодня я одѣлся въ сѣрую шинель и уже вкушалъ корни ученія... ружейнымъ пріемамъ. У меня и теперь раздается въ ушахъ:

— Смиррно!.. Ряды вздвой! Слушай, на крааулъ!

И я стоялъ смирно, вздваивалъ ряды и брякалъ ружьемъ. И черезъ нѣсколько времени, когда я достаточно постигну премудрость вздваиванья рядовъ, меня назначатъ въ партію, насъ посадятъ въ вагоны, повезутъ, распредѣлятъ по полкамъ, поставятъ на мѣста, оставшіяся послѣ убитыхъ...

Ну, да это все равно... Все кончено; теперь я не принадлежу себѣ, я плыву по теченію; теперь самое лучшее не думать, не разсуждать, а безъ критики принимать всякія случайности жизни и развѣ только выть, когда больно...

Меня помѣстили въ особое отдѣленіе казармы для привилегированныхъ, которое отличается тѣмъ, что въ немъ не нары, а кровати, но въ которомъ все-таки достаточно грязно. У непривилегированныхъ новобранцевъ совсѣмъ скверно. Живутъ они, до распредѣленія по полкамъ, въ огромномъ сараѣ, бывшемъ манежѣ: его раздѣлили палатями на два этажа, натащили соломы и предоставили временнымъ обитателямъ устраиваться какъ знаютъ. На проходѣ, идущемъ по срединѣ манежа, снѣгъ и грязь, наносимые со двора ежеминутно входящими людьми, смѣшались съ соломой и образовали какую-то невообразимую слякоть, да и въ сторонѣ отъ него солома не особенно чиста. Нѣсколько сотъ человѣкъ стоятъ, сидятъ и лежатъ на ней группами, состоящими изъ «земляковъ»: настоящая этнографическая выставка.

И я разыскалъ земляковъ по уѣзду. Высокіе, неуклюжіе хохлы, въ новыхъ свиткахъ и смушковыхъ шапкахъ, лежали тѣсной кучкой и молчали. Ихъ было человѣкъ десять.

— Здравствуйте, братцы.

— Здравствуйте.

— Давно изъ дому?

— Та вже дві неділи. А вы яки-таки будете?—спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

Я назвалъ свое имя, оказавшееся всѣмъ имъ извѣстнымъ. Встрѣтивъ земляка, они немного оживились и разговорились.

— Скучно?—спросилъ я.

— Такъ якъ же не скучно! Дуже моторно. Коли бъ ще годували, а то така страва, що и Боже мій!

— Куда жъ васъ теперь?

— А хто ёго зна! Кажуть, пидъ турку...

— А хочется на войну?

— Чого я тамъ не бачивъ?

Я началъ разспрашивать о нашемъ городѣ, и воспоминанія о домѣ развязали языки. Начались разсказы о недавней свадьбѣ, для которой была продана пара воловъ и вскорѣ послѣ которой молодого забрали въ солдаты, о судебномъ приставѣ, «сто чортивъ ему конниxъ у горло», о томъ, что мало становится земли, и поэтому изъ слободы Марковки въ этомъ году поднялось нѣсколько сотъ человѣкъ итти на Амуръ... Разговоръ держался только на почвѣ прошедшаго; о будущемъ, о тѣхъ трудахъ, опасностяхъ и страданіяхъ, которые ждали всѣхъ насъ, не говорилъ никто. Никто не интересовался узнать о туркахъ, о болгарахъ, о дѣлѣ, за которое шелъ умирать.

Проходившій мимо пьяненькій солдатикъ мѣстной команды остановился противъ нашей кучки и, когда я снова заговорилъ о войнѣ, авторитетно заявилъ:

— Этого самаго турку бить слѣдуетъ.

— Слѣдуетъ?—спросилъ я, невольно улыбнувшись увѣренности рѣшенія.

— Такъ точно, баринъ, чтобъ и званія его не осталось поганаго. Потому отъ его бунту сколько намъ всѣмъ муки принять нужно! Ежели бы онъ, напримѣръ, безъ бунту, чтобы благородно, смирно... былъ бы я теперь дома, при родителяхъ, въ лучшемъ видѣ. А то онъ бунтуетъ, а намъ огорченіе. Это вы будьте спокойны, вѣрно я говорю. Папиросочку пожалуйте, баринъ!—вдругъ оборвалъ онъ, вытянувшись передо мной во фронтъ и приложивъ руку къ козырьку.

Я далъ ему папироску, простился съ земляками и по-

шелъ домой, такъ какъ наступило время, свободное отъ службы.

«Онъ бунтуетъ, а намъ огорченіе», — звенѣлъ у меня въ ушахъ пьяный голосъ. Коротко и неясно, а между тѣмъ дальше этой фразы не пойдешь.

У Львовыхъ тоска, уныніе. Кузьма очень плохъ, хотя рана его и очистилась, страшный жаръ, бредъ, стоны. Братъ и сестра не отходили отъ него всѣ дни, пока я былъ занятъ поступленіемъ на службу и ученьями. Теперь, когда они знаютъ, что я отправляюсь, сестра стала еще грустнѣе, а братъ еще угрюмѣе.

— Въ формѣ уже!—проворчалъ онъ, когда я поздоровался съ нимъ въ комнатѣ, закуренной и заваленной книгами.—Эхъ вы, люди, люди...

— Что же мы за люди, Василій Петровичъ?

— Заниматься вы мнѣ не даете—вотъ что! И такъ времени совсѣмъ нѣтъ, кончить курса не дадутъ, пошлютъ на войну; и такъ многаго узнать не придется; а тутъ вы еще съ Кузьмой.

— Ну, положимъ, Кузьма умираетъ, а я-то что?

— Да вы развѣ не умираете? Не убьютъ васъ—съ ума сойдете, или пулю въ лобъ пустите. Развѣ я не знаю васъ, и развѣ не было примѣровъ?

— Какихъ примѣровъ? Развѣ вы знаете что-нибудь подобное? Разскажите, Василій Петровичъ!

— Отстаньте вы, очень нужно васъ еще пуще разогорчать! Вредно вамъ! И я ничего не знаю, это я такъ сказалъ.

Но я присталъ къ нему, и онъ разсказалъ мнѣ свой «примѣръ».

— Мнѣ одинъ раненый офицеръ-артиллеристъ разсказывалъ. Вышли они только-что изъ Кишинева, въ апрѣлѣ, тотчасъ послѣ объявленія войны. Дожди шли постоянные, дороги исчезли; осталась одна грязь, такая, что орудія и повозки уходили въ нее по оси. До того дошло, что лошади не берутъ; прицѣпили канаты, поѣхали на людяхъ. На второмъ переходѣ дорога ужасная: на семнадцати верстахъ двѣнадцать горъ, а между ними все топь. Въѣхали и стали. Дождь хлещетъ, на тѣлѣ ни нитки сухой, проголодались, измучились, а тащить нужно. Ну, конечно, тянетъ-тянетъ человѣкъ и упадетъ лицомъ въ грязь безъ памяти. Наконецъ добрались до такой трясины, что двинуться впередъ было невозможно, а все-таки продолжали надрываться! «Что тутъ было,—офицеръ мой говоритъ:—вспомнить страшно!». Док-

торъ молодой былъ у нихъ, послѣдняго выпуска, нервный человѣкъ. Плачетъ. «Не могу, говоритъ, я вынести этого зрѣлища; уѣду впередъ». Уѣхалъ. Нарубили солдаты вѣтокъ, сдѣлали чуть не цѣлую плотину, и наконецъ сдвинулись съ мѣста. Вывезли батарею на гору: смотрятъ, а на деревѣ докторъ виситъ... Вотъ вамъ примѣръ. Не могъ человѣкъ вида мученій вынести, такъ гдѣ жъ вамъ самыя-то муки одолѣть?..

— Василій Петровичъ, да не легче ли самому муки нести, чѣмъ казниться, какъ этотъ докторъ?

— Ну, не знаю, что̀ хорошаго, что васъ самихъ въ дышло запрягутъ.

— Совѣсть мучить не будетъ, Василій Петровичъ.

— Ну, это, батюшка, что-то тонко. Вы съ сестрой объ этомъ поговорите: она насчетъ этихъ тонкостей дока. «Анну Каренину» ли по косточкамъ разобрать, или о Достоевскомъ поговорить, все можетъ; а ужъ эта штука въ какомъ-нибудь романѣ, навѣрно, разобрана. Прощайте, философъ.

Онъ добродушно разсмѣялся своей шуткѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Вы куда?

— На Выборгскую, въ клинику.

Я вошелъ въ комнату Кузьмы. Онъ не спалъ и чувствовалъ себя лучше обыкновеннаго, какъ объяснила мнѣ Марья Петровна, неизмѣнно сидѣвшая около постели. Онъ еще не видѣлъ меня въ формѣ, и мой видъ непріятно поразилъ его.

— Тебя здѣсь оставятъ или ушлютъ въ армію?—спросилъ онъ.

— Отправятъ; развѣ ты не знаешь?

Онъ молчалъ.

— Зналъ, да забылъ. Я, братъ, теперь вообще мало помню и соображаю... Что жъ, поѣзжай. Нужно.

— И ты, Кузьма Ѳомичъ!

— Что̀ «и я»? Развѣ не правда? Какія твои заслуги, чтобъ тебя простили? Иди, помирай. Нужнѣе тебя есть люди, работящѣе тебя, и тѣ идутъ... Поправь мнѣ подушку... вотъ такъ.

Онъ говорилъ тихо и раздраженно, какъ будто мстя кому-то за свою болѣзнь.

— Все это вѣрно, Кузя, да развѣ я и не иду? Развѣ я протестую лично за себя? Если бы это было такъ, я бы остался здѣсь безъ дальнихъ разговоровъ: устроить это нетрудно. Я не дѣлаю этого, меня требуютъ, и я иду. Но

пусть, по крайней мѣрѣ, мнѣ не мѣшаютъ имѣть объ этомъ свое собственное мнѣніе.

Кузьма лежалъ, неподвижно устремивъ глаза въ потолокъ, какъ будто не слушая меня. Наконецъ онъ медленно повернулъ ко мнѣ голову.

— Ты не прими моихъ словъ за что-нибудь настоящее,— проговорилъ онъ:—я измученъ и раздраженъ и, право, не знаю, за что придираюсь къ людямъ. Ужъ очень я сталъ сварливъ; должно-быть, скоро помирать пора.

— Полно, Кузьма, подбодрись. Рана очистилась, подживаетъ, все идетъ къ лучшему. Теперь не о смерти, а о жизни говорить слѣдуетъ.

Марья Петровна взглянула на меня большими печальными глазами, и мнѣ вдругъ вспомнилось, какъ она сказала мнѣ двѣ недѣли тому назадъ: «Нѣтъ, не выздоровѣетъ, умретъ».

— А что̀, если бы въ самомъ дѣлѣ ожить? Хорошо бы было!—слабо улыбнувшись, сказалъ Кузьма.—Тебя ушлютъ драться, а мы съ Марьей Петровной поѣдемъ: она милосердной сестрицей, а я врачомъ. И буду я около тебя, раненаго, возиться, какъ ты теперь около меня.

— Будетъ болтать, Кузьма Ѳомичъ,—сказала Марья Петровна.—Вредно вамъ много говорить, да и пора начинать ваше мученіе.

Онъ отдался въ наше распоряженіе; мы раздѣли его, сняли повязки и принялись за работу надъ огромной истерзанной грудью. И когда я направлялъ струю воды на обнаженныя кровавыя мѣста, на показавшуюся и блестѣвшую, какъ перламутръ, ключицу, на вену, проходившую черезъ всю рану и лежавшую чисто и свободно, точно это была не рана на живомъ человѣкѣ, а анатомическій препаратъ, я думалъ о другихъ ранахъ, гораздо болѣе ужасныхъ и качествомъ и подавляющимъ количествомъ, и, сверхъ того, нанесенныхъ не слѣпымъ безсмысленнымъ случаемъ, а сознательными дѣйствіями людей.

Я не пишу въ эту книжку ни слова о томъ, что̀ дѣлается и что̀ я испытываю дома. Слезы, которыми встрѣчаетъ и провожаетъ меня мать, какое-то тяжелое молчаніе, сопровождающее мое присутствіе за общимъ столомъ, предупредительная доброта братьевъ и сестеръ—все это тяжело видѣть и слышать, а писать объ этомъ еще тяжелѣе. Когда подумаешь, что черезъ недѣлю придется лишиться всего самаго дорогого въ мірѣ, слезы поступаютъ подъ горло...

Вотъ наконецъ и прощанье. Завтра утромъ, чуть свѣтъ, наша партія отправляется по желѣзной дорогѣ. Мнѣ позволили провести послѣднюю ночь дома; и я сижу въ своей комнатѣ одинъ, въ послѣдній разъ! Въ послѣдній разъ! Знаетъ ли кто-нибудь, не испытавшій такого послѣдняго раза, всю горечь этихъ двухъ словъ? Въ послѣдній разъ разошлась семья, въ послѣдній разъ я пришелъ въ эту маленькую комнату и сѣлъ къ столу, освѣщенному знакомой низенькой лампой, заваленному книгами и бумагой. Цѣлый мѣсяцъ я не прикасался къ нимъ. Въ послѣдній разъ я беру въ руки и разсматриваю начатую работу. Она оборвалась и лежитъ мертвая, недоношенная, безсмысленная. Вмѣсто того, чтобы кончать ее, ты идешь, съ тысячами тебѣ подобныхъ, на край свѣта, потому что исторіи понадобились твои физическія силы. Объ умственныхъ—забудь: онѣ никому не нужны. Что̀ до того, что многіе годы ты воспитывалъ ихъ, готовился куда-то примѣнить ихъ? Огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную часть, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что̀ можешь сдѣлать противъ такого желанія ты,

ты—палецъ отъ ноги?..

Однако довольно. Пора лечь и постараться заснуть: завтра нужно встать очень рано.

Я просилъ, чтобы меня никто не провожалъ на желѣзную дорогу. Дальніе проводы—лишнія слезы. Но когда я уже сидѣлъ въ вагонѣ, набитомъ людьми, я ощутилъ такое щемящее душу одиночество, такую тоску, что, кажется, отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ хоть нѣсколько минутъ провести съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ. Наконецъ насталъ назначенный часъ, но поѣздъ не тронулся: что-то задержало его. Прошло полчаса, часъ, полтора, а онъ все еще стоялъ. Въ эти полтора часа я успѣлъ бы побывать дома... Можетъ-быть, кто-нибудь не утерпитъ и пріѣдетъ... Нѣтъ, вѣдь всѣ думаютъ, что поѣздъ уже ушелъ; никто не станетъ разсчитывать на опозданіе. А все-таки, можетъ-быть... И я смотрѣлъ въ ту сторону, откуда могли ко мнѣ притти. Никогда время не тянулось такъ долго.

Рѣзкіе звуки рожка, игравшаго сборъ, заставили меня вздрогнуть. Солдаты, вылѣзшіе изъ вагоновъ и толпившіеся на платформѣ, торопились усаживаться. Сейчасъ тронется поѣздъ, и я никого не увижу.

Но я увидѣлъ. Львовы, братъ и сестра, почти бѣжали къ вагону, и я ужасно обрадовался имъ. Не помню, что̀ я говорилъ имъ; не помню, что̀ они мнѣ говорили, кромѣ одной только фразы: «Кузьма умеръ».

На этой фразѣ кончаются замѣтки въ записной книжкѣ.

Широкое снѣжное поле. Бѣлые холмы окружаютъ его, на нихъ бѣлыя же, заиндивѣвшія деревья. Небо пасмурно, низко; въ воздухѣ чувствуется оттепель. Трещатъ ружья, слышатся частые удары пушечныхъ выстрѣловъ; дымъ покрываетъ одинъ изъ холмовъ и медленно сползаетъ съ него на поле. Сквозь него чернѣетъ движущаяся масса. Когда вглядишься въ нее пристальнѣе, то видишь, что она состоитъ изъ отдѣльныхъ черныхъ точекъ. Многія изъ этихъ точекъ уже неподвижны, но другія все двигаются и двигаются впередъ, хотя имъ еще далеко до цѣли, видимой только по массѣ дыма, несущагося съ нея, и хотя ихъ число съ каждымъ мгновеніемъ становится все меньше и меньше.

Батальонъ резерва, лежавшій въ снѣгу, не составивъ ружья въ козлы, а держа ихъ въ рукахъ, слѣдилъ за движеніемъ черной массы всею тысячью своихъ глазъ.

— Пошли, братцы, пошли... Эхъ, не дойдутъ!

— Чего это только насъ держатъ? Съ подмогой живо бы взяли.

— Жизнь тебѣ надоѣла, что ли?—угрюмо сказалъ пожилой солдатъ изъ «билетныхъ»:—лежи, коли положили, да благодари Бога, что цѣлъ.

— Да я, дяденька, цѣлъ буду, не сомнѣвайтесь,—отвѣчалъ молодой солдатъ съ веселымъ лицомъ:—я въ четырехъ дѣлахъ былъ, хоть бы что̀! Оно спервоначалу только боязно, а потомъ—ни Боже мой! Вотъ барину нашему впервой, такъ онъ, небось, у Бога прощенья проситъ. Баринъ, а баринъ?

— Что̀ тебѣ?—отозвался худощавый солдатъ съ черной бородкой, лежавшій возлѣ.

— Вы, баринъ, глядите веселѣе!

— Да я, голубчикъ, и такъ не скучаю.

— Вы меня держитесь, ежели что̀. Ужъ я бывалъ, знаю. Ну, да у насъ баринъ молодецъ, не побѣгитъ. А то былъ такой до васъ вольноопредѣляющій, такъ тотъ, какъ пошли мы, какъ начали пули летать, бросилъ онъ и сумки и ружье, и побѣгъ, а пуля ему вдогонку, да въ спину. Такъ нельзя, потому—присяга.

— Не бойся, не побѣгу,—тихо отвѣчалъ «баринъ»:—отъ пули не убѣжишь.

— Извѣстно, гдѣ отъ ей убѣжать! Она шельма... Батюшки свѣты! Никакъ наши-то стали!

Черная масса остановилась и задымилась выстрѣлами.

— Ну, палить стали, сейчасъ назадъ... Нѣтъ, впередъ пошли. Выручай, Мать Пресвятая Богородица! Ну-ка еще, ну, ну... Эка раненыхъ-то валится, Господи! И не подбираютъ.

— Пуля! Пуля!—раздался вокругъ говоръ.

Въ воздухѣ дѣйствительно что-то зашуршало. Это была залетная, шальная пуля, перелетѣвшая черезъ резервы. Вслѣдъ за ней полетѣла другая, третья. Батальонъ оживился.

— Носилки!—закричалъ кто-то.

Шальная пуля сдѣлала свое дѣло. Четверо солдатъ съ носилками бросились къ раненому. Вдругъ на одномъ изъ холмовъ, въ сторонѣ отъ пункта, на который велась атака, показались маленькія фигурки людей и лошадей, и тотчасъ же оттуда вылетѣлъ круглый и плотный клубъ дыма, бѣлаго, какъ свѣтъ.

— Въ насъ подлецъ мѣтитъ!—закричалъ веселый солдатъ.

Завизжала и заскрежетала граната, раздался выстрѣлъ. Веселый солдатъ уткнулся лицомъ въ снѣгъ. Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что «баринъ» лежитъ рядомъ съ нимъ ничкомъ, раскинувъ руки и неестественно изогнувъ шею. Другая шальная пуля пробила ему надъ правымъ глазомъ огромное черное отверстіе.

ВСТРѢЧА.

На десятки верстъ протянулась широкая и дрожащая серебряная полоса луннаго свѣта; остальное море было черно; до стоявшаго на высотѣ доходилъ правильный, глухой шумъ раскатывавшихся по песчаному берегу волнъ; еще болѣе черные, чѣмъ самое море, силуэты судовъ покачивались на рейдѣ; одинъ огромный пароходъ («вѣроятно, англійскій»,— подумалъ Василій Петровичъ) помѣстился въ свѣтлой полосѣ луны и шипѣлъ своими парами, выпуская ихъ клочковатой, тающей въ воздухѣ струей; съ моря несло сырымъ и соленымъ воздухомъ. Василій Петровичъ, до сихъ поръ не видавшій ничего подобнаго, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на море, лунный свѣтъ, пароходы, корабли и радостно, въ первый разъ въ жизни, вдыхалъ морской воздухъ. Онъ долго наслаждался новыми для него ощущеніями, повернувшись спиной къ городу, въ который пріѣхалъ только сегодня и въ которомъ долженъ былъ жить многіе и многіе годы. За нимъ пестрая толпа публики гуляла по бульвару, слышалась то русская, то нерусская рѣчь, то чинные и тихіе голоса мѣстныхъ почтенныхъ особъ, то щебетанье барышень, громкіе и веселые голоса взрослыхъ гимназистовъ, ходившихъ кучками около двухъ или трехъ изъ нихъ. Взрывъ хохота въ одной изъ такихъ группъ заставилъ Василія Петровича обернуться. Веселая гурьба шла мимо; одинъ изъ юношей говорилъ что-то молоденькой гимназисткѣ, товарищи шумѣли и перебивали его горячую и, повидимому, оправдательную рѣчь.

— Не вѣрьте, Нина Петровна! Все вретъ! Выдумываетъ!

— Да право же, Нина Петровна, я нисколько не виноватъ!

— Если вы, Шевыревъ, еще когда-нибудь вздумаете меня

обманывать... — принужденно-чиннымъ молодымъ голоскомъ заговорила дѣвушка.

Конца Василій Петровичъ не дослышалъ, потому что гурьба прошла мимо. Черезъ полминуты изъ темноты вновь послышался взрывъ смѣха.

«Вотъ она, моя будущая нива, на которой я, какъ скромный пахарь, буду работать»,—подумалъ Василій Петровичъ, во-первыхъ, потому, что онъ былъ назначенъ учителемъ въ мѣстную гимназію, а во-вторыхъ, потому, что любилъ фигуральную форму мысли, даже когда не высказывалъ ея вслухъ. «Да, придется работать на этомъ скромномъ поприщѣ,—думалъ онъ, вновь садясь на скамью лицомъ къ морю.—Гдѣ мечты о профессурѣ, о публицистикѣ, о громкомъ имени? Не хватило пороху, братъ Василій Петровичъ, на всѣ эти затѣи; попробуй-ка здѣсь поработать!»

И красивыя и пріятныя мысли зашевелились въ головѣ новаго учителя гимназіи. Онъ думалъ о томъ, какъ онъ будетъ съ первыхъ классовъ гимназіи угадывать «искру Божью» въ мальчикахъ; какъ будетъ поддерживать натуры, «стремящіяся сбросить съ себя иго тьмы»; какъ подъ его надзоромъ будутъ развиваться молодыя, свѣжія силы, «чуждыя житейской грязи»; какъ наконецъ изъ его учениковъ со временемъ могутъ выйти замѣчательные люди... Даже такія картины рисовались въ его воображеніи: сидитъ онъ, Василій Петровичъ, уже старый, сѣдой учитель, у себя, въ своей скромной квартирѣ, и посѣщаютъ его бывшіе его ученики, и одинъ изъ нихъ—профессоръ такого-то университета, извѣстный «у насъ и въ Европѣ», другой—писатель, знаменитый романистъ, третій—общественный дѣятель, тоже извѣстный. И всѣ они относятся къ нему съ уваженіемъ. «Это ваши добрыя сѣмена, запавшія въ мою душу, когда я былъ мальчикомъ, сдѣлали изъ меня человѣка, уважаемый Василій Петровичъ»,—говоритъ общественный дѣятель и съ чувствомъ жметъ руку своему старому учителю...

Впрочемъ, Василій Петровичъ недолго занимался такими возвышенными предметами, скоро мысль его перешла на вещи, непосредственно касавшіяся его настоящаго положенія. Онъ вынулъ изъ кармана новый бумажникъ и, пересчитавъ свои деньги, началъ размышлять о томъ, сколько у него останется за покрытіемъ всѣхъ необходимыхъ расходовъ. «Какъ жаль, что я такъ необдуманно тратилъ деньги дорогою,—подумалъ онъ.—Квартира... ну, положимъ, рублей двадцать въ мѣсяцъ, столъ, бѣлье, чай, табакъ... Тысячу рублей въ полгода, во всякомъ случаѣ, сберегу. Навѣрно,

здѣсь можно будетъ достать уроки по хорошей цѣнѣ, этакъ рубля по четыре, по пяти»... Чувство довольства охватило его, и ему захотѣлось полѣзть въ карманъ, гдѣ лежали два рекомендательныя письма на имя мѣстныхъ тузовъ, и въ двадцатый разъ перечесть ихъ адресы. Онъ вынулъ письма, бережно развернулъ бумагу, въ которой они были завернуты, но прочесть адресы ему не удалось, потому что лунный свѣтъ не былъ достаточно силенъ, чтобы доставить Василію Петровичу это удовольствіе. Вмѣстѣ съ письмами была завернута фотографическая карточка. Василій Петровичъ повернулъ ее прямо къ мѣсяцу и старался разсмотрѣть знакомыя черты. «О, моя Лиза!»—проговорилъ онъ почти вслухъ—и вздохнулъ не безъ пріятнаго чувства. Лиза была его невѣста, оставшаяся въ Петербургѣ и ожидавшая, пока Василій Петровичъ не скопитъ тысячи рублей, которую молодая чета считала необходимою для первоначальнаго обзаведенія.

Вздохнувъ, онъ спряталъ въ лѣвый боковой карманъ карточку и письма и принялся мечтать о будущей семейной жизни. И эти мечты показались ему еще пріятнѣе, чѣмъ даже мечты объ общественномъ дѣятелѣ, который пріѣдетъ къ нему благодарить за посѣянныя въ его сердце добрыя сѣмена.

Море шумѣло далеко внизу, вѣтеръ становился свѣжѣе. Англійскій пароходъ вышелъ изъ полосы луннаго свѣта, и она блестѣла, сплошная, и переливалась тысячами матово-блестящихъ всплесковъ, уходя въ безконечную морскую даль и становясь все ярче и ярче. Не хотѣлось встать со скамьи, оторваться отъ этой картины и итти въ тѣсный номеръ гостиницы, въ которомъ остановился Василій Петровичъ. Однако было уже поздно; онъ всталъ и пошелъ вдоль по бульвару.

Господинъ, въ легкомъ костюмѣ изъ шелковой сырцовой матеріи и въ соломенной шляпѣ, съ навернутымъ на тулью кисейнымъ полотенцемъ (лѣтній костюмъ мѣстныхъ щеголей), всталъ со скамейки, мимо которой проходилъ Василій Петровичъ, и сказалъ:

— Позвольте закурить.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ Василій Петровичъ. Красный отблескъ озарилъ знакомое ему лицо.

— Николай, другъ мой! Ты ли это?

— Василій Петровичъ?!

— Онъ самый... Ахъ, какъ я радъ! Вотъ не думалъ, не гадалъ, — говорилъ Василій Петровичъ, заключая друга

въ объятія и троекратно лобзая его. — Какими судьбами?

— Очень просто, на службѣ. А ты какъ?

— Я учителемъ гимназіи сюда назначенъ. Только-что пріѣхалъ.

— Гдѣ же ты остановился? Если въ гостиницѣ, ѣдемъ, пожалуйста, ко мнѣ. Я очень радъ видѣть тебя. У тебя вѣдь нѣтъ здѣсь знакомыхъ? Поѣдемъ ко мнѣ, поужинаемъ, поболтаемъ, вспомнимъ старину.

— Поѣдемъ, поѣдемъ,—согласился Василій Петровичъ.— Я очень, очень радъ. Пріѣхалъ сюда какъ въ пустыню—и вдругъ такая радостная встрѣча. Извозчикъ! — закричалъ онъ.

— Не нужно, не кричи; Сергѣй, давай!—громко и спокойно произнесъ другъ Василія Петровича.

Къ тротуару подкатила щегольская коляска; хозяинъ вскочилъ въ нее, Василій Петровичъ стоялъ на тротуарѣ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на экипажъ, вороныхъ коней и толстаго кучера.

— Кудряшевъ, эти лошади—твои?

— Мои, мои. Что̀, не ожидалъ?

— Удивительно... Ты ли это?

— Кто же другой, какъ не я? Ну, полѣзай въ коляску, еще успѣемъ поговорить.

Василій Петровичъ влѣзъ въ коляску, усѣлся рядомъ съ Кудряшевымъ, и коляска покатилась, дребезжа и подскакивая по мостовой. Василій Петровичъ сидѣлъ на мягкихъ подушкахъ и, покачиваясь, улыбался. «Что̀ за притча!— подумалъ онъ.—Давно ли Кудряшевъ былъ бѣднѣйшимъ студентомъ, а теперь—коляска!» Кудряшевъ, положивъ вытянутыя ноги на переднюю скамейку, молчалъ и курилъ сигару. Черезъ пять минутъ экипажъ остановился.

— Ну, братецъ, выходи. Покажу тебѣ мою скромную хижину,—сказалъ Кудряшевъ, сойдя съ подножки и помогая Василію Петровичу вылѣзть.

Прежде чѣмъ войти въ скромную хижину, гость окинулъ ее взглядомъ. Луна была за нею и не освѣщала ея, поэтому онъ могъ замѣтить только, что хижина была одноэтажная, каменная, въ десять или двѣнадцать большихъ оконъ. Зонтикъ на колонкахъ съ завитками, кое-гдѣ позолоченными, висѣлъ надъ дверью изъ тяжелаго дуба съ зеркальными стеклами, бронзовой ручкой, въ видѣ птичьей лапы, держащей хрустальный многогранникъ, и блестящей мѣдной доской съ фамиліей хозяина.

— Однако хижина у тебя, Кудряшевъ! Это не хижина, а, такъ сказать, палаццо,—сказалъ Василій Петровичъ, когда они вошли въ переднюю съ дубовой мебелью и зіявшимъ черною пастью каминомъ.—Неужели собственная?

— Нѣтъ, братъ, до этого еще не дошло. Нанимаю. Недорого, полторы тысячи.

— Полторы!—протянулъ Василій Петровичъ.

— Выгоднѣе платить полторы тысячи, чѣмъ затратить капиталъ, который можетъ дать гораздо большій процентъ, если не обращенъ въ недвижимость. Да и денегъ много нужно: вѣдь ужъ если строить, такъ не этакую дрянь.

— Дрянь!—воскликнулъ въ изумленіи Василій Петровичъ.

— Конечно, домъ неважный. Ну, пойдемъ, пойдемъ скорѣе...

Василій Петровичъ успѣлъ уже снять пальто и направился за хозяиномъ. Обстановка квартиры Кудряшева дала новую пищу его удивленію. Цѣлый рядъ высокихъ комнатъ съ паркетными полами, оклеенныхъ дорогими, тиснеными золотомъ, обоями; столовая «подъ дубъ» съ развѣшанными по стѣнамъ плохими моделями дичи, съ огромнымъ рѣзнымъ буфетомъ, съ большимъ круглымъ столомъ, на который лился цѣлый потокъ свѣта изъ висячей бронзовой лампы съ молочнымъ абажуромъ; зала съ роялемъ, множествомъ разной мебели изъ гнутаго бука, диванчиковъ, скамеекъ, табуретокъ, стульевъ, съ дорогими литографіями и скверными олеографіями въ раззолоченныхъ рамахъ; гостиная, какъ водится, съ шелковою мебелью и кучей ненужныхъ вещей. Казалось, хозяинъ квартиры вдругъ разбогатѣлъ, выигралъ двѣсти тысячъ, что ли, и на скорую руку устроилъ себѣ квартиру на широкую ногу. Все было куплено сразу, куплено не потому, что было нужно, а потому, что въ карманѣ зашевелились деньги, нашедшія себѣ выходъ для покупки рояля, на которомъ, насколько зналъ Василій Петровичъ, Кудряшевъ могъ играть только однимъ пальцемъ; скверной старой картины, одной изъ десятковъ тысячъ, приписываемыхъ второстепенному фламандскому мастеру, на которую, навѣрно, никто не обращалъ вниманія; шахматовъ китайской работы, въ которые нельзя было играть, такъ они были тонки и воздушны, но въ головкахъ у которыхъ было выточено по три шарика, заключенныхъ одинъ въ другой, и множества другихъ ненужныхъ вещей.

Друзья вошли въ кабинетъ. Здѣсь было удобнѣе. Большой письменный столъ, заставленный разною бронзовою и фарфоровою мелочью, заваленный бумагами, чертежными и

рисовальными принадлежностями, занималъ середину комнаты. По стѣнамъ висѣли огромные раскрашенные чертежи и географическія карты, а подъ ними стояли два низенькихъ турецкихъ дивана съ шелковыми мутаками. Кудряшевъ, обнявъ Василія Петровича за талію, повелъ его прямо къ дивану и усадилъ на мягкихъ тюфякахъ.

— Ну, очень радъ, очень радъ встрѣтить стараго товарища,—сказалъ онъ.

— Я тоже... Знаешь ли, пріѣхалъ какъ въ пустыню, и вдругъ такая встрѣча! Знаешь ли, Николай Константинычъ, при видѣ тебя такъ много зашевелилось въ душѣ, такъ много воскресло въ памяти воспоминаній.

— О чемъ это?

— Какъ о чемъ? О студенчествѣ, о времени, когда жилось такъ хорошо, если не въ матеріальномъ, то въ нравственномъ отношеніи... Помнишь...

— Что̀ помнить-то? Какъ мы съ тобою собачью колбасу жрали? Будетъ, братъ, надоѣло... Сигару хочешь? Regalia Imperialia, или какъ тамъ ее, знаю только, что полтинникъ штука.

Василій Петровичъ взялъ изъ ящика предлагаемую драгоцѣнность, вынулъ изъ кармана ножичекъ, обрѣзалъ кончикъ сигары, закурилъ ее и сказалъ:

— Николай Константинычъ, я рѣшительно какъ во снѣ. Какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ—и у тебя такое мѣсто.

— Что̀ мѣсто! Мѣсто, братъ, плюнь да отойди.

— Какъ же это? Да ты сколько получаешь?

— Какихъ? Жалованья?

— Ну, да, содержанія.

— Жалованья получаю я, инженеръ, губернскій секретарь Кудряшевъ 2-й—тысячу шестьсотъ рублей въ годъ.

У Василія Петровича вытянулось лицо.

— Какъ же это? Откуда это все?

— Эхъ, братъ, простота ты! Откуда? Изъ воды и земли, изъ моря и суши. А главное, вотъ откуда.

И онъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ.

— Видишь вонъ эти картинки, что̀ по стѣнамъ висятъ?

— Вижу, — отвѣтилъ Василій Петровичъ: — что̀ же дальше?

— Знаешь ли, что̀ это?

— Нѣтъ, не знаю.

Василій Петровичъ всталъ съ дивана и подошелъ къ стѣнѣ. Синяя, красная, бурая и черная краски ничего не говорили его уму, равно какъ и какія-то таинственныя

цифры около точечныхъ линій, сдѣланныя красными чернилами.

— Чтò это такое? Чертежи?

— Чертежи-то чертежи, но чего?

— Право, другъ мой, не знаю.

— Чертежи эти изображаютъ, милѣйшій Василій Петровичъ, будущій молъ. Знаешь, чтò такое молъ?

— Ну, конечно. Вѣдь я все-таки учитель русскаго языка. Молъ—это такая... какъ бы сказать... ну, плотина, что ли...

— Именно плотина. Плотина, служащая для образованія искусственной гавани. На этихъ чертежахъ изображенъ молъ, который теперь строится. Ты видѣлъ море сверху?

— Какъ же, конечно! Необыкновенная картина! Но построекъ я не замѣтилъ.

— Мудрено и замѣтить,—сказалъ Кудряшевъ со смѣхомъ.—Этотъ молъ почти весь не въ морѣ, Василій Петровичъ, а здѣсь, на сушѣ.

— Гдѣ же это?

— Да вотъ у меня и у прочихъ строителей: у Кноблоха, Пуйциковскаго и у прочихъ. Это между нами, конечно: тебѣ я говорю это, какъ товарищу. Чтò ты такъ уставился на меня? Дѣло самое обыкновенное.

— Послушай, это, наконецъ, ужасно! Неужели ты говоришь правду? Неужели ты не брезгаешь нечистыми средствами для достиженія этого комфорта? Неужели все прошлое служило только для того, чтобы довести тебя до... до... И ты такъ спокойно говоришь объ этомъ...

— Стой, стой, Василій Петровичъ! Пожалуйста, безъ сильныхъ выраженій. Ты говоришь: «нечестныя средства»? Ты мнѣ скажи сперва, чтò значитъ честно и чтò значитъ нечестно. Самъ я не знаю; быть-можетъ, забылъ, а думаю, что и не понималъ; да сдается мнѣ, и ты, собственно говоря, не помнишь, а такъ только напяливаешь на себя какой-то мундиръ. Да и вообще ты это оставь; прежде всего, это невѣжливо. Уважай свободу сужденія. Ты говоришь—нечестно, говори, пожалуй, но не брани меня: вѣдь я не ругаю тебя за то, что ты не одного со мною мнѣнія. Все дѣло, братъ, во взглядѣ, въ точкѣ зрѣнія, а такъ какъ ихъ много, точекъ этихъ, то плюнемъ мы на это дѣло и пойдемъ въ столовую водку пить и о пріятныхъ предметахъ разговаривать.

— Ахъ, Николай, Николай, больно мнѣ смотрѣть на тебя.

— Это ты можешь; можешь душою болѣть, сколько тебѣ угодно. Пусть будетъ больно; пройдетъ! Приглядишься. При-

смотришься, самъ скажешь: «какая я однако телятина»; такъ и скажешь, помяни мое слово. Пойдемъ-ка, выпьемъ по рюмочкѣ и забудемъ о заблудшихъ инженерахъ; на то и мозги, дружище, чтобы заблуждаться... Вѣдь ты, учитель мой любезный, сколько будешь получать, а?

— Тебѣ все равно.

— Ну, напримѣръ?

— Ну, тысячи три заработаю съ частными уроками.

— Вотъ видишь: за три-то тысячи таскаться всю жизнь по урокамъ! А я сижу себѣ да посматриваю: хочу—дѣлаю, хочу—нѣтъ; если бы фантазія пришла хоть цѣлый день въ потолокъ плевать, и то можно. А денегъ... денегъ столько, что онѣ—«вещь для насъ пустая».

Въ столовой, куда они вошли, все было готово для ужина. Холодный ростбифъ возвышался розовой горой. Банки съ консервами пестрѣли разноцвѣтными англійскими надписями и яркими рисунками. Цѣлый рядъ бутылокъ воздвигался на столѣ. Пріятели выпили по рюмкѣ водки и приступили къ ужину. Кудряшевъ ѣлъ медленно и съ разстановкою; онъ совершенно углубился въ свое занятіе.

Василій Петровичъ ѣлъ и думалъ, думалъ и ѣлъ. Онъ былъ въ большомъ смущеніи и рѣшительно не зналъ, какъ ему быть. По принятымъ имъ убѣжденіямъ, онъ долженъ былъ бы поспѣшно скрыться изъ дома своего стараго товарища и никогда въ него больше не заглядывать. «Вѣдь этотъ кусокъ—краденый,—думалъ онъ, положивъ себѣ въ ротъ кусокъ и прихлебывая подлитое обязательнымъ хозяиномъ вино.—А самъ, что̀ я дѣлаю, какъ не подлость?» Много такихъ опредѣленій шевелилось въ головѣ бѣднаго учителя, но опредѣленія такъ и оставались опредѣленіями, а за ними скрывался какой-то тайный голосъ, возражавшій на каждое опредѣленіе: «Ну такъ что жъ?» И Василій Петровичъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи разрѣшить этого вопроса, и продолжалъ сидѣть. «Ну что жъ, буду наблюдать»,—мелькнуло у него въ головѣ въ видѣ оправданія, послѣ чего онъ и самъ передъ собою сконфузился.—«Для чего мнѣ наблюдать, писатель я, что ли?»

— Этакого мяса,—началъ Кудряшевъ:—ты обрати вниманіе, не достанешь въ цѣломъ городѣ.

И онъ разсказалъ Василію Петровичу длинную исторію о томъ, какъ онъ обѣдалъ у Кноблоха, какъ его поразилъ своимъ достоинствомъ поданный ростбифъ, какъ онъ узналъ, откуда доставать такой, и какъ наконецъ досталъ.

— Ты попалъ какъ разъ кстати,—сказалъ онъ въ за-

ключеніе разсказа о мясѣ. — Ѣдалъ ли ты что-нибудь подобное?

— Дѣйствительно, ростбифъ отличный, — отвѣтилъ Василій Петровичъ.

— Превосходный, братецъ! Я люблю, чтобы все было, какъ слѣдуетъ. Да что̀ ты не пьешь? Постой, вотъ я тебѣ налью вина.

Послѣдовала не менѣе длинная исторія о винѣ, въ которой участвовали и англійскій шкиперъ, и торговый домъ въ Лондонѣ, и тотъ же Кноблохъ, и таможня. Разсказывая о винѣ, Кудряшевъ попивалъ его и, по мѣрѣ того, какъ пилъ, оживлялся. На щекахъ его вялаго лица обозначались румяныя пятна, рѣчь становилась быстрѣе и оживленнѣе.

— Да что жъ ты молчишь, наконецъ? — спросилъ онъ Василія Петровича, который дѣйствительно упорно молчалъ, выслушивая эпопеи о мясѣ, винѣ, сырѣ и прочихъ благодатяхъ, украшавшихъ собою столъ инженера.

— Такъ, братъ, не говорится что-то.

— Не говорится... вотъ вздоръ! Ты, я вижу, все еще киснешь по поводу моего признанія. Жалѣю, очень жалѣю, что сказалъ; съ большимъ бы удовольствіемъ поужинали, если бъ не этотъ проклятый молъ... Да ты лучше не думай объ этомъ, Василій Петровичъ, брось... А? Васенька, плюнь, право! Что жъ дѣлать, братецъ, не оправдалъ я надеждъ. Жизнь не школа. Да я не знаю, долго ли и ты удержишься на своей стезѣ.

— Пожалуйста, не дѣлай обо мнѣ предположеній, — сказалъ Василій Петровичъ.

— Обидѣлся?.. Конечно, не удержишься. Что̀ дало тебѣ твое безкорыстіе? Развѣ ты теперь спокоенъ? Развѣ не думаешь каждый день о томъ, согласны ли твои поступки съ твоими идеалами, и не убѣждаешься ли каждый день въ томъ, что несогласны? Вѣдь правда, а? Выпей вина, хорошее вино.

Онъ налилъ и себѣ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, попробовалъ, щелкнулъ губами и выпилъ.

— Вѣдь вотъ, любезный мой другъ, ты думаешь, я не знаю, какая у тебя въ головѣ теперь мысль сидитъ? Доподлинно знаю: «Зачѣмъ, думаешь ты, я у этого человѣка сижу? Очень онъ мнѣ нуженъ! Развѣ не могу я обойтись безъ его вина и сигаръ?» Постой, постой, дай договорить! Я вовсе не думаю, что ты сидишь у меня изъ-за вина и сигаръ. Вовсе нѣтъ; если бы ты и очень захотѣлъ ихъ, такъ не сталъ бы лизоблюдничать. Лизоблюдство вещь очень тя-

желая. Ты сидишь у меня и говоришь со мною просто потому, что не можешь рѣшить, дѣйствительно ли я преступникъ. Не возмущаю я тебя, да и все. Конечно, для тебя это очень обидно, потому что въ твоей головѣ расположены подъ разными рубриками убѣжденія, и, подогнанный подъ нихъ, я, твой бывшій товарищъ и другъ, оказываюсь мерзавцемъ, а между тѣмъ вражды ко мнѣ ты никакой чувствовать не можешь. Убѣжденія убѣжденіями, а я самъ по себѣ, товарищъ, добрый малый и даже, можно сказать, добрый человѣкъ. Вѣдь ты знаешь, что я неспособенъ никого обидѣть.

— Постой, Кудряшевъ. Откуда у тебя все это?—Василій Петровичъ обвелъ рукой.—Самъ говоришь, чужое: ну, тотъ и обиженъ, у кого похищено.

— Легко сказать: у кого похищено. Я вотъ думаю, думаю, кого я обидѣлъ—и все не могу понять, кого. Ты не знаешь, какъ это дѣло дѣлается; я разскажу тебѣ, и ты, можетъ-быть, согласишься со мною, что найти обиженнаго не такъ-то легко.

Кудряшевъ позвонилъ. Явилась безстрастная лакейская фигура въ черномъ фракѣ.

— Иванъ Павлычъ, принеси мнѣ изъ кабинета чертежъ. Между окнами виситъ. Ты посмотри, Василій Петровичъ, дѣло-то какое грандіозное: право, я даже поэзію въ немъ нынче находить сталъ.

Иванъ Павлычъ бережно принесъ огромный листъ, наклеенный на коленкоръ. Кудряшевъ взялъ его, раздвинулъ около себя тарелки, бутылки и рюмки и разложилъ чертежъ на забрызганной краснымъ виномъ скатерти.

— Посмотри сюда,—сказалъ онъ.—Вотъ тебѣ поперечный разрѣзъ нашего мола, вотъ его продольный разрѣзъ. Видишь голубую краску? Это море. Глубина его здѣсь настолько велика, что начинать кладку со дна нельзя, поэтому мы приготовляемъ для мола прежде всего постель.

— Постель? — спросилъ Василій Петровичъ. — Странное названіе.

— Постель каменную изъ огромныхъ булыжниковъ, не меньше одного кубическаго фута объемомъ.—Кудряшевъ отвинтилъ отъ часового ключика крошечный серебряный циркуль и взялъ имъ на чертежѣ какую-то маленькую линію.— Смотри, Василій Петровичъ: это сажень. Если мы ею смѣримъ постель поперекъ, то окажется безъ малаго пятьдесятъ саженъ ширины. Не узка постелька, не правда ли? Такой ширины каменная масса выводится со дна моря до шестнадцати футовъ ниже его поверхности. Если ты сообразишь ши-

рину постели и огромную длину, то можешь имѣть нѣкоторое представленіе о громадности этой массы камня. Иногда, знаешь ли, цѣлый день барка за баркой подходитъ къ молу, барка за баркой выбрасываетъ свой грузъ, а смѣряешь— приращеніе самое ничтожное. Точно въ бездну валятъ камень... Постель выкрашена здѣсь на планѣ грязно-сѣрой краской. Ее подвигаютъ впередъ, а отъ берега начинается на ней уже другая работа. Паровыми кранами спускаютъ на эту постель огромнѣйшіе искусственные камни, кубическія глыбы, слѣпленныя изъ булыжника и цемента. Каждый такой кусокъ величиною съ кубическую сажень и вѣситъ многія сотни пудовъ. Паръ поднимаетъ ихъ, поворачиваетъ и укладываетъ рядами. Странное чувство испытываешь, когда легкимъ нажатіемъ руки заставляешь такую массу подниматься и опускаться по своему желанію. Когда такая масса повинуется тебѣ, чувствуешь могущество человѣка... Видишь, вотъ они, эти кубики.—Онъ показалъ циркулемъ.— Кладка изъ нихъ доводится почти до поверхности воды, а на ней начинается уже верхняя каменная кладка изъ тесанаго камня. Такъ вотъ какое это дѣло: оно не уступитъ любой египетской пирамидѣ. Вотъ тебѣ въ общихъ чертахъ работа, которая тянется уже нѣсколько лѣтъ, а сколько времени еще протянется—Богъ знаетъ. Желательно бы, чтобы подольше... Впрочемъ, если она будетъ итти такъ, какъ послѣднее время, то, пожалуй, на нашъ вѣкъ хватитъ.

— Ну, что жъ дальше?—спросилъ Василій Петровичъ послѣ долгаго молчанія.

— Дальше? Ну, а мы сидимъ на своихъ мѣстахъ и получаемъ, сколько слѣдуетъ.

— Я еще не вижу изъ твоего разсказа возможности получать.

— Молодъ ты, вотъ что! Впрочемъ, мы съ тобой, кажется, ровесники; только опытъ, котораго тебѣ не хватаетъ, умудрилъ, состарилъ меня. Дѣло вотъ въ чемъ. Тебѣ извѣстно, что во всякомъ морѣ бываютъ бури? Онѣ-то и дѣйствуютъ. Онѣ размываютъ каждый годъ постель, а мы кладемъ новую.

— Все жъ я не вижу возможности...

— Кладемъ мы ее,—спокойно продолжалъ Кудряшевъ:— на бумагѣ, вотъ здѣсь, на чертежѣ, потому что только на чертежѣ буря ее и размываетъ.

Василій Петровичъ весь превратился въ недоумѣніе.

— Потому что не могутъ же на самомъ дѣлѣ размыть постель волны, достигающія только восьми футовъ высоты.

Наше море не океанъ, да и тамъ такіе молы, какъ нашъ, выдерживаютъ; а у насъ, на двухъ съ лишнимъ саженяхъ глубины, гдѣ кончается постель, почти-что мертвая тишина. Слушай, Василій Петровичъ, какъ дѣла дѣлаются. Весною, послѣ осеннихъ и зимнихъ непогодъ, мы собираемся и ставимъ вопросъ: сколько въ этомъ году размыло постели? Беремъ чертежи и отмѣчаемъ. Ну, и пишемъ, куда слѣдуетъ: размыло, дескать, бурями столько-то и столько-то кубическихъ саженъ начатыхъ работъ. Оттуда отвѣчаютъ: стройте, чините, чортъ съ вами! Ну, мы и чинимъ.

— Да что-жъ вы чините-то?

— Да карманы себѣ чинимъ, — сострилъ Кудряшевъ и самъ разсмѣялся своей остротѣ.

— Нѣтъ, это невозможно! Невозможно!—закричалъ Василій Петровичъ, вскакивая со стула и бѣгая по комнатѣ.— Слушай, Кудряшевъ, вѣдь ты губишь себя... Не говоря о безнравственности... Я просто хочу сказать, что васъ всѣхъ поймаютъ на этомъ, и ты погибнешь, по Владимиркѣ пойдешь. Боже, Боже, вотъ онѣ надежды, упованія! Способный и честный юноша—и вдругъ...

Василій Петровичъ вошелъ въ экстазъ и говорилъ долго и горячо. Но Кудряшевъ совершенно спокойно курилъ сигару и посматривалъ на расходившагося друга.

— Да, ты, навѣрно, пойдешь по Владимиркѣ!—закончилъ Василій Петровичъ свою филиппику.

— До Владимирки, другъ мой, очень далеко. Чудной ты человѣкъ, я посмотрю: ничего-то ты не понимаешь. Развѣ я одинъ... какъ бы это повѣжливѣе сказать... пріобрѣтаю? Все вокругъ, самый воздухъ—и тотъ, кажется, тащитъ. Недавно явился къ намъ одинъ новенькій и сталъ-было по части честности корреспонденціи писать. Что жъ? Прикрыли... И всегда прикроемъ. Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ. Ты думаешь, что человѣкъ самъ себѣ врагъ? Кто жъ рѣшится меня тронуть, когда черезъ это самъ можетъ пошатнуться?

— Стало-быть, — какъ сказалъ Крыловъ, — рыльце-то у всѣхъ въ пушку?

— Въ пушку, въ пушку. Всѣ берутъ съ жизни, что̀ могутъ, а не относятся къ ней платонически... О чемъ, бишь, мы начали говорить? Да, о томъ, кого я обижаю. Скажи, кого? Низшую братію, что ли? Ну, чѣмъ? Вѣдь я черпаю не прямо изъ источника, а беру готовое, что̀ ужъ взято, и если не достанется мнѣ, то, можетъ-быть, кому-нибудь и похуже. По крайней мѣрѣ, я не по-свински живу, есть койкакіе и духовные интересы: выписываю кучу газетъ, жур-

наловъ. Кричатъ о наукѣ, о цивилизаціи, а къ чему бы эта цивилизація прилагалась, если бы не мы, люди со средствами? И кто давалъ наукѣ возможность двигаться впередъ, какъ не люди со средствами? А ихъ нужно откуда-нибудь взять. Такъ называемыми честными путями...

— Ахъ, не доканчивай, не говори ты хоть послѣдняго слова, Николай Константиновичъ!

— Слова? Что жъ, лучше было бы, кривая твоя душа, если бы я сталъ врать, оправдываться? Воруемъ, слышишь ли ты? Да если правду-то говорить, то и ты теперь воруешь.

— Послушай, Кудряшевъ...

— Нечего мнѣ тебя слушать,—сказалъ со смѣхомъ Кудряшевъ.—Ты-таки, братъ, грабитель, подъ личиною добродѣтели. Ну, что̀ это за занятіе твое учительство? Развѣ ты уплатишь своимъ трудомъ даже тѣ гроши, что̀ тебѣ теперь платятъ? Приготовишь ли ты хоть одного порядочнаго человѣка? Три четверти изъ твоихъ воспитанниковъ выйдутъ такіе же, какъ я, а одна четверть такими, какъ ты, то-есть благонамѣренной размазнею. Ну, не даромъ ли ты берешь деньги, скажи откровенно? И далеко ли ты ушелъ отъ меня? А тоже храбрится, честность проповѣдуетъ!

— Кудряшевъ! Повѣрь, что мнѣ чрезвычайно тяжелъ этотъ разговоръ.

— А мнѣ—нисколько.

— Я не ожидалъ встрѣтить въ тебѣ то, что̀ встрѣтилъ.

— Немудрено; люди измѣняются, и я измѣнился, а въ какую сторону—ты угадать не могъ: не пророкъ вѣдь.

— Не нужно быть пророкомъ, чтобы надѣяться, что честный юноша сдѣлается честнымъ гражданиномъ.

— Ахъ, оставь, не говори ты мнѣ этого слова. Честный гражданинъ! И откуда, изъ какого учебника ты эту архивность вытащилъ? Пора бы перестать сентиментальничать: не мальчикъ вѣдь... Знаешь что̀, Вася, — при этомъ Кудряшевъ взялъ Василія Петровича за руку:—будь другомъ, бросимъ этотъ проклятый вопросъ. Лучше выпьемъ по-товарищески. Иванъ Павлычъ! Дай, братъ, бутылочку вотъ этого.

Иванъ Павлычъ немедленно явился съ новой бутылкой. Кудряшевъ налилъ стаканы.

— Ну, выпьемъ за процвѣтаніе... чего бы это? Ну, все равно: за наше съ тобой процвѣтаніе.

— Пью,—сказалъ Василій Петровичъ съ чувствомъ:—за то, чтобы ты опомнился. Это мое сильнѣйшее желаніе.

— Будь другъ, не поминай... Вѣдь если опомниться, такъ ужъ пить будетъ нельзя: тогда зубы на полку. Видишь,

какая у тебя логика. Будемъ пить просто, безъ всякихъ пожеланій. Бросимъ эту скучную канитель: все равно ни до чего не договоримся: ты меня на путь истинный не наставишь, да и я тебя не переспорю. Да и не стòитъ переспаривать: собственнымъ умомъ до моей философіи дойдешь.

— Никогда!—съ жаромъ воскликнулъ Василій Петровичъ, стукнувъ стаканомъ объ столъ.

— Ну, это посмотримъ. Да чтò это все я про себя разсказывалъ, а ты о себѣ молчишь? Чтò ты дѣлалъ, чтò думаешь дѣлать?

— Я говорилъ уже тебѣ, что назначенъ учителемъ.

— Это твое первое мѣсто?

— Да, первое; я занимался раньше частными уроками.

— И теперь думаешь заниматься ими?

— Если найду, отчего же?

— Доставимъ, братъ, доставимъ!—Кудряшевъ хлопнулъ Василія Петровича по плечу.—Все здѣшнее юношество тебѣ въ науку отдадимъ. Почемъ ты бралъ за часъ въ Петербургѣ?

— Мало. Очень трудно было доставать хорошіе уроки. Рубль-два, не больше.

— И за такіе гроши человѣкъ терзается! Ну, здѣсь меньше пяти и не смѣй спрашивать. Это работа трудная: я самъ помню, какъ на первомъ и на второмъ курсѣ по урочишкамъ бѣгалъ. Бывало, добудешь по полтиннику за часъ и радъ. Самая неблагодарная и трудная работа. Я тебя перезнакомлю со всѣми нашими—тутъ есть премилыя семейства, и съ барышнями. Будешь умно себя вести—сосватаю, если хочешь. А, Василій Петровичъ?

— Нѣтъ, благодарю, я не нуждаюсь.

— Сосватанъ уже? Правда?

Василій Петровичъ выразилъ своимъ видомъ смущеніе.

— По глазамъ вижу, что правда. Ну, братъ, поздравляю. Вотъ какъ скоро! Ай да Вася; Иванъ Павлычъ!—закричалъ Кудряшевъ

Иванъ Павлычъ съ заспаннымъ и сердитымъ лицомъ появился въ дверяхъ.

— Дай шампанскаго!

— Шампанскаго нѣту, все вышло, — мрачно отвѣчалъ лакей.

— Будетъ, Кудряшевъ, зачѣмъ же это, право!

— Молчи; я тебя не спрашиваю. Обидѣть меня хочешь, что ли? Иванъ Павлычъ, безъ шампанскаго не приходить, слышишь? Ступай!

— Да вѣдь заперто, Николай Константиновичъ.

— Не разговаривай. Деньги у тебя есть; ступай и принеси.

Лакей ушелъ, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Вотъ скотина, еще разговариваетъ! А ты еще: «не нужно». Если по такому случаю не пить, то для чего и существуетъ шампанское?.. Ну, кто такая?

— Кто?

— Ну, она, невѣста... Бѣдна, богата, хороша?

— Ты все равно ея не знаешь, такъ зачѣмъ называть ее тебѣ? Состоянія у нея нѣтъ, а красота—вещь условная. По-моему, красива.

— Карточка есть?—спросилъ Кудряшевъ.—Поди, при сердцѣ носишь? Покажи!

И онъ протянулъ руку.

Красное отъ вина лицо Василія Петровича еще болѣе покраснѣло. Не зная зачѣмъ, онъ разстегнулъ сюртукъ, вынулъ свою книжку и досталъ драгоцѣнную карточку. Кудряшевъ схватилъ ее и началъ разсматривать.

— Ничего, братъ: ты знаешь, гдѣ раки зимуютъ.

— Нельзя ли безъ такихъ выраженій!—рѣзко сказалъ Василій Петровичъ.—Дай ее мнѣ, я спрячу.

— Погоди, дай насладиться. Ну, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь. На, возьми, положи опять на сердце. Ахъ, ты чудакъ, чудакъ!—воскликнулъ Кудряшевъ и расхохотался.

— Не понимаю, что ты нашелъ тутъ смѣшного?

— А такъ, братецъ, смѣшно стало. Представился мнѣ ты черезъ десять лѣтъ; самъ въ халатѣ, подурнѣвшая беременная жена, семь человѣкъ дѣтей и очень мало денегъ для покупки имъ башмаковъ, штанишекъ, шапчонокъ и всего прочаго. Вообще проза. Будешь ли ты тогда носить эту карточку въ боковомъ карманѣ? Ха-ха-ха!

— Ты скажи лучше, какая поэзія ждетъ въ будущемъ тебя? Получать деньги и проживать ихъ? Ѣсть, пить да спать?

— Не ѣсть, пить и спать, а жить. Жить съ сознаніемъ своей свободы и нѣкотораго даже могущества.

— Могущества! Какое у тебя могущество?

— Сила въ деньгахъ, а у меня есть деньги. Что хочу, то и сдѣлаю... Захочу тебя купить—и куплю.

— Кудряшевъ!..

— Не хорохорься попусту. Неужели намъ съ тобою, старымъ друзьямъ, нельзя и пошутить другъ надъ другомъ? Конечно, тебя покупать не стану. Живи себѣ по-своему. А все-таки, что хочу, то и сдѣлаю. Ахъ, я дурень, дурень!—вдругъ

вскрикнулъ Кудряшевъ, хлопнувъ себя по лбу:—сидимъ столько времени, а я тебѣ главной достопримѣчательности-то и не показалъ. Ты говоришь: ѣсть, пить и спать? Я тебѣ сейчасъ такую штуку покажу, что ты откажешься отъ своихъ словъ. Пойдемъ. Возьми свѣчу.

— Куда это?—спросилъ Василій Петровичъ.

— За мной. Увидишь, куда.

Василій Петровичъ, вставъ со стула, чувствовалъ себя не въ полномъ порядкѣ. Ноги не совсѣмъ повиновались ему, и онъ не могъ держать подсвѣчникъ такъ, чтобы стеаринъ не капалъ на коверъ. Однако, нѣсколько справившись съ непослушными членами, онъ пошелъ за Кудряшевымъ. Они прошли нѣсколько комнатъ, узенькій коридоръ и очутились въ какомъ-то сыромъ и темномъ помѣщеніи. Шаги глухо стучали по каменному полу. Шумъ падающей гдѣ-то струи воды звучалъ безконечнымъ аккордомъ. Съ потолка висѣли сталактиты изъ туфа и синеватаго литого стекла; цѣлыя искусственныя скалы возвышались здѣсь и тамъ. Масса тропической зелени прикрывала ихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестѣли темныя зеркала.

— Что̀ это такое?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Акварій, которому я посвятилъ два года времени и много денегъ. Подожди, я сейчасъ освѣщу его.

Кудряшевъ скрылся за зелень, а Василій Петровичъ подошелъ къ одному изъ зеркальныхъ стеколъ и началъ разсматривать, что̀ было за нимъ. Слабый свѣтъ одной свѣчки не могъ проникнуть далеко въ воду, но рыбы, большія и маленькія, привлеченныя свѣтлой точкой, собрались въ освѣщенномъ мѣстѣ и глупо смотрѣли на Василія Петровича круглыми глазами, раскрывая и закрывая рты и шевеля жабрами и плавниками. Дальше виднѣлись темныя очертанія водорослей. Какая-то гадина шевелилась въ нихъ; Василій Петровичъ не могъ разсмотрѣть ея формы.

Вдругъ потокъ ослѣпительнаго свѣта заставилъ его на мгновеніе закрыть глаза, и когда онъ открылъ ихъ, то не узналъ акварія. Кудряшевъ въ двухъ мѣстахъ зажегъ электрическіе фонари: свѣтъ ихъ проходилъ сквозь массу голубоватой воды, кишащую рыбами и другими животными, наполненную растеніями, рѣзко выдѣлявшимися на неопредѣленномъ фонѣ своими кроваво-красными, бурыми и грязно-зелеными силуэтами. Скалы и тропическія растенія, отъ контраста сдѣлавшіяся еще темнѣе, красиво обрамляли толстыя зеркальныя стекла, сквозь которыя открывался видъ на внутренность акварія. Въ немъ все закопошилось, за-

металось, испуганное ослѣпительнымъ свѣтомъ: цѣлая стая маленькихъ большеголовыхъ «бычковъ» носилась туда и сюда, поворачиваясь точно по командѣ, стерляди извивались, прильнувъ мордой къ стеклу, и то поднимались до поверхности воды, то опускались ко дну, точно хотѣли пройти черезъ прозрачную твердую преграду; черный гладкій угорь зарывался въ песокъ акварія и поднималъ цѣлое облако мути; смѣшная кургузая каракатица отцѣпилась отъ скалы, на которой сидѣла, и переплывала акварій толчками, задомъ напередъ, волоча за собой свои длинныя щупала. Все вмѣстѣ было такъ красиво и ново для Василія Петровича, что онъ совершенно забылся.

— Каково, Василій Петровичъ?—спросилъ Кудряшевъ, выйдя къ нему.

— Чудесно, братъ, удивительно! Какъ это ты все устроилъ! Сколько вкуса, эффекта!

— Прибавь еще, и знанія. Нарочно въ Берлинъ ѣздилъ посмотрѣть тамошнее чудо и, не хвастая, скажу, что мой хотя и уступаетъ, конечно, въ величинѣ, но насчетъ изящества и интересности—нисколько... Это моя гордость и утѣшеніе. Какъ скучно станетъ—придешь сюда, сядешь и смотришь по цѣлымъ часамъ. Я люблю всю эту тварь за то, что она откровенна, не такъ, какъ нашъ братъ-человѣкъ. Жретъ другъ друга и не конфузится. Вотъ смотри, смотри: видишь, нагоняетъ.

Маленькая рыбка порывисто металась вверхъ и внизъ и въ стороны, спасаясь отъ какого-то длиннаго хищника. Въ смертельномъ страхѣ, она выбрасывалась изъ воды на воздухъ, пряталась подъ уступы скалы, а острые зубы вездѣ нагоняли ее. Хищная рыба уже готова была схватить ее, какъ вдругъ другая, подскочивъ сбоку, перехватила добычу: рыбка исчезла въ ея пасти. Преслѣдовательница остановилась въ недоумѣніи, а похитительница скрылась въ темный уголъ.

— Перехватили! — сказалъ Кудряшевъ. — Дура, осталась не при чемъ. Стоило гоняться для того, чтобъ изъ-подъ носа выхватили кусокъ!.. Сколько, если бы ты зналъ, они пожираютъ этой мелкой рыбицы: сегодня напустишь цѣлую тучу, и на другой день все уже съѣдено. Съѣдятъ и не помышляютъ о безнравственности—а мы? Я только недавно отвыкъ отъ этой ерунды. Василій Петровичъ! Неужели ты наконецъ не согласишься, что это ерунда?

— Что̀ такое?—спросилъ Василій Петровичъ, не отрывая глазъ отъ воды.

— Да вотъ эти угрызенія. На что они? Угрызайся не угрызайся—а если попадется кусокъ... Ну, я и упразднилъ ихъ, угрызенія эти, и стараюсь подражать этой скотинѣ.

Онъ показалъ пальцемъ на акварій.

— Вольному воля,—сказалъ со вздохомъ Василій Петровичъ.—Послушай, Кудряшевъ, вѣдь это, кажется, морскія растенія и животныя?

— Морскія. И вода вѣдь у меня морская. Нарочно водопроводъ устроилъ.

— Неужели изъ моря? Но вѣдь это должно стоить огромныхъ денегъ.

— Не маленькихъ. Акварій мой стòитъ около тридцати тысячъ.

— Тридцать тысячъ!—воскликнулъ въ ужасѣ Василій Петровичъ.—При тысячѣ шестистахъ рублей жалованья!

— Да брось ты это ужасанье! Если насмотрѣлся—пойдемъ. Должно-быть, Иванъ Павлычъ принесъ требуемое... Подожди только, я разомкну токъ.

Акварій вновь погрузился въ мракъ. Свѣча, продолжавшая горѣть, показалась Василію Петровичу тусклымъ, коптящимъ огонькомъ.

Когда они вышли въ столовую, Иванъ Павлычъ держалъ уже наготовѣ завернутую въ салфетку бутылку.

ХУДОЖНИКИ.

I.

Дѣдовъ.

Сегодня я чувствую себя такъ, какъ будто бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Счастье было такъ неожиданно! Долой инженерскіе погоны, долой инструменты и смѣты!

Но не стыдно ли такъ радоваться смерти бѣдной тетки только потому, что она оставила наслѣдство, дающее мнѣ возможность бросить службу? Правда, вѣдь она, умирая, просила меня отдаться вполнѣ моему любимому занятію, и теперь я радуюсь, между прочимъ, и тому, что исполняю ея горячее желаніе. Это было вчера... Какую изумленную физіономію сдѣлалъ нашъ шефъ, когда узналъ, что я бросаю службу! А когда я объяснилъ ему цѣль, съ которою я дѣлаю это, онъ просто разинулъ ротъ.

— Изъ любви къ искусству?.. Мм! Подавайте прошеніе.

И не сказалъ больше ничего, повернулся и ушелъ. Но мнѣ ничего больше и не было нужно. Я свободенъ, я художникъ! Не верхъ ли это счастья?

Мнѣ захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ людей и отъ Петербурга; я взялъ яликъ и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающій вдали на солнцѣ городъ, синіе лѣса, окаймившіе берега залива, верхушки мачтъ на кронштадтскомъ рейдѣ, десятки пролетавшихъ пароходовъ и скользившихъ мимо меня парусныхъ кораблей и лайбъ—все показалось мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Все это мое, все это въ моей власти, все это я могу схватить, бросить на полотно и поставить передъ изумленною силою искусства толпою. Правда, не слѣдовало бы продавать шкуру еще неубитаго медвѣдя; вѣдь пока я—еще не Богъ знаетъ какой великій художникъ...

Яликъ быстро разрѣзалъ гладь воды. Яличникъ, рослый, здоровый и красивый парень въ красной рубахѣ, безъ устали работалъ веслами; онъ то нагибался впередъ, то откидывался назадъ, сильно подвигая лодку при каждомъ движеніи. Солнце закатывалось и такъ эффектно играло на его лицѣ и на красной рубахѣ, что мнѣ захотѣлось набросать его красками. Маленькій ящикъ съ холстиками, красками и кистями всегда при мнѣ.

— Перестань грести, посиди минутку смирно; я тебя напишу,—сказалъ я.

Онъ бросилъ весла.

— Ты сядь такъ, будто весла заносишь.

Онъ взялся за весла, взмахнулъ ими, какъ птица крыльями, и такъ и замеръ въ прекрасной позѣ. Я быстро набросалъ карандашомъ контуръ и принялся писать. Съ какимъ-то особеннымъ радостнымъ чувствомъ я мѣшалъ краски. Я зналъ, что ничто не оторветъ меня отъ нихъ уже всю жизнь.

Яличникъ скоро началъ уставать; его удалое выраженіе лица смѣнилось вялымъ и скучнымъ. Онъ сталъ зѣвать и одинъ разъ даже утеръ рукавомъ лицо, для чего ему нужно было наклониться головою къ веслу. Складки рубахи совсѣмъ пропали.

Такая досада! Терпѣть не могу, когда натура шевелится.

— Сиди, братецъ, смирнѣе.

Онъ усмѣхнулся.

— Что ты смѣешься?

Онъ конфузливо ухмыльнулся и сказалъ:

— Да чудно, баринъ.

— Чего жъ тебѣ чудно?

— Да будто я—рѣдкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

— Картина и будетъ, другъ любезный.

— На что жъ она вамъ?

— Для ученья. Вотъ попишу, попишу маленькія, буду и большія писать.

— Большія?

— Хоть въ три сажени.

Онъ замолчалъ и потомъ серьезно спросилъ:

— Что жъ, вы поэтому и образа можете?

— Могу и образа; только я пишу картины.

— Такъ.

Онъ задумался и снова спросилъ:

— На что жъ онѣ?

— Что такое?

— Картины эти...

Конечно, я не сталъ читать ему лекціи о значеніи искусства, а только сказалъ, что за эти картины платятъ хорошія деньги, рублей по тысячѣ, по двѣ и больше. Яличникъ былъ совершенно удовлетворенъ и больше не заговаривалъ. Этюдъ вышелъ прекрасный (очень красивы эти горячіе тоны освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ кумача), и я возвратился домой совершенно счастливымъ.

II.

Рябининъ.

Передо мною стоитъ въ натянутомъ положеніи старикъ Тарасъ, натурщикъ, которому профессоръ Н—ъ велѣлъ положить «рука на галава», потому что это «ошень классишесскій поза»; вокругъ меня—цѣлая толпа товарищей, такъ же, какъ и я, сидящихъ передъ мольбертами съ палитрами и кистями въ рукахъ. Впереди всѣхъ Дѣдовъ, хотя и пейзажистъ, но усердно пишетъ Тараса. Въ классѣ запахъ красокъ, масла, терпентина, и мертвая тишина. Каждые полчаса Тарасу дается отдыхъ; онъ садится на край деревяннаго ящика, служащаго ему пьедесталомъ, и изъ «натуры» превращается въ обыкновеннаго голаго старика, разминаетъ свои оцѣпенѣвшія отъ долгой неподвижности руки и ноги, обходится безъ помощи носового платка, и прочее. Ученики тѣснятся около мольбертовъ, разсматривая работы другъ друга. У моего мольберта всегда толпа; я—очень способный ученикъ академіи и подаю огромныя надежды сдѣлаться однимъ изъ «нашихъ корифеевъ», по счастливому выраженію извѣстнаго художественнаго критика, г. В. С., который уже давно сказалъ, что «изъ Рябинина выйдетъ толкъ». Вотъ отчего всѣ смотрятъ на мою работу.

Черезъ пять минутъ все снова усаживается на мѣста, Тарасъ взлѣзаетъ на пьедесталъ, кладетъ руку на голову, и мы мажемъ, мажемъ...

И такъ каждый день.

Скучно, не правда ли? Да, я и самъ давно убѣдился въ томъ, что все это очень скучно. Но какъ локомотиву съ открытою паропроводною трубою предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзно-мѣднаго чудовища въ груду обломковъ,—такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и если я сойду съ нихъ, что̀ тогда? Я долженъ во что бы то ни стало

докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь. Другіе говорятъ, что это будетъ художественная дѣятельность. Что это нѣчто художественное— спора нѣтъ, но что это дѣятельность...

Когда я хожу по выставкѣ и смотрю на картины, что̀ я вижу въ нихъ? Холстъ, на который наложены краски, расположенныя такимъ образомъ, что онѣ образуютъ впечатлѣнія, подобныя впечатлѣніямъ отъ различныхъ предметовъ. Люди ходятъ и удивляются: какъ это онѣ, краски, такъ хитро расположены! И больше ничего. Написаны цѣлыя книги, цѣлыя горы книгъ объ этомъ предметѣ; многія изъ нихъ я читалъ. Но изъ Тэновъ, Карьеровъ, Куглеровъ и всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, до Прудона включительно, не явствуетъ ничего. Они все толкуютъ о томъ, какое значеніе имѣетъ искусство, а въ моей головѣ, при чтеніи ихъ, непремѣнно шевелится мысль: если оно имѣетъ его. Я не видѣлъ хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть?

Зачѣмъ вѣрить? Вѣрить-то мнѣ нужно, необходимо нужно, но к а к ъ повѣрить? Какъ убѣдиться въ томъ, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему-нибудь иному, возбужденію скверныхъ инстинктовъ, напримѣръ) и тщеславію какого-нибудь разбогатѣвшаго желудка на ногахъ, который, не спѣша, подойдетъ къ моей пережитой, выстраданной, дорогой картинѣ, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчитъ: «мм... ничего себѣ», сунетъ руку въ оттопырившійся карманъ, броситъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей и унесетъ ее отъ меня. Унесетъ вмѣстѣ съ волненіемъ, съ безсонными ночами, съ огорченіями и радостями, съ обольщеніями и разочарованіями. И снова ходишь одинокій среди толпы, машинально рисуешь натурщика вечеромъ, машинально пишешь его утромъ, возбуждая удивленіе профессоровъ и товарищей быстрыми успѣхами. Зачѣмъ дѣлаешь все это, куда идешь?

Вотъ уже четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я продалъ свою послѣднюю картинку, а у меня еще нѣтъ никакой мысли для новой. Если бы выплыло что-нибудь въ головѣ, хорошо было бы... Нѣсколько времени полнаго забвенія: ушелъ бы въ картину, какъ въ монастырь, думалъ бы только о ней одной. Вопросы: куда? зачѣмъ? во время работы исчезаютъ; въ головѣ одна мысль, одна цѣль, и приведеніе ея въ исполненіе доставляетъ наслажденіе. Кар-

тина—міръ, въ которомъ живешь и передъ которымъ отвѣчаешь. Здѣсь исчезаетъ житейская нравственность; ты создаешь себѣ новую въ своемъ новомъ мірѣ и въ немъ чувствуешь свою правоту, достоинства, или ничтожество и ложь, по-своему, независимо отъ жизни.

Но писать всегда нельзя. Вечеромъ, когда сумерки прервутъ работу, вернешься въ жизнь и снова слышишь вѣчный вопросъ: «зачѣмъ?», не дающій уснуть, заставляющій ворочаться на постели въ жару, смотрѣть въ темноту, какъ будто бы гдѣ-нибудь въ ней написанъ отвѣтъ. И засыпаешь подъ утро мертвымъ сномъ, чтобы, проснувшись, снова опуститься въ другой міръ сна, въ которомъ живутъ только выходящіе изъ себя самого образы, складывающіеся и проясняющіеся предъ тобою на полотнѣ.

— Что вы не работаете, Рябининъ?—громко спросилъ меня сосѣдъ.

Я такъ задумался, что вздрогнулъ, когда услыхалъ этотъ вопросъ. Рука съ палитрой опустилась; пола сюртука попала въ краски и вся вымазалась; кисти лежали на полу. Я взглянулъ на этюдъ; онъ былъ конченъ, и хорошо конченъ: Тарасъ стоялъ на полотнѣ, какъ живой.

— Я кончилъ,—отвѣтилъ я сосѣду.

Кончился и классъ. Натурщикъ сошелъ съ ящика и одѣвался; всѣ, шумя, собирали свои принадлежности. Подошли ко мнѣ, похвалили.

— Медаль, медаль... Лучшій этюдъ,—говорили нѣкоторые. Другіе молчали: художники не любятъ хвалить другъ друга.

III.

Дѣдовъ.

Кажется мнѣ, я пользуюсь между моими товарищами-учениками уваженіемъ. Конечно, не безъ того, чтобы на это не оказывалъ вліянія мой, сравнительно съ ними, солидный возрастъ: во всей академіи одинъ только Вольскій старше меня. Да, искусство обладаетъ удивительный притягательной силой! Этотъ Вольскій—отставной офицеръ, господинъ лѣтъ сорока пяти съ совершенно сѣдою головой; поступить въ такихъ лѣтахъ въ академію, снова начать учиться—развѣ это не подвигъ? Но онъ упорно работаетъ: лѣтомъ съ утра до вечера пишетъ этюды во всякую погоду, съ какимъ-то самоотверженіемъ; зимою, когда свѣтло—постоянно пишетъ, а вечеромъ рисуетъ. Въ два года онъ сдѣ-

лалъ большіе успѣхи, несмотря на то, что судьба не наградила его особенно большимъ талантомъ.

Вотъ Рябининъ—другое дѣло: чертовски талантливая натура, но зато лѣнтяй ужасный. Я не думаю, чтобы изъ него вышло что-нибудь серьезное, хотя всѣ молодые художники—его поклонники. Особенно мнѣ кажется страннымъ его пристрастіе къ такъ называемымъ реальнымъ сюжетамъ: пишетъ лапти, онучи и полушубки, какъ будто бы мы не довольно насмотрѣлись на нихъ въ натурѣ. А что̀ главное, онъ почти не работаетъ. Иногда засядетъ и въ мѣсяцъ окончитъ картинку, о которой всѣ кричатъ, какъ о чудѣ, находя, впрочемъ, что техника оставляетъ желать лучшаго (по-моему, техника у него очень и очень слаба); а потомъ броситъ писать даже этюды, ходитъ мрачный и ни съ кѣмъ не заговариваетъ, даже со мной, хотя, кажется, отъ меня онъ удаляется меньше, чѣмъ отъ другихъ товарищей. Странный юноша! Удивительными мнѣ кажутся эти люди, не могущіе найти полнаго удовлетворенія въ искусствѣ. Не могутъ они понять, что ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ творчество.

Вчера я кончилъ картину, выставилъ, и сегодня уже спрашивали о цѣнѣ. Дешевле 300 не отдамъ. Давали уже 250. Я такого мнѣнія, что никогда не слѣдуетъ отступать отъ разъ назначенной цѣны. Это доставляетъ уваженіе. А теперь тѣмъ болѣе не уступлю, что картина, навѣрно, продастся; сюжетъ—изъ ходкихъ и симпатичный: зима, закатъ; черные стволы на первомъ планѣ рѣзко выдѣляются на красномъ заревѣ. Такъ пишетъ К., и какъ онѣ идутъ у него! Въ одну эту зиму, говорятъ, до двадцати тысячъ заработалъ. Недурно! Жить можно. Не понимаю, какъ это ухитряются бѣдствовать нѣкоторые художники. Вотъ у К. ни одинъ холстикъ даромъ не пропадаетъ: все продается. Нужно только прямѣе относиться къ дѣлу; пока ты пишешь картину—ты художникъ, творецъ; написана она—ты торгашъ; и чѣмъ ловче ты будешь вести дѣло, тѣмъ лучше. Публика часто тоже норовитъ надуть нашего брата.

IV.

Рябининъ.

Я живу въ пятнадцатой линіи на Среднемъ проспектѣ и четыре раза въ день прохожу по набережной, гдѣ пристаютъ иностранные пароходы. Я люблю это мѣсто за его пестроту, оживленіе, толкотню и шумъ и за то, что оно дало мнѣ много

матеріала. Здѣсь, смотря на поденщиковъ, таскающихъ кули, вертящихъ ворота и лебедки, возящихъ телѣжки со всякой кладью, я научился рисовать трудящагося человѣка.

Я шелъ домой съ Дѣдовымъ, пейзажистомъ... Добрый и невинный, какъ самъ пейзажъ, человѣкъ, и страстно влюбленъ въ свое искусство. Вотъ для него такъ ужъ нѣтъ никакихъ сомнѣній: пишетъ, что̀ видитъ; увидитъ рѣку— и пишетъ рѣку, увидитъ болото съ осокою—и пишетъ болото съ осокою. Зачѣмъ ему эта рѣка и это болото?—онъ никогда не задумывается. Онъ, кажется, образованный человѣкъ; по крайней мѣрѣ, кончилъ курсъ инженеромъ. Службу бросилъ, благо явилось какое-то наслѣдство, дающее ему возможность существовать безъ труда. Теперь онъ пишетъ и пишетъ: лѣтомъ сидитъ съ утра до вечера на полѣ или въ лѣсу за этюдами, зимой безъ устали компонуетъ закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и прочее. Инженерство свое забылъ и не жалѣетъ объ этомъ. Только когда мы проходимъ мимо пристани, онъ часто объясняетъ мнѣ значеніе огромныхъ чугунныхъ и стальныхъ массъ: частей машинъ, котловъ и разныхъ разностей, выгруженныхъ съ парохода на берегъ.

— Посмотрите, какой котлище притащили!—сказалъ онъ мнѣ вчера, ударивъ тростью въ звонкій котелъ.

— Неужели у насъ не умѣютъ ихъ дѣлать?—спросилъ я.

— Дѣлаютъ и у насъ, да мало, не хватаетъ! Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придется здѣсь чинить: видите, шовъ расходится? Вотъ тутъ тоже заклепки расшатались. Знаете ли, какъ эта штука дѣлается? Это, я вамъ скажу, адская работа. Человѣкъ садится въ котелъ и держитъ заклепку изнутри клещами, что есть силы напирая на нихъ грудью, а снаружи мастеръ колотитъ по заклепкѣ молотомъ и выдѣлываетъ вотъ такую шляпку.

Онъ показалъ мнѣ на длинный рядъ выпуклыхъ металлическихъ кружковъ, идущій по шву котла.

— Дѣдовъ, вѣдь это все равно, что по груди бить!

— Все равно. Я разъ попробовалъ-было забраться въ котелъ, такъ послѣ четырехъ заклепокъ еле выбрался. Совсѣмъ разбило грудь. А эти какъ-то ухитряются привыкать. Правда, и мрутъ они, какъ мухи: годъ-два вынесетъ, а потомъ, если и живъ, то рѣдко куда-нибудь годенъ. Извольте-ка цѣлый день выносить грудью удары здоровеннаго молота по груди, да еще въ котлѣ, въ духотѣ, согнувшись въ три погибели. Зимой желѣзо мерзнетъ, холодъ, а онъ сидитъ или лежитъ на желѣзѣ. Вонъ въ томъ котлѣ—видите, крас-

ный, узкій—такъ и сидѣть нельзя: лежи на боку да подставляй грудь. Трудная работа этимъ глухарямъ.

— Глухарямъ?

— Ну да, рабочіе ихъ такъ прозвали. Отъ этого трезвона они часто глохнутъ. И вы думаете, много они получаютъ за такую каторжную работу? Гроши! Потому что тутъ ни навыка ни искусства не требуется, а только мясо... Сколько тяжелыхъ впечатлѣній на всѣхъ этихъ заводахъ, Рябининъ, если бы вы знали! Я такъ радъ, что раздѣлался съ ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на эти страданія... То ли дѣло съ природою? Она не обижаетъ, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплоатировать ее, какъ мы, художники... Поглядите-ка, поглядите, каковъ сѣроватый тонъ!—вдругъ перебилъ онъ самъ себя, показывая на уголокъ неба:—пониже, вонъ тамъ, подъ облачкомъ... прелесть! Съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Вѣдь вотъ напиши такъ, ну, точно такъ—не повѣрятъ! А вѣдь недурно, а?

Я выразилъ свое одобреніе, хотя, по правдѣ сказать, не видѣлъ никакой прелести въ грязно-зеленомъ клочкѣ петербургскаго неба, и перебилъ Дѣдова, начавшаго восхищаться еще какимъ-то «тонкомъ» около другого облачка.

— Скажите мнѣ, гдѣ можно посмотрѣть такого глухаря?

— Поѣдемте вмѣстѣ на заводъ; я вамъ покажу всякую штуку. Если хотите, даже завтра! Да ужъ не вздумалось ли вамъ писать этого глухаря? Бросьте, не стòитъ; неужели нѣтъ ничего повеселѣе? А на заводъ, если хотите, хоть завтра.

Сегодня мы поѣхали на заводъ и осмотрѣли все. Видѣли и глухаря. Онъ сидѣлъ, согнувшись въ комокъ, въ углу котла и подставлялъ свою грудь подъ удары молота. Я смотрѣлъ на него полчаса: молотъ поднялся и опустился сотни разъ. Глухарь корчился. Я его напишу.

V.

Дѣдовъ.

Рябининъ выдумалъ такую глупость, что я не знаю, чтò о немъ и думать. Третьяго-дня я возилъ его на металлическій заводъ; мы провели тамъ цѣлый день, осмотрѣли все, при чемъ я объяснялъ ему всякія производства (къ удивленію моему, я забылъ очень немногое изъ своей профессіи); наконецъ я привелъ его въ котельное отдѣленіе. Тамъ въ это время работали надъ огромнѣйшимъ котломъ. Рябининъ влѣзъ въ котелъ и полчаса смотрѣлъ, какъ работникъ дер-

житъ заклепку клещами. Вылѣзъ оттуда блѣдный и разстроенный; всю дорогу назадъ молчалъ. А сегодня объявляетъ мнѣ, что уже началъ писать этого рабочаго-глухаря. Что̀ за идея! Что̀ за поэзія въ грязи! Здѣсь я могу сказать, никого и ничего не стѣсняясь, то, чего, конечно, не сказалъ бы при всѣхъ: по-моему, вся эта мужичья полоса въ искусствѣ— чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые рѣпинскіе «Бурлаки»? Написаны они прекрасно, нѣтъ спора; но вѣдь и только. Гдѣ здѣсь красота, гармонія, изящное? А не для воспроизведенія ли изящнаго въ природѣ и существуетъ искусство?

То ли дѣло у меня! Еще нѣсколько дней работы, и будетъ кончено мое тихое «майское утро». Чуть колышется вода въ прудѣ, ивы склонили на него свои вѣтви; востокъ загорается; мелкія перистыя облачка окрасились въ розовый цвѣтъ. Женская фигурка идетъ съ крутого берега съ ведромъ за водой, спугивая стаю утокъ. Вотъ и все; кажется, просто, а между тѣмъ я ясно чувствую, что поэзіи въ картинѣ вышло пропасть. Вотъ это—искусство! Оно настраиваетъ человѣка на тихую, кроткую задумчивость, смягчаетъ душу. А рябининскій «Глухарь» ни на кого не подѣйствуетъ уже потому, что всякій постарается поскорѣе убѣжать отъ него, чтобы только не мозолить себѣ глаза этими безобразными тряпками и этой грязной рожей. Странное дѣло! Вѣдь вотъ въ музыкѣ не допускаются рѣжущія ухо, непріятныя созвучія; отчего жъ у насъ въ живописи можно воспроизводить положительно безобразные, отталкивающіе образы? Нужно поговорить объ этомъ съ Л.; онъ напишетъ статейку и, кстати, прокатитъ Рябинина за его картину. И сто̀итъ.

VI.

Рябининъ.

Уже двѣ недѣли, какъ я пересталъ ходить въ академію: сижу дома и пишу. Работа совершенно измучила меня, хотя идетъ успѣшно. Слѣдовало бы сказать не хотя, а тѣмъ болѣе, что идетъ успѣшно. Чѣмъ ближе она подвигается къ концу, тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе кажется мнѣ то, что̀ я написалъ. И кажется мнѣ еще, что это—моя послѣдняя картина.

Вотъ онъ сидитъ передо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. Его совсѣмъ не было

бы видно, если бы не свѣтъ, проходящій сквозь круглыя дыры, просверленныя для заклепокъ. Кружки этого свѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ, на всклоченной и закопченной бородѣ и волосахъ, на багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ, смѣшанный съ грязью, на жилистыхъ надорванныхъ рукахъ и на измученной широкой и впалой груди. Постоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котелъ и заставляетъ несчастнаго глухаря напрягать всѣ свои силы, чтобы удержаться въ своей невѣроятной позѣ. Насколько можно было выразить это напряженное усиліе—я выразилъ.

Иногда я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше отъ картины, прямо противъ нея. Я доволенъ ею; ничто мнѣ такъ не удавалось, какъ эта ужасная вещь. Бѣда только въ томъ, что это довольство не ласкаетъ меня, а мучитъ. Это — не написанная картина, это—созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, я не знаю; но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать. Птицеловы, рыболовы, охотники со всякими экспрессіями и типичнѣйшими физіономіями, вся эта «богатая область жанра»— на что мнѣ теперь она? Я ничѣмъ уже не подѣйствую такъ, какъ этимъ глухаремъ, если только подѣйствую...

Сдѣлалъ опытъ: позвалъ Дѣдова и показалъ ему картину. Онъ сказалъ только: «ну, батенька», и развелъ руками. Усѣлся, смотрѣлъ полчаса, потомъ молча простился и ушелъ. Кажется, подѣйствовало... Но вѣдь онъ все-таки художникъ...

И я сижу передъ своей картиной, и на меня она дѣйствуетъ. Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мнѣ даже слышатся удары молота... Я отъ него сойду съ ума. Нужно его завѣсить.

Полотно покрыло мольбертъ съ картиной, а я все сижу передъ нимъ, думая все о томъ же неопредѣленномъ и страшномъ, что̀ такъ мучитъ меня. Солнце заходитъ и бросаетъ косую желтую полосу свѣта сквозь пыльныя стекла на мольбертъ, завѣшанный холстомъ. Точно человѣческая фигура. Точно духъ земли въ «Фаустѣ», какъ его изображаютъ нѣмецкіе актеры.

... Wer ruft mich?

Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-нибудь «сферы», а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него

на эти фраки и трэны, крикни имъ: я—язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое...

Да, какъ бы не такъ!.. Картина кончена, вставлена въ золотую рамку, два сторожа потащатъ ее на головахъ въ академію на выставку. И вотъ она стоитъ среди «полдней» и «закатовъ», рядомъ съ «дѣвочкой съ кошкой», недалеко отъ какого-нибудь трехсаженнаго «Іоанна Грезнаго, вонзающаго посохъ въ ногу Васьки Шибанова». Нельзя сказать, чтобы на нее не смотрѣли; будутъ смотрѣть и даже хвалить. Художники начнутъ разбирать рисунокъ. Рецензенты, прислушиваясь къ нимъ, будутъ чиркать карандашиками въ своихъ записныхъ книжкахъ. Одинъ г. В. С. выше заимствованій; онъ смотритъ, одобряетъ, превозноситъ, пожимаетъ мнѣ руку. Художественный критикъ Л. съ яростью набросится на бѣднаго глухаря, будетъ кричать: но гдѣ же тутъ изящное, скажите, гдѣ тутъ изящное? И разругаетъ меня на всѣ корки. Публика... Публика проходитъ мимо безстрастно или съ непріятной гримасой; дамы — тѣ только скажутъ: «ah, comme il est laid ce глухарь», и поплывутъ къ слѣдующей картинѣ, къ «дѣвочкѣ съ кошкой», смотря на которую, скажутъ: «очень, очень мило», или что-нибудь подобное. Солидные господа съ бычьими глазами поглазѣютъ, потупятъ взоры въ каталогъ, испустятъ не то мычанье, не то сопѣнье и благополучно прослѣдуютъ далѣе. И развѣ только какой-нибудь юноша или молодая дѣвушка остановятся со вниманіемъ и прочтутъ въ измученныхъ глазахъ, страдальчески смотрящихъ съ полотна, вопль, вложенный мною въ нихъ.

Ну, а дальше? Картина выставлена, куплена и увезена. Что жъ будетъ со мною? То, что я пережилъ въ послѣдніе дни, погибнетъ ли безслѣдно? Кончится ли все только однимъ волненіемъ, послѣ котораго наступитъ отдыхъ съ исканіемъ невинныхъ сюжетовъ?.. Невинные сюжеты! Вдругъ вспомнилось мнѣ, какъ одинъ знакомый хранитель галлереи, составляя каталогъ, кричалъ писцу:

— Мартыновъ, пиши, № 112. Первая любовная сцена: дѣвушка срываетъ розу.

— Мартыновъ, еще пиши, № 113. Вторая любовная сцена: дѣвушка нюхаетъ розу.

Буду ли я попрежнему нюхать розу? Или сойду съ рельсовъ?

VII.

Дѣдовъ.

Рябининъ почти кончилъ своего «глухаря» и сегодня позвалъ меня посмотрѣть. Я шелъ къ нему съ предвзятымъ мнѣніемъ и, нужно сказать, долженъ былъ измѣнить его. Очень сильное впечатлѣніе. Рисунокъ прекрасный. Лѣпка рельефная. Лучше всего это фантастическое и въ то же время высоко-истинное освѣщеніе. Картина, безъ сомнѣнія, была бы съ достоинствами, если бы только не этотъ странный и дикій сюжетъ. Л. совершенно согласенъ со мною, и на будущей недѣлѣ въ газетѣ появится его статья. Посмотримъ, что̀ скажетъ тогда Рябининъ. Л—у, конечно, будетъ трудно разобрать его картину со стороны техники, но онъ сумѣетъ коснуться ея значенія, какъ произведенія искусства, которое не терпитъ, чтобъ его низводили до служенія какимъ-то низкимъ и туманнымъ идеямъ.

Сегодня Л. былъ у меня. Очень хвалилъ. Сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно разныхъ мелочей, но въ общемъ очень хвалилъ. Если бы профессора взглянули на мою картину его глазами! Неужели я не получу наконецъ того, къ чему стремится каждый ученикъ академіи—золотой медали? Медаль, четыре года жизни за границей, да еще на казенный счетъ, впереди—профессура... Нѣтъ, я не ошибся, бросивъ эту печальную будничную работу, грязную работу, гдѣ на каждомъ шагу натыкаешься на какого-нибудь рябининскаго глухаря.

VIII.

Рябининъ.

Картина продана и увезена въ Москву. Я получилъ за нее деньги и, по требованію товарищей, долженъ былъ устроить имъ увеселеніе въ «Вѣнѣ». Не знаю, съ какихъ поръ это повелось, но почти всѣ пирушки молодыхъ художниковъ происходятъ въ угольномъ кабинетѣ этой гостиницы. Кабинетъ этотъ — большая, высокая комната съ люстрой, съ бронзовыми канделябрами, съ коврами и мебелью, почернѣвшими отъ времени и табачнаго дыма, съ роялемъ, много потрудившимся на своемъ вѣку подъ разгулявшимися пальцами импровизированныхъ піанистовъ; одно только огромное зеркало ново, потому что оно перемѣняется дважды или трижды въ годъ, всякій разъ какъ

вмѣсто художниковъ въ угольномъ кабинетѣ кутятъ купчики.

Собралась цѣлая куча народа: жанристы, пейзажисты и скульпторы, два рецензента изъ какихъ-то маленькихъ газетъ, нѣсколько постороннихъ лицъ. Начали пить и разговаривать. Черезъ полчаса всѣ уже говорили разомъ, потому что всѣ были навеселѣ. И я тоже. Помню, что меня качали, и я говорилъ рѣчь. Потомъ цѣловался съ рецензентомъ и пилъ съ нимъ брудершафтъ. Пили, говорили и цѣловались много и разошлись по домамъ въ четыре часа утра. Кажется, двое расположились на ночлегъ въ томъ же угольномъ номерѣ гостиницы «Вѣна».

Я едва добрался домой и нераздѣтый бросился на постель, при чемъ испыталъ что-то въ родѣ качки на кораблѣ: казалось, что комната качается и кружится вмѣстѣ съ постелью и со мною. Это продолжалось минуты двѣ; потомъ я уснулъ.

Уснулъ, спалъ и проснулся очень поздно. Голова болитъ; въ тѣло точно свинцу налили. Я долго не могу раскрыть глазъ, а когда раскрываю ихъ, то вижу мольбертъ—пустой, безъ картины. Онъ напоминаетъ мнѣ о пережитыхъ дняхъ, и вотъ все снова, сначала... Ахъ, Боже мой, да надо же это кончить!

Голова болитъ больше и больше, туманъ наплываетъ на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мертвая ли тишина вокругъ меня, или оглушительный шумъ, хаосъ звуковъ, необыкновенный, страшный для уха. Можетъ-быть, это и тишина, но въ ней что-то звонитъ и стучитъ, вертится и летаетъ. Точно огромный тысячесильный насосъ, выкачивающій воду изъ бездонной пропасти, качается и шумитъ, и слышатся глухіе раскаты падающей воды и удары машины. И надъ всѣмъ этимъ одна нота, безконечная, тянущаяся, томящая. И мнѣ хочется открыть глаза, встать, подойти къ окну, раскрыть его, услышать живые звуки, человѣческій голосъ, стукъ дрожекъ, собачій лай, и избавиться отъ этого вѣчнаго гама. Но силъ нѣтъ. Я вчера былъ пьянъ. И я долженъ лежать и слушать, слушать безъ конца.

И я просыпаюсь и снова засыпаю. Снова стучитъ и гремитъ гдѣ-то рѣзче, ближе и опредѣленнѣе. Удары приближаются и бьютъ вмѣстѣ съ моимъ пульсомъ. Во мнѣ они, въ моей головѣ, или внѣ меня? Звонко, рѣзко, четко... разъ-два, разъ-два... Бьетъ по металлу и еще по чему-то. Я слышу ясно удары по чугуну; чугунъ гудитъ и дрожитъ. Молотъ сначала тупо звякаетъ, какъ будто падаетъ въ вязкую массу,

а потомъ бьетъ звонче и звонче, и наконецъ, какъ колоколъ, гудитъ огромный котелъ. Потомъ остановка, потомъ снова тихо; громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звонъ. Да, это такъ: сначала бьютъ по вязкому, раскаленному желѣзу, а потомъ оно застываетъ. И котелъ гудитъ, когда головка заклепки уже затвердѣла. Понялъ. Но тѣ, другіе звуки... Что̀ это такое? Я стараюсь понять, что̀ это такое, но дымка застилаетъ мнѣ мозгъ. Кажется, что такъ легко припомнить, такъ и вертится въ головѣ, мучительно-близко вертится, а что̀ именно—не знаю. Никакъ не схватить... Пусть стучитъ, оставимъ это. Я знаю, но только не помню.

И шумъ увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до мучительно-чудовищныхъ размѣровъ, то будто бы совсѣмъ исчезая. И кажется мнѣ, что не онъ исчезаетъ, а я самъ въ это время исчезаю куда-то, не слышу ничего, не могу шевельнуть пальцемъ, поднять вѣки, крикнуть. Оцѣпенѣніе держитъ меня, и ужасъ охватываетъ меня, и я просыпаюсь весь въ жару. Просыпаюсь не совсѣмъ, а въ какой-то другой сонъ. Чудится мнѣ, что я опять на заводѣ, только не на томъ, гдѣ былъ съ Дѣдовымъ. Этотъ гораздо громаднѣе и мрачнѣе. Со всѣхъ сторонъ гигантскія печи, чудной, невиданной формы. Снопами вылетаетъ изъ нихъ пламя и коптитъ крышу и стѣну зданія, уже давно черныя, какъ уголь. Машины качаются и визжатъ, и я едва прохожу между вертящимися колесами и бѣгущими и дрожащими ремнями; нигдѣ ни души. Гдѣ-то стукъ и грохотъ: тамъ-то идетъ работа. Тамъ неистовый крикъ и неистовые удары; мнѣ страшно итти туда, но меня подхватываетъ и несетъ, и удары все громче, и крики страшнѣе. И вотъ все сливается въ ревъ, и я вижу... Вижу: странное, безобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьетъ, кто чѣмъ попало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остервенѣлыми лицами колотятъ молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это—все онъ же... Я кидаюсь впередъ, хочу крикнуть: «Перестаньте! За что̀!» И вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ, другой я самъ, замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ.

Тогда молотъ опустился на мой черепъ. Все исчезло; нѣкоторое время я сознавалъ еще мракъ, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и самъ исчезъ куда-то...

Рябининъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ до самаго вечера. Наконецъ хозяйка-чухонка, вспомнивъ, что жилецъ сегодня не выходилъ изъ комнаты, догадалась войти къ нему и, увидѣвъ бѣднаго юношу разметавшимся въ сильнѣйшемъ жару и бормотавшаго всякую чепуху, испугалась, испустила какое-то восклицаніе на своемъ непонятномъ діалектѣ и послала дѣвочку за докторомъ. Докторъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ, пощупалъ, послушалъ, помычалъ, присѣлъ къ столу и, прописавъ рецептъ, уѣхалъ, а Рябининъ продолжалъ бредить и метаться.

IX.

Дѣдовъ.

Бѣдняга Рябининъ заболѣлъ послѣ вчерашняго кутежа. Я заходилъ къ нему и засталъ его лежащимъ безъ памяти. Хозяйка ухаживаетъ за нимъ. Я долженъ былъ дать ей денегъ, потому что въ столѣ у Рябинина не оказалось ни копейки; не знаю, стащила ли все проклятая баба, или, можетъ-быть, все осталось въ «Вѣнѣ». Правда, кутнули вчера порядочно; было очень весело; мы съ Рябининымъ пили брудершафтъ. Я пилъ также съ Л. Прекрасная душа этотъ Л. и какъ понимаетъ искусство! Въ своей послѣдней статьѣ онъ такъ тонко понялъ, что я хотѣлъ сказать своей картиной, какъ никто, за что я ему глубоко благодаренъ. Нужно бы написать маленькую вещицу, такъ что-нибудь à la Клеверъ, и подарить ему. Да кстати его зовутъ Александръ; не завтра ли его именины?

Однако бѣдному Рябинину можетъ притти очень плохо; его большая конкурсная картина еще далеко не кончена, а срокъ уже не за горами. Если онъ проболѣетъ съ мѣсяцъ, то не получитъ медали. Тогда — прощай заграница! Я очень радъ одному, что, какъ пейзажистъ, не соперничаю съ нимъ; а его товарищи, должно-быть, таки потираютъ руки. И то сказать: однимъ мѣстомъ больше.

А Рябинина нельзя бросить на произволъ судьбы: нужно свезти его въ больницу.

X.

Рябининъ.

Сегодня, очнувшись послѣ многихъ дней безпамятства, я долго соображалъ, гдѣ я. Сначала даже не могъ понять, что этотъ длинный бѣлый свертокъ, лежащій передъ моими гла-

зами—мое собственное тѣло, обернутое одѣяломъ. Съ большимъ трудомъ повернувъ голову направо и налѣво, отчего у меня зашумѣло въ ушахъ, я увидѣлъ слабо освѣщенную длинную палату съ двумя рядами постелей, на которыхъ лежали закутанныя фигуры больныхъ, какого-то рыцаря въ мѣдныхъ доспѣхахъ, стоявшаго между большихъ оконъ съ спущенными бѣлыми шторами и оказавшагося просто огромнымъ мѣднымъ умывальникомъ, образъ Спасителя въ углу съ слабо теплившеюся лампадкою, двѣ колоссальныя кафельныя печи. Услышалъ я тихое, прерывистое дыханіе сосѣда, клокотавшіе вздохи больного, лежавшаго гдѣ-то подальше, еще чье-то мирное сопѣнье и богатырскій храпъ сторожа, вѣроятно, приставленнаго дежурить у постели опаснаго больного, который, можетъ-быть, живъ, а можетъ-быть, уже и умеръ и лежитъ здѣсь такъ же, какъ и мы, живые.

Мы, живые... «Живъ»,—подумалъ я и даже прошепталъ это слово. И вдругъ то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывалъ съ самаго дѣтства, нахлынуло на меня вмѣстѣ съ сознаніемъ, что я далекъ отъ смерти, что впереди еще цѣлая жизнь, которую я, навѣрно, сумѣю повернуть по-своему (о! навѣрно, сумѣю), и я, хотя съ трудомъ, повернулся на бокъ, поджалъ ноги, подложилъ ладонь подъ голову и заснулъ, точно такъ, какъ въ дѣтствѣ, когда, бывало, проснешься ночью возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ и въ трубѣ жалобно воетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сонъ поцѣлуетъ и перекреститъ, и, успокоенный, свертываешься колачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ...

Боже мой, какъ я ослабѣлъ! Сегодня попробовалъ встать и пройти отъ своей кровати къ кровати моего сосѣда напротивъ, какого-то студента, выздоравливающаго отъ горячки, и едва не свалился на полдорогѣ. Но голова поправляется скорѣе тѣла. Когда я очнулся, я почти ничего не помнилъ, и приходилось съ трудомъ вспоминать даже имена близкихъ знакомыхъ. Теперь все вернулось, но не какъ прошлая дѣйствительность, а какъ сонъ. Теперь онъ меня не мучитъ, нѣтъ. Старое прошло безвозвратно.

Дѣдовъ сегодня притащилъ мнѣ цѣлый ворохъ газетъ, въ которыхъ расхваливаются мой «Глухарь» и его «Утро». Одинъ только Л. не похвалилъ меня. Впрочемъ, теперь это все равно. Это такъ далеко, далеко отъ меня. За Дѣдова я

очень радъ; онъ получилъ большую золотую медаль и скоро уѣзжаетъ за границу. Доволенъ и счастливъ невыразимо; лицо сіяетъ, какъ масляный блинъ. Онъ спросилъ меня: намѣренъ ли я конкурировать въ будущемъ году, послѣ того, какъ теперь мнѣ помѣшала болѣзнь? Нужно было видѣть, какъ онъ вытаращилъ глаза, когда я сказалъ ему «нѣтъ».

— Серьезно?

— Совершенно серьезно,—отвѣтилъ я.

— Что же вы будете дѣлать?

— А вотъ посмотрю.

Онъ ушелъ отъ меня въ совершенномъ недоумѣніи.

XI.

Дѣдовъ.

Эти двѣ недѣли я прожилъ въ туманѣ, волненіи, нетерпѣніи, и успокоился только сейчасъ, сидя въ вагонѣ Варшавской желѣзной дороги. Я самъ себѣ не вѣрю: я—пенсіонеръ академіи, художникъ, ѣдущій на четыре года за границу совершенствоваться въ искусствѣ! Vivat Academia!

Но Рябининъ, Рябининъ! Сегодня я видѣлся съ нимъ на улицѣ, усаживаясь въ карету, чтобы ѣхать на вокзалъ. «Поздравляю, говоритъ, и меня тоже поздравьте».

— Съ чѣмъ это?

— Сейчасъ только выдержалъ экзаменъ въ учительскую семинарію.

Въ учительскую семинарію!! Художникъ, талантъ! Да онъ пропадетъ, погибнетъ въ деревнѣ. Ну, не сумасшедшій ли это человѣкъ?

На этотъ разъ Дѣдовъ былъ правъ: Рябининъ, дѣйствительно, не преуспѣвалъ. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

НОЧЬ.

I.

Карманные часы, лежавшіе на письменномъ столѣ, торопливо и однообразно пѣли двѣ нотки. Разницу между этими нотами трудно уловить даже тонкимъ ухомъ, а ихъ хозяину, блѣдному господину, сидѣвшему передъ этимъ столомъ, постукиванье часовъ казалось цѣлою пѣснью.

«Эта пѣсня безотрадна и уныла,— говорилъ самъ съ собой блѣдный человѣкъ:— само время напѣваетъ ее и, какъ будто бы въ назиданіе мнѣ, напѣваетъ такъ удивительно однообразно. Три, четыре, десять лѣтъ тому назадъ часы стучали точно такъ же, какъ и теперь, и черезъ десять лѣтъ будутъ стучать точно такъ же... совершенно точно такъ же».

И блѣдный человѣкъ бросилъ на нихъ мутный взглядъ и сейчасъ же отвелъ глаза туда, куда, ничего не видя, смотрѣлъ раньше.

«Подъ тактъ ихъ хода прошла вся жизнь съ своимъ кажущимся разнообразіемъ: съ горемъ и радостью, съ отчаяньемъ и восторгомъ, съ ненавистью и любовью. И только теперь, въ эту ночь, когда все спитъ въ огромномъ городѣ и въ огромномъ домѣ, и когда нѣтъ никакихъ звуковъ, кромѣ біенія сердца да постукиванья часовъ, только теперь вижу я, что всѣ эти огорченія, радости, восторги и все случившееся въ жизни—все это безтѣлесные призраки. Одни — за которыми я гонялся, не зная зачѣмъ; другіе— отъ которыхъ бѣгалъ, не зная почему. Я не зналъ тогда, что въ жизни есть только одно дѣйствительно существующее — время. Время, идущее безпощадно ровно, не останавливаясь тамъ, гдѣ хотѣлъ бы остановиться подольше несчастный, живущій минутою человѣкъ, и не прибавляю-

щее шага ни на іоту даже тогда, когда дѣйствительность такъ тяжела, что хотѣлось бы сдѣлать ее прошедшимъ сномъ; время, знающее только одну пѣсню, ту, которую я слышу теперь такъ мучительно отчетливо».

Онъ думалъ это, а часы все стучали и стучали, назойливо повторяя вѣчную пѣсенку времени. Многое напоминала ему эта пѣсня.

«Право, странно. Я знаю, бываетъ, что какой-нибудь особенный запахъ, или предметъ необыкновенной формы, или рѣзкій мотивъ вызываютъ въ памяти цѣлую картину изъ давно пережитаго. Я помню: умиралъ при мнѣ человѣкъ; шарманщикъ-итальянецъ остановился передъ раскрытымъ окномъ, и въ ту самую минуту, когда больной уже сказалъ свои послѣднія безсвязныя слова и, закинувъ голову, хрипѣлъ въ агоніи, раздался пошлый мотивъ изъ «Марты»:

У дѣвицъ
Есть для птицъ
Стрѣлы каленыя...

«И съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда мнѣ случается услышать этотъ мотивъ,—а я и до сихъ поръ слышу его иногда: пошлости долго не умираютъ — передъ моими глазами тотчасъ же является измятая подушка и на ней блѣдное лицо. Когда же я вижу похороны, маленькая шарманка тотчасъ начинаетъ наигрывать мнѣ на ухо:

У дѣвицъ есть для птицъ...

«Фу, гадость какая!.. Да, о чемъ, бишь, я началъ думать? Вотъ, вотъ: отчего часы, къ звуку которыхъ, кажется, давно бы пора было привыкнуть, напоминаютъ мнѣ такъ много? Всю жизнь. «Помни, помни, помни»... Помню! Даже слишкомъ хорошо помню, даже то, что̀ лучше бы не вспоминать. Отъ этихъ воспоминаній искажается лицо, кулакъ сжимается и бѣшено бьетъ по столу... Вотъ теперь ударъ заглушилъ пѣсню часовъ, и одно мгновенье я не слышу ея, но только одно мгновенье, послѣ котораго снова раздается дерзко, назойливо и упрямо: «Помни, помни, помни...»

«О, да, я помню. Мнѣ не нужно напоминать. Вся жизнь— вотъ она, какъ на ладони. Есть чѣмъ полюбоваться!»

Онъ крикнулъ это вслухъ надорваннымъ голосомъ; ему сжимало горло. Онъ думалъ, что видѣлъ всю свою жизнь; онъ вспомнилъ рядъ безобразныхъ и мрачныхъ картинъ, дѣйствующимъ лицомъ которыхъ былъ самъ; вспомнилъ всю

грязь своей жизни, перевернулъ всю грязь своей души, не нашелъ въ ней ни одной чистой и свѣтлой частицы и былъ увѣренъ, что, кромѣ грязи, въ его душѣ ничего не осталось.

— Не только не осталось, но никогда ничего и не было,— поправился онъ.

Слабый, робкій голосъ откуда-то изъ далекаго уголка его души сказалъ ему:

— Полно, не было ли?

Онъ не разслышалъ этого голоса—или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ передъ самимъ собою видъ, что не разслышалъ его, и продолжалъ терзать себя.

«Все перебралъ я въ своей памяти, и кажется мнѣ, что я правъ, что остановиться не на чемъ, некуда поставить ногу, чтобы сдѣлать первый шагъ впередъ. Куда впередъ? Не знаю, только вонъ изъ этого заколдованнаго круга. Въ прошломъ нѣтъ опоры, потому что все ложь, все обманъ. И лгалъ, и обманывалъ я самъ и самого себя, не оглядываясь. Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачомъ, разсказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то «тамъ», не «получены», но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво. Я всю жизнь должалъ самому себѣ. Теперь насталъ срокъ расчета— и я банкротъ, злостный, завѣдомый...»

Онъ передумывалъ эти слова даже съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ. Онъ какъ будто бы гордился ими. Онъ не замѣчалъ, что, называя всю свою жизнь обманомъ и смѣшивая себя съ грязью, онъ и теперь лгалъ тою же худшею въ мірѣ ложью, ложью самому себѣ. Потому что на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не цѣнилъ себя такъ низко. Пусть кто-нибудь сказалъ бы ему даже десятую часть того, что онъ самъ наговорилъ на себя въ этотъ долгій вечеръ— и на его лицѣ выступила бы краска не стыда отъ сознанія правды упрека, а гнѣва. И онъ сумѣлъ бы отвѣтить обидчику, задѣвшему его гордость, которую теперь онъ самъ, повидимому, такъ безжалостно топталъ.

Самъ ли онъ? Онъ дошелъ до такого состоянія, что уже не могъ сказать о себѣ: я самъ. Въ его душѣ говорили какіе-то голоса: говорили они разное, и какой изъ этихъ голосовъ, принадлежалъ именно ему, его «я», онъ не могъ понять. Первый голосъ его души, самый ясный, бичевалъ его определенными, даже красивыми фразами. Второй голосъ, неясный, но привязчивый и настойчивый, иногда заглушалъ первый. «Не казнись,—говорилъ онъ: — зачѣмъ?

Лучше обманывай до конца, обмани всѣхъ. Сдѣлай изъ себя для другихъ не то, что̀ ты есть, и будетъ тебѣ хорошо». Былъ еще третій голосъ, тотъ самый, что̀ спрашивалъ: «полно, не было ли?», но этотъ голосъ говорилъ робко и едва слышно. Да онъ и не старался разслышать его.

«Обмани всѣхъ... Сдѣлай изъ себя не то, что̀ ты есть... Да развѣ я не старался дѣлать это всю жизнь? Развѣ я не обманывалъ, развѣ не разыгрывалъ роль изъ фарса? И развѣ вышло «хорошо»? Вышло то, что даже теперь я ломаюсь, какъ актеръ, даже теперь я не то, что̀ я на самомъ дѣлѣ. Правда, развѣ я знаю, что̀ я такое на самомъ дѣлѣ? Я слишкомъ запутался, чтобы знать. Но все равно, я чувствую, что ломаюсь вотъ уже нѣсколько часовъ подърядъ и говорю себѣ жалкія слова, которымъ самъ не вѣрю, говорю даже теперь, передъ смертью. Да неужели же передъ смертью?»

— Да, да, да! — прокричалъ онъ вслухъ, каждый разъ злобно надавливая кулакомъ на край стола: — нужно наконецъ выбраться изъ путаницы. Узелъ завязанъ такъ, что не развяжешь: нужно разрубить его. Зачѣмъ было только тянуть, надрывать себѣ душу, и безъ того изорванную въ отрепье? Зачѣмъ было, разъ рѣшившись, сидѣть истуканомъ съ восьми часовъ вечера до сихъ поръ?

И онъ сталъ торопливо вытаскивать изъ бокового кармана револьверъ.

II.

Онъ дѣйствительно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ съ восьми часовъ вечера до трехъ ночи.

Въ семь часовъ вечера этого послѣдняго дня его жизни онъ вышелъ изъ своей квартиры, нанялъ извозчика, усѣлся, сгорбившись, на саняхъ и поѣхалъ на другой конецъ города. Тамъ жилъ его старый пріятель, докторъ, который, какъ онъ зналъ, сегодня вмѣстѣ съ женою отправлялся въ театръ. Онъ зналъ, что не застанетъ дома хозяевъ, и ѣхалъ вовсе не для того, чтобы повидаться съ ними. Его, навѣрно, впустятъ въ кабинетъ, какъ близкаго знакомаго, а это только и было нужно.

«Да, навѣрно, впустятъ; скажу, что надо написать письмо. Какъ бы только Дуняша не вздумала торчать при мнѣ въ кабинетѣ...»

— Ну, дядя, поѣзжай скорѣе! — крикнулъ онъ извозчику.

Извозчикъ — маленькій, съ сгорбленной старческой спи-

ной, очень худой шеей, обмотанной цвѣтнымъ шарфомъ, вылѣзавшимъ изъ очень широкаго воротника, и съ изжелта-сѣдыми кудрями, выступавшими изъ-подъ огромной круглой шапки, чмокнулъ, задергалъ вожжами, еще разъ чмокнулъ и торопливо заговорилъ разбитымъ голосомъ:

— Доставимъ, батюшка, не сомнѣвайтесь, ваше благородіе. Но, но!.. Ишь, баловница! Эка лошадь, прости Господи! Но! — Онъ хлестнулъ ее кнутомъ, на что она отвѣтила легкимъ движеніемъ хвоста. — Я и радъ угодить, да лошадку-то хозяинъ далъ... просто такая ужъ... Обижаются господа, что̀ тутъ будешь дѣлать! А хозяинъ говоритъ: ты, говоритъ, дѣдушка, старъ, такъ вотъ тебѣ и скотинка старая. Ровесники, говоритъ, будете. А ребята наши смѣются. Рады глотки драть; имъ что̀? Извѣстно, развѣ понимаютъ?

— Не понимаютъ? — спросилъ сѣдокъ, въ это время думавшій о томъ, какъ бы не впустить Дуняшу въ кабинетъ.

— Не понимаютъ, ваше благородіе, не понимаютъ; гдѣ имъ понять! Глупые они, молодые. У насъ во дворѣ одинъ я старикъ. Развѣ можно старика забиждать? Я восьмой десятокъ на свѣтѣ живу, а они зубы скалятъ. Двадцать три года солдатомъ служилъ... Извѣстно, глупые... Ну, старая! Застыла!

Онъ опять хлестнулъ лошадь кнутомъ, но такъ какъ она не обратила на ударъ никакого вниманія, то прибавилъ:

— Что̀ съ ей сдѣлаешь: тоже ужъ двадцать первый годъ, должно, пошелъ. Ишь, хвостомъ трясетъ...

На освѣщенномъ циферблатѣ часовъ, поставленныхъ въ одномъ изъ оконъ огромнаго зданія, стрѣлки показывали половину восьмого.

«Уѣхали ужъ, должно-быть, — подумалъ сѣдокъ про доктора съ женой. — А можетъ-быть, и нѣтъ еще...

— Дѣдушка, не гони, пожалуй! Поѣзжай потише: мнѣ торопиться некуда.

— Извѣстно, батюшка, некуда, — обрадовался старикъ. — Такъ-то лучше, потихоньку. Но, старая!

Ѣхали нѣкоторое время молча. Потомъ старикъ осмѣлѣлъ.

— Ты вотъ мнѣ что̀, баринъ, скажи, — вдругъ заговорилъ онъ, обернувшись къ сѣдоку, при чемъ показалъ свое сморщенное въ кулачокъ лицо съ жиденькой сѣдой бородкой и красными вѣками: — откуда этакая напасть на человѣка? Былъ извозчикъ у насъ, Иваномъ знали. Моло-

дой, годовъ ему двадцать пять, а то и меньше. И кто его знаетъ, съ чего, съ какой-такой причины, наложилъ на себя парень руки?

— Кто? — тихо и хрипло спросилъ сѣдокъ.

— Да Иванъ-то, Иванъ Сидоровъ. Въ извозчикахъ у насъ жилъ. Веселый былъ парень и работящій, прямо тебѣ скажу. То-есть вотъ какой! Ну вотъ, въ понедѣльникъ, поужинали мы, легли спать. А Иванъ не ужинавши легъ. Голову, говоритъ, ломитъ. Спимъ это мы, а онъ ночью всталъ и ушелъ. Только что никто этого не видѣлъ. Пошли утромъ закладывать, а онъ въ конюшнѣ на гвоздѣ. Сбрую съ гвоздя снялъ, возлѣ положилъ — веревку прицѣпилъ... Ахъ Ты, Господи! Такъ это тогда, словно бы по сердцу. И что̀ этому за причина, чтобы извозчикъ повѣсился? Какъ можно это, чтобы извозчику вѣшаться! Дивное дѣло!

— Отчего же? — спросилъ сѣдокъ, откашлявшись и дрожащими руками плотнѣе завертываясь въ шубу.

— Мыслей этихъ самыхъ нѣтъ у него, у извозчика. Работа тяжелая, трудная: утромъ, ни свѣтъ ни заря, закладывай, да со двора. Извѣстно, морозъ, холодъ. Тутъ ему только бы въ трактирѣ погрѣться да выручку исправить, чтобы вполнѣ два двадцать пять, да на квартиру — и спи. Тутъ думать трудно. Вотъ вашему брату, барину, ну, вамъ, извѣстно, всякое въ голову лѣзетъ съ пищи съ этой.

— Съ какой-такой пищи?

— Съ хлѣбовъ съ легкихъ. Потому встанетъ баринъ, надѣнетъ халатъ, чайку попьетъ и давай по комнатѣ ходить. Ходитъ, а грѣхъ-то вокругъ. Видалъ я тоже, знаю. Въ полку было у насъ, въ Тенгинскомъ — на Кавказѣ служилъ тогда — баринъ былъ, поручикъ князь Вихляевъ; въ денщики меня къ нему отдали...

— Стой, стой! — вдругъ заговорилъ сѣдокъ. — Вотъ сюда, къ фонарю. Я тутъ ужъ пѣшкомъ.

— Какъ угодно; пѣшкомъ, такъ пѣшкомъ. Благодарствуйте, ваше благородіе.

Извозчикъ повернулся и исчезъ въ мятели, которая разыгрывалась, а сѣдокъ пошелъ понурою походкою впередъ. Черезъ десять минутъ, поднявшись въ третій этажъ средней руки парадной лѣстницы, онъ позвонилъ у двери, обитой зеленымъ сукномъ и украшенной мѣдною, ярко-вычищенною дощечкою. Безконечно долго тянулись для него нѣсколько минутъ, пока не отворились двери. Тупое забытье охватило его, все исчезло: и мучительное прошлое, и бол-

товня подвыпившаго старика, такъ странно кстати пришедшаяся и заставившая его дойти пѣшкомъ, и даже намѣреніе, съ какимъ онъ явился сюда. Передъ глазами была только зеленая дверь съ черными тесемками, прибитыми бронзовыми гвоздиками, да и во всемъ мірѣ была только одна она.

— Ахъ, Алексѣй Петровичъ!

Это Дуняша отворила дверь со свѣчой въ рукахъ.

— А баринъ съ барыней сейчасъ уѣхали; только-только съ лѣстницы сошли. Какъ это вы не встрѣтили?

— Уѣхали? Экая досада, право! — солгалъ онъ такимъ страннымъ голосомъ, что на лицѣ смотрѣвшей ему въ глаза Дуняши выразилось недоумѣніе: — а мнѣ вѣдь нужно было. Слушайте, Дуняша, я сейчасъ въ кабинетъ къ барину на одну минуту... Можно? — спросилъ онъ даже робкимъ голосомъ: — я сейчасъ, только записку... дѣло такое...

Онъ убѣдительно, съ просьбой въ глазахъ смотрѣлъ на нее, не раздѣваясь и не двигаясь съ мѣста. Дуняша сконфузилась.

— Да что̀ это вы, Алексѣй Петровичъ, развѣ я когда-нибудь... не въ первый разъ! — обиженно сказала она. — Пожалуйте.

«Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ все это, зачѣмъ я все это говорю? Она идетъ-таки за мною. Услать нужно. Куда ее ушлешь? Догадается, навѣрно, догадается; даже ужъ теперь догадалась».

Дуняша ни о чемъ не догадывалась, хотя была до крайности удивлена страннымъ видомъ и поведеніемъ гостя. Она оставалась одна въ цѣлой квартирѣ и была рада побыть хоть пять минутъ съ живымъ человѣкомъ. Поставивъ свѣчу на столъ, она стала у дверей.

«Уйди ты, уйди, ради Бога»,—мысленно взывалъ къ ней Алексѣй Петровичъ.

Онъ сѣлъ къ столу, взялъ листокъ бумаги и началъ придумывать, что̀ бы написать, чувствуя на себѣ взглядъ Дуняши, который, какъ ему казалось, читалъ его мысли.

«Петръ Николаевичъ,—писалъ онъ, останавливаясь послѣ каждаго слова: — я былъ у тебя по очень важному дѣлу, которое...»

— Которое, которое, — шепталъ онъ: — а она все стоитъ и стоитъ. Дуняша! Подите, принесите мнѣ стаканъ воды,— вдругъ громко и рѣзко проговорилъ онъ.

— Извольте, Алексѣй Петровичъ.

Она повернулась и вышла.

Тогда гость поднялся со стула и на цыпочкахъ быстро пошелъ къ дивану, надъ которымъ докторъ повѣсилъ револьверъ и саблю, служившіе ему въ турецкомъ походѣ. Онъ ловко и проворно отстегнулъ клапанъ кобуры, выхватилъ изъ нея револьверъ и сунулъ его въ боковой карманъ шубы, потомъ досталъ изъ мѣшечка, пришитаго къ кобурѣ, нѣсколько патроновъ и тоже сунулъ въ карманъ. Черезъ три минуты стаканъ воды, принесенный Дуняшею, былъ выпитъ, ненаписанное письмо запечатано, и Алексѣй Петровичъ ѣхалъ домой. «Кончать надо, надо кончать!»— вертѣлось у него въ головѣ. Но онъ не сталъ кончать тотчасъ послѣ пріѣзда: войдя въ комнату и заперевъ ее на ключъ, онъ бросился, не раздѣваясь, на кресло, увидѣлъ фотографическую карточку, книгу, рисунокъ обоевъ, услышалъ тиликанье часовъ, забытыхъ имъ на столѣ, и задумался. И просидѣлъ, не шевельнувшись ни однимъ мускуломъ, до глубокой ночи, до той минуты, когда мы его застали.

III.

Револьверъ долго не лѣзъ изъ узкаго кармана; потомъ, когда онъ лежалъ уже на столѣ, оказалось, что всѣ патроны, кромѣ одного, провалились въ маленькую прорѣху. Алексѣй Петровичъ снялъ шубу и взялъ-было ножикъ, чтобы распороть карманъ и вынуть патроны, но опомнился, криво усмѣхнулся однимъ концомъ запекшихся губъ и остановился.

«Зачѣмъ трудиться? Довольно и одного».

— О, да, очень довольно одного этого крохотнаго кусочка, чтобы исчезло все и навсегда. Весь міръ исчезнетъ: не будетъ ни сожалѣній, ни уязвленнаго самолюбія, ни упрека самому себѣ, ни людей, ненавидящихъ и притворяющихся добрыми и простыми, людей, которыхъ видишь насквозь и презираешь и передъ которыми все-таки притворяешься любящимъ и желающимъ добра. Не будетъ обмана себя и другихъ, будетъ правда, вѣчная правда несуществованія.

Онъ услышалъ свой голосъ; онъ уже не думалъ, а говорилъ вслухъ. И то, что̀ онъ сказалъ, показалось ему отвратительнымъ.

— Опять то же... Умираешь, убиваешь себя — и тутъ нельзя обойтись безъ разговоровъ. Для кого, передъ кѣмъ рисуешься? Передъ самимъ собою. Ахъ, довольно, довольно... — повторялъ онъ измученнымъ, упавшимъ голосомъ, и дрожащими руками старался открыть непослушный затворъ револьвера.

Затворъ послушался, наконецъ открылся; намазанный саломъ патронъ вошелъ въ отверстіе барабана; курокъ взвелся будто самъ собою. Ничто не могло помѣшать смерти: револьверъ былъ образцовый, офицерскій, дверь была заперта, и никто не могъ войти.

— Ну-съ, Алексѣй Петровичъ! — сказалъ онъ, крѣпко сжавъ рукоятку.

«А письмо? — вдругъ мелькнуло въ его головѣ. — Неужели умереть, не оставивъ ни строчки?»

«Зачѣмъ, для кого? Вѣдь все исчезнетъ, ничего не будетъ: какое же мнѣ дѣло...»

«Такъ-то оно такъ. А все-таки напишу. Неужели не высказаться хоть одинъ разъ совершенно свободно, не стѣсняясь ничѣмъ, а главное — собою. Вѣдь это рѣдкій, очень рѣдкій случай, единственный».

Онъ положилъ револьверъ, вынулъ изъ ящика тетрадку почтовой бумаги и, перемѣнивъ нѣсколько перьевъ, которыя не писали, а ломались и портили бумагу, и испортивъ нѣсколько листовъ, наконецъ, вывелъ: «Петербургъ, 28-го ноября 187*». Потомъ рука сама побѣжала по бумагѣ, выводя слова и фразы, которыя онъ и самъ врядъ ли понималъ тогда.

Онъ писалъ, что умираетъ спокойно, потому что жалѣть нечего: жизнь есть сплошная ложь; что люди, которыхъ онъ любилъ — если только онъ дѣйствительно любилъ кого-нибудь, а не притворялся передъ самимъ собою, что любитъ — не въ состояніи удержать его жить, потому что «выдохлись». Да и не выдохлись, «нечему было выдыхаться», а просто потеряли для него интересъ, разъ онъ понялъ ихъ. Что онъ понялъ и себя, понялъ, что и въ немъ, кромѣ лжи, ничего нѣтъ и не было; что если онъ сдѣлалъ что-нибудь въ своей жизни, то не изъ желанія добра, а изъ тщеславія, что онъ не дѣлалъ злыхъ и нечестныхъ поступковъ не по неимѣнію злыхъ качествъ, а изъ малодушнаго страха передъ людьми. Что тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ себя хуже «васъ, остающихся лгать до конца дней своихъ», и не проситъ у нихъ прощенія, а умираетъ съ презрѣніемъ къ людямъ, не меньшимъ, чѣмъ къ самому себѣ. И жестокая, безсмысленная фраза сорвалась въ концѣ письма:

«Прощайте, люди! Прощайте, кровожадныя, кривляющіяся обезьяны!»

Нужно было только подписать письмо. Но когда онъ кончилъ писать, онъ почувствовалъ, что ему жарко; кровь

прихлынула къ головѣ и застучала въ вспотѣвшихъ вискахъ. И, забывъ о револьверѣ и о томъ, что, избавившись отъ жизни, онъ избавится и отъ жара, онъ всталъ, подошелъ къ окну и отперъ форточку. Дымящаяся морозная струя пахнула на него. Снѣгъ пересталъ итти, небо было чисто; на другой сторонѣ улицы ослѣпительно бѣлый садъ, окутанный инеемъ, сверкалъ подъ луннымъ свѣтомъ. Нѣсколько звѣздъ смотрѣло изъ далекаго чистаго неба, одна изъ нихъ была ярче всѣхъ и горѣла красноватымъ сіяніемъ.

— Арктуръ,—прошепталъ Алексѣй Петровичъ.—Сколько лѣтъ я не видалъ этого Арктура? Еще въ гимназіи, когда учился...

Ему не хотѣлось отвести глазъ отъ звѣзды. Кто-то быстро прошелъ по улицѣ, сильно стуча озябшими ногами по плитамъ панели и ежась въ холодномъ пальто; карета провизжала колесами по подмерзшему снѣгу; проѣхалъ извозчикъ съ толстымъ бариномъ, а Алексѣй Петровичъ все стоялъ, какъ застывшій.

— Нужно же! — сказалъ онъ себѣ наконецъ.

Онъ пошелъ къ столу. Отъ окна до стола было всего двѣ сажени, но ему казалось, что онъ шелъ очень долго. Когда, подойдя, онъ уже взялъ револьверъ, въ открытое окно раздался далекій, но ясный, дрожащій звукъ колокола.

— Колоколъ! — сказалъ Алексѣй Петровичъ, удивившись, и, положивъ револьверъ снова на столъ, сѣлъ въ кресло.

IV.

— Колоколъ!—повторилъ онъ.—Зачѣмъ колоколъ? Благовѣстятъ, что ли? На молитву... Церковь... духота. Восковыя свѣчи. Старенькій попъ, отецъ Михаилъ, служитъ жалобнымъ, надтреснутымъ голоскомъ; дьячокъ баситъ. Хочется спать; въ окна едва брезжится разсвѣтъ. Отецъ, стоящій рядомъ со мной, склоня голову, дѣлаетъ торопливые маленькіе кресты; въ толпѣ мужиковъ и бабъ сзади насъ поминутные земные поклоны.... Какъ давно это было!.. Такъ давно, что не вѣрится, что это была дѣйствительность, что самъ когда-то видѣлъ, а не прочиталъ гдѣ-нибудь, или не слышалъ отъ кого-нибудь. Нѣтъ, нѣтъ, было это все, и тогда было лучше. Да и не только лучше, а хорошо было. Если бы теперь такъ, не нужно бы ѣздить за револьверомъ.

— Кончай! — шептала ему мысль.

Онъ посмотрѣлъ на револьверъ и протянулъ къ нему руку, но тотчасъ же отвелъ ее назадъ.

— Струсилъ? — шепнула ему мысль.

— Нѣтъ, не струсилъ; тутъ не то. Страшнаго ужъ ничего нѣтъ. Но колоколъ — зачѣмъ онъ?

Онъ взглянулъ на часы.

— Это къ заутренѣ, должно-быть. Пойдутъ люди въ церковь: многимъ изъ нихъ станетъ легче. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ. Впрочемъ, помню, и мнѣ легче становилось. Мальчикомъ былъ тогда. Потомъ это прошло, погибло. И легче мнѣ не становилось уже ни отъ чего. Это правда.

— Правда! Нашлась правда въ такую минуту!

А минута казалась неизбѣжной. Онъ медленно повернулъ голову и опять посмотрѣлъ на револьверъ. Револьверъ былъ большой, казеннаго образца, системы Смита и Вессона, когда-то вороненный, но теперь побѣлѣвшій отъ долгихъ скитаній въ кобурѣ доктора. Онъ лежалъ на столѣ ручкою къ Алексѣю Петровичу, которому были видны потертое дерево ручки съ кольцомъ для шнурка, кусокъ барабана съ взведеннымъ куркомъ, да кончикъ ствола, глядѣвшій въ стѣну.

— Вотъ тамъ смертъ. Нужно взять, повернуть кругомъ...

На улицѣ было тихо: никто не ѣхалъ и не шелъ мимо. И изъ этой тишины издалека раздался другой ударъ колокола; волны звука ворвались въ открытое окно и дошли до Алексѣя Петровича. Онѣ говорили чужимъ ему языкомъ, но говорили что-то большое, важное и торжественное. Ударъ раздался за ударомъ, и когда колоколъ прозвучалъ послѣдній разъ и звукъ, дрожа, разошелся въ пространствѣ, Алексѣй Петровичъ точно потерялъ что-то.

Колоколъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ напомнилъ запутавшемуся человѣку, что есть еще что-то, кромѣ своего собственнаго узкаго мірка, который его измучилъ и довелъ до самоубійства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминанія, отрывочныя, безсвязныя и всѣ какъ будто совершенно новыя для него. Въ эту ночь онъ многое уже передумалъ и многое вспомнилъ, и воображалъ, что вспомнилъ всю свою жизнь, что ясно видѣлъ самого себя. Теперь онъ почувствовалъ, что въ немъ есть и другая сторона, та самая, о которой говорилъ ему робкій голосъ его души.

V.

«Помнишь ли ты себя маленькимъ ребенкомъ, когда ты жилъ съ отцомъ въ глухой, забытой деревушкѣ? Онъ былъ несчастный человѣкъ, твой отецъ, и любилъ тебя больше

всего на свѣтѣ. Помнишь, какъ вы сидѣли вдвоемъ въ долгіе зимніе вечера, онъ — за счетами, ты — за книжкой? Сальная свѣча горѣла краснымъ пламенемъ, понемногу тускнѣя, пока ты, вооружась щипцами, не снималъ съ нея нагаръ. Это было твоею обязанностью, и ты такъ важно исполнялъ ее, что отецъ всякій разъ поднималъ глаза съ большой «хозяйственной» книги и съ своей обычной печальной и ласковой улыбкой посматривалъ на тебя. Ваши глаза встрѣчались.

«— Я, папа, вонъ ужъ сколько прочиталъ,—говорилъ ты и показывалъ прочитанныя страницы, зажавъ ихъ пальцами.

«— Читай, читай, дружокъ!—одобрялъ отецъ и снова погружался въ счеты.

«Онъ позволялъ тебѣ читать все, потому что только доброе осядетъ въ душѣ его милаго мальчика. И ты читалъ и читалъ, ничего не понимая въ разсужденіяхъ и ярко, хотя по-своему, по-дѣтски, воспринимая образы.

«Да, тогда все казалось тѣмъ, какъ оно казалось. Красное такъ и было красное, а не отражающее красные лучи. Тогда не было для впечатлѣній готовыхъ формъ — идей, въ которыя человѣкъ выливаетъ все ощущаемое, не заботясь о томъ, годна ли форма, не дала ли она трещины. И если любилъ кого-нибудь, то зналъ, что любишь; въ этомъ не бывало сомнѣній».

Красивое насмѣшливое лицо взглянуло ему въ глаза и исчезло.

«А эта? Тоже любилъ ее? Нечего сказать, поиграли въ чувство довольно. А вѣдь искренно, казалось, говорилъ и думалъ тогда... Мученья сколько было! И когда счастье пришло, оно казалось вовсе не счастьемъ, и если бы я тогда въ самомъ дѣлѣ могъ приказать времени: «подожди, постой, здѣсь хорошо», то я еще подумалъ бы — приказывать или нѣтъ. А потомъ, и очень скоро, понадобилось уже гнать время впередъ... Да не думать же теперь объ этомъ! Нужно думать о томъ, что̀ было, а не о томъ, что̀ казалось».

А было очень немного: только одно дѣтство. И отъ него-то въ памяти остались одни безсвязные клочки, которые Алексѣй Петровичъ сталъ съ жадностью собирать.

Помнится ему маленькій домикъ, спальня, въ которой онъ спалъ противъ отца. Помнится красный коверъ, висѣвшій надъ отцовской постелью; каждый вечеръ, засыпая, онъ смотрѣлъ на этотъ коверъ и находилъ въ его причудливыхъ узорахъ все новыя фигуры: цвѣты, звѣрей, птицъ, человѣческія лица. Помнится утро съ запахомъ соломы, ко-

торою топили домъ. Николай, малый, уже натащилъ полную переднюю соломы и цѣлыми охапками суетъ ее въ устье печи. Она горитъ весело и ясно и дымитъ съ пріятнымъ, немного рѣзкимъ запахомъ. Алеша готовъ былъ просидѣть передъ печью цѣлый часъ, но отецъ звалъ его пить чай, послѣ котораго начинался урокъ. Помнится, какъ онъ не понималъ десятичныхъ дробей, какъ отецъ кипятился и всѣми силами старался растолковать ему ихъ.

— Кажется, онъ и самъ зналъ ихъ тогда не совсѣмъ твердо, — подумалъ Алексѣй Петровичъ.

Потомъ — священная исторія. Ее Алеша любилъ больше. Удивительные, огромные и фантастичные образы. Каинъ, потомъ исторія Іосифа, цари, войны. Какъ вѣроны носили хлѣбъ пророку Ильѣ. И картинка была при этомъ: сидитъ Илья на камнѣ съ большою книгою, а двѣ птицы летятъ къ нему, держа въ носахъ что-то круглое.

— Папа, смотри: Ильѣ вѣроны хлѣбъ носили, а нашъ Ворка самъ у насъ все тащитъ.

Ручной вѣронъ съ выкрашенными въ красную краску носомъ и лапами — это Николай выдумалъ — бочкомъ прыгаетъ по спинкѣ дивана и, вытягивая шею, старается стащить со стѣны блестящую бронзовую рамочку. Въ этой рамочкѣ миніатюрный акварельный портретъ молодого мужчины съ приглаженными височками, одѣтаго въ темно-зеленый мундиръ съ эполетами, высочайшимъ краснымъ воротникомъ и крестикомъ въ петлицѣ. Это самъ папа двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Вѣронъ и портретъ мелькнули и исчезли.

«Потомъ что жъ такое? Потомъ звѣзды, вертепъ, ясли. Помню, что эти ясли были для меня совершенно новымъ словомъ, хотя я зналъ и раньше ясли въ конюшнѣ и на скотномъ дворѣ. Эти ясли казались какими-то особенными».

Новый завѣтъ учили не такъ, какъ Ветхій, не по толстенькой книжкѣ съ картинками. Отецъ самъ разсказывалъ Алешѣ о Іисусѣ Христѣ и часто прочитывалъ цѣлыя страницы изъ евангелія.

— И кто ударилъ тебя въ правую щеку, обрати ему и другую. Понимаешь, Алеша?

И отецъ начиналъ долгое объясненіе, котораго Алеша не слушалъ. Онъ вдругъ перебивалъ своего учителя.

— Папа, помнишь, дядя Дмитрій Ивановичъ пріѣзжалъ? Вотъ тогда точно такъ было: онъ ударилъ своего Ѳому въ лицо, а Ѳома стоитъ; и дядя Дмитрій Ивановичъ его съ дру-

гой стороны ударилъ; Ѳома все стоитъ. Мнѣ его жалко стало, я и заплакалъ.

— Да, тогда я заплакалъ, — проговорилъ Алексѣй Петровичъ, вставъ съ кресла и начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ: — я тогда заплакалъ.

Ему стало ужасно жалко этихъ слезъ шестилѣтняго мальчика, жалко того времени, когда онъ могъ плакать оттого, что въ его присутствіи ударили беззащитнаго человѣка.

VI.

Въ окно все летѣлъ морозный воздухъ; клубящійся паръ точно выливался въ комнату, въ которой отъ него уже стало холодно. Большая низкая лампа съ непрозрачнымъ абажуромъ, стоявшая на письменномъ столѣ, горѣла ясно, но освѣщала только поверхность стола да часть потолка, образуя на немъ дрожащее круглое пятно свѣта; въ остальной комнатѣ все было въ полумракѣ. Въ немъ можно было разглядѣть шкапъ съ книгами, большой диванъ, еще коекакую мебель, зеркало на стѣнѣ съ отраженіемъ свѣтлаго письменнаго стола и высокую фигуру, безпокойно метавшуюся по комнатѣ изъ одного угла въ другой, восемь шаговъ туда и восемь назадъ, всякій разъ мелькая въ зеркалѣ. Иногда Алексѣй Петровичъ останавливался у окна; холодный паръ лился ему на разгоряченную голову, на открытую шею и грудь. Онъ дрожалъ, но не освѣжался. Онъ продолжалъ перебирать отрывочныя и безсвязныя воспоминанія, припоминая сотни мелкихъ подробностей, путался въ нихъ и не могъ понять, что̀ именно въ нихъ общаго и важнаго. Зналъ онъ только одно: что до двѣнадцати лѣтъ, когда отецъ отправилъ его въ гимназію, онъ жилъ совершенно иною внутреннею жизнью, и помнилъ, что тогда было лучше.

«Что̀ же тянетъ тебя туда, въ полусознательную жизнь? Что̀ хорошаго было въ этихъ дѣтскихъ годахъ? Одинокій ребенокъ и одинокій взрослый человѣкъ, «немудрящій» человѣкъ, какъ ты самъ называлъ его послѣ смерти. Ты былъ правъ, онъ былъ немудрящій человѣкъ. Жизнь скоро и легко исковеркала его, сломавъ въ немъ все доброе, чѣмъ онъ запасся въ юности; но она не внесла ничего и дурного. И онъ доживалъ свой вѣкъ, безсильный, съ безсильной любовью, которую почти всю обратилъ на тебя...»

Алексѣй Петровичъ думалъ объ отцѣ и въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ почувствовалъ, что любилъ его, несмотря на всю его немудреность. Ему хотѣлось бы теперь хоть на минуту перенестись въ свое дѣтство, въ деревню, въ ма-

ленькій домикъ и приласкаться к этому забитому человѣку, приласкаться просто, по-дѣтски. Захотѣлось той чистой и простой любви, которую знаютъ только дѣти да развѣ очень ужъ чистыя, нетронутыя натуры изъ взрослыхъ.

«Да неужели нельзя вернуть это счастье, эту способность сознавать, что говоришь и думаешь правду? Сколько лѣтъ я не испытывалъ его! Говоришь горячо, какъ будто искренно, а въ душѣ всегда сидитъ червякъ, который точитъ и сосетъ. Червякъ этотъ — мысль: что̀, дескать, другъ мой, не лжешь ли ты все это? Думаешь ли ты на самомъ дѣлѣ то, что̀ говоришь?»

У Алексѣя Петровича въ головѣ сложилась еще одна фраза, повидимому, нелѣпая:

«Думаешь ли ты на самомъ дѣлѣ то, что̀ теперь думаешь?»

Она была нелѣпа, но онъ ее понялъ.

«Да, тогда думалъ именно то, что̀ думалъ. Любилъ отца и зналъ, что любишь. Господи! хоть бы какого-нибудь настоящаго, неподдѣльнаго чувства, не умирающаго внутри моего «я»! Вѣдь есть же міръ! Колоколъ напомнилъ мнѣ про него. Когда онъ прозвучалъ, я вспомнилъ церковь, вспомнилъ толпу, вспомнилъ огромную человѣческую массу, вспомнилъ настоящую жизнь. Вотъ куда нужно уйти отъ себя и вотъ гдѣ нужно любить. И такъ любить, какъ любятъ дѣти. Какъ дѣти... Вѣдь это сказано вотъ тутъ...»

Онъ подошелъ къ столу, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ и началъ рыться въ немъ. Маленькая темно-зеленая книжка, купленная имъ когда-то на всероссійской выставкѣ за курьезную дешевизну, лежала въ уголку. Онъ съ радостью схватилъ ее. Листки въ два узенькихъ столбца мелкой печати быстро забѣгали подъ его пальцами, знакомыя слова и фразы воскресали въ памяти. Онъ началъ читать съ первой страницы и читалъ все подъ-рядъ, забывъ даже и фразу, изъ-за которой досталъ книгу. А фраза эта была давно знакомая и давно забытая. Когда онъ дошелъ до нея, она поразила его огромностью содержанія, выраженнаго въ восьми словахъ:

«Если не обратитесь и не будете какъ дѣти...»

Ему показалось, что онъ понялъ все.

— Знаю ли я, что̀ значатъ эти слова? Обратиться и сдѣлаться какъ дитя!.. Это значитъ не ставить во всемъ на первое мѣсто себя. Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное «я», которое, какъ глистъ, сосетъ душу и требуетъ себѣ все.

новой и новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время были посвящены на служеніе тебѣ. То я кормилъ тебя, то поклонялся тебѣ; хоть ненавидѣлъ тебя, а все-таки поклонялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что̀ мнѣ было дано. И вотъ докланялся, докланялся, докланялся!..

Онъ повторялъ это слово, продолжая ходить по комнатѣ, но уже безсильною походкою, качаясь, какъ пьяный, опустивъ голову на дрожащую рыданьями грудь и не отирая мокраго отъ слезъ лица. Ноги отказывались служить ему; онъ сѣлъ, прижавшись въ уголокъ дивана, облокотился на его ручку и, опустивъ горячую голову на руки, плакалъ какъ дитя. И долго тянулся этотъ упадокъ силъ, но въ немъ уже не было мученья. Смягчилась накипѣвшая, дѣланная злоба; слезы текли, облегчая, и не было стыдно слезъ; передъ всякимъ, кто бы ни вошелъ въ ту минуту, онъ не сталъ бы сдерживать эти слезы, уносившія съ собой ненависть. Онъ почувствовалъ теперь, что не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что остались еще любовь и даже самоотверженіе, что сто̀итъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло — онъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно итти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ.

— Страшно; не могу я больше жить за свой собственный страхъ и счетъ; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего «я», все пожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ, что̀ бы я тамъ ни кричалъ, и которая говоритъ душѣ, несмотря на всѣ старанія заглушить ее. Да, да! — повторялъ въ страшномъ волненіи Алексѣй Петровичъ: — все это сказано въ зеленой книжкѣ, и сказано навсегда и вѣрно. Нужно «отвергнуть себя», убить свое «я», бросить на дорогу...

— Какая же польза тебѣ, безумный? — шепталъ голосъ.

Но другой, когда-то робкій и неслышный, прогремѣлъ ему въ отвѣтъ:

— Молчи! Какая же будетъ польза ему, если онъ самъ растерзаетъ себя?

Алексѣй Петровичъ вскочилъ на ноги и выпрямился во весь ростъ. Этотъ доводъ привелъ его въ восторгъ. Такого восторга онъ никогда еще не испытывалъ ни отъ жизненнаго успѣха ни отъ женской любви. Восторгъ этотъ родился въ сердцѣ, вырвался изъ него, хлынулъ горячей, широкой волной, разлился по всѣмъ членамъ, на мгновенье согрѣлъ и оживилъ закоченѣвшее несчастное существо. Тысячи колоколовъ торжественно зазвонили. Солнце ослѣпительно вспыхнуло, освѣтило весь міръ и исчезло...

. . . .

Лампа, выгорѣвшая въ долгую ночь, свѣтила все тусклѣе и тусклѣе и наконецъ совсѣмъ погасла. Но въ комнатѣ уже не было темно: начинался день. Его спокойный сѣрый свѣтъ понемногу вливался въ комнату и скудно освѣщалъ заряженное оружіе и письмо съ безумными проклятіями, лежавшее на столѣ, а посреди комнаты — человѣческій трупъ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ.

ATTALEA PRINCEPS.

Въ одномъ большомъ городѣ былъ ботаническій садъ, а въ этомъ саду—огромная оранжерея изъ желѣза и стекла. Она была очень красива: стройныя витыя колонны поддерживали все зданіе; на нихъ опирались легкія узорчатыя арки, переплетенныя между собою цѣлой паутиной желѣзныхъ рамъ, въ которыя были вставлены стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освѣщало ее краснымъ свѣтомъ. Тогда она вся горѣла, красные отблески играли и переливались, точно въ огромномъ мелко отшлифованномъ драгоцѣнномъ камнѣ.

Сквозь толстыя прозрачныя стекла виднѣлись заключенныя растенія. Несмотря на величину оранжереи, имъ было въ ней тѣсно. Корни переплелись между собою и отнимали другъ у друга влагу и пищу. Вѣтви деревъ мѣшались съ огромными листьями пальмъ, гнули и ломали ихъ и, сами налегая на желѣзныя рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрѣзали вѣтви, подвязывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотятъ, но это плохо помогало. Для растеній нуженъ былъ широкій просторъ, родной край и свобода. Они были уроженцы жаркихъ странъ, нѣжныя, роскошныя созданія, они помнили свою родину и тосковали о ней. Какъ ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стекла обмерзали; тогда въ оранжереѣ становилось совсѣмъ темно. Гудѣлъ вѣтеръ, билъ въ рамы и заставлялъ ихъ дрожать. Крыша покрывалась наметеннымъ снѣгомъ. Растенія стояли и слушали вой вѣтра, и вспоминали иной вѣтеръ, теплый, влажный, дававшій имъ жизнь и здоровье. И имъ хотѣлось вновь почувствовать его вѣянье, хотѣлось, чтобы онъ покачалъ ихъ вѣтвями, поигралъ ихъ листьями. Но въ оранжереѣ воз-

духъ былъ неподвиженъ: развѣ только иногда зимняя буря выбивала стекло, и рѣзкая, холодная струя, полная инея, влетала подъ сводъ. Куда попадала эта струя, тамъ листья блѣднѣли, съеживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро. Ботаническимъ садомъ управлялъ отличный ученый директоръ и не допускалъ никакого безпорядка, несмотря на то, что бо́льшую часть своего времени проводилъ въ занятіяхъ съ микроскопомъ въ особой стеклянной будочкѣ, устроенной въ главной оранжереѣ.

Была между растеніями одна пальма, выше всѣхъ и красивѣе всѣхъ. Директоръ, сидѣвшій въ будочкѣ, называлъ ее по-латыни Attalea. Но это имя не было ея роднымъ именемъ: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на бѣлой дощечкѣ, прибитой къ стволу пальмы. Разъ пришелъ въ ботаническій садъ пріѣзжій изъ той жаркой страны, гдѣ выросла пальма; когда онъ увидѣлъ ее, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

— А!—сказалъ онъ:—я знаю это дерево.—И онъ назвалъ его роднымъ именемъ.

— Извините,—крикнулъ ему изъ своей будочки директоръ, въ это время внимательно разрѣзывавшій бритвою какой-то стебелекъ:—вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существуетъ. Это Attalea princeps, родомъ изъ Бразиліи.

— О, да,—сказалъ бразильянецъ:—я вполнѣ вѣрю вамъ, что ботаники называютъ ее Attalea, но у нея есть и родное, настоящее имя.

— Настоящее имя есть то, которое дается наукой,—сухо сказалъ ботаникъ и заперъ дверь своей будочки, чтобы ему не мѣшали люди, не понимающіе даже того, что ужъ если что-нибудь сказалъ человѣкъ науки, такъ нужно молчать и слушаться.

А бразильянецъ долго стоялъ и смотрѣлъ на дерево, и ему становилось все грустнѣе и грустнѣе. Вспомнилъ онъ свою родину, ея солнце и небо, ея роскошные лѣса съ чудными звѣрями и птицами, ея пустыни, ея чудныя южныя ночи. И вспомнилъ еще, что нигдѣ онъ не бывалъ счастливъ, кромѣ родного края, а онъ объѣхалъ весь свѣтъ. Онъ коснулся рукою пальмы, какъ будто бы прощаясь съ нею, и ушелъ изъ сада, а на другой день уже уѣхалъ на пароходѣ домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало еще тяжелѣе, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсѣмъ

одна. На пять саженъ возвышалась она надъ верхушками всѣхъ другихъ растеній, и эти другія растенія не любили ея, завидовали ей и считали гордою. Этотъ ростъ доставлялъ ей только одно горе; кромѣ того, что всѣ были вмѣстѣ, а она была одна, она лучше всѣхъ помнила свое родное небо и больше всѣхъ тосковала о немъ, потому что ближе всѣхъ была къ тому, что̀ замѣняло имъ его: къ гадкой стеклянной крышѣ. Сквозь нее ей виднѣлось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое и блѣдное, но всетаки настоящее голубое небо. И когда растенія болтали между собою, Attalea всегда молчала, тосковала и думала только о томъ, какъ хорошо было бы постоять даже и подъ этимъ блѣдненькимъ небомъ.

— Скажите, пожалуйста, скоро ли насъ будутъ поливать?—спросила саговая пальма, очень любившая сырость.— Я, право, кажется, засохну сегодня.

— Меня удивляютъ ваши слова, сосѣдушка,—сказалъ пузатый кактусъ.—Неужели вамъ мало того огромнаго количества воды, которое на васъ выливаютъ каждый день? Посмотрите на меня: мнѣ даютъ очень мало влаги, а я всетаки свѣжъ и сочен̂ъ.

— Мы не привыкли быть черезчуръ бережливыми,— отвѣчала саговая пальма:—мы не можемъ расти на такой сухой и дрянной почвѣ, какъ какіе-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить какъ-нибудь. И кромѣ всего этого, скажу вамъ еще, что васъ не просятъ дѣлать замѣчанія.

Сказавъ это, саговая пальма обидѣлась и замолчала.

— Что̀ касается меня,—вмѣшалась корица:—то я почти довольна своимъ положеніемъ. Правда, здѣсь скучновато, но ужъ я, по крайней мѣрѣ, увѣрена, что меня никто не обдеретъ.

— Но вѣдь не всѣхъ же насъ обдирали,—сказалъ древовидный папоротникъ.—Конечно, многимъ можетъ показаться раемъ и эта тюрьма послѣ жалкаго существованія, которое они вели на волѣ.

Тутъ корица, забывъ, что ее обдирали, оскорбилась и начала спорить. Нѣкоторыя растенія вступились за нее, нѣкоторыя за папоротникъ, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непремѣнно бы подрались.

— Зачѣмъ вы ссоритесь?—сказала Attalea.—Развѣ вы поможете себѣ этимъ? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздраженіемъ. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о дѣлѣ. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте вѣтви, напирайте на рамы и стекла; наша

оранжерея разсыплется въ куски, и мы выйдемъ на свободу. Если одна какая-нибудь вѣтка упрется въ стекло, то, конечно, ее отрѣжутъ, но что̀ сдѣлаютъ съ сотней сильныхъ и смѣлыхъ стволовъ? Нужно только работать дружнѣе, и побѣда за нами.

Сначала никто не возражалъ пальмѣ: всѣ молчали и не знали, что̀ сказать. Наконецъ саговая пальма рѣшилась.

— Все это глупости,—заявила она.

— Глупости! Глупости!—заговорили деревья, и всѣ разомъ начали доказывать Attalea, что она предлагаетъ ужасный вздоръ.—Несбыточная мечта!—кричали они:—вздоръ! Нелѣпость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаемъ ихъ, да если бы и сломали, такъ что жъ такое? Придутъ люди съ ножами и съ топорами, отрубятъ вѣтви, задѣлаютъ рамы, и все пойдетъ по-старому. Только и будетъ, что отрѣжутъ отъ насъ цѣлые куски...

— Ну, какъ хотите!—отвѣчала Attalea.—Теперь я знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Я оставлю васъ въ покоѣ: живите, какъ хотите, ворчите другъ на друга, спорьте изъ-за подачекъ воды и оставайтесь вѣчно подъ стекляннымъ колпакомъ. Я и одна найду себѣ дорогу. Я хочу видѣть небо и солнце не сквозь эти рѣшетки и стекла—и я увижу!

И пальма гордо смотрѣла зеленой вершиной на лѣсъ товарищей, раскинутый подъ нею. Никто изъ нихъ не смѣлъ ничего сказать ей; только саговая пальма тихо сказала сосѣдкѣ цикадѣ:

— Ну, посмотримъ, посмотримъ, какъ тебѣ отрѣжутъ твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальныя хоть и молчали, но все-таки сердились на Attalea за ея гордыя слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обидѣлась ея рѣчами. Это была самая жалкая и презрѣнная травка изъ всѣхъ растеній оранжереи: рыхлая, блѣдненькая, ползучая, съ вялыми толстенькими листьями. Въ ней не было ничего замѣчательнаго, и она употреблялась въ оранжереѣ только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножіе большой пальмы, слушая ее, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздухъ и свободу. Оранжерея и для нея была тюрьмой. «Если я, ничтожная, вялая травка, такъ страдаю безъ своего сѣренькаго неба, безъ блѣднаго солнца и холоднаго дождя, то что̀ должно испытывать въ неволѣ это прекрасное и могучее дерево!» Такъ думала она и нѣжно обвивалась около

пальмы и ласкалась къ ней. «Зачѣмъ я не большое дерево? Я послушалась бы совѣта. Мы росли бы вмѣстѣ и вмѣстѣ вышли бы на свободу. Тогда и остальныя увидѣли бы, что Attalea права».

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только еще нѣжнѣе обвиться около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желаніе счастья въ попыткѣ:

— Конечно, у насъ вовсе не такъ тепло, небо не такъ чисто, дожди не такъ роскошны, какъ въ вашей странѣ, но все-таки и у насъ есть и небо, и солнце, и вѣтеръ. У насъ нѣтъ такихъ пышныхъ растеній, какъ вы и ваши товарищи, съ такими огромными листьями и прекрасными цвѣтами, но и у насъ растутъ очень хорошія деревья: сосны, ели и березы. Я—маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но вѣдь вы такъ велики и сильны! Вашъ стволъ твердъ, и вамъ уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьете ее и выйдете на Божій свѣтъ. Тогда вы разскажете мнѣ, все ли тамъ такъ же прекрасно, какъ было. Я буду довольна и этимъ.

— Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вмѣстѣ со мною? Мой стволъ твердъ и крѣпокъ: опирайся на него, ползи по мнѣ. Мнѣ ничего не значитъ снести тебя.

— Нѣтъ, ужъ куда мнѣ! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей вѣточки. Нѣтъ, я вамъ не товарищъ. Растите, будьте счастливы. Только прошу васъ, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленькаго друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посѣтители оранжереи удивлялись ея огромному росту, а она становилась съ каждымъ мѣсяцемъ все выше и выше. Директоръ ботаническаго сада приписывалъ такой быстрый ростъ хорошему уходу и гордился знаніемъ, съ какимъ онъ устроилъ оранжерею и велъ свое дѣло.

— Да-съ, взгляните-ка на Attalea princeps,—говорилъ онъ:—такіе рослые экземпляры рѣдко встрѣчаются и въ Бразиліи. Мы приложили все наше знаніе, чтобы растенія развивались въ теплицѣ совершенно такъ же свободно, какъ и на волѣ, и, мнѣ кажется, достигли нѣкотораго успѣха.

При этомъ онъ съ довольнымъ видомъ похлопывалъ твердое дерево своею тростью, и удары звонко раздавались по оранжереѣ. Листья пальмы вздрагивали отъ этихъ ударовъ. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнѣва услышалъ бы директоръ.

«Онъ воображаетъ, что я расту для его удовольствія,— думала Attalea. — Пусть воображаетъ!»

И она росла, тратя всѣ соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая ихъ свои корни и листья. Иногда ей казалось, что разстояніе до свода не уменьшается. Тогда она напрягала всѣ силы. Рамы становились все ближе и ближе, и наконецъ молодой листъ коснулся холоднаго стекла и желѣза.

— Смотрите, смотрите,—заговорили растенія:—куда она забралась! Неужели рѣшится?

— Какъ она страшно выросла,—сказалъ древовидный папоротникъ.

— Что жъ, что выросла! Эка невидаль! Вотъ если бъ она сумѣла растолстѣть такъ, какъ я!—сказала толстая цикада, со стволомъ, похожимъ на бочку.—И чего тянется? Все равно ничего не сдѣлаетъ. Рѣшетки прочны и стекла толсты.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Attalea подымалась. Наконецъ она плотно уперлась въ рамы. Расти дальше было некуда. Тогда стволъ началъ сгибаться. Его лиственная вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились въ нѣжные молодые листья, перерѣзали и изуродовали ихъ, но дерево было упрямо, не жалѣло листьевъ, несмотря ни на что, давило на рѣшетки, и рѣшетки уже подавались, хотя были сдѣланы изъ крѣпкаго желѣза.

Маленькая травка слѣдила за борьбой и замирала отъ волненія.

— Скажите мнѣ, неужели вамъ не больно? Если рамы ужъ такъ прочны, не лучше ли отступить?—спросила она пальму.

— Больно? Что значитъ больно, когда я *хочу* выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня?—отвѣтила пальма.

— Да, я ободряла, но я не знала, что это такъ трудно. Мнѣ жаль васъ. Вы такъ страдаете.

— Молчи, слабое растенье! Не жалѣй меня! Я умру или освобожусь!

И въ эту минуту раздался звонкій ударъ. Лопнула толстая желѣзная полоса. Посыпались и зазвенѣли осколки стеколъ. Одинъ изъ нихъ ударилъ въ шляпу директора, выходившаго изъ оранжереи.

— Что это такое?—вскрикнулъ онъ, вздрогнувъ, увидя летящіе по воздуху куски стекла. Онъ отбѣжалъ отъ оранжереи и посмотрѣлъ на крышу. Надъ стекляннымъ сводомъ гордо высилась выпрямившаяся зеленая корона пальмы.

«Только-то,—думала она.—И это все, изъ-за чего я томилась и страдала такъ долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшею цѣлью?»

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину въ пробитое отверстіе. Моросилъ мелкій дождикъ пополамъ со снѣгомъ; вѣтеръ низко гналъ сѣрыя клочковатыя тучи. Ей казалось, что онѣ охватываютъ ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснахъ да на еляхъ стояли темнозеленыя хвои. Угрюмо смотрѣли деревья на пальму. «Замерзнешь!—какъ будто говорили они ей.—Ты не знаешь, что̀ такое морозъ. Ты не умѣешь терпѣть. Зачѣмъ ты вышла изъ своей теплицы?»

И Attalea поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вернуться снова подъ крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада, на скучный огромный городъ, виднѣвшійся въ туманѣ, и ждать, пока люди, тамъ внизу, въ теплицѣ, не рѣшатъ, что̀ дѣлать съ нею.

Директоръ приказалъ спилить дерево. «Можно бы надстроить надъ нею особенный колпакъ,—сказалъ онъ:—но надолго ли это? Она опять выростетъ и все сломаетъ. И притомъ это будетъ черезчуръ дорого. Спилить ее».

Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стѣнъ оранжереи, и низко у самаго корня перепилили ее. Маленькая травка, обвивавшая стволъ дерева, не хотѣла разстаться съ своимъ другомъ и тоже попала подъ пилу. Когда пальму вытащили изъ оранжереи, на отрѣзѣ оставшагося пня валялись размозженные пилою, истерзанные стебельки и листья.

— Вырвать эту дрянь и выбросить,—сказалъ директоръ.—Она уже пожелтѣла, да и пила очень попортила ее. Посадить здѣсь что-нибудь новое.

Одинъ изъ садовниковъ ловкимъ ударомъ заступа вырвалъ цѣлую охапку травы. Онъ бросилъ ее въ корзину, вынесъ и выбросилъ на задній дворъ, прямо на мертвую пальму, лежавшую въ грязи и уже полузасыпанную снѣгомъ.

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО.

Въ одинъ прекрасный іюньскій день,—а прекрасный онъ былъ потому, что было двадцать восемь градусовъ по Реомюру,—въ одинъ прекрасный іюньскій день было вездѣ жарко, а на полянкѣ въ саду, гдѣ стояла копна недавно скошеннаго сѣна, было еще жарче, потому что мѣсто было закрытое отъ вѣтра густымъ-прегустымъ вишнякомъ. Все почти спало: люди наѣлись и занимались послѣобѣденными боковыми занятіями; птицы примолкли, даже многія насѣкомыя попрятались отъ жары. О домашнихъ животныхъ нечего и говорить: скотъ крупный и мелкій прятался подъ навѣсъ; собака, вырывъ себѣ подъ амбаромъ яму, улеглась туда и, полузакрывъ глаза, прерывисто дышала, высунувъ розовый языкъ чуть не на полъ-аршина; иногда она, очевидно, отъ тоски, происходящей отъ смертельной жары, такъ зѣвала, что при этомъ даже раздавался тоненькій визгъ; свиньи, маменька съ тринадцатью дѣтками, отправились на берегъ и улеглись въ черную жирную грязь, при чемъ изъ грязи видны были только сопѣвшіе и храпѣвшіе свиные пятачки съ двумя дырочками, продолговатыя, облитыя грязью спины, да огромныя повислыя уши. Однѣ куры, не боясь жары, кое-какъ убивали время, разгребая лапами сухую землю противъ кухоннаго крыльца, въ которой, какъ онѣ отлично знали, не было уже ни одного зернышка; да и то пѣтуху, должно-быть, приходилось плохо, потому что иногда онъ принималъ глупый видъ и во все горло кричалъ: «какой скаандаалъ!!»

Вотъ мы ушли съ полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянкѣ и сидѣло цѣлое общество неспавшихъ господъ. То-есть сидѣли-то не всѣ; старый гнѣдой, напримѣръ, съ опасностью для своихъ боковъ отъ кнута кучера Антона, разгребавшій копну сѣна, будучи лошадью, вовсе

и сидѣть не умѣлъ; гусеница какой-то бабочки тоже не сидѣла, а скорѣе лежала на животѣ; но дѣло вѣдь не въ словѣ. Подъ вишнею собралась маленькая, но очень серьезная компанія: улитка, навозный жукъ, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакалъ кузнечикъ. Возлѣ стоялъ и старый гнѣдой, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ однимъ, повернутымъ къ нимъ, гнѣдымъ ухомъ съ торчащими изнутри темно-сѣрыми волосами; а на гнѣдомъ сидѣли двѣ мухи.

Компанія вѣжливо, но довольно одушевленно спорила, причемъ, какъ и слѣдуетъ быть, никто ни съ кѣмъ не соглашался, такъ какъ каждый дорожилъ независимостью своего мнѣнія и характера.

— По-моему,—говорилъ навозный жукъ:—порядочное животное прежде всего должно заботиться о своемъ потомствѣ. Жизнь есть трудъ для будущаго поколѣнія. Тотъ, кто сознательно исполняетъ обязанности, возложенныя на него природой, тотъ стоитъ на твердой почвѣ: онъ знаетъ свое дѣло, и, что̀ бы ни случилось, онъ не будетъ въ отвѣтѣ. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто цѣлые дни безъ отдыха катаетъ такой тяжелый шаръ—шаръ, мною же столь искусно созданный изъ навоза, съ великою цѣлью дать возможность вырасти новымъ, подобнымъ мнѣ, навознымъ жукамъ? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь былъ такъ спокоенъ совѣстью и съ чистымъ сердцемъ могъ бы сказать: «да, я сдѣлалъ все, что̀ могъ и долженъ былъ сдѣлать», какъ скажу я, какъ на свѣтъ явятся новые навозные жуки. Вотъ что̀ значитъ трудъ!

— Поди ты, братецъ, съ своимъ трудомъ!—сказалъ муравей, притащившій во время рѣчи навознаго жука, несмотря на жару, чудовищный кусокъ сухого стебелька. Онъ на минуту остановился, присѣлъ на четыре заднія ножки, а двумя передними отеръ потъ съ своего измученнаго лица.—И я вѣдь тружусь, и побольше твоего! Но ты работаешь для себя, или, все равно, для своихъ жученятъ; не всѣ такъ счастливы... попробовалъ бы ты потаскать бревна для казны, вотъ какъ я. Я и самъ не знаю, что̀ заставляетъ меня работать, выбиваясь изъ силъ даже и въ такую жару. Никто за это и спасибо не скажетъ. Мы, несчастные рабочіе муравьи, всѣ трудимся, а чѣмъ красна наша жизнь? Судьба!..

— Вы, навозный жукъ, слишкомъ сухо, а вы, муравей, слишкомъ мрачно смотрите на жизнь,—возразилъ имъ кузнечикъ.—Нѣтъ, жукъ, я люблю-таки потрещать и попрыгать, и ничего! Совѣсть не мучитъ! Да при томъ вы нисколько не коснулись вопроса, поставленнаго г-жой ящери-

цей: она спросила, «что̀ есть міръ», а вы говорите о своемъ навозномъ шарѣ; это даже невѣжливо. Міръ—міръ, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что въ немъ есть для насъ молодая травка, солнце и вѣтерокъ. Да и великъ же онъ! Вы здѣсь, между этими деревьями, не можете имѣть никакого понятія о томъ, какъ онъ великъ. Когда я бываю въ полѣ, я иногда вспрыгиваю, какъ только могу, вверхъ и, увѣряю васъ, достигаю огромной высоты. И съ нея-то я вижу, что міру нѣтъ конца.

— Вѣрно, — глубокомысленно подтвердилъ гнѣдой.—Но всѣмъ вамъ все-таки не увидѣть и сотой части того, что̀ видѣлъ на своемъ вѣку я. Жаль, что вы не можете понять, что̀ такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка: туда я каждый день ѣзжу съ бочкой за водой. Но тамъ меня никогда не кормятъ. А съ другой стороны Ефимовка, Кисляковка; въ ней церковь съ колоколами. А потомъ Свято-Троицкое, а потомъ Богоявленскъ. Въ Богоявленскѣ мнѣ всегда даютъ сѣна, но сѣно тамъ плохое. А вотъ въ Николаевѣ—это такой городъ, двадцать восемь верстъ отсюда, такъ тамъ сѣно лучше и овесъ даютъ; только я не люблю туда ѣздить: туда ѣздитъ на насъ баринъ и велитъ кучеру погонять, а кучеръ больно стегаетъ насъ кнутомъ... А то есть еще Александровка, Бѣлозерка, Херсонъ—городъ тоже... Да только куда вамъ понять все это!.. Вотъ это-то и есть міръ; не весь, положимъ, ну, да все-таки значительная часть.

И гнѣдой замолчалъ, но нижняя губа у него все еще шевелилась, точно онъ что-нибудь шепталъ. Это происходило отъ старости: ему былъ уже семнадцатый годъ, а для лошади это все равно, что для человѣка семьдесятъ седьмой.

— Я не понимаю вашихъ мудреныхъ лошадиныхъ словъ, да, признаться, и не гонюсь за ними,—сказала улитка.— Мнѣ былъ бы лопухъ, а его довольно: вотъ уже я четыре дня ползу, а онъ все еще не кончается. А за этимъ лопухомъ есть еще лопухъ, а въ томъ лопухѣ, навѣрно, сидитъ еще улитка. Вотъ вамъ и все. И прыгать никуда не нужно— все это выдумки и пустяки; сиди себѣ да ѣшь листъ, на которомъ сидишь. Если бы не лѣнь ползти, давно бы ушла отъ васъ съ вашими разговорами: отъ нихъ голова болитъ, и больше ничего.

— Нѣтъ, позвольте, отчего же?—перебилъ кузнечикъ:— потрещать очень пріятно, особенно о такихъ хорошихъ предметахъ, какъ безконечность и прочее такое. Конечно, есть практическія натуры, которыя только и заботятся о томъ,

какъ бы набить себѣ животъ, какъ вы или вотъ эта прелестная гусеница...

— Ахъ, нѣтъ, оставьте меня, прошу васъ, оставьте, не троньте меня!—жалобно воскликнула гусеница:—я дѣлаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

— Для какой тамъ еще будущей жизни?—спросилъ гнѣдой.

— Развѣ вы не знаете, что я послѣ смерти сдѣлаюсь бабочкой съ разноцвѣтными крыльями?

Гнѣдой, ящерица и улитка этого не знали, но насѣкомыя имѣли кое-какое понятіе. И всѣ немного помолчали, потому что никто не умѣлъ сказать ничего путнаго о будущей жизни.

— Къ твердымъ убѣжденіямъ нужно относиться съ уваженіемъ,—затрещалъ наконецъ кузнечикъ.—Не желаетъ ли кто сказать еще что-нибудь? Можетъ-быть, вы?—обратился онъ къ мухамъ, и старшая изъ нихъ отвѣтила:

— Мы не можемъ сказать, чтобы намъ было худо. Мы сейчасъ только изъ комнатъ; барыня разставила въ мискахъ наваренное варенье, и мы забрались подъ крышку и наѣлись. Мы довольны. Наша маменька увязла въ вареньѣ, но что жъ дѣлать? Она уже довольно пожила на свѣтѣ. А мы довольны.

— Господа,—сказала ящерица:—я думаю, что всѣ вы совершенно правы! Но, съ другой стороны...

Но ящерица такъ и не сказала, что̀ было съ другой стороны, потому что почувствовала, какъ что-то крѣпко прижало ея хвостъ къ землѣ.

Это пришелъ за гнѣдымъ проснувшійся кучеръ Антонъ; онъ нечаянно наступилъ своимъ сапожищемъ на компанію и раздавилъ ее. Однѣ мухи улетѣли обсасывать свою мертвую, обмазанную вареньемъ маменьку, да ящерица убѣжала съ оторваннымъ хвостомъ. Антонъ взялъ гнѣдого за чубъ и повелъ его изъ сада, чтобы запрячь въ бочку и ѣхать за водой, при чемъ приговаривалъ: «ну, иди, ты, хвостяка!», на что гнѣдой отвѣчалъ только шептаньемъ.

А ящерица осталась безъ хвоста. Правда, черезъ нѣсколько времени онъ выросъ, но навсегда остался какимъ-то тупымъ и черноватымъ. И когда ящерицу спрашивали, какъ она повредила себѣ хвостъ, то она скромно отвѣчала:

— Мнѣ оторвали его за то, что я рѣшилась высказать свои убѣжденія.

И она была совершенно права.

ДЕНЩИКЪ И ОФИЦЕРЪ.

— Раздѣнься! — сказалъ докторъ Никитѣ, неподвижно стоявшему, устремивъ глаза въ неизвѣстную далекую точку.

Никита вздрогнулъ и торопливо началъ разстегиваться.

— Живѣй, братецъ!—нетерпѣливо крикнулъ докторъ:—видишь, сколько васъ здѣсь.

Онъ показалъ на толпу, наполнявшую присутствіе.

— Поворачивайся... очумѣлъ!.. — заговорилъ въ помощь ему унтеръ-офицеръ, приставленный къ мѣрѣ.

Никита заторопился, сбросилъ рубашку и штаны и остался совершенно нагимъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе человѣческаго тѣла,—множество разъ было говорено кѣмъ-то, когда-то и гдѣ-то; но если бы тотъ, кто въ первый разъ произнесъ это изреченіе, жилъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и увидѣлъ голаго Никиту, онъ, навѣрно, взялъ бы свои слова назадъ.

Передъ присутствіемъ по воинской повинности стоялъ низенькій человѣкъ съ несоразмѣрно большимъ животомъ, унаслѣдованнымъ отъ десятковъ поколѣній предковъ, не ѣвшихъ чистаго хлѣба, съ длинными, вялыми руками, снабженными огромными черными и заскорузлыми кистями. Его длинное, неуклюжее туловище поддерживали очень короткія кривыя ноги, а всю фигуру вѣнчала голова... Что̀ это была за голова! Личныя кости были развиты совершенно въ ущербъ черепу, лобъ узокъ и низокъ; глаза, безъ бровей и рѣсницъ, едва прорѣзывались; на огромномъ плоскомъ лицѣ сиротливо сидѣлъ крошечный круглый носъ, хотя и задранный вверхъ, но не только не придававшій лицу выраженія высокомѣрія, а, напротивъ, дѣлавшій его еще болѣе жалкимъ; ротъ, въ противность носу, былъ огроменъ и представлялъ собою безформенную щель, вокругъ которой, не-

смотря на двадцатилѣтній возрастъ Никиты, не сидѣло ни одного волоска. Никита стоялъ, понуривъ голову, сдвинувъ плечи, повѣсивъ плетями руки и поставивъ ступни носками немного внутрь.

— Обезьяна, — сказалъ полненькій, живой полковникъ, воинскій начальникъ, наклонясь къ молодому и тощему, съ красивой бородой, члену земской управы: — совершенная обезьяна.

— Превосходное подтвержденіе теоріи Дарвина, — процѣдилъ членъ, на что полковникъ одобрительно помычалъ и обратился къ доктору.

— Да что̀, конечно, годенъ! Парень здоровый, — сказалъ тотъ.

— Но только въ гвардію не попадетъ, ха-ха-ха! — добродушно и звонко закатился полковникъ; потомъ, обратясь къ Никитѣ, прибавилъ спокойнымъ тономъ: — Чрезъ недѣлю явись. Слѣдующій, Парфенъ Семеновъ, раздѣвайся!

Никита началъ мѣшкотно одѣваться, руки и ноги не слушались его и не попадали туда, куда имъ слѣдовало. Онъ шепталъ что-то про себя, но что̀ именно — должно-быть, и самъ не зналъ; онъ понялъ только, что его признали годнымъ къ службѣ и что черезъ двѣ недѣли его погонятъ изъ дома на нѣсколько лѣтъ. Только одно это и было у него въ головѣ, только одна эта мысль и пробивалась сквозь туманъ и оцѣпенѣніе, въ которомъ онъ находился. Наконецъ онъ справился съ рукавами, опоясался и пошелъ изъ комнаты, гдѣ происходило освидѣтельствованіе. Старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, маленькій, совсѣмъ согнутый, встрѣтилъ его въ сѣняхъ.

— Забрили? — спросилъ онъ.

Никита не отвѣчалъ, и старикъ понялъ, что забрили, и не сталъ разспрашивать. Они вышли на улицу. Былъ ясный, морозный день. Толпа мужиковъ и бабъ, пріѣхавшихъ съ молодежью, стояла въ ожиданіи. Многіе топтались и хлопали руками; снѣгъ хрустѣлъ подъ лаптями и сапогами. Паръ валилъ отъ закутанныхъ головъ и маленькихъ, лохматыхъ лошаденокъ, дымъ поднимался изъ трубъ городка прямыми высокими столбами.

— Взяли, Иванъ, твоего-то? — спросилъ старика дюжій мужикъ въ новой дубленкѣ, большой бараньей шапкѣ и хорошихъ сапогахъ.

— Взяли, Илья Савельичъ, взяли. Захотѣлъ Господь обидѣть...

— Что̀ жъ ты теперь дѣлать будешь?

— Что̀ жъ тутъ дѣлать... Воля Господня... Одинъ въ семьѣ былъ помощникъ, и того нѣтъ...

Иванъ развелъ руками.

— Тебѣ бы его раньше усыновить,—внушительно сказалъ Илья Савельичъ:—вотъ парень и былъ бы цѣлъ.

— Кто же его зналъ! Ничего намъ этого неизвѣстно. Опять же онъ у меня замѣсто сына, одинъ работникъ въ семьѣ... Думалъ такъ, что господа уважатъ. «Ничего, говоритъ, невозможно, потому—законъ такой». Какъ же, ваше благородіе, говорю, законъ, когда у него жена тяжелая? Опять же мнѣ, говорю, ваше благородіе, одному невозможно...—«Ничего, говоритъ, мы этого, старичокъ, не знаемъ, а по закону, какъ есть, онъ сирота, одиночка — долженъ на службу. Кто виноватъ, говоритъ, что̀ у него жена и сынъ; вы бы еще пятнадцатилѣтнихъ вѣнчали». Я ему еще сказать хотѣлъ, такъ онъ и слушать не сталъ. Осерчалъ. «Отстань, говоритъ, тутъ и безъ тебя дѣла много»... Что̀ ты станешь дѣлать... Божья воля!

— Парень-то онъ у тебя смирный.

— Смирный да работящій и Боже мой! Слова супротивнаго отъ него не слыхалъ! Я, Илья Савельичъ, такъ скажу: лучше родного онъ мнѣ былъ. То-то и горе наше... Богъ послалъ, Богъ и взялъ... Прощайте, Илья Савельичъ, вашего-то, поди, не скоро осмотрятъ?

— Какъ начальство!.. Но только моего годнымъ признать нельзя—хромъ.

— Ваше счастье, Илья Савельичъ.

— Побойся ты Бога, что̀ ты городишь! Эко счастье, что сынъ хромой уродился.

— Что̀ же, Илья Савельичъ, оно къ лучшему выходитъ: все жъ дома парень останется. Прощайте, будьте здоровы.

— Прощай, братъ... Что̀ жъ ты, должокъ-то забываешь, что ль?

— Никакъ невозможно, Илья Савельичъ, то-есть—вотъ какъ, никакъ нельзя! Ужъ вы малость пообождите. Горе-то у насъ такое!

— Ну, ладно, ладно, поговоримъ еще. Прощай, Иванъ Петровичъ.

— Прощайте, Илья Савельичъ, будьте здоровы.

Никита въ это время отвязалъ отъ тумбы лошадь; они съ пріемнымъ отцомъ усѣлись въ сани и поѣхали. До ихъ деревни было верстъ пятнадцать. Лошаденка бойко бѣжала, взбивая копытами комья снѣга, которые налету разсыпались, обдавая Никиту. А Никита улегся около отца, заверну-

вшись въ армякъ, и молчалъ. Старикъ раза два заговаривалъ съ нимъ, но онъ не отвѣтилъ. Онъ точно застылъ и смотрѣлъ неподвижно на снѣгъ, какъ будто ища въ немъ точку, забытую имъ въ комнатахъ присутствія.

Пріѣхали, вошли въ избу, сказали. Семья, состоящая, кромѣ мужчинъ, изъ трехъ бабъ и троихъ дѣтей, оставшихся отъ умершаго въ прошломъ году сына Ивана Петровича, начала выть. Прасковья, Никитина жена, сомлѣла. Бабы выли цѣлую недѣлю.

Какъ прошла эта недѣля для Никиты—извѣстно одному Богу, потому что онъ все время молчалъ, храня на своемъ лицѣ одно и то же застывшее выраженіе покорнаго отчаянія.

Наконецъ все было кончено. Иванъ свезъ новобранца въ городъ и сдалъ его на сборный пунктъ. Черезъ два дня Никита съ партіей новобранцевъ шагалъ по сугробамъ большой дороги въ губернскій городъ, гдѣ стоялъ полкъ, въ который онъ былъ назначенъ. Одѣтъ онъ былъ въ новый коротенькій полушубокъ, въ шаровары изъ толстаго чернаго сукна, новые валенки, шапку и рукавицы. Въ его котомкѣ, кромѣ двухъ перемѣнъ бѣлья и пироговъ, лежала еще тщательно завернутая въ платокъ рублевая бумажка. Всѣмъ этимъ надѣлилъ своего пріемыша Иванъ Петровичъ, умолившій Илью Савельича дать ему еще взаймы, чтобы обрядить Никиту на службу.

Никита оказался самымъ плохимъ молодымъ солдатомъ. Дядька, которому его отдали для первоначальнаго обученія, былъ въ отчаяніи. Несмотря на всевозможныя вразумленія, дѣлаемыя имъ Никитѣ, въ числѣ которыхъ нѣкоторую роль играли подзатыльники и затрещины, его ученикъ никакъ не могъ вполнѣ постигнуть даже нехитрую премудрость сдваиванія рядовъ. Фигура Никиты, наряженнаго въ солдатское платье, была самая жалкая; во фронтѣ то у него выпячивался животъ, то, подбирая его, онъ выдавался впередъ всей грудью, наклоняясь всѣмъ тѣломъ и рискуя шлепнуться лицомъ о землю. Какъ ни билось начальство, оно не могло сдѣлать изъ Никиты даже самаго посредственнаго фронтовика. На ротныхъ ученьяхъ командиръ, разругавъ Никиту, распекалъ взводнаго унтеръ-офицера, а взводный взыскивалъ съ того же Никиты. Взысканіе состояло въ назначеніи на дневальство не въ очередь. Скоро однако унтеръ-офицеръ догадался, что лишнее дневальство было для Никиты не наказаніемъ, а удовольствіемъ. Онъ былъ прекрасный работникъ, и исполненіе обязанно-

стей дневальнаго, состоявшихъ въ носкѣ дровъ и воды, топкѣ печей и главнымъ образомъ въ содержаніи казармъ въ чистотѣ, т.-е. въ безпрерывномъ шарканьи мокрой шваброй по полу, было ему по душѣ. Во время работы на немъ, по крайней мѣрѣ, не лежало обязанности думать, какъ бы не сбиться и не повернуться налѣво, когда командуютъ направо, и, кромѣ того, онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ страшныхъ вопросовъ по великомудрой наукѣ, называемой у солдатъ словесностью: «Что̀ есть солдатъ?» «Что̀ есть знамя?»

Никита очень хорошо знаетъ, что̀ такое солдатъ и что̀ такое знамя; онъ готовъ со всевозможнымъ усердіемъ исполнять свои солдатскія обязанности и, вѣроятно, отдалъ бы жизнь, защищая знамя; но изложить по-книжному, обстоятельно, какъ требуетъ того словесность, что̀ такое знамя— выше его силъ.

— Знамя есть, которое хорю... хоруг...—лепечетъ онъ, стараясь какъ можно болѣе вытянуть въ струнку свое неуклюжее тѣло, поднявъ подбородокъ кверху и моргая лишенными рѣсницъ вѣками.

— Дуракъ!—кричитъ чахоточный унтеръ-офицеръ, обучающій словесности.—Что̀ вы, аспиды, со мной дѣлаете?.. Долго ли мнѣ съ вами мучиться, идолы вы, мужичье сиволапое? Тьфу! Который разъ тебѣ повторять надо? Ну, говори за мной: «знамя есть священная хоругвь...»

Никита не можетъ повторить даже этихъ четырехъ словъ. Грозный видъ унтеръ-офицера и его крикъ дѣйствуютъ на него ошеломляющимъ образомъ; въ ушахъ у него звенитъ; въ глазахъ прыгаютъ знамена и искры; онъ не слышитъ мудренаго опредѣленія знамени; его губы не двигаются. Онъ стоитъ и молчитъ.

— Говори же, чортъ тебя возьми: знамя есть священная хоругвь.

— Знамя...

— Ну?..

— Хорюгъ...—продолжаетъ Никита. Голосъ его дрожитъ, на глазахъ слезы.

— Есть священная хоругвь! — кричитъ взбѣшенный унтеръ-офицеръ.

— Священная, которая...

Унтеръ-офицеръ бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, плюетъ и ругается. Никита стоитъ на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ, слѣдя глазами за разсерженнымъ начальникомъ. Онъ не возмущенъ бранью и оскорбленіями и только всею

душою горюетъ о своей неспособности «заслужить» начальству.

— На три дневальства не въ очередь!—говоритъ упавшимъ голосомъ искричавшійся, измученный унтеръ-офицеръ, и Никита благодаритъ Бога, избавившаго его хоть на время отъ ненавистной «словесности» и ученья.

Когда начальство замѣтило, что наказаніе, налагаемое имъ на Никиту, не только не причиняетъ ему огорченія, а даже доставляетъ радость, Никита началъ сидѣть подъ арестомъ. Наконецъ, испробовавъ всѣ средства для исправленія несчастнаго, на него махнули рукой.

— Съ Ивановымъ, ваше благородіе, ничего не подѣлаешь,—говоритъ почти каждый день на утреннемъ докладѣ ротному командиру фельдфебель.

— Съ Ивановымъ?.. Да, да... Что̀ же онъ такое дѣлаетъ?—отвѣчаетъ капитанъ, сидящій въ халатѣ, съ папироскою, и прихлебывающій чай изъ стакана въ мельхіоровомъ подстаканникѣ.

— Ничего, ваше благородіе, не дѣлаетъ, человѣкъ онъ смирный, только понятія у него ни къ чему нѣтъ.

— Попробуй какъ-нибудь,—говоритъ ротный, задумчиво выпустивъ изо рта колечко табачнаго дыма.

— Пробовали, ваше благородіе, да ничего не выходитъ.

— Ну, такъ что̀ жъ мнѣ съ нимъ дѣлать? Вѣдь согласись, Житковъ, я не Богъ. А? Ну, дуракъ, такъ что̀ же съ нимъ подѣлаешь!.. Ну, ступай.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Наконецъ ротному надоѣло выслушивать каждый день жалобы фельдфебеля на Никиту.

— Отстань ты съ своимъ Ивановымъ!—крикнулъ онъ.— Ну, не выводи его на ученье, плюнь на него. Сдѣлай съ нимъ что̀ хочешь, только не лѣзь съ нимъ ко мнѣ...

Фельдфебель попытался-было устроить переводъ Никиты Иванова въ нестроевую роту, но тамъ и безъ того было много людей. Отдать его въ денщики тоже не удалось, потому что у всѣхъ офицеровъ денщики уже были. Тогда на Никиту навалили черную работу, оставивъ всѣ попытки сдѣлать изъ него солдата. Такъ онъ прожилъ годъ, до тѣхъ поръ, пока въ роту не былъ назначенъ новый субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Стебельковъ. Никиту отдали къ нему «постояннымъ вѣстовымъ», т.-е. попросту денщикомъ.

Александръ Михайловичъ Стебельковъ, новый хозяинъ Никиты, былъ очень добрый молодой человѣкъ, средняго роста, съ бритымъ подбородкомъ и великолѣпно вытянутыми, какъ

острыя палочки, усами, которыхъ онъ иногда не безъ удовольствія слегка касался лѣвою рукою. Онъ только-что кончилъ курсъ юнкерскаго училища, не выказавъ въ теченіе пребыванія въ немъ особеннаго пристрастія къ наукамъ, но зато въ совершенствѣ познавъ строевую службу. Онъ былъ совершенно счастливъ въ своемъ настоящемъ положеніи. Два года, проведенные въ училищѣ на казенномъ содержаніи, подъ строгимъ надзоромъ начальства, совершенное отсутствіе знакомыхъ, гдѣ можно было бы отдохнуть въ праздничные дни отъ казарменной жизни училища, ни копейки собственныхъ денегъ, съ помощью которыхъ онъ могъ бы доставить себѣ какое-нибудь развлеченіе — все это слишкомъ утомило его. И теперь, увидѣвъ себя офицеромъ, человѣкомъ, получающимъ до сорока рублей въ мѣсяцъ содержанія, имѣющимъ команду надъ полуротою солдатъ и въ полномъ своемъ распоряженіи денщика, онъ пока не желалъ ничего болѣе. «Хорошо, очень хорошо»,—думалъ онъ, засыпая, и, просыпаясь, прежде всего вспоминалъ, что онъ уже не юнкеръ, а офицеръ, что ему уже не надо тотчасъ же вскакивать съ постели и одѣваться, подъ опасеніемъ нагоняя отъ дежурнаго офицера, а можно еще поваляться, понѣжиться и выкурить папиросу.

— Никита!—кричитъ онъ.

Никита, въ полинялой розовой ситцевой рубашкѣ, въ черныхъ суконныхъ штанахъ и неизвѣстно гдѣ добытыхъ имъ старыхъ глубокихъ резиновыхъ калошахъ на босую ногу, появляется въ дверяхъ, ведущихъ изъ единственной комнаты квартиры Стебелькова въ переднюю.

— Холодно сегодня?

— Не могу знать, ваше благородіе,—робко отвѣчаетъ Никита

— Поди, погляди и скажи мнѣ.

Никита немедленно отправляется на морозъ и по прошествіи минуты снова является въ дверяхъ передней.

— Дюжс холодно, ваше благородіе.

— Вѣтеръ есть?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Дуракъ, какъ же ты не можешь знать? Вѣдь былъ на дворѣ...

— На дворѣ нѣтути, ваше благородіе.

— «Нѣтути, нѣтути»!.. Поди на улицу!

Никита идетъ на улицу и приходитъ съ докладомъ, что «вѣтеръ здоровый».

— Ученья не будетъ, ваше благородіе. Сидоровъ сказывалъ,—осмѣливается дополнить онъ.

— Хорошо, ступай,—говоритъ Александръ Михайловичъ. Онъ свертывается въ комокъ, натягиваетъ на себя теплое байковое одѣяло и въ полудремотѣ начинаетъ мечтать подъ трескъ ярко горящей печки, затопленной Никитою. Юнкерская жизнь представляется ему какимъ-то непріятнымъ сномъ... Вѣдь вотъ какъ недавно это было: бьетъ барабанъ надъ самымъ ухомъ, вскакиваешь, дрожишь отъ холода... За этими воспоминаніями встаютъ другія, тоже не особенно пріятныя. Бѣдность, жалкая обстановка мелкихъ чиновниковъ, всегда угрюмая мать, высокая тощая женщина съ строгимъ выраженіемъ на худомъ лицѣ, постоянно точно будто бы говорившемъ: «пожалуйста, я не позволю всякому оскорблять меня!» Куча братьевъ и сестеръ, ссоры между ними, жалобы матери на судьбу и брань между нею и отцомъ, когда онъ являлся пьянымъ... Гимназія, въ которой было такъ трудно учиться, несмотря на всѣ старанія; товарищи, преслѣдовавшіе его и неизвѣстно по какой причинѣ называвшіе его крайне обиднымъ названіемъ—«селедкою»; невыдержанный экзаменъ изъ русскаго языка; тяжелая унизительная сцена, когда онъ, выключенный изъ гимназіи, пришелъ домой весь въ слезахъ. Отецъ спалъ на клеенчатомъ диванѣ пьяный, мать возилась въ кухнѣ у печки, готовя обѣдъ. Увидя Сашу, входящаго съ книжками и въ слезахъ, она поняла, что̀ случилось—и набросилась на мальчугана съ ругательствами, потомъ кинулась къ отцу, разбудила его, втолковала ему, въ чемъ дѣло, и отецъ побилъ мальчика.

Сашѣ было тогда пятнадцать лѣтъ. Черезъ два года онъ поступилъ на правахъ вольноопредѣляющагося въ военную службу, а къ двадцати годамъ былъ уже самостоятельнымъ человѣкомъ, прапорщикомъ пѣхотнаго полка...

«Хорошо,—думается ему подъ одѣяломъ.—Сегодня вечеромъ въ клубъ... танцы...»

И представляется Александру Михайловичу зала офицерскаго клуба, полная свѣта, жары, музыки и барышень, которыя сидятъ цѣлыми клумбами вдоль стѣнъ и только ждутъ, чтобы ловкій молодой офицеръ пригласилъ на нѣсколько туровъ вальса. И Стебельковъ, щелкнувъ каблуками («жаль, чортъ возьми, шпоръ нѣтъ!»), ловко изгибается предъ хорошенькою майорскою дочерью, граціозно развѣсивъ руки, говоритъ: «permettez», и майорская дочь кладетъ ему ручку около эполета, и они несутся, несутся, несутся...

«Да, это не то, что—селедка. И какъ глупо; ну, почему я селедка? Вотъ тѣ-то, не селедки, тамъ гдѣ-нибудь на

первомъ курсѣ въ университетѣ сидятъ, голодаютъ, а я... И чего это они непремѣнно въ университетъ? Положимъ, что жалованья судебный слѣдователь или докторъ получаетъ побольше моего, но вѣдь сколько времени нужно добиваться... и все на свой счетъ живи. То ли дѣло у насъ: только поступи въ училище, а тамъ ужъ самъ поѣдешь; если будешь хорошо служить, то можно и до генерала... Ухъ, тогда задалъ бы я!..» Александръ Михайловичъ и самъ не высказалъ себѣ, кому бы именно онъ задалъ, но воспоминаніе о «не селедкахъ» въ это мгновеніе мелькнуло у него въ душѣ.

— Никита!—кричитъ онъ:—чай у насъ есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, весь вышелъ.

— Сходи, возьми осьмушку.

Онъ достаетъ изъ-подъ подушки новенькій кошелекъ и даетъ Никитѣ деньги.

Никита идетъ за чаемъ. Александръ Михайловичъ продолжаетъ свои размышленія, и пока Никита вернулся съ чаемъ, баринъ уже успѣлъ снова уснуть.

— Ваше благородіе, ваше благородіе,—шепчетъ Никита.

— Что̀? А? Принесъ? Хорошо, я сейчасъ встану... Давай одѣваться.

Александръ Михайловичъ ни дома ни въ училищѣ никогда не одѣвался иначе, какъ самъ (исключая, разумѣется, младенческаго возраста), но, получивъ въ свое распоряженіе денщика, онъ въ двѣ недѣли совершенно разучился надѣвать и снимать платье. Никита натягиваетъ на его ноги носки, сапоги, помогаетъ надѣвать брюки, накидываетъ ему на плечи лѣтнюю шинель, служащую вмѣсто халата. Александръ Михайловичъ, не умываясь, садится пить чай.

Приносятъ литографированный приказъ по полку, и Стебельковъ, прочитывая его отъ первой строчки до послѣдней, съ удовольствіемъ видитъ, что его очередь итти въ караулъ еще далеко.—«А это еще что̀ за новости?»—думаетъ онъ, читая:

«Въ видахъ поддержанія уровня знаній господъ офицеровъ, предлагаю штабсъ-капитану Ермолину и поручику Петрову 2-му съ будущей недѣли начать чтеніе лекцій—первому по тактикѣ, а второму по фортификаціи. О времени чтенія, имѣющаго происходить въ залѣ офицерскаго собранія, будетъ мною объявлено особымъ по полку приказомъ».

«Ну, вотъ ужъ это Богъ знаетъ что̀: ходить слушать тактику да фортификацію!—думаетъ Александръ Михайло-

вичъ.—Мало онѣ въ училищѣ надоѣли! Да и ничего новаго не скажутъ, будутъ читать по старымъ запискамъ».

Прочитавъ приказъ и кончивъ пить чай, Александръ Михайловичъ приказываетъ Никитѣ убрать самоваръ и садится набивать папиросы, продолжая безконечныя размышленія о своемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, которое сулитъ ему если не генеральскіе жирные, то по крайней мѣрѣ штабъ-офицерскіе густые эполеты. А когда всѣ папиросы набиты, онъ ложится на постель и читаетъ «Ниву» за прошлый годъ, разсматривая давно уже пересмотрѣнныя картинки и не пропуская ни одной строчки текста. Наконецъ отъ долгаго лежанья и чтенія «Нивы» у него начинаетъ мутить въ головѣ.

— Никита!—кричитъ онъ.

Никита вскакиваетъ съ постланной на полу передней у печки шинели, служащей ему постелью, и кидается къ барину.

— Посмотри, который часъ... Нѣтъ, лучше дай мнѣ сюда часы.

Никита бережно беретъ со стола серебряные часы съ цѣпочкой изъ новаго золота и, подавъ ихъ барину, снова удаляется въ переднюю на свою шинель...

«Половина второго... Не пора ли итти обѣдать?»—думаетъ Стебельковъ, заводя часы бронзовымъ ключикомъ, который онъ только-что пріобрѣлъ и въ головкѣ котораго вставлена маленькая фотографическая картинка, видимая въ увеличенномъ видѣ, если разсматривать ее на свѣтъ. Александръ Михайловичъ смотритъ картинку, прищуривъ лѣвый глазъ, и улыбается. «Какія славныя штучки нынче дѣлаютъ, право! И какъ ухитряются... въ такомъ маленькомъ видѣ?—приходитъ ему въ голову.—Однако нужно итти...»

— Никита!—кричитъ онъ.

Никита появляется.

— Давай умываться.

Никита приноситъ въ комнату некрашенный табуретъ съ поставленной на немъ лаханкой съ рукомойникомъ. Александръ Михайловичъ начинаетъ умываться. Чуть только касается его рукъ ледяная вода, онъ вскрикиваетъ:

— Сколько разъ я тебѣ, болванъ, говорилъ, чтобы ты оставлялъ воду на ночь въ комнатѣ! Вѣдь этакъ рожу заморозишь... дуракъ...

Никита молчитъ въ полномъ сознаніи вины и усердно подливаетъ воду на ладони разсердившагося господина.

— Сюртукъ вычистилъ?

— Точно такъ, ваше благородіе, вычистилъ, — говоритъ

Никита и подаетъ барину висѣвшій на спинкѣ стула новенькій сюртукъ съ блестящими золотыми погонами, украшенными цифрой и одной серебряной звѣздочкой.

Прежде чѣмъ надѣть его, Александръ Михайловичъ внимательно разсматриваетъ темно-зеленое сукно и находитъ пушинку.

— Это что̀ такое? Это развѣ значитъ чистить? Такъ ты исполняешь свои обязанности? Пошелъ, дуракъ, почисть еще.

Никита идетъ въ переднюю и начинаетъ извлекать изъ щетки, при помощи сюртука, звуки, извѣстные подъ названіемъ шурханья. Стебельковъ, при помощи складного зеркала въ желтой деревянной оправѣ и pommade hongroise, начинаетъ доводить свои усы до возможнаго совершенства. Наконецъ усы приведены въ полный порядокъ, а шурханье въ передней все еще продолжается.

— Давай сюртукъ; не до второго же пришествія будешь ты его чистить... Еще опоздаешь изъ-за тебя, дуракъ...

Онъ внимательно застегиваетъ сюртукъ, потомъ надѣваетъ саблю, калоши, шинель и выходитъ на улицу, гремя ножнами по мерзлымъ доскамъ тротуара.

Остальная часть дня проходитъ въ обѣдѣ, чтеніи «Русскаго Инвалида», разговорахъ съ товарищами о службѣ, производствѣ, содержаніи; вечеромъ Александръ Михайловичъ отправляется въ клубъ и мчится «въ вихрѣ вальса» съ майорской дочерью. Онъ возвращается домой поздно вечеромъ, усталый, съ легкимъ опьяненіемъ отъ нѣсколькихъ рюмочекъ, выпитыхъ во время вечера, но довольный... Жизнь разнообразится только ученьями, караулами, лѣтомъ лагерями, иногда маневрами и рѣдко лекціями по фортификаціи и тактикѣ, которыхъ нельзя не посѣщать. И тянется она годы, не оставляя на Стебельковѣ никакихъ слѣдовъ; только цвѣтъ лица измѣняется, да лысинка начинаетъ пробиваться, да вмѣсто одной звѣздочки на погонахъ появляются двѣ, потомъ три, потомъ четыре...

Что̀ же дѣлаетъ въ это время Никита? А Никита большею частью лежитъ на своей шинелькѣ у печки, вскакивая на безпрестанныя требованія барина. Утромъ у него довольно работы: нужно затопить печь, поставить самоваръ, принести воды, вычистить сапоги, платье, одѣть барина, когда встанетъ, вымести комнату, прибрать ее (правда, послѣднее не требуетъ много времени: вся мебель въ комнатѣ состоитъ изъ кровати, стола, трехъ стульевъ, этажерки и чемодана). Все-жъ-таки есть для Никиты хоть призракъ дѣла. По уходѣ барина начинается безконечный день, состоящій почти въ

обязательномъ ничегонедѣланьи, и прерывается только походомъ въ казарму за обѣдомъ съ ротной кухни. Живя еще въ казармѣ, Никита научился немного чеботарить: класть заплатки, подкидывать подметки, набивать подборы; переселившись къ Стебелькову, онъ вздумалъ-было продолжать свое ремесло, пряча мѣшокъ за двери въ сѣняхъ, какъ только раздавался стукъ въ двери. Баринъ, нѣсколько дней замѣчавшій, что въ передней сильно пахнетъ чернымъ товаромъ, доискался причины запаха и задалъ Никитѣ жестокую головомойку, послѣ чего приказалъ, «чтобы этого никогда не было». Тогда Никитѣ осталось только лежать на своей шинелькѣ и думать. И онъ лежалъ на ней и думалъ цѣлые вечера, засыпая подъ конецъ до той минуты, когда раздавался стукъ въ двери, возвѣщавшій приходъ барина; Никита раздѣвалъ его, и скоро маленькая квартирка погружалась во мракъ; офицеръ и денщикъ спали.

Гудитъ и завываетъ вѣтеръ, бьетъ хлопьями снѣгъ въ окно. И кажется онъ спящему прапорщику Стебелькову громомъ бальной музыки; видитъ онъ во снѣ ярко освѣщенную залу, такую, какой никогда не видалъ, полную незнакомаго ему разодѣтаго народа. Но онъ не чувствуетъ себя смущеннымъ, а напротивъ—героемъ вечера. Тутъ и знакомое ему общество; оно относится къ нему не такъ, какъ до сихъ поръ, а съ какимъ-то восторгомъ; полковникъ, вмѣсто того, чтобы подать ему два пальца, жметъ его руку обѣими толстыми руками; майоръ Хлобущинъ, всегда косо смотрѣвшій на его ухаживанье за дочкой, самъ подводитъ ее къ нему, смиренно кланяясь. Что̀ онъ сдѣлалъ великаго, за что его возносятъ, онъ не знаетъ, но что-то онъ сдѣлалъ, это несомнѣнно. Онъ смотритъ на свои плечи и видитъ на нихъ генеральскіе эполеты. Музыка гремитъ, пары несутся, и онъ самъ несется куда-то все дальше и дальше, все выше и выше. Блестящая зала далеко отъ него и кажется ему уже только маленькой свѣтлой точкой. Вокругъ него множество людей въ разныхъ мундирахъ; всѣ спрашиваютъ его приказаній. Онъ не знаетъ, о чемъ они спрашиваютъ, но отдаетъ приказанія, ординарцы мчатся къ нему и отъ него. Громъ пушекъ слышенъ вдали; звучатъ марши: полки идутъ за полками. Все движется куда-то вмѣстѣ съ нимъ; пушки гремятъ ближе, и Стебелькову становится страшно. «Убьютъ!»—думаетъ онъ. И страшный крикъ раздается со всѣхъ сторонъ; бѣгутъ на него странные, уродливые и свирѣпые люди, какихъ онъ никогда не видывалъ. Они все ближе и ближе; сердце Стебелькова сжимается невыразимымъ

ужасомъ, какой бываетъ только во снѣ, и онъ кричитъ: «Никита!»

Гудитъ и завываетъ вѣтеръ, бьетъ хлопьями снѣга въ окно. И кажется онъ спящему Никитѣ настоящимъ вѣтромъ, непогодою. Снится ему, что лежитъ онъ въ своей избѣ, одинъ; около него нѣтъ ни жены, ни отца, никого изъ семьи. Онъ не знаетъ, какъ онъ попалъ домой, и боится, не убѣжалъ ли онъ изъ полка. Чудится ему, что за нимъ наряжена погоня, и чувствуетъ онъ, что она близка, и хочетъ онъ бѣжать и спрятаться куда-нибудь, но не можетъ шевельнуть ни однимъ членомъ. Тогда онъ кричитъ, и вся изба наполняется людьми; все деревенскіе знакомые; но лица у нихъ какія-то чудныя. «Здравствуй, Никита, — говорятъ ему: — твоихъ, братъ, никого нѣту, всѣхъ Богъ прибралъ! Всѣ померли. Вотъ они, глянь-ка сюда!» И Никита видитъ всю свою семью въ толпѣ; и Иванъ, и жена, и тетка Прасковья, и ребятишки. И понимаетъ онъ, что хотя они стоятъ вмѣстѣ со всѣми, но ужъ мертвые, и всѣ деревенскіе тоже мертвые: оттого они такъ чудно смѣются. Идутъ они къ нему, хватаютъ его, но онъ вырывается и бѣжитъ по сугробамъ, спотыкаясь и падая; за нимъ гонится уже не мертвые, а прапорщикъ Стебельковъ съ солдатами. И онъ бѣжитъ все дальше и дальше, а прапорщикъ кричитъ ему: «Никита, Никита, Никита!..»

— Никита! — дѣйствительно кричитъ Стебельковъ.

Проснувшійся Никита вскакиваетъ и ощупью идетъ въ комнату, шлепая босыми ногами.

— Что ты, чортъ тебя возьми, смѣешься надо мной, что ли? Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты клалъ около меня спички! Дрыхнетъ, какъ болванъ! Полчаса зову, не дозовусь. Дай огня!

Заспанный Никита шаритъ по столу и окнамъ и находитъ спички. Онъ зажигаетъ свѣчу, вставленную въ мѣдный позеленѣвшій подсвѣчникъ, и, щурясь, подаетъ ее барину. Александръ Михайловичъ выкуриваетъ папироску, и черезъ четверть часа офицеръ и денщикъ снова спятъ глубокимъ сномъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РЯДОВОГО ИВАНОВА.

I.

Четвертаго мая тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмого года я пріѣхалъ въ Кишиневъ и черезъ полчаса узналъ, что черезъ городъ проходитъ 56-я пѣхотная дивизія. Такъ какъ я пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ какой-нибудь полкъ и побывать на войнѣ, то седьмого мая, въ четыре часа утра, я уже стоялъ на улицѣ въ сѣрыхъ рядахъ, выстроившихся передъ квартирой полковника 222-го Старобѣльскаго пѣхотнаго полка. На мнѣ была сѣрая шинель съ красными погонами и синими петлицами, кепи съ синимъ околышемъ; за спиной ранецъ, на поясѣ — патронныя сумки, въ рукахъ — тяжелая крынковская винтовка.

Музыка грянула: отъ полковника выносили знамена. Раздалась команда; полкъ беззвучно сдѣлалъ на караулъ. Потомъ поднялся ужасный крикъ: скомандовалъ полковникъ, за нимъ батальонный и ротные командиры и взводные унтеръ-офицеры. Слѣдствіемъ всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движеніе сѣрыхъ шинелей, кончившееся тѣмъ, что полкъ вытянулся въ длинную колонну и мѣрно зашагалъ подъ звуки полкового оркестра, гремѣвшаго веселый маршъ. Шагалъ и я, стараясь попадать въ ногу и итти наравнѣ съ сосѣдомъ. Ранецъ тянулъ назадъ, тяжелыя сумки впередъ, ружье соскакивало съ плеча, воротникъ сѣрой шинели теръ шею; но, несмотря на всѣ эти маленькія непріятности, музыка, стройное, тяжелое движеніе колонны, раннее свѣжее утро, видъ щетины штыковъ, загорѣлыхъ и суровыхъ лицъ настраивали душу твердо и спокойно.

У воротъ домовъ, несмотря на раннее утро, толпился народъ; изъ оконъ глядѣли полураздѣтыя фигуры. Мы шли по

длинной, прямой улицѣ, мимо базара, куда уже начали съѣзжаться молдаване на своихъ воловьихъ возахъ; улица поднималась въ гору и упиралась въ городское кладбище. Утро было пасмурное и холодное, накрапывалъ дождикъ; деревья кладбища виднѣлись въ туманѣ; изъ-за мокрыхъ воротъ и стѣны выглядывали верхушки памятниковъ. Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мнѣ, что оно смотритъ на насъ сквозь туманъ въ недоумѣніи. «Зачѣмъ итти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть спокойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Останьтесь!»

Но мы не остались. Насъ влекла невѣдомая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь по дисциплинѣ не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, а тому невѣдомому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню — самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій.

За кладбищемъ открылась широкая и глубокая долина, уходившая изъ глазъ въ туманъ. Дождь пошелъ сильнѣе; кое-гдѣ, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный лучъ; тогда косыя и прямыя полосы дождя сверкали серебромъ. По зеленымъ склонамъ долины ползли туманы; сквозь нихъ можно было различить длинныя, вытянувшіяся колонны войскъ, шедшихъ впереди насъ. Изрѣдка блестѣли кое-гдѣ штыки; орудіе, попавъ въ солнечный свѣтъ, горѣло нѣсколько времени яркою звѣздочкою и меркло. Иногда тучи сдвигались: становилось темнѣе; дождь шелъ чаще. Черезъ часъ послѣ выступленія я почувствовалъ, какъ струйка холодной воды побѣжала у меня по спинѣ.

Первый переходъ былъ невеликъ: отъ Кишинева до деревни Гаурени всего восемнадцать верстъ. Однако, съ непривычки нести на себѣ фунтовъ двадцать пять—тридцать груза, я, добравшись до отведенной намъ хаты, сначала даже сѣсть не могъ: прислонился ранцемъ къ стѣнѣ, да такъ и стоялъ минутъ десять въ полной амуниціи и съ ружьемъ въ рукахъ. Одинъ изъ солдатъ, идя на кухню за обѣдомъ, сжалившись надо мной, взялъ и мой котелокъ; но когда онъ пришелъ, то засталъ меня спящимъ глубокимъ сномъ. Я проснулся только въ четыре часа утра отъ нестерпимо рѣзкихъ звуковъ рожка, игравшихъ генералъ-маршъ, и черезъ пять минутъ снова шагалъ по грязной гли-

нистой дорогѣ, подъ мелко сыпавшимъ, точно сквозь сито, дождикомъ. Передо мною двигалась чья-то сѣрая спина съ навьюченнымъ на нее бурымъ телячьимъ ранцемъ, побрякивавшимъ желѣзнымъ котелкомъ, и ружьемъ на плечѣ; съ боковъ и сзади тоже шли такія же сѣрыя фигуры. Первые дни я не могъ отличать ихъ другъ отъ друга. 222-й пѣхотный полкъ, куда я попалъ, состоялъ большею частью изъ вятскихъ (вячкихъ, какъ они говорили) и костромскихъ мужиковъ. Все широкія, скуластыя лица, побурѣвшія отъ холода; сѣрые небольшіе глаза, бѣлокурые, цвѣтные волосы и бороды. Хотя я и помнилъ нѣсколько фамилій, но кому онѣ принадлежатъ — не зналъ. Черезъ двѣ недѣли я не могъ понять, какъ я могъ смѣшивать двухъ своихъ сосѣдей: одного, шедшаго рядомъ со мною, и другого, шедшаго рядомъ съ обладателемъ сѣрой спины, бывшей постоянно передъ моими глазами. Я безразлично называлъ ихъ Ѳедоровымъ и Житковымъ, постоянно ошибался, а между тѣмъ они были совершенно непохожи другъ на друга.

Ѳедоровъ, ефрейторъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, стройно, даже изящно сложенный. У него было правильное, будто выточенное лицо, съ очень красиво очерченными носомъ, губами и подбородкомъ, покрытымъ бѣлокурой курчавой бородкой, и съ веселыми голубыми глазами. Когда кричали: «пѣсенники, впередъ!», онъ бывалъ запѣвалой нашей роты и чисто выводилъ груднымъ теноромъ, на высокихъ нотахъ прибѣгая къ высочайшему фальцету:

...Царя тре-е-буютъ въ сенатъ!

Онъ былъ уроженецъ Владимирской губерніи, съ дѣтства попавшій въ Петербургъ. Что̀ рѣдко случается, петербургская «образованность» не испортила его, но только отшлифовала, научивъ, между прочимъ, читать газеты и говорить всякія мудреныя слова.

— Конечно, Владимиръ Михайловичъ, — говорилъ онъ мнѣ: — я могу имѣть разсужденія больше, чѣмъ дядя Житковъ, такъ какъ Питеръ оказалъ на меня свое вліяніе. Въ Питерѣ цивилизація, а у нихъ въ деревнѣ одно незнаніе и дикость. Но однако, какъ они человѣкъ пожилой и, можно сказать, виды видѣвшій и перенесшій различныя превратности судьбы, то я не могу на нихъ орать, напримѣръ. Ему сорокъ лѣтъ, а мнѣ двадцать третій. Хотя я въ ротѣ и ефрейторъ.

Дядя Житковъ — коренастый, необыкновенной силы му-

жикъ, всегда мрачнаго вида. Лицо у него было темное, скуластое, глаза маленькіе, смотрѣвшіе исподлобья. Онъ никогда не улыбался и рѣдко говорилъ. Онъ былъ плотникъ по ремеслу и находился въ безсрочномъ отпуску, когда мобилизировали нашу армію. До чистой отставки ему оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; началась война, и Житковъ пошелъ въ походъ, оставивъ дома жену и пятерыхъ ребятишекъ. Несмотря на непривлекательную наружность и вѣчную мрачность, въ немъ было что-то влекущее, доброе и сильное. Теперь мнѣ кажется совершенно непонятнымъ, какъ я могъ смѣшивать этихъ сосѣдей, но въ первые два дня оба мнѣ казались одинаковыми: сѣрыми, навьюченными, уставшими и продрогшими.

Всю первую половину мая шли непрерывные дожди, и мы двигались безъ палатокъ. Безконечная глинистая дорога подымалась на холмъ и спускалась въ оврагъ чуть ли не на каждой верстѣ. Итти было тяжело. На ногахъ комья грязи, сѣрое небо низко повисло и безпрерывно сѣетъ на насъ мелкій дождь. И нѣтъ ему конца, нѣтъ надежды, придя на ночлегъ, высушиться и отогрѣться: румыны не пускали насъ въ жилье, да имъ и негдѣ было помѣстить такую массу народа. Мы проходили городъ или деревню и становились гдѣ-нибудь на выгонѣ.

— Стой!.. Составь!

И приходилось, поѣвши горячей похлебки, укладываться прямо въ грязь. Снизу вода, сверху вода; казалось, и тѣло все пропитано водой. Дрожишь, кутаешься въ шинель, понемногу начинаешь согрѣваться влажною теплотой и крѣпко засыпаешь опять до проклинаемаго всѣми генералъ-марша. Снова сѣрая колонна, сѣрое небо, грязная дорога и печальные, мокрые холмы и долины. Людямъ приходилось трудно.

— Растворились всѣ хляби небесныя, — со вздохомъ говорилъ нашъ полувзводный унтеръ-офицеръ Карповъ, старый солдатъ, сдѣлавшій хивинскій походъ. — Мокнемъ-мокнемъ безъ конца.

— Высохнемъ, Василь Карпычъ! Вотъ солнышко выглянетъ, всѣхъ высушитъ. Походъ долгъ: поспѣемъ и высохнуть и вымокнуть, пока дойдемъ. Михайлычъ! — обращается сосѣдъ ко мнѣ: — далече ли до Дунаю-то?

— Недѣли три еще пройдемъ.

— Три недѣли! Да двѣ идемъ вотъ...

— Идемъ къ чорту въ лапы, — проворчалъ дядя Житковъ.

— Чего ты тамъ, старый чортъ, ворчишь? Народъ сму-

щаешь! Къ какому чорту въ лапы? Почему ты такое произносишь?

— На праздникъ, что ли, идемъ? — огрызается Житковъ.

— Не на праздникъ, а какъ должны исполнять присягу!.. Ты что, когда присягалъ, говорилъ? «Не щадя живота!..» А! Старый дуракъ! Ты смотри у меня!

— Что жъ я сказалъ, Василь Карпычъ? Нешто не иду! Помирать, такъ помирать... все одно...

— То-то! Поговори еще!

Житковъ молчитъ; лицо его становится еще мрачнѣе. Да и всѣмъ вообще не до разговоровъ: итти было слишкомъ тяжело. Ноги скользятъ, и люди часто падаютъ въ липкую грязь. Крѣпкая ругань раздается по батальону. Одинъ Ѳедоровъ не вѣшаетъ носа и безъ устали разсказываетъ мнѣ исторію за исторіей о Петербургѣ и деревнѣ.

Однако всему бываетъ конецъ. Однажды, проснувшись утромъ на бивуакѣ, около деревни, гдѣ была назначена дневка, я увидѣлъ голубое небо, бѣлыя мазанки и виноградники, ярко залитые утреннимъ солнцемъ, услышалъ повеселѣвшіе живые голоса. Всѣ уже встали, обсушились и отдыхали отъ тяжелаго полутора-недѣльнаго похода подъ дождемъ, безъ палатокъ. Во время дневки привезли и ихъ. Солдаты тотчасъ же принялись натягивать ихъ и, устроивъ все, какъ слѣдуетъ, забивъ колышки и натянувъ полотнища, почти всѣ улеглись подъ тѣнь.

— Отъ дождя не помогли, отъ солнышка сберегутъ.

— Да, чтобы личико у барина не почернѣло, — пошутилъ Ѳедоровъ, лукаво подмигивая въ мою сторону.

II.

Въ нашей ротѣ было всего два офицера: ротный командиръ, капитанъ Заикинъ, и субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Стебельковъ. Ротный былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, толстенькій и добрый; Стебельковъ — юноша, только-что выпущенный изъ училища. Жили они дружно: капитанъ приголубилъ прапорщика, поилъ и кормилъ его, а во время дождей даже прикрывалъ подъ своимъ единственнымъ гуттаперчевымъ плащомъ. Когда роздали палатки, наши офицеры помѣстились вмѣстѣ, а такъ какъ офицерскія палатки были просторны, то капитанъ рѣшилъ поселить съ собою и меня.

Утомленный безсонною ночью (наканунѣ наша рота была назначена къ обозу, и мы всю ночь вытаскивали его изъ рытвинъ и даже вывозили при помощи «Дубинушки» изъ разлившейся рѣчки), я крѣпко уснулъ послѣ обѣда. Денщикъ

ротнаго командира разбудилъ меня, осторожно трогая за плечо.

— Баринъ Ивановъ! Баринъ Ивановъ! — шепталъ онъ, какъ будто не хотѣлъ разбудить меня, а, напротивъ, всѣми силами старался не нарушить моего сна.

— Чего вамъ?

— Ротный требуютъ.—И, видя, что я надѣваю портупею со штыкомъ, прибавилъ: — Они сказали: веди въ чемъ есть.

Въ палаткѣ Заикина собралась цѣлая компанія. Кромѣ хозяевъ, было еще два офицера: полковой адъютантъ и командиръ стрѣлковой роты, Венцель. Въ 1877 году батальонъ состоялъ не изъ четырехъ, какъ теперь, а изъ пяти ротъ; на походѣ стрѣлковая рота шла сзади, такъ что наша рота своими послѣдними рядами соприкасалась съ ея первыми. Мнѣ приходилось итти почти между стрѣлками, и я уже нѣсколько разъ слышалъ отъ нихъ самые дурные отзывы о штабсъ-капитанѣ Венцелѣ. Всѣ четверо сидѣли вокругъ ящика, замѣнявшаго столъ и занятаго самоваромъ, посудою и бутылкою, и пили чай.

— Господинъ Ивановъ! Пожалуйте, пожалуйте! — закричалъ капитанъ. — Никита! Чашку, кружку, стаканъ, что̀ тамъ у тебя есть! Подвинься, Венцель; пусть онъ присаживается.

Венцель всталъ и весьма любезно поклонился. Это былъ сухощавый, небольшого роста молодой человѣкъ, блѣдный и нервный.

«Какіе у него безпокойные глаза и какія тонкія губы!» — пришло мнѣ тогда въ голову.

Адъютантъ, не вставая, протянулъ мнѣ руку.

— Лукинъ, — коротко отрекомендовался онъ.

Мнѣ было неловко. Офицеры молчали; Венцель прихлебывалъ чай съ ромомъ; адъютантъ пыхтѣлъ коротенькой трубкой; прапорщикъ Стебельковъ, кивнувъ мнѣ головою, продолжалъ читать растрепанный томъ какого-то переводнаго романа, совершившаго въ его чемоданѣ походъ изъ Россіи за Дунай и вернувшагося впослѣдствіи въ еще болѣе растрепанномъ видѣ въ Россію. Хозяинъ налилъ большую глиняную кружку чаю и влилъ въ него огромную порцію рому.

— Нате-ка, господинъ студентъ! Вы на меня не сердитесь: я человѣкъ простой. Да и всѣ мы здѣсь, знаете, люди простые. А вы человѣкъ образованный: значитъ, должны насъ извинить. Такъ, что̀ ли?

И онъ своею огромною рукою схватилъ мою руку сверху, какъ хищная птица хватаетъ добычу, и нѣсколько разъ

потрясъ ее въ воздухѣ, нѣжно смотря на меня выпученными и округлившимися маленькими глазами.

— Вы студентъ? — спросилъ Венцель.

— Да, бывшій, господинъ капитанъ.

Онъ улыбнулся и поднялъ на меня свой безпокойный взоръ. Мнѣ вспомнились солдатскіе разсказы, но въ ту минуту я усомнился въ ихъ правдивости.

— Зачѣмъ это «господинъ капитанъ»? Здѣсь въ палаткѣ вы свой между своими. Здѣсь вы просто интеллигентный человѣкъ между такими же, — тихо сказалъ онъ.

— Интеллигентный, это вѣрно! — закричалъ Заикинъ: — студентъ! Люблю студентовъ, хоть они и бунтовщики. Самъ былъ бы студентомъ, если бъ не судьба.

— Какая жъ такая у тебя особенная судьба, Иванъ Платонычъ? — спросилъ адъютантъ.

— Да приготовиться никакъ не могъ. Ну, математика еще туда-сюда, а ужъ насчетъ другого чего — не идетъ, да что̀ хочешь. Словесность эта... Правописаніе. Такъ и въ юнкерскомъ училищѣ писать не научился. Ей-Богу!

— Знаете, господинъ студентъ, — сказалъ адъютантъ между двумя огромными, выпущенными имъ, клубами дыма: — какъ Иванъ Платонычъ въ словѣ «еще» четыре ошибки дѣлаетъ?

— Ну, ну, не ври, тетенька! — Заикинъ отмахнулся рукой.

— Право, не вру. «И», «эсъ», «ша», «о» — какъ это вамъ покажется?

И адъютантъ громко расхохотался.

— Дери глотку. Самъ тоже... еще адъютантъ! «Столъ» черезъ «ять» пишетъ.

Адъютантъ совсѣмъ залился; прапорщикъ Стебельковъ, только-что хлебнувшій чаю, прыснулъ имъ на свой романъ и потушилъ одну изъ двухъ свѣчей, освѣщавшихъ палатку; я тоже не могъ удержаться отъ смѣха. Иванъ Платонычъ, болѣе всѣхъ довольный своей остротой, гремѣлъ раскатами басистаго хохота. Одинъ Венцель не смѣялся.

— Такъ словесность, Иванъ Платонычъ? — попрежнему тихо спросилъ онъ.

— Словесность, словесность... Ну, и прочее. Знаете, какъ нѣкто географію прошелъ до «экватора», а исторію до «эры». Да нѣтъ! Это все ерунда, не въ томъ дѣло. А просто деньжонки водились, ну, и прожигалъ жизнь. Вѣдь я, Ивановъ... позвольте имя и отчество?..

— Владиміръ Михайлычъ.

— Владиміръ Михайлычъ? Ладно... Вѣдь я безпутная го-

лова былъ смолоду. Чего только ни выкидывалъ! Ну, знаете, какъ въ пѣснѣ поется: «жилъ я, мальчикъ, веселился и имѣлъ свой капиталъ; капиталу, мальчикъ, я лишился и въ неволю жить попалъ». Поступилъ юнкеромъ въ сей славный, хотя глубоко армейскій полкъ; послали въ училище, кончилъ съ грѣхомъ пополамъ, да вотъ и тяну лямку второй десятокъ лѣтъ. Теперь вотъ на турку премъ. Выпьемте, господа, натуральнаго! Стòитъ ли его чаемъ портить? Выпьемъ, господа «пушечное мясо».

— Chair à canon, — перевелъ Венцель.

— Пускай шеръ а канонъ, пускай по-французски. Капитанъ у насъ умный, Владимиръ Михайлычъ: языки знаетъ и разные нѣмецкіе стишки наизусть долбитъ. Слушайте, юноша! Я васъ затѣмъ позвалъ, чтобы предложить вамъ перебраться ко мнѣ въ палатку. Тамъ вѣдь вамъ вшестеромъ съ солдатами тѣсно и скверно. Насѣкомыя. Все-таки у насъ лучше.

— Благодарю васъ, только позвольте отказаться.

— Это отчего? Вздоръ! Никита! Тащи его ранецъ! Вы въ которой палаткѣ?

— Вторая съ правой стороны. Только все-таки позвольте мнѣ остаться тамъ. Мнѣ вѣдь съ солдатами больше бывать приходится. Лучше ужъ совсѣмъ съ ними.

Капитанъ внимательно посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы хотѣлъ прочитать мои мысли. Подумавъ, онъ сказалъ:

— Вы что же, въ дружбѣ съ ними состоять хотите?!

— Да, если это будетъ возможно.

— Вѣрно. Не перебирайтесь. Уважаю.

И онъ сгребъ своей ручищей мою руку и началъ трясти ее въ воздухѣ.

Немного времени спустя я распрощался съ офицерами и вышелъ изъ палатки. Вечерѣло; люди одѣвались въ шинели, приготовляясь къ зорѣ. Роты выстроились на линейкахъ, такъ что каждый батальонъ образовалъ замкнутый квадратъ, внутри котораго были палатки и ружья въ козлахъ. Барабаны пробили зорю, откуда-то издалека послышались слова команды:

— Полки на молитву, шапки долой!

И двѣнадцать тысячъ человѣкъ обнажили головы. «Отче нашъ, иже еси на небеси», — начала наша рота. Рядомъ тоже запѣли. Шестьдесятъ хоровъ по двѣсти человѣкъ въ каждомъ пѣли каждый самъ по себѣ; выходили диссонансы, но молитва все-таки звучала трогательно и торжественно. По-

немногу начали затихать хоры; наконецъ далеко, въ батальонѣ, стоявшемъ на концѣ лагеря, послѣдняя рота пропѣла: «но избави насъ отъ лукаваго». Коротко пробили барабаны.

— Накройсь!

Солдаты укладывались спать; въ нашей палаткѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ, помѣщалось шестеро на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженъ, мое мѣсто было съ краю. Я долго лежалъ, смотря на звѣзды, на костры далекихъ войскъ, слушая смутный и негромкій шумъ большого лагеря. Въ сосѣдней палаткѣ кто-то разсказывалъ сказку, безпрестанно повторяя слова «наконецъ, того», произнося не «тово», а «того»...

— Наконецъ, того, приходитъ тотъ принцъ къ своей супругѣ и началъ ей про все выговаривать. Наконецъ, того, она... Лютиковъ, спишь, что ли?.. Ну, спи, Христосъ съ тобой. Господи, Царица Небесная... Преподобныхъ отецъ нашихъ...— шепчетъ разсказчикъ и стихаетъ.

Въ офицерской палаткѣ тоже говоръ. По освѣщенному изнутри полотну двигаются огромныя и уродливыя тѣни сидящихъ въ палаткѣ офицеровъ. Изрѣдка слышенъ взрывъ хохота: это заливается адъютантъ. По линейкѣ ходитъ туда и сюда часовой съ ружьемъ; напротивъ насъ, на бивуакѣ недалеко стоящей артиллеріи, тоже часовой съ обнаженной шашкой. Оттуда изрѣдка слышенъ топотъ лошадей у коновязей, ихъ фырканье, слышно, какъ онѣ мирно жуютъ овесъ, съ такимъ же добродушнымъ шурханьемъ, какое мнѣ случалось слышать не на войнѣ, а гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ на родинѣ, въ такую же тихую звѣздную ночь. Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы блестѣли низко надъ горизонтомъ; гораздо ниже, чѣмъ у насъ. Смотря на Полярную звѣзду, я думалъ, что именно въ этомъ направленіи долженъ быть Петербургъ, гдѣ я оставилъ мать, друзей и все дорогое. Надъ головою блестѣли знакомыя созвѣздія; Млечный путь не тускло свѣтился, а сіялъ ясною, торжественно-спокойною полосою свѣта. На югѣ какія-то большія звѣзды незнакомаго, невидимаго у насъ созвѣздія горѣли, одна краснымъ, другая зеленоватымъ огнемъ. Мнѣ думалось: «когда мы пойдемъ дальше, за Дунай, за Балканы, въ Константинополь, увижу ли я тогда еще новыя звѣзды? И какія онѣ?»

Спать не хотѣлось; я всталъ и началъ бродить по сырой травѣ между нашимъ батальономъ и артиллеріей. Темная фигура поровнялась со мною, гремя соблею; по ея звуку я догадался, что это офицеръ, и вытянулся во фронтъ. Офицеръ подошелъ ко мнѣ и оказался Венцелемъ.

— Не спится, Владимиръ Михайлычъ?—спросилъ онъ мягкимъ и тихимъ голосомъ.

— Не спится, господинъ капитанъ.

— Меня зовутъ Петръ Николаевичъ... И мнѣ тоже не спится... Сидѣлъ-сидѣлъ у вашего командира; надоѣло: засѣли за карты, да и перепились всѣ... Ахъ, какая ночь!

Онъ пошелъ рядомъ со мною; дойдя до конца линейки, мы повернули назадъ и прошли нѣсколько разъ взадъ и впередъ молча. Венцель началъ первый.

— Скажите мнѣ, вы пошли въ походъ по собственному желанію?

— Да.

— Что̀ же влекло васъ?

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ я, не желая вдаваться въ подробности. — Больше всего, конечно, желаніе поиспытать, посмотрѣть.

— И, вѣроятно, изучить народъ въ лицѣ его представителя-солдата? — спросилъ Венцель.

Было темно, и я не видѣлъ выраженія его лица, но слышалъ въ голосѣ иронію.

— Куда ужъ тутъ изучать! До изученія ли, когда думаешь только о томъ, какъ бы дойти до привала да заснуть!

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Скажите мнѣ, отчего вы не перебрались къ вашему командиру? Неужели вы дорожите мнѣніемъ этого мужичья?

— Конечно, дорожу, какъ мнѣніемъ всѣхъ, кого у меня нѣтъ причины не уважать.

— Не имѣю причины вамъ не вѣрить. Да, впрочемъ, вѣдь теперь такая полоса нашла. И литература — и та возводитъ мужика въ какой-то перлъ творенія.

— Кто говоритъ о перлахъ творенія, Петръ Николаевичъ! Признавали бы человѣка, и то ладно.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, съ жалкими словами! Кто его не признаётъ! Человѣкъ?—Ну, пусть будетъ человѣкомъ; какой? — это другой вопросъ... Давайте, поговоримъ о другомъ.

Мы дѣйствительно разговорились. Венцель, видимо, очень много читалъ и, какъ сказалъ Заикинъ, зналъ и языки. Замѣчаніе капитана о томъ, что онъ «стихи долбитъ», тоже оказалось вѣрнымъ: мы заговорили о французахъ, и Венцель, обругавъ натуралистовъ, перешелъ къ 40-мъ и 30-мъ годамъ, и даже съ чувствомъ продекламировалъ «Декабрь-

скую ночь» Альфреда де-Мюссе. Онъ читалъ хорошо: просто и выразительно, съ хорошимъ французскимъ выговоромъ. Кончивъ, онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Да, это хорошо; но всѣ французы вмѣстѣ не стоятъ десяти строкъ Шиллера, Гёте и Шекспира.

Завѣдуя полковой библіотекой, пока не принялъ роту, онъ прилежно слѣдилъ за русской литературой. Говоря о ней, онъ строго осудилъ, какъ онъ выразился, «сиволапое направленіе». Отъ этого замѣчанія разговоръ вернулся къ прежнему предмету. Венцель спорилъ горячо.

— Когда я, почти мальчикомъ, поступилъ въ полкъ, я не думалъ того, что̀ говорю вамъ теперь. Я старался дѣйствовать словомъ, я старался пріобрѣсти нравственное вліяніе. Но прошелъ годъ, и они вытянули изъ меня всѣ жилы. Все, что̀ осталось отъ такъ называемыхъ хорошихъ книжекъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, оказалось сентиментальнымъ вздоромъ. И теперь я думаю, что единственный способъ быть понятымъ — вотъ!

Онъ сдѣлалъ какой-то жестъ рукою. Было такъ темно, что я не понялъ его.

— Что жъ это, Петръ Николаевичъ?

— Кулакъ! — отрѣзалъ онъ. — Прощайте однако, пора спать.

Я сдѣлалъ ему подъ козырекъ и побрелъ къ своей палаткѣ. Мнѣ было и больно и противно.

Въ палаткѣ, казалось, уже всѣ спали; но минуты черезъ двѣ послѣ того, какъ я легъ, Ѳедоровъ, спавшій рядомъ со мною, тихо спросилъ:

— Михайлычъ, спите?

— Нѣтъ, не сплю.

— Съ Венцелемъ ходили?

— Съ нимъ самимъ.

— Что жъ онъ съ вами какъ? Смирный?

— Ничего, смирный, даже любезенъ.

— Ишь ты вѣдь! Что̀ значитъ свой братъ-баринъ! Не то, что̀ съ нами.

— А что̀? Развѣ очень сердитъ?

— И-и-и... бѣда! Трещатъ скулы во второй стрѣлковой. Звѣрь!

И онъ сейчасъ же уснулъ, такъ что въ отвѣтъ на мой слѣдующій вопросъ я услышалъ только его ровное и спокойное дыханіе. Я завернулся покрѣпче въ шинель; въ головѣ все спуталось и исчезло въ крѣпкомъ снѣ.

III.

За дождями наступили жары. Около этого времени мы вышли съ проселка, гдѣ ноги вязли въ расползавшейся почвѣ, на большее шоссе, ведущее изъ Яссъ въ Бухарестъ. Первый нашъ переходъ по шоссе, отъ Текуча къ Берладу, навсегда останется въ памяти сдѣлавшихъ его. Было 35 градусовъ въ тѣни; переходъ былъ сорокъ восемь верстъ. Было тихо; мелкая известковая пыль, подымаемая тысячами ногъ, стояла надъ шоссе; она лѣзла въ носъ и ротъ, пудрила волосы, такъ что нельзя было разобрать ихъ цвѣта; смѣшанная съ потомъ, она покрыла всѣ лица грязью и превратила всѣхъ въ негровъ. Почему-то мы шли тогда не въ рубахахъ, а въ мундирахъ. Солнце нагрѣвало черное сукно, невыносимо пекло головы сквозь черныя кэпи; ноги чувствовали сквозь подошву раскаленный щебень шоссе. Люди задыхались. На бѣду, колодцы были рѣдки, и въ большей части ихъ было такъ мало воды, что голова нашей колонны (шла цѣлая дивизія) вычерпывала всю воду, и намъ, послѣ страшной давки и толкотни у колодцевъ, доставалась только глинистая жидкость, скорѣе грязь, чѣмъ вода. Когда не хватало и ея, люди падали. Въ этотъ день въ одномъ нашемъ батальонѣ упало на дорогѣ около девяносто человѣкъ. Трое умерло отъ солнечнаго удара.

Я выносилъ эту пытку сравнительно съ другими легко. Можетъ-быть, потому, что нашъ полкъ былъ набранъ большею частью изъ сѣверянъ, а я съ дѣтства привыкъ къ степнымъ жарамъ; а можетъ-быть, тутъ дѣйствовала и иная причина. Мнѣ случилось замѣтить, что простые солдаты вообще принимаютъ физическія страданія ближе къ сердцу, чѣмъ солдаты изъ такъ называемыхъ привилегированныхъ классовъ (говорю только о тѣхъ, кто пошелъ на войну по собственному желанію). Для нихъ, простыхъ солдатъ, физическія бѣды были настоящимъ горемъ, способнымъ наводить тоску и вообще мучить душу. Тѣ же люди, которые шли на войну сознательно, хотя физически страдали, конечно, не меньше, а больше солдатъ изъ простыхъ людей,—вслѣдствіе изнѣженнаго воспитанія, сравнительной тѣлесной слабости и проч.,—но душевно были спокойнѣе. Душевный міръ ихъ не могъ быть нарушенъ избитыми въ кровь ногами, невыносимымъ жаромъ и смертельною усталостью. Никогда не было во мнѣ такого полнаго душевнаго спокойствія, мира съ самимъ собой и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды

и шелъ подъ пули убивать людей. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду.

Какъ бы то ни было, когда другіе падали на дорогѣ, я все-таки еще помнилъ себя. Въ Текучѣ я запасся огромною тыквенною кубышкою, въ которую входило по крайней мѣрѣ бутылки четыре. Дорогой мнѣ пришлось не разъ наполнять ее водой; половину этой воды я вылилъ въ себя, другую раздавалъ сосѣдямъ. Идетъ человѣкъ, перемогается, но жара беретъ свое: ноги начинаютъ подгибаться, тѣло качается, какъ у пьянаго; сквозь слой грязи и пыли видно, какъ багровѣетъ лицо; рука судорожно стискиваетъ винтовку. Глотокъ воды оживляетъ его на нѣсколько минутъ, но въ концѣ концовъ человѣкъ безъ памяти валится на пыльную и жесткую дорогу. «Дневальный!»—кричатъ хриплые голоса. Обязанности дневальнаго — стащить упавшаго въ сторону и помочь ему; но и самъ дневальный почти въ такомъ же состояніи. Канавы по сторонамъ шоссе усѣяны лежащими людьми... Ѳедоровъ и Житковъ идутъ рядомъ со мною и хотя, видимо, страдаютъ, но крѣпятся. Жара произвела на нихъ дѣйствіе сообразно съ ихъ характерами, но только въ обратную сторону: Ѳедоровъ молчитъ и только иногда тяжело вздыхаетъ, жалобно посматривая своими прекрасными, а теперь воспаленными отъ пыли глазами; дядя Житковъ ругается и резонерствуетъ.

— Ишь, валится... Штыкомъ задѣнешь, чо-ртъ!— сердито кричитъ онъ, отклоняясь отъ штыка упавшаго солдата, который чуть не попалъ ему остреемъ въ глазъ.—Господи! Царица Небесная! За что ты на насъ посылаешь? Кабы не живодеръ этотъ, и самъ бы, кажись, упалъ.

— Кто живодеръ, дядя?—спрашиваю я.

— Нѣмцевъ, штабсъ-капитанъ. Нонче онъ дежурный; сзади идетъ. Лучше итти, а то такъ отработаетъ... Мѣста живого не оставитъ.

Я зналъ уже, что солдаты передѣлали фамилію «Венцель» въ «Нѣмцевъ». Выходило и похоже и по-русски.

Я вышелъ изъ рядовъ. Въ сторонкѣ отъ шоссе итти было немного легче: не было такой пыли и толкотни. Сторонкой шли многіе: въ этотъ несчастный день никто не заботился о сохраненіи правильнаго строя. Понемногу я отсталъ отъ своей роты и очутился въ хвостѣ колонны.

Венцель, измученный, задыхающійся, но возбужденный, догналъ меня.

— Каково?—спросилъ онъ осипшимъ голосомъ.—Пройдемтесь стороною. Я совершенно измученъ.

— Хотите воды?

Онъ жадно выпилъ нѣсколько большихъ глотковъ изъ моей кубышки.

— Благодарю. Легче стало. Ну, денекъ!

Нѣсколько времени мы шли рядомъ молча.

— Кстати,—сказалъ онъ:—вы такъ и не перебрались къ Ивану Платонычу?

— Нѣтъ, не перебрался.

— Глупо. Извините за откровенность. До свиданья; мнѣ надо въ хвостъ колонны. Что-то ужъ очень много этихъ нѣжныхъ созданій падаетъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ и повернувъ голову назадъ, я увидѣлъ, что Венцель наклонился надъ упавшимъ солдатомъ и тащитъ его за плечо.

— Вставай, каналья! Вставай!

Я не узнавалъ своего образованнаго собесѣдника. Онъ сыпалъ грубыми ругательствами безъ перерыва. Солдатъ былъ почти безъ чувствъ и съ безнадежнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на взбѣшеннаго офицера. Губы его шептали что-то.

— Вставай! Сейчасъ же вставай! А! Ты не хочешь? Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

Венцель схватилъ свою саблю и началъ наносить ея желѣзными ножнами ударъ за ударомъ по измученнымъ ранцемъ и ружьемъ плечамъ несчастнаго. Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— Петръ Николаевичъ!

— Вставай!..

Рука съ саблею еще разъ поднялась для удара. Я успѣлъ крѣпко схватить ее.

— Бога ради, Петръ Николаевичъ, оставьте его!

Онъ обернулъ ко мнѣ разъяренное лицо. Съ выкатившимися глазами и съ судорожно искривленнымъ ртомъ онъ былъ страшенъ. Рѣзкимъ движеніемъ онъ вырвалъ свою руку изъ моей. Я думалъ, что онъ разразится на меня грозой за мою дерзость (схватить офицера за руку дѣйствительно было крупною дерзостью), но онъ сдержалъ себя.

— Слушайте, Ивановъ, не дѣлайте этого никогда! Если бъ на моемъ мѣстѣ былъ какой-нибудь бурбонъ, въ родѣ Щурова или Тимоѳеева, вы бы дорого заплатили за вашу шутку. Вы должны помнить, что вы рядовой, и что васъ за подобныя вещи могутъ безъ дальнихъ словъ—разстрѣлять!

— Все равно. Я не могъ видѣть и не вступиться.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ нѣжнымъ чувствамъ. Но прилагаете вы ихъ не въ то мѣсто. Развѣ можно иначе съ

этими... (его лицо выразило презрѣніе, даже больше, какую-то ненависть). Изъ этихъ десятковъ свалившихся, какъ бабы, можетъ-быть, только нѣсколько человѣкъ дѣйствительно изнемогли. Я дѣлаю это не изъ жестокости—во мнѣ ея нѣтъ. Нужно поддерживать спайку, дисциплину. Если бъ съ ними можно было говорить, я бы дѣйствовалъ словомъ. Слово для нихъ—ничто. Они чувствуютъ только физическую боль.

Я не дослушалъ его и пустился догонять свою уже далеко ушедшую роту. Я догналъ Ѳедорова и Житкова, когда нашъ батальонъ свели съ шоссе на поле и скомандовали остановиться.

— Чтò это вы, Михайлычъ, съ штабсъ-капитаномъ Венцелемъ говорили?—спросилъ Ѳедоровъ, когда я въ изнеможеніи упалъ возлѣ него, едва успѣвъ поставить ружье.

— Говорилъ!—пробурчалъ Житковъ.—Нешто такъ говорятъ? Онъ его за руку схватилъ. Эхъ, баринъ Ивановъ, берегитесь Нѣмцева, не смотрите, что онъ разговаривать съ вами охочъ, пропадете вы съ нимъ ни за денежку.

IV.

Поздно вечеромъ мы добрались до Фокшанъ, прошли черезъ неосвѣщенный, безмолвный и пыльный городокъ и вышли куда-то въ поле. Не было видно ни зги, кое-какъ поставили батальоны, и измученные люди уснули, какъ убитые; никто почти не захотѣлъ ѣсть приготовленнаго «обѣда». Солдатская ѣда всегда «обѣдъ», случится ли она раннимъ утромъ, днемъ или ночью. Цѣлую ночь подтягивались отсталые. На зарѣ мы опять выступили, утѣшаясь тѣмъ, что черезъ переходъ будетъ дневка.

Снова движущіеся ряды, снова ранецъ давитъ онѣмѣвшія плечи, снова болятъ истертыя и налившіяся кровью ноги. Но первыя десять верстъ почти ничего не сознаёшь. Короткій сонъ не можетъ уничтожить усталости вчерашняго дня, и люди шагаютъ совсѣмъ сонные. Мнѣ случалось спать на ходу до такой степени крѣпко, что, остановившись на привалѣ, я не вѣрилъ, что мы уже прошли десять верстъ, и не помнилъ ни одного мѣста изъ пройденнаго пути. Только когда передъ приваломъ колонны начинаютъ подтягиваться и перестраиваться для остановки, просыпаешься и съ радостью думаешь о цѣломъ часѣ отдыха, когда можно развьючиться, вскипятить воду въ котелкѣ и полежать на свободѣ, попивая горячій чай. Какъ только ружья поставлены и ранцы сняты, большая часть людей принимается собирать то-

пливо—почти всегда сухіе стебли прошлогодней кукурузы. Въ землю втыкаются два штыка; на нихъ кладется шомполъ, а на него вѣшаютъ два или три котелка. Сухіе, рыхлые стебли горятъ ясно и весело; раскладываютъ ихъ всегда съ надвѣтренной стороны; пламя лижетъ закопченные котелки, и черезъ десять минутъ вода бьетъ ключомъ. Чай бросали прямо въ кипятокъ и давали ему вывариться: получалась крѣпкая, почти черная жидкость, которую пили большею частью безъ сахара, такъ какъ казна, выдававшая очень много чая (его даже курили, когда не хватало табаку), давала очень мало сахара, и пили въ огромномъ количествѣ. Котелокъ, въ который входило семь стакановъ, составляетъ обыкновенную порцію для одного.

Можетъ-быть, страннымъ покажется, что я такъ распространяюсь о мелочахъ. Но солдатская походная жизнь такъ тяжела, въ ней столько лишеній и мученій, впереди такъ мало надежды на хорошій исходъ, что и какой-нибудь чай или тому подобная маленькая роскошь составляли огромную радость. Нужно было видѣть, съ какими серьезными и довольными лицами загорѣлые, грубые и суровые солдаты, молодые и старые,—правда, старше сорока лѣтъ между нами почти не было,—точно дѣти подкладывали подъ котелки палочки и стебельки, поправляли огонь и совѣтовали другъ другу:

— Ты, Лютиковъ, туды, туды, къ краю ее суй! Такъ!.. Пошла, пошла... занялась. Ну, сейчасъ закипитъ!

Чай, изрѣдка въ холодную и дождливую погоду чарка водки, да трубка табаку—вотъ и вся солдатская отрада, не считая, конечно, всеисцѣляющаго сна, когда можно забыться и отъ тѣлесныхъ невзгодъ и отъ мыслей о темномъ, страшномъ будущемъ. Табакъ игралъ не послѣднюю роль среди этихъ благъ жизни, возбуждая и поддерживая утомленные нервы. Туго набитая трубка обходила человѣкъ десять и возвращалась къ хозяину, который затягивался въ послѣдній разъ, выколачивалъ золу и важно пряталъ трубку за голенище. Помню, какъ огорчила меня потеря моей трубки однимъ изъ пріятелей, которому я далъ ее покурить, и какъ самъ онъ былъ огорченъ и пристыженъ. Точно будто онъ потерялъ цѣлое врученное ему состояніе.

На большомъ привалѣ (около полудня) мы отдыхали часа полтора-два. Послѣ чаепитія обыкновенно все засыпало. На бивуакѣ тишина; только часовой у знамени ходитъ взадъ и впередъ, да не спитъ кое-кто изъ офицеровъ. Лежишь на землѣ, положивъ ранецъ подъ голову, и не то спишь,

не то бодрствуешь; горячее солнце палитъ лицо и шею, мухи надоѣдливо кусаютъ и не даютъ уснуть, какъ слѣдуетъ. Грезы мѣшаются съ дѣйствительностью; такъ недавно еще жилъ жизнью, совершенно непохожею на эту, что въ полубезсознательной дремотѣ все кажется, что вотъ-вотъ проснешься, очнешься дома въ приличной обстановкѣ, и исчезнутъ эта степь, эта голая земля, съ колючками вмѣсто травы, это безжалостное солнце и сухой вѣтеръ, эта тысяча странно одѣтыхъ въ бѣлыя запыленныя рубахи людей, эти ружья въ козлахъ. Все это такъ похоже на тяжелый, странный сонъ...

— Встава-а-ть! — протяжно и сурово командуетъ сильнымъ голосомъ нашъ маленькій бородатый батальонный командиръ, майоръ Черноглазовъ.

И лежащая толпа бѣлыхъ рубахъ шевелится; кряхтя и потягиваясь, подымаются люди, надѣваютъ сумки и ранцы и выстраиваются въ ряды.

— Въ ружье!

Мы разбираемъ ружья. До сихъ поръ хорошо помню я свою винтовку № 18.635, съ прикладомъ немного темнѣе, чѣмъ у другихъ, и длинной царапиной по темному лаку. Еще команда—и батальонъ, вытягиваясь, поворачиваетъ на дорогу. Впереди всѣхъ ведутъ коня командира, гнѣдого жеребца Ва̀рвара; онъ вытягиваетъ шею, и играетъ, и бьетъ копытами; майоръ садится на него только въ крайнихъ случаяхъ, постоянно шагая во главѣ батальона за своимъ Варваромъ ровнымъ шагомъ настоящаго пѣхотинца. Онъ показываетъ солдатамъ, что и начальство тоже «старается», и солдаты любятъ его за это. Онъ всегда хладнокровенъ и спокоенъ, никогда не шутитъ и не улыбается; подымается утромъ раньше всѣхъ, ложится вечеромъ послѣднимъ; обращается съ людьми твердо и сдержанно, не позволяя себѣ драться и кричать безъ толку. Говорятъ, что если бы не майоръ, то Венцель не то бы еще дѣлалъ.

Сегодня жарко, но не такъ, какъ вчера. Къ тому же мы идемъ уже не по шоссе, а рядомъ съ желѣзной дорогой, по узкому проселку, такъ что бо̀льшая часть движется по травѣ. Пыли нѣтъ; набѣгаютъ тучи: нѣтъ-нѣтъ да и капнетъ рѣдкая, крупная капля. Мы смотримъ на небо, выставляемъ руки, пробуя, не идетъ ли дождь. Даже вчерашніе отсталые прибодрились: итти уже недалеко, какихъ-нибудь десять верстъ, а тамъ отдыхъ, вожделѣнный отдыхъ, въ которомъ пройдетъ не одна короткая ночь, а ночь, цѣлый день и еще ночь. Развеселившимся людямъ хочется

пѣть; Ѳедоровъ заливается среди пѣсенниковъ; слышна знаменитая:

„И было дѣло подъ Полтавой...“

Пропѣвъ, какъ «вдругъ одна злодѣйка-пуля въ шляпу царскую впилась», онъ затягиваетъ безсмысленную и непристойную, но самую популярную у солдатъ пѣсню о томъ, какъ какая-то Лиза, войдя въ лѣсъ, нашла чернаго жука, и что̀ изъ этого вышло. Затѣмъ еще историческая пѣсня про Петра, какъ его требуютъ въ сенатъ. И въ довершеніе всего доморощенная пѣсня нашего полка:

„Какъ пріѣхалъ бѣлый царь, Александра государь,
Вы, ребята, подтянитесь, предъ царемъ подбодритесь!
Мы пріемы отхватали, благодарность получали.
. . . .
Батальонный командиръ, Черноглазовъ господинъ,
Онъ не спалъ, не дремалъ, батальонъ свой обучалъ,
Онъ на лошади сидѣлъ, никого знать не хотѣлъ“.

И такъ далѣе, стиховъ пятьдесятъ.

— Ѳедоровъ!—спросилъ я однажды:—зачѣмъ вы несете эту чепуху объ Лизѣ?

Я назвалъ еще нѣсколько пѣсенъ, нелѣпыхъ и циничныхъ до такой степени, что самый цинизмъ ихъ терялъ всякое значеніе и являлся въ видѣ совершенно безсмысленныхъ звуковъ.

— Повелось такъ, Владимиръ Михайлычъ. Да что̀! Развѣ это пѣнье? Это такъ, въ родѣ крику для моціону груди. Ну, и итти веселѣй.

Устанутъ пѣсенники, начнутъ играть музыканты. Подъ мѣрный, громкій и большею частью веселый маршъ итти гораздо легче; всѣ, даже самые утомленные, пріосанятся, отчетливо шагаютъ въ ногу, сохраняютъ равненіе: батальонъ узнать нельзя. Помню, однажды мы прошли подъ музыку больше шести верстъ въ одинъ часъ, не замѣчая усталости; но когда измученные музыканты перестали играть, вызванное музыкою возбужденіе исчезло, и я почувствовалъ, что вотъ-вотъ упаду, да и упалъ бы, не случись во̀-время остановки на отдыхъ.

Верстъ черезъ пять послѣ привала намъ встрѣтилось препятствіе. Мы шли долиною какой-то рѣчки; съ одной стороны были горы, съ другой—узкая и довольно высокая насыпь желѣзной дороги. Недавно прошедшіе дожди затопили долину, образовавъ на нашемъ пути большую лужу, саженъ въ тридцать шириною. Полотно желѣзной дороги возвышалось на ней плотиной, и намъ пришлось проходить по немъ.

Будочникъ желѣзной дороги пропустилъ первый батальонъ, который благополучно перебрался на ту сторону лужи; но затѣмъ объявилъ, что черезъ пять минутъ пойдетъ поѣздъ, и что намъ нужно ждать. Мы остановились и только-что составили ружья, какъ на поворотѣ дороги показалась знакомая коляска бригаднаго генерала.

Нашъ бригадный генералъ былъ человѣкъ бравый. Горла, подобнаго тому, которымъ онъ владѣлъ, мнѣ никогда не случалось встрѣчать ни на оперныхъ сценахъ ни въ архіерейскихъ хорахъ. Раскаты его баса гремѣли въ воздухѣ подобно трубному звуку; и его крупная, тучная фигура съ красной, толстой головой, сизыми, огромными, развѣвающимися по вѣтру бакенбардами, съ черными, толстыми бровями надъ маленькими, блестѣвшими, какъ угли, глазами, когда онъ, сидя на конѣ, командовалъ бригадой, была самая внушительная. Однажды, на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, во время какихъ-то военныхъ упражненій, онъ выказалъ себя до такой степени воинственнымъ и бравымъ, что привелъ въ совершенный восторгъ стоявшаго въ толпѣ стараго мѣщанина, который при этомъ воскликнулъ:

— Молодчага! Намъ такихъ и надо!

Съ тѣхъ поръ за генераломъ навсегда утвердилось прозваніе «молодчага».

Онъ мечталъ о подвигахъ. Нѣсколько томиковъ по военной исторіи сопровождали его во весь походъ. Любимымъ разговоромъ его съ офицерами была критика наполеоновскихъ кампаній. Объ этомъ я, конечно, зналъ только по слухамъ, такъ какъ очень рѣдко видывалъ нашего генерала; бо̀льшею частью онъ обгонялъ насъ на серединѣ перехода, въ своей коляскѣ, запряженной хорошею тройкою, пріѣзжалъ на мѣсто ночлега, занималъ квартиру и оставался тамъ до поздняго утра, а днемъ снова обгонялъ насъ, при чемъ солдаты всегда обращали вниманіе на степень багровости его лица и бо̀льшую или меньшую хриплость, съ какою онъ оглушительно кричалъ намъ:

— Здорово, старобѣльцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—отвѣчали солдаты и при этомъ прибавляли:

— Опохмеляться ѣдетъ молодчага!

И генералъ проѣзжалъ дальше, иногда безъ всякихъ послѣдствій, а иногда задавъ громоподобную головомойку какому-нибудь ротному командиру.

Завидѣвъ остановившійся батальонъ, генералъ подлетѣлъ къ намъ и выскочилъ изъ коляски такъ скоро, какъ только

позволяла ему его тучность. Майоръ быстро подошелъ къ нему.

— Что̀ такое? Почему остановились? Кто позволилъ?

— Ваше превосходительство, залило дорогу, а по полотну сейчасъ долженъ пройти поѣздъ.

— Залило дорогу? Поѣздъ? Вздоръ! Вы пріучаете солдатъ нѣжничать! Вы дѣлаете изъ нихъ бабъ! Безъ приказанія не останавливаться! Я васъ, милостивый государь, подъ арестъ...

— Ваше превосходительство...

— Не разсуждать!

Генералъ грозно повелъ глазами и обратилъ свое вниманіе на другую жертву.

— Это что̀ такое? Почему командиръ второй стрѣлковой роты не на мѣстѣ? Штабсъ-капитанъ Венцель, пожалуйте сюда!

Венцель подошелъ. На него полился потокъ генеральскаго гнѣва. Я слышалъ, какъ онъ пробовалъ что-то отвѣтить, возвысивъ голосъ, но генералъ заглушилъ его, и можно было только догадаться, что Венцель сказалъ что-то непочтительное.

— Разсуждать?! Грубить?!—гремѣлъ генералъ.—Молчать! Снимите съ него саблю. Къ денежному ящику, подъ арестъ! Примѣръ людямъ... Струсили лужи! Ребята, за мной! По-суворовски!

Генералъ быстро прошелъ мимо батальона къ водѣ неловкою походкой человѣка, долго ѣхавшаго въ экипажѣ.

— За мной, ребята! По-суворовски!—повторилъ онъ и пошелъ въ своихъ лакированныхъ ботфортахъ въ воду. Майоръ съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ оглянулся назадъ и пошелъ рядомъ съ генераломъ. Батальонъ тронулся за ними. Воды сначала было по колѣно, потомъ по поясъ, потомъ еще выше, высокій генералъ шелъ свободно, но маленькій майоръ уже барахтался руками. Солдаты, точно гурьба овецъ во время перегона черезъ рѣку, толкались, вязли въ размокшемъ днѣ, вырывая ноги, метались изъ стороны въ сторону. Ротные командиры и батальонный адъютантъ, ѣхавшіе верхомъ, которымъ можно было бы весьма удобно переѣхать черезъ лужу, видя передъ собой примѣръ генерала, подъѣзжали къ ней, спѣшивались и, ведя лошадей на поводу, вступали въ грязную, взбудораженную сотнями солдатскихъ ногъ воду. Наша рота, состоявшая изъ самыхъ высокихъ въ батальонѣ людей, переходила довольно удобно, но шедшая рядомъ съ нами малорослая восьмая

мая рота, гдѣ были все люди 2 арш. 4 вершковъ, едва брела по уши въ водѣ; нѣкоторые даже захлебывались и хватались за насъ. Маленькій солдатикъ-цыганъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и широко раскрытыми черными глазами, ухватилъ дядю Житкова за шею обѣими руками, бросивъ свое ружье; къ счастью для цыгана, кто-то подхватилъ на лету казенное оружіе и спасъ его отъ потопленія. Саженъ черезъ десять лужа стала мельче, и всѣ уже въ безопасности спѣшили поскорѣе выбраться, толкались и ругались. У насъ многіе смѣялись; солдатамъ восьмой роты было не до смѣха: лица у многихъ посинѣли не отъ одного холода. Сзади напирали стрѣлки.

— Ну, карапузы, выбирайся! Потопли!—кричали они.

— Очень просто, что потонуть можно,—отзывались въ восьмой ротѣ.—Ему хорошо итти; ишь, только баки свои замочилъ. Ерой выискался! Тутъ народъ перетопить можно.

— А ты бы ко мнѣ въ котелокъ сѣлъ. Сухонькимъ бы доставилъ.

— То-то и есть, братецъ, что не въ догадку было,— благодушно отвѣчалъ на насмѣшку маленькій солдатикъ.

Виновникъ всей этой суматохи, уже успѣвшій вытащить ноги изъ вязкаго дна и выйти изъ воды, величественно стоялъ на берегу, смотря на барахтавшуюся въ водѣ массу людей. Онъ промокъ до послѣдней нитки и дѣйствительно замочилъ себѣ и длинныя баки. Вода текла по его одеждѣ; полныя воды лакированныя голенища раздулись, а онъ все кричалъ, поощряя солдатъ:

— Впередъ, ребята! По-суворовски!

Мокрые офицеры съ мрачными лицами толпились вокругъ него. Тутъ стоялъ и Венцель съ искаженнымъ лицомъ и уже безъ сабли. Между тѣмъ генеральскій кучеръ, походивъ у берега и посовавъ въ воду кнутовищемъ, сѣлъ на козлы и благополучно переѣхалъ черезъ воду немного въ сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ перешли мы; воды едва хватало по оси коляски.

— Вотъ гдѣ, ваше превосходительство, переходить нужно было,—спокойно сказалъ майоръ.—Прикажете людямъ обсушиться?

— Конечно, конечно, Сергѣй Николаевичъ,—мирно отвѣтилъ генералъ. Холодная вода охладила его пылъ. Онъ влѣзъ въ коляску, сначала сѣлъ, потомъ опять всталъ и закричалъ во всю мочь своего богатырскаго голоса:

— Спасибо, старобѣльцы! Молодцами!

— Рады стараться, ваше превосходительство!—нестройно грянули солдаты.

И мокрый генералъ уѣхалъ впередъ.

Солнце стояло еще высоко; итти оставалось только пять верстъ; майоръ сдѣлалъ большой привалъ. Мы раздѣлись, развели костры, обсушили платье, сапоги, ранцы, сумки, и часа черезъ два тронулись въ путь, уже со смѣхомъ вспоминая купанье.

— А Венцеля-то молодчага подъ арестъ отправилъ!—сказалъ, между прочимъ, Ѳедоровъ.

— Ничего, пущай его за денежнымъ ящикомъ денька два походитъ,—отвѣчали сзади изъ стрѣлковой роты.

— Тебѣ-то что?

— Мнѣ-то? Не то что мнѣ, а всей ротѣ легче. Хоть на два дня отдохнемъ. Мочи отъ него нѣтъ—вотъ мнѣ что.

— Терпи, казакъ, атаманъ будешь.

— Терпѣть надо, а атаманами-то ужъ развѣ на томъ свѣтѣ будемъ,—проговорилъ Житковъ, по обыкновенію, мрачнымъ голосомъ:—ежели турка подстрѣлитъ.

— А вы, дяденька, въ отчаянность не впадайте. Вы то подумайте: вотъ мы съ вами обсушились, сухонькіе идемъ, а молодчага-то сырой катитъ,—сказалъ Ѳедоровъ, и кругомъ всѣ разсмѣялись.

V.

Мы шли все рядомъ съ желѣзной дорогой; поѣзда, наполненные людьми, лошадьми и припасами, постоянно обгоняли насъ. Солдаты съ завистью смотрѣли на проносившіеся мимо насъ товарные вагоны, изъ открытыхъ дверей которыхъ выглядывали лошадиныя морды.

— Ишь ты лошадямъ честь какая! А мы иди!

— Лошадь глупа, она съ тѣла спадетъ,—резонерствовалъ на это Василій Карпычъ.—А ты на то человѣкъ есть, чтобы себя соблюсти, какъ слѣдоваетъ.

Однажды на привалѣ къ начальству прискакалъ казакъ съ важнымъ извѣстіемъ. Насъ подняли и выстроили безъ ранцевъ и безъ оружія, въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Никто изъ насъ не зналъ, зачѣмъ это дѣлается. Офицеры осмотрѣли людей; Венцель, по обыкновенію, кричалъ и ругался, дергая за дурно надѣтые кушаки и съ пинками приказывая оправить рубахи. Потомъ насъ повели къ полотну желѣзной дороги, и послѣ довольно долгихъ построеній полкъ вытянулся въ двѣ шеренги вдоль пути. На версту протянулась бѣлая линія рубахъ.

— Ребята!—закричалъ майоръ. — Государь императоръ проѣдетъ!

И мы начали ждать государя. Наша дивизія была довольно глухая, стоявшая вдали и отъ Петербурга и отъ Москвы. Изъ солдатъ развѣ только одна десятая часть видѣла царя, и всѣ ждали царскаго поѣзда съ нетерпѣніемъ. Прошло полчаса; поѣздъ не шелъ; людямъ позволили присѣсть. Начались разсказы и разговоры.

— Остановится?—спросилъ кто-то.

— Держи карманъ! Для каждаго полка останавливаться! Поглядитъ на насъ изъ окошечка—и то ладно.

— И не разберемъ, братцы, который: генераловъ-то съ нимъ много ѣдетъ.

— Я-то разберу. Я его на Ходынкѣ въ позапрошломъ году вотъ какъ видѣлъ.

И солдатъ протянулъ руку, чтобы показать, какъ близко онъ видѣлъ государя.

Наконецъ послѣ двухчасового ожиданія вдали показался дымокъ. Полкъ всталъ и выровнялся. Сначала прошелъ поѣздъ съ прислугою и кухнею. Повара и поваренки въ бѣлыхъ колпакахъ выглядывали на насъ изъ оконъ и чему-то смѣялись. Саженяхъ въ двухстахъ шелъ царскій поѣздъ; машинистъ, видя выстроившійся полкъ, убавилъ хода, и вагоны, медленно громыхая, проходили передъ глазами, жадно смотрѣвшими на окна. Но всѣ они были завѣшены, казакъ и офицеръ, стоявшіе на площадкѣ задняго вагона, были единственные люди на поѣздѣ, которыхъ мы увидѣли. Мы посмотрѣли на уходившій быстрѣе и быстрѣе поѣздъ, постояли еще минуты три и пошли на бивуакъ. Солдаты были разочарованы и выражали огорченіе.

— Въ кои-то вѣки теперь его увидимъ!

Но мы увидѣли его скоро. Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго и геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика, только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было итти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ

ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если государь со своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось итти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе, шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное «ура!». Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій, что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. «Ты ведешь насъ,—думалъ каждый:—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть».

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ

по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно-быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ «ура!».

Все это промелькнуло и исчезло. Пыльныя улицы, залитыя палящимъ зноемъ; измученные возбужденіемъ и почти бѣглымъ шагомъ на пространствѣ цѣлой версты солдаты, изнемогающіе отъ жажды; крикъ офицеровъ, требующихъ, чтобы всѣ шли въ строю и въ ногу—вотъ все, что я видѣлъ и слышалъ пять минутъ спустя. И когда мы прошли еще версты двѣ душнымъ городомъ и пришли на выгонъ, отведенный намъ подъ бивуакъ, я бросился на землю, совершенно разбитый и тѣломъ и душою.

VI.

Трудные переходы, пыль, жара, усталость, сбитыя до крови ноги, коротенькіе отдыхи днемъ, мертвый сонъ ночью, ненавистный рожокъ, будящій чуть свѣтъ. И все поля, поля, непохожія на родныя, покрытыя высокою, зеленою, громко шелестящею длинными шелковистыми листьями кукурузой, или тучной пшеницей, уже начавшей кое-гдѣ желтѣть.

Тѣ же лица, та же полковая походная жизнь, тѣ же разговоры и разсказы о домѣ, о стоянкѣ въ губернскомъ городѣ, пересуды объ офицерахъ.

О будущемъ говорили рѣдко и неохотно. Зачѣмъ шли на войну—знали смутно, несмотря на то, что цѣлые полгода простояли недалеко отъ Кишинева, готовые къ походу; въ это время можно было бы объяснить людямъ значеніе готовящейся войны, но, должно-быть, это не считалось нужнымъ. Помню, разъ спросилъ меня солдатъ:

— А что, Владимиръ Михайлычъ, скоро ли въ бухарскую землю придемъ?

Я подумалъ сначала, что ослышался, но, когда онъ повторилъ вопросъ, отвѣтилъ, что бухарская земля за двумя морями, что до нея тысячи четыре верстъ, и что врядъ ли мы когда-нибудь попадемъ туда.

— Нѣтъ, Михайлычъ, вы не такъ теперь говорите. Мнѣ

писарь сказывалъ. Перейдемъ, говоритъ, черезъ Дунай, тутъ сейчасъ и будетъ бухарская земля.

— Такъ не бухарская—болгарская!—воскликнулъ я.

— Ну, бургарская, бухарская, какъ тамъ ее по-вашему; не все одно, что ли?

И онъ замолчалъ, видимо, недовольный.

Знали мы только, что турку бить идемъ, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью, пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ («которую тысячу верстъ до него, поганаго, тащимся!»), билетнымъ солдатамъ побросать дома̀ и семьи, а всѣмъ вмѣстѣ итти куда-то подъ пули и ядра. Турка представлялся бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить.

Гораздо больше, чѣмъ войной, мы занимались своими семейными, батальонными и ротными дѣлами. Въ нашей ротѣ все было тихо и спокойно; у стрѣлковъ дѣла шли хуже и хуже. Венцель не унимался; скрытое негодованіе росло, и послѣ одного случая, котораго и теперь, черезъ пять лѣтъ, я не могу вспомнить безъ тяжелаго волненія, дошло до настоящей ненависти.

Мы только-что прошли какой-то городъ и вышли на лугъ, гдѣ уже расположился шедшій впереди насъ первый полкъ. Мѣстечко было хорошее: съ одной стороны рѣка, съ другой—старая, чистая дубовая роща, вѣроятно, мѣсто гулянья для жителей городка. Былъ хорошій, теплый вечеръ; солнце садилось. Полкъ сталъ; составили ружья. Мы съ Житковымъ начали натягивать палатку; поставили столбики; я держалъ одинъ край полы, а Житковъ палкой забивалъ колышекъ.

— Туже, туже держи, Михайлычъ! (Онъ уже нѣсколько дней тому назадъ началъ говорить мнѣ «ты».) Вотъ такъ, такъ.

Но въ это время сзади послышались какіе-то странные, мѣрные, плескающіе звуки. Я обернулся.

Стрѣлки стояли во фронтѣ. Венцель, что-то хрипло крича, билъ по лицу одного солдата. Съ помертвѣлымъ лицомъ, держа ружье у ноги и не смѣя уклоняться отъ ударовъ, солдатъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Венцель изгибался своимъ худымъ и небольшимъ станомъ отъ собственныхъ ударовъ, нанося ихъ обѣими руками то съ правой, то съ лѣвой стороны. Кругомъ всѣ молчали; только и было слышно плесканье да хриплое бормотанье разъяреннаго командира. У

меня потемнѣло въ глазахъ; я сдѣлалъ движеніе. Житковъ понялъ его и изо всѣхъ силъ дернулъ за полотнище.

— Держи, чортъ безрукій!—закричалъ онъ и выругалъ меня самыми скверными словами.—Отсохли, что ли, руки-то? Куда смотришь? Чего не видалъ?

Удары сыпались. По верхней губѣ и подбородку солдата текла кровь. Наконецъ онъ упалъ. Венцель отвернулся, окинулъ глазами всю роту и закричалъ:

— Если еще кто-нибудь посмѣетъ курить во фронтѣ, хуже изобью каналью. Поднять его, обмыть рожу и положить въ палатку. Пусть отлежится. Составь!—скомандовалъ онъ ротѣ.

Руки у него тряслись, были красны, пухлы и въ крови. Онъ вынулъ платокъ, вытеръ руки и пошелъ прочь отъ составлявшихъ ружья въ козла и тяжело молчавшихъ солдатъ. Нѣсколько человѣкъ, глухо переговариваясь, возились около избитаго и поднимали его. Венцель шелъ первной, измученной походкой; онъ былъ блѣденъ, глаза его блистали; по игравшимъ мускуламъ видно было, какъ онъ стискивалъ зубы. Онъ прошелъ мимо насъ и, встрѣтивъ мой упорный взглядъ, неестественно-насмѣшливо улыбнулся однѣми тонкими губами и, прошептавъ что-то, пошелъ дальше.

— Кровопивецъ,—съ ненавистью въ голосѣ сказалъ Житковъ.—А ты, баринъ, тоже!.. Чего лѣзть? Подъ разстрѣлъ угодить хочешь? Погоди, найдутъ и на него управу.

— Жаловаться пойдутъ?—спросилъ я.—Кому?

— Нѣтъ, не жаловаться. Въ дѣйствіи тоже будемъ.

И онъ проворчалъ что-то почти про себя. Я боялся понять его. Ѳедоровъ, уже успѣвшій потолкаться между стрѣлками и разспросить, въ чемъ дѣло, вернулся къ намъ.

— Ни за что людей терзаетъ,—сказалъ онъ.—Какъ шли на походѣ, солдатикъ этотъ, Матюшкинъ, цыгарку курилъ. Стали—онъ ружье взялъ къ ногѣ, а цыгарка между пальцами; забылъ, видно, на свою голову. Венцель и доглядѣлъ.

— Звѣрь!—добавилъ онъ печально, укладываясь подъ готовую уже палатку.—И цыгарка-то ужъ потухла; видно что забылъ, бѣдняга!

Черезъ нѣсколько дней мы пришли въ Александрію, гдѣ собралось очень много войскъ. Еще сходя съ высокой горы, мы видѣли огромное пространство, пестрѣвшее бѣлыми палатками, черными фигурами людей, длинными коновязями и блестѣвшими кое-гдѣ рядами мѣдныхъ пушекъ и зеленыхъ

лафетовъ и ящиковъ. По улицѣ города ходили цѣлыя толпы офицеровъ и солдатъ.

Изъ открытыхъ оконъ тѣсныхъ и грязныхъ гостиницъ слышалась заунывная и удалая венгерская музыка, звонъ посуды и шумные разговоры; лавки были набиты русскими покупателями. Непонимающіе другъ друга наши солдаты, румыны, нѣмцы и жиды громко кричали; споръ изъ-за курса бумажнаго рубля слышался на каждомъ шагу.

— Ты что̀ мнѣ «д о у г а л а г а н ъ», черномазый чортъ?.. Гривенникъ давай! Эй, ты, д о м н у л ъ!

— У н д е э ш т е п о ш т а?—преувеличенно-вѣжливо, прикладывая руку къ козырьку кепи, спрашиваетъ щеголя-румына офицеръ, вооруженный «Военнымъ переводчикомъ»—книжкой, которою тогда были снабжены войска. Румынъ объясняетъ ему; офицеръ перелистываетъ книжку, ища непонятныхъ словъ, и ничего не понимаетъ, но вѣжливо благодаритъ.

— Тьфу ты, братцы, что̀ за народъ! И попы наши, и церкви наши, а понятія ни къ чему у нихъ нѣтъ! Рупъ серебряный хошь?—кричитъ, что есть мочи, солдатъ съ рубахой въ рукахъ румыну, торгующему въ открытой лавкѣ.— За рубаху? П а т р у ф р а н к у? Четыре франка?

Онъ вынимаетъ монету, показываетъ ее, и дѣло кончается къ общему удовольствію.

— Сторонись, сторонись, земляки, генералъ идетъ!

Высокій молодой генералъ въ щегольскомъ сюртукѣ, высокихъ сапогахъ и съ нагайкой на ремнѣ черезъ плечо, быстро проходитъ по улицѣ. За нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ ординарецъ, маленькій азіатъ въ цвѣтномъ халатѣ и чалмѣ, съ огромной шашкой и револьверомъ у пояса. Генералъ, высоко держа голову и равнодушно-весело смотря на разступающихся и отдающихъ честь солдатъ, проходитъ въ гостиницу. Здѣсь, въ уголку, пріютились и мы съ Иваномъ Платонычемъ и Стебельковымъ, поглощая какое-то мѣстное кушанье, состоящее изъ краснаго перца съ мясомъ. Ободранная комната, уставленная столиками, полна народа. Звонъ посуды, хлопанье пробокъ, трезвые и пьяные голоса, все покрывается оркестромъ, пріютившимся въ чемъ-то въ родѣ ниши, украшенной кумачными занавѣсками. Музыкантовъ пятеро: двѣ скрипки пилятъ съ остервенѣніемъ, віолончель вторитъ однообразными густыми нотами, контрбасъ реветъ, но всѣ эти инструменты составляютъ только фонъ для пятаго. Черномазый, кудрявый венгерецъ, почти мальчикъ, сидитъ впереди всѣхъ; за широкій воротникъ бархат-

ной куртки у него всунутъ странный инструментъ, древняя цѣвница, точно такая, съ какою рисуютъ Пана и фавновъ. Это рядъ неравныхъ деревянныхъ трубочекъ, сложенныхъ вмѣстѣ, такъ что открытые концы ихъ приходятся противъ губъ артиста. Венгерецъ, вертя головой то въ ту, то въ другую сторону, дуетъ въ эти трубки и извлекаетъ сильные, мелодическіе звуки, непохожіе ни на флейту ни на кларнетъ. Самые хитрые и трудные пассажи продѣлываетъ онъ, тряся и вертя головой; черные жирные волосы прыгаютъ на его головѣ и падаютъ на лобъ; лицо потно и красно, на шеѣ надулись жилы. Видно было, что ему нелегко... На нестройномъ фонѣ струнныхъ инструментовъ звуки цѣвницы вырисовывались рѣзко-отчетливо и дико-красиво.

Генералъ занялъ мѣсто за столомъ знакомыхъ ему офицеровъ, поклонился всѣмъ, вставшимъ при его приходѣ, и громко сказалъ: «садитесь, господа!», что̀ относилось къ нижнимъ чинамъ. Мы молча кончили обѣдъ; Иванъ Платонычъ приказалъ подать краснаго румынскаго вина и послѣ второй бутылки, когда лицо у него повеселѣло и щеки и носъ приняли яркій оттѣнокъ, обратился ко мнѣ:

— Вы, юноша, скажите мнѣ... Помните, большой переходъ былъ?

— Помню, Иванъ Платонычъ.

— Вы тогда съ Венцелемъ говорили?

— Говорилъ.

— Вы схватили его за руку?—спросилъ капитанъ неестественно-серьезнымъ тономъ и, когда я отвѣтилъ, что дѣйствительно схватилъ, испустилъ продолжительный и шумный вздохъ и безпокойно замигалъ глазами.

— Скверно вы сдѣлали... Глупо вы сдѣлали! Видите ли, я не выговоръ хочу вамъ дѣлать. Вы сдѣлали прекрасно... то-есть противно дисциплинѣ... Чортъ знаетъ, что̀ я несу! Вы меня извините...

Онъ замолчалъ, смотря въ полъ и отдуваясь. Я тоже молчалъ. Иванъ Платонычъ отхлебнулъ полстакана и хлопнулъ меня по колѣнкѣ.

— Дайте мнѣ обѣщаніе, что больше не сдѣлаете такой выходки. Я понимаю самъ... Свѣжему человѣку трудно. Ну, что̀ же вы съ нимъ сдѣлаете? Этакая бѣшеная собака этотъ Венцель! Ну, видите ли...

Иванъ Платонычъ, видимо, не находилъ словъ и, сдѣлавъ долгую паузу, снова прибѣгъ къ стакану.

— То-есть, видите ли... онъ хорошій человѣкъ, въ сущ-

ности. Это у него блажь какая-то, чортъ его знаетъ. Вы сами видѣли, я тоже недавно ткнулъ солдата. Легонько. Ну, если дуракъ не понимаетъ своей собственной пакости, знаете, дерево этакое... Но вѣдь я, Владимиръ Михайлычъ, какъ отецъ. Ей-Богу, безъ злобы, хоть и распалишься иногда. А тотъ—въ систему возвелъ. Эй, ты!—крикнулъ онъ румыну-лакею:—оште винъ негру! Еще вина!.. И когда-нибудь подъ судъ попадетъ; а то еще хуже будетъ: обозлятся люди и въ первомъ же дѣлѣ... Жаль будетъ, потому что все-таки человѣкъ, знаете, хорошій. И даже теплый человѣкъ.

— Ну!—протянулъ Стебельковъ.—Какой теплый человѣкъ будетъ такъ драться!

— Вы посмотрѣли бы, Иванъ Платоничъ, что̀ вашъ теплый человѣкъ недавно надѣлалъ.

И я разсказалъ капитану, какъ Венцель избилъ солдата за цыгарку.

— Ну, вотъ, вотъ... всегда такъ!—Иванъ Платонычъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, останавливался и снова начиналъ говорить.—Но все-таки онъ не звѣрь. У кого люди лучше всѣхъ накормлены? У Венцеля. У кого лучше выучены? У Венцеля. У кого почти нѣтъ штрафованныхъ? Кто никогда не отдастъ подъ судъ—развѣ ужъ очень крупную пакость солдатъ сдѣлаетъ? Все онъ же. Право, если бы не эта несчастная слабость, его солдаты на рукахъ бы носили.

— Говорили вы съ нимъ объ этомъ, Иванъ Платонычъ?

— Говорилъ и ссорился десять разъ. Что̀ съ нимъ подѣлаешь! «Или, говоритъ, войско, или милиція». Фразы все какія-то глупыя выдумываетъ. «Война, говоритъ, такая жестокость, что если я жестокъ съ солдатами, то это капля въ морѣ... Они, говоритъ, стоятъ на такой низкой степени развитія»... Однимъ словомъ, чортъ знаетъ что̀ такое! А между тѣмъ прекрасный человѣкъ. Не пьетъ, въ картишки не играетъ, дѣло ведетъ добросовѣстно, старику-отцу и сестрѣ помогаетъ, товарищъ прекрасный! И образованный человѣкъ! Другого такого въ полку нѣтъ. И помните мое слово: или подъ судъ попадетъ, или тѣ (онъ кивнулъ головой къ окну) разсудятъ. Скверно. Такъ-то, любезнѣйшій мой рядовой.

Иванъ Платонычъ ласково потрепалъ меня по плечу; потомъ полѣзъ въ карманъ, досталъ табачницу и началъ свертывать толстѣйшую папиросу. Вложивъ ее въ огромный мундштукъ съ янтаремъ и надписью чернью по серебру: «Кавъ-Казъ», а мундштукъ въ ротъ, онъ молча сунулъ та-

бачницу мнѣ. Мы закурили всѣ трое, и капитанъ началъ снова:

— Иногда, точно, бываетъ: нельзя не потрепать. Вѣдь они въ родѣ дѣтей. Балунова знаете?

Стебельковъ вдругъ расхохотался.

— Ну, ну, чего, Стебелекъ!—проворчалъ Иванъ Платонычъ.—Старый солдатъ, штрафованный. Онъ двадцатый годъ служитъ: все за разныя провинности не отпускаютъ. Ну, такъ вотъ онъ, шельма... Васъ еще не было тогда: передъ Кишиневымъ разъ выходили мы изъ деревни. Приказало начальство осмотрѣть у всѣхъ вторыя пары сапогъ. Выстроилъ я ихъ, хожу сзади и смотрю, торчатъ ли изъ ранцевъ головки. У Балунова нѣтъ.—«Гдѣ сапоги?»—«Въ ранецъ для сохраненія вложилъ, ваше благородіе». — «Врешь!»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: чтобъ не мокли, въ ранцѣ находятся!» Бойко такъ отвѣчаетъ бестія.—«Снимай ранецъ, разстегивай». Вижу, не разстегиваетъ и тащитъ голенище изъ-подъ крышки.—«Разстегивай».—«Я, ваше благородіе, и такъ выну». Однако заставилъ я его разстегнуть. Что жъ вы думаете? Тащитъ изъ ранца за уши поросенка живого! И рыльце веревочкой завязано, чтобы не визжалъ! Правой рукой подъ козырекъ, рожу этакую почтительную скорчилъ, а лѣвой поросенка держитъ. Стащилъ подлецъ у молдаванки. Ну, конечно, я его тутъ легонько ткнулъ!

Стебельковъ покатывался отъ хохота и едва выговорилъ:

— Да чѣмъ!.. Ткнулъ-то, Ивановъ, поросенкомъ. Охъ-хо-хо!.. Выхватилъ поросенка, да имъ!..

— Неужели безъ этого нельзя обойтись, Иванъ Платонычъ?

— Ахъ, вы! Досадно, право, слушать. Не подъ судъ же мнѣ его было отдавать!

VII.

Ночью съ 14 на 15 іюня Θедоровъ разбудилъ меня.

— Михайлычъ, слышите?

— Что̀ такое?

— Пальба. Дунай переходятъ.

Я началъ прислушиваться. Дулъ сильный вѣтеръ, гнавшій низкія черныя тучи, заслонявшія мѣсяцъ; онъ налеталъ на полотно, съ шумомъ шлепалъ его, гудѣлъ въ веревкахъ и тонко высвистывалъ гдѣ-то въ ружейныхъ козлахъ. Сквозь эти звуки иногда слышались глухіе удары.

— Народу-то теперь что̀ валится!—вздохнувъ, прошеп-

талъ Өедоровъ.—Насъ поведутъ или нѣтъ? Какъ полагаете? Ухаетъ-то какъ, будто громъ!

— Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ гроза?

— Нѣтъ! Какая гроза? Очень ужъ правильно. Слышите? Одна за одной, одна за одной.

Удары дѣйствительно раздавались правильно, черезъ извѣстные промежутки времени. Я вылѣзъ изъ-подъ палатки и сталъ смотрѣть по направленію выстрѣловъ. Вспышекъ огня не было видно. Иногда напряженнымъ глазамъ мерещился свѣтъ въ той сторонѣ, откуда гремѣли пушки, но это только обманъ.

«Вотъ оно наконецъ!»—подумалось мнѣ.

И я старался представить себѣ, что̀ дѣлается тамъ, въ темнотѣ. Мнѣ чудилась широкая черная рѣка съ обрывистыми берегами, совершенно непохожая на настоящій Дунай, какимъ я его увидѣлъ потомъ. Плывутъ сотни лодокъ; эти мѣрные частые выстрѣлы—по нимъ. Много ли уцѣлѣетъ ихъ? Холодная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. «Хотѣлъ бы ты быть тамъ?»—невольно спросилъ я самъ себя.

Я посмотрѣлъ на спящій лагерь; все было спокойно; между далекимъ громомъ орудій и шумомъ вѣтра слышалось мирное храпѣнье людей. И страстно захотѣлось мнѣ вдругъ, чтобы всего э т о г о не было, чтобы походъ протянулся еще, чтобы этимъ спокойно спящимъ, а вмѣстѣ съ ними и мнѣ, не пришлось итти туда, откуда гремѣли выстрѣлы.

Иногда канонада становилась сильнѣе; иногда мнѣ смутно слышался менѣе громкій, глухой шумъ. «Это стрѣляютъ ружейными залпами,»,—думалъ я, не зная, что до Дуная еще двадцать верстъ, и что болѣзненно настроенный слухъ самъ создавалъ эти глухіе звуки. Но хотя и мнимые, они все-таки заставляли воображеніе работать и рисовать страшныя картины. Чудились крики и стоны, представлялись тысячи валящихся людей, отчаянное хриплое «ура!», атака въ штыки, рѣзня. А если отобьютъ, и все это даромъ?

Темный востокъ посѣрѣлъ; вѣтеръ сталъ утихать. Тучи разошлись; умирающія звѣзды виднѣлись кое-гдѣ на поблѣднѣвшемъ, зеленоватомъ небѣ. Начало свѣтать; въ лагерѣ кое-кто проснулся, и услыхавшіе звуки сраженія будили другихъ. Говорили мало и тихо. Неизвѣстность близко подошла къ людямъ: никто не зналъ, что̀ будетъ завтра, и не хотѣлъ ни думать ни говорить объ этомъ завтрашнемъ днѣ.

Я заснулъ на разсвѣтѣ и проснулся довольно поздно. Пушки продолжали глухо гремѣть, и хотя никакихъ извѣстій

съ Дуная не было, между нами ходили слухи, одинъ другого невѣроятнѣе. Одни говорили, что наши уже перешли и гонятъ турокъ, другіе — что переправа не удалась, что уничтожены цѣлые полки.

— Которыхъ потопили, которыхъ перестрѣляли,—заговорилъ кто-то.

— А ты ври больше,—оборвалъ его Василій Карпычъ.

— Зачѣмъ мнѣ врать, ежели правда?

— Правда! Тебѣ кто сказалъ?

— Чего?

— Правду-то? Откедова слышалъ? Мы всѣ знаемъ: пальба идетъ, и больше ничего.

— Всѣ говорятъ. Къ генералу казакъ...

— Казакъ! Ты видѣлъ казака-то? Какой онъ изъ себя есть, казакъ-то твой?..

— Казакъ, обыкновенно... какой казакъ долж̀онъ быть.

— То-то долж̀онъ! Языкъ-то у тебя—бабья балаболка. Сидѣлъ бы да молчалъ. Никого не было, неоткуда и знать.

Я пошелъ къ Ивану Платонычу. Офицеры сидѣли совсѣмъ готовые, застегнутые и съ револьверами на поясѣ. Иванъ Платонычъ былъ, какъ и всегда, красенъ, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ шею грязнымъ платкомъ. Стебельковъ волновался, сіялъ и для чего-то нафабрилъ свои, прежде висѣвшіе внизъ, усики, такъ что они торчали острыми кончиками.

— Вотъ прапорщикъ-то нашъ! Расфрантился передъ дѣломъ,—сказалъ Иванъ Платонычъ, подмигивая на него.— Ахъ, Стебелечекъ, Стебелечекъ! Жаль мнѣ тебя! Не будетъ у насъ въ собраніи такихъ усиковъ! Сломаютъ тебя, Стебелечекъ, — говорилъ капитанъ шутливо-жалобнымъ тономъ.—Ну, чт̀о, не трусишь?

— Постараюсь не трусить,—бодрымъ голосомъ сказалъ Стебельковъ.

— Ну, а вамъ, воитель, страшно?

— Самъ не знаю, Иванъ Платонычъ... Оттуда ничего не слышно?

— Ничего. Господь знаетъ, чт̀о тамъ дѣлается.—Иванъ Платонычъ тяжко вздохнулъ.—Въ часъ выступаемъ,—добавилъ онъ, помолчавъ.

Пола палатки откинулась; адъютантъ Лукинъ просунулъ свое лицо, на этотъ разъ серьезное и блѣдное.

— Вы здѣсь, Ивановъ? Приказано привести васъ къ присягѣ... Не сейчасъ, когда будемъ выступать. Иванъ Платонычъ! Пятую пачку патроновъ людямъ.

Онъ отказался войти посидѣть, говоря, что много дѣла, и побѣжалъ куда-то. Я тоже вышелъ.

Часамъ къ двѣнадцати поспѣлъ обѣдъ. Люди ѣли плохо. Послѣ обѣда приказали снять надульники (кожаные чехольчики) съ ружей и роздали добавочные патроны. Солдаты, готовясь къ бою, начали осматривать свои ранцы и выбрасывать все лишнее. Бросали порванные рубахи и штаны, разныя тряпки, старые сапоги, щетки, засаленныя солдатскія книжки; нѣкоторые, какъ оказалось, донесли до Дуная въ ранцахъ множество ненужныхъ вещей. Я видѣлъ на землѣ брошенный «щелкунъ», т.-е. деревянную чурку, которою въ мирное время передъ парадами и смотрами разглаживаютъ ремни амуниціи, тяжелыя каменныя банки изъ-подъ помады, какія-то коробочки и дощечки и даже цѣлую сапожную колодку.

— Бросай болѣ, ребята! Все легче въ дѣйствіе итти. Завтра ужъ не нужно будетъ.

— Пятьсотъ верстъ тащилъ... и на что мнѣ она?—разсуждалъ солдатъ Лютиковъ, разсматривая какую-то тряпицу:— съ собою не унесешь...

Выбрасывать вещи, очищать ранецъ, въ тотъ день вошло въ моду. Когда мы сошли съ мѣста, на которомъ стояли, оно представлялось на темномъ фонѣ степи правильнымъ четыреугольникомъ, пестрымъ отъ множества тряпокъ и другихъ вещей.

Передъ походомъ, когда полкъ, уже совсѣмъ готовый, стоялъ и ждалъ команды, впереди собралось нѣсколько офицеровъ и нашъ молоденькій полковой священникъ. Изъ фронта вызвали меня и четырехъ вольноопредѣляющихся изъ другихъ батальоновъ; всѣ поступили въ полкъ на походѣ. Оставивъ ружья сосѣдямъ, мы вышли впередъ и стали около знамени; незнакомые мнѣ товарищи были взволнованы, да и у меня сердце билось сильнѣе, чѣмъ всегда.

— Возьмитесь за знамя! — сказалъ батальонный командиръ. Знаменщикъ наклонилъ знамя; его ассистенты сняли чехолъ. Старая, полинявшая зеленая шелковая ткань забилась по вѣтру. Мы стали вокругъ и, держа одной рукой древко, а другую поднявъ вверхъ, повторяли слова священника, который читалъ съ листа старинную петровскую военную присягу. Вспомнились мнѣ слова Василія Карпыча на первомъ переходѣ. «Гдѣ же это?»—думалъ я. И послѣ долгаго перечисленія случаевъ и мѣстъ службы Его Императорскаго Величества: походовъ, наступленій, авангардій и арріергадій, крѣпостей, карауловъ и обозовъ, я услышалъ эти слова.—«Не щадя живота»,—громко повторили всѣ пя-

теро въ одинъ голосъ; и, глядя на ряды сумрачныхъ, готовыхъ къ бою людей, я чувствовалъ, что это не пустыя слова.

Мы вернулись въ ряды; полкъ дрогнулъ, зашевелился и, вытянувшись въ длинную колонну, форсированнымъ шагомъ пошелъ къ Дунаю. Выстрѣлы, доносившіеся оттуда, смолкли.

Какъ сквозь сонъ помню этотъ переходъ; пыль, поднимаемую обгонявшими насъ на рысяхъ казачьими полками, широкую степь, спускавшуюся къ Дунаю, другой синѣвшій берегъ котораго мы увидѣли верстъ за пятнадцать; усталость, жару, свалку и драку у встрѣтившагося намъ уже подъ Зимницею колодца; грязный маленькій городокъ, наполненный войсками, какихъ-то генераловъ, махавшихъ намъ съ балкона фуражками и кричавшихъ «ура», на что мы отвѣчали тѣмъ же.

— Перешли! Перешли! — гудѣли вокругъ голоса.

— Двѣсти убитыхъ, пятьсотъ раненыхъ!

VIII.

Ужъ было темно, когда мы, сойдя съ берега, перешли протокъ Дуная по небольшому мосту и пошли по низкому песчаному острову, еще мокрому отъ только-что спавшей съ него воды. Помню рѣзкій лязгъ штыковъ сталкивавшихся въ темнотѣ солдатъ, глухое дребезжаніе обгонявшей насъ артиллеріи, черную массу широкой рѣки, огоньки на другомъ берегу, куда мы должны были переправиться завтра и гдѣ, я думалъ, завтра же будетъ новый бой.

«Лучше не думать, а уснуть», — рѣшилъ я и улегся въ пропитанный водой песокъ.

Солнце было уже высоко, когда я открылъ глаза. На песчаномъ берегу толпились войска, обозы и парки; у самой воды уже успѣли выкопать батареи и ровики для стрѣлковъ; за Дунаемъ, на крутомъ берегу, можно было разсмотрѣть сады и виноградники, въ которыхъ копошились наши войска; за ними поднимались все выше и выше возвышенности, рѣзко ограничивая горизонтъ. Вправо, версты за три отъ нихъ, бѣлѣло на холмахъ своими домами и минаретами Систово. Пароходъ, съ баркой на буксирѣ, перевозилъ батальонъ за батальономъ на ту сторону. У нашего берега шипѣлъ парами маленькій миноносный катеръ.

— Съ благополучнымъ переходомъ, Владимиръ Михайлычъ! — весело поздравилъ меня Ѳедоровъ.

— И васъ также. Да только мы-то вѣдь еще не перешли?

— А вотъ сейчасъ пароходъ придетъ, заберетъ. Мониторъ

турецкій, говорятъ, недалеко; вонъ этотъ самоварчикъ на него приготовленъ. — Онъ показалъ на миноноску. — Побито народа что̀, Господи! — продолжалъ онъ, измѣнивъ голосъ. — Ужъ возили-возили съ той стороны...

И онъ разсказалъ мнѣ всѣмъ извѣстныя подробности систовскаго боя.

— Теперь нашъ чередъ. Перейдемъ на тотъ бокъ — турки навалятся... Ну, все-таки вышла отсрочка: мы-то живы, а вотъ тѣ...

Онъ кивнулъ на стоявшую недалеко кучку солдатъ и офицеровъ, столпившихся вокругъ невидимаго предмета, на который всѣ они смотрѣли.

— Что̀ это такое?

— Убитыхъ нашихъ оттуда привезли. Подите, посмотрите, Михайлычъ, страсть-то какая.

Я подошелъ къ кучкѣ. Всѣ, молча и снявъ шапки, смотрѣли на лежавшія рядомъ на пескѣ тѣла. Иванъ Платонычъ, Стебельковъ и Венцель тоже были здѣсь. Иванъ Платонычъ сердито нахмурился, кряхтѣлъ и отдувался; Стебельковъ съ наивнымъ ужасомъ вытягивалъ изъ-за плеча тонкую шею; Венцель стоялъ, глубоко задумавшись.

Лежавшихъ на пескѣ было двое. Одинъ — рослый, красивый гвардеецъ Финляндскаго полка, изъ сборной гвардейской полуроты, той самой, которая потеряла во время атаки половину людей. Онъ былъ раненъ въ животъ и, должно-быть, долго мучился до смерти. Тонкій отпечатокъ чего-то одухотвореннаго, изящнаго и нѣжно-жалобнаго оставило страданіе на его лицѣ. Глаза были закрыты, руки сложены на груди. Самъ ли онъ передъ смертью принялъ это положеніе, или товарищи позаботились о немъ? Его видъ не возбуждалъ ужаса и отвращенія, а только безконечную жалость къ погибшей, бившей ключомъ жизни.

Иванъ Платонычъ нагнулся къ трупу и, взявъ фуражку, лежавшую около головы, прочелъ на козырькѣ: «Иванъ Журенко, третьей роты».

— Хохолъ былъ, бѣдняга! — тихо сказалъ онъ.

И представились мнѣ родина, жаркій вѣтеръ въ степи, слобода по оврагу, левады, заросшія вербами, бѣленькая мазанка съ красными ставнями... Кто ждетъ тамъ тебя?

Другой былъ армеецъ Волынскаго полка. Смерть застала его внезапно. Онъ бѣжалъ, разъяренный, въ атаку, задыхаясь отъ крика; пуля ударила его въ переносье, пронзила голову, оставивъ по себѣ черную зіяющую рану. Такъ и лежалъ онъ съ широко раскрытыми, теперь уже застывшими

глазами, съ открытымъ ртомъ и съ искривленнымъ яростью, посинѣлымъ лицомъ.

— Разсчитались, — сказалъ Иванъ Платоныч. — Въ чистую. Ничего имъ больше не нужно.

Онъ повернулся; солдаты торопливо разступились, чтобы пропустить его. Мы съ Стебельковымъ пошли за нимъ. Венцель догналъ насъ.

— Вотъ, Ивановъ, — сказалъ онъ. — Видѣли?

— Видѣлъ, Петръ Николаичъ, — отвѣчалъ я.

— Что жъ вы думали, глядя на нихъ? — сумрачно спросилъ онъ.

И во мнѣ вдругъ вспыхнула злоба противъ этого злого человѣка и желаніе сказать ему что-нибудь тяжелое.

— Много. И больше всего о томъ, что они уже не пушечное мясо. Для нихъ уже не нужно спайки и дисциплины; и никто не будетъ истязать ихъ ради этой спайки. Они не солдаты, не подчиненные! — говорилъ я дрожащимъ голосомъ. — Они — люди!

Венцель блеснулъ глазами. Звукъ вылетѣлъ изъ его горла и прервался: должно-быть, онъ хотѣлъ отвѣтить мнѣ, но сдержалъ себя и на этотъ разъ. Онъ шелъ рядомъ со мной, потупивъ голову, и черезъ нѣсколько шаговъ, не смотря на меня, сказалъ:

— Да, Ивановъ, вы правы. Они люди... Мертвые люди.

IX.

Насъ перевезли черезъ Дунай; нѣсколько дней мы стояли около Систова, ожидая турокъ; потомъ войска потянулись въ глубь страны. Пошли и мы. Насъ долго посылали то туда, то сюда: были мы и около Тырнова и недалеко отъ Плевны; но прошло три недѣли, а намъ все еще не довелось драться. Наконецъ мы попали въ особый отрядъ, обязанность котораго была — сдерживать наступленіе большой турецкой арміи. Сорокъ тысячъ русскихъ было растянуто на семьдесятъ верстъ; около ста тысячъ турокъ стояло противъ нихъ, и только осторожныя дѣйствія нашего начальника, не рисковавшаго людьми, а довольствовавшагося отпоромъ наступающаго непріятеля, да вялость турецкаго паши позволяли намъ исполнить нашу задачу: не дать туркамъ прорваться и отрѣзать нашу главную армію отъ Дуная.

Насъ было мало, линія наша была велика; поэтому намъ рѣдко приходилось отдыхать. Мы обошли множество деревень, являясь то тамъ, то здѣсь, чтобы встрѣтить предполагаемое нападеніе; мы забирались въ такую глушь Болгаріи,

что насъ не находили транспорты съ провіантомъ, и намъ приходилось голодать, растягивая двухдневную порцію сухарей на пять и болѣе дней. Голодавшіе люди молотили недозрѣлую пшеницу палками на растянутыхъ палаткахъ, варили изъ нея и изъ кислыхъ лѣсныхъ яблокъ отвратительную похлебку, безъ соли (потому что и ея было взять негдѣ), и заболѣвали отъ нея. Батальоны таяли, хотя и не были въ дѣлѣ.

Въ половинѣ іюля наша бригада, съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи и двумя батареями пушекъ, пришла въ брошенную жителями, разоренную и полувыжженную турецкую деревню. Нашъ лагерь раскинулся на высокой, обрывистой горѣ: деревня была внизу, въ глубинѣ долины, по которой извивалась узенькая рѣчка. Крутыя, высокія скалы возвышались на другой сторонѣ долины. То была, какъ мы думали, турецкая сторона, однако турокъ близко не было. Мы простояли нѣсколько дней на нашей горѣ, почти безъ хлѣба, съ трудомъ доставая воду, за которой нужно было спускаться далеко внизъ, къ ключу, бившему внизу изъ скалы. Мы были совершенно отдѣлены отъ арміи и не знали, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Верстъ за пятнадцать впереди насъ казаки содержали разъѣзды; двѣ или три сотни ихъ были растянуты на двадцать верстъ. Турокъ не было и тамъ.

Несмотря на то, что мы не могли открыть непріятеля, нашъ маленькій отрядъ принималъ всѣ мѣры осторожности. Днемъ и ночью стояла кругомъ лагеря густая аванпостная цѣпь. По условіямъ мѣстности, ея линія была очень длинна, и каждый день нѣсколько ротъ были заняты этой бездѣятельной, но очень утомительной службой. Бездѣйствіе, почти постоянный голодъ, неизвѣстность положенія дурно дѣйствовали на людей.

Околотки (полковые лазареты) были переполнены; каждый день отправляли ослабѣвшихъ и измученныхъ лихорадкою и кровавымъ поносомъ людей куда-то въ дивизіонный лазаретъ. Въ ротахъ было налицо отъ половины до двухъ третей полнаго состава. Всѣ были мрачны, и всѣмъ хотѣлось итти въ дѣло. Все-таки это былъ исходъ.

Наконецъ онъ наступилъ. Отъ командира казачьей сотни прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что турки начали наступать, и что онъ, командиръ, долженъ былъ стянуть своихъ людей и отступить на пять верстъ. Потомъ оказалось, что турки вернулись, не думая продолжать наступленіе, что намъ можно было спокойно оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что намъ никто не велѣлъ наступать. Но командовавшій тогда

нами генералъ, незадолго до того пріѣхавшій изъ Петербурга, чувствовалъ то же, что̀ и всѣ люди отряда. А людямъ было невыносимо сидѣть, сложа руки, или стоять по цѣлымъ суткамъ на часахъ противъ невидимаго и, какъ всѣ были убѣждены, несуществовавшаго непріятеля, питаться скверною пищею и ждать своей очереди заболѣть. Всѣмъ хотѣлось итти драться. И генералъ приказалъ нападеніе.

Мы оставили половину отряда въ лагерѣ. Положеніе дѣлъ было настолько малоизвѣстно, что можно было ждать атаки съ другихъ сторонъ. Четырнадцать ротъ, гусары и четыре пушки послѣ полудня двинулись въ походъ. Никогда мы не шли такъ скоро и бодро, кромѣ того дня, когда проходили передъ государемъ.

Мы шли долиною, проходя одну за другою брошенныя турецкія и болгарскія деревни. Въ узкихъ переулкахъ, обнесенныхъ высокими, выше человѣческаго роста, плетнями, не встрѣчалось ни человѣка, ни скотины, ни собаки; только куры, клохтая, разлетались отъ насъ по плетнямъ и крышамъ, да гуси съ крикомъ тяжело поднимались на воздухъ и старались улетѣть. Изъ садиковъ выглядывали вѣтви, точно облѣпленныя спѣлыми сливами всевозможныхъ сортовъ. Въ послѣдней деревнѣ, за пять верстъ отъ того мѣста, гдѣ предполагались турки, намъ дали полчаса отдыха. Въ это время полуголодные солдаты натрясли множество сливъ, наѣлись и набили ими свои сухарные мѣшки. Нѣкоторые, правда, немногіе, позаботились наловить и нарѣзать куръ и гусей, ощипали ихъ и взяли съ собой. Мнѣ вспомнилось, какъ тѣ же солдаты, передъ систовской переправой, въ ожиданіи боя, выбрасывали изъ ранцевъ всѣ свои вещи, и я сказалъ объ этомъ Житкову, который въ это время ощипывалъ огромнаго гуся.

— Что жъ, Михайлычъ, хотя въ дѣйствіи не были, а ждать привыкли. Все сдается, будто такъ только проходишь. Въ ничью сыграешь. А ежели и попадешь въ дѣйствіе — запасъ ѣсть не проситъ. Ну, какъ не убьютъ? Закусить-то и есть чѣмъ.

— Страшно вамъ? — невольно спросилъ я его.

— Да можетъ, ничего и не будетъ, — нескоро отвѣтилъ онъ, щурясь и старательно выщипывая оставшійся бѣлый пушокъ.

— А если будетъ?

— Ежели будетъ — страшно не страшно, все одно, итти надо. Нашего брата не спросятъ. Иди себѣ съ Богомъ. Дай-ка ножа: у тебя ножъ важный. — Я далъ ему свой боль-

ной охотничій ножъ. Онъ разрубилъ гуся вдоль и половину протянулъ мнѣ. — Возьми-ка себѣ на случай. А объ этомъ самомъ, страшно ли, не страшно, не думай, баринъ, лучше. Все отъ Бога. Отъ Него никуда не уйдешь.

— Ежели ужъ летитъ въ тебя пуля или тамъ граната, куда жъ уйти! — подтвердилъ Ѳедоровъ, лежавшій около насъ.—Я такъ полагаю, Владиміръ Михайлычъ, что даже опасности больше есть въ бѣгствѣ. Потому — пуля по траэкторіи должна летѣть этакъ вотъ (онъ показалъ пальцемъ), и самая что ни на есть жарня въ тылу образуется!

— Да, — сказалъ я: — особенно съ турками. Говорятъ, они высоко цѣлятъ.

— Ну, ученый!—сказалъ Житковъ Ѳедорову: — разговаривай больше! Тамъ тебѣ такую траэкторію покажутъ! Оно конечно, — прибавилъ онъ, подумавъ: — что лучше ужъ впереди...

— Куда начальство, — сказалъ Ѳедоровъ. — А нашъ впередъ пойдетъ, не струситъ.

— Пойдетъ. Нашъ не струситъ. И Нѣмцевъ тоже пойдетъ.

— Дядя Житковъ,—спросилъ Ѳедоровъ:—какъ скажешь: быть ему сегодня живу, или нѣтъ?

Житковъ потупилъ глаза.

— Ты про что это говоришь?—спросилъ онъ.

— Да полно! Видѣлъ его? Такъ вотъ все въ немъ и ходитъ.

Житковъ сталъ еще угрюмѣе.

— Пустое ты болтаешь, — глухо проговорилъ онъ.

— А до Дунаю-то что̀ говорили? — сказалъ Ѳедоровъ.

— До Дунаю!.. Обозлившись, съ сердцовъ, всякое несли. Извѣстно, невтерпежъ было. Ты что̀ думаешь, разбойники, что ли? — сказалъ Житковъ, обернувшись и смотря Ѳедорову прямо въ лицо. — Бога, что ли, въ нихъ нѣтъ? Не знаютъ, куда идутъ! Можетъ, которымъ сегодня Господу Богу отвѣтъ держать, а имъ объ такомъ дѣлѣ думать? До Дунаю! Да я до Дунаю-то и самъ разъ барину сказалъ (онъ кивнулъ на меня). Точно, что сказалъ, потому — и смотрѣть-то тошно было. Эка вспомнилъ, до Дунаю!

Онъ полѣзъ въ голенище за кисетомъ и долго еще ворчалъ, набивая трубку и закуривая ее. Потомъ, спрятавъ кисетъ, усѣлся поудобнѣе, охвативъ колѣни руками, и погрузился въ какую-то тяжелую думу.

Черезъ полчаса мы вышли изъ деревни и начали подниматься изъ долины въ горы. За возвышенностью, которую намъ нужно было перейти, были турки. Мы вышли на гору;

передъ нами открылось широкое, холмистое, постепенно понижавшееся пространство, покрытое то нивами пшеницы, то кукурузными полями, то огромными зарослями карагача и кизила. Въ двухъ мѣстахъ бѣлѣли минареты деревень, скрытыхъ между зелеными холмами. Мы должны были взять правую изъ нихъ. За нею, на краю горизонта, чуть виднѣлась бѣловатая полоска: то было шоссе, прежде занятое нашими казаками. Скоро все это скрылось изъ вида: мы вступили въ густую заросль, изрѣдка прерываемую небольшими полянками.

Я плохо помню начало боя. Когда мы вышли на открытое мѣсто, на вершину холма, откуда турки могли ясно видѣть, какъ наши роты, выходя изъ кустовъ, строились и расходились въ цѣпь, одиноко загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Это они пустили гранату. Люди дрогнули; глаза всѣхъ устремились на уже расплывавшееся, тихо скатывавшееся съ холма бѣлое облачко дыма. И въ тотъ же мигъ приближающійся звонкій, скрежещущій звукъ снаряда, летѣвшаго, какъ казалось, надъ самыми нашими головами, заставилъ всѣхъ пригнуться. Граната, перелетѣвъ черезъ насъ, ударилась въ землю около шедшей позади роты; помню глухой ударъ ея разрыва и вслѣдъ затѣмъ — чей-то жалобный крикъ. Осколокъ оторвалъ ногу фельдфебелю. Я узналъ это послѣ; тогда я не могъ понять этого крика: ухо слышало его — и только. Тогда все слилось въ томъ смутномъ и невыразимомъ словами чувствѣ, какое овладѣваетъ вступающимъ первый разъ въ огонь. Говорятъ, что нѣтъ никого, кто бы не боялся въ бою; всякій нехвастливый и прямой человѣкъ на вопросъ: страшно ли ему, отвѣтитъ: страшно. Но не было того физическаго страха, какой овладѣваетъ человѣкомъ ночью, въ глухомъ переулкѣ, при встрѣчѣ съ грабителемъ; было полное, ясное сознаніе неизбѣжности и близости смерти. И дико и странно звучатъ эти слова—это сознаніе не останавливало людей, не заставляло ихъ думать о бѣгствѣ, а вело впередъ. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотѣлось итти впередъ, чтобы убить кого-нибудь, но было неотвратимое побужденіе итти впередъ во что бы то ни стало, и мысль о томъ, что̀ нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе: нужно умереть.

Пока мы переходили черезъ поляну, турки успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Насъ отдѣляла отъ нихъ только послѣдняя большая заросль, медленно поднимавшаяся къ вшаяся къ деревнѣ. Мы вошли въ кусты. Все смолкло.

Итти было трудно; густые, часто колючіе кусты разрослись густо, и нужно было обходить ихъ или пробираться черезъ нихъ. Шедшіе впереди стрѣлки уже разсыпались цѣпью и изрѣдка перекликались между собою, чтобы не разойтись. Мы пока держались всей ротой вмѣстѣ. Глубокое молчаніе царило въ лѣсу.

И вотъ раздался первый, негромкій, похожій на ударъ топора дровосѣка, ружейный выстрѣлъ. Турки наугадъ начали пускать въ насъ пули. Онѣ свистѣли высоко въ воздухѣ разными тонами, съ шумомъ пролетали сквозь кусты, отрывая вѣтви, но не попадали въ людей. Звукъ рубки лѣса становился все чаще и наконецъ слился въ однообразную трескотню. Отдѣльныхъ взвизговъ и свиста не стало слышно; свистѣлъ и вылъ весь воздухъ. Мы торопливо шли впередъ; всѣ около меня были цѣлы, и я самъ былъ цѣлъ. Это очень удивляло меня.

Вдругъ мы вышли изъ кустовъ. Дорогу пересѣкалъ глубокій оврагъ съ ручейкомъ. Люди отдохнули минуту и напились воды.

Отсюда роты развели въ разныя стороны, чтобы охватить турокъ съ фланговъ; нашу роту оставили въ резервѣ въ оврагѣ. Стрѣлки должны были итти прямо и, пройдя черезъ кусты, ворваться въ деревню. Турецкіе выстрѣлы трещали попрежнему часто, безъ умолку, но гораздо громче.

Выбравшись на другой берегъ оврага, Венцель построилъ свою роту. Онъ сказалъ людямъ что-то, чего я не слышалъ.

— Постараемся, постараемся! — раздались голоса стрѣлковъ.

Я смотрѣлъ на него снизу: онъ былъ блѣденъ и, какъ мнѣ показалось, печаленъ, но довольно спокоенъ. Увидѣвъ Ивана Платоныча и Стебелькова, онъ махнулъ имъ платкомъ, потомъ сталъ искать что-то глазами въ нашей толпѣ. Я догадался, что ему хочется проститься и со мной, и всталъ, чтобы онъ замѣтилъ меня. Венцель улыбнулся, кивнулъ мнѣ нѣсколько разъ головою и скомандовалъ ротѣ итти въ цѣпь. Кучки по четыре человѣка расходились вправо и влѣво, растянулись въ длинную цѣпь и разомъ исчезли въ кустахъ, кромѣ одного, который вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ, поднялъ руки и тяжело рухнулся на землю. Двое изъ нашихъ выскочили изъ оврага и принесли тѣло.

Томительно прошло полчаса неизвѣстности.

Бой разгорался. Ружейный огонь учащался и перешелъ въ сплошной грозный вой. На правомъ флангѣ загремѣли пушки. Изъ кустовъ начали показываться идущіе и ползу-

щіе окровавленные люди; сначала ихъ было мало, но съ каждой минутой становилось все больше и больше. Наши помогали имъ спускаться въ оврагъ, поили водой и укладывали, въ ожиданіи санитаровъ съ носилками. Стрѣлокъ, съ раздробленною кистью руки, страшно охая и закатывая глаза, съ посинѣвшимъ отъ потери крови и боли лицомъ, пришелъ самъ и сѣлъ у ручья. Ему затянули руку, уложили на шинель; кровь остановилась. Его била лихорадка; губы дрожали; онъ всхлипывалъ, нервно и судорожно рыдая:

— Братцы, братцы!.. Земляки милые!..

— Много побили?

— Такъ и валятся.

— Ротный цѣлъ?

— Цѣлъ пока. Кабы не онъ, отбили бы. Возьмутъ. Съ нимъ возьмутъ, — слабымъ голосомъ говорилъ раненый. — Три раза водилъ, отбивали. Въ четвертый повелъ. Въ буеракѣ сидятъ; патроновъ у нихъ — такъ и сѣютъ, такъ и сѣютъ... Да нѣтъ! — вдругъ злобно закричалъ раненый, привставъ и махая больной рукой: — шалишь! Шалишь, проклятый!..

И онъ, вращая изступленными глазами, выкрикнулъ страшное, грубое ругательство и повалился безъ чувствъ.

На берегу оврага показался Лукинъ.

— Иванъ Платонычъ! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ: — ведите!

. . . .

Дымъ, трескъ, бѣшеное «ура!»... Запахъ крови и пороха... Закутанные дымомъ странные чужіе люди, съ блѣдными лицами. Дикая, нечеловѣческая свалка. Благодареніе Богу за то, что такія минуты помнятся только какъ въ туманѣ.

. . . .

Когда мы подоспѣли, Венцель въ пятый разъ велъ остатокъ своей роты на турокъ, засыпавшихъ его свинцомъ. На этотъ разъ стрѣлки ворвались въ деревню. Немногіе изъ защищавшихъ ее въ этомъ мѣстѣ турокъ успѣли убѣжать. Вторая стрѣлковая рота потеряла въ два часа боя пятьдесятъ два человѣка изъ ста съ небольшимъ. Наша рота, мало принимавшая участія въ дѣлѣ, — нѣсколько человѣкъ.

Мы не остались на отбитой позиціи, хотя турки были сбиты повсюду. Когда нашъ генералъ увидѣлъ, что изъ деревни выходятъ на шоссе батальонъ за батальономъ, двигаются массы кавалеріи и тянутся длинныя вереницы пушекъ, онъ ужаснулся. Очевидно, турки не знали нашихъ силъ, скры-

тыхъ кустами: если бы имъ было извѣстно, что всего только четырнадцать ротъ выбили ихъ изъ глубокихъ дорогъ, рытвинъ и плетней, окружавшихъ деревню, они вернулись бы и раздавили насъ. Ихъ было втрое больше.

Вечеромъ мы были уже на старомъ мѣстѣ. Иванъ Платонычъ позвалъ меня пить чай.

— Венцеля видѣли? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Подите къ нему въ палатку, позовите къ намъ. Убивается человѣкъ. «Пятьдесятъ два! Пятьдесятъ два!» — только и слышно. Подите къ нему.

Тонкій огарокъ слабо освѣщалъ палатку Венцеля. Прижавшись въ уголку палатки и опустивъ голову на какой-то ящикъ, онъ глухо рыдалъ.

КРАСНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

(Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева).

I.

— Именемъ его императорскаго величества, государя императора Петра Перваго, объявляю ревизію сему сумасшедшему дому!

Эти слова были сказаны громкимъ, рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ. Писарь больницы, записывавшій больного въ большую истрепанную книгу на залитомъ чернилами столѣ, не удержался отъ улыбки. Но двое молодыхъ людей, сопровождавшіе больного, не смѣялись: они едва держались на ногахъ послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ безъ сна, наединѣ съ безумнымъ, котораго они только-что привезли по желѣзной дорогѣ. На предпослѣдней станціи припадокъ бѣшенства усилился; гдѣ-то достали сумасшедшую рубаху и, позвавъ кондукторовъ и жандарма, надѣли на больного. Такъ привезли его въ городъ, такъ доставили и въ больницу.

Онъ былъ страшенъ! Сверхъ изорваннаго во время припадка въ клочья сѣраго платья, куртка изъ грубой парусины съ широкимъ вырѣзомъ обтягивала его станъ; длинные рукава прижимали его руки къ груди накрестъ и были завязаны сзади. Воспаленные, широко раскрытые глаза (онъ не спалъ десять сутокъ) горѣли неподвижнымъ, горячимъ блескомъ; нервная судорога подергивала край нижней губы; спутанные курчавые волосы падали гривой на лобъ; онъ быстрыми, тяжелыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ конторы, пытливо осматривая старые шкапы съ бумагами и клеенчатые стулья и изрѣдка взглядывая на своихъ спутниковъ.

— Сведите его въ отдѣленіе. Направо.

— Я знаю, знаю. Я былъ уже здѣсь съ вами въ прошломъ году. Мы осматривали больницу. Я все знаю, и меня будетъ трудно обмануть, — сказалъ больной.

Онъ повернулся къ двери. Сторожъ растворилъ ее передъ нимъ; тою же быстрою, тяжелою и рѣшительною походкою, высоко поднявъ безумную голову, онъ вышелъ изъ конторы и почти бѣгомъ пошелъ направо въ отдѣленіе душевно-больныхъ. Провожавшіе едва успѣвали итти за нимъ.

— Позвони. Я не могу. Вы связали мнѣ руки.

Швейцаръ отворилъ двери, и путники вступили въ больницу.

Это было большое каменное зданіе старинной казенной постройки. Двѣ большихъ залы, одна — столовая, другая — общее помѣщеніе для спокойныхъ больныхъ, широкій коридоръ со стеклянною дверью, выходившей въ садъ съ цвѣтникомъ, и десятка два отдѣльныхъ комнатъ, гдѣ жили больные, занимали нижній этажъ; тутъ же были устроены двѣ темныя комнаты, одна — обитая тюфяками, другая досками, въ которыя сажали буйныхъ, и огромная мрачная комната со сводами — ванная. Верхній этажъ занимали женщины. Нестройный шумъ, прерываемый завываніями и воплями, несся оттуда. Больница была устроена на восемьдесятъ человѣкъ, но такъ какъ она одна служила на нѣсколько окрестныхъ губерній, то въ ней помѣщалось до трехсотъ. Въ небольшихъ каморкахъ было по четыре и по пяти кроватей; зимою, когда больныхъ не выпускали въ садъ и всѣ окна за желѣзными рѣшетками бывали наглухо заперты, въ больницѣ становилось невыносимо душно.

Новаго больного отвели въ комнату, гдѣ помѣщались ванны. И на здороваго человѣка она могла произвести тяжелое впечатлѣніе, а на разстроенное, возбужденное воображеніе дѣйствовала тѣмъ болѣе тяжело. Это была большая комната со сводами, съ липкимъ каменнымъ поломъ, освѣщенная однимъ, сдѣланнымъ въ углу, окномъ; стѣны и своды были выкрашены темно-красною масляною краскою; въ почернѣвшемъ отъ грязи полу, въ уровень съ нимъ, были вдѣланы двѣ каменныя ванны, какъ двѣ овальныя, наполненныя водою, ямы. Огромная мѣдная печь съ цилиндрическимъ котломъ для нагрѣванія воды и цѣлой системой мѣдныхъ трубокъ и крановъ занимала уголъ противъ окна; все носило необыкновенно мрачный и фантастическій для разстроенной головы характеръ, и завѣдывающій ваннами сторожъ, толстый, вѣчно молчавшій хохолъ, своею мрачною физіономіею увеличивалъ впечатлѣніе

И когда больного привели въ эту страшную комнату, чтобы сдѣлать ему ванну и, согласно съ системой лѣченія главнаго доктора больницы, наложить ему на затылокъ большую мушку, онъ пришелъ въ ужасъ и ярость. Нелѣпыя мысли, одна чудовищнѣе другой, завертѣлись въ его головѣ. Что это? Инквизиція? Мѣсто тайной казни, гдѣ враги его рѣшили покончить съ нимъ? Можетъ-быть, самый адъ? Ему пришло наконецъ въ голову, что это какое-то испытаніе. Его раздѣли, несмотря на отчаянное сопротивленіе. Съ удвоенною отъ болѣзни силою онъ легко вырывался изъ рукъ нѣсколькихъ сторожей, такъ что они падали на полъ; наконецъ четверо повалили его и, схвативъ за руки и за ноги, опустили въ теплую воду. Она показалась ему кипяткомъ, и въ безумной головѣ мелькнула безсвязная, отрывочная мысль объ испытаніи кипяткомъ и каленымъ желѣзомъ. Захлебываясь водою и судорожно барахтаясь руками и ногами, за которыя его крѣпко держали сторожа, онъ, задыхаясь, выкрикивалъ безсвязную рѣчь, о которой невозможно имѣть представленіе, не слышавъ ея на самомъ дѣлѣ. Тутъ были и молитвы и проклятія. Онъ кричалъ, пока не выбился изъ силъ, и наконецъ тихо, съ горячими слезами, проговорилъ фразу, совершенно не вязавшуюся съ предыдущей рѣчью:

— Святой великомученикъ Георгій! Въ руки твои предаю тѣло мое. А духъ — нѣтъ, о, нѣтъ!..

Сторожа все еще держали его, хотя онъ и успокоился. Теплая ванна и пузырь со льдомъ, положенный на голову, произвели свое дѣйствіе. Но когда его, почти безчувственнаго, вынули изъ воды и посадили на табуретъ, чтобы поставить мушку, остатокъ силъ и безумныя мысли снова точно взорвало.

— За что? За что? — кричалъ онъ. — Я никому не хотѣлъ зла. За что убивать меня? О-о-о! О, Господи! О, вы, мучимые раньше меня! Васъ молю, избавьте...

Жгучее прикосновеніе къ затылку заставило его отчаянно биться. Прислуга не могла съ нимъ справиться и не знала, что̀ дѣлать.

— Ничего не подѣлаешь, — сказалъ производившій операцію солдатъ: — нужно стереть.

Эти простыя слова привели больного въ содроганіе. «Стереть!.. Что̀ стереть? Кого стереть? Меня!» — подумалъ онъ и въ смертельномъ ужасѣ закрылъ глаза. Солдатъ взялъ за два конца грубое полотенце и, сильно нажимая, быстро провелъ имъ по затылку, сорвавъ съ него и мушку и верхній

слой кожи и оставивъ обнаженную, красную ссадину. Боль отъ этой операціи, невыносимая и для спокойнаго и здороваго человѣка, показалась больному концомъ всего. Онъ отчаянно рванулся всѣмъ тѣломъ, вырвался изъ рукъ сторожей, и его нагое тѣло покатилось по каменнымъ плитамъ. Онъ думалъ, что ему отрубили голову. Онъ хотѣлъ крикнуть и не могъ. Его отнесли на койку въ безпамятствѣ, которое перешло въ глубокій, мертвый и долгій сонъ.

II.

Онъ очнулся ночью. Все было тихо; изъ сосѣдней большой комнаты слышалось дыханіе спящихъ больныхъ. Гдѣ-то далеко монотоннымъ страннымъ голосомъ разговаривалъ самъ съ собою больной, посаженный на ночь въ темную комнату, да сверху, изъ женскаго отдѣленія, хриплый контральто пѣлъ какую-то дикую пѣсню. Больной прислушивался къ этимъ звукамъ. Онъ чувствовалъ страшную слабость и разбитость во всѣхъ членахъ; шея его сильно болѣла.

«Гдѣ я? Что со мной?»—пришло ему въ голову. И вдругъ съ необыкновенною яркостью ему представился послѣдній мѣсяцъ его жизни, и онъ понялъ, что онъ боленъ и чѣмъ боленъ. Рядъ нелѣпыхъ мыслей, словъ и поступковъ вспомнился ему, заставляя содрогаться всѣмъ существомъ.

— Но это кончено, слава Богу, это кончено!—прошепталъ онъ и снова уснулъ.

Открытое окно съ желѣзными рѣшетками выходило въ маленькій закоулокъ между большими зданіями и каменной оградой; въ этотъ закоулокъ никто никогда не заходилъ, и онъ весь густо заросъ какимъ-то дикимъ кустарникомъ и сиренью, пышно цвѣтшею въ то время года... За кустами, прямо противъ окна, темнѣла высокая ограда; высокія верхушки деревьевъ большого сада, облитыя и проникнутыя луннымъ свѣтомъ, глядѣли изъ-за нея. Справа подымалось бѣлое зданіе больницы съ освѣщенными изнутри окнами съ желѣзными рѣшетками; слѣва—бѣлая, яркая отъ луны, глухая стѣна мертвецкой. Лунный свѣтъ падалъ сквозь рѣшетку окна внутрь комнаты, на полъ и освѣщалъ часть постели и измученное, блѣдное лицо больного съ закрытыми глазами; теперь въ немъ не было ничего безумнаго. Это былъ глубокій тяжелый сонъ измученнаго человѣка, безъ сновидѣній, безъ малѣйшаго движенія и почти безъ дыханія. На нѣсколько мгновеній онъ проснулся въ полной памяти, какъ будто бы здоровымъ, затѣмъ, чтобы утромъ встать съ постели прежнимъ безумцемъ.

III.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ его на другой день докторъ.

Больной, только-что проснувшись, еще лежалъ подъ одѣяломъ.

— Отлично!—отвѣчалъ онъ, вскакивая, надѣвая туфли и хватаясь за халатъ:—прекрасно! Только одно: вотъ!

Онъ показалъ себѣ на затылокъ.

— Я не могу повернуть шеи безъ боли. Но это ничего. Все хорошо, если его понимаешь, а я понимаю.

— Вы знаете, гдѣ вы?

— Конечно, докторъ! Я въ сумасшедшемъ домѣ. Но вѣдь, если понимаешь, это рѣшительно все равно. Рѣшительно все равно.

Докторъ пристально смотрѣлъ ему въ глаза. Его красивое, холеное лицо, съ превосходно расчесанной золотистой бородой и спокойными голубыми глазами, смотрѣвшими сквозь золотыя очки, было неподвижно и непроницаемо. Онъ наблюдалъ.

— Что̀ вы такъ пристально смотрите на меня? Вы не прочтете того, что̀ у меня въ душѣ,—продолжалъ больной:—а я ясно читаю въ вашей! Зачѣмъ вы дѣлаете зло? Зачѣмъ вы собрали эту толпу несчастныхъ и держите ее здѣсь? Мнѣ все равно: я все понимаю и спокоенъ; но они? Къ чему эти мученья? Человѣку, который достигъ того, что въ душѣ его есть великая мысль, общая мысль—ему все равно, гдѣ жить, что̀ чувствовать. Даже жить и не жить... Вѣдь такъ?

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ докторъ, садясь на стулъ въ углу комнаты, такъ, чтобы видѣть больного, который быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, шлепая огромными туфлями изъ конской кожи и размахивая полами халата изъ бумажной матеріи съ широкими красными полосами и крупными цвѣтами.

Сопровождавшіе доктора фельдшеръ и надзиратель продолжали стоять навытяжку у дверей.

— И у меня она есть!—воскликнулъ больной.—И когда я нашелъ ее, я почувствовалъ себя переродившимся. Чувства стали острѣе, мозгъ работаетъ, какъ никогда. Что̀ прежде достигалось длиннымъ путемъ умозаключеній и догадокъ, теперь я познаю интуитивно. Я достигъ реально того, что̀ выработано философіей. Я переживаю самимъ собою великія идеи о томъ, что пространство и время—суть

фикціи. Я живу во всѣхъ вѣкахъ. Я живу безъ пространства, вездѣ или нигдѣ, какъ хотите. И поэтому мнѣ все равно, держите ли вы меня здѣсь или отпустите на волю, свободенъ я или связанъ. Я замѣтилъ, что тутъ есть еще нѣсколько такихъ же. Но для остальной толпы такое положеніе ужасно. Зачѣмъ вы не освободите ихъ? Кому нужно...

— Вы сказали,—перебилъ его докторъ:—что вы живете внѣ времени и пространства. Однако нельзя не согласиться, что мы съ вами въ этой комнатѣ, и что теперь—докторъ вынулъ часы—половина одиннадцатаго, 6-го мая 18** года. Что вы думаете объ этомъ?

— Ничего. Мнѣ все равно, гдѣ ни быть и когда ни жить. Если мнѣ все равно, не значитъ ли это, что «я» вездѣ и всегда?

Докторъ усмѣхнулся.

— Рѣдкая логика,—сказалъ онъ, вставая.—Пожалуй, вы правы. До свиданія. Не хотите ли вы сигарку?

— Благодарю васъ.—Онъ остановился, взялъ сигару и нервно откусилъ ея кончикъ.—Это помогаетъ думать,—сказалъ онъ:—это міръ, микрокосмъ. На одномъ концѣ щелочи, на другомъ—кислоты... Таково равновѣсіе и міра, въ которомъ нейтрализуются противоположныя начала... Прощайте, докторъ!

Докторъ отправился дальше. Большая часть больныхъ ожидала его, вытянувшись у своихъ коекъ. Никакое начальство не пользуется такимъ почтеніемъ отъ своихъ подчиненныхъ, какимъ докторъ-психіатръ отъ своихъ помѣшанныхъ.

А больной, оставшись одинъ, продолжалъ порывисто ходить изъ угла въ уголъ камеры. Ему принесли чай, онъ, не присаживаясь, въ два пріема опорожнилъ большую кружку и почти въ одно мгновеніе съѣлъ большой кусокъ бѣлаго хлѣба. Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и нѣсколько часовъ, не останавливаясь, ходилъ своею быстрою и тяжелой походкой изъ конца въ конецъ всего зданія. День былъ дождливый, и больныхъ не выпускали въ садъ. Когда фельдшеръ сталъ искать новаго больного, ему указали на конецъ коридора; онъ стоялъ здѣсь, прильнувши лицомъ къ стеклу стеклянной садовой двери, и пристально смотрѣлъ на цвѣтникъ. Его вниманіе привлекъ необыкновенно яркій алый цвѣтокъ, одинъ изъ видовъ мака.

— Пожалуйте взвѣситься,—сказалъ фельдшеръ, трогая его за плечо.

И когда тотъ повернулся къ нему лицомъ, онъ чуть не отшатнулся въ испугѣ: столько дикой злобы и ненависти

горѣло въ безумныхъ глазахъ. Но, увидѣвъ фельдшера, онъ тотчасъ же перемѣнилъ выраженіе лица и послушно пошелъ за нимъ, не сказавъ ни одного слова, какъ будто погруженный въ глубокую думу. Они прошли въ докторскій кабинетъ; больной самъ сталъ на платформу небольшихъ десятичныхъ вѣсовъ: фельдшеръ, свѣсивъ его, отмѣтилъ въ книгѣ противъ его имени 109 фунтовъ. На другой день было 107, на третій 106.

— Если такъ пойдетъ дальше, онъ не выживетъ,—сказалъ докторъ и приказалъ кормить его какъ можно лучше.

Но, несмотря на это и на необыкновенный аппетитъ больного, онъ худѣлъ съ каждымъ днемъ, и фельдшеръ каждый день записывалъ въ книгу все меньшее и меньшее число фунтовъ. Больной почти не спалъ и цѣлые дни проводилъ въ непрерывномъ движеніи.

IV.

Онъ сознавалъ, что онъ въ сумасшедшемъ домѣ; онъ сознавалъ даже, что онъ боленъ. Иногда, какъ въ первую ночь, онъ просыпался среди тишины послѣ цѣлаго дня буйнаго движенія, чувствуя ломоту во всѣхъ членахъ и страшную тяжесть въ головѣ, но въ полномъ сознаніи. Можетъ-быть, отсутствіе впечатлѣній въ ночной тишинѣ и полусвѣтѣ, можетъ-быть, слабая работа мозга только-что проснувшагося человѣка дѣлали то, что въ такія минуты онъ ясно понималъ свое положеніе и былъ какъ будто бы здоровъ. Но наступалъ день; вмѣстѣ со свѣтомъ и пробужденіемъ жизни въ больницѣ его снова волною охватывали впечатлѣнія; больной мозгъ не могъ справиться съ ними, и онъ снова былъ безумнымъ. Его состояніе было странною смѣсью правильныхъ сужденій и нелѣпостей. Онъ понималъ, что вокругъ него всѣ больные, но въ то же время въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ какое-нибудь тайно-скрывающееся или скрытое лицо, которое онъ зналъ прежде, или о которомъ читалъ или слыхалъ. Больница была населена людьми всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тутъ были и живые и мертвые. Тутъ были знаменитые и сильные міра и солдаты, убитые въ послѣднюю войну и воскресшіе. Онъ видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ, заколдованномъ кругѣ, собравшемъ въ себя всю силу земли, и въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно

будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія. Онъ могъ читать мысли другихъ людей; видѣлъ въ вещахъ всю ихъ исторію; большіе вязы въ больничномъ саду разсказывали ему цѣлыя легенды изъ пережитаго; зданіе, дѣйствительно построенное довольно давно, онъ считалъ постройкой Петра Великаго и былъ увѣренъ, что царь жилъ въ немъ въ эпоху полтавской битвы. Онъ прочелъ это въ стѣнахъ, на обвалившейся штукатуркѣ, на кускахъ кирпича и изразцовъ, находимыхъ имъ въ саду; вся исторія дома и сада была написана на нихъ. Онъ населилъ маленькое зданіе мертвецкой десятками и сотнями давно умершихъ людей и пристально вглядывался въ оконце, выходившее изъ ея подвала въ уголокъ сада, видя въ неровномъ отраженіи свѣта въ старомъ радужномъ и грязномъ стеклѣ знакомыя черты, видѣнныя имъ когда-то въ жизни или на портретахъ.

Между тѣмъ наступила ясная, хорошая погода; больные цѣлые дни проводили на воздухѣ въ саду. Ихъ отдѣленіе сада, небольшое, но густо заросшее деревьями, было вездѣ, гдѣ только можно, засажено цвѣтами. Надзиратель заставлялъ работать въ немъ всѣхъ сколько-нибудь способныхъ къ труду; цѣлые дни они мели и посыпали пескомъ дорожки, пололи и поливали грядки цвѣтовъ, огурцовъ, арбузовъ и дынь, вскопанныя ихъ же руками. Уголъ сада заросъ густымъ вишнякомъ; вдоль него тянулись аллеи изъ вязовъ; посрединѣ, на небольшой искусственной горкѣ, былъ разведенъ самый красивый цвѣтникъ во всемъ саду; яркіе цвѣты росли по краямъ верхней площадки, а въ центрѣ ея красовалась большая, крупная и рѣдкая, желтая съ красными крапинками далія. Она составляла центръ и всего сада, возвышаясь надъ нимъ, и можно было замѣтить, что многіе больные придавали ей какое-то таинственное значеніе. Новому больному она казалась тоже чѣмъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ, какимъ-то палладіумомъ сада и зданія. Всѣ дорожки были также обсажены руками больныхъ. Тутъ были всевозможные цвѣты, встрѣчающіеся въ малороссійскихъ садикахъ: высокія розы, яркія петуніи, кусты высокаго табаку съ небольшими розовыми цвѣтами, мята, бархатцы, настурціи и макъ. Тутъ же, недалеко отъ крыльца, росли три кустика мака какой-то особенной породы; онъ былъ гораздо меньше обыкновеннаго и отличался отъ него необыкновенною яркостью алаго цвѣта. Этотъ цвѣтокъ и поразилъ больного, когда онъ въ первый день послѣ поступленія въ больницу смотрѣлъ въ садъ сквозь стеклянную дверь.

Выйдя въ первый разъ въ садъ, онъ прежде всего, не сходя со ступеней крыльца, посмотрѣлъ на эти яркіе цвѣты. Ихъ было всего только два; случайно они росли отдѣльно отъ другихъ и на невыполотомъ мѣстѣ, такъ что густая лебеда и какой-то бурьянъ окружали ихъ.

Больные одинъ за другимъ выходили изъ дверей, у которыхъ стоялъ сторожъ и давалъ каждому изъ нихъ толстый бѣлый, вязаный изъ бумаги колпакъ съ краснымъ крестомъ на лбу. Колпаки эти побывали на войнѣ и были куплены на аукціонѣ. Но больной, само собою разумѣется, придавалъ этому красному кресту особое, таинственное значеніе. Онъ снялъ съ себя колпакъ и посмотрѣлъ на крестъ, потомъ на цвѣты мака. Цвѣты были ярче.

— Онъ побѣждаетъ, — сказалъ больной: — но мы посмотримъ.

И онъ сошелъ съ крыльца. Осмотрѣвшись и не замѣтивъ сторожа, стоявшаго сзади него, онъ перешагнулъ грядку и протянулъ руку къ цвѣтку, но не рѣшился сорвать его. Онъ почувствовалъ жаръ и колотье въ протянутой рукѣ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, какъ будто бы какой-то сильный токъ неизвѣстной ему силы исходилъ отъ красныхъ лепестковъ и пронизывалъ все его тѣло. Онъ придвинулся ближе и протянулъ руку къ самому цвѣтку, но цвѣтокъ, какъ ему казалось, защищался, испуская ядовитое, смертельное дыханіе. Голова его закружилась; онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе и уже схватился за стебелекъ, какъ вдругъ тяжелая рука легла ему на плечо. Это сторожъ схватилъ его.

— Нельзя рвать,—сказалъ старикъ-хохолъ.—И на грядку не ходи. Тутъ много васъ, сумасшедшихъ, найдется: каждый по цвѣтку, весь садъ разнесутъ,—убѣдительно сказалъ онъ, все держа его за плечо.

Больной посмотрѣлъ ему въ лицо, молча освободился отъ его руки и въ волненіи пошелъ по дорожкѣ.—«О, несчастные!—думалъ онъ.—Вы не видите, вы ослѣплены до такой степени, что защищаете его. Но во что бы то ни стало я покончу съ нимъ. Не сегодня, такъ завтра мы помѣряемся силами. И если я погибну, не все ли равно...»

Онъ гулялъ по саду до самаго вечера, заводя знакомства и ведя странные разговоры, въ которыхъ каждый изъ собесѣдниковъ слышалъ только отвѣты на свои безумныя мысли, выражавшіяся нелѣпо-таинственными словами. Больной ходилъ то съ однимъ товарищемъ, то съ другимъ и къ концу дня еще болѣе убѣдился, что «все готово», какъ онъ сказалъ самъ себѣ. Скоро, скоро распадутся желѣзныя рѣ-

шетки, всѣ эти заточенные выйдутъ отсюда и помчатся во всѣ концы земли, и весь міръ содрогнется, сброситъ съ себя ветхую оболочку и явится въ новой, чудной красотѣ. Онъ почти забылъ о цвѣткѣ, но, уходя изъ сада и поднимаясь на крыльцо, снова увидѣлъ въ густой потемнѣвшей и уже начинавшей роситься травѣ точно два красныхъ уголька. Тогда больной отсталъ отъ толпы и, ставъ позади сторожа, выждалъ удобнаго мгновенія. Никто не видѣлъ, какъ онъ перескочилъ черезъ грядку, схватилъ цвѣтокъ и торопливо спряталъ его на своей груди подъ рубашкой. Когда свѣжіе, росистые листья коснулись его тѣла, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и въ ужасѣ широко раскрылъ глаза. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Въ больницѣ зажгли лампы; въ ожиданіи ужина большая часть больныхъ улеглась на постели, кромѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ, торопливо ходившихъ по коридору и заламъ. Больной съ цвѣткомъ былъ между ними. Онъ ходилъ, судорожно сжавъ руки у себя на груди крестомъ: казалось, онъ хотѣлъ раздавить, размозжить спрятанное на ней растеніе. При встрѣчѣ съ другими онъ далеко обходилъ ихъ, боясь прикоснуться къ нимъ краемъ одежды.—«Не подходите, не подходите!»—кричалъ онъ. Но въ больницѣ на такіе возгласы мало кто обращалъ вниманіе. И онъ ходилъ все скорѣе и скорѣе, дѣлалъ шаги все больше и больше, ходилъ часъ, два съ какимъ-то остервененіемъ.

— Я утомлю тебя. Я задушу тебя!—глухо и злобно говорилъ онъ.

Иногда онъ скрежеталъ зубами.

Въ столовую подали ужинать. На большіе столы безъ скатертей поставили по нѣскольку деревянныхъ, крашеныхъ и золоченыхъ мисокъ съ жидкою пшенною кашицею; больные усѣлись на лавки; имъ роздали по ломтю чернаго хлѣба. Ѣли деревянными ложками человѣкъ по восьми изъ одной миски. Нѣкоторымъ, пользовавшимся улучшенной пищей, подали отдѣльно. Нашъ больной, быстро проглотивъ свою порцію, принесенную сторожемъ, который позвалъ его въ его комнату, не удовольствовался этимъ и пошелъ въ общую столовую.

— Позвольте мнѣ сѣсть здѣсь,—сказалъ онъ надзирателю.

— Развѣ вы не ужинали?—спросилъ надзиратель, разливая добавочныя порціи каши въ миски.

— Я очень голоденъ. И мнѣ нужно сильно подкрѣпиться. Вся моя поддержка въ пищѣ: вы знаете, что я совсѣмъ не сплю.

— Кушайте, милый, на здоровье. Тарасъ, дай имъ ложку и хлѣба.

Онъ подсѣлъ къ одной изъ чашекъ и съѣлъ еще огромное количество каши.

— Ну, довольно, довольно,—сказалъ наконецъ надзиратель, когда всѣ кончили ужинать, а нашъ больной еще продолжалъ сидѣть надъ чашкой, черпая изъ нея одной рукой кашу, а другою крѣпко держась за грудь.—Объѣдитесь.

— Ахъ, если бы вы знали, сколько силъ мнѣ нужно, сколько силъ! Прощайте, Николай Николаевичъ,—сказалъ больной, вставая изъ-за стола и крѣпко сжимая руку надзирателя.—Прощайте.

— Куда же вы?—спросилъ съ улыбкой надзиратель.

— Я? Никуда. Я остаюсь. Но, можетъ-быть, завтра мы не увидимся. Благодарю васъ за вашу доброту.

И онъ еще разъ крѣпко пожалъ руку надзирателю. Голосъ его дрожалъ, на глазахъ выступили слезы.

— Успокойтесь, милый, успокойтесь,—отвѣчалъ надзиратель.—Къ чему такія мрачныя мысли? Подите, лягте, да засните хорошенько. Вамъ больше спать слѣдуетъ; если будете спать хорошо, скоро и поправитесь.

Больной рыдалъ. Надзиратель отвернулся, чтобы приказать сторожамъ поскорѣе убирать остатки ужина. Черезъ полчаса въ больницѣ все уже спало, кромѣ одного человѣка, лежавшаго нераздѣтымъ на своей постели въ угловой комнатѣ. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и судорожно стискивалъ себѣ грудь, всю пропитанную, какъ ему казалось, неслыханно смертельнымъ ядомъ.

V.

Онъ не спалъ всю ночь. Онъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ, потому что видѣлъ въ такомъ поступкѣ подвигъ, который онъ былъ обязанъ сдѣлать. При первомъ взглядѣ сквозь стеклянную дверь алые лепестки привлекли его вниманіе, и ему показалось, что онъ съ этой минуты вполнѣ постигъ, что̀ именно долженъ онъ совершить на землѣ. Въ этотъ яркій красный цвѣтокъ собралось все зло міра. Онъ зналъ, что изъ мака дѣлается опіумъ; можетъ-быть, эта мысль, разростаясь и принимая чудовищныя формы, заставила его создать страшный фантастическій призракъ. Цвѣтокъ въ его глазахъ осуществлялъ собою все зло; онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красенъ), всѣ слезы, всю желчь человѣчества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ари-

манъ, принявшій скромный и невинный видъ. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало—нужно было не дать ему при издыханіи излить все свое зло въ міръ. Потому-то онъ и спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ потеряетъ всю свою силу. Его зло перейдетъ въ его грудь, его душу, и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра.

— Они не видѣли его. Я увидѣлъ. Могу ли я оставить его жить? Лучше смерть.

И онъ лежалъ, изнемогая въ призрачной, несуществующей борьбѣ, но все-таки изнемогая. Утромъ фельдшеръ засталъ его чуть живымъ. Но, несмотря на это, черезъ нѣсколько времени возбужденіе взяло верхъ, онъ вскочилъ съ постели и попрежнему забѣгалъ по больницѣ, разговаривая съ больными и самъ съ собою громче и несвязнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Его не пустили въ садъ; докторъ, видя, что вѣсъ его уменьшается, а онъ все не спитъ и все ходитъ и ходитъ, приказалъ впрыснуть ему подъ кожу большую дозу морфія. Онъ не сопротивлялся—къ счастью, въ это время его безумныя мысли какъ-то совпали съ этой операціей. Онъ скоро заснулъ; бѣшеное движеніе прекратилось, и постоянно сопутствовавшій ему, создавшійся изъ такта его порывистыхъ шаговъ, громкій мотивъ исчезъ изъ ушей. Онъ забылся и пересталъ думать обо всемъ и даже о второмъ цвѣткѣ, который нужно было сорвать.

Однако онъ сорвалъ его черезъ три дня, на глазахъ у старика, не успѣвшаго предупредить его. Сторожъ погнался за нимъ. Съ громкимъ торжествующимъ воплемъ больной вбѣжалъ въ больницу и, кинувшись въ свою комнату, спряталъ растеніе на груди.

— Ты зачѣмъ цвѣты рвешь? — спросилъ прибѣжавшій за нимъ сторожъ.

Но больной, уже лежавшій на постели въ привычной позѣ со скрещенными руками, началъ говорить такую чепуху, что сторожъ только снялъ съ него забытый имъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ колпакъ съ краснымъ крестомъ и ушелъ. И призрачная борьба началась снова. Больной чувствовалъ, что изъ цвѣтка длинными, похожими на змѣи, ползучими потоками извивается зло; они опутывали его, сжимали и сдавливали члены и пропитывали все тѣло своимъ ужаснымъ содержаніемъ. Онъ плакалъ и молился Богу въ про-

межутки между проклятіями, обращенными къ своему врагу. Къ вечеру цвѣтокъ завялъ. Больной растопталъ почернѣвшее растеніе, подобралъ остатки съ пола и понесъ въ ванную. Бросивъ безформенный комочекъ зелени въ раскаленную каменнымъ углемъ печь, онъ долго смотрѣлъ, какъ его врагъ шипѣлъ, съеживался и наконецъ превратился въ нѣжный, снѣжно-бѣлый комочекъ золы. Онъ дунулъ, и все исчезло.

На другой день больному стало хуже. Страшно блѣдный, съ ввалившимися щеками, съ глубоко ушедшими внутрь глазныхъ впадинъ горящими глазами, онъ, уже шатающеюся походкой и часто спотыкаясь, продолжалъ свою бѣшеную ходьбу и говорилъ, говорилъ безъ конца.

— Мнѣ не хотѣлось бы прибѣгать къ насилію,—сказалъ своему помощнику старшій докторъ.

— Но вѣдь необходимо остановить эту работу. Сегодня въ немъ 93 фунта вѣса. Если такъ пойдетъ дальше, онъ умретъ черезъ два дня.

Старшій докторъ задумался

— Морфій? Хлоралъ?—сказалъ онъ полувопросительно.

— Вчера морфій уже не дѣйствовалъ.

— Прикажите связать его. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобы онъ уцѣлѣлъ.

VI.

И больного связали. Онъ лежалъ, одѣтый въ сумасшедшую рубаху, на своей постели, крѣпко привязанный широкими полосами холста къ желѣзнымъ перекладинамъ кровати. Но бѣшенство движеній не уменьшилось, а скорѣе возросло. Въ теченіе многихъ часовъ онъ упорно силился освободиться отъ своихъ путъ. Наконецъ однажды, сильно рванувшись, онъ разорвалъ одну изъ повязокъ, освободилъ ноги и, выскользнувъ изъ-подъ другихъ, началъ со связанными руками расхаживать по комнатѣ, выкрикивая дикія, непонятныя рѣчи.

— О, щобъ тоби!..—закричалъ вошедшій сторожъ.— Якій тоби бісъ помогае! Грицко! Иванъ! Идить швидче, бо винъ развязавсь.

Они втроемъ накинулись на больного, и началась долгая борьба, утомительная для нападавшихъ и мучительная для защищавшагося человѣка, тратившаго остатокъ истощенныхъ силъ. Наконецъ его повалили на постель и скрутили крѣпче прежняго.

— Вы не понимаете, что̀ вы дѣлаете!—кричалъ больной, задыхаясь.—Вы погибаете! Я видѣлъ третій, едва распусти-

вшійся. Теперь онъ уже готовъ. Дайте мнѣ кончить дѣло! Нужно убить его, убить! Убить! Тогда все будетъ кончено, все спасено. Я послалъ бы васъ, но это могу сдѣлать только одинъ я. Вы умерли бы отъ одного прикосновенія.

— Молчите, панычъ, молчите!—сказалъ старикъ-сторожъ, оставшійся дежурить около постели.

Больной вдругъ замолчалъ. Онъ рѣшился обмануть сторожей. Его продержали связаннымъ цѣлый день и оставили въ такомъ положеніи и на ночь. Накормивъ его ужиномъ, сторожъ постлалъ что-то около постели и улегся. Черезъ минуту онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а больной принялся за работу.

Онъ изогнулся всѣмъ тѣломъ, чтобы коснуться желѣзной продольной перекладины постели, и, нащупавъ ее спрятанной въ длинномъ рукавѣ сумасшедшей рубахи кистью руки, началъ быстро и сильно тереть рукавъ объ желѣзо. Черезъ нѣсколько времени толстая парусина подалась, и онъ высвободилъ указательный палецъ. Тогда дѣло пошло скорѣе. Съ совершенно невѣроятной для здороваго человѣка ловкостью и гибкостью, онъ развязалъ сзади себя узелъ, стягивавшій рукава, расшнуровалъ рубаху и послѣ этого долго прислушивался къ храпѣнію сторожа. Но старикъ спалъ крѣпко. Больной снялъ рубаху и отвязался отъ кровати. Онъ былъ свободенъ. Онъ попробовалъ дверь: она была заперта изнутри, и ключъ, вѣроятно, лежалъ въ карманѣ у сторожа. Боясь разбудить его, онъ не посмѣлъ обыскивать карманы и рѣшился уйти изъ комнаты черезъ окно.

Была тихая, теплая и темная ночь; окно было открыто; звѣзды блестѣли на черномъ небѣ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, отличая знакомыя созвѣздія и радуясь тому, что они, какъ ему казалось, понимаютъ его и сочувствуютъ ему. Мигая, онъ видѣлъ безконечные лучи, которые они посылали ему, и безумная рѣшимость увеличивалась. Нужно было отогнуть толстый прутъ желѣзной рѣшетки, пролѣзть сквозь узкое отверстіе въ закоулокъ, заросшій кустами, перебраться черезъ высокую каменную ограду. Тамъ будетъ послѣдняя борьба, а послѣ—хоть смерть.

Онъ попробовалъ согнуть толстый прутъ голыми руками, но желѣзо не поддавалось. Тогда, скрутивъ изъ крѣпкихъ рукавовъ сумасшедшей рубахи веревку, онъ зацѣпилъ ею за выкованное на концѣ прута копье и повисъ на немъ всѣмъ тѣломъ. Послѣ отчаянныхъ усилій, почти истощившихъ остатокъ его силъ, копье согнулось; узкій проходъ былъ открытъ. Онъ протискался сквозь него, ссадивъ себѣ плечи, локти и

обнаженныя колѣни, пробрался сквозь кусты и остановился передъ стѣной. Все было тихо; огни ночниковъ слабо освѣщали изнутри окна огромнаго зданія; въ нихъ не было видно никого. Никто не замѣтитъ его; старикъ, дежурившій у его постели, вѣроятно, спитъ крѣпкимъ сномъ. Звѣзды ласково мигали лучами, проникавшими до самаго его сердца.

— Я иду къ вамъ,—прошепталъ онъ, глядя на небо.

Оборвавшись послѣ первой попытки, съ оборванными ногтями, окровавленными руками и колѣнями, онъ сталъ искать удобнаго мѣста. Тамъ, гдѣ ограда сходилась со стѣной мертвецкой, изъ нея и изъ стѣны выпало нѣсколько кирпичей. Больной нащупалъ эти впадины и воспользовался ими. Онъ влѣзъ на ограду, ухватился за вѣтки вяза, росшаго по ту сторону, и тихо спустился по дереву на землю.

Онъ кинулся къ знакомому мѣсту около крыльца. Цвѣтокъ темнѣлъ своей головкой, свернувъ лепестки и ясно выдѣляясь на росистой травѣ.

— Послѣдній!—прошепталъ больной:—послѣдній! Сегодня побѣда или смерть. Но это для меня уже все равно. Погодите,—сказалъ онъ, глядя на небо:—я скоро буду съ вами.

Онъ вырвалъ растеніе, истерзалъ его, смялъ и, держа его въ рукѣ, вернулся прежнимъ путемъ въ свою комнату. Старикъ спалъ. Больной, едва дойдя до постели, рухнулъ на нее безъ чувствъ.

Утромъ его нашли мертвымъ. Лицо его было спокойно и свѣтло; истощенныя черты съ тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горделивое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цвѣтокъ. Но рука закоченѣла, и онъ унесъ свой трофей въ могилу.

МЕДВѢДИ.

На степной рѣчкѣ Рохлѣ пріютился городъ Бѣльскъ. Въ этомъ мѣстѣ она дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ излучинъ, соединенныхъ протоками; все сплетеніе, если смотрѣть въ ясный лѣтній день съ высокаго праваго берега долины рѣки, кажется цѣлымъ бантомъ изъ голубыхъ лентъ. Этотъ высокій берегъ подымается надъ уровнемъ Рохли саженъ на пятьдесятъ и точно срѣзанъ огромнымъ ножомъ такъ круто, что взобраться отъ воды наверхъ, туда, гдѣ начинается безконечная степь, можно только хватаясь за кусты бересклета, березы и орѣшника, густо покрывающихъ склонъ. Оттуда, сверху открывается видъ верстъ на сорокъ кругомъ. Направо къ югу и налѣво на сѣверъ тянутся холмы праваго берега Рохли, круто спускающіеся въ долину, какъ тотъ, съ котораго мы смотримъ, или отлогіе; нѣкоторые изъ нихъ бѣлѣютъ своими обнаженными отъ почвы мѣловыми вершинами и скатами; другіе покрыты по большей части чахлой и низкой травой. Прямо на востокъ тянется безграничная, слегка поднимающаяся степь, то желтая отъ сѣнокосовъ, на которыхъ густо разросся негодный молочай, то зеленѣющая хлѣбами, то лилово-черная отъ поднятой недавно цѣлины, то серебристо-сѣрая отъ ковыля. Отсюда она кажется ровною, и только привычный глазъ разсмотритъ на ней едва уловимыя линіи отлогихъ, невидимыхъ, глубокихъ лощинъ и овраговъ, да кое-гдѣ виднѣется небольшимъ возвышеніемъ старый, распаханный и вросшій въ землю курганъ, уже безъ каменной бабы, которая, можетъ-быть, украшаетъ въ качествѣ скиѳскаго памятника дворъ харьковскаго университета, а можетъ-быть, увезена какимъ-нибудь мужикомъ и заложена въ стѣнку загона для скотицы.

Внизу рѣка, изгибаясь голубой лентой, тянется съ сѣвера на югъ, то отходя отъ высокаго берега въ степь, то приближаясь и протекая подъ самою кручею. Она окаймлена кустами лозняка, кое-гдѣ — сосною, а около города — выгонами и садами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, въ сторону степи тянутся сплошной полосой почти по всему теченію Рохли сыпучіе пески, едва сдерживаемые красною и черною лозою и густымъ ковромъ душистаго лиловаго чабреца. Въ этихъ пескахъ, верстахъ въ двухъ отъ города, пріютилось и городское кладбище; съ высоты оно кажется маленькимъ оазисомъ съ возвышающеюся надъ нимъ деревянной колоколенкой кладбищенской церкви. Самъ городъ не представляетъ собой ничего особенно выдающагося и очень похожъ на всѣ уѣздные города; впрочемъ, онъ выгодно отличается отъ своихъ собратій удивительною чистотою улицъ, происходящею не столько отъ заботливости городского управленія, сколько отъ песчаной почвы, на которой выстроенъ городъ; почва эта всасываетъ рѣшительно всякое количество влаги, какое можетъ произвести разгнѣванное небо, и тѣмъ приводитъ въ большое затрудненіе городскихъ свиней, которыя должны отыскивать себѣ удобное помѣщеніе по крайней мѣрѣ за двѣ версты отъ города, въ грязныхъ, илистыхъ берегахъ рѣки.

Въ сентябрѣ 1875 года Бѣльскъ былъ необыкновенно взволнованъ. Обычная тишина жизни нарушилась; повсюду: въ клубѣ, на улицахъ, на скамейкахъ у воротъ, въ домахъ, происходили шумные разговоры. Можно было бы подумать, что происходившее въ это время земское собраніе съ выборами заставило такъ волноваться жителей, но бывали и прежде земскія собранія, и съ выборами и со скандалами, и не производили никакого особеннаго впечатлѣнія на бѣльчанъ. Иногда только встрѣтившіеся на улицѣ граждане обмѣняются короткими фразами:

— Были? — спроситъ одинъ, указывая взорами на домъ, гдѣ помѣщалась земская управа.

— Былъ! — отвѣтитъ другой и при этомъ махнетъ рукою.

А привыкшій къ способу выраженія мыслей собесѣдникъ пойметъ безъ словъ, въ чемъ дѣло, и промолвитъ:

— Кто?

— Иванъ Петровичъ!

— Кого?

— Ивана Парфеныча.

Посмѣются и разойдутся.

Но теперь было не то. Городъ шумѣлъ, какъ во время

ярмарки. Толпы мальчишекъ бѣгали по направленію къ городскому выгону и назадъ; солидные люди въ широкихъ лѣтнихъ парусинныхъ и сырцовыхъ шелковыхъ костюмахъ направлялись туда же. Городскія барышни съ зонтиками, въ разноцвѣтныхъ «панье» (тогда ихъ носили), занимали собою всю ширину улицы, такъ что катавшійся въ кабріолетѣ на сѣромъ въ яблокахъ не конѣ, а звѣрѣ, молодой купецъ Рогачевъ долженъ былъ натягивать вожжи и почти прижиматься къ мазанымъ стѣнамъ домовъ. Барышень сопровождали мѣстные кавалеры въ сѣренькихъ пальто съ черными бархатными воротниками, съ тросточками, въ соломенныхъ шляпахъ и — у кого были — въ фуражкахъ съ кокардами. Братья Изотовы, коноводы всѣхъ общественныхъ увеселеній, умѣвшіе во время кадрили кричать: «гранронъ!» и «оребуръ!», неизмѣнно присутствовали здѣсь, если не бѣгали по городу, сообщая знакомымъ дамамъ свѣжія новости.

— Изъ Валуйскаго уѣзда пришли! Полъ-выгона заняли, до самой рѣки, — говорилъ старшій, Леонидъ.

— Я обозрѣвалъ видъ съ вершины пристѣна, — прибавилъ младшій, Константинъ, любившій выражаться изысканно. — Картина замѣчательная!

Пристѣномъ назывался тотъ самый холмъ, откуда открывается видъ на городъ и окрестности.

— Ахъ, какая мысль! Представьте! Знаете что̀: прикажемъ заложить линейку и поѣдемъ на пристѣнъ. Это будетъ въ родѣ пикника. И посмотримъ оттуда.

Это предложеніе первой дамы Бѣльска, жены брата казначея (почти весь городъ звалъ ея мужа, Павла Ивановича, братомъ казначея), дамы, пріѣхавшей лѣтъ восемь тому назадъ изъ Петербурга и потому владычицы модъ и хорошаго тона, встрѣтило общее сочувствіе. Заложили толстаго гнѣдого въ экипажъ, который попадается только въ уѣздныхъ городахъ и состоитъ изъ длинныхъ дрогъ, съ двумя длинными подножками, такъ что ѣдущіе помѣщаются въ два ряда по шести-семи человѣкъ въ каждомъ и сидятъ другъ къ другу спиной; компанія человѣкъ въ двѣнадцать усѣлась на него и поѣхала по городу, обгоняя отряды мальчишекъ, ряды барышень и толпы всякаго иного народа, подвигавшіяся къ выгону. Линейка, проѣхавъ по песчанымъ улицамъ города, переѣхала черезъ мостъ и направилась къ высокому правому берегу рѣки. Гнѣдой, упорнымъ шагомъ, морща лоснившуюся шкуру своихъ ляжекъ, взобрался на двухверстный подъемъ, и черезъ полчаса путешественники

сидѣли на краю заросшаго кустами пятидесятисаженнаго крутого склона и смотрѣли на знакомый намъ видъ. Внизу, подъ ихъ ногами, подъ самой стѣной, тихо текла подошедшая въ этомъ мѣстѣ рѣка, а за нею разстилался выгонъ, на который и было устремлено общее вниманіе.

Онъ пестрѣлъ, какъ огромный коверъ изъ лоскутьевъ. Видны были грязно-бѣлыя палатки, множество повозокъ, толпа пестраго народа: темныя фигуры мужчинъ въ кафтанахъ, сѣрыя грязныя рубахи, яркія желтыя и красныя одежды женщинъ; толпа народа окружала всѣ собиравшіеся таборы цыганъ. Былъ чудный, немного жаркій и совершенно тихій день; на высоту, гдѣ сидѣли зрители, доносился говоръ тысячной толпы, тяжелые удары молота о мягкое желѣзо, конское ржаніе и ревъ десятковъ приведенныхъ изъ нѣсколькихъ уѣздовъ цыганскихъ поильцевъ и кормильцевъ — ручныхъ медвѣдей.

Ольга Павловна смотрѣла на эту пестроту въ бинокль и восхищалась.

— Ахъ, какъ это интересно! Какой большой! Посмотрите, Леонидъ, какой большой медвѣдь, тамъ направо. И рядомъ съ нимъ молодой цыганъ — совершенный Адонисъ.

Она передала бинокль молодому человѣку, и онъ увидѣлъ фигуру стройнаго и очень грязнаго юноши, который стоялъ около звѣря, переваливавшагося съ лапы на лапу, и ласкалъ его.

— Позвольте и мнѣ, — сказалъ толстый бритый господинъ, въ парусинѣ и соломенной шляпѣ.

Онъ внимательно смотрѣлъ нѣсколько времени и, обернувшись къ Ольгѣ Павловнѣ, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да-съ, Ольга Павловна, Адонисъ. Но какой, я вамъ доложу, изъ этого Адониса конокрадъ выйдетъ — первый сортъ.

— Mon Dieu! Вы непремѣнно стараетесь перевести на прозу всякую поэзію. Почему конокрадъ? Я не хочу этому вѣрить. Онъ такъ хорошъ.

— Хорошъ-то хорошъ... но какъ ему прикажете поддерживать свое прекрасное тѣло безъ этого медвѣдя? Вотъ перебьютъ ихъ завтра, и изъ этой тысячи цыганъ половина пойдетъ по міру.

— Они могутъ ковать, предсказывать...

— Предсказывать! Былъ у меня вчера Илья-коновалъ; вотъ поговорите съ нимъ.—«Хороши, говоритъ, у васъ, Ѳома Ѳомичъ, сѣрые, да только берегите отъ нашего брата».—

«А что, говорю, не ты ли стащишь?»—Ухмыляется каналья! Вотъ у него прорицанія какія!

Отъ линейки отвязали большую корзину, изъ которой появились яства и питія, и общество начало насыщаться, весело болтая и почти не обращая вниманія на разстилавшуюся у ихъ ногъ картину. Солнце садилось, огромная тѣнь отъ холма быстро бѣжала на выгонъ, на городъ, на степь; очертанія сглаживались, и, какъ это бываетъ на югѣ, день быстро смѣнился ночью. Далекіе извивы рѣки заблестѣли холоднымъ луннымъ свѣтомъ; въ городѣ показались огоньки; въ цыганскомъ таборѣ зажгли костры, краснѣвшіе сквозь туманъ, подымавшійся съ уснувшей рѣки подъ пристѣномъ. А наверху Константинъ и Леонидъ наперерывъ разсказывали смѣшные анекдоты; Ольга Павловна изрѣдка снисходительно улыбалась; барышни хихикали и иногда прыскали. Зажгли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ; кучеръ и горничная раздували въ кустахъ самоваръ, при чемъ послѣдняя по временамъ отчего-то взвизгивала, впрочемъ, весьма осторожно. Толстый Ѳома Ѳомичъ долго молчалъ и наконецъ перебилъ анекдотъ Леонида на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Когда же наконецъ назначена эта медвѣжья казнь?— спросилъ онъ.

— Въ среду утромъ, — разомъ отвѣтили братья Изотовы.

Съ четырехъ уѣздовъ сошлись несчастные цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ лошадьми и медвѣдями. Больше сотни косолапыхъ звѣрей, отъ маленькихъ медвѣжатъ до огромныхъ стариковъ въ посѣдѣвшихъ и выцвѣтшихъ шкурахъ, было собрано на городскомъ выгонѣ. Цыгане съ ужасомъ ждали рѣшительнаго дня. Многіе, пришедшіе первыми, жили на городскомъ выгонѣ уже недѣли двѣ; начальство ждало прихода всѣхъ, переписанныхъ къ тому времени цыганъ, чтобы устроить разомъ большую казнь. Имъ было дано пять лѣтъ льготы послѣ выхода закона, прекратившаго промыселъ ручными медвѣдями, и теперь срокъ этой льготы истекъ: цыгане должны были явиться въ назначенные для сбора пункты и сами перебить своихъ кормильцевъ.

Они въ послѣдній разъ совершали свой походъ по деревнямъ съ знаменитою козою и ея барабанщикомъ, непремѣнными спутниками медвѣдей. Въ послѣдній разъ, завидѣвъ, какъ они спускаются со степи въ яръ, гдѣ обыкновенно расположены украинскія слободы, толпа мальчишекъ и дѣвчонокъ бѣжала къ нимъ за версту навстрѣчу и съ

ликованіемъ возвращалась вмѣстѣ съ ихъ нестройной толпой внизъ, въ слободу, гдѣ начиналось самое торжество.

Да, это было торжество! Они останавливались у кабака или у какой-нибудь хаты побогаче, а гдѣ была помѣщичья усадьба, то передъ панскимъ домомъ, и начинались представленье, лѣченье, торговля и мѣна, гаданье, ковка лошадей и починка телѣгъ. И чего-чего тутъ ни было въ долгій лѣтній день до самаго вечера, когда цыгане уходили за слободу, на толоку, растягивали тамъ свои палатки, или просто натягивали холстину на оглобли, зажигали костры и готовили себѣ ужинъ. И до поздней ночи вокругъ табора стояла любопытная толпа.

— Ну, пора, пора, — говоритъ мнѣ, маленькому мальчику, отецъ.

— Еще немножечко, еще немножечко.

И отцу самому не хотѣлось уѣзжать. Мы сидѣли съ нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ; старый меринъ Васька, повернувъ голову къ огнямъ и настороживъ уши на медвѣдей, стоялъ смирно, изрѣдка фыркая; огни табора бросали дрожащій красный свѣтъ и неопредѣленныя колеблющіяся тѣни; легкій туманъ поднимался изъ лощины сбоку насъ, а за таборомъ разстилалась степь. Темныя крылья вѣтряной мельницы рисовались на небѣ; за нею уходило безграничное таинственное пространство, окутанное серебристо-сѣрымъ сумракомъ. Шумъ табора не заглушалъ тихихъ и чистыхъ звуковъ степной ночи: то донесется изъ далекаго пруда торжественный, звонкій хоръ лягушекъ, то звенящимъ трескомъ раздастся мѣрный и торопливый крикъ дергача, то перепелы начнутъ кричать свое: «Пить пойдемъ! Пить пойдемъ!», то откуда-то долетятъ непонятные, невѣдомые звуки, слабые и гармоничные; что̀ это? Звукъ ли далекаго колокола, принесенный легкимъ вѣтеркомъ, или голосъ природы, языка которой мы не понимаемъ?..

Но въ лагерѣ все успокаивается; понемногу тушатъ ненужные огни; медвѣди, ворочаясь, звякаютъ своими цѣпями и изрѣдка глухо урчатъ подъ телѣгами, къ которымъ прикованы; цыгане укладываются спать. Одинъ изъ нихъ отошелъ въ сторону и горловымъ теноромъ запѣлъ странную пѣсню на родномъ языкѣ, непохожую на пѣсни московскихъ цыганъ и опереточныхъ пѣвицъ, своеобразную, дикую, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то изъ неизвѣданной темноты... Никто не знаетъ, когда сложена она, какіе степи, лѣса и горы породили ее; она осталась живымъ свидѣтелемъ старины, забытой и тѣмъ, кто поетъ ее те-

перь подъ чужимъ, горящимъ звѣздами небомъ, въ чужихъ степяхъ...

— Поѣдемъ, — говоритъ отецъ.

Застоявшійся Васька бодро трогается съ мѣста, и дрожки катятся по извилистой дорогѣ внизъ, въ лощину; легкая пыль слабо взвивается изъ-подъ колесъ и тутъ же, будто сонная, падаетъ на слегка росистую траву.

— Папа, знаетъ ли кто-нибудь по-цыгански?

— Сами они, конечно, знаютъ, а изъ другихъ я не видѣлъ никого, кто умѣлъ бы говорить съ ними.

— Я хотѣлъ бы научиться. Я хотѣлъ бы знать, что̀ онъ пѣлъ... Папа, они язычники? Можетъ-быть, онъ пѣлъ про своихъ боговъ: какъ они жили, какъ воевали...

Мы возвратились домой, и я лежу подъ одѣяломъ, а вообраЖеніе все еще работаетъ и создаетъ странные образы въ маленькой головѣ, уже склонившейся на подушку.

Теперь по деревнямъ уже не водятъ медвѣдей. Да и цыгане стали рѣдко бродить: большею частью они живутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вѣковой привычкѣ, выбираются куда-нибудь на выгонъ, натягиваютъ закопченное полотно и живутъ цѣлыми семьями, занимаясь ковкою лошадей, коновальствомъ и барышничествомъ. Мнѣ случалось видѣть даже, что шатры уступали мѣсто на скорую руку сколоченнымъ дощатымъ балаганамъ. Это было въ губернскомъ городѣ: недалеко отъ больницы и базарной площади на клочкѣ еще не застроенной земли, рядомъ съ почтовой дорогой, цыгане устроили цѣлый маленькій городокъ. Только смуглыя, глазастыя лица, курчавые волосы, грязная одежда мужчинъ, грязныя яркія тряпки женщинъ и нагіе бронзовые ребятишки напомнили мнѣ былую картину вольнаго цыганскаго табора. Изъ балагановъ слышался лязгъ желѣза; я заглянулъ въ одинъ изъ нихъ: какой-то старикъ ковалъ подковы. Я посмотрѣлъ на его работу и увидѣлъ, что это уже не прежній цыганъ-кузнецъ, а простой мастеровой, взявшій заказъ и работающій, чтобы поскорѣе кончить его и навалить на себя новый. Онъ ковалъ подкову за подковой, отбрасывая ихъ одну за другой въ кучу, въ углу балагана; онъ работалъ съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, сильно торопясь; это было днемъ; проходя уже довольно поздно вечеромъ, я подошелъ къ балагану и увидѣлъ старика за тѣмъ же дѣломъ. Это былъ уже фабричный. И странно было видѣть цыганскій таборъ почти внутри города, между земской больницей, базаромъ, острогомъ и какимъ-то плацемъ,

гдѣ учились солдаты и поминутно раздавалось: «На плечо! На караулъ!» — рядомъ съ дорогой, съ которой вѣтеръ поднималъ тучи пыли, занося ею и дощатые балаганы, и костры съ котелками, въ которыхъ закутанныя пестрыми платками цыганки варили какую-то кашицу, и самихъ цыганъ, и ихъ голыхъ ребятишекъ.

Они шли по деревнямъ, давая въ послѣдній разъ свои представленія. Въ послѣдній разъ медвѣди показывали свое артистическое искусство: плясали, боролись, показывали, какъ мальчишки горохъ воруютъ, какъ ходитъ молодица и какъ старая баба; въ послѣдній разъ они получали угощеніе въ видѣ стаканчика водки, который медвѣдь, стоя на заднихъ лапахъ, бралъ обѣими подошвами переднихъ, прикладывалъ къ своему мохнатому рылу и, опрокинувъ голову назадъ, выливалъ въ пасть, послѣ чего облизывался и выражалъ свое удовольствіе тихимъ ревомъ, полнымъ какихъ-то странныхъ вздоховъ. Въ послѣдній разъ къ цыганамъ приходили старики и старухи, чтобы полѣчиться вѣрнымъ испытаннымъ средствомъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы лечь на землю подъ медвѣдя, который ложился на паціента брюхомъ, широко растопыривъ во всѣ стороны по землѣ свои четыре лапы, и лежалъ, пока цыганъ не считалъ сеанса уже достаточно продолжительнымъ. Въ послѣдній разъ ихъ водили въ хаты, при чемъ, если медвѣдь добровольно соглашался войти, его вели въ передній уголъ и сажали тамъ, и радовались его согласію, какъ доброму знаку; а если онъ, несмотря на всѣ уговоры и ласки, не переступалъ порога, то хозяева печалились, а сосѣди говорили:

— **Шось такѐ е! Бо винъ зна!**

Большая часть цыганъ пришла изъ западныхъ уѣздовъ, такъ что имъ приходилось спускаться къ Бѣльску двухверстнымъ спускомъ, и, завидѣвъ издали мѣсто своего несчастія, этотъ городокъ, съ его соломенными и желѣзными крышами и двумя-тремя колокольнями, женщины принимались выть, дѣти плакать, а медвѣди изъ сочувствія, а можетъ-быть,—кто знаетъ?—понявъ изъ людскихъ толковъ свою горькую участь, такъ ревѣть, что встрѣчавшіеся обозы сворачивали съ дороги въ сторону, чтобы не слишкомъ перепугать воловъ и лошадей, а сопровождавшія ихъ собаки съ визгомъ и трепетомъ забивались подъ самые возы, туда, гдѣ хохлы привязываютъ дегтярную мазныцю съ квачемъ.

У воротъ бѣльскаго исправника собралось нѣсколько стариковъ-цыганъ. Они пріодѣлись, чтобы представиться началь-

ству въ приличномъ видѣ. На всѣхъ были черные или синіе суконные бешметы съ наборными серебряными съ чернью поясами, шелковыя рубахи съ узенькимъ галуномъ по воротнику, плисовыя шаровары, большіе сапоги, у нѣкоторыхъ съ расшитыми и прорѣзанными узоромъ голенищами, и большею частью барашковыя шапки. Это убранство надѣвалось только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

— Спитъ? — спросилъ высокій, прямой, пожелтѣвшій отъ старости цыганъ выходившаго со двора городового, одного изъ одиннадцати, обязанныхъ охранять порядокъ въ городѣ Бѣльскѣ.

— Встаетъ, одѣвается. Сейчасъ позовутъ васъ, — отвѣчалъ городовой.

Старики, до тѣхъ поръ неподвижно сидѣвшіе и стоявшіе, зашевелились и начали тихо разговаривать между собою. Старшій вынулъ что-то изъ кармана шароваръ; всѣ окружили его и смотрѣли на предметъ, находившійся въ его рукахъ.

— Ничего не будетъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Развѣ онъ что̀ можетъ? Развѣ это отъ него? Это изъ Петербурга, самъ министръ приказалъ. По всѣмъ мѣстамъ медвѣдей бьютъ.

— Попробуемъ, Иванъ, можетъ, какъ-нибудь... — отвѣтилъ другой старикъ.

— Попробовать можно, — отвѣчалъ уныло Иванъ. — Только и денежки онъ наши возьметъ, и ничѣмъ не поможетъ.

Ихъ позвали къ исправнику. Они вошли толпой въ переднюю, и когда къ нимъ вышелъ усатый человѣкъ въ разстегнутомъ полицейскомъ мундирѣ, изъ-подъ котораго была видна красная канаусовая рубашка, старики упали ему въ ноги. Они просили его, предлагали ему деньги. Многіе плакали.

— Ваше высокоблагородіе, — говорилъ Иванъ: — сами посудите, куда мы теперь подадимся? Были у насъ медвѣди — жили мы смирно, никого не обижали... Есть у насъ молодцы, что̀ и лихимъ дѣломъ промышляютъ; да, ваше высокоблагородіе, развѣ конокрадовъ и русскихъ мало? Никому отъ нашихъ звѣрей обиды не было, всѣмъ утѣха. Теперь же что̀ будетъ? По міру должны мы итти, а не то ворами, бродягами быть. Отцы наши и дѣды медвѣдей водили, земли мы пахать не умѣемъ; кузнецы мы всѣ, да вѣдь хорошо было кузнецами быть, за работой по всей землѣ ходя, а теперь работа къ намъ сама не пойдетъ. И будутъ наши молодцы ворами-конокрадами: некуда больше податься, ваше высо-

коблагородіе. Какъ передъ Богомъ говорю, не скрываюсь: большое зло сдѣлали и намъ и всѣмъ добрымъ людямъ, медвѣдей у насъ отнявши. Можетъ, вы намъ поможете; Богъ вамъ за то пошлетъ, господинъ добрый!

Старикъ упалъ на колѣни и въ ноги поклонился исправнику. Остальные сдѣлали то же. Майоръ стоялъ съ мрачнымъ видомъ, поглаживая длинные усы и засунувъ другую руку въ карманъ синихъ рейтузъ. Старикъ досталъ довольно толстый бумажникъ и подалъ его.

— Не возьму, — мрачно сказалъ исправникъ. — Ничего не могу сдѣлать.

— Да вы бы взяли, ваше в—діе, — раздалось въ толпѣ. — Можетъ, что-нибудь... Вы бы написали.

— Не возьму, — громче прежняго сказалъ исправникъ. — Не за что. Ничего нельзя. Это законъ... Вамъ пять лѣтъ льготы было дано... Что̀ ужъ тутъ дѣлать?..

И онъ развелъ руками.

Старики молчали. Исправникъ продолжалъ:

— Я самъ знаю, какая это бѣда и вамъ и намъ, — теперь только-и смотри за лошадьми; да что жъ я могу подѣлать? Ты, дѣдъ, спрячь деньги: я даромъ денегъ не беру. Вотъ попадутся мнѣ ваши ребята съ конями—не прогнѣвайтесь; но брать даромъ не въ моихъ правилахъ. Спрячь, спрячь, старикъ: вамъ деньги пригодятся.

— Ваше высокоблагородіе, — сказалъ Иванъ, все держа бумажникъ въ рукахъ: — позвольте еще слово выговорить. Позвольте завтра (его голосъ задрожалъ)... позвольте завтра покончить. Истомились мы, измучились. Двѣ недѣли я вотъ пришелъ со своими, прожились вовсе...

— Еще одной партіи, старикъ, нѣтъ; надо подождать. У меня съ вами тутъ и такъ весь городъ съ ума сошелъ. Надо разомъ.

— Да пришли уже, ваше высокоблагородіе, какъ мы къ вамъ пошли — съ горы спускались. Сдѣлай такую милость, господинъ! Не томи ты насъ!

— Ну, если пришли, такъ завтра, часовъ въ десять, я къ вамъ пріѣду. Ружья у васъ есть?

— Есть ружья, да не у всѣхъ.

— Хорошо, я попрошу полковника дать изъ команды. Съ Богомъ! Жаль мнѣ васъ, очень жаль.

Старики пошли къ двери, но исправникъ окликнулъ ихъ.

— Постойте, эй, вы! Вотъ я вамъ что̀ скажу: вы подите къ аптекарю, Ѳомѣ Ѳомичу,—знаете аптеку, подлѣ собора,—пойдите, скажите, что я васъ послалъ. Онъ у васъ

все сало медвѣжье скупить: ему оно въ мазь пойдетъ. И шкуры, можетъ-быть. Хорошую цѣну дастъ; не пропадать же имъ такъ, въ самомъ дѣлѣ.

Цыгане поблагодарили и толпою отправились въ аптеку. Разрывались ихъ сердца; почти безъ торга продали они смертные останки своихъ друзей. Ѳома Ѳомичъ скупилъ все сало по четырнадцати копеекъ, а о шкурахъ обѣщалъ поговорить послѣ. Случившійся тутъ же купецъ Рогачевъ, надѣясь сдѣлать хорошую аферу, сторговалъ всѣ медвѣжьи окорока по пятачку за фунтъ.

Вечеромъ того же дня братья Изотовы прибѣжали, запыхавшись, къ казначееву брату.

— Ольга Павловна, Ольга Павловна, назначили на завтра! Всѣ пришли! Уже и ружья полковникъ далъ, — говорили они наперерывъ. — Ѳома Ѳомичъ купилъ все сало по четырнадцати копеекъ фунтъ. Рогачевъ окорока...

— Постойте, постойте, Леонидъ, — перебила Ольга Павловна: — зачѣмъ Ѳомѣ Ѳомичу медвѣжье сало?

— Для мазей; превосходная помада для рощенія волосъ.

И при этомъ Константинъ разсказалъ интересный анекдотъ о томъ, какъ нѣкоторый лысый господинъ, намазывая себѣ голову медвѣжьимъ жиромъ, выростилъ себѣ волосы на рукахъ.

— И долженъ былъ брить ихъ каждые два дня, — заключилъ Леонидъ, при чемъ оба брата разразились хохотомъ.

Ольга Павловна улыбнулась и задумалась. Она уже давно носила шиньонъ, и свѣдѣнія о медвѣжьемъ салѣ пришлись ей по сердцу; и когда вечеромъ аптекарь Ѳома Ѳомичъ пришелъ сыграть пульку съ ея мужемъ и казначеемъ, она издалека завела разговоръ и ловко вынудила у него обѣщаніе прислать ей медвѣжьей помады.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно-съ, Ольга Павловна. Даже съ духами. Вы что̀ предпочитаете — пачули или илангъ-илангъ?

Настало пасмурное, холодное, настоящее сентябрьское утро. Изрѣдка накрапывалъ мелкій дождь, но, несмотря на него, множество зрителей обоего пола и всѣхъ возрастовъ пришли на лугъ посмотрѣть интересное зрѣлище. Городъ почти опустѣлъ. Всѣ наличные экипажи: одна имѣвшаяся въ городѣ карета, нѣсколько фаэтоновъ, дрожекъ и линеекъ, были заняты перевозкой любопытныхъ; они доставляли ихъ къ табору и возвращались въ городъ за новыми партіями. Къ десяти часамъ всѣ уже собрались.

Цыгане потеряли всякую надежду. Въ лагерѣ не было большого шума: женщины забились въ шатры, вмѣстѣ съ малыми ребятишками, чтобы не видѣть казни, и только изрѣдка изъ котораго-нибудь изъ нихъ вырывался отчаянный вопль; мужчины лихорадочно дѣлали послѣднія приготовленія. Они откатывали къ краю становища телѣги и привязывали къ нимъ звѣрей.

Исправникъ съ Ѳомой Ѳомичомъ прошлись вдоль ряда осужденныхъ. Медвѣди были не совсѣмъ спокойны: необыкновенная обстановка, странныя приготовленія, огромная толпа, большое скопленіе ихъ самихъ въ одномъ мѣстѣ — все приводило ихъ въ возбужденное состояніе; они порывисто метались на своихъ цѣпяхъ или грызли ихъ, глухо рыча. Старый Иванъ стоялъ возлѣ своего огромнаго кривого медвѣдя. Его сынъ, пожилой цыганъ, уже съ серебристой просѣдью въ черныхъ волосахъ, и внукъ, тотъ самый юноша Адонисъ, на котораго обратила свое вниманіе Ольга Павловна, съ помертвѣвшими лицами и горящими глазами, торопливо привязывали медвѣдя.

Исправникъ поровнялся съ ними.

— Ну, старикъ,—сказалъ онъ:—прикажи ребятамъ, чтобы начинали.

Толпа зрителей заволновалась, поднялся говоръ, крики, но скоро все стихло, и среди мертвой тишины раздался негромкій, но важный голосъ. Это говорилъ старикъ Иванъ.

— Дозволь, господинъ добрый, сказать мнѣ слово. Прошу васъ, братья, дайте мнѣ первому покончить. Старше я всѣхъ васъ: девяносто лѣтъ черезъ годъ мнѣ стукнетъ, а медвѣдей вожу я сызмала. И во всемъ таборѣ нѣтъ звѣря старше моего.

Онъ опустилъ сѣдую курчавую голову на грудь, горько покачалъ ею и вытеръ кулакомъ глаза. Потомъ онъ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ громче и тверже прежняго:

— Потому и хочу я первый покончить. Думалъ я, что не доживу до такого горя, думалъ, и медвѣдь мой любимый не доживетъ, да, видно, не судьба: своей рукой долженъ я убить его, кормильца своего и благодѣтеля. Отвяжите его, пустите на волю. Никуда не пойдетъ онъ: намъ съ нимъ, старикамъ, отъ смерти не бѣгать. Отвяжи его, Вася: не хочу убивать его, какъ скота на привязи. Не бойтесь, — сказалъ онъ зашумѣвшей толпѣ: — не тронетъ онъ никого.

Юноша отвязалъ огромнаго звѣря и отвелъ немного отъ телѣги. Медвѣдь усѣлся на заднія лапы, спустивъ переднія

внизъ, и раскачивался изъ стороны въ сторону, тяжело вздыхая и хрипя. Онъ былъ дѣйствительно очень старъ; его зубы были желты, шкура порыжѣла и вылѣзла; онъ дружелюбно и печально смотрѣлъ на своего стараго хозяина единственнымъ маленькимъ глазомъ. Кругомъ была мертвая тишина. Слышно было только, какъ звякали о стволы и тупо стучали о пыжи шомполы заряжаемыхъ винтовокъ.

— Дайте ружье, — твердо сказалъ старикъ.

Сынъ подалъ ему винтовку. Онъ взялъ ее и, прижимая къ груди, началъ говорить, снова обращаясь къ медвѣдю:

— Убью я тебя сейчасъ, Потапъ. Дай Боже, чтобы старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебѣ пуля въ самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужилъ, медвѣдь мой старый, товарищъ мой добрый. Взялъ я тебя маленькимъ медвѣжонкомъ; глазъ у тебя былъ выколотъ, носъ отъ кольца гнилъ; болѣлъ ты и чахъ; я за тобой, какъ за сыномъ, ходилъ и жалѣлъ тебя, и выросъ ты большимъ и сильнымъ медвѣдемъ; нѣтъ другого такого во всѣхъ таборахъ, что здѣсь собрались. И выросъ ты и не забылъ добра моего: между людьми у меня друга такого, какъ ты, не было. Ты добръ и смиренъ былъ, и понятливъ, и всему выучился, и не видѣлъ я звѣря добрѣе и понятливѣе. Что я былъ безъ тебя? Твоею работою вся семья моя жива. Ты справилъ мнѣ двѣ тройки коней, ты мнѣ хату на зиму выстроилъ. Больше еще сдѣлалъ ты: сына моего отъ солдатчины избавилъ. Большая наша семья, и всѣхъ, отъ стараго до малаго младенца, ты въ ней до сихъ поръ кормилъ и берегъ. И любилъ я тебя крѣпко и не билъ больно, а если виноватъ въ чемъ передъ тобою, прости меня, въ ноги тебѣ кланяюсь.

Онъ повалился медвѣдю въ ноги. Звѣрь тихо и жалобно зарычалъ. Старикъ рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бей, батюшка! — сказалъ ему сынъ: — не рви намъ сердце.

Иванъ поднялся. Слезы больше не текли изъ его глазъ. Онъ отвелъ со лба упавшую на него свою сѣдую гриву и продолжалъ твердымъ и звонкимъ голосомъ:

— И вотъ теперь я убить тебя долженъ... Приказали мнѣ, старикъ, застрѣлить тебя своей рукой; нельзя тебѣ больше жить на свѣтѣ. Что же? Пусть Богъ на небѣ разсудитъ насъ съ ними.

Онъ взвелъ курокъ и твердой еще рукой прицѣлился въ звѣря, въ грудь подъ лѣвую лапу. И медвѣдь понялъ. Изъ его пасти вырвался жалобный, отчаянный ревъ; онъ всталъ

на дыбы, поднявъ переднія лапы и какъ будто закрывая ими себѣ глаза, чтобы не видѣть страшнаго ружья. Вопль раздался между цыганами; въ толпѣ многіе плакали; старикъ съ рыданіемъ бросилъ ружье о землю и безсильно повалился на него. Сынъ бросился подымать его, а внукъ схватилъ ружье.

— Будетъ! — закричалъ онъ дикимъ, изступленнымъ голосомъ, сверкая глазами. — Довольно! Бей, братцы, одинъ конецъ!

И, подбѣжавъ къ звѣрю, онъ приложилъ дуло въ упоръ къ его уху и выстрѣлилъ. Медвѣдь рухнулъ безжизненной массой; только лапы его судорожно вздрогнули, и пасть раскрылась, какъ будто зѣвая. По всему табору затрещали выстрѣлы, заглушаемые отчаяннымъ воемъ женщинъ и дѣтей. Легкій вѣтеръ относилъ дымъ къ рѣкѣ.

— Сорвался! Сорвался! — раздалось въ толпѣ.

Какъ стадо испуганныхъ овецъ, всѣ кинулись вразсыпную. Исправникъ, толстый Ѳома Ѳомичъ, мальчишки, Леонидъ и Константинъ, барышни—все бѣжало въ паническомъ страхѣ, натыкаясь на шатры, на повозки, падая другъ на друга и крича. Ольга Павловна едва не упала въ обморокъ, но страхъ придалъ ей силъ, и она, поднявъ платье, бѣжала по лугу, не думая о безпорядкѣ въ костюмѣ, причиненномъ поспѣшнымъ бѣгствомъ. Лошади, запряженныя въ ожидавшіе господъ экипажи, начали бѣситься и понеслись въ разныя стороны. Но опасность была вовсе не такъ велика. Обезумѣвшій отъ ужаса звѣрь, нестарый еще темно-бурый медвѣдь, съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ, бѣжалъ съ удивительной легкостью; передъ нимъ все разступалось, и онъ мчался, какъ вѣтеръ, прямо къ городу. Нѣсколько цыганъ съ ружьями бѣжали за нимъ. Попадавшіеся на улицѣ немногіе пѣшеходы прижимались къ стѣнамъ, если не успѣвали спрятаться въ ворота. Ставни запирались; все живое попряталось; исчезли даже собаки.

Медвѣдь несся мимо собора, по главной улицѣ, иногда кидаясь въ сторону, какъ бы отыскивая себѣ мѣсто, куда бы спрятаться; но все было заперто. Онъ промчался мимо лавокъ, встрѣченный неистовымъ крикомъ приказчиковъ, которые хотѣли его испугать, пролетѣлъ мимо банка, прогимназіи, казармы уѣздной команды, на другой конецъ города, выбѣжалъ на дорогу на берегъ рѣки и остановился. Преслѣдователи отстали. Но скоро изъ улицы показалась толпа уже не однихъ цыганъ. Исправникъ и полковникъ

ѣхали на дрожкахъ, съ ружьями въ рукахъ; цыгане и взводъ солдатъ поспѣвали за ними бѣгомъ. У самыхъ дрожекъ бѣжали Леонидъ и Константинъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! — закричалъ исправникъ. —Жарь, катай его!

Раздались выстрѣлы. Одна изъ пуль задѣла звѣря; въ смертельномъ страхѣ, онъ побѣжалъ быстрѣе прежняго. За версту отъ города, вверхъ по Рохлѣ, куда бѣжалъ онъ, находится большая водяная мельница, со всѣхъ сторонъ окруженная небольшимъ, но густымъ лѣсомъ; звѣрь направлялся туда. Но, запутавшись въ рукавахъ рѣки и плотинахъ, онъ сбился съ дороги; широкое пространство воды отдѣляло его отъ густой дубовой заросли, гдѣ онъ, можетъ-быть, могъ бы найти если не спасеніе, то отсрочку. Но онъ не рѣшился плыть. На этой сторонѣ густо разросся странный кустарникъ, растущій только въ южной Россіи, такъ называемый лиціумъ. Его длинные, гибкіе, невѣтвистые стебли растутъ такъ густо, что человѣку почти невозможно пройти сквозь заросль; но у корней есть щели и прогалины, въ которыя могутъ пролѣзать собаки, а такъ какъ онѣ часто ходятъ туда спасаться отъ жары и понемногу расширяютъ проходъ своими боками, то въ густой заросли образуется со временемъ цѣлый лабиринтъ ходовъ. Туда и кинулся медвѣдь. Мукосѣи, смотрѣвшіе на него изъ верхняго этажа мельницы, видѣли это, и, когда прибѣжала запыхавшаяся и измученная погоня, исправникъ приказалъ оцѣпить мѣсто, гдѣ скрывался звѣрь.

Несчастный забился въ самую глубину кустовъ; рана его отъ пули, сидѣвшей у него въ ляжкѣ, сильно болѣла; онъ свернулся въ комокъ, уткнувъ морду въ лапы, и лежалъ неподвижно, оглушенный, обезумѣвшій отъ страха, лишавшаго его возможности защищаться. Солдаты стрѣляли въ кусты, думая задѣть его и заставить заревѣть, но попасть наугадъ было трудно. Его убили уже поздно вечеромъ, выгнавъ изъ убѣжища огнемъ. Всякій, у кого было ружье, считалъ долгомъ всадить пулю въ издыхающаго звѣря, и когда съ него сняли шкуру, она никуда не годилась.

Недавно мнѣ случилось побывать въ Бѣльскѣ. Городъ почти не измѣнился: только банкъ лопнулъ, да прогимназія превратилась въ гимназію. Исправника смѣнили, давъ ему за распорядительность мѣсто частнаго пристава въ губернскомъ городѣ; братья Изотовы попрежнему кричатъ «гранронъ» и «оребуръ» и бѣгаютъ по городу съ разсказами о

самыхъ свѣжихъ новостяхъ; аптекарь Ѳома Ѳомичъ потолстѣлъ еще больше и, несмотря на то, что сдѣлалъ выгодное дѣло, скупивъ медвѣжье сало по четырнадцати копеекъ, а продавъ его по восьми гривенъ фунтъ, что̀ дало въ цѣломъ немалую сумму, до сихъ поръ съ большимъ неудовольствіемъ говоритъ объ избіеніи медвѣдей.

— Говорилъ я вотъ тогда Ольгѣ Павловнѣ, какой изъ этого Адониса конокрадъ выйдетъ... Ну, и что̀ же? Недѣли не прошло — свелъ мою пару сѣрыхъ, мерзавецъ.

— А вы знаете, что это онъ? — спросилъ я.

— Какъ же не онъ? Вѣдь его судили въ прошломъ году за конокрадство и разбой. На каторгу пошелъ.

— Ахъ, какъ мнѣ было его жаль! — грустно сказала Ольга Павловна.

Бѣдная дама порядочно постарѣла за эти годы и, несмотря на то, что, по словамъ Ѳомы Ѳомича (который сказалъ мнѣ это по секрету), она вымазала на свою голову фунта четыре медвѣжьей помады, волосы ея не только не стали гуще, но даже порѣдѣли. Впрочемъ, шиньонъ такъ хорошо закрываетъ ихъ, что рѣшительно ничего незамѣтно.

СКАЗКА О ЖАБѢ И РОЗѢ.

Жили на свѣтѣ роза и жаба.

Розовый кустъ, на которомъ расцвѣла роза, росъ въ небольшомъ полукругломъ цвѣтникѣ передъ деревенскимъ домомъ. Цвѣтникъ былъ очень запущенъ; сорныя травы густо разрослись по старымъ, вросшимъ въ землю клумбамъ и по дорожкамъ, которыхъ уже давно никто не чистилъ и не посыпалъ пескомъ. Деревянная рѣшетка съ колышками, обдѣланными въ видѣ четырехгранныхъ пикъ, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсѣмъ облѣзла, разсохлась и развалилась; пики растащили для игры въ солдаты деревенскіе мальчики и, чтобы отбиваться отъ сердитаго барбоса съ компаніею прочихъ собакъ, подходившіе къ дому мужики.

А цвѣтникъ отъ этого разрушенія сталъ нисколько не хуже. Остатки рѣшетки заплели хмель, повилика съ крупными бѣлыми цвѣтами и мышиный горошекъ, висѣвшій цѣлыми блѣдно-зелеными кучами, съ разбросанными кое-гдѣ блѣдно-лиловыми кисточками цвѣтовъ. Колючіе чертополохи на жирной и влажной почвѣ цвѣтника (вокругъ него былъ большой тѣнистый садъ) достигали такихъ большихъ размѣровъ, что казались чуть не деревьями. Желтые коровьяки подымали свои усаженныя цвѣтами стрѣлки еще выше ихъ. Крапива занимала цѣлый уголъ цвѣтника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться ея темною зеленью, особенно когда эта зелень служила фономъ для нѣжнаго, роскошнаго, блѣднаго цвѣтка розы.

Она распустилась въ хорошее майское утро: когда она раскрывала свои лепестки, улетавшая утренняя роса оставила на нихъ нѣсколько чистыхъ, прозрачныхъ слезинокъ. Роза точно плакала. Но вокругъ нея все было такъ хорошо,

такъ чисто и ясно въ это прекрасное утро, когда она въ первый разъ увидѣла голубое небо и почувствовала свѣжій утренній вѣтерокъ и лучи сіявшаго солнца, проникавшаго ея тонкіе лепестки розовымъ свѣтомъ, въ цвѣтникѣ было такъ мирно и спокойно, что если бы она могла въ самомъ дѣлѣ плакать, то не отъ горя, а отъ счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонивъ свою головку, разливать вокругъ себя тонкій и свѣжій запахъ, и этотъ запахъ былъ ея словами, слезами и молитвой. А внизу, между корнями куста, на сырой землѣ, какъ будто прилипнувъ къ ней плоскимъ брюхомъ, сидѣла довольно жирная, старая жаба, которая проохотилась цѣлую ночь за червяками и мошками и подъ утро усѣлась отдыхать отъ трудовъ, выбравъ мѣстечко потѣнистѣе и посырѣе. Она сидѣла, закрывъ перепонками свои жабьи глаза, и едва замѣтно дышала, раздувая грязно-сѣрые, бородавчатые и липкіе бока и отставивъ одну безобразную лапу въ сторону: ей было лѣнь подвинуть ее къ брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погодѣ; она уже наѣлась и собралась отдыхать. Но когда вѣтерокъ на минуту стихалъ и запахъ розы не уносился въ сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное безпокойство; однако она долго лѣнилась посмотрѣть, откуда несется этотъ запахъ.

Въ цвѣтникъ, гдѣ росла роза и гдѣ сидѣла жаба, уже давно никто не ходилъ. Еще въ прошломъ году осенью, въ тотъ самый день, когда жаба, отыскавъ себѣ хорошую щель подъ однимъ изъ камней фундамента дома, собиралась залѣзть туда на зимнюю спячку, въ цвѣтникъ въ послѣдній разъ зашелъ маленькій мальчикъ, который цѣлое лѣто сидѣлъ въ немъ каждый ясный день подъ окномъ дома. Взрослая дѣвушка, его сестра, сидѣла у окна; она читала книгу, или шила что-нибудь, и изрѣдка поглядывала на брата. Онъ былъ маленькій мальчикъ лѣтъ семи, съ большими глазами и большой головой на худенькомъ тѣлѣ. Онъ очень любилъ свой цвѣтникъ (это былъ его цвѣтникъ, потому что кромѣ него почти никто не ходилъ въ это заброшенное мѣстечко) и, придя въ него, садился на солнышкѣ, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожкѣ, уцѣлѣвшей около самаго дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начиналъ читать принесенную съ собою книжку.

— Вася, хочешь, я тебѣ брошу мячикъ?—спрашиваетъ изъ окна сестра.—Можетъ-быть, ты съ нимъ побѣгаешь?

— Нѣтъ, Маша, я лучше такъ, съ книжкой.

И онъ сидѣлъ долго и читалъ. А когда ему надоѣдало читать о Робинзонахъ, и дикихъ странахъ, и морскихъ разбойникахъ, онъ оставлялъ раскрытую книжку и забирался въ чащу цвѣтника. Тутъ ему былъ знакомъ каждый кустъ и чуть ли не каждый стебель. Онъ садился на корточки передъ толстымъ, окруженнымъ мохнатыми бѣловатыми листьями стеблемъ коровьяка, который былъ втрое выше его, и подолгу смотрѣлъ, какъ муравьиный народъ бѣгаетъ вверхъ къ своимъ коровамъ—травянымъ тлямъ, какъ муравей деликатно трогаетъ тонкія трубочки, торчащія у тлей на спинѣ, и подбираетъ чистыя капельки сладкой жидкости, показывавшіяся на кончикахъ трубочекъ. Онъ смотрѣлъ, какъ навозный жукъ хлопотливо и усердно тащитъ куда-то свой шаръ; какъ паукъ, раскинувъ хитрую радужную сѣть, сторожитъ мухъ; какъ ящерица, раскрывъ тупую мордочку, сидитъ на солнцѣ, блестя зелеными щитиками своей спины; а одинъ разъ, подъ вечеръ, онъ увидѣлъ живого ежа! Тутъ онъ не могъ удержаться отъ радости и чуть-было не закричалъ и не захлопалъ руками, но, боясь спугнуть колючаго звѣрька, притаилъ дыханіе и, широко раскрывъ счастливые глаза, въ восторгѣ смотрѣлъ, какъ тотъ, фыркая, обнюхивалъ своимъ свинымъ рыльцемъ корни розоваго куста, ища между ними червей, и смѣшно перебиралъ толстенькими лапами, похожими на медвѣжьи.

— Вася, милый, иди домой, сыро становится,—громко сказала сестра.

И ежикъ, испугавшись человѣческаго голоса, живо надвинулъ себѣ на лобъ и на заднія лапы колючую шубу и превратился въ шаръ. Мальчикъ тихонько коснулся его колючекъ; звѣрекъ еще больше съежился и глухо и торопливо запыхтѣлъ, какъ маленькая паровая машина.

Потомъ онъ немного познакомился съ этимъ ежикомъ. Онъ былъ такой слабый, тихій и кроткій мальчикъ, что даже разная звѣриная мелкота какъ будто понимала это и скоро привыкала къ нему. Какая была радость, когда ежъ попробовалъ молока изъ принесеннаго хозяиномъ цвѣтника блюдечка!

Въ эту весну мальчикъ не могъ выйти въ свой любимый уголокъ. Попрежнему около него сидѣла сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслухъ ему, потомъ что ему было трудно поднять свою исхудалую голову съ бѣлыхъ подушекъ и трудно держать въ тощихъ рукахъ даже самый маленькій томикъ, да и глаза его скоро утомлялись отъ чтенія. Должно-быть,

онъ уже больше никогда не выйдетъ въ свой любимый уголокъ.

— Маша!—вдругъ шепчетъ онъ сестрѣ.

— Что, милый?

— Что, въ садикѣ теперь хорошо? Розы расцвѣли?

Сестра наклоняется, цѣлуетъ его въ блѣдную щеку и при этомъ незамѣтно стираетъ слезинку.

— Хорошо, голубчикъ, очень хорошо. И розы расцвѣли. Вотъ въ понедѣльникъ мы пойдемъ туда вмѣстѣ. Докторъ позволилъ тебѣ выйти.

Мальчикъ не отвѣчаетъ и глубоко вздыхаетъ. Сестра начинаетъ снова читать.

— Уже будетъ! Я усталъ. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и бѣлое одѣяльце; онъ съ трудомъ повернулся къ стѣнкѣ и замолчалъ. Солнце свѣтило сквозь окно, выходившее на цвѣтникъ, и кидало яркіе лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тѣльце, освѣщая подушки и одѣяло и золотя коротко остриженные волосы и худенькую шею ребенка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полнымъ цвѣтомъ, а на третій—начать вянуть и осыпаться. Вотъ и вся розовая жизнь! Но и въ эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Ее замѣтила жаба.

Когда она въ первый разъ увидѣла цвѣтокъ своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось въ жабьемъ сердцѣ. Она не могла оторваться отъ нѣжныхъ розовыхъ лепестковъ и все смотрѣла и смотрѣла. Ей очень понравилась роза, и она чувствовала желаніе быть поближе къ такому душистому и прекрасному созданію. И, чтобы выразить свои нѣжныя чувства, она не придумала ничего лучше такихъ словъ:

— Постой,—прохрипѣла она:—я тебя слопаю.

Роза содрогнулась. Зачѣмъ она была прикрѣплена къ своему стебельку? Вольныя птички, щебетавшія вокругъ нея, перепрыгивали и перелетали съ вѣтки на вѣтку; иногда онѣ уносились куда-то далеко, куда—не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Какъ она завидовала имъ! Будь она такою, какъ онѣ, она вспорхнула бы и улетѣла отъ злыхъ глазъ, преслѣдовавшихъ ее своимъ пристальнымъ взглядомъ. Роза не знала, что жабы подстерегаютъ иногда и бабочекъ.

— Я тебя слопаю!—повторила жаба, стараясь говорить

какъ можно нѣжнѣе, что выходило еще ужаснѣе, и переползла поближе къ розѣ.

— Я тебя слопаю!—повторила она, все глядя на цвѣтокъ.

И бѣдное созданіе съ ужасомъ увидѣло, какъ скверныя липкія лапы цѣпляются за вѣтви куста, на которомъ она росла. Однако жабѣ лѣзть было трудно: ея плоское тѣло могло свободно ползать и прыгать только по ровному мѣсту. Послѣ каждаго усилія она глядѣла вверхъ, гдѣ качался цвѣтокъ, и роза замирала.

— Господи!—молилась она:—хоть бы умереть другою смертью!

А жаба все карабкалась выше. Но тамъ, гдѣ кончались старые стволы и начинались молодыя вѣтви, ей пришлось немного пострадать. Темно-зеленая гладкая кора розоваго куста была вся усажена острыми и крѣпкими шипами. Жаба переколола себѣ объ нихъ лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она съ ненавистью посмотрѣла на цвѣтокъ.

— Я сказала, что я тебя слопаю!—повторила она.

Наступилъ вечеръ; нужно было подумать объ ужинѣ, и раненая жаба поплелась подстерегать неосторожныхъ насѣкомыхъ. Злость не помѣшала ей набить себѣ животъ, какъ всегда; ея царапины были не очень опасны, и она рѣшилась, отдохнувъ, снова добираться до привлекавшаго ее и ненавистнаго ей цвѣтка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошелъ полдень, роза почти забыла о своемъ врагѣ. Она совсѣмъ уже распустилась и была самымъ красивымъ созданіемъ въ цвѣтникѣ. Некому было прійти полюбоваться ею; маленькій хозяинъ неподвижно лежалъ на своей постелькѣ, сестра не отходила отъ него и не показывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчелы, жужжа, садились иногда въ ея раскрытый вѣнчикъ и вылетали оттуда, совсѣмъ косматыя отъ желтой цвѣточной пыли. Прилетѣлъ соловей, забрался въ розовый кустъ и запѣлъ свою пѣсню. Какъ она была непохожа на хрипѣніе жабы! Роза слушала эту пѣсню и была счастлива; ей казалось, что соловей поетъ ее для нея, а можетъ-быть, это была и правда. Она не видѣла, какъ ея врагъ незамѣтно взбирался на вѣтки. На этотъ разъ жаба уже не жалѣла ни лапокъ ни брюха: кровь покрывала ее, но она храбро лѣзла все вверхъ—и вдругъ, среди звонкаго и нѣжнаго рокота соловья, роза услышала знакомое хрипѣніе:

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабьи глаза пристально смотрѣли на нее съ сосѣдней вѣтки. Злому животному оставалось только одно движенiе, чтобы схватить цвѣтокъ. Роза поняла, что погибаетъ...

Маленькiй хозяинъ уже давно неподвижно лежалъ на постели. Сестра, сидѣвшая у изголовья въ креслѣ, думала, что онъ спитъ. На колѣняхъ у нея лежала развернутая книга, но она не читала ея. Понемногу ея усталая голова склонилась: бѣдная дѣвушка не спала нѣсколько ночей, не отходя отъ больного брата, и теперь слегка задремала.

— Маша!—вдругъ прошепталъ онъ.

Сестра встрепенулась. Ей приснилось, что она сидитъ у окна, что маленькiй братъ играетъ, какъ въ прошломъ году, въ цвѣтникѣ и зоветъ ее. Открывъ глаза и увидавъ его въ постели, худого и слабаго, она тяжело вздохнула.

— Что̀, милый?

— Маша, ты мнѣ сказала, что розы расцвѣли! Можно мнѣ... одну?

— Можно, голубчикъ, можно!

Она подошла къ окну и посмотрѣла на кустъ. Тамъ росла одна, но очень пышная роза.

— Какъ разъ для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебѣ ее сюда на столикъ въ стаканѣ? Да?

— Да, на столикъ. Мнѣ хочется.

Дѣвушка взяла ножницы и вышла въ садъ. Она давно уже не выходила изъ комнаты; солнце ослѣпило ее, и отъ свѣжаго воздуха у нея слегка закружилась голова. Она подошла къ кусту въ то самое мгновенье, когда жаба хотѣла схватить цвѣтокъ.

— Ахъ, какая гадость!—вскрикнула она.

И, схвативъ вѣтку, она сильно тряхнула ее: жаба свалилась на землю и шлепнулась брюхомъ. Въ ярости она было прыгнула на дѣвушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчасъ далеко отлетѣла, отброшенная носкомъ башмака. Она не посмѣла попробовать еще разъ и только издали видѣла, какъ дѣвушка осторожно срѣзала цвѣтокъ и понесла его въ комнату.

Когда мальчикъ увидѣлъ сестру съ цвѣткомъ въ рукѣ, то въ первый разъ послѣ долгаго времени слабо улыбнулся и съ трудомъ сдѣлалъ движенiе худенькой рукой.

— Дай ее мнѣ,—прошепталъ онъ:—я понюхаю

Сестра вложила стебелекъ ему въ руку и помогла подвинуть ее къ лицу. Онъ вдыхалъ въ себя нѣжный запахъ и счастливо улыбаясь, прошепталъ:

— Ахъ, какъ хорошо...

Потомъ его личико сдѣлалось серьезнымъ и неподвижнымъ, и онъ замолчалъ навсегда.

Роза, хотя и была срѣзана прежде, чѣмъ начала осыпаться, чувствовала, что ее срѣзали недаромъ. Ее поставили въ отдѣльномъ бокалѣ у маленькаго гробика. Тутъ были цѣлые букеты и другихъ цвѣтовъ, но на нихъ, по правдѣ сказать, никто не обращалъ вниманія, а розу молодая дѣвушка, когда ставила ее на столъ, поднесла къ губамъ и поцѣловала. Маленькая слезинка упала съ ея щеки на цвѣтокъ, и это было самымъ лучшимъ происшествіемъ въ жизни розы. Когда она начала вянуть, ее положили въ толстую старую книгу и высушили, а потомъ, уже черезъ много лѣтъ, подарили мнѣ. Потому-то я и знаю всю эту исторію.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА.

I.

Я давно хотѣлъ начать свои записки. Странная причина заставляетъ меня взяться за перо: иные пишутъ свои мемуары потому, что въ нихъ много интереснаго въ историческомъ отношеніи; другіе потому, что имъ еще разъ хочется пережить счастливые молодые годы; третьи затѣмъ, чтобы покляузничать и поклеветать на давно умершихъ людей и оправдаться передъ давно забытыми обвиненіями. Ни одной изъ этихъ причинъ у меня нѣтъ. Я еще молодой человѣкъ; исторіи не дѣлалъ и не видѣлъ, какъ она дѣлается; клеветать на людей мнѣ не зачѣмъ и оправдываться мнѣ не въ чемъ. Еще разъ пережить счастье? Оно было такъ коротко, и конецъ его былъ такъ ужасенъ, что воспоминанія о немъ не доставятъ мнѣ отрады... о, нѣтъ!

Зачѣмъ же точно невѣдомый голосъ нашептываетъ мнѣ ихъ на ухо, зачѣмъ, когда я просыпаюсь ночью, передо мною въ темнотѣ проходятъ знакомые картины и образы, и зачѣмъ, когда является одинъ блѣдный образъ, лицо его пылаетъ, и руки сжимаются, и ужасъ и ярость захватываютъ дыханіе, какъ въ тотъ день, когда я стоялъ лицомъ къ лицу съ своимъ смертельнымъ врагомъ?

Я не могу отдѣлаться отъ своихъ воспоминаній, и странная мысль пришла въ голову. Можетъ-быть, если я изложу ихъ на бумагѣ, я этимъ покончу всѣ свои счеты съ ними... Можетъ-быть, они оставятъ меня и дадутъ спокойно умереть. Вотъ странная причина, заставляющая меня взяться за перо. Можетъ-быть, эта тетрадка будетъ прочтена кѣмъ-нибудь, можетъ-быть—нѣтъ. Это мало занимаетъ меня. Поэтому я могу и не извиняться передъ своими будущими читателями ни въ выборѣ темы для своего писанія, темы, ни-

сколько неинтересной людямъ, привыкшимъ заниматься, если не мировыми, то общественными вопросами, ни въ формѣ изложенія. Правда, мнѣ хочется, чтобы эти строки прочелъ одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ не осудитъ меня. Ему дорого все, что̀ меня касается. Этотъ человѣкъ моя сестра.

Отчего она сегодня такъ долго не идетъ? Вотъ уже три мѣсяца, какъ я пришелъ въ себя послѣ того дня. Первое лицо, которое я увидѣлъ, было лицо Сони. И съ тѣхъ поръ она проводитъ со мной каждый вечеръ. Это сдѣлалось для нея какой-то службой. Она сидитъ у моей постели или у большого кресла, когда я въ силахъ сидѣть, разговариваетъ со мною, читаетъ вслухъ газеты и книги. Ее очень огорчаетъ, что я равнодушенъ къ выбору чтенія и предоставляю его ей.

— Вотъ, Андрей, въ «Вѣстникѣ Европы» новый романъ: «Она думала, что это не такъ».

— Хорошо, голубчикъ, будемъ читать «Она думала, что это не такъ».

— Романъ миссисъ Гей.

— Хорошо, хорошо...

И она начинаетъ читать длинную исторію о какомъ-то мистерѣ Скриплѣ и миссъ Гордонъ и послѣ первыхъ двухъ страницъ обращаетъ на меня свои большіе добрые глаза и говоритъ:

— Это недолго; «Вѣстникъ Европы» всегда сокращаетъ романы.

— Хорошо, хорошо. Я буду слушать.

Она продолжаетъ читать обстоятельную исторію, выдуманную госпожою Гей, а я смотрю на ея опущенное лицо и не слушаю назидательной исторіи. И иногда, въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ, по замыслу госпожи Гей, нужно было бы смѣяться, горькія слезы душатъ мнѣ горло. Она оставляетъ книгу и, посмотрѣвъ на меня проницательнымъ и боязливымъ взглядомъ, кладетъ мнѣ на лобъ свою руку.

— Андрей, милый, опять... Ну, будетъ, будетъ. Не плачь. Все пройдетъ, все забудется...—говоритъ она тѣмъ тономъ, какимъ мать утѣшаетъ ребенка, набившаго себѣ на лбу шишку. И хотя моя шишка пройдетъ только съ жизнью, которая—я чувствую—понемногу уходитъ изъ моего тѣла, я все-таки успокаиваюсь.

О, моя дорогая сестра! Какъ я чувствую цѣну этой женской ласки! Да благословитъ тебя Богъ, и пусть черныя страницы начала твоей жизни,—страницы, на которыхъ впи-

сано мое имя,—смѣнятся радостною повѣстью счастья! Только пусть эта повѣсть не будетъ похожа на утомительное повѣствованіе миссисъ Гей.

Звонокъ! Наконецъ-то! Это она, она придетъ, внесетъ въ мою темную и душную комнату запахъ свѣжести, нарушитъ ея молчаніе тихою, ласковою рѣчью и освѣтитъ ее своею красотою.

II.

Я не помню своей матери, а отецъ умеръ, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Мой опекунъ, дальній родственникъ, перевелъ меня въ одну изъ петербургскихъ гимназій; черезъ четыре года я кончилъ въ ней курсъ. Я былъ совершенно свободенъ; опекунъ, человѣкъ, занятый своими огромными дѣлами, въ своихъ заботахъ обо мнѣ ограничивался только выдачей мнѣ денегъ, въ количествѣ, по его мнѣнію, необходимомъ для того, чтобы я не бѣдствовалъ. Это былъ не очень большой доходъ, но совершенно избавлявшій меня отъ заботъ о кускѣ хлѣба и позволявшій мнѣ выбрать себѣ дорогу.

Выборъ былъ сдѣланъ давно. Лѣтъ четырехъ я любилъ больше всего на свѣтѣ возиться съ карандашами и красками, а къ концу курса въ гимназіи рисовалъ уже очень порядочно, такъ что безъ всякихъ затрудненій поступилъ въ академію художествъ.

Былъ ли у меня талантъ? Теперь, когда я уже никогда не подойду къ холсту, я, кажется, могу безпристрастно взглянуть на себя, какъ на художника. Да, у меня былъ талантъ. Я думаю такъ не по отзывамъ товарищей и знатоковъ, не по быстротѣ, съ какою я прошелъ курсъ академіи, а по тому жившему во мнѣ чувству, которое являлось всякій разъ, когда я начиналъ работать. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать тяжелаго и сладкаго волненія, съ какимъ первый разъ приступаешь къ новому холсту, чтобы начертать на немъ свое созданіе. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать забвенія всего окружающаго, когда духъ погруженъ въ образы... Да, у меня былъ талантъ, и я вышелъ бы недюжиннымъ живописцемъ.

Вотъ они висятъ на стѣнахъ—мои холсты, этюды и эскизы, неконченныя, начатыя картины. Вотъ и она... Нужно попросить сестру, чтобы ее убрали въ другую комнату. Или нѣтъ, нужно повѣсить ее какъ разъ въ ногахъ моей постели, чтобы она всегда смотрѣла на меня своимъ грустнымъ, какъ будто чующимъ казнь, взоромъ. Въ синемъ платьѣ, въ на-

рядномъ бѣломъ чепчикѣ съ большой трехцвѣтной кокардой сбоку, съ выбившимися изъ-подъ его бѣлой оборки густыми волнующимися прядями темно-каштановыхъ волосъ, она смотритъ на меня, какъ живая. О, Шарлотта, Шарлотта! Благословлять или проклинать тотъ часъ, когда мнѣ пришла въ голову мысль написать тебя?

А Безсоновъ былъ всегда противъ этого. Когда я въ первый разъ сказалъ ему о своемъ намѣреніи, онъ пожалъ плечами и недовольно усмѣхнулся.

— Шальные вы люди, господа россійскіе живописцы,—сказалъ онъ.—Мало у васъ своего! Шарлотта Корде! Какое вамъ дѣло до Шарлотты? Развѣ вы можете перенести себя въ то время, въ ту обстановку?

Можетъ-быть, онъ былъ правъ... Но только образъ французской героини такъ занималъ меня, что я не могъ не приняться за картину. Я задумалъ написать ее во весь ростъ, одну, стоящую прямо передъ зрителями, съ глазами, устремленными передъ собой; она уже рѣшилась на свой подвигъ—преступленіе, и это написано только на ея лицѣ: рука, которая несетъ смертельный ударъ, пока еще виситъ безсильно и нѣжно выдѣляется своею бѣлизною въ темно-синемъ суконномъ платьѣ; кружевная пелеринка, завязанная накрестъ, оттѣняетъ нѣжную шею, по которой завтра пройдетъ кровавая черта... Я помню, какъ ея образъ создавался въ моей душѣ... Я прочелъ ея исторію въ одной сентиментальной и, можетъ-быть, лживой книгѣ, у Ламартина; изъ ложнаго паѳоса болтливаго и любующагося своимъ языкомъ и манерой француза для меня ясно и отчетливо вышла чистая фигура дѣвушки—фанатика добра. Я перечиталъ о ней все, что̀ могъ достать, пересмотрѣлъ нѣсколько ея портретовъ и рѣшился написать картину.

Первая картина, какъ первая любовь, овладѣваетъ душою вполнѣ. Я носилъ въ себѣ этотъ слагавшійся образъ, я обдумывалъ мельчайшія подробности и дошелъ наконецъ до того, что, закрывъ глаза, могъ ясно представить себѣ свою Шарлотту.

Но, начавъ картину съ счастливымъ и радостнымъ волненіемъ, я сразу встрѣтилъ нежданное и трудно одолимое препятствіе: у меня не было натурщицы.

То-есть онѣ, собственно говоря, были. Я выбралъ, какъ мнѣ показалось, наиболѣе подходящую изъ нѣсколькихъ особъ, занимающихся этимъ дѣломъ въ Петербургѣ, и началъ усердно работать. Но, Боже мой, какъ непохожа была эта Анна Ивановна на взлелѣянное мною созданіе, такъ ясно

представлявшееся моимъ закрытымъ глазамъ! Она позировала прекрасно, она не шевелилась по часу и добросовѣстно зарабатывала свой рубль, чувствуя большое удовольствіе отъ того, что ей можно было стоять на натурѣ въ платьѣ и не обнажать своего тѣла.

— Такъ хорошо это въ платьѣ позировать! А то другіе ужъ смотрятъ, смотрятъ, всю-то глазами обыщутъ!—сказала она со вздохомъ и легкой краской на лицѣ, на первомъ сеансѣ.

Она сдѣлалась натурщицей всего только мѣсяца два и не могла еще привыкнуть къ своему ремеслу. Русскія дѣвушки, кажется, и никогда не могутъ къ нему привыкнуть.

Я написалъ ея руку, плечи и станъ, но когда принялся за лицо, отчаяніе овладѣло мною. Пухленькое молодое лицо, съ немного вздернутымъ носомъ, добродушными сѣрыми глазками, довѣрчиво и довольно жалобно смотрѣвшими изъ-подъ совершенно круглыхъ бровей, заслонило мою мечту. Я не могъ пересоздать эти неопредѣленныя и мелкія черты въ то лицо. Я бился съ своей Анной Ивановной три или четыре дня и наконецъ оставилъ ее въ покоѣ. Другой натурщицы не было, и я рѣшился сдѣлать то, чего во всякомъ случаѣ дѣлать не слѣдовало: писать лицо безъ натуры, изъ головы, «отъ себя», какъ говорятъ художники. Я рѣшился на это потому, что видѣлъ ее передъ собой живою. Но когда началась работа, кисти полетѣли въ уголъ. Вмѣсто живого лица, у меня вышла какая-то схема. Идеѣ недоставало плоти и крови.

Я снялъ холстъ съ мольберта и поставилъ его въ уголъ лицомъ къ стѣнѣ. Неудача сильно поразила меня. Помню, что я даже схватилъ себя за волосы. Мнѣ казалось, что и жить-то не стоитъ, задумавъ такую прекрасную картину (а какъ она была хороша въ моемъ воображеніи!) и не будучи въ состояніи написать ее. Я бросился на кровать и съ горя и досады старался заснуть.

Помню, что, когда я уже забывался, позвонили: почтальонъ принесъ письмо отъ кузины Сони. Она радовалась тому, что я задумалъ большую и трудную работу, и жалѣла, что такъ трудно найти натурщицу. «Не пригожусь ли я, когда кончу институтъ? Подожди полгода, Андрей,—писала она:—я пріѣду къ тебѣ въ Петербургъ, и ты можешь писать съ меня хоть десять Шарлоттъ Корде... если только во мнѣ есть хоть капля сходства съ тою, которая, какъ ты пишешь, теперь владѣетъ твоею душой».

Соня совсѣмъ не похожа на Шарлотту. Она неспособна

наносить раны. Она любитъ больше лѣчить ихъ и чудесно дѣлаетъ это.

И меня бы она вылѣчила... если бы это было возможно.

III.

Вечеромъ я пошелъ къ Безсонову.

Я вошелъ къ нему, когда онъ сидѣлъ, согнувшись надъ своимъ, заваленнымъ книгами, рукописями и вырѣзками изъ газетъ, письменнымъ столомъ. Рука его быстро ходила по бумагѣ: онъ писалъ очень скоро, безъ помарокъ, мелкимъ и ровнымъ кудреватымъ почеркомъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и продолжалъ писать; упорная мысль, видимо, владѣла имъ въ эту минуту, и онъ не хотѣлъ оторваться отъ работы, не передавъ ее бумагѣ. Я сѣлъ на широкій, низкій и очень потертый диванъ (онъ спалъ на немъ), стоявшій въ тѣни, и минутъ пять смотрѣлъ на него. Его правильный, холодный профиль мнѣ былъ хорошо знакомъ: не разъ я зачерчивалъ его въ свой альбомъ, однажды даже написалъ съ него этюдъ красками. Этого этюда у меня нѣтъ: онъ послалъ его матери. Но въ этотъ вечеръ, потому ли, что я усѣлся въ тѣни, а онъ былъ хорошо освѣщенъ ярко падающимъ на него свѣтомъ лампы съ зеленымъ стекляннымъ абажуромъ, или потому, что нервы у меня были разстроены, его лицо какъ-то особенно привлекало мое вниманіе. Я смотрѣлъ на него и разбиралъ его голову по деталямъ, изслѣдовалъ малѣйшія черты, до сихъ поръ ускользавшія отъ меня. Его голова была безспорно головой сильнаго человѣка. Можетъ-быть, не очень талантливаго, но сильнаго.

Четырехугольный черепъ, почти безъ изгиба, переходившій въ широкій и мощный затылокъ, круто спускавшійся, и выпуклый лобъ, брови, опущенныя на серединѣ и сжимавшія кожу въ вертикальную складку, сильныя челюсти и тонкія губы—все казалось мнѣ сегодня чѣмъ-то новымъ.

— Что вы на меня такъ смотрите?—вдругъ спросилъ онъ, положивъ перо и оборачиваясь ко мнѣ лицомъ.

— Почему вы узнали?

— Я чувствовалъ. Кажется, это не предразсудокъ; мнѣ не разъ приходилось испытывать подобное.

— Я смотрѣлъ на ваше лицо, какъ на модель. У васъ преоригинальная голова, Сергѣй Васильевичъ.

— Право?—сказалъ онъ съ усмѣшкою.—Ну, и пусть ее.

— Нѣтъ, серьезно. Вы на кого-то похожи... изъ знаменитыхъ...

— Мошенниковъ или убійцъ?—спросилъ онъ меня, не давъ кончить.—Я въ Лафатера не вѣрю... Ну, что̀ вы? По лицу вижу, что плохо. Не выходитъ?

— Да, не совсѣмъ хорошо. Бросилъ, совсѣмъ бросилъ,—отвѣтилъ я отчаяннымъ голосомъ.

— Я такъ и думалъ. Что жъ, у васъ, должно-быть, натуры нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Вы знаете, Сергѣй Васильевичъ, какъ я искалъ. Но все это до такой степени не то, что просто хоть въ отчаяніе приходи. Особенно эта Анна Ивановна; она меня совсѣмъ измучила. Она стерла своей плоской физіономіей рѣшительно все. Право, даже кажется, что и въ головѣ-то у меня теперь тотъ образъ не такъ ясенъ.

— А былъ ясенъ?

— О, да, совершенно! Если бы можно было писать съ зажмуренными глазами—право, кажется, ничего лучшаго не нужно. Съ закрытыми глазами—она здѣсь, вотъ она.

И я, должно-быть, пресмѣшнымъ образомъ зажмурился, потому что Безсоновъ расхохотался.

— Не смѣйтесь; я серьезно огорченъ,—сказалъ я.

Онъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ.

— Огорчены, такъ не буду. Но, право, съ вами смѣхъ и горе. Не я ли вамъ говорилъ: бросьте этотъ сюжетъ!

— Я и бросилъ.

— А сколько работы, траты нервной силы, сколько напраснаго огорченія теперь! Я зналъ, что это такъ выйдетъ. И не потому, чтобы я предвидѣлъ, что вы не найдете модели, а потому, что сюжетъ-то неподходящій. Надо это въ своей крови имѣть. Надо быть потомкомъ тѣхъ людей, что̀ пережили и Марата, и Шарлотту Корде, и все это время. А вы что̀? Мягчайшій русскій интеллигентъ, вялый, слабый! Надо быть самому способнымъ на такой поступокъ. А вы? Можете ли вы, когда нужно, бросить кисть и, выражаясь высокимъ слогомъ, взять кинжалъ? Вѣдь это для васъ нѣчто въ родѣ путешествія на Юпитеръ...

— Я не разъ съ вами спорилъ объ этомъ, Сергѣй Васильевичъ, и, кажется, ни мнѣ васъ ни вамъ меня не убѣдить. Художникъ на то и художникъ, чтобы умѣть поставить въ себя вмѣсто своего я—чужое. Развѣ Рафаэлю нужно было быть Богородицей, чтобы написать Мадонну? Вѣдь это абсурдъ, Сергѣй Васильевичъ. Впрочемъ, я себѣ противорѣчу: я не хочу съ вами спорить, а самъ начинаю.

Онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но махнулъ рукой.

— Ну, Богъ съ вами!—сказалъ онъ, всталъ и началъ хо-

дить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мягко ступая войлочными туфлями.—Не будемъ спорить. Не будемъ растравлять мы язвы сердца тайной, какъ сказалъ кто-то и гдѣ-то.

— Кажется, никто и нигдѣ.

— А и то можетъ быть. Стихи я обыкновенно перевираю... Для утѣшенія, не приказать ли самоварчикъ? Пора вѣдь.

Онъ подошелъ къ двери и громко крикнулъ, какъ кричатъ на ротномъ ученьи:

— Чаю!

Я не любилъ его за эту манеру обращаться съ прислугой. Мы долго молчали. Я сидѣлъ, откинувшись на подушки дивана, а онъ все ходилъ и ходилъ. Казалось, онъ думалъ что-то... И наконецъ, остановившись передо мною, онъ спросилъ дѣловымъ тономъ:

— А если бы у васъ была натура, вы бы попробовали еще разъ?

— Еще бы!—уныло проговорилъ я.—Да гдѣ ее возьмешь?

Онъ опять походилъ немного.

— Видите ли, Андрей Николаевичъ... Есть тутъ одна... особа...

— Если важная, то она не станетъ позировать.

— Нѣтъ, неважная, очень неважная. Но... очень большое имѣю я при этомъ «но».

— Да какія тутъ «но», Сергѣй Васильевичъ? Если вы не шутите...

— Шучу, шучу, этого нельзя.

— Сергѣй Васильевичъ... — сказалъ я умоляющимъ тономъ.

— Послушайте, что̀ я вамъ скажу. Знаете, что̀ я цѣню въ васъ,—началъ онъ, остановившись передо мной:—мы съ вами почти ровесники, я старше года на два, но я изжилъ и переиспыталъ столько, сколько вамъ придется изжить и переиспытать, вѣроятно, еще въ десять лѣтъ. Я нечистый человѣкъ, злой и... развратный (онъ рѣзко отчеканилъ это слово). Есть многіе развратнѣе меня, но я считаю себя виновнѣе. Я ненавижу себя за то, что не могу быть такимъ чистымъ, какимъ бы я хотѣлъ быть... какъ вы, напримѣръ.

— О какомъ развратѣ и о какой чистотѣ говорите вы?— спросилъ я

— Я называю вещи ихъ собственными именами. Я часто завидую вамъ, вашему спокойствію и чистой совѣсти; я завидую тому, что̀ у васъ есть... Ну, да это все равно!

Нельзя и нельзя!—перебилъ онъ самъ себя злымъ голосомъ.—Не будемъ говорить объ этомъ.

— Если нельзя, то хоть объясните, что или кто у меня есть?—спросилъ я.

— Ничего... Никого... Да, впрочемъ, я скажу: сестра ваша, Софья Михайловна. Вѣдь она сестра не очень близкая по родству?

— Троюродная,—отвѣчалъ я.

— Да, троюродная. Она ваша невѣста,—сказалъ онъ утвердительнымъ тономъ.

— Вы почему знаете?—воскликнулъ я.

— Знаю. Догадывался сначала, а теперь знаю. Узналъ отъ матери, недавно она мнѣ писала,—а она тамъ какъ-то... Развѣ въ губернскомъ городѣ не все извѣстно всѣмъ? Вѣдь правда? Невѣста?

— Ну, положимъ.

— И съ дѣтства? Родители рѣшили?

— Да, родители рѣшили. Сначала для меня это было шуткой, а теперь я вижу, что такъ оно, кажется, и будетъ. Я не хотѣлъ, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ кому-нибудь, но не особенно горюю, что узнали вы.

— Я завидую тому, что у васъ есть невѣста,—тихо сказалъ онъ, устремивъ глаза куда-то вдаль, и глубоко вздохнулъ.

— Не ждалъ я отъ васъ такой сентиментальности, Сергѣй Васильевичъ.

— Да, я завидую тому, что у васъ есть невѣста,—продолжалъ онъ, не слушая меня.—Завидую чистотѣ вашей, вашимъ надеждамъ, вашему будущему счастью, нерастраченной нѣжности и любви, выросшей съ дѣтства.

Онъ взялъ меня за руку, заставилъ сойти съ дивана и подвелъ къ зеркалу.

— Посмотрите на меня и на себя,—сказалъ онъ.—Вѣдь что вы?

Гиперіонъ передъ сатиромъ козлоногимъ.

Сатиръ козлоногій—это я. А вѣдь я крѣпче васъ; кости шире и здоровье крѣпче отъ природы. А сравните: видите вотъ это? (онъ слегка коснулся пальцами начинавшихъ рѣдѣть на лбу волосъ). Да, батюшка, все это «жаръ души, растраченный въ пустынѣ»! Да и какой тамъ жаръ души! Просто свинство...

— Сергѣй Васильевичъ, не вернемся ли мы къ прежнему? Почему вы отказываетесь познакомить меня съ моделью?

— Да потому, что она въ этой растратѣ участіе принимала. Я сказалъ вамъ: неважная особа, и дѣйствительно неважная. На нижней ступенькѣ человѣческой лѣстницы. Ниже—пропасть, куда она, быть-можетъ, скоро и свалится. Пропасть окончательной гибели. Да она и такъ окончательно погибла.

— Я начинаю васъ понимать, Сергѣй Васильевичъ.

— То-то. Видите, какое у меня есть «но»?

— Вы можете оставить это «но» при себѣ. Почему вы считаете долгомъ меня опекать и оберегать?

— Я сказалъ, за что я васъ люблю. За то, что вы чистый. Не вы одинъ, вы оба. Вы представляете собой такое рѣдкое явленіе, что-то вѣющее свѣжестью, благоухающее. Я завидую вамъ, дорожу тѣмъ, что хоть со стороны могу посмотрѣть. И вы хотите, чтобъ я все это испортилъ? Нѣтъ, не ждите.

— Что̀ же это такое наконецъ, Сергѣй Васильевичъ? Мало вы надѣетесь на мою, вами открытую чистоту, если боитесь такихъ ужасныхъ вещей отъ одного знакомства съ этой женщиной.

— Слушайте! Я могу вамъ дать или не дать ее. Я поступаю согласно своему желанію. Я не хочу вамъ дать ее. Я не даю. Dixi.

Теперь онъ сидѣлъ, а я въ волненіи ходилъ по ковру.

— А вы думаете, что она подходитъ?

— Очень. Впрочемъ, нѣтъ, не очень,—рѣзко оборвалъ онъ:—совсѣмъ не подходитъ. Будетъ о ней.

Я просилъ его, сердился, представлялъ всю нелѣпость взятой имъ на себя задачи охранять мою нравственность, и ничего не добился. Онъ рѣшительно отказалъ мнѣ и въ заключеніе сказалъ:

— Я никогда не говорилъ два раза «dixi».

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю,—отвѣтилъ я ему съ досадой.

Мы поговорили за чаемъ о какихъ-то пустякахъ и разошлись.

IV.

Я цѣлыхъ двѣ недѣли ничего не дѣлалъ. Ходилъ только въ академію писать свою программу на ужаснѣйшую библейскую тему: обращеніе жены Лота въ соляной столбъ. Все у меня уже было готово—и Лотъ, и домочадцы его, но столба̀ придумать я никакъ не могъ. Сдѣлать что-нибудь въ родѣ могильнаго памятника, или просто статую Лотовой супруги изъ каменной соли?

Жизнь шла вяло. Получилъ два письма отъ Сони. Получилъ, прочелъ ея милую болтовню объ институтскихъ порядкахъ, о томъ, что̀ она читаетъ потихоньку отъ аргусовскихъ очей классныхъ дамъ, и присоединилъ къ пачкѣ прежнихъ писемъ, обвязанныхъ розовой ленточкой. Я завелъ эту ленточку еще лѣтъ пятнадцати и до сихъ поръ не могъ рѣшиться выбросить ее. Да и зачѣмъ было выбрасывать? Кому она мѣшала? Но что̀ бы сказалъ Безсоновъ, увидя это доказательство моей сентиментальности? Умилился бы еще разъ передъ моей «чистотой», или началъ бы издѣваться?

Однако онъ не на шутку огорчилъ меня. Что̀ дѣлать? Бросить картину, или опять искать натуру?

Неожиданный случай помогъ мнѣ. Однажды, когда я лежалъ на диванѣ съ какимъ-то глупымъ переводнымъ французскимъ романомъ и долежался до головной боли и отупѣнія отъ разныхъ моргововъ, полицейскихъ сыщиковъ и воскресеній людей, которыхъ смерти хватило бы на двадцать человѣкъ, отворилась дверь и вошелъ Гельфрейхъ.

Представьте себѣ тощія, кривыя ножки, огромное туловище, задавленное двумя горбами, длинныя, худыя руки, высоко вздернутыя плечи, какъ будто выражающія вѣчное сомнѣніе, молодое, блѣдное, слегка опухшее, но миловидное лицо на откинутой назадъ головѣ. Онъ былъ художникъ. Любители очень хорошо знаютъ его картинки, писанныя по большей части на одинъ и тотъ же, слегка измѣненный сюжетъ. Его герои—кошки; были у него коты спящіе, коты съ птичками, коты, выгибающіе спину; даже пьянаго кота съ веселыми глазами, за бокаломъ вина, изобразилъ однажды Гельфрейхъ. Въ котахъ онъ дошелъ до возможнаго совершенства, но больше ни за что не брался. Если въ картинкѣ, кромѣ кошекъ, были еще какіе-нибудь аксессуары—зелень, откуда должны были выглядывать розовый носикъ и золотистые глазки съ узкими зрачками, какая-нибудь драпировка, корзинка, въ которой помѣстилось цѣлое семейство котятъ съ огромными прозрачными ушами, то онъ обращался ко мнѣ. Онъ и на этотъ разъ вошелъ съ чѣмъ-то, завернутымъ въ синюю бумагу. Протянувъ мнѣ свою бѣлую и костлявую руку, онъ положилъ свертокъ на столъ и сталъ развязывать его.

— Опять котъ?—спросилъ я.

— Опять... Нужно, видишь ли ты, тутъ коврикъ немножко... а на другомъ кусокъ дивана...

Онъ развернулъ бумагу и показалъ мнѣ двѣ небольшія, въ полъ-аршина, картинки; фигурки кошекъ были совсѣмъ

окончены, но были написаны на фонѣ изъ бѣлаго полотна.

— Или не диванъ, такъ что-нибудь... Ты сочини ужъ. Надоѣло мнѣ.

— Скоро ты бросишь этихъ котятъ, Семенъ Иванычъ?

— Да нужно бы бросить, мѣшаютъ мнѣ они, очень мѣшаютъ. Да что же ты подѣлаешь? Деньги! Вѣдь вотъ этакая дрянь—двѣсти рублей.

И онъ, разставивъ тонкія ноги, пожалъ своими и такъ уже вѣчно сжатыми плечами и развелъ руками, какъ будто хотѣлъ выразить изумленіе, какъ такая дрянь можетъ находить себѣ покупателя.

Своими кошками онъ въ два года добился извѣстности. Ни прежде ни послѣ (развѣ только на одной картинкѣ покойнаго Гуна) я не видалъ такого мастерства въ изображеніи котовъ всевозможныхъ возрастовъ, мастей и положеній. Но, обративъ на нихъ свое исключительное вниманіе, Гельфрейхъ забросилъ все остальное.

— Деньги, деньги...—задумчиво повторялъ онъ.—И на что мнѣ, горбатому чорту, столько денегъ? А между тѣмъ я чувствую, что приняться за постоянную работу мнѣ становится все труднѣе и труднѣе. Я завидую тебѣ, Андрей. Я два года, кромѣ этихъ тварей, ничего не пишу... Конечно, я очень люблю ихъ, особенно живыхъ. Но я чувствую, какъ меня засасываетъ все глубже и глубже... А вѣдь я талантливѣе тебя, Андрей, какъ ты думаешь?—спросилъ онъ меня добродушнымъ и деликатнымъ тономъ.

— Я не думаю, — отвѣтилъ я, улыбнувшись: — а увѣренъ въ этомъ.

— Что твоя Шарлотта?

Я махнулъ рукой.

— Плохо?—спросилъ онъ:—покажи...

И, видя, что я, не сходя съ мѣста, сдѣлалъ отрицательное движеніе головой, онъ самъ пошелъ рыться въ кучѣ старыхъ холстовъ, поставленныхъ въ углу. Потомъ надѣлъ на лампу рефлекторъ, поставилъ мою неоконченную картину на мольбертъ и освѣтилъ ее. Онъ долго молчалъ.

— Я понимаю тебя,—сказалъ онъ.—Тутъ можетъ выйти хорошее. Только все-таки это Анна Ивановна. Знаешь, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ? Пойдемъ со мной.

— Куда?

— Куда-нибудь. На улицу. Тоска, Андрей. Боюсь, какъ бы опять не впасть въ грѣхъ.

— Ну, вотъ еще вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ. Чувствую, какъ что-то уже сосетъ здѣсь (онъ показалъ «подъ ложечку»). «Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть»,—неожиданно пропѣлъ онъ жиденькимъ теноркомъ.—Я и пришелъ къ тебѣ, чтобы не быть одному, а то вѣдь начнешь—на двѣ недѣли затянется. Потомъ болѣзнь. Да наконецъ и вредно это очень... при такомъ торсѣ.

Онъ повернулся два раза на каблукахъ, чтобы показать мнѣ оба свои горба.

— Знаешь что?—предложилъ я:—переѣзжай ко мнѣ. Я удержу тебя.

— Это бы хорошо было. Я подумаю. А теперь пойдемъ.

Я одѣлся, и мы вышли.

Мы долго блуждали по петербургской слякоти. Была осень. Дулъ сильный вѣтеръ съ моря. Поднималась вода. Мы побывали на Дворцовой набережной. Разъяренная рѣка пѣнилась и охлестывала волнами гранитные парапеты набережной. Изъ черной пропасти, въ которой исчезалъ другой берегъ, иногда блестѣла молнія, и спустя четверть минуты раздавался тяжелый ударъ: въ крѣпости палили изъ пушекъ. Вода прибывала.

— Я хотѣлъ бы, чтобъ она еще поднялась. Я не видѣлъ наводненія, а это вѣдь интересно,—сказалъ Гельфрейхъ.

Мы долго сидѣли на набережной, молча и вглядываясь въ бушующій мракъ.

— Она больше не прибудетъ,—сказалъ наконецъ Гельфрейхъ.—Вѣтеръ, кажется, стихаетъ. Мнѣ жаль! Я не видѣлъ наводненія... Пойдемъ.

— Куда?

— Куда глаза глядятъ... Пойдемъ со мной. Я сведу тебя въ одно мѣсто. Меня пугаетъ эта природа съ ея чепухой. Богъ съ ней! Лучше посмотримъ человѣческую чепуху.

— Гдѣ же это, Сеничка?

— Да ужъ я знаю... Извозчикъ!—закричалъ онъ.

Мы сѣли и поѣхали. На Фонтанкѣ, противъ деревянныхъ, изукрашенныхъ рѣзьбой и пестро расписанныхъ масляной краской воротъ Гельфрейхъ остановилъ извозчика.

Мы прошли черезъ грязный дворъ, между двумя длинными двухъэтажными корпусами старинной постройки. Два сильныхъ рефлектора кидали намъ въ лицо потоки яркаго свѣта; они были повѣшены по сторонамъ крыльца, стариннаго, но тоже обильно украшеннаго пестрою деревянною рѣзьбою, въ такъ называемомъ русскомъ вкусѣ. Впереди насъ и сзади насъ шли люди направлявшіеся туда же, куда

и мы—мужчины въ мѣховыхъ пальто, женщины въ длинныхъ дипломатахъ и пальмерстонахъ изъ претендующей на роскошь матеріи: шелковые цвѣты по плисовому полю, съ боа на шеяхъ и въ бѣлыхъ шелковыхъ платкахъ на головахъ; все это входило въ подъѣздъ и, поднявшись на нѣсколько ступенекъ лѣстницы, раздѣвалось, обнаруживая по большей части жалко-роскошные туалеты, гдѣ шелкъ замѣняла наполовину бумага, золото—бронза, брильянты—шлифованное стекло, а свѣжесть лица и блескъ глазъ—цинковыя бѣлила, карминъ и тердесьенъ.

Мы взяли въ кассѣ билеты и вступили въ цѣлую анфиладу комнатъ, уставленныхъ маленькими столиками. Душный воздухъ, пропитанный какими-то странными испареніями, охватилъ меня. Табачный дымъ, вмѣстѣ съ запахомъ пива и дешевой помады, носились въ воздухѣ. Толпа шумѣла. Иные безцѣльно бродили, иные сидѣли за бутылками у столиковъ; тутъ были мужчины и женщины, и странно было выраженіе ихъ лицъ. Всѣ притворялись веселыми и говорили о чемъ-то: о чемъ—Богъ вѣсть! Мы подсѣли къ одному изъ столиковъ. Гельфрейхъ спросилъ чаю. Я мѣшалъ его ложечкой и слушалъ, какъ рядомъ со мною низенькая, полная брюнетка, съ цыганскимъ типомъ лица, медленно и съ достоинствомъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и съ какимъ-то оттѣнкомъ гордости въ голосѣ, отвѣчала своему кавалеру на его вопросъ, часто ли она здѣсь бываетъ:

— Я бываю здѣсь одинъ разъ въ недѣлю. Я не могу часто бывать, потому что нужно въ другое мѣсто. Вотъ какъ: третій день я была въ Нѣмецкомъ клубѣ, вчера въ Орфеумѣ, сегодня здѣсь, завтра въ Большой театръ, послѣзавтра въ Приказчичій, потомъ въ оперетту, потомъ въ Шато-де-флеръ... Да, я каждый день гдѣ-нибудь бываю: такъ и проходитъ die ganze Woche.

И она гордо посмотрѣла на своего собесѣдника, который даже съежился, услышавъ столь пышную программу удовольствій. Это былъ бѣлобрысый человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ узкимъ лбомъ, съ нависшею на него гривкою, съ бронзовою цѣпочкой. Онъ вздохнулъ, робко глядя на свою великолѣпную даму. Увы, гдѣ ему, скромному апраксинскому приказчику, преслѣдовать ее изо дня въ день по клубамъ и кафе-шантанамъ?

Мы встали и пошли бродить по комнатамъ. Въ концѣ анфилады ихъ широкая дверь вела въ залу, назначенную для танцевъ. Желтыя шелковыя занавѣски на окнахъ и расписанный потолокъ, ряды вѣнскихъ стульевъ по стѣнамъ, въ

углу залы большая бѣлая ниша въ формѣ раковины, гдѣ сидѣлъ оркестръ изъ пятнадцати человѣкъ. Женщины, по большей части обнявшись, парами ходили по залѣ, мужчины сидѣли по стѣнамъ и наблюдали ихъ. Музыканты настраивали инструменты. Лицо первой скрипки показалось мнѣ немного знакомымъ.

— Вы ли это, Өедоръ Карловичъ?—спросилъ я, трогая его за плечо.

Өедоръ Карловичъ обернулся ко мнѣ. Боже мой, какъ онъ обрюзгъ, опухъ и посѣдѣлъ.

— Да, я—Өедоръ Карловичъ, и что же вамъ угодно?

— А помните, въ гимназіи?.. Вы приходили со скрипкой на уроки танцевъ...

— А! Я и теперь сижу тамъ, на табуреточкѣ, въ углу залы. Я помню васъ... Вы вальсировали очень ловко.

— Давно вы здѣсь?

— Вотъ третій годъ.

— Вы помните, какъ одинъ разъ вы пришли рано и въ пустой залѣ сыграли элегію Эрнста? Я слышалъ.

Музыкантъ блеснулъ своими заплывшими глазами.

— Вы слышали? Вы слышали? Я думалъ, что меня никто не слышитъ. Да, я иногда игралъ... Теперь не могу... Теперь здѣсь; на масленой, на Пасхѣ—день на балаганахъ, вечеръ здѣсь... (Онъ помолчалъ). У меня четыре сына и одна дочь,—промолвилъ онъ тихо.—И одинъ мальчикъ въ этомъ году кончаетъ Annen-Schule и поступаетъ въ университетъ... Я не могу играть элегіи Эрнста.

Капельмейстеръ взмахнулъ смычкомъ нѣсколько разъ; оглушительно дернулъ тощій и громкій оркестръ какую-то польку. Капельмейстеръ, помахавъ такта три-четыре, самъ присоединилъ свою визгливую скрипку къ общему хору. Пары завертѣлись, оркестръ гремѣлъ.

— Пойдемъ, Сеня,—сказалъ я.—Тоска... Поѣдемъ домой, напьемся чаю и поболтаемъ о хорошемъ.

— О хорошемъ?—спросилъ онъ съ улыбкою.—Ну, ладно, поѣдемъ.

Мы стали проталкиваться къ выходу. Вдругъ Гельфрейхъ остановился.

— Смотри,—сказалъ онъ:—Безсоновъ.

Я оглянулся и увидѣлъ Безсонова. Онъ сидѣлъ за мраморнымъ столикомъ, на которомъ стояли бутылки вина, рюмки и еще что-то такое. Низко нагнувшись, съ блестящими глазами, онъ оживленно шепталъ что-то сидѣвшей за тѣмъ же столомъ женщинѣ въ черномъ шелковомъ платьѣ, лица кото-

рой намъ не было видно. Я замѣтилъ только ея стройную фигуру, тонкія руки и шею и черные волосы, гладко зачесанные съ затылка вверхъ.

— Благодари судьбу, — сказалъ мнѣ Гельфрейхъ.—Ты знаешь ли, кто эта особа? Радуйся, это она, твоя Шарлотта Корде.

— Она? Здѣсь?

V.

Безсоновъ, держа въ рукѣ рюмку съ виномъ, поднялъ на меня свои оживившіеся и покраснѣвшіе глаза, и на лицѣ его ясно выразилось неудовольствіе.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ намъ.

— Вы здѣсь? Какими судьбами?

— Пріѣхали посмотрѣть на васъ,—отвѣтилъ я, улыбаясь.—И я не жалѣю, потому что...

Онъ поймалъ мой взоръ, скользнувшій по его подругѣ, и рѣзко перебилъ меня:

— Не надѣйтесь... Этотъ Гельфрейхъ уже сказалъ вамъ... Но изъ этого ничего не выйдетъ. Я не допущу. Я увезу ее.

И, быстро подойдя къ ней, онъ громко сказалъ:

— Надежда Николаевна, поѣдемте отсюда.

Она повернула голову, и я увидѣлъ въ первый разъ ея удивленное лицо.

Да, я увидѣлъ ее въ первый разъ въ этомъ вертепѣ. Она сидѣла здѣсь съ этимъ человѣкомъ, иногда спускавшимся изъ своей эгоистически дѣятельной и высокомѣрной жизни до разгула: она сидѣла за опорожненной бутылкой вина; глаза ея были немного красны, блѣдное лицо измято, костюмъ небреженъ и рѣзокъ. Вокругъ насъ тѣснилась толпа праздношатающихся гулякъ, купцовъ, отчаявшихся въ возможности жить, не напиваясь, несчастныхъ приказчиковъ, проводящихъ жизнь за прилавками и отводящихъ свою убогую душу только въ такихъ притонахъ падшихъ женщинъ и дѣвушекъ, только прикоснувшихся губами къ гнусной чашѣ, разныхъ модистокъ, магазинныхъ дѣвочекъ... Я видѣлъ, что она уже падаетъ въ ту бездну, о которой говорилъ мнѣ Безсоновъ, если уже совсѣмъ не упала туда.

— Поѣдемъ же, поѣдемъ, Надежда Николаевна!—торопилъ Безсоновъ.

Она встала и, смотря на него съ удивленіемъ, спросила:

— Зачѣмъ? Куда?

— Я не хочу оставаться здѣсь...

— И можете ѣхать... Это, кажется, вашъ знакомый и Гельфрейхъ?

— Послушай, Надя...—рѣзко сказалъ Безсоновъ.

Она нахмурила брови и бросила на него гнѣвный взглядъ.

— Кто вамъ далъ право такъ обращаться ко мнѣ? Сенечка, милый мой, здравствуйте!

Семенъ поймалъ ея руки, крѣпко жалъ ихъ.

— Послушай, Безсоновъ,—сказалъ онъ:—полно дурить. Поѣзжай домой, если хочешь, или оставайся, а Надежда Николаевна останется съ нами. У насъ есть къ ней дѣло, и очень важное. Надежда Николаевна, позвольте вамъ представить: Лопатинъ, мой другъ и его (онъ указалъ на нахмурившагося Безсонова) также другъ, художникъ... Какъ она картины любитъ, Андрей!—вдругъ радостно сказалъ онъ мнѣ. — Въ прошломъ году я водилъ ее по выставкѣ. И твои этюды видѣли. Помните?

— Помню,—отвѣтила она.

— Надежда Николаевна!—еще разъ сказалъ Безсоновъ.

— Оставьте меня... Поѣзжайте куда вамъ угодно. Я остаюсь съ Сеней и вотъ съ... m-r Лопатинымъ. Я хочу душу отвести... отъ васъ!—вдругъ вскрикнула она, видя, что Безсоновъ хочетъ сказать еще что-то.—Вы опротивѣли мнѣ. Оставьте, уѣзжайте...

Онъ рѣзко отвернулся и вышелъ, не простясь ни съ кѣмъ.

— Такъ лучше... безъ него...—сказала Надежда Николаевна и тяжело вздохнула.

— Отчего вы вздыхаете, Надежда Николаевна?—спросилъ Сенечка.

— Отчего? Оттого, что то, что̀ позволено всѣмъ этимъ калѣкамъ (она движеніемъ головы показала на тѣснившуюся вокругъ насъ толпу), то не долженъ позволять себѣ онъ... Ну, да все равно, тоска, надоѣло все это. Нѣтъ, не надоѣло, хуже. Слова не подберешь. Сенечка, давайте пить!

Семенъ жалобно взглянулъ на меня.

— Вотъ видите ли, Надежда Николаевна, и радъ бы, да нельзя; вотъ онъ...

— Что̀ жъ онъ? И онъ съ нами выпьетъ.

— Онъ не станетъ.

— Ну, такъ вы.

— Онъ не позволитъ.

— Это скверно... Кто же вамъ можетъ не позволить?

— Я далъ слово, что буду его слушаться.

Надежда Николаевна внимательно посмотрѣла на меня.

— Вотъ какъ!—сказала она.—Ну, вольному воля, спасенному рай. Если не хотите, не нужно. Я буду одна...

— Надежда Николаевна,—началъ я:—простите, что при первомъ знакомствѣ...

Я почувствовалъ, что румянецъ заливаетъ мнѣ щеки. Она, улыбаясь, смотрѣла на меня.

— Ну, что̀ вамъ?

— При первомъ же знакомствѣ я просилъ бы васъ... не дѣлать этого, не держать себя такъ... Я хотѣлъ просить васъ еще объ одномъ одолженіи.

Лицо ея передернулось грустью.

— Не держать себя такъ?—сказала она.—Боюсь, что я уже не могу держать себя иначе—отвыкла. Ну, хорошо; чтобы сдѣлать вамъ пріятное, попробую. А одолженіе?

Я, заикаясь, путаясь въ словахъ и конфузясь, разсказалъ ей, въ чемъ дѣло. Она внимательно слушала, уставивъ свои сѣрые глаза прямо на меня. Напряженное ли вниманіе, съ какимъ она вникала въ мои слова, или что-то другое придавало ея взору суровое и немного жестокое выраженіе.

— Хорошо,—сказала она наконецъ.—Я понимаю, что̀ вамъ нужно! Я и лицо себѣ такое сострою.

— Можно безъ этого обойтись, Надежда Николаевна, лишь бы ваше лицо...

— Хорошо, хорошо. Когда же мнѣ быть у васъ?

— Завтра, въ одиннадцать часовъ, если можно.

— Такъ рано? Ну, такъ, значитъ, надо ѣхать спать ложиться. Сенечка, вы проводите меня?

— Надежда Николаевна,—сказалъ я:—мы не условились еще объ одной вещи, это вѣдь даромъ не дѣлается.

— Что̀ жъ, вы мнѣ платить будете, что ли?—сказала она, и я почувствовалъ, что въ ея голосѣ звенитъ что-то гордое и оскорбленное.

— Да, платить; иначе я не хочу,—рѣшительно сказалъ я.

Она окинула меня высокомѣрнымъ, даже дерзкимъ взглядомъ, но почти тотчасъ же лицо ея приняло задумчивое выраженіе. Мы молчали. Мнѣ было неловко. Слабая краска показалась на ея щекахъ, и глаза вспыхнули.

— Хорошо,—сказала она:—платите. Сколько другимъ натурщицамъ, столько и мнѣ. Сколько я получу за всю Шарлотту, Сенечка?

— Рублей шестьдесятъ, я думаю,—отвѣтилъ онъ.

— А сколько времени вы будете ее писать?

— Мѣсяцъ.

— Хорошо, очень хорошо!—оживленно сказала она.—Я попробую брать съ васъ деньги. Спасибо вамъ!

Она протянула мнѣ свою тонкую руку и крѣпко пожала мою.

— Онъ у васъ ночуетъ?—спросила она, оборачиваясь ко мнѣ.

— У меня, у меня.

— Я сейчасъ отпущу его. Только пусть довезетъ.

Черезъ полчаса я былъ дома, а черезъ пять минутъ послѣ меня вернулся Гельфрейхъ. Мы раздѣлись, легли и потушили свѣчи. Я начиналъ уже засыпать.

— Ты спишь, Лопатинъ?—вдругъ раздался въ темнотѣ Сенечкинъ голосъ.

— Нѣтъ, а что̀?

— Вотъ что̀: я сейчасъ же далъ бы отрубить себѣ лѣвую руку, чтобы этой женщинѣ было хорошо и чисто,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Отчего же не правую?—спросилъ я, засыпая.

— Глупый! А писать-то чѣмъ я буду?—серьезно спросилъ Сенечка.

VI.

Когда я проснулся на другой день, въ окно уже глядѣло сѣрое утро.

Посмотрѣвъ на слабо освѣщенное, блѣдное, миловидное лицо Гельфрейха, спавшаго на диванѣ, вспомнивъ вчерашній вечеръ и то, что у меня будетъ натурщица для картины, я повернулся на другой бокъ и снова заснулъ чуткимъ утреннимъ сномъ.

— Лопатинъ!—раздался голосъ.

Я слышалъ его во снѣ. Онъ совпалъ съ моимъ сновидѣніемъ, и я не проснулся, но кто-то трогалъ меня за плечо.

— Лопатинъ, проснитесь,—говорилъ голосъ.

Я вскочилъ на ноги и увидѣлъ Безсонова.

— Это вы, Сергѣй Васильевичъ?

— Я... Не ждали такъ рано?—тихо сказалъ онъ.—Говорите тише: я не хотѣлъ бы разбудить горбуна.

— Что̀ вамъ нужно?

— Одѣньтесь, умойтесь; я скажу. Пойдемте въ другую комнату. Пусть онъ спитъ.

Я забралъ подъ мышку платье и сапоги и вышелъ одѣваться въ мастерскую. Безсоновъ былъ очень блѣденъ.

— Вы, кажется, не спали эту ночь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, спалъ. Всталъ очень рано и работалъ. Скажите,

чтобы намъ дали чаю, и поговоримъ. Кстати, покажите вашу картину.

— Не стòитъ теперь, Сергѣй Васильевичъ. Вотъ погодите, скоро кончу ее въ исправленномъ и настоящемъ видѣ. Можетъ-быть, вамъ непріятно, что я поступилъ противъ вашего желанія, но вы не повѣрите, какъ я радъ, что кончу, что это такъ случилось. Лучше Надежды Николаевны я и ожидать для себя ничего не могъ.

— Я не допущу того, чтобы вы писали съ нея,—глухо сказалъ онъ.

— Сергѣй Васильевичъ, вы, кажется, пришли ссориться со мной.

— Я не допущу ее бывать у васъ каждый день, проводить съ вами цѣлые часы... Я не позволю ей.

— Есть ли у васъ такая власть? Какъ вы можете не позволить ей? Какъ вы можете не позволить мнѣ?—спрашивалъ я, чувствуя, что начинаю раздражаться.

— Власть!.. Власть... Нѣсколько словъ будетъ довольно. Я напомню ей, что̀ такое она. Я скажу ей, что̀ такое вы: я скажу ей о вашей сестрѣ, Софьѣ Михайловнѣ...

— Я не позволю вамъ заикаться о моей сестрѣ... Если есть у васъ право на эту женщину—пусть правда то, что̀ вы мнѣ говорили о ней, пусть она пала, пусть десятки людей имѣютъ на нее такія же права, какъ вы—у васъ есть право на нее, но у васъ нѣтъ правъ на мою сестру. Я запрещаю вамъ говорить ей что-нибудь о сестрѣ! Слышите?

Я чувствовалъ, что голосъ мой зазвенѣлъ угрозой. Онъ начиналъ выводить меня изъ себя.

— Такъ вотъ какъ! Вы показываете когти! Я не зналъ, что они у васъ есть. Хорошо, вы правы: на Софью Михайловну я не имѣю никакихъ правъ. Я не осмѣлюсь поминать имя ея всуе. Но эта... эта...

Онъ въ волненіи нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ комнаты. Я видѣлъ, что онъ взволнованъ серьезно. Я не понималъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Въ прошлый нашъ разговоръ онъ и словами и тономъ своимъ выразилъ такое нескрываемое презрѣніе къ этой женщинѣ, а теперь... Неужели?..

— Сергѣй Васильевичъ,—сказалъ я:—вы любите ее!

Онъ остановился, взглянулъ на меня страннымъ взглядомъ и отрывисто промолвилъ:

— Нѣтъ.

— Что̀ же васъ точитъ? Изъ-за чего вы подняли всю эту бурю? Не могу же я повѣрить, что вы печетесь о

спасеніи моей души изъ когтей этого воображаемаго дьявола?

— Это мое дѣло,—сказалъ онъ.—Но помните, что какимъ бы то ни было путемъ, а я помѣшаю вамъ... Я не позволю! Слышите?—задорно крикнулъ онъ.

Я почувствовалъ, что кровь бросилась мнѣ въ голову. Въ томъ углу, гдѣ я стоялъ въ это время спиною къ стѣнѣ, былъ наваленъ разный хламъ: холсты, кисти, сломанный мольбертъ. Тутъ же стояла палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, къ которой во время лѣтнихъ работъ привинчивается большой зонтъ. Случайно я взялъ въ руки это копье, и когда Безсоновъ сказалъ мнѣ свое «не позволю», я со всего размаха вонзилъ острее въ полъ. Четырехгранное желѣзо ушло въ доски на вершокъ.

Я не сказалъ ни слова, но Безсоновъ взглянулъ на меня изумленными и даже, какъ мнѣ показалось, испуганными глазами.

— Прощайте,—сказалъ онъ.—Я ухожу. Вы черезчуръ раздражены.

Я уже успѣлъ успокоиться.

— Постойте,—сказалъ я.—Останьтесь.

— Нѣтъ, мнѣ нужно. До свиданія!

Онъ ушелъ. Я съ усиліемъ вытащилъ копье изъ пола и помню, что коснулся пальцемъ слегка нагрѣвшагося блестящаго желѣза. Мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что это—страшное оружіе, которымъ легко положить человѣка на мѣстѣ.

Гельфрейхъ ушелъ въ академію, а я не безъ волненія ожидалъ свою натурщицу. Я поставилъ совсѣмъ новый холстъ и приготовилъ все нужное.

Я не могу сказать, чтобы я думалъ тогда только о своей картинѣ. Я вспоминалъ вчерашній вечеръ съ его странной, еще невиданной мною обстановкой, неожиданную и счастливую для меня встрѣчу, эту странную женщину, падшую женщину, которая сразу привлекла всѣ мои симпатіи, странное поведеніе Безсонова... Что ему нужно отъ меня? Не любитъ ли онъ ее въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ тогда это презрительное отношеніе къ ней? Развѣ не могъ бы онъ спасти ее?

Я думалъ обо всемъ этомъ, а рука съ углемъ ходила по холсту; я дѣлалъ наброски позы, въ которой хотѣлъ представить Надежду Николаевну, и стиралъ ихъ одинъ за другимъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Черезъ минуту она въ первый разъ показалась на порогѣ

моей комнаты. О, какъ я помню ея блѣдное лицо, когда она, волнуясь и стыдясь (да, стыдъ смѣнилъ ея вчерашнее выраженіе), молча стояла въ дверяхъ! Она точно не смѣла войти въ эту комнату, гдѣ нашла потомъ свое счастье, единственную свою свѣтлую полосу жизни и... гибель—не ту гибель, о которой говорилъ Безсоновъ... Я не могу писать объ этомъ. Я подожду и успокоюсь.

VII.

Соня не знаетъ, что я пишу эти горькія страницы. Попрежнему, каждый день она сидитъ у моей постели или кресла. Часто заходитъ ко мнѣ и мой другой другъ, мой бѣдный горбатый. Онъ очень похудѣлъ и осунулся и большею частью молчитъ. Соня говоритъ, что онъ упорно работаетъ... Дай Богъ ему счастья и успѣха!

Она пришла, какъ обѣщала, ровно въ одиннадцать часовъ. Она вошла робко, застѣнчиво отвѣтивъ на мое привѣтствіе, и молча сѣла на кресло, стоявшее въ углу мастерской.

— Вы очень точны, Надежда Николаевна,—сказалъ я, накладывая краски на палитру.

Она взглянула на меня и ничего не отвѣтила.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ за ваше согласіе...—продолжалъ я, чувствуя, что краснѣю отъ смущенія. Я хотѣлъ сказать ей что-то совсѣмъ другое.—Я такъ долго не могъ найти натурщицу, что совсѣмъ было-бросилъ картину.

— Развѣ у васъ при академіи ихъ нѣтъ?—спросила она.

— Есть, но онѣ мнѣ не годились. Посмотрите вотъ это лицо.

Я досталъ изъ лежащей на столѣ кучи всякаго хлама карточку Анны Ивановны и подалъ ей. Она взглянула и слабо улыбнулась.

— Да, это вамъ не годится,—сказала она.—Это не Шарлотта Корде.

— Вы знаете исторію Шарлотты Корде?—спросилъ я.

Она взглянула на меня съ страннымъ выраженіемъ удивленія, смѣшаннаго съ какимъ-то горькимъ чувствомъ.

— Почему же мнѣ не знать?—спросила она.—Я коечему училась. Я забыла теперь многое, ведя эту жизнь, и все-таки кое-что помню. А такихъ вещей забыть нельзя...

— Гдѣ вы учились, Надежда Николаевна?

— Зачѣмъ вамъ знать это? Если можно, будемъ начинать.

Тонъ ея вдругъ измѣнился: она проговорила эти слова отрывисто и мрачно, какъ говорила вчера Безсонову.

Я замолчалъ. Доставъ изъ шкапа давно уже сшитое мною синее платье, чепчикъ и всѣ принадлежности костюма Шарлотты, я попросилъ ее выйти въ другую комнату и переодѣться. Я едва успѣлъ приготовить все, что̀ мнѣ было нужно для работы, какъ она уже вернулась.

Передо мной стояла моя картина.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!—заговорилъ я съ восторгомъ.—Какъ это хорошо, какъ это хорошо! Скажите, Надежда Николаевна, не видѣлись ли мы прежде? Иначе это невозможно объяснить. Я представлялъ себѣ свою картину именно такою, какъ вы теперь. Я думаю, что я васъ видѣлъ гдѣ-нибудь. Ваше лицо, можетъ-быть, безсознательно запечатлѣлось въ моей памяти... Скажите, гдѣ я видѣлъ васъ?

— Гдѣ вы могли видѣть меня?—переспросила она.—Не знаю. Я не встрѣчалась съ вами до вчерашняго дня. Начинайте, пожалуйста. Поставьте меня, какъ нужно, пишите.

Я попросилъ ее стать на мѣсто, поправилъ складки платья, слегка коснулся ея рукъ, придавая имъ то безпомощное положеніе, какое всегда представлялъ себѣ, и отошелъ къ мольберту.

Она стояла передо мною... Она стоитъ передо мною и теперь, вотъ тутъ, на этомъ холстѣ... Она, какъ живая, смотритъ на меня. У нея то же печальное и задумчивое выраженіе, та же черта смерти на блѣдномъ лицѣ, какія были въ то утро.

Я стеръ все, начертанное углемъ на холстѣ, и быстро набросалъ Надежду Николаевну. Потомъ я сталъ писать. Никогда, ни прежде ни послѣ, мнѣ не удавалось работать такъ быстро и успѣшно. Время летѣло незамѣтно, и только черезъ часъ я, взглянувъ на лицо своей модели, увидѣлъ, что она сейчасъ упадетъ отъ усталости.

— Простите, простите меня...—сказалъ я, сводя ее съ возвышенія, на которомъ она стояла, и усаживая въ кресло.—Я совсѣмъ измучилъ васъ.

— Ничего,—отвѣтила она, блѣдная, но улыбающаяся.—Ужъ если зарабатывать себѣ хлѣбъ, то нужно пострадать немножко. Я рада, что вы такъ увлеклись. Можно посмотрѣть?—сказала она, кивнувъ головой на картину, лица которой она не видѣла.

— Конечно, конечно!

— Ахъ, какая мазня!—вскрикнула она.—Я никогда еще не видѣла начала работы художника. И какъ это интересно!..

И знаете, ужъ въ этой мазнѣ я вижу то, что̀ должно быть... Вы задумали хорошую картину, Андрей Николаевичъ... Я постараюсь сдѣлать все, чтобы она вышла... насколько отъ меня это зависитъ.

— Что̀ же можете вы сдѣлать?

— Я говорила вчера... Я сдѣлаю вамъ выраженіе. Вамъ будетъ легче работать...

Она быстро стала на свое мѣсто, подняла голову, уронила бѣлыя руки, и на ея лицѣ отразилось все, о чемъ мечталъ я для своей картины. Тутъ были рѣшимость и тоска, гордость и страхъ, любовь и ненависть...

— Такъ?—спросила она.—Если такъ, то я буду стоять, сколько угодно.

— Лучше мнѣ ничего не нужно, Надежда Николаевна; но вѣдь вамъ будетъ трудно сохранять подолгу такое выраженіе. Благодарю васъ. Посмотримъ. До этого еще далеко... Позвольте просить васъ позавтракать со мною.

Она долго отказывалась, но потомъ согласилась.

Моя поилица и кормилица, Агаѳья Алексѣевна, принесла завтракъ; мы въ первый разъ сѣли за столъ вмѣстѣ. Сколько разъ это случалось потомъ!.. Надежда Николаебна ѣла мало и молча; она, видимо, стѣснялась. Я налилъ въ ея стаканъ вина, которое она выпила почти сразу. Румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Скажите,—вдругъ спросила она:—вы давно знаете Безсонова?

Я не ожидалъ этого вопроса. Вспомнивъ все, что̀ произошло между мною и Безсоновымъ изъ-за нея, я смутился.

— Отчего вы краснѣете? Впрочемъ, все равно; только отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ.

— Давно. Съ дѣтства.

— Онъ хорошій человѣкъ?

— Да, по-моему, онъ хорошій человѣкъ. Онъ честенъ, много работаетъ. Онъ очень талантливый человѣкъ. Онъ хорошо относится къ матери.

— У него есть мать? Гдѣ она?

— Въ ***. Тамъ у нея есть маленькій домикъ. Онъ высылаетъ ей деньги и самъ иногда туда ѣздитъ. Я никогда не видалъ матери, болѣе влюбленной въ сына.

— Зачѣмъ же онъ не возьметъ ее сюда?

— Кажется... она сама не хочетъ... Впрочемъ, не знаю... Домъ у нея тамъ, она привыкла.

— Это неправда,—задумчиво сказала Надежда Николаевна.—Онъ не беретъ матери сюда потому, что думаетъ,

что она помѣшаетъ ему. Я не знаю, я только думаю такъ... Она стѣснитъ его. Это провинціалка, вдова какого-нибудь мелкаго чниовника. Она будетъ шокировать его.

Она произнесла слово «шокироватъ» ѣдко и съ разстановкой.

— Я не люблю этого человѣка, Андрей Николаевичъ,— сказала она.

— За что? Онъ все-таки хорошій человѣкъ.

— Я не люблю его... я боюсь его... Ну, будетъ; пойдемъ работать.

Она стала на мѣсто. Короткій осенній день приходилъ къ концу.

Я работалъ до сумерекъ, давая иногда вздохнуть Надеждѣ Николаевнѣ, и только когда краски начали смѣшиваться въ своихъ цвѣтахъ и стоявшая передо мною на возвышеніи модель уже подернулась сумракомъ, я положилъ кисти... Надежда Николаевна переодѣлась и ушла.

VIII.

Въ тотъ же день вечеромъ я перевезъ Семена Ивановича къ себѣ. Онъ жилъ на Садовой, въ огромномъ, съ низу до верху набитомъ жильцами домѣ, занимавшемъ почти цѣлый кварталъ между тремя улицами. Наиболѣе аристократическая часть дома, выходившая на Садовую, была занята меблированными комнатами отставного капитана Грумъ-Скжебицкаго, отдававшаго свои довольно грязныя и довольно большія комнаты начинающимъ художникамъ, не бѣднымъ студентамъ и музыкантамъ. Таковъ былъ преимущественный составъ жильцовъ суроваго капитана, строго наблюдавшаго за благочиніемъ своего, какъ онъ выражался, «отеля».

Я поднялся по витой чугунной лѣстницѣ и вошелъ въ коридоръ. Изъ-за первой двери слышались бѣглые пассажи скрипки, немного дальше завывала віолончель, а гдѣ-то въ концѣ коридора гремѣлъ рояль. Я постучалъ въ дверь Гельфрейха.

— Войдите!—закричалъ онъ тоненькимъ голосомъ.

Онъ сидѣлъ на полу и въ огромный ящикъ укладывалъ свои пожитки. Чемоданъ, уже завязанный, лежалъ возлѣ. Въ ящикъ Семенъ Иванычъ клалъ вещи, не придерживаясь какой-нибудь системы: на дно была положена подушка, на нее развинченная и завернутая въ бумагу лампа, затѣмъ кожаный тюфячокъ, сапоги, куча этюдовъ, ящикъ съ красками, книги и всякая мелочь. Рядомъ съ ящикомъ сидѣлъ большой рыжій котъ и смотрѣлъ въ глаза хозяину. Этотъ

котъ, по словамъ Гельфрейха, состоялъ у него на постоянной службѣ.

— Я уже готовъ, Андрей,—сказалъ Гельфрейхъ.—Я очень радъ, что ты меня къ себѣ берешь. Ну, скажи, былъ сегодня сеансъ? Пришла она?

— Пришла, пришла, Сеня...—отвѣтилъ я, торжествуя въ душѣ.—Помнишь, ночью ты сказалъ одну фразу... что ты отдалъ бы свою лѣвую руку.

— Ну?—спросилъ онъ, сѣвъ на ящикъ и улыбаясь.

— Я немного понимаю тебя, Сеня...

— Вотъ видишь! Ахъ, Андрей, Андрей, вытащи ее! Я не могу. Я глупый, горбатый чортъ. Ты самъ очень хорошо знаешь, что я не протащу черезъ всю жизнь, долгую жизнь, и тяжести одного себя безъ посторонней помощи, безъ твоей, напримѣръ, а ужъ другого кого-нибудь поддерживать... куда мнѣ? Мнѣ самому нужно, чтобы меня спасали отъ пьянства, брали къ себѣ, заставляли работать, держали у себя мои деньги, писали корзинки, диваны и всякую обстановку для моихъ котовъ. Ахъ, Андрей, Андрей, что бы я безъ тебя дѣлалъ?

И во внезапномъ порывѣ нѣжности Сенечка вдругъ соскочилъ со своего ящика, подбѣжалъ ко мнѣ, обхватилъ меня руками и прижалъ голову къ моей груди. Его мягкіе шелковистые волосы касались моихъ губъ. Затѣмъ такъ же быстро онъ оставилъ меня, побѣжалъ въ уголъ комнаты (я имѣю сильное подозрѣніе, что дорогой онъ стеръ слезинку) и усѣлся въ кресло, стоявшее въ углу, въ тѣни.

— Ну, видишь, куда же мнѣ! Но ты... ты—другое дѣло. Вытащи ее, Андрей!

Я молчалъ.

— Былъ еще одинъ человѣкъ, который бы могъ,—продолжалъ Семенъ Ивановичъ:—но онъ не захотѣлъ.

— Безсоновъ?—спросилъ я.

— Да, Безсоновъ.

— Онъ давно съ нею знакомъ, Сенечка?

— Давно: раньше меня. У этого человѣка въ головѣ все ящики и отдѣленьица; выдвинетъ одинъ, достанетъ билетикъ, прочтетъ, что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Представился ему вотъ этотъ случай. Видитъ, падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ къ себѣ въ голову (а тамъ у него все по алфавиту), досталъ, прочелъ: онѣ не возвращаются никогда.

Семенъ Иванычъ не сталъ говорить дальше. Онъ облокотился подбородкомъ на руку и задумчиво смотрѣлъ прямо въ лицо.

— Ты разскажи мнѣ, какъ они познакомились. Что за странныя отношенія между ними?

— Послѣ, Андрей; теперь не стану. Да, можетъ-быть, она и сама тебѣ разскажетъ. Напрасно я сказалъ: «можетъ-быть», навѣрное разскажетъ. Ты у меня вѣдь вотъ какой...— улыбнувшись, сказалъ Семенъ.—Поѣдемъ, нужно расплатиться съ капитаномъ.

— Деньги у тебя есть?

— Есть, есть. Выручаютъ коты.

Онъ вышелъ въ коридоръ, крикнулъ что-то прислугѣ, и черезъ минуту явился самъ капитанъ. Это былъ крѣпкій, коренастый старикъ, очень свѣжій, съ гладко выбритымъ лицомъ. Войдя въ комнату, онъ щегольски расшаркался и подалъ Гельфрейху руку, мнѣ же сдѣлалъ только безмолвный поклонъ.

— Что пану требуется?—спросилъ онъ вѣжливо.

— Я уѣзжаю отъ васъ, капитанъ.

— То есть воля пана,—отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Я былъ очень доволенъ вами, милостивый государь. Я радъ, когда въ моемъ отелѣ проживаютъ прекрасные образованные люди... Панъ другъ также художникъ?—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ вторичнымъ и весьма изящнымъ поклономъ.—Рекомендую себя: капитанъ Грумъ-Скжебицкій, старый солдатъ.

Я протянулъ ему руку и назвалъ свое имя.

— Панъ Лопатинъ!—воскликнулъ капитанъ, выражая на своемъ лицѣ почтительное удивленіе.—То есть извѣстное имя. Отъ всѣхъ учениковъ академіи слышалъ. Очень счастливъ знакомствомъ. Желаю вамъ имѣть славу Семирадскаго и Матейки... Куда же вы переѣзжаете?—спросилъ капитанъ Гельфрейха.

— А вотъ къ нему...—смущенно улыбаясь, отвѣтилъ Гельфрейхъ.

— Хотя вы и отнимаете у меня превосходнаго квартиранта, но я не огорченъ. Дружба—это такое право...—сказалъ капитанъ, опять кланяясь.—Сейчасъ я принесу свою книгу...

Онъ вышелъ, бодро поднявъ голову. Въ его походкѣ было что-то воинственное.

— Гдѣ онъ служилъ?—спросилъ я Сеню.

— Не знаю; только онъ не русскій капитанъ. Я узналъ въ паспортѣ; онъ просто дворянинъ Ксаверій Грумъ-Скжебицкій. По секрету онъ всѣмъ говоритъ, что былъ въ повстаніи. На стѣнѣ у него и теперь виситъ «дупельтовка».

Капитанъ принесъ свою книгу и счеты. Справившись съ книгой и пощелкавъ минуты днѣ на счетахъ, онъ объявилъ сумму, которую долженъ былъ ему Гельфрейхъ за квартиру до конца мѣсяца и за обѣды; Семенъ Ивановичъ расплатился, и мы весьма дружелюбно разстались. Когда вынесли вещи, Семенъ Ивановичъ взялъ подъ мышку рыжаго кота, давно уже безпокойно терщагося у его ногъ, поднявъ хвостъ палочкой вверхъ и изрѣдка коротко мяукая (вѣроятно, опустошенный видъ комнаты привелъ его въ тревожное настроеніе), и мы уѣхали.

IX.

Прошло еще три или четыре сеанса. Надежда Николаевна приходила ко мнѣ въ десять или одиннадцать часовъ и оставалась до сумерекъ. Не разъ я просилъ ее остаться пообѣдать съ нами, но она всегда, какъ только кончался сеансъ, поспѣшно уходила въ другую комнату, переодѣвалась изъ синяго платья въ свое черное и тотчасъ же прощалась.

Ея лицо за эти нѣсколько дней сильно измѣнилось. Какое-то мрачное и тоскливое выраженіе замѣчалось около ея губъ и въ впадинахъ ея сѣрыхъ глазъ. Она рѣдко говорила со мною и немного оживлялась только тогда, когда въ мастерской сидѣлъ за своимъ мольбертомъ Гельфрейхъ, продолжавшій, несмотря на мои уговариванія приняться за что-нибудь серьезное, писать одну кошку за другою. Кромѣ рыжаго натурщика, въ нашей квартирѣ откуда-то появилось штукъ пять или шесть разнообразнаго возраста, пола и цвѣта кошекъ, которыхъ Агаѳья Алексѣевна безпрекословно кормила, хотя и вела съ ними безпрерывную войну, выражавшуюся преимущественно въ томъ, что она, забирая ихъ по нѣскольку подъ мышку, выкидывала на черную лѣстницу. Но коты жалобно покрикивали у дверей, и мягкое сердце нашей домоправительницы не выдерживало: дверь отворялась, и натурщики снова овладѣвали квартирой.

Какъ живо вспоминаются мнѣ эти долгіе, тихіе сеансы! Картина подходила къ концу, и тяжелое, неопредѣленное чувство закрадывалось постепенно въ мою грудь. Я чувствовалъ, что, когда Надежда Николаевна перестанетъ быть нужна мнѣ, какъ натурщица, мы разстанемся. Я вспомнилъ нашъ разговоръ съ Гельфрейхомъ въ день его переѣзда; часто, когда я вглядывался въ ея блѣдное, мрачное лицо, въ ушахъ моихъ звенѣли слова: «Ахъ, Андрей, Андрей, вытащи ее!»

Вытащить ее! Я не зналъ о ней почти ничего. Я не зналъ даже, гдѣ она живетъ. Она переѣхала со старой квартиры, куда провожалъ ее Гельфрейхъ послѣ вечера нашей встрѣчи, на другую квартиру, и Сеня не могъ добиться отъ нея—куда. Ни онъ ни я не знали ея фамиліи.

Я помню, какъ однажды я спросилъ ее объ этомъ на сеансѣ, когда Гельфрейха не было. Въ то утро онъ ушелъ въ академію (я заставилъ его хоть изрѣдка ходить въ этюдный классъ), и мы цѣлый день проводили одни. Надежда Николаевна была немного веселѣе обыкновеннаго, немного разговорчивѣе. Ободренный этимъ, я осмѣлился сказать:

— Надежда Николаевна, я до сихъ поръ не знаю, какъ ваша фамилія.

Она какъ будто не замѣтила моего вопроса. Неуловимая тѣнь пробѣжала по ея лицу, и, на мгновеніе сомкнувъ губы, какъ будто что-то поразило ее, она продолжала говорить. Она говорила тогда о Гельфрейхѣ, и я видѣлъ, что она подыскиваетъ сказать что-нибудь, чтобы заговорить меня и замять мой вопросъ. Наконецъ она замолчала.

— Надежда Николаевна,—сказалъ я:—скажите, за что вы не довѣряете мнѣ? Показалъ ли я хоть чѣмъ-нибудь...

— Оставьте это,—печально отвѣтила она.—Я не довѣряю вамъ? Полноте... Зачѣмъ мнѣ вамъ не довѣрять? Что̀ можете вы сдѣлать мнѣ дурного?

— Отчего же вы...

— Оттого, что не нужно. Пишите, пишите, скоро темно будетъ...—сказала она, стараясь говорить веселѣе.—И Семенъ Ивановичъ скоро придетъ; что̀ вы ему покажете? Вы сегодня почти ничего не сдѣлали. У насъ и такъ все время проходитъ въ разговорахъ.

— Успѣемъ... я усталъ... Если угодно, сойдите съ мѣста. Отдохните немного.

Она сошла съ мѣста и сѣла на стулъ, стоявшій въ углу. Я сѣлъ на другомъ концѣ комнаты. Мнѣ страстно хотѣлось разговориться съ нею, разспросить ее, но я чувствовалъ, что съ каждымъ сеансомъ это становится труднѣе и труднѣе. Я смотрѣлъ, какъ она сидѣла, сгорбатившись, охвативъ колѣни сжатыми руками и опустивъ неподвижные глаза въ какую-то точку пола. Одинъ изъ Сенечкиныхъ котовъ терся около ея платья и дружелюбно засматривалъ ей въ лицо, напѣвая свою добродушную и тихую пѣсенку. Она, казалось, оцѣпенѣла въ этой позѣ... Что̀ дѣлалось въ этой гордой и несчастной душѣ?

Гордой! Да, не пустое слово сорвалось у меня съ пера.

И тогда я уже думалъ, что ея гибель произошла оттого, что она не гнулась. Быть-можетъ, сдѣлавъ какую-нибудь уступку, она жила бы, какъ всѣ, была бы интересной барышней «съ загадочными глазами», потомъ вышла бы замужъ, потомъ погрузилась бы въ море безцѣльнаго существованія бокъ-о-бокъ съ супругомъ, занятымъ необычайно важными дѣлами на какой-нибудь службѣ. Она наряжалась бы, устраивала бы у себя журфиксы, воспитывала бы дѣтей («сынъ въ гимназіи, дочь въ институтѣ»), занималась бы слегка благотворительностью и, пройдя назначенный ей Господомъ путь, дала бы своему супругу случай увѣдомить на другой день въ «Новомъ Времени» о своемъ «душевномъ прискорбіи». Но она выбита изъ сѣдла. Что̀ же заставило ее сойти съ проторенной колеи жизни «порядочной женщины»? Я не зналъ этого и мучительно старался прочесть что-нибудь на ея лицѣ. Но оно оставалось неподвижно, все такъ же глаза ея были устремлены на одну точку.

— Я отдохнула, Андрей Николаевичъ,—вдругъ сказала она, поднявъ голову.

Я всталъ, посмотрѣлъ на нее, потомъ на холстъ, и отвѣтилъ:

— Я сегодня не могу больше работать, Надежда Николаевна.

Она взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но удержалась и молча вышла изъ комнаты, чтобы переодѣться. Помню, что я бросился въ кресло и закрылъ лицо руками. Тоскливое, непонятное мнѣ самому чувство влилось мнѣ въ грудь; смутное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго и страшнаго, страстное желаніе сдѣлать что-то, въ чемъ я самъ себѣ не могъ дать отчета, и нѣжность къ этому несчастному существу, вмѣстѣ съ какимъ-то боязливымъ ощущеніемъ, которое она поселяла во мнѣ своимъ присутствіемъ,—все слилось въ одно давящее впечатлѣніе, и я не помню, сколько времени провелъ я, погруженный почти въ полное забытье.

Когда я очнулся, она стояла передо мной уже одѣтая въ свое платье.

— До свиданья!

Я всталъ и подалъ ей руку.

— Подождите немного... Мнѣ хочется сказать вамъ кое-что.

— Что̀ такое?—спросила она озабоченно.

— Много, много, Надежда Николаевна... Посидите вы хоть одинъ разъ, Бога ради, не какъ натурщица.

— Не какъ натурщица? Чѣмъ я могу быть для васъ еще? Не дай Богъ быть мнѣ для васъ не натурщицей, а тѣмъ, чѣмъ я была... чѣмъ я есть, — быстро поправилась она. — Прощайте. Вы скоро кончите картину, Андрей Николаевичъ? — спросила она у дверей.

— Не знаю... Я думаю, еще недѣли двѣ или три я буду просить васъ бывать у меня.

Она молчала, какъ будто не рѣшаясь сказать мнѣ, что̀ хотѣла.

— Вамъ что-нибудь нужно, Надежда Николаевна?

— Не нужно ли еще кому-нибудь... изъ вашихъ товарищей... — проговорила она, запинаясь.

— Натурщицы?.. — перебилъ я. — Я постараюсь устроить это, непремѣнно постараюсь, Надежда Николаевна.

— Благодарю васъ. Прощайте.

Я не успѣлъ протянуть ей руку, какъ позвонили. Она поблѣднѣла и опустилась на стулъ. Вошелъ Безсоновъ.

X.

Онъ вошелъ, съ веселымъ, развязнымъ видомъ. Мнѣ показалось сперва, что онъ немного похудѣлъ за эти нѣсколько дней, въ которые мы не видѣлись; но черезъ минуту я подумалъ, что ошибся. Онъ весело поздоровался со мной, поклонился Надеждѣ Николаевнѣ, которая продолжала сидѣть на своемъ стулѣ, и заговорилъ очень оживленно:

— Я зашелъ посмотрѣть. Меня очень интересуетъ ваша работа. Мнѣ хочется узнать, дѣйствительно ли вы можете сдѣлать что-нибудь, даже и теперь, когда у васъ есть модель, лучше которой, кажется, вамъ ничего не нужно.

Онъ мелькомъ взглянулъ на Надежду Николаевну. Она сидѣла попрежнему. Я ожидалъ, что она уйдетъ, и мнѣ хотѣлось этого, но она оставалась, какъ прикованная къ своему стулу, молча, и не спускала глазъ съ Безсонова.

— Это правда, — отвѣтилъ я. — Лучше мнѣ ничего не нужно. Я очень благодаренъ Надеждѣ Николаевнѣ за ея согласіе.

Говоря это, я откатилъ мольбертъ отъ стѣны и поставилъ его, какъ слѣдуетъ.

— Можете смотрѣть, — сказалъ я.

Онъ впился въ картину глазами. Я видѣлъ, что она поразила его, и мое авторское самолюбіе было пріятно задѣто.

Надежда Николаевна вдругъ встала.

— До свиданья, — сказала она глухо.

Безсоновъ порывисто обернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ней.

— Куда же вы, Надежда Николаевна? Я такъ давно васъ не видѣлъ, и когда встрѣтился съ вами здѣсь почти случайно, вы какъ будто бѣжите отъ меня. Подождите хоть немного, хоть пять минутъ: мы выйдемъ вмѣстѣ, и я провожу васъ. Я никакъ не могъ васъ найти. На вашей прежней квартирѣ мнѣ сказали, что вы уѣхали изъ города; я зналъ, что это неправда. Я справлялся въ адресномъ столѣ, но тамъ еще не было вашего адреса. Я хотѣлъ справиться еще разъ завтра, надѣясь, что вашъ адресъ тамъ уже долженъ быть; но теперь, конечно, это не нужно: вы сами скажете, гдѣ живете; я провожу васъ.

Онъ говорилъ быстро и съ новымъ, неизвѣстнымъ еще для меня въ его устахъ оттѣнкомъ нѣжности. Какъ непохожъ былъ его настоящій тонъ на тотъ, которымъ онъ говорилъ съ Надеждой Николаевной въ тотъ вечеръ, когда мы съ Гельфрейхомъ столкнулись съ ними обоими!

— Не нужно, Сергѣй Васильевичъ, благодарю васъ, — отвѣтила Надежда Николаевна: — я дойду и одна. Провожатыхъ мнѣ не нужно, а... съ вами,—тихо договорила она:— мнѣ говорить не о чемъ.

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, хотѣлъ сказать что-то, но только одинъ какой-то странный звукъ вылетѣлъ изъ его груди. Я видѣлъ, что онъ сдерживаетъ себя... Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и потомъ, обернувшись къ ней, тихо сказалъ:

— Ступайте... Если я вамъ не нуженъ, тѣмъ лучше для насъ обоихъ... можетъ-быть, для всѣхъ троихъ...

Она ушла, слабо пожавъ мою руку; мы остались одни. Скоро пришелъ Гельфрейхъ; я предложилъ Безсонову остаться съ нами обѣдать. Онъ отвѣчалъ не сразу, занятый какою-то мыслью, но потомъ вдругъ опомнился и сказалъ:

— Обѣдать? Пожалуй... Я давно у васъ не былъ. Я хотѣлъ бы сегодня разговориться.

И онъ дѣйствительно разговорился. Въ началѣ обѣда онъ большею частью молчалъ или давалъ отрывистыя реплики Сенечкѣ, безъ умолку говорившему о своихъ котахъ, которыхъ онъ непремѣнно броситъ, и о томъ, что нужно же наконецъ приняться за настоящую работу; но потомъ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ двухъ стакановъ вина, оживленіе Гельфрейха сообщилось и ему, и я долженъ сказать, что никогда не видѣлъ его такимъ живымъ и краснорѣчи-

вымъ, какъ за этимъ обѣдомъ и въ тотъ вечеръ. Подъ конецъ онъ вполнѣ овладѣлъ разговоромъ и читалъ намъ цѣлыя лекціи о внутренней и внѣшней политикѣ; два года писанья передовыхъ статей по всевозможнымъ вопросамъ сдѣлали его способнымъ говорить весьма свободно обо всѣхъ этихъ вещахъ, о которыхъ мы съ Гельфрейхомъ, занятые своими этюдами, знали очень мало.

— Семенъ Иванычъ, — сказалъ я, когда ушелъ Безсоновъ: — вѣдь Безсонову извѣстна фамилія Надежды Николаевны.

— Почему ты знаешь? — спросилъ Гельфрейхъ.

Я разсказалъ ему сцену, происходившую до его прихода.

— Что же ты не спросилъ его? Впрочемъ, я понимаю; я узнаю самъ...

Почему я въ самомъ дѣлѣ не спросилъ Безсонова? Я и теперь не могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Тогда я еще ничего не понималъ въ отношеніяхъ его къ Надеждѣ Николаевнѣ. Но смутное предчувствіе чего-то необыкновеннаго и таинственнаго, что̀ должно было случиться между этими людьми, уже и тогда наполняло меня. Я хотѣлъ остановить Безсонова въ его горячей рѣчи объ оппортюнизмѣ, хотѣлъ прервать его изложеніе спора о томъ, развивается ли въ Россіи капитализмъ или не развивается, но всякій разъ слово останавливалось у меня въ горлѣ.

Я сказалъ это Гельфрейху. Я сказалъ ему это такъ:

— Я самъ не знаю, что̀ мѣшаетъ мнѣ говорить о ней просто. Между ними что-то есть. Я не знаю что̀...

Сенечка, ходившій по комнатѣ, помолчалъ, подошелъ къ темному окну и, смотря куда-то въ черное пространство, отвѣтилъ:

— А я знаю. Онъ презиралъ ее, а теперь начинаетъ любить. Потому что видитъ... О, какое черствое, эгоистическое сердце, и завистливое сердце у этого человѣка, Андрей! — воскликнулъ онъ, обратясь ко мнѣ и потрясая обѣими руками. — Берегись, Андрей!..

Завистливое сердце? Завистливое... Чему оно можетъ завидовать?

XI.

Изъ дневника Безсонова. Вчера Лопатинъ съ Гельфрейхомъ встрѣтили насъ съ Надей. Вопреки моему желанію, они познакомились. Сегодня утромъ я поѣхалъ къ нему и хотѣлъ не допустить этого сближенія, но не былъ въ состояніи ничего сдѣлать. Они будутъ видѣться, бу-

дутъ каждый день просиживать по нѣскольку часовъ вмѣстѣ, и я знаю, чѣмъ это кончится.

Я тщетно стараюсь рѣшить вопросъ, почему я принялъ такое горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Не все ли мнѣ равно? Положимъ, я знаю Лопатина много лѣтъ и, кажется, искренно симпатизирую этому талантливому юношѣ. Я не хотѣлъ бы ему зла, а сближеніе съ падшей женщиной, прошедшей огонь и воду, это — зло, особенно для такой нетронутой натуры, какъ онъ. Я знаю эту женщину сравнительно давно. Я узналъ ее, когда она уже была тѣмъ, что̀ есть. Я долженъ признаться передъ самимъ собою, что было время, когда слабость овладѣла мною, и я, увлеченный ея не совсѣмъ обыкновенной внѣшностью и, какъ мнѣ казалось, недюжиннымъ внутреннимъ содержаніемъ, думалъ о ней больше, чѣмъ бы слѣдовало. Но скоро я побѣдилъ себя. Зная уже давно, что легче «верблюду пройти въ игольное ушко», чѣмъ женщинѣ, вкусившей этого яда, вернуться къ нормальной и честной жизни, и, присматриваясь къ ней самой, я убѣдился, что въ ней нѣтъ никакихъ задатковъ для того, чтобы она могла составить исключеніе изъ общаго правила, и съ болью въ душѣ я рѣшилъ предоставить ее судьбѣ. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ съ нею видѣться.

Никогда не прощу себѣ ошибки, сдѣланной мною въ тотъ вечеръ, когда Лопатинъ пришелъ жаловаться на свою неудачу. Я проговорился ему, сказавъ, что у меня есть на примѣтѣ субъектъ, годный въ натурщицы. Не понимаю, какъ Гельфрейхъ не сообщилъ ему объ этомъ раньше: онъ знаетъ ее такъ же давно, какъ и я, если не дольше

Моя неосторожность и запальчивость сегодня погубили все дѣло. Слѣдовало быть мягче; я же вывелъ этого мягкосердечнаго человѣка изъ себя. Онъ схватилъ какое-то копье и воткнулъ его въ полъ, такъ что стекла задрожали, и я, видя, что онъ раздраженъ до послѣдней степени, долженъ былъ уйти.

Я нѣсколько дней не видѣлъ Лопатина. Вчера встрѣтилъ на улицѣ Гельфрейха и осторожно навелъ разговоръ на его пріятеля.

Она бываетъ у него каждый день; картина подвигается быстро. Какъ она себя ведетъ? Скромно, съ достоинствомъ. Всегда молчитъ. Одѣта въ черное, бѣдно. Беретъ за сеансы деньги. Ну, а Лопатинъ очень радъ, что нашелъ себѣ такую натурщицу; сначала очень повеселѣлъ, а теперь немного задумывается.

— Я не знаю, Безсоновъ, почему вы такъ интересуетесь

всѣмъ этимъ, — сказалъ мнѣ въ заключеніе горбатый. — Вы никогда не принимали въ этой женщинѣ никакого участія. А было время, когда вы легко могли бы спасти ее... Теперь уже, конечно, поздно... то-есть поздно для васъ...

Поздно для васъ!.. Поздно для васъ!.. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Не то ли, что если поздно для меня, то не поздно для его друга? Глупцы!

Какъ! И этотъ Гельфрейхъ, который считаетъ себя его другомъ, который знаетъ лучше, чѣмъ я, его отношенія къ сестрѣ-невѣстѣ — и онъ не понимаетъ, какое зло творять они? Они не спасутъ эту женщину; Лопатинъ разобьетъ сердце любящей дѣвушки и свое...

Я чувствую, что я долженъ, обязанъ сдѣлать что-нибудь. Я пойду завтра къ Лопатину днемъ и постараюсь убѣдиться самъ, какъ далеко зашло дѣло. А сегодня отправлюсь къ ней.

Я былъ у нея и не нашелъ: она переѣхала неизвѣстно куда. Мнѣ сказали, что она распродала свои платья. Я попробовалъ искать ее, но, несмотря на адресный столъ и услуги дворниковъ, не могъ найти ея слѣда. Завтра иду къ Лопатину.

Необходимо оставить свой прежній образъ дѣйствій. Я ошибся въ Лопатинѣ: я думалъ, судя по его мягкости, что съ нимъ можно говорить повелительнымъ тономъ; нужно сказать, что прежнія наши отношенія до нѣкоторой степени оправдывали такое мнѣніе. Необходимо, не трогая его, дѣйствовать на эту женщину. Было время, когда она, казалось мнѣ, была нѣсколько заинтересована мною. Я думаю, что, если я приложу хоть немного старанія, я разлучу ихъ. Быть-можетъ, я разбужу въ ней старое чувство, и она пойдетъ за мною.

Ухаживать за Надеждой Николаевной! Эта мысль дика для меня самого, но я останавливаюсь на ней. Я чувствую себя не въ правѣ допустить паденіе Лопатина и разрушеніе всей его жизни.

Эта женщина смѣется надо мною. Я обратился къ ней со всею нѣжностью, на которую я только способенъ; я даже, можетъ-быть, говорилъ съ нею унизительнымъ для себя тономъ, и она ушла, сказавъ нѣсколько обидныхъ и презрительныхъ словъ.

Она удивительно измѣнилась. Это блѣдное лицо пріобрѣло какой-то отпечатокъ достоинства, совершенно не идущій къ ея общественному положенію. Она скромна и въ то же время

какъ будто бы горда. Чѣмъ ей гордиться? Пристально вглядываясь въ лицо Лопатина, я думалъ прочесть на немъ исторію его отношеній къ ней. Ничего особеннаго: онъ нѣсколько возбужденъ, но, повидимому, только своей картиной. Это будетъ превосходная вещь. Она стоитъ въ холстѣ, какъ живая.

Я пересилилъ свой гнѣвъ и, не показавъ вида, что считаю себя оскорбленнымъ, остался съ Лопатинымъ и Гельфрейхомъ. Мы разговорились, и они внимательно слушали мои поученія, касавшіяся разныхъ предметовъ, которыми я въ настоящее время занятъ.

Но что же дѣлать? Оставить дѣло итти такъ, какъ оно идетъ? Однажды я далъ Лопатину обѣщаніе не впутывать въ это дѣло его сестры, Софьи Михайловны. Я, конечно, долженъ сдержать свое обѣщаніе. Но не могу ли я написать своей матери? Она хотя рѣдко, но видится съ Софьей Михайловной и можетъ разсказать ей. Я не измѣню слову и въ то же время...

Да, предоставлять такое дѣло самому себѣ не слѣдуетъ; я не имѣю на это никакого права. А эту женщину я заставлю отказаться отъ ея добычи какими бы то ни было средствами... Нужно только узнать, гдѣ она живетъ. Тогда я поговорю съ нею... А теперь оставлю все это и примусь за свою работу. Въ пустой и безцѣльной толчеѣ, которую мы всѣ называемъ жизнью, есть только одно истинное, безотносительное счастье: удовлетвореніе работника, когда онъ, погруженный въ свой трудъ, забываетъ всѣ мелочи жизни и потомъ, окончивъ его, можетъ сказать себѣ съ гордостью: да, сегодня я создалъ благое.

XII.

Записки Лопатина. Шесть дней прошло послѣ свиданія съ Безсоновымъ, а Надежда Николаевна не приходила ко мнѣ. Она прислала только записку, въ которой просила извиненія и ссылалась на какія-то дѣла.

Я показалъ записку Гельфрейху, и мы оба рѣшили, что она нездорова. Нужно было во что бы то ни стало найти ее. Если бы мы знали ея фамилію, можно было бы найти ея адресъ въ адресномъ столѣ; но ни онъ ни я не знали ея фамиліи. Спрашивать Безсонова было безполезно. Я отчаивался, но Семенъ Иванычъ обѣщалъ мнѣ сыскать ее «хоть на днѣ морскомъ». Вставъ на другой день рано утромъ, онъ одѣлся съ какимъ-то озабоченнымъ и рѣшительнымъ видомъ, точно шелъ на опасную экспедицію, и исчезъ на цѣлый день.

Оставшись одинъ, я попробовалъ работать; работа не шла. Я досталъ съ полки книгу и началъ читать. Слова и мысли проходили черезъ мою голову, не оставляя слѣда. Я напрягалъ свое вниманіе всѣми силами и все-таки не могъ одолѣть нѣсколькихъ страницъ.

Я закрылъ эту книгу—умную и хорошую книгу, которую нѣсколько дней тому назадъ читалъ, хотя съ трудомъ, но съ увлеченіемъ и радостью, какія всегда доставляетъ хорошее чтеніе, и пошелъ бродить по городу.

Полусознательная смутная надежда встрѣтить если не Надежду Николаевну, то хоть кого-нибудь, кто далъ бы мнѣ какое-нибудь указаніе, все время не покидала меня, и я все время внимательно всматривался въ прохожихъ и не разъ переходилъ на другую сторону улицы, завидя женщину, сколько-нибудь напоминавшую мнѣ знакомый образъ. Но я не встрѣтилъ никого, кромѣ капитана Грумъ-Скжебицкаго, въ четвертомъ часу дня (былъ конецъ декабря, и уже темнѣло) прогуливавшагося по Невскому проспекту съ важнымъ и осанистымъ видомъ. Было очень тепло; капитанъ шелъ въ довольно щегольскомъ мѣховомъ пальто, разстегнутомъ и раскрытомъ около шеи; цвѣтной атласный галстукъ съ яркой булавкой выглядывалъ изъ мѣха; шляпа капитана блестѣла, какъ полированная, а рукой, обтянутой въ модную желтую перчатку съ толстыми черными швами, онъ опирался на трость съ большимъ костянымъ набалдашникомъ.

Увидѣвъ меня, онъ пріятно и снисходительно улыбнулся и, сдѣлавъ пріятное движеніе рукой, подошелъ ко мнѣ.

— Радъ видѣть мосьё Лопатина,—сказалъ онъ.—Весьма пріятная встрѣча.

Онъ пожалъ мнѣ руку и въ отвѣтъ на мой вопросъ о здоровьѣ продолжалъ:

— Благодарю васъ. Фланируете или же спѣшите куданибудь? Если справедливо первое, то не пройдетесь ли со мною? Охотно повернулъ бы вмѣстѣ съ вами, но привычка, мосьё Лопатинъ! Гуляю ежедневно и прохожу Невскій два раза туда и назадъ. Это законъ.

Я хотѣлъ вернуться домой и поэтому пошелъ съ капитаномъ. Онъ съ достоинствомъ поддерживалъ разговоръ.

— Сегодня вторая пріятная встрѣча, — сказалъ онъ. — Видѣлся я также на Невскомъ съ господиномъ Безсоновымъ и узналъ, что онъ также вамъ пріятель.

— Какъ, капитанъ, вы и Безсонова знаете?

— Вы спросите у меня, кого я не знаю! — отвѣтилъ ка-

питанъ, пожимая плечами.— И господинъ Безсоновъ, будучи студентомъ, жилъ въ моемъ отелѣ. Мы были хорошими друзьями, благородное слово. Кто только ни жилъ у меня, мосьё Лопатинъ! Многіе знатные теперь инженеры, юристы и писатели знаютъ капитана. Да, весьма многіе извѣстные люди помнятъ меня.

И при этомъ капитанъ вѣжливо раскланялся съ быстро проходившимъ мимо господиномъ, съ озабоченнымъ и умнымъ лицомъ. Господинъ молча выразилъ на лицѣ недоумѣніе, но потомъ улыбнулся и дружелюбно кивнулъ капитану.

— Не забываетъ старыхъ друзей, а уже въ высокихъ чинахъ, мосьё Лопатинъ, этотъ господинъ. Извѣстный инженеръ Петрищевъ. Тоже у меня жилъ студентомъ.

— А Безсоновъ? — спросилъ я.

— И Безсоновъ прекрасный господинъ. Нѣсколько слабый относительно прекрасныхъ глазъ слабаго пола... —прибавилъ капитанъ, нагибаясь къ моему уху.

Я почувствовалъ, что сердце у меня забилось сильнѣе. Мнѣ показалось, что капитанъ долженъ знать что-нибудь и о Надеждѣ Николаевнѣ.

Капитанъ опять раскланялся съ какимъ-то знакомымъ и продолжалъ:

— Да, если бы это не былъ такой прекрасный молодой человѣкъ, я бы съ нимъ поссорился, панъ Лопатинъ. Но я помню свою молодость, да кромѣ того старый солдатъ и теперь еще неравнодушенъ къ глазамъ прекраснымъ.

Онъ взглянулъ на меня искоса и подмигнулъ; прищуренные глазки его сдѣлались немного масляными

— Капитанъ, — началъ я: — я очень радъ, что вы знакомы съ Безсоновымъ... Я, видите ли, не зналъ этого.

— Да, онъ жилъ у меня весьма недолго.

— Не былъ ли онъ знакомъ...

Мнѣ вдругъ стало ужасно совѣстно. Что-то остановило мой языкъ, готовый произнести имя Надежды Николаевны. Я посмотрѣлъ на капитана, впившагося въ меня своими внезапно измѣнившими выраженіе глазами. Теперь онъ былъ похожъ на ястреба.

— Впрочемъ, вы, вѣроятно, не знаете. Извините, — смущенно докончилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня, придалъ лицу своему самое безпечное выраженіе и помахалъ тростью.

— Да, старому солдату есть что̀ вспомнить...—продолжалъ онъ, какъ будто бы я у него ничего не спрашивалъ. — Шестой десятокъ начинается, — прибавилъ онъ, печально по-

качавъ головой.—Завидую, признаться вамъ, мосьё Лопатинъ, но завидую только вашимъ юнымъ годамъ.

— Гдѣ вы служили, капитанъ? — спросилъ я, вспомнивъ слова Гельфрейха.

Капитанъ внезапно еще разъ совершенно измѣнился. Его лицо сдѣлалось озабоченно серьезнымъ. Онъ посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво, обернулся назадъ и близко нагнулся къ моему лицу, такъ что даже задѣлъ меня за ухо усомъ.

— Между нами, какъ между благородными людьми! Вы видите, панъ Лопатинъ, передъ собою бойца Мѣхова и Опатова!

И онъ, отступивъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня взоромъ, который, какъ казалось, требовалъ изумленія. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы придать своему лицу приличное случаю выраженіе.

— Это тайна, которую я довѣряю только весьма близкимъ друзьямъ... — опять прошепталъ капитанъ, нагнувшись, и, снова отпрянувъ отъ меня, устремилъ на меня торжествующій взоръ.

Мнѣ осталось только выразить ему благодарность за довѣріе и распрощаться съ нимъ, такъ какъ мы подходили къ Полицейскому мосту.

Я былъ недоволенъ собою; я чуть не назвалъ имени Надежды Николаевны этому человѣку, къ которому не чувствовалъ ни малѣйшаго довѣрія.

Когда я вернулся домой, Алексѣевна объявила мнѣ, что «нашъ кошатникъ» еще не приходилъ. Она подала мнѣ обѣдать и стала у дверей, выражая на лицѣ своемъ горькое соболѣзнованіе по случаю моего малаго аппетита.

— Что жъ ваша-то, Андрей Николаевичъ, не ходитъ?— спросила она.

— Заболѣла, должно-быть, Алексѣевна.

Она покачала головой и, тяжело вздохнувъ, вышла въ кухню, чтобы принести мнѣ чаю. Я давно уже не обѣдалъ иначе, какъ съ Гельфрейхомъ, и мнѣ было очень скучно.

XIII.

Послѣ обѣда принесли письмо отъ Сони.

Я никогда ничего не скрывалъ отъ нея. Когда я умру,— а это случится скоро: смерть уже не подкрадывается ко мнѣ, а подходитъ твердыми шагами, шумъ которыхъ я ясно слышу въ безсонныя ночи, когда мнѣ становится хуже, и

меня больше мучатъ и болѣзнь и воскресающее былое, — когда я умру и она прочтетъ эти записки, пусть знаетъ, что никогда, никогда я не лгалъ передъ нею. Я писалъ ей обо всемъ, что̀ думалъ и чувствовалъ, и развѣ только то, чего я самъ не подозрѣвалъ въ душѣ, или въ чемъ не сознавался передъ самимъ собою, хотя смутно чувствовалъ, не попадало въ мои длинныя письма.

Но она знала меня. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, она чуткой, любящей душой поняла то, въ чемъ я не смѣлъ себѣ сознаться, что̀ ни разу не сказалось въ моей головѣ опредѣленными словами.

«Ты любишь ее, Андрей. Дай Богъ тебѣ счастья...»

Я не могъ читать дальше. Какая-то большая волна нахлынула на меня, вошла въ меня и почти лишила сознанія. Я опустился на спинку кресла и, держа въ рукахъ письмо, долго сидѣлъ, закрывъ глаза и неподвижный, чувствуя только, какъ эта волна зашумѣла и бушевала въ моей душѣ.

Это была правда: я любилъ ее. Я не испыталъ еще до сихъ поръ этого чувства. Я называлъ любовью свою привязанность къ сестрѣ; я готовъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться ея мужемъ и, можетъ-быть, былъ бы счастливъ съ нею; я не повѣрилъ бы, если бъ мнѣ сказали, что я могу полюбить другую женщину. Мнѣ казалось, что судьба моя рѣшена: «вотъ жена твоя, — сказалъ мнѣ Господь: — и у тебя не должно быть другой», — и въ этомъ я утвердился, спокойный за будущее и увѣренный въ своемъ выборѣ. Любить другую женщину казалось мнѣ ненужной и недостойной прихотью.

И вотъ пришло это странное и несчастное созданье, съ разбитой жизнью и страданьемъ въ глазахъ; жалость сперва овладѣла мною; негодованіе противъ человѣка, выражавшаго къ ней презрѣніе, сильнѣе заставило меня взять ея сторону, а потомъ... Потомъ я не знаю, какъ это случилось... Но Соня была права: я любилъ ее мучительною и страстною первою любовью человѣка, до двадцати пяти лѣтъ не знавшаго любви. Я хотѣлъ бы вырвать ее изъ ужаса, въ которомъ она терзалась, унести на своихъ рукахъ куда-нибудь далеко, убаюкать ее на своей груди, чтобы она могла забыться, оживить это убитое лицо улыбкой счастья... И Соня сказала мнѣ все это одной строчкой своего письма...

«Обо мнѣ не думай. Я не хочу сказать: забудь меня совсѣмъ, но только то, чтобы не думалъ о моемъ страданіи. Я не стану жаловаться на свое разбитое сердце — и знаешь, почему? Потому что оно вовсе не разбито. Я

привыкла смотрѣть на тебя, какъ на брата и какъ на жениха: первое было настоящее, а второе, кажется, люди выдумали и навязали намъ. Я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ; я могла бы и не писать этого, потому что ты это знаешь самъ; но когда я прочла твое послѣднее письмо и сказала себѣ правду о тебѣ и Надеждѣ Николаевнѣ—повѣрь мнѣ, дорогой мой, что ни капли горечи не влилось въ мое чувство. Я поняла, что я для тебя сестра, а не жена; поняла это изъ своей радости за твое счастье — радости, смѣшанной со страхомъ за тебя. Я не скрываю этого страха; но дай Богъ тебѣ спасти ее, и быть счастливымъ, и сдѣлать ее счастливой.

«Изъ того, что̀ ты писалъ мнѣ о Надеждѣ Николаевнѣ, я думаю, что она достойна твоей любви»...

Я читалъ эти строки, и новое радостное чувство понемногу овладѣвало мною. Я не раздѣлялъ страха Сони: чего было мнѣ бояться? Какъ и когда это случилось — я не знаю, но я повѣрилъ въ Надежду Николаевну. Вся ея прошлая жизнь, которой я не зналъ, ея паденіе — единственное, что̀ я зналъ изъ ея жизни — казались мнѣ чѣмъ-то случайнымъ, не настоящимъ, какой-то ошибкой судьбы, въ которой Надежда Николаевна не была виновата. Что-то налетѣло на нее, закружило ее, сбило съ ногъ и повалило въ грязь, и я подниму ее изъ этой грязи, прижму къ сердцу и успокою около него эту изстрадавшуюся жизнь.

Сильный порывистый звонокъ заставилъ меня вздрогнуть. Не знаю самъ почему, не дождавшись, пока Алексѣевна, шлепая туфлями, прибредетъ, чтобы отворить дверь, я кинулся къ ней и отодвинулъ засовъ. Дверь распахнулась, и Семенъ Иванычъ, схвативъ меня обѣими руками, припрыгивалъ на мѣстѣ и кричалъ радостнымъ и визгливымъ голосомъ:

— Андрей, привелъ, привелъ, привелъ!..

За нимъ стояла темная фигура. Я кинулся къ ней, схватилъ ея дрожащія руки и началъ цѣловать ихъ, не слушая, что̀ она говоритъ мнѣ взволнованнымъ, сдерживающимъ рыданія голосомъ.

XIV.

Мы долго просидѣли втроемъ въ этотъ памятный для меня вечеръ. Мы говорили, шутили, смѣялись; Надежда Николаевна была спокойна и даже какъ будто весела. Я не разспрашивалъ Гельфрейха, гдѣ и какъ онъ ее нашелъ, и онъ самъ не заикнулся объ этомъ ни однимъ словомъ.

Между мною и ею не было сказано ничего, что намекало бы на то, что̀ я передумалъ и перечувствовалъ передъ ея приходомъ. Я не могу сказать, чтобы скромность или нерѣшительность заставляли меня сдерживаться: я просто считалъ это ненужнымъ и лишнимъ; я боялся растревожить ея израненную душу. Я былъ разговорчивъ и веселъ, какъ никогда; Гельфрейхъ изъявлялъ какой-то шумный восторгъ, сіялъ, болталъ безъ умолку и иногда своими выходками заставлялъ улыбаться Надежду Николаевну. Алексѣевна накрыла столъ и принесла самоваръ. Устроивъ все, какъ слѣдуетъ, она стала у притолки и, подперши одну щеку рукою, нѣсколько минутъ смотрѣла на всѣхъ насъ и на то, какъ Надежда Николаевна заваривала чай и хозяйничала.

— Вамъ нужно что-нибудь, Алексѣевна? — спросилъ я.

— Ничего, милый, мнѣ не нужно, такъ посмотрѣть на васъ только... Ужъ и обидѣлся! — сказала она: — нельзя старухѣ и постоять! Вотъ смотрю, какъ у васъ барышня замѣсто хозяйки. Такъ-то оно хорошо!

Надежда Николаевна опустила голову.

— Видишь ты, какъ славно. А то все мужчины да мужчины: и чай разливать, и все. Ужъ и мнѣ-то безъ хозяйки скучно стало, Андрей Николаевичъ, правду тебѣ сказать, ужъ ты извини меня...

Она повернулась и засѣменила своими ногами по коридору. Наша веселость пропала. Надежда Николаевна встала и начала ходить по комнатѣ.

Моя картина стояла въ углу. За эти нѣсколько дней я не подходилъ къ ней, и краски успѣли высохнуть. Надежда Николаевна долго смотрѣла на свое изображеніе и потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказала съ улыбкой:

— Ну, теперь мы скоро кончимъ. Я не стану дѣлать вамъ такихъ перерывовъ. Она будетъ готова задолго до выставки.

— Какъ вы похожи! — вставилъ Сенечка.

Она вдругъ остановилась, какъ будто внезапная мысль помѣшала ей говорить, и съ нахмуреннымъ лицомъ отошла отъ картины.

— Надежда Николаевна, что̀ съ вами? Опять нахмурились! — сказалъ я.

— Ничего особеннаго, Андрей Николаевичъ. Я дѣйствительно очень похожа на этой картинѣ. Мнѣ пришло въ голову, что меня знаютъ многіе, слишкомъ многіе... Я представляю себѣ, какъ это будетъ...

Она тяжело дышала, и слезы стояли у нея на глазахъ.

— Я думаю, сколько придется вамъ услышать толковъ, вопросовъ!—продолжала она.—«Кто она? Откуда вы ее взяли?» И будутъ спрашивать люди, которые знаютъ, кто я и откуда меня можно было взять...

— Надежда Николаевна...

— Вы не погнушались мною, Андрей Николаевичъ, вы и мой милый Сенечка; вы посмотрѣли на меня, какъ на человѣка... Въ первый разъ за три года это случилось. Я не вѣрила себѣ... Знаете ли, отчего я ушла отъ васъ? Я думала (простите меня за это), я думала, что вы, какъ и всѣ. Я думала: вотъ и я, мое лицо, мое тѣло пригодилось къ чему-нибудь нужному, и поэтому пришла къ вамъ. Картина подходила къ концу, вы были со мной вѣжливы и деликатны; я уже отвыкла отъ такого отношенія и не вѣрила себѣ. Я не хотѣла испытать одного удара, потому что отъ этого удара мнѣ было бы очень больно, очень больно...

Она сѣла въ глубокое кресло и приложила платокъ къ глазамъ.

— Простите меня,—продолжала она.—Я не вѣрила вамъ, я съ ужасомъ ждала той минуты, когда вы наконецъ посмотрите на меня тѣмъ взглядомъ, къ которому я уже слишкомъ привыкла за эти три года, потому что никто за эти три года не смотрѣлъ мнѣ въ лицо иначе...

Она остановилась; лицо ея судорожно исказилось, и губы задрожали. Она смотрѣла въ дальній уголъ комнаты, какъ будто бы видѣла тамъ что-то.

— Былъ одинъ, только одинъ, который смотрѣлъ не такъ, какъ всѣ... и не такъ, какъ вы. Но я...

Мы съ Гельфрейхомъ слушали ее, затаивъ дыханіе.

— Но я убила его...—едва слышно выговорила она.

И страшный приступъ отчаянія овладѣлъ ею; вопль вырвался изъ измученной груди, и жалкія, дѣтскія рыданія огласили комнату.

XV.

Изъ дневника Безсонова. Я жду, что̀ будетъ. Я былъ недавно тамъ и видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Всей силы воли, какая у меня есть, было недостаточно, чтобы продолжать носить на себѣ надѣтую мною маску равнодушія и вѣжливости: я почувствовалъ, что если пробуду еще четверть часа, то сброшу ее и покажу имъ самого себя.

Эту женщину нельзя узнать. Я помню ее три года и привыкъ видѣть въ ней то, чѣмъ она была въ эти года. Теперь я вижу происшедшую въ ней перемѣну, и не пони-

маю ея, и не знаю, истинна ли эта перемѣна, и не составляетъ ли она только роли, искусно разыгрываемой привыкшимъ къ обману себя и другихъ презрѣннымъ существомъ.

Я ничего не понялъ въ ихъ отношеніяхъ. Я не знаю даже, сдѣлалась ли она его любовницей. Думаю почему-то, что нѣтъ. И если это правда, то она искуснѣе, чѣмъ я думалъ. Къ чему она стремится? Сдѣлаться его женой?

Я перечиталъ эти нѣсколько строкъ и вижу, что все, написанное въ нихъ, неправда, кромѣ того, что она измѣнилась. Я самъ, три года тому назадъ, видѣлъ въ ней что-то не совсѣмъ обыкновенное, рѣдко встрѣчающееся среди женщинъ въ ея положеніи. Я самъ чуть не принялъ на себя роль спасителя, которую теперь великодушно разыгрываетъ Лопатинъ. Но я былъ опытнѣе тогда, чѣмъ онъ теперь: я зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, и отступилъ, даже не пробуя сдѣлатъ что-нибудь. Ея натура представляла, кромѣ общихъ препятствій въ этомъ отношеній, одно специальное: это—какое-то страшное упорство и дерзость. Я увидѣлъ, что она махнула рукой на все и воспротивится при первой же моей попыткѣ. Я не сдѣлалъ этой попытки.

Сдѣлалъ ли ее Лопатинъ? Не знаю. Вижу только, что эту женщину нельзя узнать. Что она бросила свою прежнюю жизнь—я знаю навѣрное. Она переѣхала въ какую-то каморку, куда не пускаетъ ни Гельфрейха ни этого спасителя, ходитъ на сеансы къ нему и кромѣ того шьетъ. Она живетъ очень бѣдно. Она похожа теперь на пьяницу, давшаго зарокъ не пить. Выдержитъ ли она его? Поможетъ ли ей въ этомъ этотъ сентиментальный артистъ, не видѣвшій жизни, ничего въ ней не понимающій?

Вчера я написалъ матери подробное письмо. Она, навѣрное, сдѣлаетъ все такъ, какъ я предполагаю,—женщины любятъ вмѣшиваться въ подобныя исторіи,—и передастъ все Софьѣ Михайловнѣ. Можетъ-быть, хоть это спасетъ его.

Спасти его! Отчего я забочусь объ этомъ спасеніи? Первый разъ въ жизни я такъ глубоко задѣтъ чужими дѣлами. Не все ли мнѣ равно, сойдется ли Лопатинъ съ этой женщиной, или нѣтъ, вытащитъ ли ее изъ грязи, или самъ опустится до нея и въ безплодныхъ попыткахъ разобьетъ свою жизнь, зароетъ и заброситъ свой талантъ? Я непривыкъ рефлектировать, копаться въ своей душѣ; мнѣ въ первый разъ въ жизни приходится глубоко заглядывать въ нее и подробно анализировать свои чувства. Я не могу понять, что̀ происходитъ въ моей душѣ теперь и что̀ заставляетъ меня выходить изъ себя. Я думалъ (и теперь думаю), что только

безкорыстное желаніе предотвратить крупное несчастье человѣка, къ которому я расположенъ... Но, внимательно вслушиваясь въ свои мысли, я вижу, что тутъ что-то не такъ. Отчего я, желая спасти его, думаю больше о ней? Отчего ея лицо, когда-то буйное и задорное, а теперь поникшее и кроткое, представляется моему воображенію каждую минуту? Отчего она, а не онъ, наполняетъ мою душу страннымъ чувствомъ, въ которомъ я никакъ не могу разобраться и въ которомъ преобладаютъ недобрыя чувства? Да, быть-можетъ, это правда, я не столько хочу ему сдѣлать добро, сколько ей...

— Чего? Зла? Нѣтъ, я не хочу сдѣлать ей зла. И между тѣмъ я хотѣлъ бы оторвать ее отъ него, лишить ее этого покровительства, въ которомъ, быть-можетъ, вся ея надежда... О, неужели я хотѣлъ бы стать на мѣсто Лопатина!

Я долженъ видѣть ее сегодня. Вся эта исторія не даетъ мнѣ спокойно жить и спокойно трудиться. Моя работа идетъ вяло, и въ эти двѣ недѣли я не сдѣлалъ и столько, сколько въ прежнее время дѣлалъ въ два дня. Нужно какъ-нибудь покончить этотъ вопросъ; объясниться, объяснить все самому себѣ... и что̀ же потомъ?

Отступить? Никогда! Вся моя гордость подымается при одномъ такомъ предположеніи. Я нашелъ ее. Я могъ спасти и не захотѣлъ. Теперь я хочу.

XVI.

З а п и с к и Л о п а т и н а. Гельфрейхъ побѣжалъ за докторомъ, жившимъ на одной съ нами лѣстницѣ; я принесъ воды, и скоро истерическій припадокъ прошелъ. Надежда Николаевна сидѣла въ углу дивана, на который мы съ Гельфрейхомъ перенесли ее, и только изрѣдка тихонько всхлипывала. Я боялся потревожить ее и ушелъ въ другую комнату.

Не найдя доктора, Семенъ Иванычъ пришелъ назадъ и засталъ ее уже успокоившеюся.

Она собралась итти домой, и онъ изъявилъ желаніе проводить ее. Она пожала мою руку, смотря мнѣ прямо въ глаза своими, полными слезъ, глазами, и я видѣлъ на ея лицѣ какую-то боязливую благодарность.

Прошла недѣля, другая, мѣсяцъ. Наши сеансы продолжались. Сказать по правдѣ, я старался растянуть ихъ; я не знаю, понимала ли она, что я дѣлаю это съ намѣреніемъ, но только она часто торопила меня. Она стала спокойнѣе и иногда, правда, рѣдко, бывала весела.

Она разсказала мнѣ всю свою исторію. Я долго думалъ надъ вопросомъ: занести ли мнѣ и эту исторію въ свои записки, или нѣтъ? Я рѣшаюсь умолчать о ней. Кто знаетъ, въ чьи руки можетъ попасть эта тетрадь? Если бы я навѣрное зналъ, что ее будутъ читать только Соня и Гельфрейхъ, то и тогда я не сталъ бы говорить о прошломъ Надежды Николаевны: они оба знаютъ это прошлое хорошо. Я попрежнему ничего не скрывалъ отъ сестры и въ письмахъ тогда же передалъ ей весь долгій и горькій разсказъ Надежды Николаевны. Гельфрейхъ зналъ все отъ нея самой. Слѣдовательно имъ ея исторія въ моихъ запискахъ не нужна. Другіе же... я не хочу, чтобы ее судили другіе. Я узналъ всю ея жизнь, я былъ ея судьею и я простилъ ей все, что, по мнѣнію людей, нуждается въ прощеніи. Я слушалъ ея тяжелую исповѣдь и разсказъ о ея бѣдствіяхъ, самыхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя только можетъ испытать женщина, и не обвиненіе шевелилось въ моей душѣ, а стыдъ и унизительное чувство человѣка, считающаго себя виновнымъ въ злѣ, о которомъ ему говорятъ. Послѣдній эпизодъ ея исторіи наполнилъ меня ужасомъ и жалостью: слова ея въ тотъ вечеръ, когда ее привезъ Гельфрейхъ и съ нею сдѣлался припадокъ, были не пустыя слова. Она дѣйствительно убила человѣка, сама того не зная. Онъ хотѣлъ спасти ее, но не могъ. Его слабыя руки не въ силахъ были удержать ее на краю пропасти, и, не удержавъ ея, онъ кинулся въ пропасть самъ. Онъ застрѣлился. Безъ слезъ, съ какою-то застывшею рѣшимостью она разсказывала мнѣ эту ужасную исторію, и я долго думалъ о ней. Можетъ ли воскреснуть ея разбитое сердце, заживутъ ли такія страшныя раны?

Но раны, казалось, заживали. Она становилась спокойнѣе и спокойнѣе, и улыбка уже не такъ рѣдко появлялась на ея лицѣ. Она приходила ко мнѣ каждый день и оставалась у насъ обѣдать. Послѣ обѣда мы долго сидѣли втроемъ, и чего-чего только ни было переговорено въ эти тихіе часы между мною и Гельфрейхомъ! Надежда Николаевна только изрѣдка вставляла свое слово.

Я хорошо помню одинъ изъ этихъ разговоровъ. Гельфрейхъ, все еще не бросая своихъ котовъ, началъ усердно заниматься писаньемъ этюдовъ. Однажды онъ признался, что работаетъ такъ усердно только потому, что задумалъ картину, которую напишетъ, «можетъ-быть, черезъ пять, а можетъ-быть, и черезъ десять лѣтъ».

— Отчего же такъ долго, Сенечка?—спросилъ я съ не-

вольной улыбкой при видѣ важности, съ какою онъ излагалъ свое намѣреніе.

— Оттого, что это серьезная вещь. Это дѣло жизни, Андрей. Ты думаешь, что только люди высокаго роста, съ прямою спиною и прямою грудью, могутъ задумывать серьезныя вещи? О, вы, чванныя дылды! Вѣрь мнѣ, — продолжалъ онъ съ напускной важностью:—что между этими горбами могутъ жить великія чувства, а въ этомъ длинномъ ящикѣ (онъ стукнулъ себя по темени) рождаются великія мысли.

— Эта великая мысль—секретъ?—спросила Надежда Николаевна.

Онъ посмотрѣлъ на насъ обоихъ и, помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, не секретъ. Я разскажу вамъ. Мысль эта пришла мнѣ въ голову уже давно. Слушайте. Какъ-то разъ Владимиръ Красное Солнышко разсердился за смѣлыя слова на Илью Муромца; приказалъ онъ взять его, отвести въ глубокіе погреба и тамъ запереть и землей засыпать. Отвели стараго казака на смертъ. Но, какъ это всегда бываетъ, княгиня Евпраксѣюшка «втѣпоры догадлива была»: она нашла къ Ильѣ какой-то ходъ и посылала ему по просфорѣ въ день, да воды, да свѣчъ восковыхъ, чтобы читать евангеліе. И евангеліе прислала.

Сенечка замолчалъ и задумался, и молчалъ такъ долго, что я наконецъ сказалъ:

— Ну, Семенъ Иванычъ?

— Ну, вотъ и все. Конечно, скоро старый казакъ понадобился князю: пришли татары, и некому было выручить Кіевъ изъ бѣды. Пожалѣлъ тогда Владимиръ, горько пожалѣлъ. А Евпраксѣюшка послала тотчасъ же людей, чтобы шли въ подвалы глубокіе и выводили Илью за бѣлы руки. Зла Илья не помнилъ, сѣлъ на коня, ну, и такъ далѣе. Переколотилъ татаръ—вотъ и все.

— Гдѣ же тутъ картина, Семенъ Иванычъ?

Семенъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ преувеличеннаго изумленія и всплеснулъ руками.

— Художникъ! Художникъ! Да еще Лопатинъ, Андрей Лопатинъ! Да тутъ тридцать, триста, три тысячи картинъ, если хочешь, но я изъ нихъ выбираю одну и напишу ее; умру, а напишу! Развѣ ты не видишь, какъ онъ сидитъ въ погребѣ? Развѣ не представляется это тебѣ, какъ живое? Ну, вотъ тебѣ: пещера, погребъ, вообще нора какаянибудь въ родѣ кіевскихъ пещеръ. Узкіе переходы, и въ стѣнѣ небольшая ниша. Пыль, плѣсень, что-то страшное

фантастическое отъ свѣта восковой свѣчи. И сидитъ Илья на приступкѣ, передъ нимъ аналой, и лежитъ на аналоѣ большая, старая святая книга съ толстыми, покоробившимися, пожелтѣвшими листами пергамента, и литеры въ ней черныя и красныя. Сидитъ старый казакъ въ одной рубахѣ и внимательно читаетъ, переворачивая непослушные листы книги большими мужицкими, неловкими руками, привыкшими къ поводу, и къ копью, и къ мечу, а то и просто къ дубинѣ. Много потрудились эти руки и отъ сильной работы, что̀ всю жизнь онѣ дѣлали, дрожатъ, и ходенемъ-ходятъ, и съ трудомъ переворачиваютъ листы святой книги... Эхъ, братъ,—вдругъ перебилъ свою рѣчь Гельфрейхъ:— одна бѣда: очковъ тогда не было. Если бы они были, непремѣнно Евпраксѣюшка ему бы очки послала, большія, круглыя, въ серебряной оправѣ. Вѣдь онъ дальнозорокъ долженъ былъ быть отъ жизни въ степи? Какъ вы думаете?

Мы оба расхохотались. Гельфрейхъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на насъ, потомъ какъ будто понялъ, чему мы смѣемся, и улыбнулся самъ. Но торжественное настроеніе его разсказа опять взяло верхъ, и онъ продолжалъ:

— Не стану вамъ говорить, какіе у него глаза: это описывать всего труднѣе. И въ глазахъ-то у меня все. Въ глазахъ и губахъ. Ну, такъ вотъ, онъ сидитъ и читаетъ. И раскрылъ онъ мѣсто о нагорной проповѣди, и читаетъ онъ о томъ, что, получивши ударъ, надо поставить себя подъ другой. И читаетъ онъ это мѣсто и не понимаетъ. Всю жизнь трудился Илья, не покладая рукъ; печенѣговъ, и татаръ, и разбойниковъ извелъ великое множество; разныхъ Тугариновъ Змѣевичей, и Идолищъ Поганыхъ, и поленицъ, и жидовиновъ побѣждалъ; вѣкъ прожилъ въ подвигахъ и на заставахъ, не пропуская злого въ крещеную Русь; и вѣрилъ онъ во Христа, и молился Ему, и думалъ, что исполняетъ Христовы заповѣди. Не зналъ онъ, что̀ написано въ книгѣ. И теперь онъ сидитъ и думаетъ: «Если ударятъ въ правую щеку, подставить лѣвую? Какъ же это такъ, Господи? Хорошо, если ударятъ меня, а если женщину обидятъ, или ребенка тронутъ, или наѣдетъ поганый, да начнетъ грабить и убивать Твоихъ, Господи, слугъ? Не трогать? Оставить, чтобы грабилъ и убивалъ? Нѣтъ, Господи, не могу я послушаться Тебя! Сяду я на коня, возьму копье въ руку и поѣду биться во имя Твое, ибо не понимаю я Твоей мудрости, а далъ Ты мнѣ въ душу голосъ, и я слушаю его, а не Тебя!..» И рука его дрожитъ, и дрожитъ въ ней желтый листъ книги съ красными и чер-

ными литерами. Свѣча горитъ тусклымъ пламенемъ; надъ нею тонкая черная струйка копоти вьется и уходитъ въ темноту. И освѣщены этимъ свѣтомъ только Илья да книга, только ихъ двое...

Семенъ Иванычъ замолчалъ и задумался, откинувшись на спинку кресла и поднявъ глаза въ потолокъ.

— Да,—сказалъ я послѣ долгаго молчанія:—это хорошая картина, Сенечка. Только это лучше разсказалось, чѣмъ напишется красками на полотнѣ. Какъ ты выразишь все это?

— Сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю, все сдѣлаю!—съ жаромъ воскликнулъ Сенечка.—Сдѣлаю! Поставлю этотъ вопросительный знакъ. Илья и евангеліе! Что̀ общаго между ними? Для этой книги нѣтъ большаго грѣха, какъ убійство, а Илья всю жизнь убивалъ. И ѣздитъ-то онъ на своемъ жеребчикѣ, весь обвѣшанный орудіями казни—не убійства, а казни, ибо онъ казнитъ. А когда ему не хватаетъ этого арсенала, или его нѣтъ съ нимъ, тогда онъ въ шапку песку насыплетъ и имъ дѣйствуетъ. А вѣдь онъ святой. Видѣлъ я его въ Кіевѣ... Лежитъ вмѣстѣ со всѣми, и справедливо...

— Все это такъ, Сенечка, но я не то хотѣлъ тебѣ сказать. Не выразятъ этого краски.

— Какъ не выразятъ? Вздоръ! Если и не выразятъ всего, такъ что̀ жъ за бѣда? Вопросъ поставятъ... Постой, постой!—горячился Семенъ, видя, что я хочу его перебить.—Ты скажешь, что вопросъ уже поставленъ? Вѣрно! Но этого мало. Нужно задавать его каждый день, каждый часъ, каждое мгновенье. Нужно, чтобы онъ не давалъ людямъ покоя. И если я думаю, что мнѣ удастся хоть десятку людей задать этотъ вопросъ картиной, я долженъ написать эту картину. Я давно думалъ объ этомъ, да вотъ эти все сбивали.

Онъ нагнулся, взялъ съ пола сидѣвшаго на коврѣ рыжаго кота, который, казалось, внимательно слушалъ его рѣчи, и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Развѣ ты не дѣлаешь того же самаго?—продолжалъ Сенечка.—Развѣ твоя картина не тотъ же вопросъ? Развѣ ты знаешь, хорошо ли поступила эта женщина? Ты заставишь думать людей, вотъ и все. И кромѣ эстетическаго чувства, которое возбуждаетъ всякая картина и которое одно, само по себѣ, сто̀итъ не очень-то много, не въ томъ ли смыслъ этого, надъ чѣмъ мы трудимся?

— Семенъ Иванычъ, Сенечка, милый мой,—сказала вдругъ Надежда Николаевна:—я никогда не видала васъ такимъ. Я всегда знала, что у васъ прекрасное сердце, но...

— Но вы думали, что я глупенькій горбунчикъ? Помните, разъ вы такъ назвали меня?

Онъ посмотрѣлъ на нее и, должно-быть, замѣтивъ тѣнь на ея лицѣ, прибавилъ:

— Простите, что я вспоминаю. Эти годы нужно вычеркнуть изъ памяти. Все пойдетъ хорошо. Вѣдь правда, Андрей, все пойдетъ хорошо?

Я кивнулъ ему головой. Я былъ тогда очень счастливъ: я видѣлъ, что Надежда Николаевна понемногу успокаивается и—кто знаетъ?—можетъ-быть, жизнь ея за послѣдніе три года сдѣлается для нея только далекимъ воспоминаніемъ, не пережитыми годами, а лишь смутнымъ и тяжелымъ сновидѣніемъ, послѣ котораго, открывъ глаза и видя, что ночь тиха, что въ комнатѣ все попрежнему, радуешься, что это былъ только сонъ.

XVII.

Зима проходила. Солнце подымалось все выше и выше и все сильнѣе пригрѣвало петербургскія улицы и кровли: повсюду изъ трубъ шумѣла вода, и талый ледъ съ громомъ выкатывался изъ нихъ. Показались дрожки, гремѣвшія по кое-гдѣ обнаженной мостовой съ новымъ, воскресшимъ для уха звукомъ.

Я кончилъ картину. Еще нѣсколько сеансовъ, и можно будетъ нести ее въ академію на судъ экспертовъ выставки. Гельфрейхъ заранѣе поздравлялъ меня съ успѣхомъ. Надежда Николаевна радовалась, глядя на картину, и на ея лицѣ я часто видѣлъ незнакомое мнѣ до сихъ поръ выраженіе спокойнаго удовольствія. Иногда она даже была весела и шутила, большею частью надъ Сенечкой; Сенечка же весь погрузился въ чтеніе множества книгъ, которыя ему нужно было прочесть, по его словамъ, для картины, въ разсматриваніе альбомовъ со всякими древностями и изученіе евангелія. Его коты разбѣжались; остался только одинъ непремѣнный рыжій котъ, да и тотъ жилъ на покоѣ, почти нетревожимый своимъ хозяиномъ для отправленія должности натурщика. Со времени нашего разговора объ Ильѣ Муромцѣ Семенъ Иванычъ написалъ только одну картинку и, продавъ ее за полтораста рублей, считалъ себя обезпеченнымъ деньгами надолго, тѣмъ болѣе, что онъ, къ моему великому удивленію, нисколько не стѣснялся своимъ долговременнымъ пребываніемъ въ моемъ жилищѣ, гдѣ жизнь ему ничего не стоила.

Мы проводили втроемъ почти все свободное время. Гельф-

рейхъ досталъ гдѣ-то для Надежды Николаевны огромную рукопись, содержавшую въ себѣ проектъ какого-то важнаго лица—проектъ, по которому Россія должна была быть облагодѣтельствована въ самомъ непродолжительномъ времени, и она переписывала ее щегольскимъ крупнымъ почеркомъ. Такъ какъ облагодѣтельствованіе Россіи требовало большой работы мысли, то проектъ исправлялся и дополнялся безъ конца и, кажется, и до сихъ поръ не приведенъ къ окончанію. Кто-то переписываетъ его теперь, послѣ Надежды Николаевны?

Какъ бы то ни было, она не бѣдствовала. Того, что она зарабатывала перепиской, и денегъ, получаемыхъ отъ меня за сеансы, ей хватало. Она жила въ той же самой маленькой комнаткѣ, куда переѣхала, скрывшись отъ насъ. Это была узенькая, низкая комната, съ однимъ окномъ, выходившая куда-то въ стѣну; кровать, комодъ, два стула и ломберный столъ, служившій и для письма, и для чая, и для обѣда, составляли все убранство. Когда приходили мы съ Сенечкой, онъ отправлялся къ хозяйкѣ въ кухню и выпрашивалъ себѣ табуретъ. Впрочемъ, эти посѣщенія случались рѣдко; непривѣтлива и мрачна была эта комната, съ которой Надежда Николаевна ни за что не хотѣла разстаться. Большею частью мы собирались у насъ съ Семеномъ Иванычемъ, гдѣ было и просторно и свѣтло.

Я ни разу не говорилъ съ нею о томъ, что происходило въ моей душѣ. Я былъ спокоенъ и счастливъ настоящимъ; я понималъ, что неосторожное прикосновеніе къ ея, быть-можетъ, незакрывшимся душевнымъ ранамъ больно отзовется на ней. Я могъ потерять ее навсегда, если бы теперь же сталъ настаивать на приведеніи въ исполненіе своей завѣтной мысли, своего желанія и надежды. Можетъ-быть, я не могъ бы держать себя такъ спокойно и сдерживаться такъ долго, если бы эта надежда не была такъ сильна. Я твердо вѣрилъ, что пройдутъ еще полгода, годъ, даже два (время не пугало меня), и она, успокоенная и выздоровѣвшая, увидитъ около себя твердую опору, на которую можно положиться, и сдѣлается моею на всю жизнь. Я даже не надѣялся, я прямо зналъ, что она будетъ моей женой.

Не знаю, видѣлъ ли это Безсоновъ... Онъ иногда приходилъ къ намъ, нарушая наше спокойствіе и внося неловкость въ наши разговоры. Повидимому, онъ былъ спокоенъ и хладнокровно смотрѣлъ на Надежду Николаевну. Она не заговаривала съ нимъ, хотя отвѣчала ему на его вопросы и слушала его длинные разговоры о самыхъ разнообразныхъ

предметахъ. Онъ былъ очень начитанъ и говорилъ хорошо. Отчего-то мнѣ показалось, что онъ сдѣлался такимъ словоохотливымъ и поучительнымъ, чтобы скрывать отъ насъ что-то прятавшееся за его гладкой рѣчью и не дававшее ему покоя. Послѣ я узналъ, что это было такъ, что своимъ внѣшнимъ спокойствіемъ онъ скрывалъ смертельную язву, убивавшую его, какъ тотъ французскій священникъ, слывшій неуязвимымъ и въ битвахъ носившій красный плащъ, чтобы не видно было крови, лившейся изъ его ранъ. Но когда я узналъ это, уже было поздно.

Зачѣмъ-то онъ опять перебрался къ капитану. Одинъ разъ я былъ у него. Новая комната его, какъ и прежняя, была вся завалена книгами, газетами и бумагами, но мнѣ показалось, что все это лежало въ большомъ безпорядкѣ и покрытое пылью, какъ будто давно уже никто не притрогивался къ работѣ въ этой комнатѣ. Дома онъ держалъ себя иначе, чѣмъ у насъ, въ присутствіи Надежды Николаевны; говорилъ мало и мрачно шагалъ изъ угла въ уголъ, покуривая папиросу. Я чувствовалъ, что я лишній, и рѣшился больше не ходить къ нему. Я спросилъ у него, между прочимъ, не зналъ ли онъ чего-нибудь о капитанѣ, и правда ли, что капитанъ «боецъ Мѣхова и Опатова».

— Сочиняетъ,—сказалъ Безсоновъ.—Онъ и полякъ-то ненастоящій. Онъ перешелъ въ православіе когда-то очень давно, и я думаю, что онъ просто хочетъ импонировать молодымъ людямъ, когда открываетъ имъ свою мнимую тайну.

Я ушелъ отъ Безсонова. Скоро два случая открыли мнѣ глаза на его поведеніе.

Во-первыхъ, Соня прислала мнѣ письмо съ описаніемъ разговора, происшедшаго между нею и матерью Безсонова. Старушка иногда заходила къ ней въ институтъ въ пріемные часы, помня участіе, которое всегда принимала въ ней и въ ея сынѣ Сонина мать. По словамъ сестры, на этотъ разъ она пришла съ взволнованнымъ и таинственнымъ видомъ и послѣ нѣсколькихъ неловкихъ предисловій обнаружила, зачѣмъ именно явилась. Сергѣй Васильевичъ написалъ ей подробно обо всемъ, происходившемъ у насъ. Ему не хватало черной краски, чтобы представить положеніе дѣла въ такомъ мрачномъ видѣ, какъ ему хотѣлось. Онъ не просилъ мать передать содержаніе письма Сонѣ, но сама старушка, изъ чувства благодарности, рѣшила пойти и разсказать все, съ цѣлью предупредить ее, чтобы она дѣйствовала, пока еще можно спасти меня. Она была очень удивлена,

узнавъ, что сестрѣ все уже извѣстно. Она волновалась. Ей, старой женщинѣ, стыдно было говорить молодой дѣвушкѣ, да еще институткѣ, о подобныхъ вещахъ; но что же дѣлать? Нужно спасти несчастнаго Андрюшу во что бы то ни стало. На мѣстѣ Сони, она вышла бы изъ института и сейчасъ же поѣхала бы въ Петербургъ, чтобы открыть мнѣ глаза.

«Сергѣй Васильевичъ,—писала Соня:—играетъ во всей этой исторіи какую-то странную роль. Я не вѣрю, чтобы онъ написалъ все это матери, не зная, что она навѣрное передастъ все мнѣ и, скажу больше, не желая, чтобы она передала.

«Я пріѣду къ тебѣ въ Петербургъ, но только послѣ экзаменовъ. Если ты согласишься, мы проживемъ лѣто гдѣ-нибудь на дачѣ, и я немного подготовлюсь, чтобы не было трудно на первыхъ порахъ на курсахъ».

Это письмо разстроило меня, но полученное вслѣдъ за нимъ второе, длинное анонимное посланіе, переполнило чашу.

Въ высокопарныхъ кудреватыхъ выраженіяхъ неизвѣстный авторъ предостерегалъ меня противъ печальной судьбы всѣхъ молодыхъ людей, слѣпо предающихся своимъ страстямъ и не разбирающихъ достоинствъ и недостатковъ существа, съ которымъ намѣреваются вступить въ союзъ, «узы каковаго легки и незамѣтны вначалѣ, но впослѣдствіи превращаются въ тяжкую цѣпь, подобную той, какую влачатъ несчастные каторжники». Такъ выражался неизвѣстный авторъ письма... «Вѣрьте благородному слову опытнаго старца, господинъ Лопатинъ, что неравенство въ бракѣ есть вещь весьма ужасная. Вещь эта лишила міръ многихъ великихъ талантовъ; прошу то помнить, господинъ Лопатинъ». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый обвинительный актъ противъ «Надежды», душа которой называлась даже «добычей пекла» (тутъ я уже рѣшительно узналъ руку капитана). Она обвинялась въ долгой развратной жизни, изъ которой могла бы выйти, если бы захотѣла, «ибо имѣетъ родственниковъ своей фамиліи, хотя весьма удаленныхъ, которые—я увѣренъ въ томъ—извлекли бы падшую изъ ея соціальнаго положенія, но, по натуральной склонности сей особы къ разврату, она предпочитала погрязать въ болотѣ, изъ котораго вы тщетно имѣете намѣреніе спасти ее, при чемъ, безъ сомнѣнія, погубите и жизнь свою и чудный вашъ талантъ». Она обвинялась въ убійствѣ человѣка, «также весьма порядочнаго господина, не отличавшагося талантами, подобно вамъ, но прекраснаго человѣка, получавшаго на службѣ пятьдесятъ

рублей въ мѣсяцъ и имѣвшаго въ виду увеличить свое содержаніе, которое было бы весьма достаточно для жизни ихъ обоихъ, ибо на что же могло разсчитывать подобное существо, какъ эта презрѣнная, которая однако, по склонности своей, предпочла отказать этому молодому человѣку, господину Никитину, въ бракѣ, лишь бы продолжать гнусную жизнь свою?..»

Письмо было очень длинное; я не дочиталъ и бросилъ его въ топившуюся печку. Участіе Безсонова въ этомъ дѣлѣ для меня показалось несомнѣннымъ. Съ какой стати капитану заботиться о спасеніи моей души? Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, и первымъ моимъ движеніемъ было бѣжать къ Безсонову. Я не знаю, что̀ бы я съ нимъ сдѣлалъ. О капитанѣ я не думалъ: этотъ ренегатъ, скрывающій свое ренегатство, былъ уговоренъ, подпоенъ, можетъ-быть, чѣмъ-нибудь запуганъ. Я схватилъ шляпу и былъ уже у дверей, когда опомнился. Лучше было прежде успокоиться и потомъ уже рѣшить, что̀ дѣлать.

Я утвердился въ этомъ рѣшеніи и, въ ожиданіи Надежды Николаевны, попробовалъ писать кое-какіе аксессуары картины, думая успокоиться въ работѣ; но кисть прыгала по холсту, и глаза не видѣли красокъ. Я одѣлся, чтобы выйти и освѣжиться на воздухѣ; отворивъ дверь, я увидѣлъ, что передъ ней стоитъ Надежда Николаевна, блѣдная, задыхающаяся, съ выраженіемъ ужаса въ широко раскрытыхъ глазахъ.

XVIII.

Изъ дневника Безсонова. Тоска! Тоска эта преслѣдуетъ меня, гдѣ бы я ни былъ, что̀ бы я ни дѣлалъ, чтобы забыть, утолить ее чѣмъ-нибудь. Глаза мои наконецъ открылись; съ тѣхъ поръ, какъ я ничего не записываю въ этотъ дневникъ, прошелъ мѣсяцъ, и въ этотъ мѣсяцъ рѣшилось все. Куда дѣвалось это хваленое философское спокойствіе? Гдѣ мои безсонныя ночи, проводимыя за работой? Я, тотъ самый я, который гордился тѣмъ, что имѣю характеръ въ наше безхарактерное время, смятъ и уничтоженъ налетѣвшей бурей... Какой бурей? Развѣ это буря? Я презираю себя, презираю за свою прежнюю гордость, которая не помѣшала мнѣ склониться передъ пустой страстью; презираю за то, что позволилъ этому дьяволу въ образѣ женщины овладѣть своей душой. Да, если бы во мнѣ жила вѣра въ сверхъестественное, я не могъ бы иначе объяснить случившееся, какъ навожденіемъ.

Перечиталъ написанныя строчки... Чтò за унизительныя, жалкія жалобы! О, гдѣ ты, моя гордость, гдѣ сила воли, дававшая мнѣ возможность переламывать себя и жить не такъ, какъ живется, а какъ я хотѣлъ жить? Я унизился до мелочной интриги: написалъ письмо матери, и она, безъ сомнѣнія, разсказала все, чтò я хотѣлъ, его сестрѣ, и изъ этого ничего не вышло; въ нетерпѣніи, я заставилъ стараго дурака написать безграмотное письмо Лопатину— и изъ этого ничего не выйдетъ, я знаю это. Онъ броситъ письмо въ огонь, или, еще хуже, онъ покажетъ его ей, своей любовницѣ, и они вмѣстѣ будутъ читать его, потѣшаться надъ безграмотными изліяніями капитанской души и будутъ издѣваться надо мной, потому что поймутъ, что некому было, кромѣ меня, толкнуть капитана на эту пошлость.

Его любовницѣ! Такъ ли это?! Слово сорвалось у меня съ пера, но я до сихъ поръ не знаю, правда ли это? А если это не такъ? Если для меня есть еще надежда? Чтò заставляетъ меня думать, что онъ полюбилъ ее, кромѣ смутныхъ подозрѣній, возбужденныхъ безумной ревностью?

Три года тому назадъ все было возможно и легко. Я лгалъ въ этомъ самомъ дневникѣ, когда писалъ, что отказался отъ нея, потому что увидѣлъ невозможность спасти. Если не лгалъ, то обманывалъ себя. Ее легко было спасти: нужно было только наклониться и поднять ее. Я не захотѣлъ наклониться. Я понялъ это только теперь, когда мое сердце болитъ любовью къ ней. Любовью! Нѣтъ, это не любовь, это страсть безумная, это пожаръ, въ которомъ я весь горю. Чѣмъ потушить его?

Я пойду къ ней и поговорю съ нею. Я соберу всѣ свои силы и буду говорить спокойно. Пусть она выбираетъ между мною и имъ. Я скажу только правду, скажу, что ей нельзя разсчитывать на этого впечатлительнаго человѣка, который сегодня думаетъ о ней, а завтра его поглотитъ что-нибудь другое, и она будетъ забыта. Иду! Такъ или иначе, а это нужно кончить. Я слишкомъ измученъ, и больше не могу...

Я былъ у нея. Сейчасъ иду къ нему.

Въ тотъ же день.

Это послѣднія строки, которыя будутъ написаны въ этомъ дневникѣ. Ничто не можетъ удержать меня. Нѣтъ у меня власти надъ собою...

XIX.

Записки Лопатина. Зачѣмъ тянуть дольше? Не лучше ли кончить свои воспоминанія на этихъ строкахъ?

Нѣтъ, я напишу до конца. Все равно: если я и брошу перо и эту тетрадь, этотъ ужасный день будетъ переживаться мною въ тысячный разъ; въ тысячный разъ я испытаю ужасъ и мученія совѣсти и муки потери; въ тысячный разъ сцена, о которой я сейчасъ буду писать, пройдетъ передъ моими глазами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и каждая изъ этихъ подробностей ляжетъ на сердце новымъ страшнымъ ударомъ. Буду продолжать и доведу до конца.

Я привелъ Надежду Николаевну въ комнату; она едва стояла на ногахъ и дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Она смотрѣла на меня все тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ и въ первую минуту не могла сказать слова. Я усадилъ ее и далъ ей воды.

— Андрей Николаевичъ, берегитесь. Заприте двери... не впускайте никого. Онъ придетъ сейчасъ.

— Кто, Безсоновъ?

— Заприте дверь,—шептала она.

Гнѣвъ овладѣлъ мною. Ему мало безыменныхъ писемъ; онъ дошелъ до насилія.

— Что̀ онъ сдѣлалъ съ вами? Гдѣ вы его видѣли? Успокойтесь. Выпейте еще воды и разскажите. Гдѣ вы его видѣли?

— Онъ былъ у меня...

— Въ первый разъ?

— Нѣтъ, не въ первый. Онъ былъ еще два раза. Я не хотѣла говорить вамъ, чтобы не разстраивать васъ. Я просила его перестать ходить ко мнѣ; я сказала, что мнѣ тяжело видѣть его. Онъ молча ушелъ и не былъ недѣли три. Сегодня онъ пришелъ рано и ждалъ, пока я одѣнусь.

Она замолчала; ей было трудно продолжать.

— Что̀ жъ дальше?

— Я никогда не видѣла его такимъ. Онъ говорилъ сначала спокойно. Онъ говорилъ о васъ. Онъ не говорилъ о васъ ничего дурного; сказалъ только, что вы человѣкъ впечатлительный и увлекающійся, и что я не могу надѣяться на васъ. Онъ просто сказалъ, что вы меня бросите, потому что вамъ скоро надоѣстъ возиться со мной...

Она замолчала и расплакалась. О, никогда такія любовь и жалость не овладѣвали мной! Я взялъ ея холодныя руки и цѣловалъ ихъ. Я былъ безумно счастливъ; слова безъ

удержу полились изъ устъ моихъ. Я сказалъ, что я люблю ее на всю жизнь, что она должна быть моей женой, что она видитъ и знаетъ, что Безсоновъ неправъ. Я сказалъ ей тысячи нелѣпыхъ словъ, счастливыхъ словъ, по большей части не имѣвшихъ никакого внѣшняго смысла, но она поняла ихъ. Я видѣлъ ея милое лицо, озаренное счастьемъ, на моей груди, это было совсѣмъ новое, немного чужое лицо, не то лицо съ тайнымъ мученьемъ въ чертахъ, которое я привыкъ видѣть.

Она улыбалась и плакала, и цѣловала мои руки, и прижималась ко мнѣ. И въ ту минуту во всемъ мірѣ не было ничего, кромѣ насъ двоихъ. Она говорила что-то о своемъ счастьѣ и о томъ, что она полюбила меня съ первыхъ же дней нашего знакомства и убѣгала отъ меня, испугавшись этой любви; что она не стòитъ меня, что ей страшно связывать мою судьбу съ своей; и снова обнимала меня и снова плакала счастливыми слезами. Наконецъ она опомнилась.

— А Безсоновъ?—вдругъ сказала она.

— Пусть приходитъ Безсоновъ, — отвѣтилъ я.—Какое намъ съ вами дѣло до Безсонова?

— Постойте, я кончу, чтò начала говорить о немъ. Да, онъ говорилъ о васъ. Потомъ о себѣ. Онъ сказалъ, что онъ гораздо болѣе надежная опора, чѣмъ вы. Онъ напомнилъ мнѣ, что три года тому назадъ я любила его и пошла бы за нимъ. И когда я сказала, что онъ обманываетъ самъ себя, вся его гордость вспыхнула, и онъ до такой степени вышелъ изъ себя, что бросился на меня... Постойте,—сказала Надежда Николаевна, схвативъ меня за руку, когда увидѣла, что я вскочилъ на ноги:—онъ не тронулъ меня... Мнѣ жалко его, Андрей Николаевичъ... онъ у меня въ ногахъ валялся, этотъ самолюбивый человѣкъ! Если бы вы видѣли это!

— Чтò же вы сказали ему?

— Чтò же было говорить? Я молчала. Я сказала только, что не люблю его. И когда онъ спросилъ—не потому ли, что люблю васъ, я сказала ему правду... Тогда съ нимъ случилось что-то такое страшное, чего я не могу понять. Онъ кинулся на меня, обнялъ меня, прошепталъ мнѣ: «прощай, прощай!» и пошелъ къ двери. Никогда я не видала такого ужаснаго лица. Я упала на стулъ почти безъ силъ. У двери онъ обернулся, и странно такъ засмѣялся, и говоритъ: «впрочемъ, я еще увижусь съ тобой и съ нимъ». И лицо его было такъ ужасно...

Она вдругъ перестала говорить и страшно поблѣднѣла,

устремивъ глаза ко входу въ мастерскую. Я обернулся. Въ дверяхъ стоялъ Безсоновъ.

— Не ждали?—сказалъ онъ, заикаясь.—Я не обезпокоилъ васъ и прошелъ съ черной лѣстницы.

Я вскочилъ на ноги и сталъ противъ него. И мы стояли такъ долго, мѣряя другъ друга глазами. Онъ былъ дѣйствительно способенъ навести ужасъ. Блѣдный, съ красными воспаленными глазами, съ ненавистью устремленными на меня, онъ ничего не говорилъ; его тонкія губы только шептали что-то, дрожа. Мнѣ вдругъ стало жаль его.

— Сергѣй Васильевичъ, зачѣмъ вы пришли? Если вы хотите говорить со мной, подите и успокойтесь.

— Я спокоенъ, Лопатинъ... Я боленъ, но спокоенъ. Я уже рѣшилъ все, и мнѣ не отъ чего волноваться.

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Затѣмъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы думаете быть счастливымъ съ ней?—онъ указалъ рукою на Надежду Николаевну.—Вы не будете счастливы! Я не позволю вамъ этого.

— Уйдите отсюда,—сказалъ я, дѣлая страшныя усилія, чтобы говорить спокойно.—Подите, отдохните. Вы сами сказали, что больны.

— Это мое дѣло. Вы слушайте, что я вамъ скажу. Я ошибся... Я виноватъ. Я люблю ее. Отдайте ее мнѣ.

«Онъ сошелъ съ ума!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Я не могу жить безъ нея,—продолжалъ онъ глухимъ и хриплымъ голосомъ.—Я не выпущу васъ, пока вы не скажете мнѣ «да»!

— Сергѣй Васильевичъ!

— И вы скажете мнѣ это «да», или...

Я взялъ его за плечи и повернулъ къ двери, онъ шелъ послушно. Но, подойдя къ двери, вмѣсто того, чтобы взяться за ручку, онъ повернулъ ключъ, сильнымъ движеніемъ оттолкнулъ меня и сталъ въ угрожающую позу. Надежда Николаевна вскрикнула.

Я видѣлъ, какъ онъ переложилъ ключъ въ лѣвую руку, а правую опустилъ въ карманъ. Когда онъ вынулъ ее, въ ней блестѣлъ предметъ, которому я тогда не успѣлъ дать названія. Но видъ этого предмета ужаснулъ меня. Не помня себя, я схватилъ стоящее въ углу копье, и когда онъ направилъ револьверъ на Надежду Николаевну, я съ дикимъ воплемъ кинулся на него. Все покатилось куда-то съ страшнымъ грохотомъ. . . . .

. . . .

Тогда началась казнь.

Я не знаю, сколько времени я лежалъ безъ сознанія. Когда я очнулся, я не помнилъ ничего. То, что я лежалъ на полу, то, что я видѣлъ сквозь какой-то странный сизый туманъ потолокъ, то, что я чувствовалъ, что въ груди у меня есть что-то, мѣшающее мнѣ двинуться и сказать слово,— все это не удивило меня. Казалось, что все это такъ и нужно для какого-то дѣла, которое нужно сдѣлать и котораго я никакъ не могъ вспомнить.

Картина! Да. Шарлотта Корде и Илья Муромецъ... Онъ сидитъ и читаетъ, а она переворачиваетъ ему листы и дико смѣется... Какіе пустяки!.. Это не то; это не тотъ вопросъ, о которомъ говоритъ Гельфрейхъ.

Я дѣлаю движеніе и чувствую, что мнѣ очень больно. Конечно, это такъ нужно, иначе и нельзя.

Тишина. Ожившая муха звенитъ въ воздухѣ и потомъ бьется въ стекло. Рамы еще не вынуты, но сквозь нихъ доходитъ веселое дребезжаніе дрожекъ. Дымокъ расходится передъ моими глазами—странный сизый дымокъ, и я ясно вижу на потолкѣ грубую лѣпную розетку вокругъ крюка. Я думаю, что это очень странный орнаментъ; я никогда не замѣчалъ его прежде. И кто-то касается моей руки; я повертываю голову и вижу чью-то руку, маленькую, нѣжную, бѣлую, лежащую на полу. Я не могу достать ее, и мнѣ очень жаль, потому что это рука Надежды Николаевны, которую я люблю больше всего на свѣтѣ...

И вдругъ яркій лучъ сознанія озаряетъ меня, и я сразу припоминаю все, что случилось... Онъ убилъ ее.

Не можетъ быть! Не можетъ быть! Она жива. Она только ранена. Помогите! Помогите! Я кричу, но звука не слышно. Только какое-то клокотаніе въ груди душитъ и давитъ меня, и розовая пѣна клубится на моихъ губахъ. Онъ убилъ и меня.

Собравъ силы, я приподнялся и увидѣлъ ея лицо. Глаза ея были закрыты, и она была неподвижна. Я чувствовалъ, какъ волосы шевелятся на моей головѣ. Я хотѣлъ бы лишиться сознанія. Я упалъ къ ней на грудь и покрывалъ поцѣлуями это лицо, полчаса тому назадъ полное жизни и счастья, довѣрчиво прижимавшееся къ моей груди. Теперь оно было неподвижно и строго; маленькая ранка надъ глазомъ уже не сочилась кровью. Она была мертва.

Когда выломали дверь и Семенъ Иванычъ бросился ко мнѣ, я чувствовалъ, что меня оставляютъ послѣднія силы

Меня подняли и положили на диванъ. Я видѣлъ, какъ взяли и вынесли ее, я хотѣлъ крикнуть, просить, умолять, чтобы этого не дѣлали, чтобы оставили ее здѣсь, подлѣ меня. Но я не могъ крикнуть; я только беззвучно шепталъ, пока докторъ осматривалъ мою простреленную навылетъ грудь.

Вынесли и его. Онъ лежалъ съ суровымъ и страшнымъ лицомъ, залитымъ кровью, волной хлынувшей изъ смертельной раны на головѣ.

Я кончаю. Чтò еще прибавлять!

Соня пріѣхала сейчасъ же, вызванная телеграммой Семена Иваныча. Меня лѣчили долго и упорно, и продолжаютъ лѣчить. Соня и Гельфрейхъ увѣрены, что я останусь живъ. Они хотятъ везти меня за границу и надѣются на это путешествіе, какъ на каменную гору.

Но я чувствую, что мнѣ осталось уже немного дней. Рана моя закрылась, но грудь разрушается другой болѣзнью: я знаю, что у меня чахотка. И третья, еще болѣе страшная болѣзнь помогаетъ ей. Я ни на минуту не забываю Надежду Николаевну и Безсонова; страшныя подробности послѣдняго дня вѣчно стоятъ передъ моимъ душевнымъ взоромъ, и какой-то голосъ, не переставая, нашептываетъ мнѣ на ухо о томъ, что я убилъ человѣка.

Меня не судили. «Дѣло» прекращено: было признано, что я убилъ, защищаясь.

Но для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь. Мнѣ недолго уже нести ее. Скоро Господь проститъ меня, и мы встрѣтимся всѣ трое тамъ, гдѣ наши страсти и страданія покажутся намъ ничтожными и потонутъ въ свѣтѣ вѣчной любви.

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

Сказка.

Жила-была на свѣтѣ лягушка-квакушка. Сидѣла она въ болотѣ, ловила комаровъ да мошку, весною громко квакала вмѣстѣ со своими подругами. И весь вѣкъ она прожила бы благополучно — конечно, въ томъ случаѣ, если бы не съѣлъ ее аистъ. Но случилось одно происшествіе.

Однажды она сидѣла на сучкѣ высунувшейся изъ воды коряги и наслаждалась теплымъ мелкимъ дождикомъ.

«Ахъ, какая сегодня прекрасная мокрая погода!—думала она.—Какое это наслажденіе жить на свѣтѣ!»

Дождикъ моросилъ по ея пестренькой лакированной спинкѣ; капли его подтекали ей подъ брюшко и за лапки, и это было восхитительно-пріятно, такъ пріятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, къ счастью, вспомнила, что была уже осень, и что осенью лягушки не квакаютъ, — на это есть весна,—и что, заквакавъ, она можетъ уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нѣжиться.

Вдругъ тонкій, свистящій, прерывистый звукъ раздался въ воздухѣ. Есть такая порода утокъ: когда онѣ летятъ, то ихъ крылья, разсѣкая воздухъ, точно поютъ, или, лучше сказать, посвистываютъ; фью-фью-фью-фью раздается въ воздухѣ, когда летитъ высоко надъ вами стадо такихъ утокъ, а ихъ самихъ даже и не видно—такъ онѣ высоко летятъ. На этотъ разъ утки, описавъ огромный полукругъ, спустились и сѣли какъ разъ въ то самое болото, гдѣ жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна изъ нихъ. — Летѣть еще далеко; надо покушать.

И лягушка сейчасъ же спряталась. Хотя она и знала,

что утки не станутъ ѣсть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякій случай, нырнула подъ корягу. Однако, подумавъ, она рѣшилась высунуть изъ воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летятъ утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка: — ужъ холодно становится! Скорѣй на югъ! Скорѣй на югъ!

И всѣ утки стали громко крякать въ знакъ одобренія.

— Госпожи утки, — осмѣлилась сказать лягушка: — что̀ такое югъ, на который вы летите? Прошу извиненія за безпокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у нихъ явилось желаніе съѣсть ее, но каждая изъ нихъ подумала, что лягушка слишкомъ велика и не пролѣзетъ въ горло. Тогда всѣ онѣ начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на югѣ! Теперь тамъ тепло! Тамъ есть такія славныя, теплыя болота! Какіе тамъ червяки! Хорошо на югѣ!

Онѣ такъ кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убѣдила ихъ замолчать и попросила одну изъ нихъ, которая казалась ей толще и умнѣе всѣхъ, объяснить ей, что̀ такое югъ. И когда та разсказала ей о югѣ, то лягушка пришла въ восторгъ, но въ концѣ все-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли тамъ мошекъ и комаровъ?

— О! Цѣлыя тучи! — отвѣчала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тутъ же обернулась посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь подругъ, которыя могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью.

Она ужъ никакъ не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разикъ:

— Возьмите меня съ собой!

— Это мнѣ удивительно! — воскликнула утка. — Какъ мы тебя возьмемъ? У тебя нѣтъ крыльевъ.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали всѣ утки. — Кря, кря! кря! кря! Тутъ холодно! На югъ! На югъ!

— Позвольте мнѣ подумать только пять минутъ, — сказала лягушка: — я сейчасъ вернусь, я навѣрное придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлепнулась съ сучка, на который было-снова влѣзла, въ воду, нырнула въ тину и совершенно зарылась въ ней, чтобы посторонніе предметы не мѣшали ей размышлять. Пять минутъ прошло, утки совсѣмъ было-собрались летѣть, какъ вдругъ изъ воды, около сучка, на ко-

торомъ сидѣла лягушка, показалась ея морда, и выраженіе этой морды было самое сіяющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она: — пусть двѣ изъ васъ возьмутъ въ свои клювы прутикъ, а я прицѣплюсь за него посрединѣ. Вы будете летѣть, а я ѣхать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и все будетъ превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы и легкую лягушку три тысячи верстъ не Богъ знаетъ какое удовольствіе, но ея умъ привелъ утокъ въ такой восторгъ, что онѣ единодушно согласились нести ее. Рѣшили перемѣняться каждые два часа, и такъ какъ утокъ было, какъ говорится въ загадкѣ, столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто. Нашли хорошій, прочный прутикъ, двѣ утки взяли его въ клювы, лягушка прицѣпилась ртомъ за середину, и все стадо поднялось на воздухъ. У лягушки захватило духъ отъ страшной высоты, на которую ее подняли; кромѣ того, утки летѣли неровно и дергали прутикъ; бѣдная квакушка болталась въ воздухѣ, какъ бумажный паяцъ, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла къ своему положенію и даже начала осматриваться. Подъ нею быстро проносились поля, луга, рѣки и горы, которые ей, впрочемъ, было очень трудно разсматривать, потому что, вися на прутикѣ, она смотрѣла назадъ и немного вверхъ, но кое-что все-таки видѣла, и радовалась, и гордилась.

«Вотъ какъ я превосходно придумала», — думала она про себя.

А утки летѣли вслѣдъ за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили онѣ: — даже между утками мало такихъ найдется.

Она едва удерживалась, чтобы не поблагодарить ихъ, но, вспомнивъ, что, открывъ ротъ, она свалится съ страшной высоты, еще крѣпче стиснула челюсти и рѣшилась терпѣть. Она болталась такимъ образомъ цѣлый день: несшія ее утки перемѣнялись на лету, ловко подхватывая прутикъ; это было очень страшно: не разъ лягушка чуть-было не квакнула отъ страха, но нужно было имѣть присутствіе духа, и она его имѣла. Вечеромъ вся компанія остановилась въ какомъ-то болотѣ; съ зарею утки съ лягушкой

снова пустились въ путь, но на этотъ разъ путешественница, чтобы лучше видѣть, что̀ дѣлается на пути, прицѣпилась спинкой и головой впередъ, а брюшкомъ назадъ. Утки летѣли надъ сжатыми полями, надъ пожелтѣвшими лѣсами и надъ деревнями, полными хлѣба въ скирдахъ; оттуда доносился людской говоръ и стукъ цѣповъ, которыми молотили рожь. Люди смотрѣли на стаю утокъ и, замѣчая въ ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушкѣ ужасно захотѣлось летѣть поближе къ землѣ, показать себя и послушать, что̀ объ ней говорятъ. На слѣдующемъ отдыхѣ она сказала:

— Нельзя ли намъ летѣть не такъ высоко? У меня отъ высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мнѣ вдругъ сдѣлается дурно.

И добрыя утки обѣщали ей летѣть пониже. На слѣдующій день онѣ летѣли такъ низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дѣти въ одной деревнѣ: — утки лягушку несутъ!

Лягушка услышала это, и у нея прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ другой деревнѣ взрослые: — вотъ чудо-то!

«Знаютъ ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ третьей деревнѣ. — Экое чудо! И кто это придумалъ такую хитрую штуку?

Тутъ лягушка уже не выдержала и, забывъ всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! Я!

И съ этимъ крикомъ она полетѣла вверхъ тормашками на землю. Утки громко закричали; одна изъ нихъ хотѣла подхватить бѣдную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всѣми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но такъ какъ утки летѣли очень быстро, то и она упала не прямо на то мѣсто, надъ которымъ закричала и гдѣ была твердая дорога, а гораздо дальше, что̀ было для нея большимъ счастьемъ, потому что она бултыхнулась въ грязный прудъ на краю деревни.

Она скоро вынырнула изъ воды и тотчасъ же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокругъ нея никого не было. Испуганныя неожиданнымъ плескомъ, мѣстныя лягушки всѣ попрятались въ воду. Когда онѣ начали показываться изъ нея, то съ удивленіемъ смотрѣли на новую.

И она разсказала имъ чудную исторію о томъ, какъ она думала всю жизнь и наконецъ изобрѣла новый необыкновенный способъ путешествія на уткахъ; какъ у нея были свои собственныя утки, которыя носили ее, куда ей было угодно; какъ она побывала на прекрасномъ югѣ, гдѣ такъ, такъ хорошо, гдѣ такія прекрасныя, теплыя болота и такъ много мошекъ и всякихъ другихъ съѣдобныхъ насѣкомыхъ.

— Я заѣхала къ вамъ посмотрѣть, какъ вы живете,— сказала она: — я пробуду у васъ до весны, пока не вернутся мои утки, которыхъ я отпустила.

Но утки ужъ никогда не вернулись. Онѣ думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалѣли ее.

СКАЗАНІЕ О ГОРДОМЪ АГГЕѢ*).

Жилъ въ нѣкоторой странѣ правитель; звали его Аггей. Былъ онъ славенъ и силенъ: далъ ему государь полную власть надъ страною. Враги его боялись, друзей у него не было, а народъ во всей области жилъ смирно, зная силу своего правителя. И возгордился правитель, и сталъ онъ думать, что никого нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе и мудрѣе его. Жилъ онъ пышно; множество у него было богатства и слугъ, съ которыми онъ никогда не говорилъ: считалъ ихъ недостойными. Съ женою своею жилъ въ ладу, но держалъ и ее строго, такъ что не смѣла она сама заговаривать, а ждала, пока не спроситъ ее, или не скажетъ ей что-нибудь мужъ.

Жилъ такъ Аггей одинъ, точно на высокой башнѣ стоялъ. Снизу толпы народа на него смотрятъ, а онъ не хочетъ ничего знать и стоитъ на своемъ низенькомъ помостѣ; думаетъ, что одно это мѣсто его достойно: хоть одиноко, да высоко.

Пошелъ въ праздникъ Аггей въ церковь. Пришелъ онъ туда съ женою своею въ пышныхъ одеждахъ, мантіи на нихъ были златотканныя, пояса съ дорогими каменьями, а надъ ними несли парчевой балдахинъ. И впереди ихъ и сзади шли воины съ мечами и сѣкирами, и довели ихъ до царскаго мѣста, откуда имъ слушать службу. Вокругъ нихъ стали начальники и чиновники. И слушалъ Аггей службу, и думалъ по-своему, какъ ему казалось, вѣрно или невѣрно говорится въ святомъ писаніи.

Началъ протопопъ книгу читать, и дошелъ онъ до того мѣста, гдѣ написано: «богатые обнищаютъ, а нищіе обогатѣютъ». Услышалъ Аггей такія слова и разгнѣвался.

---

*) Пересказъ старинной легенды.

— Что ты, говоритъ, попъ, вздумалъ читать такую ложь? Не знаешь развѣ, какъ славенъ я и богатъ? Какъ мнѣ обнищать, а нищему обогатѣть противъ меня?

Протопопъ же не слушалъ его и дальше сталъ читать книгу, и службу отслужилъ до конца, не отвѣчая Аггею.

И разъярился правитель: протопопа велѣлъ заковать въ кандалы и посадить въ темницу, а листъ, на которомъ тѣ слова были написаны, велѣлъ изъ книги выдрать.

Отвели протопопа въ темницу и листъ выдрали, а правитель Аггей пошелъ въ свои палаты пировать и на пиру пилъ, ѣлъ и веселился.

Шелъ за городомъ одинъ юноша и увидѣлъ оленя, такого рослаго и красиваго, что до тѣхъ поръ и не видывалъ. И захотѣлъ онъ угодить правителю: побѣжалъ въ городъ, пришелъ въ его палаты и сказалъ объ оленѣ слугамъ. Донесли о томъ Аггею, и приказалъ онъ собираться на охоту.

Выѣхала охота въ поле; увидали оленя и поскакали къ нему. Стоитъ олень, голову поднялъ, на охоту оглядывается, будто ждетъ чего-то. Не видалъ такого звѣря и самъ Аггей: рослый и гладкій, морда тонкая, умная; рога, какъ дерево вѣтвистое, отъ конца до конца цѣлая сажень. Шерсть гнѣдая, блеститъ, какъ лощеная; ляжки бѣлыя, какъ снѣгъ. Скачетъ къ нему Аггей и дивится, что не уходитъ олень, а на него все смотритъ большими глазами, точно сказать что-то хочетъ. Подскакалъ Аггей, думалъ ужъ копье метнуть; повернулся звѣрь, взмахнулъ вѣтвистыми рогами, прянулъ первымъ скокомъ на три сажени и пошелъ по полю; конь былъ у Аггея такой, что и цѣны ему не было, а сталъ отставать. Обернулся правитель на своихъ охотниковъ, а ихъ уже едва и видно; посмотрѣлъ впередъ на оленя и видитъ, что звѣрь пошелъ тише. «Ну, думаетъ, догоню!» Скачетъ во всю конскую мочь и видитъ — все ближе и ближе къ нему бѣлыя ляжки оленьи мелькаютъ. Только хотѣлъ-было копье бросить — олень обернулъ голову, наддалъ, — и опять Аггей далеко отъ него. Охоты ужъ давно не видно, и скачутъ въ чистомъ полѣ только олень да Аггей на конѣ.

Гонялся онъ за нимъ полъ-дня; видитъ наконецъ, что олень къ рѣкѣ бѣжитъ. «Ну, думаетъ, если направо пойдетъ — пропалъ, а налѣво — мой!» Налѣво рѣка луку сдѣлала, и некуда звѣрю было оттуда уйти: сзади охотникъ, спереди рѣка широкая, ни человѣку ни звѣрю не переплыть. Повернулъ олень налѣво; задрожало у Аггея сердце

отъ радости. Скачетъ, а самъ думаетъ: «Скоро рѣка, некуда тебѣ уйти». Подскакалъ олень къ берегу, а недалеко отъ берега островокъ небольшой, а на островѣ кусты густые и лѣсъ мелкій. Прыгнулъ олень со всего размаха въ воду, окунулся, вынырнулъ и поплылъ на островъ. Подскакалъ Аггей и видитъ, что звѣрь въ кусты ушелъ. Погналъ и онъ коня въ воду.

Ступилъ конь въ воду, шагнулъ три раза и ушелъ въ воду по шею, а дальше нога и дна не достаетъ. Повернулъ Аггей назадъ на берегъ, думаетъ: «Олень отъ меня и такъ не уйдетъ, а на такой быстринѣ, пожалуй, и коня утопишь». Слѣзъ съ коня, привязалъ его къ кусту, снялъ съ себя дорогое платье и пошелъ въ воду. Плылъ, плылъ, едва не унесло. Наконецъ попробовалъ ногой — дно. «Ну, думаетъ, сейчасъ я его достану»—и пошелъ въ кусты.

Разгнѣвался Господь на Аггея. Призвалъ Онъ къ себѣ ангела и повелѣлъ ему, принявъ на себя видъ Аггеевъ, одѣться въ его платье, сѣсть на коня и ѣхать въ городъ. И исполнилъ ангелъ волю Господню по слову Его.

Искалъ, искалъ звѣря Аггей по кустамъ — нѣтъ звѣря. Весь островъ кругомъ обошелъ; поперекъ сквозь кусты излазилъ — нѣтъ ничего. И не придумалъ Аггей, куда дѣвался олень, впереди — рѣка широкая, никакому звѣрю не переплыть; да и увидѣлъ бы онъ оленя, если бы тотъ поплыть вздумалъ. Досадно стало Аггею; однако дѣлать нечего, надо назадъ ворочаться. Онъ вышелъ къ водѣ, бросилъ копье, чтобъ не мѣшало, и приплылъ къ берегу. Смотритъ — ни коня ни платья нѣтъ. Разсердился правитель, подумалъ, что украли, и рѣшилъ строго наказать вора. Вышелъ онъ изъ воды, поднялся на крутой берегъ—чистое поле, нѣтъ никого. Нечего дѣлать, нужно голому итти. Идетъ, а трава ему ноги рѣжетъ; непривычны онѣ босикомъ ходить; солнце печетъ голое тѣло и голову. Шелъ, шелъ Аггей, поднялся на пригорокъ; видитъ, въ лощинѣ пастухъ коровъ и телятъ пасетъ. Остановился Аггей и началъ ему рукой махать.

— Эй, ты, говоритъ, поди сюда!

Пастухъ на него смотритъ, удивляется: «Откуда, думаетъ, среди чистаго поля голый человѣкъ взялся?» Пошелъ къ нему потихоньку; въ одной рукѣ кнутъ длинный, въ другой — труба берестовая; самъ въ лаптяхъ и въ зипунишкѣ худомъ; черезъ плечо мѣшокъ для хлѣба повѣшенъ.

Аггей на него закричалъ:

— Ты чего не идешь, когда зовутъ?

— А ты кто такой? — спрашиваетъ пастухъ. — Чего тебѣ надобно?

— Не видѣлъ ли, кто мое платье взялъ и коня увелъ?

— Да ты кто такой, самъ-то? — опять спрашиваетъ пастухъ.

— Какъ, ты меня не знаешь? Я правитель вашъ Аггей.

Посмотрѣлъ на него пастухъ и засмѣялся.

— Что ты, дуракъ, городишь! Правитель нашъ сейчасъ мимо меня въ городъ съ охоты проѣхалъ. Долго его тутъ охотники искали и нашли: вмѣстѣ поѣхали.

— Какъ ты смѣешь, рабъ, негодяй?—закричалъ Аггей.

— Пошелъ, пошелъ! — говоритъ пастухъ: — а то кнута отвѣдаешь.

Не вспомнилъ себя правитель отъ гнѣва. Забылъ онъ, что нагъ и безоруженъ, и бросился на пастуха. Схватилъ за плечо, хотѣлъ ударить, но пастухъ былъ сильнѣе: повалилъ онъ Аггея на землю и началъ бить берестовою трубою. Билъ-билъ, пока береста вся не расплелась, и отошло тогда у него сердце.

— Вотъ, говоритъ, тебѣ за такія слова. Ступай!

Поднялся Аггей, весь избитый, побрелъ потихоньку. А пастухъ подумалъ, и жаль ему стало. «Напрасно, думаетъ, я человѣка изобидѣлъ: можетъ, онъ шальной какой, или сумасшедшій».

Отошелъ Аггей немного отъ пастуха, слышитъ, тотъ зоветъ его.

— Эй, ты, воротись!

Аггей обернулся, смотритъ, а пастухъ въ одной рукѣ что-то держитъ, а другою рукой къ себѣ его манитъ.

— Воротись!—кричитъ: — куда ты голый пойдешь? Нà тебѣ хоть мѣшокъ.

Стоитъ Аггей, не шевелится. Горько и стыдно стало душѣ его. Пастухъ досталъ ножъ изъ-за пояса, прорѣзалъ въ мѣшкѣ три дыры: одну для головы, а двѣ для рукъ, и подошелъ къ Аггею.

— Мѣшокъ-то у меня пустой, хлѣбъ весь съѣлъ. Нехорошо человѣку голому ходить; надѣнь вмѣсто рубахи.

Надѣлъ онъ на него мѣшокъ. Пошелъ Аггей, ни слова не сказавши, въ городъ. Идетъ, а самъ думу думаетъ о своей напасти и не знаетъ, откуда она на него пришла. Обманщикъ, видно, какой-нибудь, на него похожій, его платье взялъ и коня увелъ. И чѣмъ дальше идетъ Аггей, тѣмъ больше сердце у него разгорается. «Ужъ покажу я

ему, что я Аггей — настоящій, грозный правитель. Прикажу на площадь отвести и голову отрубить. А пастуха тоже такъ не оставлю»,—подумалъ Аггей, да вдругъ вспомнилъ про мѣшокъ и застыдился.

Шелъ онъ до вечера, а до города еще далеко. Пришлось ему въ полѣ ночевать; зарылся въ копну и проспалъ всю ночь. Поднялся съ зарею и опять пошелъ; недалеко отъ города вышелъ на большую дорогу. По дорогѣ много народу въ городъ на базаръ идетъ и ѣдетъ. Догоняетъ его обозъ; стали его извозчики спрашивать, что̀ онъ за человѣкъ, и отчего это онъ въ мѣшокъ одѣтъ.

Вспомнилъ Аггей про пастуховы побои и побоялся сказать правду.

— Я, говоритъ, не здѣшній житель; ѣхалъ я черезъ вашъ городъ по дѣламъ, да дорогой напали на меня разбойники, всего избили и ограбили, и коня, и платье, и деньги отняли. Надѣли на меня мѣшокъ да и пустили.

Пожалѣли его добрые люди: собрали кто рубаху, кто штаны; одинъ далъ ему опорки старые, другой — кафтанъ, а третій — шапку. Поблагодарилъ ихъ Аггей, спросилъ, какъ зовутъ и гдѣ ихъ найти, и пошелъ въ городъ уже повеселѣе.

«Скоро, думаетъ, моему мученью конецъ. Злодѣя накажу, а тѣхъ, кто мнѣ помогъ, награжу».

Пошелъ онъ прямо на соборную площадь: тамъ его палаты стояли. Думалъ онъ въ свои ворота войти, не узнала его стража и не пустила. Побоялся онъ, какъ бы опять бить не стали, отошелъ и сталъ думать, что̀ ему дѣлать. Итти прямо въ домъ къ себѣ нельзя: пока дойдешь до обманщика, и изобьютъ, и въ тюрьму посадятъ, и убьютъ, пожалуй. «Надо потерпѣть», думаетъ. Пошелъ на базаръ, гдѣ поденщики нанимались, и сталъ въ толпу. Наняли его за малыя деньги кирпичи на постройку носить. Трудна была ему работа: всѣ плечи въ кровь съ непривычки истеръ, а самъ весь будто разбитый. Получилъ онъ подъ вечеръ деньги и раздѣлилъ ихъ на три части: на одну хлѣба купилъ, поѣлъ, другую про запасъ на ночлегъ оставилъ, а на третью купилъ бумаги, чтобъ написать женѣ своей письмо. Была у нихъ одна великая тайна: зналъ про нее лишь онъ да жена его, и чтобъ повѣрила она письму, написалъ онъ про эту тайну и, подойдя къ своему дому, увидѣлъ одну женщину изъ прислужницъ жены и отдалъ ей письмо для передачи. Не узнала его въ дурномъ платьѣ и женщина-служанка. Сталъ Аггей недалеко отъ воротъ, отвѣта поджидаетъ.

А жена его, видя, что мужъ ея при ней, не могла повѣрить тому письму. Подумала, не проговорился ли мужъ кому про ту тайну, и не злодѣй ли какой хочетъ смутить ее. Боялась она своего грознаго мужа и знала, что если узнаетъ онъ, что ей такія письма приносятъ, то накажетъ ее, не разобравъ дѣла. И чтобы отогнать того человѣка, что письмо написалъ, и напугать его, чтобы никогда больше не смѣлъ смущать ее, приказала слугамъ схватить его, привести во дворъ и высѣчь жестоко. Исполнили это слуги, отпустили Аггея чуть живого. Приплелся онъ на постоялый дворъ и всю ночь промучился: къ утру лишь заснулъ. И тѣлу его было больно, а въ душѣ и того хуже: гнѣвъ безсильный и ярость связанная терзали его, а хуже мученія нѣтъ.

На другой день пришелъ праздникъ, и стали хозяева съ постоялаго двора въ церковь собираться. Нарядилась хозяйка и вышла за ворота, а мужъ во дворѣ чѣмъ-то замѣшкался. Стала жена мужа звать:

— Иди, кричитъ, а то правитель въ церковь пройдетъ, и не увидимъ его.

Услышавъ это, Аггей и спрашиваетъ:

— А кто у васъ здѣсь правитель?

— А ты не здѣшній, видно, что не знаешь? Правитель у насъ Аггей. Правитъ онъ городомъ и всею областью уже двѣнадцать лѣтъ. Грозный у насъ правитель: вчера увидѣла я его на улицѣ, со страху чуть не упала.

Пошли хозяева въ церковь, а Аггей не знаетъ, что ему и думать. Махнулъ онъ рукой. «Будь, что будетъ, думаетъ, хуже того, что теперь, себѣ не сдѣлаю: хоть и казнитъ меня, а пойду и обличу злодѣя». И пошелъ за хозяевами къ собору и сталъ съ народомъ на паперти, гдѣ проходить правителю.

И видитъ Аггей: идутъ его воины-тѣлохранители съ сѣкирами и мечами, и начальники, и чиновники въ праздничныхъ одеждахъ. И идутъ подъ балдахиномъ парчевымъ правитель съ правительницей: одежды на нихъ златотканныя, пояса дорогими каменьями украшенные. И взглянулъ Аггей въ лицо правителю и ужаснулся: открылъ ему Господь глаза, и узналъ онъ ангела Божья. И бѣжалъ Аггей въ ужасѣ изъ города.

Бѣжалъ онъ долго, самъ не зная, гдѣ и куда. И очутился онъ въ дремучемъ лѣсу, и упалъ отъ усталости подъ деревомъ, и долго лежалъ безъ силъ и безъ памяти, какъ будто бы оставила его на время душа его.

Проснулся онъ ночью, и дико ему стало. Забылъ, что случилось въ послѣдніе три дня, и не знаетъ, отчего звѣзды изъ-за вѣтокъ смотрятъ на него, отчего надъ нимъ деревья отъ вѣтра шумятъ, отчего ему холодно, и лежитъ онъ не на своей пуховой постели, а на сырой травѣ. Сталъ вспоминать и все припомнилъ.

И горько плакалъ Аггей. Вспомнилъ онъ всю жизнь свою и понялъ, что не за выдранный листъ наказалъ его Господь, а за всю жизнь. «Прогнѣвалъ я Господа, думаетъ, и будетъ ли мнѣ теперь пощада и спасеніе?»

Долго лежалъ онъ и плакалъ, каясь въ грѣхѣ своемъ и прося у Бога помощи и силы. И послалъ ему Господь силу.

Разсвѣтало; Аггей всталъ и вышелъ изъ лѣса, и пошелъ на свѣтлый Божій міръ, къ людямъ.

Годъ прошелъ, другой проходитъ, а жена Аггеева все думаетъ, что мужъ ея вмѣстѣ съ нею въ палатахъ живетъ.

Только удивляется она, отчего мужъ ея сталъ смиренъ и добръ: не казнитъ никого и не наказываетъ; на охоту не ѣздитъ, а только въ церковь ходитъ да разбираетъ ссоры и тяжбы и миритъ поссорившихся. Видится она съ нимъ рѣдко; посмотритъ онъ на нее кротко, не попрежнему, скажетъ ласковое слово и уйдетъ въ свою горницу, и тамъ затворится и сидитъ одинъ.

Приступила она къ нему наконецъ:

— Господинъ мой, скажи мнѣ, чѣмъ я прогнѣвала тебя, что ты удалилъ отъ себя жену свою? Не знаю за собой никакой вины; за что же ты другой годъ меня чуждаешься?

Посмотрѣлъ на нее ангелъ, улыбнулся тихо и сказалъ:

— Ничѣмъ ты меня не прогнѣвала, любезная жена, но я далъ Богу обѣтъ три года не знать тебя. Вотъ третій годъ уже наступаетъ, и скоро будешь ты жить попрежнему съ мужемъ своимъ.

Сказалъ и ушелъ въ свой покой и затворился. Заплакала жена и тоже пошла къ себѣ.

Такъ прожили они три года. За недѣлю прежде, чѣмъ пойти четвертому, отдалъ правитель приказъ собрать со всей области нищихъ и убогихъ. Будетъ на правителевомъ дворѣ всѣмъ имъ пріемъ и угощеніе, и надѣлитъ ихъ правитель дарами. Поскакали гонцы во всѣ города, послали изъ городовъ приказъ по селамъ и деревнямъ, и со всѣхъ концовъ потянулись нищіе. И не зналъ никто до той поры, что такъ много нищихъ въ области; всѣ дороги покрыли

они: хромые, безногіе, безрукіе, и слѣпые, и слабые, и юродивые, и убогіе разумомъ, старые и молодые. Идутъ нищіе зрячіе больше по одиночкѣ, а слѣпые — артелями. Собрались въ городъ, и пришло ихъ столько, что не только во дворѣ у правителя не помѣстились, а и всю соборную площадь заняли.

Пошелъ правитель въ церковь, набились и нищіе въ церковь, тѣ, которые попали, а другіе толпою стали передъ церковью на площади. Слуги же въ то время на площади столы разставили и накрыли ихъ, и поставили на нихъ пироги и похлебки, и мясо, медъ и вино. И сколько ни было нищихъ, всѣмъ мѣста хватило.

Вышелъ правитель изъ церкви, остановился на паперти, далъ знакъ рукой, и вся толпа стихла.

— Радъ видѣть васъ всѣхъ, добрые люди: милости прошу хлѣба-соли откушать. Садитесь по мѣстамъ и кушайте, а пообѣдаете — еще къ вамъ выйду.

Сказалъ и прошелъ въ свои палаты. Стали за столы усаживаться; одна артель слѣпыхъ цѣлый столъ заняла. Пришли эти слѣпцы издалека; шли они тихо и долго; было ихъ двѣнадцать человѣкъ, а поводырь у нихъ былъ одинъ. Шелъ онъ впереди, двое за него держались, а за тѣхъ остальные по парѣ. Разсадилъ онъ ихъ по мѣстамъ, а самъ сталъ служить: розлилъ имъ по мискамъ похлебку, пироги роздалъ, мясо нарѣзалъ, ложки въ руки далъ. Ѣдятъ слѣпые, а онъ отъ одного къ другому ходитъ и служитъ имъ.

Вотъ въ концѣ обѣда вышелъ правитель изъ своихъ палатъ и началъ обходить столы. Кого спроситъ о чемъ, кому ласковое слово скажетъ, а за нимъ идутъ слуги съ деньгами и платьемъ и всѣхъ одѣляютъ. Обошелъ всѣхъ и подходитъ къ послѣднему столу, гдѣ слѣпая артель сидѣла. Увидѣлъ правителя поводырь, и задрожалъ, и поблѣднѣлъ весь. Подходитъ къ нему правитель и спрашиваетъ:

— Ты тоже нищій?

— Нѣтъ, великій правитель, не нищій я. Слуга я нищимъ.

— Добро сказалъ ты, человѣкъ. Какъ зовутъ тебя?

Потупилъ поводырь глаза въ землю.

— Люди Алексѣемъ зовутъ.

Посмотрѣлъ ему въ глаза ангелъ, улыбнулся и говоритъ:

— Не всякая ложь въ ложь поставится. Иди за мной.

Оставилъ поводырь своихъ слѣпыхъ и пошелъ за правителемъ въ палаты. Идутъ они черезъ толпу, и дивятся на нихъ всѣ люди: идутъ точно братья родные. Оба вы-

сокіе и статные, оба черноволосые и оба на одно лицо: только у поводыря въ густыхъ кудряхъ сѣдины много серебрится да лицо почернѣло отъ вѣтра и солнца, а у правителя лицо бѣлое и свѣтлое.

Разступился народъ, пропустилъ ихъ; ушли они въ палаты. Провелъ поводыря ангелъ въ дальній покой и затворился съ нимъ.

— Узналъ тебя, Аггей, — говоритъ правитель: — знаешь ли ты меня?

— Знаю, господинъ, что посланъ ты былъ наказать меня. Каюсь я въ грѣхѣ моемъ и во всей жизни моей...

И заплакалъ Аггей, и плакалъ навзрыдъ. Стоитъ ангелъ передъ нимъ; лицомъ просвѣтлѣлъ и улыбается; поднялъ Аггей голову и перестал плакать: не видѣлъ онъ никогда улыбки такой.

— Кончилось наказаніе твое, — сказалъ ангелъ. — Возьми мантію правителеву, возьми мечъ и жезлъ и шапку правителеву. Помни, за что ты наказанъ былъ, и правь народомъ кротко и мудро, и будь отнынѣ братомъ народу своему.

— Нѣтъ, господинъ мой, ослушаюсь я твоего велѣнія, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантіи. Не оставлю я слѣпыхъ своихъ братій: я имъ и свѣтъ, и пища, и другъ, и братъ. Три года я жилъ съ ними и работалъ для нихъ, и прилѣпился душою къ нищимъ и убогимъ. Прости ты меня и отпусти въ міръ къ людямъ: долго стоялъ я одинъ среди народа, какъ на каменномъ столпѣ, высоко мнѣ было, но одиноко, ожесточилось сердце мое и исчезла любовь къ людямъ. Отпусти меня!

— Добро сказалъ ты, Аггей, — отвѣчалъ ангелъ. — Иди съ миромъ.

И пошелъ поводырь Алексѣй со своими двѣнадцатью слѣпыми, и работалъ всю жизнь на нихъ и на другихъ бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ, и прожилъ такъ многіе годы до смерти своей.

А ангелъ черезъ три дня оставилъ тѣло правителя. Похоронили тѣло, и жалѣлъ народъ своего правителя, который сначала гордымъ былъ, а послѣ кроткимъ сталъ.

Ангелъ же явился передъ лицо Господа.

СИГНАЛЪ.

Семенъ Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой — десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣса ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семенъ Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ онъ побывалъ на войнѣ: служилъ въ денщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ, и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ морозъ; случалось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку — турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семенъ изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту, пули свистятъ, въ камни щелкаютъ, страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой — отецъ-старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году — тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семенъ съ женою самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ невтерпежъ; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семенъ съ женой и на линіи, и въ Херсонѣ, и въ Донщинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена

въ прислуги, а Семенъ попрежнему все бродитъ. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семенъ, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга. Офицеръ своего полка оказался.

— Ты Ивановъ? — говоритъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разсказалъ ему Семенъ: такъ, молъ, и такъ.

— Куда жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говоритъ:

— Вотъ что̀, братъ, оставайся-ка ты покудова на станціи. Ты, кажется, женатъ? Гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ; жена въ городѣ Курскѣ, у купца въ услуженіи находится.

— Ну, такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится, ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе, — отвѣтилъ Семенъ.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семенъ на ручной тележкѣ въ свою будку. Будка новая, тепла, дровъ — сколько хочешь, огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полдесятины пахотной по бокамъ полотна было. Обрадовался Семенъ; сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купитъ.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключи — гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метелъ, болтовъ, костылей, дали двѣ книжки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семенъ ночи не спалъ, все расписаніе твердилъ; поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки, и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ, по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Дѣло было лѣтомъ; работа не тяжелая, снѣга отгребать

не надо. Да и поѣзда на той дорогѣ рѣдки, обойдетъ Семенъ свою версту два раза въ сутки, кое-гдѣ гайки попробуетъ, подвинтитъ, щебенку подровняетъ, водяныя трубы посмотритъ, и идетъ домой хозяйство свое устраивать. Въ хозяйствѣ только у него помѣха была: что ни задумаетъ сдѣлать, обо всемъ дорожнаго мастера проси, а тотъ начальнику дистанціи доложитъ; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семенъ съ женою даже скучать.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семенъ съ сосѣдями-сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались; едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками, на обходѣ; Семенъ шапку снялъ и поклонился.

— Добраго, говоритъ, здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку.

— Здравствуй,—говоритъ.

Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семенъ:

— Что это, говоритъ, у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый?

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако, прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семенъ съ Василіемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и разсказываютъ про свое житье-бытье. Василій же больше помалчивалъ, а Семенъ и про деревню свою и про походъ разсказывалъ.

— Немало, говорилъ, я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то братецъ, Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это ты не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки нѣту твари жесточе. Не людская бы злость да жадность — жить бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ да кусъ отхватить да слопать.

Задумался Семенъ.

— Не знаю, говоритъ, братъ. Можетъ, оно такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ,—говоритъ Василій: — такъ нечего намъ съ тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидѣть да терпѣть, такъ это, братъ, не человѣкомъ надо быть, а скотомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Всталъ и Семенъ.

— Сосѣдъ, — кричитъ: — за что же ругаешься?

Не обернулся сосѣдъ, пошелъ. Долго смотрѣлъ на него Семенъ, пока на выемкѣ на поворотѣ стало Василія не видно. Вернулся домой и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же у насъ: зелье, не человѣкъ.

Однако не поссорились они; встрѣтились опять и попрежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

— Э, братъ, кабы не люди... не сидѣли бы мы съ тобою въ будкахъ этихъ, — говоритъ Василій.

— Что жъ въ будкѣ... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эхъ, ты! Много жилъ, мало нажилъ, много смотрѣлъ, мало увидѣлъ. Бѣдному человѣку, въ будкѣ тамъ или гдѣ, какое ужъ житье! Ѣдятъ тебя живодеры эти. Весь сокъ выжимаютъ, а старъ станешь — выбросятъ, какъ жмыху какую, свиньямъ на кормъ. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василій Степановичъ. Двѣнадцать рублей.

— А я тринадцать съ полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, отъ правленія всѣмъ одно полагается: пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, отопленіе, освѣщеніе. Кто же это намъ съ тобой двѣнадцать или тамъ тринадцать съ полтиной опредѣлилъ? Позволь тебя спросить?.. А ты говоришь, жить можно! Ты пойми, не объ полуторыхъ тамъ или трехъ рубляхъ разговоръ идетъ. Хоть бы и всѣ пятнадцать платили. Былъ я на станціи въ прошломъ мѣсяцѣ; директоръ проѣзжалъ, такъ я его видѣлъ. Имѣлъ такую честь. Ѣдетъ себѣ въ отдѣльномъ вагонѣ: вышелъ на платформу, стоитъ... Да не останусь я здѣсь долго; уйду, куда глаза глядятъ.

— Куда же ты уйдешь, Степанычъ? Отъ добра добра не ищутъ. Тутъ тебѣ и домъ, тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! Посмотрѣлъ бы ты на землицу мою. Ни прута на ней нѣту. Посадилъ-было весной капустки, такъ и то дорожный мастеръ пріѣхалъ. «Это, говоритъ, что̀ такое? Почему безъ доношенія? Почему безъ разрѣшенія? Выкопать, чтобъ и духу ея не было». Пьяный былъ. Въ другой разъ ничего бы не сказалъ, а тутъ втемяшилось... «Три рубля штрафу!..»

Помолчалъ Василій, потянулъ трубочки и говоритъ тихо̀:

— Немного еще, зашибъ бы я его до смерти.

— Ну, сосѣдъ, и горячъ ты, я тебѣ скажу.

— Не горячъ я, а по правдѣ говорю и размышляю. Да еще дождется онъ у меня, красная рожа. Самому начальнику дистанціи жаловаться буду. Посмотримъ!

И точно пожаловался.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать: ревизію дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ произвести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка-сторожиха и старика своего выгнала траву подчищать. Работалъ Семенъ цѣлую недѣлю; все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичомъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукояти вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ, только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семенъ, отрапортовалъ по-солдатски.

Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь? — спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридоновъ.

— Спиридоновъ, Спиридоновъ... А, это тотъ самый, что̀ въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридонова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукояти; пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семенъ на нее и думаетъ: «Ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра».

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что̀ виднѣется. Сталъ Семенъ присматривать — Василій; въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ повязана.

— Сосѣдъ, куда собрался? — кричитъ Семенъ.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко: лица на немъ нѣту, бѣлый, какъ мѣлъ, глаза дикіе; говорить началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ, говоритъ, въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... Вотъ что̀! Жаловаться, стало-быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ!

Взялъ его за руку Семенъ.

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, съ дрезины сошелъ, въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать; все, какъ слѣдуетъ, исправилъ. Ѣхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать. «Тутъ, говоритъ, правительственная ревизія, такой-сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Тутъ, говоритъ, тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!» Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ; да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій, и долго его не было.

Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсѣмъ, поджидаючи мужа. На третій день проѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два перваго класса, а Василія все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семенъ его хозяйку; лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ?—спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семенъ когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ таловой палкѣ сердце, дырки, гдѣ надо, высверлитъ, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладитъ, что хоть что̀ угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка,— на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ,—спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая, слышно только, какъ птицы чиликаютъ, да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще, скоро и полотно, и чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. «Что̀ бы это значило?»—думаетъ. Выходитъ онъ на опушку—передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ— и человѣкъ поднялся, въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ—не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василій Степанычъ! Отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ! Поставимъ рельсъ, никто не узна̀етъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха.

Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ— вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу—до будки сто саженъ, не больше, осталось, слышитъ—на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! Спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и въ дребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать саженъ, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя... Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во̀-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что̀ еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ, дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту; остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища; перекрестился, Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ: прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума; одна мысль въ головѣ: «не

устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... помоги, Господи, пошли смѣну...»

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю; чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня,—говоритъ:—я рельсъ отворотилъ.

БОЕВЫЯ КАРТИНКИ.

АЯСЛАРСКОЕ ДѢЛО.

I.

Мы двѣ недѣли стояли въ Ковачицѣ. Вяло, однообразно течетъ лагерная жизнь, когда нѣтъ никакого дѣла, да еще въ такой глуши. Впрочемъ, глушью Ковачицу назвать было бы несправедливо: въ ней находился нашъ корпусный штабъ, почтовое отдѣленіе—словомъ, средства узнать что-нибудь, что̀ дѣлается въ окружающемъ мірѣ, а главное—на обоихъ театрахъ войны и въ далекой дорогой родинѣ. Мы, по правдѣ сказать, все-таки не были избалованы свѣжестью и обиліемъ новостей, да къ тому же онѣ часто являлись къ намъ обезображенныя и преувеличенныя. Темные слухи о первыхъ плевненскихъ неудачахъ были до того преувеличены, что только газеты двухъ- и трехнедѣльнаго возраста разсѣяли мрачность, царившую среди офицеровъ. Кажется, по прямой дорогѣ изъ Плевны къ намъ было бы ближе, чѣмъ черезъ Петербургъ и Москву, однако, «коли въ объѣздъ—верста, а напрямикъ—пять»,—говорится въ сказкѣ.

Наша бригада скучала. Правда, одинъ разъ часть Нѣжинскаго полка ходила на рекогносцировку, или, вѣрнѣе, для наказанія вооруженныхъ и возставшихъ жителей, въ Ломъ. Пошли, наказали и вернулись. Одного потеряли убитымъ, и одинъ солдатъ спасся какимъ-то чудомъ.

— Стали мы ворочаться, а башибузуки издали попаливаютъ. Пріосталъ я маленько: выстрѣлить обернулся; только сталъ подгонять—какъ хватитъ она меня въ спину! Да неловко пришлось—въ шинель угодила. Семь суконъ пробила, въ восьмомъ запуталась.

«Она»—конечно, пуля. У солдатика дѣйствительно въ развернутой шинели оказалось семь причудливо расположенныхъ дыръ.

— И только, братцы мои, поспѣлъ я крестъ на себя положить, глянь—торбочку дернуло, а въ ней двѣ дыры у самой ноги, и крошки сухарныя сыплются!

— Отвѣдала да и ушла. Нескусны наши россійскіе сухарики!—острить кто-то.

Между тѣмъ какъ мы стояли въ Ковачицѣ и, по выраженію нѣкоторыхъ, «кисли», впереди, на боевой линіи, у Попкіоя, часто происходили стычки.

9-го августа нашъ полковой докторъ назначилъ «тѣлесный смотръ». Собираться къ третьему батальону (который стоялъ отдѣльно). Наша рота собралась раньше всѣхъ: насъ выстроили и повели на мѣсто сбора. Это была небольшая площадка, свободная отъ палатокъ и орудій. Здѣсь мы остановились; доктора не было, и приходилось ждать. Отъ-нечего-дѣлать я сталъ смотрѣть на палатки. Странную картину представляетъ лагерь въ военное время. Маленькія солдатскія палатки ярко бѣлѣютъ, облитыя солнцемъ; ружейные козлы и разноцвѣтныя фигуры солдатъ пестрятъ этотъ бѣлый фонъ. Преобладаютъ лиловыя пятна пестрядинныхъ рубахъ; затѣмъ краснѣютъ кумачевыя, желтѣютъ, алѣютъ, зеленѣютъ ситцевыя. Черные мундиры надѣваются развѣ только на какую-нибудь службу: всѣ предпочитаютъ самое неумѣренное дезабилье. Тутъ голыя ноги, тамъ голая спина и грудь. Сапогъ не надѣваютъ, потому что жарко, да и беречь ихъ надо, тысяча верстъ похода дала имъ себя знать.

Мы ждали довольно долго; кто-то пошелъ доложить доктору, что люди собираются. Но намъ, видно, не суждено было испытать «тѣлеснаго смотра». Въ палатку командира третьяго батальона вбѣжалъ полковой адъютантъ, и тотчасъ же очень низенькій и полный майоръ Ф—скій вылетѣлъ изъ палатки почти безъ всякаго одѣянія, снятаго имъ съ себя по случаю жары.

— Третій батальонъ, снимай палатки! Ранцевъ не брать!—звонко закричалъ онъ.

И затѣмъ скрылся въ своемъ помѣщеніи, которое тотчасъ же было снято и обнаружило майора, сидящаго на складномъ табуретѣ и надѣвающаго, при помощи денщика, различныя небходимыя части туалета. Между тѣмъ третій батальонъ сразу измѣнилъ свой видъ. Изъ всѣхъ палатокъ, какъ муравьи, вылѣзли люди; быстро надѣвались мундиры, палатки исчезли, свертывались, шинели скатывались. И черезъ пять минутъ послѣ появленія майора Ф—скаго изъ палатки, вмѣсто пестроты спокойнаго бивуака, явились тем-

ные, стройные ряды! Кое-гдѣ солнце играло на штыкахъ, на стволахъ ружей. Офицеры бѣжали къ батальону, застегивая на ходу портупеи. Самъ майоръ вышелъ передъ батальономъ, усѣлся при посторонней помощи на коня и скомандовалъ: «Изъ середины, рядами!». Раздались команды ротныхъ командировъ. Человѣческая масса всколыхнулась, и изъ темнаго четыреугольника начала змѣею вытягиваться походная колонна. Куда она пойдетъ? Майоръ, выѣхавъ на дорогу, повернулъ налѣво и повелъ колонну къ Попкіою.

Не успѣлъ батальонъ вытянуться по дорогѣ, какъ прибѣжалъ нашъ дневальный.

— Кузьма Захарычъ, ведите роту, выступаемъ!—кричалъ онъ.

— Безъ ранцевъ?—спросило вдругъ нѣсколько голосовъ.

Вопросъ былъ первостатейной важности. Изъ всѣхъ невзгодъ солдатской походной жизни едва ли не третью часть причиняетъ «телятина» или «теленокъ», какъ прозвали солдаты своей неудобный походный мѣшокъ. Иные зовутъ его еще «комодомъ». Этотъ «комодъ» причиняетъ боль въ плечахъ, давитъ грудь, утомляетъ ноги, уменьшая устойчивость тѣла; подъ нимъ, даже въ свѣжую погоду, спина взмокаетъ послѣ пяти минутъ ходьбы. Поэтому неудивительно, что оставленіе ранцевъ было встрѣчено общимъ сочувствіемъ *)

Бѣгомъ пустилась рота къ своему бивуаку. Здѣсь уже всѣ собрались; ранцы были свалены въ кучу, палатки сняты. Мы торопились одѣваться. Какъ ни любитъ русскій человѣкъ погалдѣть при всякомъ удобномъ случаѣ и когда онъ находится въ скопѣ, но все было тихо. Меня всегда удивляла эта тишина во время сборовъ по тревогѣ.

Черезъ четверть часа мы выступили. Отъ Ковачицы до Попкіоя всего верстъ 9—10. Но, хотя мы шли и налегкѣ, безъ ранцевъ, а только съ шинелями, перекинутыми черезъ плечо, съ закатанными въ нихъ палатками, эти 10 верстъ насъ совершенно измучили. Жара была смертная, больше 35° въ тѣни, и ни малѣйшаго вѣтерка. Какъ будто бы все умерло: кукуруза не шелестила своими еще темно-зелеными листьями; вѣтви и листья попадавшихся намъ грушевыхъ деревъ были неподвижны. Ни одной птицы не увидали мы

---

*) Одинъ изъ корреспондентовъ «Голоса» ставитъ въ особую заслугу солдатамъ генерала Циммермана то, что они перешли черезъ Дунай и разбили турокъ «*даже безъ ранцевъ*». Вѣроятно, корреспондентъ воображаетъ, что ранецъ есть нѣчто въ родѣ воздушнаго шара, поддерживающаго солдата въ воздухѣ.

во все время перехода. Солдаты изнемогали уже послѣ четырехъ верстъ пути. Когда, на полудорогѣ, намъ дали отдыхъ у колодца, люди, едва успѣвъ составить ружья, буквально попàдали на землю.

— Отвыкли ходить, Гаврила Васильевичъ?—обратился я къ своему сосѣду.

Онъ лежалъ съ полузакрытыми глазами и тяжело дышалъ.

— Да! Вотъ не походи ты недѣльки двѣ, вѣдь какъ избалуешься!—глухо отвѣчалъ онъ.—Пойдемте водицы испить.

Мы встали и пошли доталкиваться къ колодцу, или, вѣрнѣе, фонтану. Изъ желѣзной трубки, вставленной въ стѣнку въ ростъ человѣка, сложенную изъ дикаго камня, чистая, прозрачная струя текла въ каменное корыто. Солдаты тѣснились, доставая воду, и обливали другъ друга, перенося полныя воды манерки черезъ головы сосѣдей. Мы напились и набрали воды въ свои бутылки.

— Ну, полегчало; можно и опять въ походъ,—сказалъ Гаврила Васильевичъ, утирая рукавомъ свои бѣлокурые усы и бороду.

Онъ былъ замѣчательный красавецъ, голубоглазый, стройный, ловкій. Онъ лежитъ теперь на Аясларской горѣ, и отъ его голубыхъ глазъ и прекраснаго лица уже ничего не осталось.

Давъ отдохнуть полчаса, майоръ Ф. повелъ насъ далѣе. Чѣмъ ближе мы подходили къ Попкіою, тѣмъ становилось труднѣе и труднѣе. Солнце пекло съ какою-то яростью, будто торопилось допечь насъ, пока мы еще не пришли на мѣсто и не спрятались отъ жары въ палатки. Нѣкоторые не выдержали этой ярости: едва бредя съ опущенною головою, я чуть не споткнулся объ упавшаго офицера. Онъ лежалъ красный, какъ кумачъ, и судорожно, тяжело дышалъ. Его положили въ лазаретную фуру.

Полутораверстный подъемъ изъ долины, по которой мы шли, на правый склонъ ея показался намъ хуже всей дороги. Запахи, дающіе себя знать при приближеніи ко всякому лагерю, еще прибавляли духоты. Какъ дошелъ я— рѣшительно не помню, но все-таки дошелъ; другіе были менѣе счастливы. Едва таща ноги, мы перестроились въ порядокъ, въ которомъ должны были расположиться на отдыхъ, и, едва стоя на ногахъ, дождались наконецъ благословеннаго возгласа майора Ф.:

— Составь!

Т.-е. составь ружья и дѣлай, что̀ тебѣ угодно.

II.

Люди такъ измучились, что даже невыносимая жажда не могла заставить ихъ итти за водою. Только черезъ полчаса собрались команды съ манерками и отправились въ деревню. На томъ склонѣ долины, на вершинѣ котораго мы расположились, находилась мусульманская часть Попкіоя,— пустая, словно послѣ чумы. На противоположной сторонѣ тѣснились болгарскія «кишты», точно такія же, какъ и турецкія, съ такими же низенькими черепичными крышами. Тамъ слышался лай собакъ, виднѣлись люди, овцы, буйволы, или, какъ ихъ прозвали наши солдаты, «буйлы». Направо шла долина, по которой мы только-что шли, съ ручейкомъ посрединѣ и съ безконечными кукурузными, ячменными и пшеничными полями по склонамъ. Налѣво, перпендикулярно къ нашей долинѣ, шла долина Лома, уходившая въ обѣ стороны въ туманную синеватую даль, изъ которой все слабѣе и слабѣе вырисовывались горы праваго берега рѣки.

Противъ насъ эти возвышенности были очень высоки. На нихъ, въ одномъ мѣстѣ, изрѣдка появлялся дымъ бѣлымъ клубомъ и медленно-медленно несся, тая и расплываясь въ воздухѣ; черезъ полминуты раздался глухой ударъ, въ родѣ далекаго раската грома. Это была рекогносцировка Моршанскаго полка.

Мы сыскали фонтанъ, набрали воды и въ разбродъ вернулись на бивуакъ. Солдаты, немного отдохнувъ, уже оживились, чему, конечно, способствовали эти далекіе выстрѣлы.

— Ишь, какъ садитъ!

— Что, братцы, наши это или турки?—задалъ кто-то вопросъ.

Кто-то другой отвѣтилъ, что моршанцы не взяли съ собою пушекъ. И дѣйствительно, судя по положенію и направленію дыма, это не могли быть выстрѣлы нашихъ орудій.

Правѣе деревни, гораздо ближе, чѣмъ орудійные выстрѣлы, не на возвышенности, а подъ нею, въ долинѣ Лома, застучала ружейная стрѣльба, сначала рѣдко, какъ будто бы рубили лѣсъ въ нѣсколько топоровъ, потомъ все чаще и чаще. Иногда звуки сливались въ сплошную трескотню.

Я подошелъ къ офицерамъ нашей роты. И. Н. А., нашъ ротный командиръ, говорилъ другому офицеру, С., что, какъ ему только сейчасъ разсказывали, такія перепалки бываютъ здѣсь чуть не каждый день.

— Ну, кажется, дождались дѣла,—сказалъ С.

— Да дѣло-то это такое... развѣ это дѣло? Засѣли жители съ черкесами въ лѣсу, только безпокоятъ, а между тѣмъ шальныя пули вѣдь и здѣсь летаютъ. Не хотѣлъ бы я быть убитымъ такимъ образомъ.

— Отчего, И. Н.?—спросилъ я.

— Да такъ, что̀ это за сраженіе!

И. Н. хорошій знатокъ военнаго ремесла и большой поклонникъ стратегіи и тактики. Онъ не разъ выражалъ мысль, что если быть убитымъ, то ужъ какъ слѣдуетъ, въ правильномъ бою, а еще лучше—въ генеральномъ сраженіи. Теперешняя перестрѣлка ему, видимо, не нравилась; онъ безпокойно пощипывалъ нѣсколько одинокихъ волосковъ на своемъ подбородкѣ и вдругъ, добродушно и серьезно улыбнувшись, сказалъ:

— Пойдемте лучше, господа, чай пить: самоваръ готовъ.

Мы забрались въ палатку и усѣлись чайничать. Стрѣльба мало-по-малу замолкла, и остатокъ дня и ночь мы провели въ совершенномъ спокойствіи.

Впрочемъ, всю ночь мнѣ снились бѣлые клубы дыма и ружейная трескотня.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко. Жара была такая же, какъ и вчера. Батальонъ Невскаго полка, прошедшій мимо насъ, по направленію вчерашнихъ орудійныхъ выстрѣловъ, шелъ однако довольно бодро; люди чувствовали близость боя.

Они однако скоро вернулись и, обогнувъ деревню, вѣроятно, пошли туда, гдѣ вчера была ружейная перестрѣлка. Сегодня она была слышна хуже—выстрѣлы удалились отъ насъ. Загремѣли и пушки, сначала съ нашей стороны, но скоро на высотахъ съ того берега показались бѣлые клубы дыма. Турки привезли артиллерію.

Я предложилъ С. пройти въ деревню и, взойдя на какую-нибудь крышу, слѣдить за боемъ; оттуда было лучше видно. Хотя минаретъ мечети былъ цѣлъ и, конечно, былъ выше всѣхъ крышъ, но мечеть стояла низко, почти въ долинѣ; поэтому мы взобрались на первую попавшуюся галлерейку черкесскаго дома, обращенную къ мѣсту битвы. Но хотя оно и разстилалось передъ нами, ни войскъ, ни даже дыма ружейнаго огня не было видно: смотрѣть было рѣшительно нечего. Мы слѣзли съ галлереи въ маленькій садикъ съ абрикосовыми деревьями и бѣлыми акаціями: въ немъ все было въ порядкѣ, какъ будто бы еще вчера хозяева полили гряды съ цвѣтами. Тыквы вились своими цѣпкими стеблями по плетню, нѣсколько стеблей кукурузы и высокихъ «крысьихъ

хвостовъ» съ красными колосьями разнообразили пестрый цвѣтникъ. Мы вошли въ домъ. Стѣны были гладко и чисто вымазаны сѣрою глиною. Все было цѣло; только очагъ, сложенный изъ кусковъ черепицы, былъ проломленъ. На полу валялось нѣсколько листовъ изъ какой-то писаной мусульманской книги съ заглавными украшеніями, сдѣланными золотомъ и красками.

Больше разсматривать было нечего, и мы, выбравшись изъ лабиринта плетней, вышли на улицу. Денщикъ С—ва, красный какъ ракъ, бѣжалъ къ намъ:

— Ваше благородіе, пожалуйте! Ужъ въ ружье стали!

Мы добѣжали до батальона, и черезъ двѣ минуты я уже шагалъ въ рядахъ съ ружьемъ на плечѣ.

Мы шли къ мѣсту вчерашней ружейной перестрѣлки. Солдаты крестились. Длинный рядъ лазаретныхъ фуръ остановился на дорогѣ, чтобы дать намъ пройти, и потянулся вслѣдъ за нами.

III.

Мы обогнули деревню, спустились въ минуту по мостику, перекинутому черезъ ручей. Дорога шла слегка въ гору по молоденькому лѣсу; деревца кизила, всѣ красныя отъ множества плодовъ, мѣшались съ терномъ. Дорога была узкая, не болѣе четырехъ человѣкъ могло итти по ней рядомъ; вправо отъ нея, въ кустахъ были выкопаны ложементы, приготовленные на случай нападенія турокъ на Попкіой.

Мы пріостановились и дали пройти какому-то полку. Это былъ Невскій полкъ, цѣлый день бывшій въ огнѣ и возвращавшійся въ лагерь, такъ какъ онъ разстрѣлялъ всѣ патроны. Сколько помнится, убитыхъ и раненыхъ въ этотъ день у невцевъ было мало. Они шли измученные, усталые, но весело и оживленно.

— Вы чего жъ это, землячки, на попятный?—спрашивали мы невскихъ солдатиковъ.

Нѣкоторые молча открывали пустыя сумки, другіе отвѣчали, что патроновъ-де нѣтъ, что ихъ смѣнили софійцы, которые пошли впередъ, и турки подались.

— Эхъ, вы!

— Чего «эхъ, вы»! Вотъ ты поди-ка самъ, два дня не ѣвши! Да и патроновъ нѣтъ. Солдатъ безъ патроновъ— трубка безъ табаку,—сказалъ невскій солдатъ, набивая трубку:—поворачивай назадъ! Коли бъ они на насъ лѣзли, а то такъ, они пострѣливаютъ и мы пострѣливаемъ—пустое дѣло!.. Дайте, землячокъ, прикурить.

Онъ «прикурилъ» и побѣжалъ догонять свою роту.

Рысью пронеслась по дорогѣ батарея, за нею пошли и мы. Солнце садилось; все зарумянилось. Мы спустились въ лощину, гдѣ текъ маленькій ручеекъ. Десятокъ гигантскихъ черныхъ тополей будто бы крышей закрывалъ мѣсто, гдѣ мы снова остановились. Лазаретныя повозки расположились въ нѣсколько рядовъ. Доктора, фельдшера и санитары суетились и приготовлялись къ перевязкѣ. Пушечные выстрѣлы гремѣли невдалекѣ; удары становились все чаще и чаще.

Еще два батальона прошли мимо насъ впередъ; мы, вѣроятно, были оставлены для резерва. Насъ отвели въ сторону, люди составили ружья и улеглись на землѣ, покрытой мягкой, душистой мятой.

Я лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ сквозь вѣтви на потемнѣвшее небо. Гигантскіе, въ шесть обхватовъ стволы уходили вверхъ, вѣтвились, переплетались. Только кое-гдѣ выглядывала звѣздочка на черно-синемъ небѣ, и далеко-далеко казалась она на днѣ какой-то бездны и мирно посматривала оттуда. А выстрѣлы гремѣли и гремѣли. Вершины деревьевъ на мгновеніе озарялись краснымъ свѣтомъ и потомъ казались еще страшнѣе и мрачнѣе. Ружейнаго огня не было слышно. Вѣроятно, совершалось то, что̀ на военномъ языкѣ такъ скверно называется артиллерійскою подготовкою атаки.

Я лежалъ и почти дремалъ. Около меня солдаты тихо и сдержанно разговаривали. Теперь припоминаю странное обстоятельство, не могшее въ то время обратить на себя мое вниманіе: никто ни словомъ не намекнулъ, не вспомнилъ, что у него есть другой міръ, родина, родные, друзья. Какъ будто бы всѣ забыли свою прежнюю жизнь. Говорили объ этихъ грозныхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, о томъ, зачѣмъ отошли невцы и отчего не подвезли патроновъ, о томъ, сколько можетъ быть турокъ, и кто дерется съ нашей стороны: только ли три полка (Невскій, Софійскій и Болховскій), или обѣ дивизіи.—«Да, можетъ, братцы, еще и одиннадцатая подоспѣетъ; начесали бы мы ему зубы».—«Ну, разсказывай, начесали! Кто его знаетъ; можетъ, онъ всю свою силу вывелъ. Намъ бы его попридержать, и то ладно; больше съ насъ не спросятъ».—«И то правда, наступать, говорятъ, не велѣно».—«Кто тебѣ говорилъ?»—«Ивановъ, писарь изъ штаба; онъ землякъ мнѣ».—«Знаетъ онъ, твой Ивановъ!»—съ сомнѣніемъ говоритъ солдатикъ.

Верхушки тополей поблѣднѣли; листья осеребрились и заблестѣли мягкимъ отраженіемъ луннаго свѣта. Луна взошла, но намъ ея не было видно, такъ какъ мы лежали на

днѣ оврага. Все-таки стало немного свѣтлѣе. На краю оврага показался верховой офицеръ; онъ отчаянно кричалъ: «Патронные ящики Софійскаго полка дава-а-ай!» Но ящики стояли по ту сторону оврага, и звукъ его голоса, несмотря на крайнее напряженіе, не доходилъ до ѣздовыхъ. Кто-то изъ нашего начальства крикнулъ: «Передать дальше!» И началось что-то въ родѣ того, что музыканты называютъ фугою. Одинъ кричалъ: «Патронные ящики дава-ай!» Другой начиналъ ту же фразу, когда первый выкрикивалъ «ящики», а третій—когда второй кончалъ «патронные». Какъ бы то ни было, дремавшіе ѣздовые проснулись и, ударивъ по лошадямъ, вскачь перенеслись черезъ оврагъ.

Черезъ десять минутъ началась и ружейная стрѣльба. Ухо, сначала чутко прислушивавшееся къ каждому выстрѣлу, утомилось. Да и сонъ клонилъ. Скоро выстрѣлы слились въ какой-то неясный шумъ, какъ будто бы шумъ падающей воды, потомъ смолкъ и онъ. Я уснулъ.

— Вставать!

Звучный голосъ нашего батальоннаго командира разбудилъ меня. Всѣ поднимались, потягивались, перекидывали черезъ плечо шинели, только-что служившія изголовьемъ.

— Въ ружье!

Орудія не умолкали. Мы выбрались изъ оврага и пошли по широкой дорогѣ, проложенной артиллеріей. Огни выстрѣловъ были уже близки, звукъ ихъ дѣлался непріятно силенъ. Тотчасъ вслѣдъ за огнемъ, иглой прорѣзавшимъ воздухъ, слышался громовой ударъ; потомъ что-то звенѣло, сверля воздухъ. Это наша граната летѣла на мрачную обрывистую высоту, занятую турками. Артиллеристы беззвучно суетились у орудій и стрѣляли безъ перерыва: иногда два орудія сливали свой ревъ, и обѣ гранаты летѣли вмѣстѣ. Онѣ лопались на склонѣ горы въ самой турецкой цѣпи.

Мы шли все впередъ и впередъ. До высоты было версты двѣ. Ровная и широкая дорога кончилась; мы вошли въ рѣдкій лѣсокъ, весь заросшій кустами. Трудно было итти, раздвигая терновникъ и карагачъ, да еще въ темнотѣ, но люди даже старательно сохраняли равненіе. Показались какіе-то камни, плиты, поставленныя ребромъ. Это мусульманское кладбище. Вотъ и настоящіе магометанскіе монументы—камень, грубо обсѣченный сверху, въ видѣ чалмы. Здѣсь мы остановились.

Луна сильно свѣтила и озаряла гору, за которою шелъ бой. Снизу горы линія огней—наша цѣпь, и сверху дру-

гая, болѣе густая линія огней—турецкая; обѣ эти линіи перемѣшались. Софійцы шли въ атаку. Верхніе огни вспыхивали все дальше и дальше, все выше и выше. Но мы недолго могли слѣдить за боемъ, потому что насъ отвели куда-то въ сторону и положили каждую роту отдѣльно. Отсюда опять мы увидѣли огоньки выстрѣловъ. Звуки ихъ, какіе-то тупые, деревянные, безпрестанно долетали до насъ. Но скоро стали доходить и не одни звуки.

— Ссс... ссс... ссс...—раздавалось въ воздухѣ надъ нами справа и слѣва.

— Пуля!—закричалъ кто-то.

— Ладно! Лежи... Помирать долетаютъ.

Дѣйствительно пули были уже на излетѣ; это всегда слышно по звуку. Пуля близкаго выстрѣла визжитъ и свиститъ, а та, которая «помирать долетаетъ», только шипитъ, какъ змѣя.

Пули летѣли и летѣли. Рота молчала. Напряженное состояніе, невольно явившееся при звукѣ смерти, ослабѣло; всѣ стали думать, что пули только перелетаютъ или безвредно падаютъ на землю. Нѣкоторые, снявъ шинели, устраивались уснуть поудобнѣе, если только можно удобно уснуть на колеяхъ изъ засохшей грязи, держа ружье въ рукахъ и подъ пулями. Задремалъ и я. Тяжела, мучительна была эта дремота... Недалеко отъ насъ, кажется, въ седьмой ротѣ, вдругъ заговорили, загомонили. «Неси!»—услышалъ я. «Куда уже его нести»...—перебилъ кто-то; конца фразы я не разслышалъ. И. Н. послалъ узнать, что̀ случилось. Оказалось, что пуля, прилетѣвшая умирать, не захотѣла умирать одна и попала прямо въ сердце солдату. Эта смерть произвела скверное, давящее впечатлѣніе: быть убитымъ, не видя непріятеля, пулею, пролетѣвшею три тысячи шаговъ, двѣ версты, казалось всѣмъ чѣмъ-то роковымъ, ужаснымъ. Однако мало-по-малу всѣ замолчали, успокоились, начали дремать. Негромкій, рѣзкій звукъ разбудилъ всѣхъ: пуля пробила обѣ барабанныя кожи. И кто-то нашелся даже пустить по поводу «шкуры барабанной» шутку, которая однако была встрѣчена общимъ неодобреніемъ. «Нашелъ время балясничать»,—угрюмо говорили солдаты.

Всѣмъ было немного жутко, всѣ чего-то ждали И вдругъ раздался крикъ, но не отъ боли, а скорѣе отъ испуга. Дѣйствительно, пуля попала въ патронную сумку солдатика, который, блѣдный и съ дрожащимъ лицомъ, понесъ показывать ее ротному командиру. И. Н. внимательно осмотрѣлъ пулю и, замѣтивъ, что она четырехлинейнаго калибра,

изъ ружья Пибоди и Мартини, перевелъ роту въ какую-то выемку дороги.

Здѣсь мы, несмотря на свистъ и шипѣнье, успокоились. На горѣ раздавалось наше «ура!». Это софійцы штурмовали гору.

IV.

Я проснулся, когда было еще почти темно. Бока болѣли невыносимо. Пули летали попрежнему, но теперь уже очень высоко въ воздухѣ надъ нами. Огоньковъ на горѣ не было видно, но стрѣльба слышалась частая. «Значитъ, гора взята, и софійцы держатся на гребнѣ»,—подумалъ я.

Чуть встало солнце, насъ подняли. Солдаты, кряхтя и зѣвая, вставали. Было холодно; большинство, продрогнувъ, тряслось, какъ въ лихорадкѣ. Роты собрались у фонтана, и оба наши батальона (2 и 3) двинулись къ горѣ.

Тотчасъ же послѣ того, какъ мы перешли Ломъ по небольшому мостику, дорога пошла въ гору. Сначала подъемъ, хотя и весь покрытый кустами, былъ сносенъ, но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ круче становилась покатость, тѣмъ уже дорога. Наконецъ мы были принуждены взбираться по одиночкѣ, иногда подпираясь ружьями. Роты перепутались.

Среди насъ, вмѣстѣ съ офицерами другого батальона, очутился нашъ полковникъ, съ трудомъ взбиравшійся на высоты.

— Вотъ мучительная гора,—сказалъ онъ своему адъютанту:—какъ это софійцы умудрились взять ее!

— Трудно, ваше высокоблагородіе!—промолвилъ какой-то крохотный солдатикъ изъ самой низенькой 8-й роты.

Софійцы спускались съ горы, такъ какъ мы шли имъ на смѣну. Измученные безсонною ночью, и жаждой, и нервнымъ напряженіемъ, они едва брели, ничего не отвѣчая на наши разспросы—много ли турокъ, силенъ ли огонь. Только нѣкоторые тихо говорили: — «Дай вамъ, Господи! И-и-и, какъ жаритъ!»

Наконецъ мы добрались до вершины горы. Въ самомъ концѣ подъемъ переходилъ въ совершенно отвѣсную скалу; подъ нею была небольшая площадка, гдѣ роты могли построиться въ безопасности отъ выстрѣловъ. Несмотря на то, что трудный подъемъ, кусты, узкая дорога совершенно перепутали насъ, люди разобрались и стали на мѣста чрезвычайно быстро. Пули, перелетая черезъ скалу, визжали надъ нами пронзительно и крайне непріятно. Здѣсь подъ

скалой было безопасно, но каково было на ней? Вѣтви кустовъ, растущихъ на гребнѣ, трещали, сломанныя пулями, иногда нѣсколько листьевъ сыпалось сверху. Мы двинулись вправо, сначала подъ обрывомъ, потомъ мало-по-малу стали вскарабкиваться по одному человѣку съ камня на камень. Обогнувъ скалу, мы вылѣзли совсѣмъ наверхъ и двинулись между густыхъ и высокихъ кустовъ. Кто насъ велъ—не знаю; всѣ шли по направленію выстрѣловъ, съ трудомъ пробираясь между кустами. Вотъ наконецъ и узенькая дорожка. Впередъ! Бѣгомъ! Тутъ уже лежали свѣжіе трупы нашихъ и турокъ, навстрѣчу намъ уже несли раненыхъ. Солдатикъ восьмой роты, такъ смѣло вступившій въ разговоръ съ полковымъ командиромъ, брелъ самъ, жалобно воя и придерживая одной рукой другую, изъ которой ручьемъ текла кровь. Мы все бѣжали и бѣжали и наконецъ очутились на открытомъ мѣстѣ. Нашъ маленькій и худощавый майоръ Ф. уже былъ на мѣстѣ и хладнокровно расхаживалъ по цѣпи.

— Куда итти, г. майоръ?—спросилъ я.

Онъ, молча, показалъ саблей налѣво. Я побѣжалъ туда, по дорогѣ разъ припавши къ землѣ отъ рвущейся гранаты. И. Н. медленно прогуливался, пощипывая свои одинокіе волоски.

— И. Н.!—закричалъ я ему:—я не знаю, гдѣ нашъ полувзводъ; позвольте въ первый?

— Идите, идите скорѣе,—сказалъ онъ, поглядывая вдаль, на турецкія линіи.

Однако ни перваго ни второго полувзвода отыскать было невозможно: въ лѣсу всѣ перепутались, а разбираться подъ пулями и гранатами было поздно. Я улегся за первымъ попавшимся бугоркомъ земли и началъ стрѣлять. По одну сторону, рядомъ со мною, лежалъ нашъ капральный, по другую—солдатъ Софійскаго полка.

— Вы бы ушли, землякъ,—сказалъ я ему:—вѣдь вашъ полкъ спустился.

— Да ужъ все одно, постоимъ до конца!—отвѣчалъ онъ.

Не знаю, какъ зовутъ его, не знаю даже, живъ ли онъ, но всегда буду помнить торжественный тонъ его голоса.

Турецкіе стрѣлки были отъ насъ шагахъ въ восьмистахъ, такъ что наши ружья врядъ ли дѣлали имъ большой уронъ. Кромѣ того, цѣлый рядъ турецкихъ орудій стоялъ отъ насъ шагахъ въ 1.200—1.500 и засыпалъ нашу слабую цѣпь гранатами. Хотя пули убиваютъ и ранятъ гораздо больше, но сильнѣйшее нравственное дѣйствіе производятъ гранаты. Я

лежалъ, понемногу постреливалъ, советуясь иногда съ Павломъ Игнатьевичемъ (капральный) о высоте прицела и не стрелять ли намъ на-авось въ артиллерiю. Пули визжали все чаще и чаще, наконецъ отдельныхъ выстреловъ вовсе не стало слышно: все слилось въ какое-то жужжанье. Гранаты летели, визжа, издали; когда оне приближались, то уже не визжали, а скрежетали и хлопали, разрываясь и обдавая людей осколками и землею. Я приподнялся посмотреть, что делается у насъ въ цепи. Лежавшiе изредка дико вскрикивали, стоявшiе за деревьями и на коленяхъ падали иногда съ крикомъ, иногда молча. Гаврила Васильичъ только-что выступилъ и, заряжая ружье, повалился ничкомъ: осколокъ гранаты ударилъ ему въ пахъ, вырвавъ внутренности. Раненые, кто могъ, уползали, большею частью молча; впрочемъ, быть-можетъ, ихъ крика и не было слышно за шумомъ боя.

Я началъ стрелять снова. Турки собрались внизу котловины, на другомъ краю которой стояла ихъ артиллерiя, въ колонны и шли на наши цепи въ атаку. Прицеливаться стало ближе. Павелъ Игнатьевичъ методично заряжалъ и стрелялъ. Я также не жалелъ патроновъ, потому что целить было удобно. Темныя фигуры съ красными головами, шедшiя на насъ, падали, но все-таки шли. Вдругъ красныя головы исчезли; не знаю, неровность ли почвы, или кусты закрыли колонну. Потерявъ цель вблизи, я снова сталъ стрелять вдаль, въ массы, стоявшiя на дне котловины, и едва успелъ заметить, что и Павелъ Игнатьевичъ и софiйскiй солдатъ исчезли, и всей нашей цепи уже не было. Я обернулся назадъ: солдаты сбежались въ кучки и жаркимъ ружейнымъ огнемъ встречали наступавшихъ турокъ. Я былъ одинъ между нашими и турецкою колонною.

Что мне было делать? Не успелъ этотъ вопросъ мелькнуть въ голове, какъ около меня раздалось мое имя. Я опустилъ глаза—у моихъ ногъ лежалъ Өедоровъ, молоденькiй солдатъ нашей роты, побывавшiй въ Петербурге, хватившiй цивилизацiи и выражавшiйся почти литературнымъ языкомъ. Теперь онъ лежалъ белый, какъ эта бумага; изъ разбитаго плеча волною текла кровь.

— В. М., батюшка, дайте пить. Унесите, унеси-ите,—жалобно просилъ онъ.

Я забылъ все—и турокъ и пули. Одному мне нечего было и думать поднять рослаго Өедорова, а изъ нашихъ никто не решался выскочить на тридцать шаговъ, даже для того, чтобы поднять раненаго, несмотря на мои отчаянные вопли.

Увидавъ офицера, молоденькаго прапорщика С., я началъ кричать и ему:

— П. Н., помогите! Никто не идетъ; помогите хоть вы!

Можетъ-быть, С. и пришелъ бы, но пуля свалила его. Я чуть не заплакалъ... Наконецъ два солдата, кажется, нашей роты, кинулись ко мнѣ. Мы взяли Ѳедорова, не перестававшаго жалобно повторять: «унесите, голубчики, Христа ради»,—я за ноги, двое за плечи; тотчасъ же они опустили его на землю.

— Турки, турки!—кричали они, убѣгая.

Ѳедоровъ былъ мертвъ. Я обернулся: въ двадцати шагахъ отъ меня остановилась турецкая колонна, смутившаяся, испугавшаяся нашихъ штыковъ. . . . .

Черезъ минуту что-то ударило меня будто огромнымъ камнемъ. Я упалъ; кровь лилась изъ ноги струею. Помню, что тутъ я вдругъ сразу вспомнилъ все: родину, родныхъ, друзей, и радостно подумалъ, что я еще увижу ихъ...

ОЧЕНЬ КОРОТЕНЬКІЙ РОМАНЪ.

Стужа, холодъ... Январь на дворѣ и даетъ себя знать всякому бѣдному люду, дворникамъ, городовымъ—всѣмъ, кто не можетъ спрятать носъ въ теплое мѣсто. Онъ даетъ себя знать, конечно, и мнѣ. Не потому, чтобы я не нашелъ себѣ теплаго угла, а по моей собственной фантазіи.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я брожу по пустой набережной? Четырехрожковые фонари ярко горятъ, хотя вѣтеръ врывается въ фонарь и заставляетъ газовое пламя плясать. Отъ ихъ яркаго свѣта темная масса роскошнаго палаццо, а особенно его окна, кажутся еще мрачнѣе. Въ огромныхъ зеркальныхъ стеклахъ отражается мятель, мракъ. Воетъ, стонетъ вѣтеръ надъ ледяной пустыней Невы. «Дингъ-дангъ! Дингъ-дангъ!»—раздается сквозь вихрь. Это куранты крѣпостного собора звонятъ, и каждый ударъ заунывнаго колокола совпадаетъ со стукомъ моей деревяжки объ обледянѣлыя гранитныя плиты и съ ударами моего больного сердца о стѣнки его тѣснаго помѣщенія.

Я долженъ представиться читателю. Я молодой человѣкъ на деревянной ногѣ. Быть-можетъ, вы скажете, что я подражаю Диккенсу; помните: Сайласъ Вегъ, литературный человѣкъ съ деревянной ногой (въ романѣ «Our common friend»)? Нѣтъ, я не подражаю; я дѣйствительно молодой человѣкъ на деревянной ногѣ. Только я сдѣлался имъ такъ недавно...

«Дингъ-дангъ! Дингъ-дангъ!» Куранты бьютъ сначала свое заунывное «Господи помилуй», а потомъ часъ. Еще только часъ! Еще семь часовъ до свѣта! Тогда эта черная, полная мокраго снѣга ночь уйдетъ и дастъ мѣсто сѣрому дню. Пойду ли я домой? Не знаю; мнѣ рѣшительно все равно. Мнѣ не нужно сна.

Весною я тоже любилъ прохаживать цѣлыя ночи напролетъ на этой набережной. Ахъ, какія это были ночи! Что

лучше ихъ? Это не душная ночь юга, съ его страннымъ, чернымъ небомъ и большими звѣздами, преслѣдующими насъ своими взглядами. Здѣсь все свѣтло и нарядно. Разноцвѣтное небо холодно и красиво; извѣстная по мѣсяцеслову «заря во всю ночь» золотитъ сѣверъ и востокъ; воздухъ свѣжъ и рѣзокъ; Нева катится, гордая и свѣтлая, и спокойно плещетъ маленькими волнами о камни набережной. И на этой набережной стоя я. И на мою руку опирается дѣвушка. И эта дѣвушка...

Ахъ, милостивыя государыни и господа! Зачѣмъ я началъ разсказывать вамъ о своихъ ранахъ? Но ужъ таково глупое, бѣдное человѣческое сердце. Когда оно ранено, оно мечется навстрѣчу каждому встрѣчному и ищетъ облегченія. И не находитъ его. Это совершенно понятно, кому нуженъ дырявый, нештопанный чулокъ? Всякій старается отбросить его носкомъ подальше отъ своей ноги...

Мое сердце еще не нуждалось въ штопаньи, когда весною этого года я познакомился съ Машею, навѣрно, самою лучшею изъ всѣхъ Машъ въ мірѣ. Познакомился я съ нею на этой самой набережной, которая вовсе не была такъ холодна, какъ теперь. И у меня была настоящая нога вмѣсто этой скверной деревяжки, настоящая, стройная нога, такая же, какъ и моя оставшаяся лѣвая. Я вообще былъ довольно строенъ и ужъ, конечно, не походилъ, какъ теперь, на какого-то раскаряку. Дурное слово, но теперь мнѣ не до слова... Итакъ, я познакомился съ нею. Случилось это очень просто; я шелъ. Она шла (я вовсе не волокита, т.-е. не былъ волокитою, потому что я теперь съ деревяжкою)... Не знаю, что-то меня толкнуло, и я заговорилъ. Прежде всего, конечно, о томъ, что я вовсе не изъ тѣхъ наглецовъ и т. д.; потомъ о томъ, какія у меня чистыя намѣренія, и пр. и пр. Моя добродушная физіономія (на которой теперь толстая складка повыше переносья, очень мрачная складка) успокоила дѣвушку. Я проводилъ ее до Галерной улицы и до самаго дома, гдѣ она жила. Она возвращалась отъ своей старой бабушки, жившей у Лѣтняго сада, къ которой она каждый вечеръ ходила читать романы. Бѣдная бабушка была слѣпа!

Теперь бабушка умерла. Въ этомъ году умерло такъ много и не старыхъ бабушекъ. Могъ умереть и я, и даже очень могъ, увѣряю васъ. Но я выдержалъ. Господа, сколько горя можетъ выдержать человѣкъ? Вы не знаете? И я тоже не знаю.

Очень хорошо. Маша приказала мнѣ быть героемъ, и потому мнѣ нужно было ѣхать въ армію.

Времена крестовыхъ походовъ прошли; рыцари исчезли. Но если любимая дѣвушка скажетъ вамъ: «это кольцо я!», и броситъ его въ огонь пожара, ну, хоть самаго большого пожара, положимъ, Фейгинской мельницы (какъ это было давно!)—развѣ вы не броситесь, чтобы его достать?—«Ахъ, какой онъ странный, конечно, нѣтъ,—отвѣчаете вы:—конечно, нѣтъ! Я отправлюсь къ Буцу и куплю ей новое въ десять разъ дороже». И она скажетъ, что оно теперь уже не то, а это, дорогое кольцо? Никогда не повѣрю. Впрочемъ, я не вашего закона, читатель. Быть-можетъ, та женщина, которая вамъ нравится, и сдѣлаетъ такъ. Вы вѣдь, навѣрное, владѣлецъ многихъ сотенъ акцій и, можетъ-быть, даже членъ «Грегеръ и К.». Вы даже въ Бухарестъ выписываете «Стрекозу» для развлеченія. Помните, быть-можетъ, въ дѣтствѣ вамъ случалось наблюдать бабочку, налетѣвшую на огонь? Вы тогда тоже развлекались. Бабочка трепетала, лежа на спинѣ и махая коротенькими опаленными крыльями. Вы находили это интереснымъ; потомъ бабочка надоѣдала вамъ, и вы давили ее пальцемъ. Бѣдное созданьице перестало страдать. Ахъ, благосклонный читатель! Если бы вы могли придавить пальцемъ и меня, чтобы и я пересталъ страдать!

Она была странная дѣвушка. Когда объявили войну, она нѣсколько дней ходила мрачная, молчаливая, я ничѣмъ не могъ развлечь ее.

— Послушайте,—сказала она мнѣ однажды:—вы честный человѣкъ?

— Могу допустить это,—отвѣчалъ я.

— Честные люди дѣломъ подтверждаютъ свои слова. Вы были за войну: вы должны драться.

Она хмурила брови и крѣпко жала мою руку своею маленькой ручкой.

Я смотрѣлъ на Машу и серьезно сказалъ ей:

— Да!

— Когда вы вернетесь, я буду вашей женой,—говорила она мнѣ на дебаркадерѣ.—Вернитесь!

Слезы душили меня, я чуть не разрыдался. Но я былъ твердъ и нашелъ силы отвѣтить Машѣ:

— Помните, Маша, честные люди...

— Дѣломъ подтверждаютъ свои слова,—докончила она фразу.

Я прижалъ ее послѣдній разъ къ сердцу и бросился въ вагонъ.

Я пошелъ драться изъ-за Маши, но я честно исполнилъ свой долгъ и относительно родины. Я бодро шелъ по Румыніи подъ дождемъ и пылью, въ жаръ и холодъ. Я самоотверженно грызъ сухари «компаніи». Когда случилась первая встрѣча съ турками, я не струсилъ: за это мнѣ дали крестъ и произвели въ унтеръ-офицеры. Когда случилась вторая встрѣча—что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стонъ, туманъ... Докторъ въ бѣломъ передникѣ съ окровавленными руками... Сестры милосердія... Моя отрѣзанная нога съ родимымъ пятномъ ниже колѣна... Все это какъ сонъ пролетѣло мимо меня. Санитарный поѣздъ съ комфортабельнѣйшими постелями и наиизящнѣйшею уполномоченною дамою летитъ и несетъ меня въ Петербургъ.

Когда покидаешь городъ, какъ слѣдуетъ, двуногій, а возвращаешься въ него съ одной ногой и обрубкомъ вмѣсто другой—это чего-нибудь стоитъ, повѣрьте мнѣ.

Меня положили въ госпиталь; это было въ іюлѣ. Я просилъ отыскать въ адресномъ столѣ адресъ Марьи Ивановны Г., и добродушный сторожъ-солдатъ принесъ мнѣ его. Все тамъ же, на Галерной!.. Я пишу письмо, другое, третье— и не получаю отвѣта.

Мой добрый читатель, я разсказалъ вамъ уже все. Вы мнѣ, конечно, не повѣрили. И исторія невѣроятная: какой-то рыцарь и какая-то коварная измѣнница. «Точь въ точь старый романъ!» Мой проницательный читатель, вы напрасно не вѣрили мнѣ. Есть такіе рыцари и кромѣ меня...

Наконецъ мнѣ придѣлали деревяжку, и я могъ самъ узнать, что было причиною молчанія Маши. Я доѣхалъ до Галерной на извозчикѣ, потомъ заковылялъ по длинной лѣстницѣ. Какъ я взлеталъ на нее восемь мѣсяцевъ тому назадъ! Наконецъ вотъ и дверь. Я звоню съ замираніемъ сердца... За дверью слышны шаги; старая горничная Авдотья отворяетъ мнѣ, и я, не слушая ея радостныхъ возгласовъ, бѣгу (если можно бѣжать на разнокалиберныхъ ногахъ) въ гостиную. Маша!

Она не одна: она сидитъ съ своимъ дальнимъ родственникомъ, очень хорошимъ молодымъ человѣкомъ, который при мнѣ кончалъ курсъ въ университетѣ и разсчитывалъ получить очень хорошее мѣсто. Оба они очень нѣжно (вѣроятно, по случаю деревяжки) поздоровались со мною, но оба были сконфужены. Черезъ четверть часа я все понялъ.

Я не хотѣлъ становиться поперекъ ихъ счастья. Проницательный читатель ехидно улыбается: неужели вы хотите,

чтобы я вѣрилъ всѣмъ этимъ розсказнямъ? Кто же уступитъ любимую дѣвушку какому-нибудь шалопаю даромъ?

Во-первыхъ, онъ вовсе не шалопай, а во-вторыхъ... Я бы, пожалуй, сказалъ вамъ, что̀ во-вторыхъ... но вы не поймете... Вы не поймете, потому что не вѣрите, что въ наше время есть добро и правда. Вы бы предпочли несчастье трехъ людей несчастью васъ одного. Вы не вѣрите мнѣ, проницательный читатель. И не вѣрьте; Богъ съ вами!

Третьяго-дня была свадьба; я былъ шаферомъ. Я гордо исполнялъ свои обязанности при церемоніи, во время которой драгоцѣннѣйшее для меня существо отдавало себя другому. Маша иногда робко взглядывала на меня. И ея мужъ обращался со мною такъ смущенно-внимательно. На свадьбѣ было весело. Пили шампанское. Нѣмцы-родственники кричали «hoch!» и называли меня «der russische Held!». Маша и ея мужъ были лютеране.

«Ага, ага,—вопитъ проницательный читатель:—вотъ вы и попались, господинъ герой! Для чего вамъ понадобилось лютеранское исповѣданіе? А для того, что въ декабрѣ православныхъ не вѣнчаютъ! Вотъ и все-съ. И всѣ ваши розсказни чистая выдумка».

Думайте, что̀ хотите, проницательный читатель. Мнѣ это рѣшительно все равно. Но если бы вы походили со мною этими декабрьскими ночами по Дворцовой набережной, послушали бы со мною бури и куранты, стукъ моей деревяжки; если бы вы прочувствовали, что̀ у меня дѣлается на душѣ въ эти зимнія ночи, вы бы повѣрили... «Днигъ-дангъ! Днигъ-дангъ!» Куранты бьютъ четыре часа. Пора итти домой, броситься на одинокую, холодную постель и уснуть. До свиданья, читатель!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НА ВЫСТАВКѢ КАРТИНЪ ВЕРЕЩАГИНА.

Толпа мужчинъ, дѣтей и дамъ нарядныхъ
Тѣснится въ комнатахъ парадныхъ
И, шумно проходя, болтаетъ межъ собой:
    «Ахъ, милая, постой!
    Regarde, Lili,
    Comme c'est joli!
Какъ это мило и реально,
Какъ нарисованы халаты натурально!»
«Какая техника!—толкуетъ господинъ
Съ очками на носу и съ знаніемъ во взорѣ: —
Взгляните на песокъ: что̀ сто̀итъ онъ одинъ!
Дѣйствительно, пустыни море
Какъ будто солнцемъ залито,
И лица недурны!..» Не то
Увидѣлъ я, смотря на эту степь, на эти лица:
Я не увидѣлъ въ нихъ эффектнаго эскизца,
Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,
Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишеній...
Не люди то, а только тѣни
Отверженниковъ родины своей.
Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи—одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды гнилой,

Изранены врагами, всѣ они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до послѣдней капли крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
Кругомъ — песчаный рядъ холмовъ,
У ихъ подножія—орда свирѣпая кольцомъ
Объяла горсть героевъ. Нѣтъ пощады!
Къ нимъ смерть стоитъ лицомъ!..
И, можетъ-быть, они ей рады;
И, можетъ-быть, не стоитъ жить-страдать!..
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенанія дѣтей,
Погибшихъ за тебя среди глухихъ степей,
Вспомянутся чрезъ много лѣтъ,
В день грозныхъ бѣдъ!

1874.

II.

Нѣтъ, не дана мнѣ власть надъ вами,
Вы, звуки милые поэзіи святой;
Не долженъ я несмѣлыми руками
Касаться лиры золотой.

Но если сердце злобой разгорится,
И мстить захочетъ слабая рука—
Я не могу разсудку покориться,
Одолѣваетъ злобная тоска,

И я спѣшу въ больныхъ и буйныхъ звукахъ
Всю желчь души истерзанной излить,
Чтобъ хоть на мигъ одинъ забыть о мукахъ
И язвы сердца утолить.

Январь 1876 г.

III.

Мнѣ жалко васъ, родимыя мѣста,
Мнѣ жалко вашей вольной красоты;
Мнѣ скучно здѣсь, душа болитъ въ разлукѣ
Съ родимой степью, гдѣ дышать привольно,

Гдѣ солнце такъ тепло сіяетъ съ неба;
Гдѣ миріады травъ цвѣтутъ, кивая
Навстрѣчу мнѣ головками своими;
Тамъ воздухъ полонъ звуковъ неумолчныхъ,
Тамъ жаворонокъ вьется надъ землею,
Гремя оттуда пѣснь любви и солнцу,
Потерянный въ воздушной синевѣ;
Тамъ хоръ сверчковъ какъ будто гимнъ природѣ
И счастью жизни распѣваетъ, силясь
Перекричать другъ друга; тамъ пчела
Жужжитъ, перелетая отъ головки
Пурпуроваго клевера къ другой.
Тамъ сердце бурное спокойно бьется,
И все прошедшее молчитъ, смиряясь
Предъ силой обаятельной природы.

* * *

...Но жаль мнѣ и тебя, несчастный городъ,
Ты—мѣсто вѣчной слякоти, тумановъ,
Людей, больныхъ и тѣломъ и душой;
Хандры и скуки судорожной жизни
И лихорадки ѣдкихъ наслажденій,
Погони безпощадной за наживой,
Разврата всѣхъ видовъ и степеней,
Самоубійствъ, къ которымъ всѣ привыкли,
И смерти, здѣсь поставившей свой тронъ..
Мнѣ жаль тебя! Когда родная степь
Меня своимъ дыханіемъ объемлетъ,
Всегда съ тоскою я припоминаю
Твое свинцовое, больное небо,
Твоихъ людей тоскливыхъ и больныхъ.

1 марта 1876 г.

IV.

ПЛѢННИЦА.

Прекрасная пальма высокой вершиной
Въ стеклянную крышу стучитъ;
Пробито стекло, изогнулось желѣзо,
И путь на свободу открытъ.

И отпрыскъ отъ пальмы султаномъ зеленымъ
Поднялся въ пробоину ту;
Надъ сводомъ прозрачнымъ, надъ небомъ лазурнымъ,
Онъ гордо глядитъ въ высоту.

И жажда свободы его утолилась.
Онъ видитъ небесный просторъ,
И солнце ласкаетъ (холодное солнце!)
Его изумрудный уборъ.

Средь чуждой природы, средь странныхъ собратій,
Средь сосенъ, березъ и елей,
Онъ грустно поникнулъ, какъ будто бы вспомнилъ
О небѣ отчизны своей;

Отчизны, гдѣ вѣчно природа пируетъ,
Гдѣ теплыя рѣки текутъ,
Гдѣ нѣтъ ни стекла ни рѣшетокъ желѣзныхъ,
Гдѣ пальмы на волѣ растутъ.

Но вотъ онъ замѣченъ; его преступленье
Садовникъ исправить велѣлъ—
И скоро надъ бѣдной, прекрасною пальмой
Безжалостный ножъ заблестѣлъ..

Отъ дерева царскій вѣнецъ отдѣлили,
Оно содрогнулось стволомъ,
И трепетомъ шумнымъ отвѣтили дружно
Товарищи-пальмы кругомъ.

И снова задѣлали путь на свободу,
И стекла узорчатыхъ рамъ
Стоятъ на дорогѣ къ холодному солнцу
И блѣднымъ чужимъ небесамъ.

3 марта 1876 г.

V.

СВѢЧА.

Свѣча погасла, и фитиль дымящій,
Зловонный чадъ обильно разносящій,
Во мракѣ красной точкою горитъ.
Въ моей душѣ погасло пламя жизни,
И только искра горькой укоризны
Своей судьбѣ дымится и чадитъ.
И рѣетъ душный чадъ воспоминаній
Надъ головою, полной упованій,
Въ дни лучшіе, на настоящій мигъ,
И что обманутъ я мечтой своею,
Что я уже напрасно въ мірѣ тлѣю—
Я только въ этотъ скорбный мигъ постигъ.

VI.

Друзья, мы собрались передъ разлукой;
Одни—на смерть идутъ,
Другіе, съ затаенной въ сердцѣ мукой,
Прощанья часа ждутъ.
Зачѣмъ печаль, зачѣмъ вы всѣ угрюмы,
Зачѣмъ *такъ* провожать?..
Друзья, тоскливыя гоните думы:
Вамъ не о чемъ вздыхать!
Мы не идемъ по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать,
И не числомъ солдатъ, коней, орудій,
Не знаніемъ войны,
А тѣмъ, что въ каждой честной русской груди
Завѣтъ родной страны!
Она на смерть за братьевъ насъ послала,
Своихъ родныхъ сыновъ,
И мы не стерпимъ, чтобъ она сказала:
«Бѣжали отъ враговъ!»
Мы побѣдимъ или въ бою погибнемъ,
Какъ вождь нашъ обѣщалъ,
И доблести славянской столпъ воздвигнемъ,
Какого міръ не зналъ...

Сентябрь 1876 г.

СТАТЬИ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКѢ.

Вторая выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведенiй".

12 марта 1877 г.

Пятаго марта въ Академiи Художествъ открылась вторая выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведенiй». Съ грустными размышленiями поднимался я по гранитнымъ ступенямъ нашего храма «свободныхъ искусствъ». Когда-то—вспоминалось мнѣ—здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, соединялись всѣ художественныя русскiя силы; здѣсь, на ряду съ произведенiями маститыхъ профессоровъ, стояли первые опыты теперешней русской школы: гг. Ге, Крамского, Маковскихъ, Якоби, Шишкина... Здѣсь можно было шагъ за шагомъ прослѣдить всю лѣтопись нашего искусства—а теперь! Раздвоенiе, вражда!

Передвижная выставка удалилась изъ родныхъ стѣнъ и основала колонiю; метрополiя не снесла процвѣтанiя своей младшей сестры и сама задумала удивить мiръ. Основалось «Общество выставокъ». Первая прошлогодняя выставка, нужно сказать правду, не удивила мiра, т.-е., пожалуй, и удивила, но какъ-то въ другую сторону.

Съ такими печальными мыслями пошелъ я къ кассѣ, купилъ билетъ и каталогъ. Еще не входя въ залу, я случайно раскрылъ его—и, о ужасъ! Что представилось моимъ глазамъ! На 11-й страницѣ четкимъ шрифтомъ напечатано: «И. Ф. Ясинскiй. «Братья-разбойники» Лермонтова». Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Какъ! О, гг. Якоби, Мещерскiй, Орловскiй, цвѣтъ «Общества выставокъ», зачѣмъ не смотрѣли вы за «агентомъ общества Ив. Ѳед. Шене», крупнымъ шрифтомъ означеннымъ на оберткѣ каталога? Зачѣмъ не назначили этому почтенному агенту помощника, знающаго,

кому изъ нашихъ поэтовъ принадлежатъ «Братья-разбойники»?

Я пошелъ въ конференцъ-залу, откуда открываются по обѣ стороны двери въ галлереи. Одна изъ нихъ была заперта, слѣдовательно для выставки хватило половины обыкновеннаго помѣщенія. Я заглянулъ въ послѣднюю страницу каталога: всѣхъ произведеній оказалось 171. Въ прошломъ году было 244. Мнѣ осталось только тяжело вздохнуть. Весною на передвижной выставкѣ картинъ было вчетверо меньше; входя въ залу, я тоже, помню, испустилъ вздохъ, но, обойдя картины, я развеселился: такое свѣжее, отрадное впечатлѣніе произвела эта выставка, крохотная, но составленная изъ образцовыхъ произведеній.

На выставкѣ Общества мое грустное настроеніе еще болѣе усилилось подъ вліяніемъ общаго ансамбля пейзажей, портретовъ, жанровъ и другихъ «художествъ», которыя, за немногими исключеніями, смотрятъ тоскливо и печально.

Пейзажи. По огромности труда первое мѣсто между пейзажистами безспорно принадлежитъ г. Верещагину, который выставилъ девятнадцать видовъ Уральской желѣзной дороги, исполненныхъ имъ по заказу г. Голубева. Виды превосходные, но исполненіе заставляетъ желать многаго; г. Верещагинъ, вѣроятно, принялъ во вниманіе прошлогоднія замѣчанія о чрезмѣрной бѣлесоватости его тоновъ и на этотъ разъ пересолилъ въ другую сторону: картины его бьютъ въ глаза цвѣтистостью. То же можно сказать о г. Мещерскомъ, прибавивъ развѣ только въ похвалу его, что онъ отличается замѣчательною любовью къ чистотѣ. На его пейзажѣ «На р. Ріонѣ» все точно будто вымыто: вымыты скалы, вымыто небо, вымыта вода, искусно приготовленная изъ цвѣтного стекла; впрочемъ, картина въ общемъ является пріятнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Нельзя сказать того же о картинѣ Мещерскаго «Передъ грозою», съ ярко-зелеными дубами, ярко-желтою рожью и отполированною грязною дорогою. Орловскій выставилъ нѣсколько береговыхъ пейзажей, о которыхъ можно сказать, что они какъ двѣ капли воды похожи на прошлогодніе, да еще два сухопутныхъ пейзажа «Зимняя ночь» и «Зимнее утро». Эти вещи, сколько я помню, первые опыты г. Орловскаго на поприщѣ зимняго пейзажа, и опыты не вполнѣ удачные.

Нашъ маститый корифей г. Айвазовскій выставилъ шесть (почему бы не шестьдесятъ) картинъ, если можно назвать этимъ именемъ продукты творчества уважаемаго профес-

сора. Все та же прозрачная водица, тѣ же туманы надъ нею, и все такое розовенькое, голубенькое, красивенькое. Двѣ картины претендуютъ на нѣкотораго рода жанровое значеніе, а одна мѣтитъ даже и въ историческій жанръ. А именно, на одной изъ картинъ («Буря у крымскихъ скалъ») на скалѣ, куда рѣшительно нѣтъ возможности забраться смертному, въ интересной позѣ, съ скрещенными руками, стоитъ господинъ въ два вершка ростомъ, по внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживающій нѣкоторое сходство съ Пушкинымъ. Картина посвящена памяти поэта... Не плачь, дорогой поэтъ! Хоть и очень обидѣли тебя, отнявъ «Братьевъ-разбойниковъ», но вотъ и утѣшеніе: знаменитый маэстро посвящаетъ тебѣ картину, которую писалъ уже навѣрно не меньше двадцати пяти минутъ, вмѣстѣ съ твоею фигурою. Тебѣ, Пушкину, остается только благодарить его, Айвазовскаго, за оказанную честь.

Я подошелъ къ другой картинѣ И. К. Айвазовскаго, «Льдины на Невѣ», гдѣ, вмѣстѣ съ прозрачными, циклопической величины глыбами льда, изображены такіе же прозрачные, розовые мужики-ледоколы, и не могъ не вскрикнуть отъ удивленія: г. Айвазовскій сатирикъ! Вотъ что̀ значитъ могучій талантъ! На одной изъ прозрачныхъ льдинъ лежитъ забытый мужиками-пьяницами пустой, огромный штофъ, а рядомъ съ нимъ—рукавица, вѣроятно, также забытая въ пьяномъ видѣ и оставленная на жертву какой-то таинственной птицѣ. Какъ обрадуются гг. Бланкъ, Лоде и прочіе землевладѣльцы, полагающіе причины всѣхъ золъ Россіи въ пьянствѣ и небрежности русскаго человѣка, видя эту картину знаменитаго маэстро!

Г. Лагоріо выставилъ «Камыши на рѣкѣ Лжѣ», о которой какой-то каламбуристъ изъ публики замѣтилъ, что въ ней довольно лжи, и морской пейзажъ. Хотя я несогласенъ съ каламбуристомъ, но не могу не сказать, что г. профессоръ Лагоріо не часто балуетъ публику хорошими произведеніями. Тоже и г. Судковскій: нѣсколько лѣтъ назадъ онъ выставилъ великолѣпную «Бурю у береговъ Очакова» и съ тѣхъ поръ не показывался. Въ этомъ году явились четыре его вещи на мотивы изъ окрестностей Очакова, писанныя очень эскизно и даже грубо, но обнаруживающія недюжинный талантъ. Остается пожалѣть, что г. Судковскій работаетъ такъ мало.

Совершенно обратными качествами отличается г. Горовскій. Его виды въ с. Рамо и въ Опочковскомъ уѣздѣ, луга и дороги выдѣляются рѣдкою прилизанностью и полнѣйшимъ

отсутствіемъ правды въ тонахъ. Кстати замѣтимъ о портретѣ г-жи Лышинской, работы г. Горовскаго, выставленномъ рядомъ съ его пейзажами; портретъ этотъ какъ будто бы писанъ съ дамы, не умывавшейся по крайней мѣрѣ двѣ недѣли.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о финляндскихъ и заграничныхъ пейзажистахъ. Добросовѣстный «Видъ Гельсингфорса» г. Клейне останавливаетъ на себѣ вниманіе внушительностью размѣровъ и обстоятельностью рисунка. Какимъ-то чудомъ попавшая на выставку вещица извѣстнаго Диде, «Гора Эйгеръ», навела меня на соображеніе, которое считаю нелишнимъ сообщить читателю. Картина Диде принадлежитъ г. Куріару, здѣшнему доктору; интересно было бы знать, кто выставилъ картину, докторъ ли Куріаръ или Францъ Диде? Если г. Куріаръ, то я въ будущемъ году устраиваю превосходную аферу: предлагаю владѣльцамъ всѣхъ картинъ въ Петербургѣ одолжить мнѣ ихъ на мѣсяцъ за извѣстную плату, небольшую, конечно, а если не спросятъ платы, то и того лучше; затѣмъ беру напрокатъ картины г. Доре изъ Вѣны и олеографіи г. Пето и составляю выставку не изъ 171 произведенія, а изъ 171.000. Успѣхъ громадный, деньги льются рѣкой, я потираю руки, и, главное, эта ненавистная «передвижная» будетъ посрамлена.

Картины моднаго живописца Клевера, котораго я не могу причислить къ русскимъ художникамъ, «Весна» и «Вечеръ», кидаются въ глаза, какъ и большинство его произведеній, грубостью письма и стремленіемъ къ эффекту.

Прекрасную, по моему скромному мнѣнію, лучшую изъ пейзажей вещь выставилъ баронъ Тизенгаузенъ изъ Мюнхена, именно: «У Адріатическаго моря»; очень хорошъ также пейзажъ Венглейна, также мюнхенскаго художника, «Передъ грозою», съ испуганнымъ стадомъ на первомъ планѣ; но этимъ пейзажемъ любовалась уже половина Петербурга въ магазинѣ Беггрова. Вообще пейзажей много: до восьмидесяти нумеровъ; но, кромѣ весьма и весьма немногихъ, о которыхъ уже было сказано, они не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, а произведенія гг. Красовскихъ, Пене, Экгорстовъ и другихъ подобныхъ просто ужасны!.. Видно, что только настоятельная надобность составить выставку заставила комитетъ Общества принимать на выставку вещи старыя и совершенно уничтожить экспертизу при пріемѣ новыхъ.

Портретами настоящая выставка рѣшительно хромаетъ. По большей части они настолько дурны, что говорить о нихъ—даромъ тратить мѣсто на этихъ столбцахъ.

Душа Общества, В. И. Якоби, выставилъ картинку, со-

ставляющую переходъ отъ портрета къ жанру: «Портретъ г-жи Розинской съ дочерью». Сидитъ на креслѣ г-жа Розинская, около нея рѣзвится ея маленькая дочь; вокругъ обстановка роскошной гостиной. Все это очень мило, ярко, пестро, вообще прекрасно; и другая картина г. Якоби, «Любитель рѣдкостей», съ криво поставленной дамой, тоже прекрасна; только, странное дѣло, смотря на эти картинки, я невольно вспомнилъ одну изъ прежнихъ картинъ нашего Семевскаго живописи. Я вспомнилъ «Привалъ арестантовъ». Я вспомнилъ поразительное впечатлѣніе, произведенное этою картиной на публику (были въ ней, конечно, и недостатки, но побочные). Какъ ухитрился художникъ такъ передѣлать свои симпатіи, свои стремленія, свой внутренній складъ! Темное, пасмурное небо, дождь, слякоть—и уютная гостиная съ экзотическими растеніями! Мокрый верстовой столбъ, мокрыя повозки, съ колесами, до ступицъ покрытыми грязью—и роскошное кресло, въ которомъ такъ удобно расположиться покейфовать послѣ обѣда! Измученныя лица арестантовъ, блѣдное и холодное лицо покойника, которому безчувственный конвойный изъ какого-то страннаго любопытства задираетъ пальцемъ глаза—и рѣзкая, улыбающаяся группа изящной, или, по крайней мѣрѣ, долженствующей быть такою, аристократической матери и ребенка въ бѣломъ хорошенькомъ платьицѣ!

Но довольно объ этомъ, читатель; скучная тема, не правда ли?

Лучшая вещь выставки безспорно—огромная картина профессора К. Е. Маковскаго «Возвращеніе священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ». Передъ нами перспектива улицы восточнаго города; стройныя массы домовъ съ полосатыми стѣнами, съ маленькими окнами, неправильно тѣснятся и уходятъ въ глубь картины, мѣшаясь съ минаретами и башнями и рѣзко рисуясь на прозрачномъ египетскомъ небѣ. По улицѣ прямо на насъ движется пестрая толпа. Все тѣснится и бѣжитъ, все хочетъ посмотрѣть на святыню, совершившую опасное путешествіе. Толпа взбирается на ступени домовъ, чтобы лучше видѣть; черные глаза женщинъ любопытно высматриваютъ изъ-подъ покрывалъ. Самое шествіе открывается изувѣромъ, бѣснующимся съ обнаженною саблею въ рукахъ. За нимъ идутъ взволнованные, горланящіе правовѣрные со знаменами и бунчуками, потомъ шагаетъ верблюдъ съ роскошнымъ бархатнымъ, вышитымъ золотомъ шатромъ на спинѣ; въ шатрѣ—святыня Каира. Особенно удалась художнику группа изъ трехъ людей, около самаго верблюда:

два дервиша ведутъ подъ руки товарища, вѣроятно, доведшаго свое изступленіе до нервнаго припадка. Шествіе теряется въ глубинѣ сцены. На все это пущено столько свѣта и восточнаго зноя, все это нарисовано съ такою силою и правдою, что одна картина г. Маковскаго почти вознаградила меня за общее тягостное впечатлѣніе, произведенное выставкою. Она заставляетъ зрителя задуматься, она въ яркихъ краскахъ показываетъ вамъ внѣшность того Востока, о которомъ теперь такъ много говорится, міра фанатизма и невѣжества, свирѣпости и изступленія.

Другая хорошая вещь выставки принадлежитъ кисти одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ, П. П. Чистякова. Картина эта—«Старый русскій бояринъ». Передъ вами поколѣнный портретъ старика въ богатой бархатной шубѣ; старое, изборожденное морщинами лицо, кажется, заснуло, умерло; только въ глазахъ осталась и сосредоточилась жизнь. Они смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей прямо въ лицо зрителя съ какимъ-то презрительнымъ выраженіемъ. «Вы, маленькіе людишки,—думаетъ бояринъ:—посмотрите на меня, водившаго въ бой царскія рати, бывшаго въ ссылкѣ, бывшаго въ почести и славѣ, какой только могъ достигнуть русскій человѣкъ, сѣченнаго кнутомъ, чуть не лишеннаго живота и уцѣлѣвшаго отъ всего этого. Вамъ ли, съ вашими маленькими радостями и огорченіями, или, какъ вы говорите, непріятностями, понять меня, прочувствовать буйную жизнь стараго русскаго боярина!» Написанъ бояринъ превосходно; рембрандтовское освѣщеніе удачно выбрано для типа, изображеннаго художникомъ.

Но опять-таки картина эта—картина старая, бывшая уже на выставкѣ, какъ и подогрѣтый портретъ г-жи Розинской, Якоби, какъ и очень-очень многія вещи на выставкѣ Общества. Странное явленіе. Странно также появленіе на выставкѣ такого множества совершенно ничтожныхъ жанриковъ, и русскихъ и иностранныхъ. Г. Самойловъ выставилъ ни на что непохожихъ «Двухъ воровъ»—верхъ безобразія, съ какой-то дырою въ полу, изображающею падающій изъ окна свѣтъ. Г. Ефимовъ предложилъ публикѣ «Иконописца-портретиста» и «Старушку, раскрашивающую лубочныя картины»; въ будущемъ году, вѣроятно, появится «Г. Ефимовъ, раскрашивающій свои картины» въ панданъ къ этимъ двумъ произведеніямъ.

Г. Беллоли, не довольствуясь успѣхомъ своей прошлогодней выставки голыхъ и полуголыхъ женщинъ, поставилъ одну изъ старыхъ вещей—«Любовная записка». Прежде эта

картина называлась «Первое любовное письмо», но г. Беллоли, вѣроятно, самъ устыдился претендовать на то, что его картина можетъ выразить какое-либо душевное движеніе! Просто сидитъ довольно пріятная дама, съ криво нарисованными глазами, и держитъ въ рукахъ бумажку; вотъ и все. Дѣйствительно здѣсь нѣтъ никакого «перваго любовнаго письма».

Беру смѣлость посовѣтовать Обществу не трогать мертвыхъ, дабы они не имѣли срама: я намекаю на вещицу покойнаго Нефа «Послѣ купанья»; лучше было бы не выставлять ее.

Иностранцы, приславшіе... Ахъ, забылъ, забылъ, извините, г. Ясинскій, совсѣмъ было-забылъ васъ, автора «Братьевъ-разбойниковъ» Лермонтова. О вашихъ ужасныхъ разбойникахъ я не скажу ничего; пусть смотритъ публика и радуется. Но неужели вы, дѣлая изъ книги выписку, не могли потрудиться посмотрѣть на обертку?

Объ иностранныхъ художникахъ я говорить не стану; не могу только пройти молчаніемъ француза Девильи, приславшаго намъ удивительнѣйшій и огромнѣйшій «Набѣгъ казаковъ». Какіе-то азіатскіе номады, столько же похожіе на казаковъ, какъ тюркосы на французовъ, летятъ съ изступленными, звѣрскими рожами въ атаку. И что̀ всего замѣчательнѣе, летятъ они на чухонскихъ лошадяхъ! Не вѣрите—подите посмотрите. Какую цѣль могло имѣть Общество, принимая подобную картину, не знаю. Развѣ въ видѣ ироніи? Вотъ, дескать, какъ французы мало знаютъ насъ, бѣдные французы! Тогда надо бы было сдѣлать и соотвѣтственное ироническое примѣчаніе; а такъ, ей-Богу, странно!

Есть еще на выставкѣ нѣсколько изображеній фруктовъ и животныхъ. «Виноградъ» г. Дюрани изъ Рима такъ себѣ, но «Портретъ собаки» извѣстнаго академика Сверчкова, а особенно ужасные звѣри г. Афанасьева, обратили меня въ бѣгство.

Въ отдѣлѣ скульптуры можно упомянуть только о хорошенькихъ вещицахъ изъ бронзы г. Лансере и о мраморномъ бюстѣ г. Громова, работы Чижова. Съ послѣднимъ (бюстомъ) мы знакомы на прошлогодней выставкѣ, когда онъ появился еще въ гипсѣ.

Что̀ жъ въ итогѣ? Три хорошія картины, нѣсколько сносныхъ — и только. Остальное печальное до-нельзя. Грустная выставка, бѣдное Общество, питающее себя подогрѣтыми картинами и новыми произведеніями стряпни гг. Ясинскихъ, Красовскихъ, Самойловыхъ и проч.!..

Сегодня мы увидимъ знаменитую картину Семирадскаго «Факелы Нерона», которая уже поставлена въ отдѣльной залѣ. Если хоть десятая часть похвальныхъ о ней отзывовъ справедлива, то во что обратится остальная выставка въ сравненіи съ нею.

Страннымъ показалось намъ присутствіе непомѣченныхъ въ каталогѣ выставки превосходныхъ вещей Рѣпина. Если онъ членъ Общества, то оно, кажется, имѣло время помѣстить въ каталогъ его вещи, стоящія въ Академіи съ осени; если же Рѣпинъ не членъ, то Общество должно удалить изъ залы его произведенія, чтобы публика, какъ это теперь происходитъ, не считала картинъ Рѣпина въ числѣ вещей, принадлежащихъ выставкѣ Общества.

Новая картина Семирадскаго „Свѣточи христіанства“.

16 марта 1877.

«Однихъ зашивали въ звѣриныя шкуры, и они погибали, пожираемые собаками; другіе умирали на крестѣ, или ихъ покрывали горючими веществами и, по заходѣ солнца, жгли вмѣсто факеловъ. Неронъ уступалъ свои сады для этого зрѣлища... Хотя эти люди и были виновны и заслуживали строгое наказаніе, но сердца все-таки открыты для жалости къ нимъ».

Такъ говоритъ Тацитъ о заживо сожженныхъ въ царствованіе Нерона христіанахъ.

«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его».

Эти слова вырѣзаны Семирадскимъ на рамѣ его колоссальнаго произведенія.

Когда вы входите въ залу, гдѣ стоитъ картина, почти непріятное чувство овладѣваетъ вами: вы видите передъ собою какую-то яркую, пеструю путаницу мраморовъ и человѣческихъ фигуръ, путаницу съ рѣзкими пятнами, огненными, черными, перламутровыми, золотыми.

Только подходя ближе и дѣлая нѣкоторое усиліе, вы можете разобрать, въ чемъ дѣло. Слѣва пестрая народная толпа, тѣснящаяся на мраморномъ крыльцѣ дворца, выходящемъ въ садъ. Болѣе ста фигуръ въ свѣтлыхъ и яркихъ одеждахъ, мраморы, сосуды, блестящіе металлами, украшенія, горящія драгоцѣнностями, цвѣты, опахала, роскошныя

носилки цезаря, его ручной тигръ. Справа цвѣтами обвитые столбы, около которыхъ блеститъ пламя жаровни и факеловъ, зажигаемыхъ нагими рабами, на столбахъ увязанные веревками пуки соломы, куда по грудь запрятаны мученики... Сейчасъ зажгутъ эти пуки, а нѣкоторые, сзади, уже начали горѣть, разбрасывая искры.

Взгляните на эту пеструю толпу. Недостатокъ ли искусства художника, или, быть-можетъ, его намѣреніе—не берусь рѣшить—сдѣлали разсматриваніе отдѣльныхъ фигуръ картины крайне утомительнымъ. Вы видите толпу, массу, разодѣтую и полуобнаженную, разукрашенную тканями и золотомъ. Но ваше вниманіе скоро утомляется, когда вы начнете разсматривать отдѣльныя фигуры; ни одна фигура, ни одна группа не выдѣляется рѣзко на этомъ общемъ фонѣ.

Главную фигуру, цезаря Нерона, вамъ приходится искать глазами. Вотъ онъ, одутловатый и смуглый, пресыщенный, скучающій, для возбужденія притупленныхъ нервовъ придумавшій такое утонченное зрѣлище, сидитъ въ роскошномъ, раззолоченномъ, инкрустированномъ перламутромъ паланкинѣ, вмѣстѣ со своею женою Поппеею. Въ ея лицѣ, жирномъ и вяломъ, ничего не видно, кромѣ чувственности; даже на такое экстра-тонкое зрѣлище она смотритъ апатично и тупо. Черные рабы, несущіе носилки, почти не выражаютъ своими лицами ни жалости ни злорадства. Ихъ черную кожу не проберешь чужимъ страданіемъ, а ненависти къ христіанамъ они имѣть не могутъ: что̀ для нихъ христіане?

Носилки Нерона остановились на средней площадкѣ мраморной лѣстницы. Отъ нея идутъ два марша. Одинъ налѣво и вверхъ, во дворецъ, другой прямо къ зрителю, внизъ, оканчивающійся большою площадкой, на которой расположенъ «первый планъ» картины, наиболѣе выдающаяся и интересная ея часть. Тамъ, вверху, за цезаремъ, большая давка; масса зрителей спускается по лѣстницѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ горѣть «поджигатели Рима». Видны тамъ и черная кожа раба, и красная полоса на бѣлой тогѣ сенатора, и шлемъ императорскаго полководца, и яркія одежды, и обнаженныя руки и плечи женщинъ. Все это смѣшивается въ общее пятно, и пятно менѣе удачное изъ всей картины: часть лѣстницы, заворачивающая въ глубь картины, на самый верхъ, съ многочисленною толпою, лишена воздушной перспективы и, какъ говорятъ художники, «лѣзетъ впередъ», несмотря на сравнительную туманность тоновъ.

А здѣсь, около насъ, внизу, какая смѣсь одеждъ и лицъ! Какое разнообразіе типовъ и красокъ! Вотъ собралась кучка серьезныхъ людей; сенаторъ, стоящій спиною къ зрителю, грекъ-философъ съ повязкою на головѣ, что-то ему убѣдительно доказывающій, и слушатели. Что̀ говоритъ грекъ? Ужъ не доказываетъ ли онъ нелѣпость подобнаго препровожденія времени? Нѣтъ, гдѣ ему, бѣдному, имѣть свое собственное мнѣніе, когда въ двухъ шагахъ отъ него сидитъ самъ цезарь, всегда имѣющій возможность посадить на столбъ, въ соломѣ, любого философа! Должно-быть, онъ прославляетъ цезаря за его мудрую предусмотрительность и строгое правосудіе. Около этой группы стоитъ одинокая фигура старика-сенатора. Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что это—одно изъ наиболѣе удавшихся художнику лицъ. Старый, толстый, обрюзглый, съ отвисшими щеками, съ маленькими глазками на пошломъ, жирномъ лицѣ, онъ какъ-то скотски-равнодушно смотритъ на начинающуюся казнь.. Его сѣдая развратная голова увѣнчана пышными и нѣжными бѣлыми розами; какъ-то дико, нелѣпо видѣть дѣвственные цвѣты на такой головѣ; но они показываютъ, что престарѣлый сенаторъ только-что пересталъ пить и, вѣроятно, сейчасъ же послѣ спектакля начнетъ вновь (древніе думали, что вѣнки изъ розъ предохраняютъ отъ опьянѣнія).

Какъ спокойно смотритъ онъ! Да чего ему волноваться? Можно ли чѣмъ-нибудь удивить его, видѣвшаго Тиверія, Калигулу, Клавдія?.. Цезарь жжетъ христіанъ; до него, сенатора, очередь еще не дошла, онъ и пользуется временемъ, наслаждается жизнью, съ розами на челѣ. А можетъ-быть, судьба и поблагопріятствуетъ ему, и онъ уйдетъ отъ яда или казни и умретъ «естественною» смертью отъ пьянства и разврата. Ближе къ нимъ и къ жертвамъ Рима стоитъ интересная, прекрасно задуманная художникомъ пара: какой-то смуглый юноша въ роскошномъ, яркомъ восточномъ костюмѣ, со своею подругою. Они оба, особенно онъ, чужіе на этомъ буйномъ пиршествѣ разврата и безчеловѣчія. Онъ, очевидно, не римлянинъ, а какой-то азіатскій принцъ, сдѣлавшій тысячи миль, чтобы подивиться владычествующему надъ міромъ человѣку и городу-царю. Что̀ же онъ нашелъ здѣсь? Безумца, переходящаго съ трона на театральные подмостки и сжигающаго заживо людей не такъ, какъ тамъ, на южномъ Востокѣ, изъ «политической необходимости», а просто для потѣхи, и толпу льстецовъ, этихъ римскихъ гражданъ, владыкъ всего міра, раздѣляющую забавы этого безумца, льстивую, презрѣнную толпу. И вотъ

передъ нимъ привязанные къ позорнымъ столбамъ люди, которыхъ сейчасъ будутъ жечь... Можетъ-быть, одно слово отреченія освободитъ ихъ; но они не отрекаются. Что жъ это такое? Откуда они? И юноша задумчиво и тоскливо смотритъ на факелы изъ живыхъ людей; его настроеніе передается и его прекрасной подругѣ, боязливо прислонившейся къ нему и сострадательно смотрящей на мучениковъ.

И не одни они относятся къ предложенному Нерономъ зрѣлищу не съ апатичнымъ и тупымъ спокойствіемъ или злорадствомъ. Вотъ на первомъ планѣ, ближе всего къ зрителю, сидитъ женщина. Одежда ея роскошна, сандаліи прикрѣплены драгоцѣнными застежками, горящими золотомъ и камнями. Она опустила дорогую, всю раззолоченную лиру (вѣроятно, это пѣвица) и сидитъ въ позѣ Сафо. Она явно жалѣетъ и этого старика съ дѣтскимъ выраженіемъ лица, безропотно висящаго тамъ, на столбѣ, и эту молоденькую дѣвушку, которую, кажется, ужъ подожгли

Экспрессія лица этой женщины не особенно удалась художнику, хотя по рисунку и письму это лучшая фигура картины. Она могла бы служить вся цѣликомъ, какъ она есть, прекраснымъ изображеніемъ Сафо, но вовсе не Сафо, смотрящей на истязанія людей. Въ ея лицѣ болѣе задумчивости, чѣмъ жалости и негодованія. Но ребенокъ рядомъ съ нею, съ любопытствомъ ужаса смотрящій на страшную сцену — прекрасная фигура и по экспрессіи. Совсѣмъ налѣво, у самой стѣны, еще фигура человѣка, жалѣющаго христіанъ: это гладіаторъ, частью одѣтый въ свои тяжелые и безобразные доспѣхи, частью держащій ихъ въ рукахъ; онъ прислонился своею широкою спиною къ мраморной стѣнѣ и смотритъ съ состраданіемъ. Его простое, глуповатое лицо, съ выраженіемъ дикаря, написано не особенно удачно, но состраданіе варвара, смѣшанное съ дѣтскимъ изумленіемъ, прекрасно выражено. Жаль, что художникъ не потрудился тщательнѣе заняться этою фигурою и поставилъ ее довольно неловко: спина гладіатора какъ-то врѣзывается въ мраморъ, къ которому онъ прислонился. Передъ гладіаторомъ—дѣвушка-танцовщица, забывшая пляску и свои мѣдныя тарелочки, которыми она такъ весело побрякивала минуту тому назадъ. Она облокотилась на край мраморной площадки и смотритъ на рабовъ, готовящихся поджечь живые свѣточи. Ея фигура, наклонившаяся впередъ, полуприкрытая коричневой золотистой драпировкой, полна ожиданія и ужаса, только небрежно написанное лицо нѣсколько портитъ общее впе-

чатлѣніе. У ногъ ея расположилась группа, стоящая болѣе подробнаго описанія.

Это три лица: старикъ-сенаторъ, молодой мужчина и женщина, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста. Мужчины играютъ въ кости, она сидитъ на колѣняхъ у младшаго и хохочетъ надъ проигравшимся въ пухъ и прахъ и растерявшимся старикомъ, который уперся глазами въ костюмы публики. Это—совсѣмъ глупый, дряхлый старикашка, впавшій въ дѣтство. Не таковъ его счастливый соперникъ въ любви и игрѣ. Здоровое веселье видно на его хохочущей физіономіи; посмотрите, съ какимъ торжествомъ поднялъ онъ одну руку со стаканчикомъ, выбросилъ изъ него кости на круглый мраморный столикъ, а въ другой держитъ чашу, полную вина. Онъ наслаждается жизнью и удачею и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что два десятка людей сейчасъ начнутъ горѣть заживо. Какое ему дѣло до нихъ, когда игра кончилась такъ весело, когда на его колѣняхъ такъ удобно пріютилось молоденькое, веселое существо! Онъ радуется и выражаетъ свою радость гомерическимъ хохотомъ надъ выжившимъ изъ ума римскимъ сенаторомъ. А она, эта женщина-дѣвочка, со смѣющимся, но утомленнымъ отъ оргій лицомъ, она также не смотритъ на казнь. Въ ея молодой душѣ не выросли человѣческія чувства — жалость и состраданіе; ранній развратъ сгубилъ все и оставилъ только способность находить удовольствіе въ ласкахъ друга, на колѣняхъ котораго она сидитъ, да на днѣ его золотой чаши.

Еще болѣе омерзительна женщина, полулежащая на землѣ нѣсколько правѣе описанной группы. Она—вся ожиданіе и нетерпѣніе. Это волнующееся злое лицо, чувственный взоръ, въ которомъ ясно видна жажда крови и воплей, прекрасно удались художнику по силѣ экспрессіи.

Выше этихъ фигуръ помѣщается пара: полный смуглый сенаторъ въ вѣнкѣ изъ желтыхъ цвѣтовъ со своею подругою, стройною, прекрасною женщиною. Онъ, небрежно развалясь на мраморѣ, неодобрительно смотритъ на ненужную жестокость, конечно, не зная, кто истинный виновникъ римскаго пожара. Ему гораздо пріятнѣе было бы, быть-можетъ, уйти отсюда съ красивою подругою, которую онъ ласково держитъ за обнаженную руку повыше кисти. И она, нервная, впечатлительная, тоже ушла бы, если бы было можно: готовящаяся казнь возмущаетъ ее, заставляетъ страдать, и прекрасное лицо невольно складывается въ выраженіе ужаса и отвращенія. Сзади этой пары, превосходно

исполненной, опять люди, забывшіе и казнь, и всѣхъ, и все, увлекшіеся своимъ бѣшенымъ, бурнымъ, пьянымъ весельемъ. Громко свиститъ двойная флейта, гудитъ и бренчитъ бубенъ, быстро двигаются тѣла опьянѣвшихъ отъ вина и пляски танцоровъ, мелькаютъ въ воздухѣ торсы и поднятыя руки. А вотъ одна изъ танцовщицъ уже упала въ опьянѣніи и валяется ничкомъ, головою къ зрителю. Тутъ же шутъ въ костюмѣ, похожемъ на костюмъ арлекина, хочетъ выкинуть какую-то шутку, пустить шутку въ толпу. Но движеніе его застыло, шутка замерла въ полураскрытыхъ устахъ. Шуты — впечатлительный народъ...

Еще одна фигура; строгая, мрачная фигура римлянки около гладіатора. Она сидитъ такъ, что ее не видитъ никто изъ окружающихъ, и мрачно, съ ненавистью глядитъ на загорающихся христіанъ. На кого обращена эта ненависть? На тѣхъ ли, которые горятъ, или на тѣхъ, по чьему повелѣнію совершается страшное дѣло? По выраженію лица нельзя сказать навѣрное. А вотъ парочка, стоящая ближе всѣхъ къ казнимымъ, но меньше всѣхъ обращающая на нихъ вниманіе. Они оба оперлись на черный мраморъ, которымъ кончается балюстрада лѣстницы. Они шутя и дружелюбно болтаютъ между собою, даже не смотря на угощеніе цезаря; они сами интересуютъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ христіане.

Тамъ, вдали, въ глубинѣ картины, видны еще и еще фигуры воиновъ, сенаторовъ, вольноотпущенныхъ, дворцовой челяди. Вотъ одинъ изъ нихъ махнулъ краснымъ платкомъ, это — знакъ начинать представленіе.

Его уже начинаютъ. Жаровня съ растопленною смолою пылаетъ краснымъ пламенемъ, сверкая и дымя; рабъ возится около нея, отмахивая крыломъ летящій въ сторону цезаря дымъ. Другой обмакиваетъ свой факелъ въ смолу. Еще нѣсколько человѣкъ зажигаютъ пуки соломы, иные взобрались на лѣстницы. Лица ихъ совершенно спокойны и хладнокровны; спокойствіе это напоминаетъ выраженіе лица у прислужниковъ современнаго цирка; безстрастно, машинально исполняютъ они свое дѣло.

На высокихъ шестахъ, увитыхъ гирляндами, привязаны они, актеры представленія, въ первый и послѣдній разъ выступающіе на сцену. Тутъ и старики, и юноши, и дѣвушки; длинный рядъ ихъ теряется между кипарисами сада. Безпомощные, нагіе, обложенные соломою, увязанные веревками, смотрятъ они съ высоты на истязающую ихъ толпу. Хорошо виденъ изъ нихъ второй отъ зрителя (лицо пер-

ваго ушло изъ картины), старикъ съ кроткимъ, дѣтскимъ выраженіемъ лица, съ сѣдою головою. Какъ непохожъ онъ на поджигателя и преступника! Какъ непохожа эта молоденькая дѣвушка на подрывательницу государственнаго строя! Однако они висятъ на шестахъ вмѣстѣ со своими товарищами; сейчасъ пламя начнетъ лизать солому, въ которую они завернуты, начнетъ душить ихъ дымомъ вонючимъ, потомъ доберется до тѣла... И раздадутся душу раздирающіе нечеловѣческіе вопли: живое человѣческое тѣло горитъ! Тутъ даже и твердая вѣра, беззавѣтная вѣра въ спасеніе и будущую жизнь, «идѣже нѣсть печали», не помогутъ несчастнымъ страдальцамъ, мученія вызовутъ изъ ихъ грудей безумные, страшные вопли, и дрогнутъ сердца безчеловѣчной толпы, смутится она и только развѣ въ пьяной и развратной оргіи забудетъ совершенное ея повелителемъ и одобренное ею преступленіе.

Таково содержаніе картины Семирадскаго. Я не могъ, конечно, описать и половины всѣхъ фигуръ: ихъ, какъ сказано уже, болѣе ста; описаны только болѣе выдающіяся или замысломъ, или выполненіемъ. О техникѣ Семирадскаго, гдѣ она касается человѣческихъ фигуръ, тканей, украшеній, мрамора, сосудовъ и другихъ аксессуаровъ, врядъ ли можно сказать что-нибудь, кромѣ того, что она безукоризненна. Золото нѣкоторыхъ сосудовъ блеститъ точно такъ же, какъ и позолоченная рама картины. Блестящее перламутровое сидѣнье въ паланкинѣ императора какъ будто вырѣзано изъ настоящаго перламутра и налѣплено на картину. Роскошныя ткани только-что не скатываются съ женскихъ плечъ. Мраморы представляютъ совершеннѣйшую иллюзію; особенно хорошъ мраморный барельефъ съ группою людей, колесницею и конями на стѣнѣ дворца.

Важные недостатки картины — ошибочность и нецѣльность освѣщенія, уже указанное отсутствіе воздушной перспективы въ лѣвомъ углу картины и весьма слабо написанная правая часть, гдѣ помѣщены сами мученики.

Семирадскій выбралъ для своей картины весьма трудный моментъ—раннія сумерки. Солнце только-что зашло; заря, какъ всегда на югѣ, скромна и блѣдна: тьма наступаетъ быстро. Вся картина, всѣ фигуры, всѣ мраморы и украшенія, все должно было бы быть подернуто сѣрыми тонами наступающей темноты; золото не должно ярко горѣть, драпировки не должны к р и ч а т ь своими яркими тонами.

Посмотрите, такъ ли это на «Свѣточахъ христіанства»? День кончился, солнце зашло, справа видна потухающая заря,

а между тѣмъ передній планъ картины очень хорошо освѣщенъ почти отъ зрителя бѣлымъ дневнымъ свѣтомъ. Особенно рѣзко видно это на бѣлыхъ драпировкахъ и на сочетаніяхъ яркихъ тоновъ между собою. Золото блеститъ, правда, такъ, какъ оно не можетъ блестѣть ни у одного художника, но также и такъ, какъ оно не должно блестѣть въ такомъ сѣромъ свѣтѣ сумерекъ; блеститъ, несмотря на искусственныя сумерки, производимыя занавѣсами, задернутыми во всей залѣ, гдѣ стоитъ картина.

Невѣрность освѣщенія имѣла, конечно, огромное вліяніе на цѣльность всей картины и особенно на ея воздушную перспективу. Относительно послѣдней грѣшатъ два мѣста картины: часть лѣстницы, о которой уже было говорено, и группа черныхъ рабовъ на площадкѣ, несущихъ паланкинъ. Какъ толпа на лѣстницѣ, такъ и черные рабы какъ-то выдѣляются впередъ изъ всей картины.

Уходящее въ глубь сцены зданіе, все изъ бѣлаго мрамора, съ роскошными барельефами и статуями, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Я упомянулъ въ числѣ недостатковъ также и слабость правой части картины. Дѣйствительно, она по письму значительно уступаетъ всей остальной картинѣ, начиная отъ рабовъ-палачей и кончая зарею и тяжелаго свинцоваго тона небомъ. Я не говорю о христіанахъ, потому что они, а особенно сѣдой старикъ, прекрасны. Но рабы очень напоминаютъ хорошіе этюды съ нашихъ натурщиковъ, особенно одинъ, съ темной бородой, протянувшій свой факелъ къ жаровнѣ. Небо, именно верхняя его часть, составляетъ самое слабое мѣсто картины.

Вначалѣ я замѣтилъ, что картина производитъ впечатлѣніе путаницы, въ которой весьма трудно разобраться. Съ этимъ, безъ сомнѣнія, согласится всякій, кто увидитъ новую вещь Семирадскаго, но врядъ ли можно вмѣнить это въ укоръ художнику. Мы не можемъ знать, вышла ли путаница фигуръ, драпировокъ и пр. отъ неумѣнья скомпоновать картину, или она является слѣдствіемъ обдуманнаго намѣренія представить толпу, какъ она есть, во всемъ ея безпорядкѣ и пестротѣ. Я желалъ бы, чтобы была справедлива вторая догадка, и надѣюсь, что она вѣрна. Я основываюсь на предыдущей большой картинѣ Семирадскаго «Грѣшница», гдѣ Христосъ, грѣшница и стоящія около нихъ фигуры составляютъ сильное и эффектное «пятно».

Конкурсъ на постоянной выставкѣ художественныхъ произведеній.

Интересное зрѣлище представляетъ помѣщеніе постоянной выставки въ день пріема картинъ на ежегодный конкурсъ. Въ обыкновенно пустыхъ комнатахъ выставки въ этотъ день цѣлая толпа: авторы картинъ, ихъ знакомые, кое-кто изъ рецензентовъ, г. Григоровичъ, заботливо распоряжающійся разстановкою представленныхъ произведеній. Всѣ горячо критикуютъ новыя картины, спорятъ, находятъ недостатки крупные и мелкіе, заранѣе предполагаютъ, кому достанутся преміи. Только сами авторы держатся сдержаннѣе и не позволяютъ себѣ замѣчаній о картинахъ соперниковъ.

Картины приносятъ одну за другою, разставляютъ. Бьетъ роковые четыре часа, послѣ которыхъ пріемъ на конкурсъ считается закрытымъ. У нѣкоторыхъ поотлегло отъ сердца: «Ну, кончено! Лучше моего ужъ ничего не принесутъ: и З., и С., и Ш., и З—скій, которые тоже готовили къ конкурсу картины, опоздали».

Тринадцать художниковъ поспѣли выставить свои произведенія. Четверо выставили пейзажи, пятеро—жанры, четверо—акварели. Количественно, сравнительно съ прошлыми годами, конкурсъ не бѣденъ. Качественно—онъ особенно не выдается. Какъ и всегда, общее вниманіе главнымъ образомъ привлекаютъ пейзажи. Много разъ уже было замѣчено, что пейзажная живопись у насъ сдѣлала больше, сравнительно съ жанромъ, успѣха. Что̀ за причина этому явленію? Неужели бѣдность русской жизни и исторіи драматическими моментами, достойными перейти на полотно? Нѣтъ, этому нельзя повѣрить! Причина лежитъ не въ бѣдности сюжетовъ, а скорѣе въ самихъ художникахъ. Они, какъ и вся наша интеллигенція, въ большинствѣ случаевъ настолько оторваны отъ родной почвы, настолько мало знакомы съ русскою жизнью, что сродниться съ сюжетомъ русскимъ, роднымъ, прочувствовать его—для нихъ дѣло весьма хитрое. А пейзажъ—совершенный космополитъ. Было бы поэтическое чувство, да любовь къ природѣ, да способности живописца вообще—вотъ вамъ и готовъ художникъ-пейзажистъ, и художникъ недурной.

Хотя и не слѣдовало бы, скромности и буквы закона ради, прежде присужденія премій говорить объ именахъ экспонентовъ, но такъ какъ всѣ они, безъ сомнѣнія, уже

извѣстны экспертамъ конкурса, то я и рѣшусь разоблачить хитрыя монограммы, изображенныя на присланныхъ картинахъ. При этомъ прошу заранѣе извиненія, если мнѣ не удалось угадать художниковъ по ихъ кисти.

Четыре пейзажа представляютъ совершенно разные моменты природы. Г. Крачковскій изобразилъ лѣтній день; г. Волковъ — зимній вечеръ; г. Клеверъ — зимній день. Наконецъ незнакомый мнѣ художникъ, картина котораго носитъ 4-й нумеръ, представилъ бурю на морѣ у береговыхъ скалъ.

Осматривая выставку, одинъ присяжный критикъ, извѣстный пейзажистъ, замѣтилъ при мнѣ объ одной изъ картинъ: «Это такъ хорошо, что изъ-за какихъ-нибудь 250 руб. преміи такой вещи и писать не слѣдовало». Эти слова ярко рисуютъ намъ существующій между многими художниками взглядъ на премію постоянной выставки. Написать картину, чтобы получить 250 руб.—вотъ цѣль. Написать картину такъ, чтобы она скорѣе была куплена — вотъ мысль многихъ художниковъ. Къ числу ихъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ я долженъ причислить и г. Клевера.

Его зимній день съ пасмурнымъ небомъ, ветлами, кабачкомъ на проселочной дорогѣ, мостикомъ, черезъ который перешла какая-то баба (и охота этимъ пейзажистамъ ставить въ пейзажи фигурки, которыхъ они рисовать не умѣютъ!), этотъ зимній день — премилая вещь. Она показываетъ искусную технику, знаніе зимняго пейзажа, бойкость кисти. Она показываетъ, что художникъ работаетъ очень быстро: картинка, очевидно, написана махомъ, въ нѣсколько дней. Но, при всѣхъ этихъ пріятностяхъ, на картину я смотрѣлъ съ непріятнымъ чувствомъ. Такъ вотъ и казалось мнѣ, что эта картина вышла не изъ рукъ художника-поэта, какимъ долженъ быть всякій художникъ, а съ какой-то фабрики стѣнныхъ украшеній. Отлично повѣсить такую вещь на стѣну въ гостиной и послѣ обѣда полюбоваться ею, сидя въ креслахъ, куря сигару и утѣшая себя тѣмъ, что вотъ, дескать, «Клевера картина у меня виситъ. Было бы больше денегъ, купилъ бы еще и Айвазовскаго вещицу, да не хватаетъ. Впрочемъ, и Клеверъ тоже въ модѣ».

Могу утѣшить г. Клевера. И его картины будутъ когда-нибудь такъ же цѣниться, какъ картины И. К. Айвазовскаго. У большинства покупателей картинъ и того, и другого не настолько развито художественное чувство, чтобы они могли критически относиться къ своимъ покупкамъ. Миленькая вещица моднаго живописца — ну, отчего жъ ее и не купить? И пишите, г. Клеверъ, ваши вещи такъ, чтобы онѣ были «ми-

ленькія». Пишите, повкуснѣе, поярче, покрасивѣе, украшайте природу, какъ умѣете. Дѣлайте, словомъ, такъ, чтобы, останавливаясь передъ вашей вещью, изящныя барышни непремѣнно произносили бы: «Ah! C'est joli!» — и дѣло въ шляпѣ. Вы дойдете до г. Айвазовскаго. Вы будете писать свои зимы такъ, какъ онъ свои бури, луны и солнца — не трудясь брать для нихъ свѣжія впечатлѣнія изъ природы, а просто помня, что сюда нужно положить кармину, сюда бѣлилъ, сюда кадміуму. Вы вполнѣ обратитесь въ фабриканта стѣнныхъ украшеній. Но будутъ ли вамъ знакомы минуты высокаго наслажденія художника-поэта, чувствующаго, что онъ подошелъ къ природѣ такъ близко, какъ только могъ; человѣка, который, пиша картину, снова переживаетъ счастливыя минуты наслажденія живою природою?

Прекрасный зимній закатъ солнца выставилъ г. Волковъ. Очень трудно было догадаться сразу, что этотъ закатъ принадлежитъ Волкову, а не Клеверу. Только подходя ближе, я узналъ автора картины. Мотивъ пейзажа совершенно клеверовскій: снѣгъ съ лужицею талой воды на первомъ планѣ, стволы березъ, пересѣкающіе всю картину съ верху до низу, потомъ виднѣющійся за березами ярко-красный закатъ. Въ этотъ избитый сюжетъ художникъ вложилъ много чувства. Если не говорить о нѣкоторыхъ ошибкахъ г. Волкова, то вообще его картина — прекрасная вещь, и при томъ вещь, производящая на публику сильное впечатлѣніе красотою сочетанія сѣрыхъ и розово-красныхъ тоновъ неба и вѣрно подмѣченнымъ рисункомъ облаковъ. Недостатки картины: неудавшійся снѣгъ на первомъ планѣ, будто сдѣланный изъ ваты, и черезчуръ темный колоритъ верхней части неба, не освѣщенной лучами заходящаго солнца. Тонъ этой части неба гораздо темнѣе, чѣмъ снѣгъ перваго плана, чего никогда не бываетъ въ природѣ, гдѣ вечеромъ тонъ неба всегда свѣтлѣе самыхъ свѣтло-окрашенныхъ земныхъ предметовъ. Отлично нарисованныя и выписанныя березы тоже освѣщены черезчуръ свѣтло; на самомъ дѣлѣ онѣ должны были бы рисоваться на яркомъ заревѣ заката очень темными силуэтами. Несмотря на эти неважные недостатки, картина г. Волкова своею красотою и яркими красками невольно привлекаетъ на себя вниманіе входящаго зрителя. Она навѣрно очень скоро найдетъ себѣ покупателя: такія картины публика любитъ. Живопись легкая, красивая, мотивъ знакомый; чего же больше?

Не думаю, чтобы большая картина г. Крачковскаго имѣла такой же успѣхъ; она не кидается въ глаза, и насколько

ярокъ и цвѣтистъ «Закатъ» Волкова, настолько скромно «Забытое мѣсто» Крачковскаго.

Мы стоимъ на склонѣ высокаго холма, обратясь лицомъ къ его вершинѣ, которая занимаетъ весь первый планъ, понижаясь къ правой сторонѣ картины. Слѣва остатки какой-то стѣны; къ нимъ ведутъ полуразвалившіяся ступени аспидной лѣстницы. Правѣе разбитые покривившіеся каменные кресты не русской формы; должно-быть, кладбище было католическое. Всѣ эти остатки запутались, заросли травою. Остатки стѣны почти закрыты гибкими вѣтками люціума. Около лѣстницы, въ массѣ всевозможныхъ травъ виднѣются длинныя желтыя кисти коровьяка. Кресты тонутъ въ опутавшей ихъ травѣ, изъ которой рѣзко выдѣляются темнозеленые стебли и ярко-алые цвѣты колючаго татарника. Коегдѣ между камнями поднимаются молоденькіе кустики. Мѣсто это не пашутъ, не косятъ: камни развалинъ и крестовъ мѣшаютъ работать здѣсь, мѣшаютъ людямъ нарушить покой мертвыхъ. И на свободѣ трава разрослась густо и сильно; растенія давятъ другъ друга своимъ количествомъ. Все заглохло. Видно, что человѣческая нога рѣдко ступаетъ на это забытое мѣсто. И невольно приходятъ въ голову мысли о прошедшемъ этихъ развалинъ. Былъ ли здѣсь когда гордый католическій монастырь, или скромный костелъ стоялъ на этой высотѣ, откуда видна мѣстность на многіе десятки верстъ? Далеко раскинулась равнина, занимающая задній планъ картины, — совершенная противоположность забытому мѣстечку перваго плана. Какъ мѣстечко это представляетъ прошедшее, такъ равнина — настоящее; здѣсь забвеніе, тамъ жизнь и трудъ. Видны нивы, копны, стада. Верстъ за десять виднѣется свѣтленькій шпицъ деревенской церкви, ярко горящій на солнцѣ; за нимъ опять разстилается безконечная равнина, теряющаяся въ туманной дали. А надъ всѣмъ голубое ясное небо съ длиннымъ карабаномъ нѣжныхъ перистыхъ облаковъ, уходящихъ вдаль.

Въ пейзажѣ Крачковскаго нѣтъ ни яркихъ красокъ ни особенно красивыхъ сочетаній тоновъ. Картина его даже грѣшитъ излишнею блѣдностью и однообразіемъ. Но вглядитесь пристальнѣе въ этотъ простой, безыскусственный пейзажъ, простойте передъ нимъ двѣ-три минуты, и вамъ не захочется отойти отъ него. Нужды нѣтъ, что г. Крачковскій совершенно не справился съ солнечнымъ освѣщеніемъ: оно у него вышло блѣдно, пасмурно, въ его картинѣ солнца мало; нужды нѣтъ, что синева правой части неба утрирована. Поэтическое чувство, проникающее всю

картину, заставляетъ забыть эти недостатки. Въ ней видна горячая любовь къ природѣ, добросовѣстное и тщательное изученіе ея, видно уваженіе къ природѣ, которое не позволяетъ художнику выхватывать изъ нея одни эффекты для эффектныхъ пейзажей.

Я не увѣренъ, что г. Крачковскій получитъ въ этомъ году первую премію (которую онъ взялъ на прошлогоднемъ конкурсѣ). Картина г. Волкова эффектнѣе; картина г. Клевера обнаруживаетъ большее мастерство и бойкость кисти. И если картину г. Крачковскаго не купитъ кто-нибудь изъ записныхъ любителей въ родѣ г. Третьякова, московскаго городского головы, то она останется въ мастерской художника. «Скучна», — скажутъ про нее любители грубаго и яркаго. Хорошо сдѣлаетъ г. Крачковскій, если не огорчится такимъ временнымъ неуспѣхомъ, а будетъ неутомимо работать въ томъ же направленіи, котораго держался до сихъ поръ. Оно приведетъ его къ хорошимъ результатамъ; оно, быть-можетъ, въ недалекомъ будущемъ поставитъ его на одну доску съ нашими корифеями пейзажа, съ Шишкинымъ, Клодтомъ, Куинджи. Пусть только не гонится онъ за дешевымъ успѣхомъ и не ищетъ его у массы, наполняющей залы нашихъ выставокъ.

Картина за № 4 представляетъ бурю, кораблекрушеніе, сѣрыя скалы, синія волны, бѣлую пѣну, черное небо съ желтою прорѣхою въ немъ. Картина довольно печальная. Видно большое стараніе, много труда — и только. Мнѣ передавали, что авторъ этой картины очень порядочный жанристъ. Если это такъ, то остается только пожалѣть, зачѣмъ онъ берется не за свое дѣло.

Изъ пяти жанристовъ, выставившихъ свои произведенія, мнѣ извѣстны имена только гг. Кившенки и Ефимова.

Г. Кившенко написалъ очень недурную вещь, которую можно назвать и пейзажемъ и жанромъ въ одно и то же время. Раннее утро, солнце только-что всходитъ. Мы въ Малороссіи, на рѣкѣ. Только-что освобожденная отъ утренняго тумана вода холодна и неподвижна; только занимающій середину картины паромъ слегка всколебалъ зеркальную поверхность. Паромъ тянется по канату. Живописная группа малороссовъ съ граблями и косами расположилась на немъ; на возу сидятъ двѣ хорошенькія дѣвушки; парубки балагурятъ съ ними. Группа пожилыхъ малороссовъ толкуетъ съ евреемъ, котораго видна только длинная спина. Кажется, это хозяинъ парома, собирающій съ пассажировъ деньги. Въ углу парома соломенный шалашъ старика-сторожа, ко-

торый и самъ сидитъ возлѣ. На высокомъ берегу видна вдали хата съ группою деревьевъ; верхушки ихъ озарены холоднымъ утреннимъ блескомъ только-что показавшагося солнца.

Картина ли это? Ѣхали хохлы черезъ рѣку, увидалъ ихъ г. Кившенко и нарисовалъ; прекрасно нарисовалъ, спору нѣтъ, и хохловъ, и паромъ, и рѣку, и окрестныя мѣста. Но это не картина, а развѣ пособіе при изученіи этнографіи Россіи. И развѣ не лучше ли было бы, если бы эти самые хохлы были не нарисованы г. Кившенко, а сняты хорошимъ фотографомъ, а г. Кившенко въ это время постарался бы написать картину съ нѣсколько болѣе богатымъ содержаніемъ, чѣмъ выставленная имъ теперь вещь. Право, для этнографическихъ цѣлей совершенно достаточно и фотографіи. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что прекраснымъ выполненіемъ своего немудренаго сюжета г. Кившенко вполнѣ заслуживаетъ преміи, назначенной за жанръ, и я, не боясь ошибиться, предсказываю ему полученіе этой преміи.

Неизвѣстный художникъ выставилъ картину за № 5. Картина эта — отлично написанный этюдъ рабочаго, сидящаго въ кабакѣ. Написанъ онъ, очевидно, съ натуры, написанъ хорошо, но зачѣмъ онъ выставленъ? Неужели этюдъ человѣка въ лаптяхъ, съ здоровымъ, улыбающимся лицомъ, заслуживаетъ названіе картины? Гг. Кившенко и авторъ № 5 грѣшатъ отсутствіемъ сюжета; нѣкто г. N. — взялъ прекрасный сюжетъ и испортилъ его. Онъ изобразилъ извѣстную сцену изъ «Бориса Годунова» Пушкина: Пименъ дописываетъ свое «одно послѣднее сказанье», а Григорій Отрепьевъ смотритъ на него и соображаетъ, о чемъ пишетъ старикъ. Г. N. придалъ Отрепьеву выраженіе какого-то ужаса и пренекрасиво повернулъ его въ профиль. Въ лицѣ Пимена вовсе не видно маститой важности, которую невольно представляешь себѣ въ лицѣ пушкинскаго лѣтописца. Эффектъ освѣщенія, основанный на томъ, что главный источникъ свѣта закрытъ клобукомъ, стоящимъ на столѣ, — совершенно не удался. Все вышло желтое-прежелтое, а вовсе не освѣщенное лампадою. Въ углу видно окно; черезъ него глядитъ кусочекъ синяго ночного неба, который сильно не гармонируетъ съ общимъ желтымъ колоритомъ картины. Отдѣлка аксессуаровъ слаба.

Г. Ефимовъ опять выставилъ раскрашивающую старуху. На этотъ разъ она раскрашиваетъ деревянную статую Николая Чудотворца. Сидящая за столомъ дѣвушка пишетъ икону. Есть еще на картинѣ гусыня, сидящая на яйцахъ.

Для чего эта гусыня — рѣшительно не могу придумать! Всѣ эти фигуры: и статуя Николая Чудотворца, и дѣвушка, и гусыня, и старушка, написаны такъ искусно, что рѣшительно трудно понять, кто изъ нихъ деревянный, кто настоящій.

И что за странная манія у г. Ефимова: все писать раскрашивающихъ!

Еще «картина». Синяя вода, голубое небо, камыши, трава, какіе-то люди, тянущіе сѣть, нянька съ ребенкомъ-барчукомъ, зачѣмъ-то жалостно протянувшимъ руку къ рыбакамъ. Все это крайне мизерно. На картину вмѣсто монограммы наклеена пятикопеечная почтовая марка. Не отдаленная ли это аллегорія? Не намекаетъ ли эта пятикопеечная марка на истинную цѣну выставленнаго произведенія? Въ такомъ случаѣ неизвѣстный авторъ знаетъ себѣ цѣну! Похвальная скромность.

Изъ четырехъ представленныхъ акварелей лучшія: г. Н. Маковскаго, изображающая восточную сцену, и г. Александровскаго — портретъ хорошенькой бѣлокурой дѣвочки. Впрочемъ, акварель г. Маковскаго менѣе удачна, чѣмъ его прежнія работы: общій тонъ ея нѣсколько черенъ.

Въ четвергъ 10 апрѣля будетъ объявлено рѣшеніе экспертовъ касательно присужденія премій. Кому онѣ достанутся, я сообщу въ свое время.

Императорская Академія Художествъ за 1876—1877 учебный годъ.

21 декабря 1877 г.

Нѣкоторыя уважительныя причины помѣшали своевременному появленію на столбцахъ «Новостей» отчета о выставкѣ работъ учениковъ Академіи Художествъ. Выставка разбирается и скоро будетъ закрыта; казалось бы, уже поздно говорить о ней съ читателями, но она наводитъ на такія печальныя и серьезныя размышленія о судьбахъ русскаго искусства, что было бы непростительно обойти ее молчаніемъ.

Количество выставленныхъ работъ очень велико: нѣсколько «конкурсныхъ» картинъ на двѣ темы, заданныя Академіею, множество эскизовъ также на заданныя программы, и, наконецъ весьма значительное количество этюдовъ съ натурщиковъ, это—казенныя академическія работы по живописи. Есть еще и неказенныя работы: этюды гг. Богданова, Крачковскаго и Поплавскаго, о которыхъ придется погово-

рить особо. Скульптура явилась въ незначительномъ числѣ образцовъ; теперь залу Академіи украшаетъ только произведеніе г. Вельонскаго, получившаго первую золотую медаль за весьма солидный барельефъ «Венера передъ Олимпомъ» (не ручаюсь за вѣрность названія). Этимъ мы покончимъ со скульптурой: больше сказать о ней нечего.

Живопись — самое задушевное изъ пластическихъ искусствъ. Какъ же проявили себя молодые, свѣжіе таланты, возросшіе подъ бдительнымъ надзоромъ Академіи? Какія она возлагаетъ на нихъ требованія? Какъ они ихъ исполнили? Требованія странныя, а исполненіе жалкое.

На вторую золотую медаль конкурировали гг. Кудрявцевъ, Зиминъ и Данилевскій. Писали они на тему: «Адамъ и Ева при видѣ убитаго Авеля», а никакой Евы и никакого Адама, по правдѣ сказать, не написали. Написано девять голыхъ фигуръ (на трехъ холстахъ) и одна собака весьма странной и рѣдкой въ настоящее время породы, по мысли г. Данилевскаго, обнюхивающая ноги убитаго Авеля. О, г. Данилевскій, видимо, богатъ мыслями; видно, что онъ тщательно обдумалъ сюжетъ! «Адамъ и Ева...—думалъ онъ:—ну, натурально, голые. На лицахъ ужасъ или тамъ что-нибудь такое. Освѣтить ихъ развѣ выше колѣнъ заходящимъ солнцемъ? Еще чего-то не хватаетъ; вотъ тутъ пустое мѣсто; что̀ бы помѣстить сюда? Камень? Нѣтъ! Драпировку брошенную, собаку? Отлично!» И г. Данилевскій—

Чертитъ, и въ шляпѣ дѣло.

Пусть не обидится г. Данилевскій. Я не хочу подозрѣвать его въ бездарности и даже въ нелюбви къ искусству. Я взялъ его картину, какъ примѣръ того, какъ относятся молодые художники къ заданнымъ имъ темамъ. Тамъ, гдѣ г. Данилевскій работаетъ для себя (къ сожалѣнію, я мало знакомъ съ его работами), я не сомнѣваюсь, что онъ не обнаруживаетъ ни такихъ поразительныхъ промаховъ въ рисункѣ, ни странной любви къ желтому бенгальскому огню, ни легкомысленности, съ которой онъ пригласилъ животное невѣдомаго типа играть въ его картинѣ роль собаки. Я увѣренъ, что, увидь г. Данилевскій у себя, въ своемъ «собственномъ» альбомѣ, носъ, подобный носу его Евы, онъ вырвалъ бы страницу альбома или стеръ бы несчастный носъ резинкой. А въ программѣ—ничего, сойдетъ! И даже сильныя побужденія, желаніе, напримѣръ, докончить на казенный счетъ свое художественное образованіе въ Италіи, въ Парижѣ, не въ силахъ преодолѣть ту неохоту, которая овла-

дѣваетъ всякимъ молодымъ живописцемъ, когда его заставляютъ писать на тему заданную, навязанную. Хорошо еще, если случится, что она совпадаетъ съ настроеніемъ художника (чему примѣръ отчасти представляетъ прошлогодняя вещь г. Сурикова: «Павелъ передъ Иродомъ»); тогда онъ вноситъ въ работу и стараніе и душу, хотя все-таки и здѣсь навязанность темы мѣшаетъ свободѣ творчества: а если нѣтъ—съ отвращеніемъ «компонуется» картина, небрежно замазываются фоны, на скорую руку, съ манекеновъ или натурщиковъ, набрасываются апостолы, Каины, пастухи, египетскіе придворные, Вероники, русскіе бояре, словомъ, весь программный штатъ Академіи Художествъ. И человѣкъ, немного знакомый съ закулисной стороной дѣла, ясно видитъ, что это вовсе не Каинъ, а натурщикъ Иванъ, и не патріархъ Гермогенъ, а извѣстный тремъ, если не болѣе, поколѣніямъ художниковъ старикъ Тарасъ, тоже натурщикъ. Что крайне неудовлетворительное исполненіе программъ Академіи не можетъ быть объяснено неспособностью нашей художественной молодежи—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и наглядно доказано г. Кившенко, безспорно талантливымъ художникомъ, получившимъ первую золотую медаль за свою программу «Бракъ въ Канѣ Галилейской». Что г. Кившенко талантливъ—явствуетъ какъ изъ прежнихъ его работъ (какъ, напр., его премированная Общ. поощр. худож. картина), такъ и изъ карандашныхъ рисунковъ его на настоящей выставкѣ. Они заслуживаютъ нѣсколькихъ словъ. Обратимся къ «Браку».

Почему бракъ, а не аукціонъ, не толкучка—рѣшить крайне затруднительно. Съ большимъ трудомъ между фигурами можно сыскать жениха и невѣсту. Гости толкутся безъ всякаго толку и смысла. Какіе-то кривые баши-бузуки на колѣняхъ передъ Христомъ не то вымаливаютъ у Него прощеніе, не то... впрочемъ, трудно сказать, что̀ они выражаютъ своими позами и лицами. Вѣроятно, удивленіе. И я тоже былъ удивленъ, замѣтивъ, что плечо одного изъ нихъ посыпано снѣжкомъ—однако при внимательномъ разсмотрѣніи снѣжокъ оказался вышивкою бѣлыми нитками. Очень интересная подробность костюма древнихъ евреевъ. Или это прямое указаніе, извиненіе передъ публикой: извините, молъ, б ѣ л ы м и н и т к а м и ш и т а к а р т и н а, для наглядности изобразилъ.

За эту вещь, смѣшную по рисунку, печальную по колориту, жалкую по компоновкѣ, Академія дала первую золотую медаль! Она дана, впрочемъ, не за «Бракъ»; она дана

за прежнія работы г. Кившенко, показывавшія несомнѣнный талантъ. И теперь два рисунка-эскиза того же художника не наводятъ на печальныя размышленія; ясно потому, что заданныя темы эскизовъ совпали съ желаніемъ работать г. Кившенко.

Первый эскизъ—тѣ же живые факелы Нерона, которые показалъ намъ весною г. Семирадскій. Не обинуясь скажу, что композиція и замыселъ въ эскизной работѣ г. Кившенко гораздо выше компоновки знаменитой картины. Зажигаемые христіане г. Кившенко производятъ въ зрителѣ содроганіе, чего г. Семирадскій не достигъ.

Впечатлѣніе талантливости художника еще болѣе имѣетъ мѣсто при видѣ другого эскиза—«Голгоѳа». Христа еще не распяли. Крестъ не врытъ въ землю, для него приготовлена яма. Около казнимаго Бога собралась кучка воиновъ, палачей; они дѣлятъ Его простыя одежды и разсчитываются другъ съ другомъ деньгами. Пошлыя лица, съ очень удовлетворительно выраженною экспрессіею, окружаютъ Христа—блѣднаго, стройнаго мужа. Невыразимое страданіе ясно написано на его лицѣ. Двѣ аксессуарныя группы: толпа угрожающаго народа и нѣсколько рыдающихъ друзей, нарисованы ловко и правильно.

Между прочимъ, на этомъ эскизѣ написано: «за неисполненіе темы назначается третья премія». Что̀ значитъ этотъ чудный сонъ? Чѣмъ г. Кившенко «не исполнилъ» заданной темы? Тема «Голгоѳа» можетъ дать матеріалъ для десяти различныхъ по содержанію картинъ. Академія, даже не опредѣливши строго момента сцены на Голгоѳѣ, требуетъ отъ художника, чтобы онъ угадалъ, чего ей хочется. А хочется ей, вѣроятно, рабскаго подражанія прежнимъ образцамъ. Одна эта новаторская черная яма, навѣрно, мозолитъ глаза почтеннымъ профессорамъ Академіи, гг. Шамшину, Венигу и прочимъ столпамъ нашего искусства.

Отъ чего же, какъ не отъ этого стремленія обезличить каждаго художника, лишить его свободы творчества, и зависитъ изображенное отношеніе учениковъ къ своимъ казеннымъ работамъ? Я не стану разбирать подробно всѣхъ выставленныхъ картинъ на академическія темы... «Адамъ и Ева» какъ г. Кудрявцева, такъ и Зимина, вовсе не выказывая ихъ бездарности, однако вполнѣ доказываютъ все сказанное выше. Небрежный рисунокъ, небрежное письмо такъ и бьютъ въ глаза какъ въ этихъ двухъ картинахъ, такъ и въ исполненіи программъ на первую золотую медаль.

О картинахъ г. Кившенко сказано уже довольно. Кромѣ

него, выставили «Бракъ въ Канѣ» гг. Голынскій, Винцманъ, Манизеръ, Шаховской и Прохоровъ. Ниже всякой критики картина послѣдняго: трудно понять, какъ рѣшается человѣкъ со столь слабыми задатками посвятить себя живописи. Представьте, читатель, хлѣвъ, или, скорѣе, уголъ двора, покрытый сверху рогожей. Подъ рогожею совершается что-то странное. Какіе-то люди въ яркихъ и грязныхъ одеждахъ зачѣмъ-то сидятъ въ разныхъ позахъ. Вглядываясь ближе, вы видите, что это большею частью даже и не люди, а манекены. Что̀ дѣлаютъ эти манекены—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не пируютъ. Это ясно какъ день: какой же можетъ быть пиръ, когда на двадцать человѣкъ подано лишь два бокала—золотой да стеклянный, да на полтинникъ винограда и яблочекъ изъ фруктовой лавки! Правда, у стола стоятъ огромнѣйшіе глиняные сосуды, имѣющіе содержать въ себѣ вино, но какъ пить изъ нихъ? На эти сосуды манекенъ, написанный вмѣсто Спасителя, смотритъ съ выраженіемъ изумленія. Видно, что Его чудо поразило Его самого болѣе всѣхъ. Быть-можетъ, г. Прохоровъ имѣлъ въ виду глубокую мысль?—не знаю. Думаю, что нѣтъ. Въ г. Прохоровѣ и Академію обвинять было бы несправедливо.

Г. Шаховской, талантливый Шаховской, написавшій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Гитариста», потомъ бравшій преміи на конкурсахъ, на этотъ разъ положительно оказался ниже себя. Г. Винцманъ, въ своей небрежной картинѣ, нѣсколькими уголками ея показалъ сильный симпатичный талантъ и очень недюжинную технику, но вся картина слаба, небрежна, писана сплеча. Болѣе труда положилъ въ свою работу г. Манизеръ. Мнѣ кажется, что если бы г. Кившенко не заслужилъ медали своими п р е ж н и м и работами, то справедливость требовала бы присужденія награды обойденному г. Манизеру. Въ его картинѣ я замѣтилъ одинъ уголокъ, написанный, очевидно, внѣ программы, «отъ себя». Эти два музыканта, дующіе въ свои свирѣли или другіе инструменты, эти два на̀скоро набросанныя лица, полныя экспрессіи, такъ рѣзко отличаются отъ остального невыразительнаго и вялаго персонала «Брака» (кромѣ немногихъ фигуръ), что невольно привлекаютъ вниманіе зрителя. Наконецъ г. Голынскій написалъ какой-то странный бракъ—на краю города, на улицѣ. Никто въ этомъ бракѣ бракомъ не интересуется: женихъ протягиваетъ чашу за виномъ съ выраженіемъ: а ну-ка, дай, дай винца; Христосъ приглашаетъ Свою мать присѣсть рядомъ съ Нимъ; какая-то дѣвушка устремила вдаль томный и печальный взоръ. Есть и одна недурная

фигура (сравнительно) — мужчины, стоящаго на первомъ планѣ. Кромѣ описаннаго, Академія выставила классныя работы своихъ учениковъ. Если бы можно было выставить рядомъ съ ними работы учениковъ сороковыхъ или пятидесятыхъ годовъ, тогда печальное зрѣлище сдѣлалось бы еще печальнѣе отъ нагляднаго доказательства попятнаго движенія академическаго искусства.

Гг. ученики Академіи, Крачковскій и Богдановъ, выставили вовсе не академическія работы—свои лѣтніе этюды, написанные совершенно самостоятельно. Г. Крачковскій, уже извѣстный пейзажистъ, показалъ, что безъ академическаго корсета и шнуровки можно правильно и быстро развивать свой талантъ. Его этюды каждый годъ дѣлаютъ большее и большее впечатлѣніе. Врожденная художнику поэзія находитъ тѣмъ лучшее выраженіе, что г. Крачковскій упорно трудится, если судить по его этюдамъ. Этюды этого года отличаются отъ прежнихъ гораздо болѣе сильнымъ, выработаннымъ колоритомъ.

Рядомъ съ этюдами Крачковскаго г. Богдановъ помѣстилъ свои жанровые этюды. И объ этомъ многообѣщающемъ художникѣ я ничего не могу сказать, кромѣ похвалы, имѣя въ виду его постоянное совершенствованіе. Главное качество таланта—чувство мѣры и критическое отношеніе къ себѣ—выражено одинаково сильно какъ въ картинахъ природы Крачковскаго, такъ и въ живыхъ, полныхъ правды, фигурахъ Богданова.

Эти два художника составляютъ прямое указаніе составу Академіи на ошибочность ея направленія. Таланты нуждаются въ поддержкѣ, а не въ рамкахъ. Не пеленать надо искусство, а доставить ему возможность свободно развиваться.

Выставленные тутъ же этюды г. Полавскаго слабѣе другихъ работъ этого вообще талантливаго художника.

Обыкновенно художественные рецензенты проходятъ молчаніемъ работы архитектурнаго класса Академіи. Это и вообще несправедливо, а въ этомъ году обойти молчаніемъ работы гг. Прейса, Померанцева и другихъ я считаю невозможнымъ, не потому, чтобы онѣ являли собою что-нибудь замѣчательное въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ (правда, г. Померанцевъ выказалъ и громадный вкусъ и изящество, совершенно мирящееся съ простотою, и вообще работы архитекторовъ въ этомъ году недурны), а потому, что и въ этомъ случаѣ Академія учинила странность, задавъ ученикамъ самую странную тему. Тема эта—«Проектъ увеселительнаго заведенія близъ столицы». Каково? Убѣлен-

ныя, увѣнчанныя головы профессоровъ Академіи не могли выдумать для своихъ питомцевъ никакой темы лучше загороднаго колоссальнаго кафе-шантана съ ресторано̀мъ, бильярдами, зимнимъ садомъ и отдѣльными «номерами».

Постыдились бы, господа! Постыдились бы поддерживать, хотя и косвенно, глубоко пустившее корни въ наше общество (вѣрнѣе, въ малоразвитую часть его) направленіе театра Берга, «Демидрона» и т. п. вещей! Неужели мало для васъ великихъ архитектурныхъ темъ? Неужели фантазія, поэзія, знаніе архитектора меньше выразилось бы въ построеніи храма Вѣчному Существу, предмету поклоненія всѣхъ народовъ, чѣмъ въ проектѣ безсмысленнаго «увеселительнаго вокзала»! И какіе размѣры допущены были для него! Зданіе г. Прейса имѣетъ 110—112 саженъ длины; другія мало уступаютъ по величинѣ. Вѣдь это больше Зимняго дворца. Помилосердствуйте!

А если господа профессора Академіи ужъ непремѣнно хотѣли бить на современность, то и тогда бы ужъ нетрудно было найти тему. Зданіе для народныхъ аудиторій, пріютъ для искалѣченныхъ въ настоящую войну, зданіе для всемірной выставки—развѣ это не темы? И вмѣсто того—увеселительное заведеніе!

Время ли веселиться, господа!

Замѣтки о художественныхъ выставкахъ.

1887 г.

Велика дерзость, съ которою я, человѣкъ толпы, рѣшаюсь говорить о живописи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ большихъ газетъ, было высказано мнѣніе по поводу рецензій г. Стасова, что-де Стасовъ карандаша въ руки взять не умѣетъ, а съ великимъ задоромъ берется судить и рядить о произведеніяхъ пластическихъ искусствъ. Положимъ, все это правда; почтенный художественный критикъ самъ не рисуетъ и судитъ не безъ нѣкотораго задора, что̀ извѣстно всѣмъ посѣщающимъ выставки картинъ и желающимъ уяснить себѣ ихъ достоинства и недостатки при помощи чтенія трудовъ г. Стасова. Но тѣмъ не менѣе г. Стасовъ сорокъ лѣтъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ превосходно исполненный нашими художниками адресъ, выставленный теперь на акварельной выставкѣ, пристально слѣдитъ за искусствомъ. Изъ самаго тона его статей читатель можетъ судить о степени его привязанности къ нему. Въ качествѣ

завѣдующаго художественнымъ отдѣломъ Публичной библіотеки, В. В. Стасовъ десятки лѣтъ состоитъ въ буквальномъ смыслѣ слова заваленнымъ всевозможными художественными произведеніями. Понятно, ему и книги въ руки во всемъ, что̀ касается рисунка, лѣпки, колорита, линейной и воздушной перспективы и прочихъ такихъ вещей; понятно, что, слѣдя за развитіемъ нашей живописи еще съ той поры, когда не было русской школы, когда началъ работать первый русскій живописецъ, Ѳедотовъ, и продолжая состоять въ роли оберегателя и пѣстуна нашей живописи, въ роли, исполняемой имъ съ самоотверженностью цѣпного пса, готоваго растерзать всякаго врага родной школы, Владиміръ Васильевичъ пріобрѣлъ полное право судить и рядить, раздавать отмѣтки, возводить картины въ рангъ перловъ творенія или объявлять ихъ «гнилью» и жалкою мазнею. Прочтите адресъ, о которомъ я говорилъ, и вы убѣдитесь, что и наши художники думаютъ то же.

Мы, люди толпы, часто должны быть очень благодарны критикамъ, насъ просвѣщающимъ. Но, кромѣ В. В. Стасова и двухъ-трехъ художественныхъ критиковъ, большею частью безмолвствующихъ, у насъ по этой части, что̀ называется, хоть шаромъ покати. Газетные рецензенты, съ карандашикомъ и каталогомъ бѣгающіе отъ картины къ картинѣ и прислушивающіеся къ мнѣніямъ знакомыхъ и незнакомыхъ художниковъ, чтобы потомъ внести ихъ отрывочныя замѣчанія на столбцы газетъ, въ которыхъ они кормятся, являются критиками болѣе по какому-то странному недоразумѣнію. Писать о картинахъ такъ легко: недурной колоритъ, но отсутствіе жизненной правды; лѣпка портрета («и чортъ ее знаетъ, что̀ это за лѣпка такая»,—думаетъ критикъ) представляетъ собою явленіе невиданное; портретъ г. X. писанъ въ рѣпинскихъ тонахъ; прибавилъ еще «раккурсовъ» тамъ какихъ-нибудь да разсказалъ съ грѣхомъ пополамъ содержаніе картины—и дѣло въ шляпѣ. Въ редакціяхъ газетъ художественная критика въ полномъ загонѣ; сплошь и рядомъ мы видимъ въ верхнемъ этажѣ газеты и въ нижнемъ два совершенно противоположныхъ отзыва объ одномъ и томъ же произведеніи: это прямо указываетъ на то, что статьи художественныхъ критиковъ никогда никѣмъ въ редакціяхъ не просматриваются. Важное дѣло картины! Пускай ихъ пишутъ объ этихъ пустякахъ что̀ кому угодно! И дѣйствительно пишутъ! Одинъ рецензентъ повторяетъ ошибки каталога, другой ухитряется приписать одному и тому же г. Невреву двѣ картины:

одну—его «Княгиню Юсупову», а другую—«Христосъ и грѣшница» Полѣнова. Перепутать картины, конечно, извинительно, но приписать картины двухъ мастеровъ, необыкновенно рѣзко отличающихся своею художественною индивидуальностью, одному лицу—это указываетъ на выходящее изъ ряда вонъ отсутствіе пониманія дѣла.

И мы, толпа, читаемъ все это, и мы иногда даже основываемъ на подобныхъ писаніяхъ свои такъ называемыя мнѣнія. «Это хорошо, то плохо»,—говоримъ мы въ полномъ убѣжденіи, что наше отношеніе къ художникамъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ оцѣнку ихъ достоинствъ и, замѣтьте, преимущественно техническихъ. Мы не можемъ понять, что нашего мнѣнія въ техническихъ вопросахъ никто не спрашиваетъ, что художникъ самъ всегда знаетъ, что̀ у него въ техникѣ слабо, что̀ хорошо. Онъ не проситъ у насъ отмѣтки за рисунокъ, письмо, колоритъ и перспективу. Ему хотѣлось бы заглянуть въ нашу душу поглубже и увидѣть то настоящее, что̀ мы такъ упорно скрываемъ, то впечатлѣніе, на которое онъ разсчитывалъ всею своею работою, не думая о контурахъ и колоритахъ, наше отношеніе къ нему, какъ н е х у д о ж н и к а къ х у д о ж н и к у, ибо художникъ менѣе всего пишетъ для художниковъ и присяжныхъ критиковъ, а только для себя (въ смыслѣ потребности и удовлетворенія ея) и для толпы.

Что̀ такое толпа по отношенію къ художнику? Чѣмъ онъ отличается отъ нея? То, что̀ я скажу, конечно, азбучная истина, но я считаю нужнымъ сказать ее, ну, хоть бы «для перехода», и заранѣе прошу извиненія у тѣхъ, кто скажетъ мнѣ: «да это мы очень хорошо и безъ васъ знаемъ». Художникъ, по сравненію съ толпой, есть человѣкъ, который лучше видитъ и можетъ передать другимъ то, что̀ онъ видитъ. Сколько тысячъ людей проходитъ ежедневно передъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для художественнаго творчества, не замѣчая его, или созерцая безсознательно! Первое, что̀ думаетъ каждый, прочитавшій или увидѣвшій высокое созданіе искусства: «какъ это похоже, какъ это вѣрно, какъ это знакомо, и тѣмъ не менѣе я въ первый разъ увидѣлъ это, созналъ это!» Художникъ увидѣлъ, понялъ, поставилъ передъ глазами—и видятъ всѣ, до сихъ поръ слѣпые. Маленькій, слѣпой щенокъ, тыкающій мордочкой направо и налѣво и, растопыривъ слабыя лапки, не находящій молока—когда чья-нибудь рука возьметъ его за шиворотъ и сунетъ его въ блюдечко, и онъ, успокоенный, начнетъ лакать молоко, долженъ чувствовать такую же

благодарность, какую чувствуетъ наше сердце, сердце человѣка толпы, открывающаго новый міръ чужими глазами и трудомъ. О, жалокъ былъ бы кругъ нашихъ представленій, если бы мы были предоставлены только своимъ личнымъ пяти чувствамъ и мозгъ нашъ перерабатывалъ бы только пищу, ими добытую! Часто одинъ мощный, художественный образъ влагаетъ въ нашу душу болѣе, чѣмъ добытое многими годами жизни; мы сознаёмъ, что лучшая и драгоцѣннѣйшая часть нашего «я» принадлежитъ не намъ, а тому духовному молоку, къ которому приближаетъ насъ мощная рука творчества. Отсюда и благодарность, отсюда и

. . . . сей ѳиміамъ пахучій,
Цвѣты и лавры . . . .

которые мы подносимъ и которыми мы осыпаемъ людей, одаренныхъ отъ Бога властью раскрывать наше сердце и влагать въ него новые міры.

Постараемся же, не мудрствуя лукаво о колоритахъ и прочемъ, оцѣнивать не художника, не его картину, а наше впечатлѣніе отъ его произведенія, то самое молоко, которымъ мы питаемся. Я рѣшаюсь писать свои замѣтки именно потому, что надѣюсь, насколько хватитъ силъ, удержаться на этой точкѣ зрѣнія. Можетъ-быть, художники найдутъ интереснымъ искреннее и возможно болѣе полное выраженіе впечатлѣнія, производимаго выраженіемъ ихъ задушевныхъ мыслей на одного изъ тысячъ, толпящихся на выставкахъ; можетъ-быть, и мои собратья, люди толпы, провѣряя свои личныя впечатлѣнія другими, переданными здѣсь, уяснятъ себѣ что-нибудь, очистятъ свое впечатлѣніе и болѣе полно воспользуются тѣмъ духовнымъ матеріаломъ, который даютъ художественныя произведенія.

Выставка Товарищества передвижныхъ выставокъ въ этомъ году какъ-то особенно удачна. Трудно представить себѣ даже, чтобы искусство, едва вышедшее изъ пеленокъ, существующее, какъ самостоятельная школа, едва какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, могло давать подобныя выставки изъ года въ годъ. Два капитальнѣйшія произведенія этой выставки — плоды не одного года работы гг. Полѣнова и Сурикова; я не знаю, поспѣютъ ли къ будущему году крупныя вещи, задуманныя другими нашими мастерами. Говорю это къ тому, что очень можетъ быть, что будущая, XVI выставка представитъ намъ менѣе интересное и менѣе богатое мыслью собраніе, и что тогда непремѣнно начнутся

вопли, повторяющіеся изъ года въ годъ, о паденіи русской живописи, похожіе на неизмѣнный припѣвъ, двадцать разъ въ годъ выпѣваемый всею нашею печатью, о паденіи русской беллетристики, припѣвъ, не умолкавшій со временъ Бѣлинскаго, припѣвъ, подъ который окрѣпла, расцвѣла и выступила въ первый рядъ европейскихъ художественныхъ литературъ и наша.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ забываютъ, что искусство живетъ не отдѣльными выставками и отдѣльными книжками журналовъ, а цѣлыми эпохами, и что двухъ-трехъ крупныхъ вещей довольно, чтобы ярко освѣтить пять, десять лѣтъ его жизни.

I.

> И вси людіе идяху къ Нему: и сѣдъ учаше ихъ. Приведоша же книжницы и фарисеи къ Нему жену... поставивши ю посредѣ... Учителю, сія жена ята есть нынѣ въ прелюбодѣяніи. Въ законѣ же намъ Моисей повелѣ таковыя каменіемъ побивати: Ты же что глаголеши? Сія же рѣша искупающе Его (Еванг. отъ Іоанна, гл. 8).

Знойный южный день: солнце перешло за полдень и, бросая недолгія тѣни, ярко освѣщаетъ преддверіе іерусалимскаго храма съ широкою каменною лѣстницею, ведущею въ сѣни, поддерживаемыя колоннами краснаго порфира съ нѣсколькими старыми, корявыми, черно-зелеными, пыльными кипарисами, возвышающими свои вытянутыя сжатыя вершины въ ясную синеву южнаго неба; справа виденъ бѣдный, опаленный солнцемъ, восточный городъ, уходящій въ гору. На дворѣ храма волненіе. Только спѣшащій на работу въ поле, послѣ полуденнаго отдыха, крестьянинъ, взгромоздившійся на смиреннаго ослика вмѣстѣ со своими кирками и мѣшками, да небольшая кучка людей, сидящая слѣва внизу у лѣстницы, не раздѣляютъ этого волненія. Нѣсколько женщинъ и какой-то поселянинъ, пришедшіе съ провизіей и клѣтками съ птицей, можетъ-быть, для продажи, а можетъ-быть, и для жертвы, еще не поняли, зачѣмъ ворвалась въ ограду эта шумная толпа, зачѣмъ она ведетъ какую-то

женщину. Группа Учителя съ учениками полна спокойнаго ожиданія. Въ бѣдныхъ, запыленныхъ дорожныхъ одеждахъ, въ грубой обуви сидятъ они: юноша Іоаннъ, вперившій въ толпу задумчивый взглядъ, два брата Заведеевы, съ некрасивыми, но умными и сильными лицами; тутъ же и человѣкъ, носящій суму черезъ плечо, съ острыми, сухими чертами лица, съ общимъ характеромъ доктринерства, какое и владѣло его душой и погубило его—казначей Іуда. Вблизи нихъ и Учитель. Онъ обернулся къ разъяренной толпѣ, ведущей преступницу, и спокойно ждетъ вопроса предводителей.

Толпа передана художникомъ живою. Онъ проникъ въ самую сущность массоваго движенія и выразилъ стадное чувство, большею частью преобладающее въ немъ. Большинство толпы — равнодушные, повинующіеся только этому чувству, которое велитъ бить — будутъ бить, велитъ плакать— будутъ плакать, велитъ кричать «Осанна!» и подстилать одежды—будутъ сами ложиться подъ ноги Грядущаго. Они горятъ не своимъ огнемъ; все дало имъ общее возбужденіе; какъ стадо овецъ, они готовы шарахнуться за первымъ, на кого болѣе другихъ подѣйствуетъ внѣшняя причина. Многіе, быть-можетъ, и не знаютъ, кого ведутъ и за что будутъ бить. Таковъ высокій флегматикъ, держащій преступницу за плечи и ведущій ее передъ собою. Ведетъ, очевидно, не онъ, а нѣчто ему совершенно неизвѣстное, съ чѣмъ онъ и не считается, о чемъ и не думаетъ; онъ только старательно исполняетъ чужое велѣніе и съ добросовѣстностью современнаго полицейскаго тащитъ туда, куда, какъ онъ полагаетъ, почему-то тащить слѣдуетъ. Тутъ и улыбающійся рыжій еврей; въ его улыбкѣ есть что-то двусмысленное; быть-можетъ, онъ наканунѣ покупалъ ласки этой самой женщины-ребенка или подобной ей. Тутъ же юноша, заглядывающійся на нее съ любопытствомъ еще непроснувшейся страсти — ему тоже суждено участвовать въ грѣхѣ, подобномъ совершенному ею; согбенный старикъ съ потухшимъ взоромъ, покопавшись въ своей памяти, найдетъ и свое участіе въ такихъ дѣлахъ. И всѣ они ведутъ побивать ее камнями. Такова толпа.

Но видны въ ней и иныя лица: фарисей, разъяренный до послѣднихъ предѣловъ, готовый растерзать въ куски самъ своей волей; другой, съ восторгомъ слушающій, какъ два священника, выступившіе впередъ толпы, бѣшено кричатъ Іисусу: «Моисей повелѣлъ намъ, а Ты?» Онъ впился въ нихъ глазами и раздѣляетъ ихъ радость и торжество: нена-

вистному бунтовщику, возмутившему стоячее болото мертваго закона, задан вопрос, который его погубит. Священники, составляющіе центр картины, составляют и основу ея содержанія. Привычная важность еще нѣсколько сдерживает одного из них, высокаго чернобородаго с сильною просѣдью старца, но другой, рыжій, с одутловатым лицом, весь обратился в ненависть, дикую, безумную. Что для них бѣдная дѣвочка! Не все ли равно, растерзают ее, или останется она жива? Она почти не существует для них; вся сила их ненависти направлена на этого простого, спокойнаго человѣка, хладнокровно слушающаго их вопли.

Что скажет Он? Инстинктивно упираясь назад, конвульсивно сжав руки в кулаки, стоит эта преступница-полуребенок, ожидающая казни или милости. Не знаю, намѣренно или нѣт, но Полѣнов не сдѣлал из нея главной фигуры. Быть-может, для него не была важна сама жертва; быть-может, главная задача его, превосходно выполненная, состояла именно в изображеніи толпы, о которой сейчас было говорено. Как бы то ни было, главныя лица евангельскаго разсказа в картинѣ не поставлены на первый план. Я не могу согласиться с толками о том, что грѣшница непохожа на грѣшницу, что Христа будто бы «искать надобно», что в Его изображеніи художник потерпѣл полную неудачу. Не видим ли мы каждый день на наших улицах таких же грѣшниц, только-что выступивших на путь грѣха, за который в библейскія времена побивали камнями? Взгляните на грѣшницу Полѣнова; не то же ли это безпрестанно проходящее перед нами, наивное лицо ребенка, не сознающаго своего паденія? Она не может связать его с горькой участью, ее ожидающею—быть растерзанною толпой, побитой камнями; она, как попавшійся дикій звѣрек, только жмется и пятится, и ея застывшее лицо не выражает даже ужаса. Мнѣ кажется, оно так и быть должно.

Христос Полѣнова очень красив, очень умен и очень спокоен. Его роль еще не началась. Он ожидает; Он знает, что ничего добраго у Него не спросят, что предводители столько же, и еще болѣе, хотят Его крови, как и крови преступившей закон Моисеев. Что бы ни спросили у Него, Он знает, что Он сумѣет отвѣтить, ибо у Него есть в душѣ живое начало, могущее остановить всякое зло.

Полѣнов взял всю сцену, как она, по его предста-

бленію, должна быть. Это не группа съ театральныхъ подмостковъ, гдѣ есть главные персонажи, тщательно одѣтые и загримированные, съ художественно выраженными чувствами на лицахъ, и есть толпа статистовъ, одѣтыхъ съ чужого плеча, нелѣпо разставившихъ руки и ноги и еще болѣе нелѣпо и нецѣлесообразно корчащихъ шаблонно актерскую гримасу.

Скажу еще два слова о всей картинѣ. Она ласкаетъ глазъ зрителя прелестью освѣщенія, живымъ расположеніемъ сцены и интересными подробностями. Она красива и интересна даже и для того, кто не захочетъ найти въ ней внутренняго содержанія, или не сможетъ найти его. Взгляните на фигуры задняго плана, на нищаго калѣку, усѣвшагося на лѣстницѣ, на важнаго священника, которому какой-то левитъ менѣе важнаго ранга докладываетъ о случившемся, на выступившаго впереди всей картины терпѣливо-добродушнаго ослика, прищурившаго глаза и развѣсившаго мохнатыя уши. Одна его морда, вырѣзанная изъ полотна, могла бы, подъ названіемъ «Портретъ осла», служить украшеніемъ иной выставки. Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производитъ также отсутствіе сухой академической условности въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ. Въ картинѣ нѣтъ ни одной, что̀ называется, драпировки; все это настоящее платье, одежда; и художникъ, пристально изучившій Востокъ, сумѣлъ такъ одѣть своихъ героевъ, что они дѣйствительно носятъ свою одежду, живутъ въ ней, а не надѣли ее для подмостковъ или для позированія передъ живописцемъ.

Картину купилъ государь. Если рѣшено, какъ говорятъ, помѣстить ее въ Эрмитажѣ, то его посѣтителямъ будетъ оказана большая услуга.

II.

Другая крупная по размѣру и по содержанію картина выставки—«Боярыня Морозова» Сурикова. Опять толпа, и опять преступница. Но преступница—не робкая, запуганная дѣвочка, а женщина въ полномъ сознаніи своей правоты и силы, и толпа не разъяренная, готовая растерзать, а толпа созерцающая, свидѣтельница подвига.

Одна изъ знатнѣйшихъ боярынь своего времени*), уже во время немилости къ ней царя Алексѣя Михайловича назначенная говорить «царскую титлу» на свадьбѣ его съ Н. К.

---

*) «Домашній бытъ русскихъ царицъ», Забѣлина, стр. 105—148.

Нарышкиной, т.-е. занимать первое среди боярынь мѣсто въ царскомъ свадебномъ чинѣ, вдова брата знаменитаго друга царя Михаила, воспитателя царя Алексѣя, въ теченіе всей его молодости бывшаго правителемъ государства—скованная по рукамъ, брошена въ убогія дровни, не прикрытыя даже рогожей, и подъ карауломъ стрѣльцовъ отправлена въ тюрьму (Печерскій монастырь). Чтò могла сдѣлать эта женщина? За что ее вытащили на всенародный позоръ?

Она сама говоритъ намъ это. Высоко поднявъ гордую голову, съ полубезумнымъ выраженіемъ экстаза, она широко размахнула руками, скованными желѣзомъ, и, поднявъ правую, сложила ее двуперстнымъ знаменіемъ. «Тако крещусь, тако же и молюсь!»—восклицаетъ она. Чтò для нея эти «юзы»! Когда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ близкій человѣкъ говорилъ ей о томъ, что, навлекая гнѣвъ царя, она можетъ погубить своего маленькаго сына, «красотѣ котораго сколько разъ государь, и съ царицею, удивлялись» («а ты его ни во что полагаешь!»), она отвѣтила: «Христа люблю болѣе сына. Вотъ чтò прямо вамъ скажу. Если хотите, выведите моего сына Ивана на Пожаръ и отдайте его на растерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы я отступилась отъ вѣры... не помыслю отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами растерзанную!»

Она была ревнительницей древляго благочестія. Два перста, «Исусъ» были святыней души ея, вмѣстѣ съ старымъ складомъ жизни по идеаламъ Домостроя, душнымъ, темнымъ, куда въ ту эпоху едва лишь началъ проникать свѣтъ настоящей человѣческой жизни. Какъ пчелы замазываютъ воскомъ и узою всякую лишнюю щель въ своемъ ульѣ, такъ и она стремилась схорониться отъ свѣта; завела въ своемъ домѣ обитель изъ пяти старицъ, пріютъ для всевозможныхъ нищихъ и юродивыхъ, радовалась «зря въ нощи на правилѣ себя съ ними стоящую»; сама постриглась и отдала себя подъ начало нѣкоей матери Меланіи, женщинѣ, какъ видно, тупой, безконечно ниже ея стоявшей, отдала, ибо «зѣло желаше несытною любовію иноческаго образа и житія».

Протопопъ Аввакумъ былъ вѣрнымъ ея другомъ и наставникомъ. Другіе ревнители старой вѣры поддерживали и подкрѣпляли ее. Интересны совѣты ихъ, служившіе ко спасенію души. «Въ нощи возставъ, соверши триста поклоновъ и семьсотъ молитвъ... Въ вечеру мѣру помни сидѣть; поклоны, егда метаніе по колѣну твориши, тогда главу впрямь держи; егда же великій прилучится, тогда главою до земли; и нощію триста метаній на колѣну

твори. Егда совершивши сто молитвъ, стоя тогда «слава и нынѣ, аллилуія» и тутъ три поклона великіе бываютъ»... и т. д. и т. д. И она прилѣпилась сильною, но темною душою къ этому міру поклоновъ, гдѣ истинными героями являлись люди, подобные юродивому Ѳедору, который «часъ другой полежитъ (ночью) и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ... а иное, стоя, часа съ три плачетъ». «Много добрыхъ людей знаю, а не видѣлъ (такого) подвижника,—говоритъ про него Аввакумъ*): — на Устюгѣ пять лѣтъ безпрестанно на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ, я самъ сему самовидецъ». Самъ Ѳедоръ говорилъ: «Какъ отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшка, отходить, зѣло втѣпоры тяжко бываетъ: по кирпичью тому ногами тѣми стукаешь, что̀ каганьемъ; а на утро опять не болятъ».

Что̀ же это за удивительная жертва, чему она приносится? Велика была ея потребность, и не было ей исхода. Не было живой жизни, широко раскрывшей бы передъ Ѳедосьей Прокопьевной свои объятья, куда бы она могла отдать свою дѣятельную любовь, страстность, энергію и самоотреченіе. Какъ въ темномъ ящикѣ, жили люди, создавая себѣ искусственный, призрачный міръ привязанностей. Всѣ они говорили о Христѣ, но подъ «Христомъ» подразумѣвалось только безсмысленное сложеніе перстовъ да надобность «отбрасывать» тысячи поклоновъ и отмораживать свои ноги до того, чтобы онѣ по «кирпичью стукали». Слабые лучи свѣта новой жизни безпокоили этихъ мучениковъ для мученичества; они видѣли, что ихъ призраки блѣднѣютъ, и когда засіяетъ этотъ свѣтъ, считавшійся ими дьявольскимъ навожденіемъ, то и совсѣмъ исчезнутъ, а въ жертву этимъ призракамъ было уже принесено много, такъ много, что они не могли не сдѣлаться драгоцѣнными. И они ненавидѣли этотъ свѣтъ, похищавшій ихъ сокровище. И на картинѣ Сурикова и въ дѣйствительности бѣдная женщина столь же ненавидѣла вражій міръ, сколько любила свои призраки.

Она кончила жизнь, не уступивъ ни на іоту. На «увѣщаніяхъ» она держала себя такъ, что ей сказали: «Послѣ того ты не Прокопьева дочь, а бѣсова дочь». Она радовалась, когда ее подняли на дыбу, и говорила: «Вотъ что̀ для меня велико и поистинѣ дивно: если сподоблюсь огнемъ сожженія въ срубѣ на Болотѣ. Это мнѣ преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала».

Ее сослали вмѣстѣ съ сестрою, раздѣлившею ея подвигъ,

---

*) «Житіе Аввакума», изд. Тихонравова, стр. 81, 82.

съ Боровскъ. Тутъ, въ гнилой, земляной тюрьмѣ, она скончалась почти отъ голода. Въ полномъ изнеможеніи она просила караулившаго ее стрѣльца:—«Очень изнемогла я отъ голода и хочу ѣсть. Помилуй меня, дай мнѣ колачика».—«Боюсь, госпожа»,—отвѣтилъ стрѣлецъ. — «Ну, хлѣбца». — «Не смѣю».—«Ну, мало сухариковъ».—«Не смѣю».—«Ну, принеси мнѣ яблоко или огурчиковъ». Стрѣлецъ не смѣлъ ничего дать ей.—«Добро, чадо! Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! Если невозможно тебѣ это, то сотвори послѣднюю любовь: убогое это тѣло мое покройте рогожкой и положите меня подлѣ сестры неразлучно».

Умирая, она просила вымыть ей сорочку. Воинъ взялъ ее и снесъ на рѣку, и тамъ, «моя водою малое это платно, лицо свое слезами омывалъ, жалѣючи боярыню».

Такъ кончила жизнь вельможная жена, владѣтельница 8.000 душъ крестьянъ и имѣнія, оцѣниваемаго на наши деньги въ нѣсколько милліоновъ.

Картина Сурикова удивительно ярко представляетъ эту замѣчательную женщину. Всякій, кто знаетъ ея печальную исторію, я увѣренъ въ томъ, навсегда будетъ покоренъ художникомъ и не будетъ въ состояніи представить себѣ Ѳедосью Прокопьевну иначе, какъ она изображена на его картинѣ. Такъ, Грознаго трудно вообразить въ иной тѣлесной оболочкѣ, чѣмъ та, какую придали ему Антокольскій и Рѣпинъ. Изможденное долгимъ постомъ, «метаніями» и душевными волненіями послѣднихъ дней лицо, глубоко страстное, отдавшееся одной завѣтной мечтѣ, носится передъ глазами зрителя, когда онъ уже давно отошелъ отъ картины. Толкуютъ о какой-то неправильности въ положеніи рукъ, о какихъ-то невѣрностяхъ рисунка; я не знаю, правда ли это, да и можно ли думать объ этомъ, когда впечатлѣніе вполнѣ охватываетъ, и думаешь только о томъ, о чемъ думалъ художникъ, создавая картину—объ этой несчастной, загубленной мракомъ женщинѣ.

Толпа Сурикова, само собою разумѣется, не такъ живописна, какъ толпа Полѣнова. Она одѣта не въ граціозные библейскіе костюмы, она не залита южнымъ солнцемъ и расположена не передъ входомъ въ знаменитый прекрасный храмъ, а тѣснится на сугробахъ снѣга, на узкой московской улицѣ, среди странныхъ маленькихъ построекъ, расписанныхъ съ причудливостью неразвитого вкуса. Но грубые московскіе люди въ шубахъ, тѣлогрѣяхъ, торлопахъ, неуклюжихъ сапогахъ и шапкахъ стоятъ передъ вами, какъ

живые. Такого изображенія нашей старой, до-петровской толпы въ русской школѣ еще не было. Кажется, вы стоите среди этихъ людей и чувствуете ихъ дыханіе.

Художникъ ясно показалъ отношеніе тогдашняго общества къ непокорной боярынѣ. Тутъ есть и свои, и чужіе, и равнодушные. Изъ своихъ, первая—сестра Морозовой, кн. Авдотья Прокопьевна Урусова, съ плачемъ идущая рядомъ съ санями, въ которыхъ влекутъ сестру. Тутъ и другіе явные сторонники старой вѣры: странникъ съ котомкой и нищая старуха съ сумой, стоящая на колѣняхъ, не скрывающіе своего сочувствія къ плѣнницѣ, и превосходно задуманная и выполненная фигура юродиваго, сидящаго босикомъ и въ рубищѣ на снѣгу. Это не Ѳедоръ, который въ то время уже былъ повѣшенъ, а одинъ изъ подобныхъ ему. Его багровыя отъ мороза, скрюченныя ноги, полунагое тѣло, едва прикрытое грязнымъ рубищемъ, тяжкія вериги, воспаленные, гнойные глаза, облысѣлая голова безъ шапки, повязанная платкомъ, возбуждаютъ состраданіе и ужасъ. Онъ такъ же, какъ и Морозова, выставилъ общее имъ знамя: сложилъ руку двуперстнымъ знаменіемъ и показываетъ его ей, какъ бы говоря: «Такъ, такъ, государыня! Обличай блудню еретическую». Глубокую жалость возбуждаютъ эти несчастные, гибнущіе изъ-за призраковъ!

Кромѣ этихъ людей, никто не смѣетъ выразить своего сочувствія такъ открыто и смѣло. Женщины большею частью молчатъ; горько пригорюнившись, стоитъ богатая старуха; испуганно выглядываютъ монахини—быть-можетъ, тѣ изгнанныя инокини, которыхъ пріютила въ дому своемъ мученица; только не видно между ними старицы Меланіи. Она умѣетъ только учить смиренію и посту, грозитъ потерею спасенія и не попадаетъ ни на виску ни въ гнилую боровскую тюрьму. Есть въ толпѣ и равнодушные, совсѣмъ посторонніе: татаринъ, глазѣющій на зрѣлище, иностранецъ въ чудной шапкѣ, вдумчиво смотрящій на странную, мало понятную ему сцену. Нѣсколько мальчиковъ, тоже прибѣжавшихъ посмотрѣть на увозъ боярыни, представляютъ собою замѣчательное разнообразіе и типовъ и отношенія къ зрѣлищу. Съ жаднымъ любопытствомъ бѣжитъ одинъ изъ нихъ, размахивая какъ-то всѣмъ тѣломъ, одѣтымъ въ нагольный тулупъ, и ногами, обутыми въ бархатные шитые сапоги; его лица не видно, но зрителю ясно, что это зѣвака, который ни за что не пропуститъ интереснаго зрѣлища. Въ другомъ зашевелилась мысль: онъ уперся глазами въ лицо этой странной женщины, выкрикивающей свое исповѣ-

даніе; трудно понять ему, въ чемъ именно дѣло, но онъ чувствуетъ, что оно идетъ о правдѣ и неправдѣ, и родившаяся мысль растетъ; превосходно выразилъ это художникъ. Невольно, смотря на этого мальчика, думаешь о томъ, что онъ будущій сподвижникъ только-что родившагося тогда Петра. Тутъ и третій, невинно скалящій зубы, потому что видитъ, что другіе смѣются. А смѣются многіе. Смѣется мужикъ, везущій боярыню и замахнувшійся вожжами на лошадь, медленно выбирающуюся изъ сугробовъ; смѣется бояринъ, смѣется и попъ. Ему, можетъ-быть, и нѣтъ дѣла до того, какъ слагать персты; онъ крестится такъ, какъ повелѣли великій государь и святѣйшій патріархъ. Онъ оскалилъ беззубый ротъ и ехидно усмѣхается, глядя на бунтовщицу.

Я долженъ признаться, что, по моему мнѣнію, въ изображеніи этого попа художникъ не совсѣмъ правъ. Очевидно, онъ не любитъ этого попа, онъ немного даже подчеркиваетъ: смотрите, подлый человѣкъ радъ насилію. Такъ задуманный попъ выполненъ необыкновенно живо и хорошо. Но если разобрать хорошенько, кто былъ настоящимъ внутреннимъ насильникомъ, то окажется, пожалуй, что не угнетаемые. О, дайте этой Морозовой, дайте вдохновляющему ее, отсутствующему здѣсь Аввакуму власть—повсюду зажглись бы костры, воздвиглись бы висѣлицы и плахи, рѣкой полилась бы кровь, и бездушные призраки приняли бы многую жертву. Аввакумъ, не имѣя власти, находилъ возможность учить «лаею» и жезломъ и стегалъ ремнемъ несогласныхъ съ нимъ въ самой церкви. Что̀ же бы сдѣлалъ онъ на мѣстѣ патріарха и тихаго царя, доведеннаго до измора, выведеннаго изъ терпѣнія упорствомъ женщины, которую и онъ, въ челѣ всего московскаго общества, цѣнилъ и уважалъ, и которую онъ только послѣ большихъ нравственныхъ терзаній послалъ на освященную вѣками, неизбѣжную виску?

Да, велика сила слабости! Какая бы дикая, чуждая истинной человѣчности идея ни владѣла душой человѣка, какіе бы мрачные призраки ни руководили имъ, но если онъ угнетенъ, если онъ въ цѣпяхъ, если его влекутъ на пытку, въ заточеніе, въ земляную тюрьму, на казнь—толпа всегда будетъ останавливаться передъ нимъ и прислушиваться къ его рѣчамъ; дѣти получатъ, можетъ-быть, первый толчокъ къ самостоятельной мысли, и черезъ много лѣтъ художники создадутъ дивныя изображенія его позора и несчастія.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Я не былъ въ Петербургѣ почти три года. Странное волненіе охватило меня, когда поѣздъ, перейдя Обводный каналъ, сталъ итти тише и тише, когда замелькали красные и зеленые фонари, когда подъ сводомъ дебаркадера гулко заревѣлъ свистокъ. Я не петербуржецъ по рожденію, но жилъ въ Петербургѣ съ ранняго дѣтства, свыкся съ нимъ, узналъ его; южанинъ родомъ, я полюбилъ бѣдную петербургскую природу, бѣлыя весеннія ночи, которыя—къ слову сказать—ничѣмъ не хуже нашихъ пресловутыхъ украинскихъ ночей, полюбилъ безпрерывную сутолоку на улицахъ, безконечные ряды домовъ-дворцовъ, чистоту города, прекрасные городскіе сады, Неву... Полюбилъ я петербургскую жизнь, ту самую, о которой собираюсь писать теперь на родину физическую съ родины духовной. Вотъ это-то послѣднее, что Петербургъ есть духовная родина моя, да и всякаго, прожившаго въ немъ дѣтство и юность, заставляетъ, когда подъѣзжаешь къ городу, волноваться, и волненіе это не меньше того, что̀ испытываетъ юноша... при свиданіи, хотѣлъ я сказать, да нашелъ болѣе сильное сравненіе: когда вынимаешь на экзаменѣ билетъ, рѣшающій, быть или не быть за перегородкой, отдѣлявшей сытыхъ отъ голодныхъ и полуголодныхъ.

Да, этотъ болотный, нѣмецкій, чухонскій, бюрократическій, крамольническій, чужой городъ, этотъ «лишній административный центръ», какъ выразился недавно нѣкій мудрый провинціальный пѣвецъ, приглашаемый на здѣшнюю сцену и отказавшійся, по его словамъ, «изъ принципа»—этотъ городъ, прославленный будто бы безсердечностью своихъ жителей, формализмомъ и мертвечиной, а по моему

скромному мнѣнію—единственный русскій городъ, способный быть настоящею духовною родиною. За внѣшнею сухостью скрывается настоящая умственная жизнь, насколько такая можетъ существовать у насъ въ Россіи. Пусть Петербургъ далекъ отъ Россіи (всѣ обвиненія московскихъ звонарей главнымъ образомъ основываются на этой мысли), пусть Петербургъ часто ошибается, говоритъ о томъ, что̀ плохо знаетъ, но онъ все-таки думаетъ и говоритъ. Не въ Москвѣ фокусъ русской жизни или того общаго, что̀ есть въ этой жизни, а въ Петербургѣ. Дурное и хорошее собирается въ него отовсюду, и—дерзкія скажу слова!—не иной городъ, а именно Петербургъ есть наиболѣе рѣзкій представитель жизни русскаго народа, не считая, конечно, за русскій народъ только подмосковныхъ кацаповъ, а расширяя это понятіе и на хохла, и на бѣлорусса, и на жителя Новороссіи, и на сибиряка, и т. д. и т. д.

Привыкли говорить у насъ въ томъ смыслѣ, что-де Москва—естественное произведеніе русской жизни, а Петербургъ—искусственное насажденіе и искусственно питаемое растеніе; что Москва Россіи нужна, а Петербургу нужна Россія; что Петербургъ—паразитъ, выросшій на счетъ народнаго пота... что, когда вся Россія страдаетъ, Петербургъ наслаждается, резонерствуетъ и больше ничего.

Ахъ, милостивые государи! Придите сюда въ этотъ наслаждающійся и равнодушный городъ и поживите здѣсь зиму, и если у васъ есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, вы на себѣ почувствуете эту, можетъ-быть, и непонятную, но реальную и могучую связь между страною и ея настоящею, невыдуманною столицей! Вы увидите, что удары, по всему лицу русской земли наносимые человѣческому достоинству, отзываются, и больно отзываются, здѣсь. Я не буду говорить о томъ, въ чьихъ и какихъ сердцахъ они отзываются... Вездѣ есть всякіе люди... Но все-таки болѣетъ и радуется (когда есть чему) за всю Россію одинъ только Петербургъ.

Потому-то и жить въ немъ трудно. На улицахъ благоустройство, порядокъ; городовые вѣжливы, увеселеній много, матеріальныя трудности жизни не больше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ. Смертность, вопреки установившемуся предразсудку, не бо̀льшая, чѣмъ вездѣ въ Россіи (въ Петербургѣ 37, въ Москвѣ 36, въ Орлѣ что-то около 60 на тысячу), даетъ прямое указаніе, что Петербургъ не особенно страдаетъ. У нѣмцевъ смертность меньше, но гнилые нѣмцы намъ, конечно, не указъ. Не знаю, какъ полагаютъ

на этотъ счетъ московскіе патріоты, а я такъ готовъ предположить, что слишкомъ малая смертность показываетъ трусость и страхъ смерти: доблестный славянинъ врядъ ли унизится до заботъ о томъ, чтобы довести смертность въ своей странѣ до 17 на тысячу, какъ какой-нибудь голоногій ютландецъ или селедочникъ-датчанинъ. Поэтому я сравниваю Петербургъ только съ русскими городами. А по сравненію съ ними онъ еще, слава Богу, ничего. Но жить въ немъ труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не по внѣшнимъ условіямъ жизни, а по тому нравственному состоянію, которое охватываетъ всякаго думающаго человѣка, попавшаго въ этотъ большой городъ, здѣсь, въ Маркизовой лужѣ (такъ прозвали Невскую бухту Финскаго залива во времена морского министра маркиза де-Траверсе, который за свое долголѣтнее управленіе нашимъ флотомъ въ александровскія времена, какъ говорятъ, ни разу не вывелъ его изъ этой бухты), живешь, кажется, вдали и отъ Старобѣльска и отъ Вилюйска, а принимаешь, невольно принимаешь, и старобѣльскіе и вилюйскіе интересы такъ близко къ сердцу, какъ врядъ ли принимаютъ ихъ сами жители этихъ богоспасаемыхъ городовъ. Я не въ состояніи ясно показать, въ чемъ и какъ проявляется эта связь, но она есть. И для фельетониста, пишущаго петербургскія письма, нелегко ограничиться чисто мѣстными интересами: начнешь писать, положимъ, какъ прекрасно играетъ военный оркестръ въ Лѣтнемъ саду, при электрическомъ освѣщеніи, и какія большія деньги беретъ г. Балашевъ, буфетчикъ этого сада, за бифштексы, а незамѣтно перейдешь и на югъ и на западъ, посѣтивши Кавказъ, и, чего добраго, поинтересуешься познакомиться и съ «болѣе отдаленными мѣстами» востока и «тундрами» сѣвера.

Поэтому заранѣе прошу извиненія, если въ моихъ письмахъ читатель найдетъ иногда разговоры, мало относящіеся къ столицѣ, если мнѣ въ письмахъ въ Харьковъ придется говорить иногда даже о самомъ Харьковѣ. Обѣщаю стараться, чтобы этого посторонняго элемента было поменьше, и такъ какъ вступительною болтовнею я занялъ чуть ли не половину письма, то ставлю черточку.

Лѣтній сезонъ уже наступилъ. Петербургъ опустѣлъ почти до своей лѣтней нормы. Численно, правда, населеніе города почти не уменьшилось, если только не увеличилось, несмотря на то, что поѣзда, отъѣзжающіе въ Москву, за границу и въ Финляндію, биткомъ-набиты пассажирами. Взамѣнъ этихъ счастливыхъ людей, имѣвшихъ возможность «отдох-

нуть» лѣтомъ на лонѣ русской или нѣмецкой природы, обратные поѣзда и барки, проходящія сверху по Невѣ, привозятъ цѣлые полки рабочихъ. За лѣто нужно подновить, почистить городъ, выстроить нѣсколько десятковъ новыхъ домовъ, навезти на судахъ зимній запасъ дровъ, сѣна, хлѣба. Нѣтъ улицы, по которой можно было бы проѣхать, не встрѣтивъ препятствія въ видѣ разломанной мостовой, ямы, разрытой для исправленія водяной или газовой трубы, забора, отгораживающаго новое сооруженіе или старый, надстраивающійся на одинъ или два этажа, домъ. Жара и пыль— ничтожныя сравнительно съ харьковскими—конечно, заставляютъ и тѣхъ обывателей, которые не могутъ покинуть городъ на все лѣто, искать спасенія на дачахъ. Сообщенія (пароходы, конно-желѣзныя и паровыя желѣзныя дороги) настолько удобны и дешевы, что здѣшнему чиновнику или конторщику ничего не стоитъ ѣздить каждое утро въ городъ, а «послѣ должности» возвращаться къ семьѣ и природѣ за какія-нибудь 15, 20, даже 30 верстъ, чтобы остальное время дня провести въ гуляньи по сосновому лѣсу или березовой рощѣ, а то и просто по недавно дренажированному болотцу; въ уженьи рыбы (посмотрите въ лѣтніе №№ сатирическихъ изданій: чуть не третья часть карикатуръ направлена противъ этой несчастной и невинной страстишки)—рыбы, никогда не попадающейся на удочку; въ охотѣ на умудренныхъ опытомъ ингерманландскихъ утокъ, рябчиковъ и глухарей, считающихъ позоромъ быть подстрѣленными охотникомъ-дилетантомъ. Иные отцы семействъ избираютъ болѣе благую часть; проводятъ лѣтніе вечера, какъ проводили и зимніе, садясь за зеленый столикъ въ 9—10 часовъ вечера и «винтя» до солнечнаго восхода. Прибавьте къ этому увеселенія, разсѣянныя лѣтомъ вокругъ Петербурга: вокзалы, лѣтніе театры, оркестры музыки на открытомъ воздухѣ и пиво, пиво и пиво,—вотъ и весь фонъ дачной жизни петербургской семьи средней руки. На этомъ фонѣ разыгрываются всевозможныя дачныя событія. Завязываются знакомства, начинаются романы, развиваются драмы. Но все это дѣлается какъ-то особенно, «не въ серьезъ, а по-дачному», какъ удалось мнѣ недавно услышать.

Для этого мирнаго житія необходимы, само собою разумѣется, хлѣбъ, мясо, свѣчи, дрова и прочіе продукты. Десятки тысячъ семействъ переселяются изъ города въ окрестности, всѣмъ имъ надо ѣсть и пить, петербургскія же хозяйки привыкли вести свое хозяйство безъ хлопотъ. Изъ сотни хозяекъ врядъ ли одна дѣлаетъ какіе-нибудь запасы

по-провинціальному; остальныя пользуются услугами мелочной лавки, удивительнѣйшаго учрежденія, въ которомъ нельзя достать только сырого мяса и матерій, а все остальное, нужное въ домашней жизни, есть всегда и въ достаточномъ количествѣ. Мелочная лавка перебралась и за городъ и торгуетъ тамъ въ лѣтніе мѣсяцы очень бойко. Кромѣ нея, къ услугамъ потребителей существуетъ еще цѣлая армія всевозможныхъ разносчиковъ, преимущественно ярославцевъ; они носятъ по дачамъ и вѣжливо предлагаютъ «вашему сіятельству» и «вашему превосходительству» говядину, рыбу, раковъ, зелень, хлѣбъ, пирожныя, мороженое, цвѣты въ горшкахъ, корзины и легкую мебель, шторы и багеты для картинъ, проволочныя издѣлія, посуду, письменныя принадлежности; даже книги—и тѣ разносятся ярославцами и даются на прочтеніе скучающимъ дачницамъ по гривеннику за томъ. Походный парикмахеръ ѣздитъ въ телѣжкѣ; походный фотографъ разъѣзжаетъ въ цѣломъ фургонѣ: тамъ у него лабораторія, а павильонъ, конечно, на воздухѣ.

Дачная жизнь выработала совершенно особые типы. Покойный Кущевскій, долго жившій въ Петербургѣ и хорошо его знавшій, набросалъ уже много лѣтъ тому назадъ цѣлый рядъ талантливыхъ очерковъ этихъ типовъ; желающихъ познакомиться съ ними отсылаю къ нему. Но не могу не отмѣтить одной, довольно часто встрѣчающейся разновидности петербургскаго жителя. Это человѣкъ большею частью молодой, съ приличной физіономіей и франтовато одѣтый. Гдѣ онъ живетъ лѣтомъ—неизвѣстно; чиновникъ въ адресномъ столѣ на справку отвѣчаетъ, что «Иванъ Ивановичъ Петровъ выбылъ въ Херсонскую губернію». Но Иванъ Ивановичъ въ Херсонской губерніи никогда не бывалъ и врядъ ли бывалъ гдѣ-нибудь за Павловскомъ или Петергофомъ. Иванъ Ивановичъ состоитъ на службѣ; въ чемъ заключаются его служебныя обязанности—не знаетъ никто изъ его знакомыхъ, но онъ служитъ и получаетъ рублей 40—50 въ мѣсяцъ. И то сказать, здѣсь, въ Питерѣ, есть удивительныя мѣста *)... Какъ бы то ни было, сорока или пятидесяти рублей въ мѣсяцъ Ивану Ивановичу не хватаетъ: ему нужны фракъ, цилиндръ, лакированные сапоги, тонкое бѣлье,—видимое міру, конечно,—перчатки. Комнату (въ городѣ зимою) онъ нанимаетъ маленькую и скверную; ѣстъ, благодаря безчислен-

---

*) Напримѣръ, мѣсто *кума въ Воспитательномъ домѣ*. «Кумъ», по слухамъ, получаетъ за каждаго крестника пятакъ и рюмку водки. Впрочемъ, это, можетъ-быть, «одна беллетристика»; навѣрное не знаю.

нымъ знакомствамъ, хорошо. Пятнадцать знакомыхъ семействъ—вотъ и все, что ему нужно; можно обѣдать въ каждомъ только разъ въ двѣ недѣли, что и выгодно и прилично. Но наступаетъ лѣто; всякая тварь радуется и стремится въ зелень, на воздухъ; почему же не стремиться и Ивану Ивановичу? И вотъ онъ, узнавъ адресы всѣхъ знакомыхъ, начинаетъ свой лѣтній туръ. Ѣдетъ въ Лѣсной, къ дѣйствительному статскому совѣтнику Дыбѣ, и въ его миломъ семействѣ—онъ принятъ въ немъ, какъ родной—проводитъ недѣльку. Затѣмъ «дѣла» призываютъ его въ Петербургъ; потолкавшись въ городѣ полъ-дня, онъ стремится въ Ораніенбаумъ, къ тайному совѣтнику Стрекозѣ. Стрекоза хотя и презираетъ его, но по русскому хлѣбосольству не гонитъ, а кормитъ дней 5 или 6. Дочь Стрекозы, томная дѣвица лѣтъ 30, говоритъ съ нимъ о чувствахъ и литературѣ (Иванъ Ивановичъ и это можетъ), компаньонка-француженка, шутя, учитъ его болтать по-французски; время проходитъ весьма пріятно. Но Иванъ Ивановичъ до-нельзя деликатенъ; деликатность—основная черта его характера. Онъ помнитъ, что его ждутъ (увы!—ждутъ, ибо знаютъ, что отъ Ивана Ивановича нѣтъ спасенья) и живущій на дачѣ, въ ожиданіи кассаціи, а затѣмъ отдаленнаго вояжа, интендантскій полковникъ Загреби, и почтенный старецъ, недавно вернувшійся изъ такого же вояжа и живущій на покоѣ, бывшій коммерціи совѣтникъ Потащиловъ, и семейство знакомаго протоіерея, отправившаго своихъ чадъ и домочадцевъ въ Новосаратовскую нѣмецкую колонію, и товарищъ его, Ивана Ивановича, по гимназіи, художникъ, живущій въ Лиговѣ «на этюдахъ», питающійся колбасою, пивомъ, табакомъ и запахомъ хвойнаго лѣса и масляныхъ красокъ. Иванъ Ивановичъ, какъ мотылекъ, перелетающій съ одного цвѣтка на другой, перелетаетъ по конножелѣзнымъ и паровымъ путямъ, на пароходахъ, а то и на своихъ двоихъ, съ дачи на дачу, говоритъ за двоихъ, ѣстъ за троихъ, любезничаетъ съ дамами и благополучно доживаетъ лѣто, тратя свои скудные гроши только на пріобрѣтеніе билетовъ на проѣздъ. Даже сигары (у Загреби) и папиросы (у художника) онъ куритъ не свои, а хозяйскія, вознаграждая за сигары разсказомъ о томъ, какъ онъ однажды выкурилъ у такого-то сигару въ полтора рубля штука, а за папиросы—набиваніемъ ихъ въ пользу хозяина. И такъ живетъ Иванъ Ивановичъ изъ года въ годъ, пока не явятся лысинка и брюшко и какими-то чудными и невѣдомыми путями не оттопырится боковой карманъ. . . . .

Милостивый государь,—скажетъ мнѣ читатель:—странно мнѣ это: начали вы съ такихъ, можно сказать, благородныхъ словъ, обѣщали показать Петербургъ страдающій и мыслящій, а вмѣсто того говорите о дачахъ и объ Иванѣ Ивановичѣ, старомъ, заношенномъ еще въ пятидесятыхъ годахъ типѣ! Гдѣ же тутъ мысль, гдѣ страданье?

О, конечно, конечно, читатель! Иванъ Ивановичъ вовсе не страдаетъ. И стыдно мнѣ было бы ограничиться однимъ Иваномъ Ивановичемъ, но дѣло въ томъ, что мыслящій Петербургъ весь уже уѣхалъ. Дѣло лѣтнее. А вообще-то вѣдь не Иваны Ивановичи и кумовья Воспитательнаго дома дѣлаютъ нравственную физіономію города.

О моемъ же дачелюбивомъ пріятелѣ я вспомнилъ потому, что онъ знаетъ всѣхъ и все. Надѣюсь попасть съ нимъ и къ Стрекозѣ, и къ Дыбѣ, и къ Загреби, и ко всѣмъ прочимъ; а что я тамъ увижу—сообщу черезъ двѣ недѣли.

II.

Иванъ Ивановичъ обманулъ меня: обѣщалъ зайти за мною и повезти въ Петергофъ къ какимъ-то своимъ знакомымъ, не пришелъ. Сижу одинъ и скучаю.

Лѣто, жара и тоска. Хочется уйти куда-нибудь подальше отъ камня, въ зелень, въ какое-нибудь тихое мѣсто, куда не доходитъ шумъ города, гдѣ нѣтъ толпы. Трудно найти такое уединенное мѣстечко: сады биткомъ-набиты гуляющими, дачныя мѣста тоже. Пойду на кладбище. Если скучно среди живыхъ, то куда же дѣваться, какъ не къ мертвымъ? Говорить съ ними, т.-е. читать ихъ книги, я усталъ, пойду посмотрѣть, гдѣ они лежатъ.

Мертвый Петербургъ больше живого. Не говоря уже о томъ, что каждая пядь земли города при Петрѣ Великомъ, когда рабочіе, случалось, цѣлое лѣто питались только рѣпой, стоила человѣческой жизни, обычный покосъ смерти давнымъ-давно населилъ и переполнилъ городскія кладбища. Начали устраивать загородныя по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣлые похоронные поѣзда отходятъ ежедневно изъ Петербурга, увозя десятки гробовъ; иные наставлены кучей въ одномъ вагонѣ, другіе занимаютъ отдѣльные вагоны, торжественно красуясь на траурныхъ катафалкахъ. Свиститъ машина, трогается поѣздъ съ мертвымъ грузомъ, а навстрѣчу ему подходятъ къ городу поѣзда съ живыми, съ новымъ запасомъ народа, изъ которыхъ многіе и многіе поѣдутъ назадъ только до первой станціи—Преображенскаго или Удѣльнаго кладбища. Здравствуйте, живые; прощайте, мертвые!

Не закрылись еще и городскія кладбища: Смоленское, Митрофаніевское, Волково и нѣсколько другихъ меньшихъ и большею частью привилегированныхъ. Правда, жильцы ихъ давно уже лежатъ другъ на другѣ, и нельзя вырыть могилы, чтобы не наткнуться на полусгнившій, а то и новый гробъ. Но петербуржцы больше любятъ эти старые, тѣсные, несмотря на свою огромность, мертвые города, чѣмъ ихъ новыя колоніи. Ничего, если придется потревожить сосѣда; его двинутъ къ сторонкѣ, а рядомъ съ нимъ ляжетъ новый жилецъ. Лѣтомъ и зимою на кладбищѣ хорошо. Оно представляетъ собою сплошной садъ: ольха, береза, бузина отлично растутъ на жирной почвѣ; кладбища—самые тѣнистые сады въ городѣ. Могилки раздѣлены дорожками съ деревянными мостками; сбоку надписи съ обозначеніемъ разрядовъ отъ I до VI и названіями мостковъ. Точно улицы въ живомъ городѣ. На Волковомъ кладбищѣ, гдѣ я былъ сегодня, есть мостки цыганскіе, нѣмецкіе, духовные, есть и литераторскіе.

Къ кладбищу ведетъ длинная Разстанная улица. Небольшіе дома по большей части заняты монументными мастерскими; готовые мраморные и гранитные памятники глядятъ изъ оконъ; на нихъ приготовлены мѣста для надписей, а самихъ надписей еще нѣтъ; смерть напишетъ ихъ сегодня или завтра. Въ заборахъ—лавочки для продажи цвѣтовъ и вѣнковъ изъ мха и иммортелей; всѣ заборы увѣшаны ими. Одна-двѣ кухмистерскія съ большими залами для поминанія усопшихъ. Кладбищенская богадѣльня; ветхія старухи поглядываютъ изъ сада на прохожихъ, идущихъ къ кладбищу и отъ него, ожидая, когда и имъ придется отправиться туда же на покой. Два дома причта кладбищенской церкви на концѣ улицы, у самой площадки передъ воротами. Густая зелень закрываетъ кладбище; церковь, маленькая, старинная, едва виднѣется изъ нея. Недавно поставили въ сторонкѣ другую, бо́льшую. Старый сторожъ сидитъ на лавочкѣ съ трубкой и поплевываетъ на мостовую. За воротами небольшой навѣсъ съ прилавкомъ; тамъ сидитъ старушка изъ богадѣльни и принимаетъ пожертвованія.

Въ церкви почти всегда нѣсколько гробовъ: запахъ ладана смѣшивается съ тяжелымъ запахомъ покойника; кадильный дымъ плаваетъ облакомъ, слышно торопливое чтеніе и пѣніе. Уйдемъ отсюда подальше, туда, въ третій и четвертый разряды, гдѣ памятники проще, гдѣ «дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи» уступаютъ мѣсто простымъ плитамъ и деревяннымъ крестамъ. Крайняя лѣвая дорожка и есть «литераторскіе» мостки. Подходишь къ мѣсту, гдѣ легли лучшіе

русскіе люди, и невольно сжимается сердце. Вспоминается прелестное описаніе Вашингтона Ирвинга «Уголка поэтовъ» въ Вестминстерскомъ аббатствѣ—кладбищѣ величайшихъ людей величайшей страны. Мы не заботимся о нашихъ великихъ мертвыхъ, какъ заботятся англичане. Мы не заботимся о нихъ и при жизни. Мы умѣли только брать отъ нихъ, ничего не давая взамѣнъ.

Нашъ «Poets Corner» (собственно уголокъ не поэтовъ, а публицистовъ) очень невеликъ. Лежитъ здѣсь Бѣлинскій рядомъ со своимъ другомъ Кульчицкимъ (могила котораго исчезла и на мѣстѣ котораго похоронили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ большимъ скандаломъ, студента Чернышева); рядомъ съ Бѣлинскимъ могила Добролюбова, черезъ дорожку Писаревъ. Въ сторонѣ—Афанасьевъ-Чужбинскій, теперь уже почти забытый, но въ свое время извѣстный и трудолюбивый изслѣдователь юга Россіи и романистъ. Умирая, онъ просилъ, чтобы его положили поближе къ Бѣлинскому и Добролюбову, и друзья исполнили его желаніе. Они лежатъ вмѣстѣ на пространствѣ трехъ-четырехъ квадратныхъ саженъ, окруженные безчисленною толпою темныхъ именъ, написанныхъ на мраморѣ, гранитѣ, плитѣ и деревѣ. Толпа, которую они любили и учили и которая задушила ихъ, не оставила ихъ и послѣ смерти, стѣснила и сдавила ихъ маленькій уголокъ, такъ что новому другу уже негдѣ будетъ лечь...

Надъ Бѣлинскимъ черный, высокій памятникъ изъ гранита съ такимъ же крестомъ и простою надписью: «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, 26-го мая 1848 г.». Добролюбовъ лежитъ подъ тяжелымъ чернымъ саркофагомъ безъ всякаго украшенія и символа; только имя, годы рожденія и смерти. У Писарева маленькій бѣлый крестъ на черномъ основаніи. Друзья Чужбинскаго поставили ему большой бѣлый мраморный памятникъ. Деревянныя рѣшетки, отдѣляющія сосѣднія «семейныя мѣста», исписаны карандашомъ. Тутъ и стихи, но не собственнаго сочиненія, а большею частью изъ Некрасова; тутъ и наивная проза съ выраженіемъ любви и горя. «Всѣ, кого ты училъ, помнятъ тебя». «Неужели ты забытъ?»

«.. Природа мать! Когда бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла бъ нива жизни...»

Таковы надписи надъ могилой Писарева. У Бѣлинскаго кто-то написалъ строчку изъ молодого поэта:

«Учитель, гдѣ ты? Приди и научи!»

Этотъ страстный вопль, эта жалоба на смерть, унесшую учителя—единственная надпись надъ могилой Бѣлинскаго. Забыли его. На черномъ гранитѣ памятника нѣтъ ни одного вѣнка...

А вокругъ—неутѣшная купчиха 2-й гильдіи пишетъ на памятникѣ мужа о томъ, что «всѣ тлѣнь и прахъ, а мы всѣ по тебѣ въ слезахъ»; вдовецъ жалуется, что жена его умерла, оставивъ семь человѣкъ дѣтей, «воздоенныхъ отъ сосцовъ ея»; надворный совѣтникъ и ордена св. Владимира 4-й степени кавалеръ лежитъ подъ мавзолеемъ, украшеннымъ факелами съ каменнымъ пламенемъ и дубовыми длинными стихами; на деревянномъ крестѣ написано—страшно сказать!—семь дѣтскихъ именъ и выставленъ возрастъ дѣтей, отъ трехъ мѣсяцевъ до года и четырехъ мѣсяцевъ... Сильно мрутъ петербургскія дѣти...

Однажды я попалъ на кладбище въ «родительскую» субботу. Несмотря на строгое запрещеніе, поминающіе все-таки ухитряются проносить водку въ самоварахъ и чайникахъ. Тысячи сидятъ на могилкахъ, пьютъ и ѣдятъ. Поминаніе кончается пьянствомъ и скандаломъ. Городовые, дворники, участокъ, протоколъ... Закрыть глаза и бѣжать. Но теперь все тихо, пусто и спокойно, только могильщики ходятъ съ лопатами, да каменщики обтесываютъ новые памятники и высѣкаютъ имена и льстивыя надписи. Стукъ молота, негромкая пѣсенка работника о томъ, что

А въ деревнѣ не хватало
Двадцати пяти рублей...

пѣніе, доносящееся изъ церкви, да далекій, неумолчный шумъ живого милліоннаго населенія города—вотъ и всѣ звуки. Изрѣдка налетитъ вѣтеръ, зашумитъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, и снова все тихо...

Уйдемъ отсюда. Оставимъ мертвыхъ, вернемся къ живымъ. Не поѣхать ли намъ, читатель, въ Петергофъ? Тамъ сегодня пущены фонтаны, паркъ набитъ биткомъ гуляющими; играютъ три оркестра.

Пароходъ, отходящій отъ Англійской набережной, до того полонъ пассажировъ, что многіе изъ нихъ должны стоять всю дорогу на ногахъ. Пестрая, разнокалиберная толпа. Русскій языкъ почти не слышенъ среди другихъ: нѣмцы, шведы, англичане говорятъ по-своему, а большинство русской публики, первоклассной, конечно, трещитъ, съ грѣхомъ пополамъ, по-французски. Петергофскіе дачники принадле-

жатъ большею частью къ очень состоятельному классу; часть бомонда, не уѣхавшая за границу по случаю цѣны полуимперіала въ 8 р. 20 к., тоже ютится въ Петергофѣ или Павловскѣ. Это очень людныя мѣста.

Пароходъ быстро проходитъ невское устье; по берегамъ возвышаются верфи и магазины. Вотъ огромная корма «Владимира Мономаха» нависла надъ водой изъ-подъ крыши эллинга; военныя суда, живыя и мертвыя, назначенныя къ сломкѣ, занимаютъ лѣвый берегъ: нить миноносокъ тянется чуть не на полверсты. Дальше начало морского канала, который къ осени, говорятъ, начнетъ уже дѣйствовать, проводя прямо въ Петербургъ самыя большія суда, такъ какъ глубина его—28 футовъ. Вдругъ берега расширяются, уходятъ вправо и влѣво, синѣя возвышенностями и лѣсами. Маркизова лужа спокойна: черные и бѣлые бакены обрамляютъ фарватеръ, а по сторонамъ его желтѣютъ песчаныя мели. Въ самомъ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ фарватера, верстахъ въ 8 отъ устья Невы, шведскій пароходъ плотно усѣлся на мель и бурлитъ винтомъ, тщетно пытаясь сдвинуться съ мѣста; буксирный пароходъ также напрасно старается стянуть его. Тутъ мы идемъ тихимъ ходомъ, осторожно обходя потерпѣвшаго шведа.

Впереди, сквозь легкую мглу, какая часто бываетъ на морѣ, когда солнце свѣтитъ слишкомъ ярко, видна узкая полоска, иззубренная шпицами церквей и мачтами судовъ. Это Кронштадтъ: пятна справа и слѣва—его грозные форты. Направо финляндскій берегъ уходитъ въ туманъ волнистою линіею, налѣво берегъ Стрѣльны и Петергофа, весь заросшій парками и садами. Сзади широкая картина уходящаго Петербурга: отдѣльныхъ зданій уже почти нельзя разсмотрѣть; только куполъ Исаакія нестерпимо горитъ золотою звѣздой.

Петергофская пристань состоитъ изъ длиннаго деревяннаго помоста, вытянутаго отъ берега почти на полверсты. У самаго ея начала—входъ въ знаменитый паркъ; около ресторанчики, гдѣ гремитъ музыка. Пройдя мимо него, вступаешь въ царство петербургской старины.

Здѣсь все старо, солидно и прочно. Старъ самый паркъ, множество деревъ котораго посажены самимъ Петромъ Великимъ; стары фонтаны, однажды навсегда устроенные такъ, что почти не требуютъ починки; старый дворецъ глядитъ сквозь брызги Самсона и множества другихъ водометовъ на знаменитый каналъ, ведущій къ морю и выкопанный въ одну ночь. Толпа, наполняющая садъ и тѣснящаяся особенно около Монплезира (недалеко отъ него играютъ два

оркестра военной музыки), совсѣмъ не подходитъ къ этимъ важнымъ и чиннымъ мѣстамъ, хотѣлось бы видѣть фижмы, пудру, французскіе кафтаны, шелковые чулки и шпаги. Одни только придворные лакеи въ кургузыхъ фракахъ съ галунами, въ красныхъ жилетахъ, короткихъ штанахъ и шоколаднаго цвѣта штиблетахъ, напоминаютъ прошлое. Они стоятъ у дверей Монплезира—и, кажется, вотъ-вотъ отворятся эти старыя двери, и выйдетъ матушка-царица съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ орловъ. Но лакеи стоятъ только для красы да еще для того, чтобы взимать двугривенные съ желающихъ посмотрѣть любимое мѣстечко Петра и Екатерины. Монплезиръ—низкое кирпичное зданіе, очень простой и красивой постройки, въ голландскомъ вкусѣ XVII вѣка: въ немъ одна только большая зала и нѣсколько маленькихъ комнатъ; по сторонамъ двѣ длинныя галлереи съ большими окнами. Кто изъ читателей видѣлъ картину Ге: «Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя», или копію съ нея, тотъ имѣетъ полное понятіе о большой залѣ: г. Ге писалъ ее съ натуры и не упустилъ ни малѣйшей подробности. Входишь въ залу, и какъ-то странно кажется, что посреди не стоитъ большой столъ, за столомъ не сидитъ грозный судья-отецъ, и противъ него нѣтъ смущеннаго, дрожащаго сына. . . . .

Передъ Монплезиромъ терраса, выходящая прямо на море и обнесенная бѣлой балюстрадой. Это лучшее мѣстечко въ Петергофѣ; недаромъ его любили всѣ его хозяева. Отсюда видны и Петергофъ и Кронштадтъ; сотни судовъ снуютъ вдали взадъ и впередъ по фарватеру. Море лѣнивыми волнами разбивается о прибрежные валуны. Просидѣлъ бы здѣсь не одинъ часъ, если бы не толпа, не вѣчные, надоѣвшіе разговоры. . . . .

. . . .

Десять часовъ. Пора и на пароходъ. Покойной ночи.

1882.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СМЕРТЬ*).

Я прочелъ «Смерть» Тургенева и не могу не согласиться съ нимъ, что русскій человѣкъ умираетъ удивительно. Другого слова и не подберешь. Припомните смерть Максима, обгорѣвшаго мельника, Авенира Сорокоумова — какъ они умирали: тихо, спокойно, какъ будто исполняя свою непремѣнную обязанность. И развѣ это не обязанность?

Помню и я смерть близкаго мнѣ, дорогого человѣка, Е. Ф. Ф. Часто, бывало, сажалъ онъ меня въ своей комнатѣ и заставлялъ слушать докучные разсказы о томъ, откуда происходитъ слово серьга (не помню уже — откуда, кажется, съ языка фризовъ или бетовъ), что ни одному филологу доподлинно не извѣстно происхожденіе слова хорошо. Былъ онъ человѣкъ маленькій, крайне некрасивый, съ такимъ же землянымъ цвѣтомъ лица, какой былъ у Авенира Сорокоумова. Былъ онъ записнымъ филологомъ; писалъ диссертацію на магистра, ѣздилъ и къ Костомарову и къ Срезневскому, которые признавали въ немъ глубоко-ученаго языковѣда. Умеръ Е. Ф. — и вся его ученость канула въ Лету. Но не въ томъ дѣло; я взялся описывать его смерть.

Е. Ф. страдалъ болѣзнью, погубившею много добрыхъ и умныхъ, сильныхъ и слабыхъ людей. Онъ страшно пилъ. Когда я жилъ вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ въ 1866 году, однажды онъ попросилъ у меня пучокъ соломы; я принесъ, Е. Ф. молча перерѣзалъ ее на трубочки вершка по три и спряталъ въ столъ. Скоро я узналъ, для какого страшнаго употребленія предназначаются эти трубочки: онъ тянулъ черезъ нихъ вино. Конечно, я утащилъ несчастную солому и забросилъ ее въ рѣку.

Это было лѣтомъ 1866 г., когда въ Петербургѣ и по

*) Изъ гимназическихъ сочиненій В. М. Гаршина.

его окрестностямъ страшно свирѣпствовала холера. Соломинки помогли ей убить Е. Ф. Онъ заболѣлъ, нашъ докторъ И. П. Б. вылѣчилъ его отъ холеры, но не спасъ отъ воспаленія въ кишкахъ и печени. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала болѣзни Е. Ф. пришлось очень плохо.

Онъ умеръ въ сентябрѣ, въ дождливый вечеръ. Онъ лежалъ на постели; его густые волосы падали на липкій, зеленоватый лобъ, покрытый каплями пота. Тѣло исхудало страшно, на ребрахъ осталась одна кожа; на ногахъ и спинѣ были пролежни. На столикѣ предъ нимъ горѣли двѣ лампы (онъ уже жаловался на недостатокъ свѣта), стояли лѣкарства, лежали его любимыя нѣмецкія книжки да тетрадь съ диссертаціею. Я сидѣлъ въ углу комнаты и смотрѣлъ на сцену съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Какъ ни любилъ я моего Е. Ф., какъ ни былъ привязанъ къ нему, но, зная, что черезъ четверть часа онъ умретъ, я уже не жалѣлъ о немъ. Это не была холодность или равнодушіе: я уже отпѣлъ и похоронилъ своего больного друга; передо мной лежалъ просто умирающій человѣкъ, а я видѣлъ смерть еще въ первый разъ. Надъ больнымъ склонился его другой другъ, бывшій товарищъ. Далеко уже теперь онъ, за Атлантическимъ океаномъ, но какъ теперь помню его блѣдное, страдающее за больного лицо. Всѣ мои воспоминанія объ этомъ человѣкѣ касаются только смерти Е. Ф.

Больной лежалъ почти неподвижно, только губы шептали что-то, изрѣдка произнося слова. Его другъ уговаривалъ его причаститься. Е. Ф. жилъ атеистомъ и хотѣлъ умереть такъ, какъ жилъ. Послали за священникомъ; онъ пришелъ. Это былъ высокій худощавый человѣкъ въ широкой рясѣ, со строгимъ худымъ греческимъ профилемъ и симпатичнымъ лицомъ. Онъ наклонился надъ кроватью; Е. Ф. отрицательно покачалъ головой. «Не надо»,—тихо произнесъ онъ.—«Уже пора бы»,—сказалъ священникъ. Другъ бросился уговаривать больного, говоря, что черезъ четверть часа онъ умретъ. Е. Ф. серьезно слушалъ сначала, потомъ на лицѣ его появилась широкая добродушная улыбка. «Какой ты странный, Лева! Всю жизнь былъ умнымъ человѣкомъ, а теперь глупости говоришь. Ну, умру, — ну, что̀ же такое? Пора и на покой; жаль только — диссертацію не кончу». Все это онъ говорилъ шопотомъ; послѣднія слова были слышны только Левѣ и мнѣ (я подошелъ къ кровати). «Дописалъ бы ты ее... охъ, да вѣдь ты математикъ»,—какъ бы вспомнилъ онъ. Онъ замолчалъ; наступила долгая томительная тишина.

Священникъ началъ исповѣдывать. «Уйдите, батюшка, по-

жалуйста; Лева, попроси батюшку уйти». — «Да причастись ты, Бога ради, отца-то успокой!» Е. Ф. не отвѣчалъ, наконецъ онъ выговорилъ уже съ трудомъ:—«Дайте свѣчку, темно... уже пора зажигать». Подали свѣчей. Вдругъ больной оживился, приподнялся даже, схватилъ Леву за руку и сказалъ ему:—«А если reine Glaube?..» Онъ не кончилъ и упалъ мертвый на подушку. Я заплакалъ. Лева зарыдалъ, какъ ребенокъ... Священникъ какъ-то странно смутился и поспѣшно сталъ снимать съ себя епитрахиль. На лицѣ мертваго осталось странное выраженіе; ни испуга, ни боли душевной, ничего въ немъ не было: оно было спокойно,

. . . . и страненъ
Былъ томный ликъ его чела.

Его похоронили на Волковомъ кладбищѣ. Отцу написали, что сынъ умеръ, какъ христіанинъ. На могилѣ поставили маленькій памятникъ, окруженный другими, подъ которыми лежатъ люди, умершіе такимъ же страннымъ образомъ, какъ Е. Ф. Такъ же умерли и тургеневскіе Максимъ, мельникъ, Авениръ, старушка-помѣщица. Ни бравурства, ни горести, ни страха не увидите вы на лицѣ умирающаго русскаго человѣка: въ послѣднюю минуту жизни онъ будетъ заботиться о своихъ дѣлахъ, о какой-нибудь коровѣ, о томъ, чтобы заплатить священнику за свою отходную. Вѣрующій былъ человѣкъ — онъ точно обрядъ надъ собой совершитъ; невѣрующій умретъ въ большинствѣ случаевъ безъ сознательнаго раскаянья, не отступивъ отъ того, за что онъ стоялъ передъ самимъ собой всю жизнь, что̀ досталось ему послѣ тяжелой борьбы.

1872.

Подлинная исторія Энскаго земскаго собранія.

Маленькій уѣздный городокъ въ тревогѣ. Со всѣхъ сторонъ понаѣхали гласные: помѣщики съ остатками прежняго величія явились въ каретахъ и колясках, помѣщики безъ таковыхъ остатковъ и духовенство—въ тарантасахъ, крестьяне...—впрочемъ, ихъ почти не было въ числѣ гласныхъ уѣзда.

По улицамъ, по которымъ въ обыкновенное время прогуливаются только скучающія собаки да сумасшедшая нищая, Марья Ивановна, предполагающая въ недалекомъ будущемъ выйти замужъ за какого-то миѳическаго помѣщика, господина Растопыркина, о чемъ она сообщаетъ во всеуслышаніе,—теперь ходятъ группы обывателей города и уѣзда, группы оживленныхъ, озабоченныхъ, горячо толкующихъ людей. Большею частью они направляются къ мѣстному клубу. Здѣсь все полно; кромѣ гласныхъ, собрался также и весь городъ. Говоръ, стукъ ножей и вилокъ, звонъ посуды. Въ одномъ углу высокій сѣдой господинъ собралъ вокругъ себя толпу слушателей и заливаетъ ихъ потоками краснорѣчія.

— Да помилуйте, господа, это негодяй, совершеннѣйшій негодяй! Я такъ и назову его «Гласовъ». Онъ, положимъ, Голосовъ, ну, да Гласовъ—это лучше! Я, повѣрьте, всѣ законы знаю. Я ему такіе законы покажу! Я скажу: господинъ гласный Гласовъ, хотя вы и всѣ законы знаете...

Слушатели смѣются.

— Хотя вы и всѣ, скажу, законы знаете, но я... господинъ гласный Гласовъ, иначе...

Гласовъ проходитъ мимо. При его приближеніи все стихаетъ, только слышится сдержанный смѣхъ. Сѣдой господинъ бросаетъ на Гласова взглядъ вепря, Гласовъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Однако враги расходятся благополучно.

Буфетъ берется приступомъ. Рюмки водки и бутерброды исчезаютъ съ невѣроятной быстротой; подъ вліяніемъ винныхъ паровъ языки представителей нуждъ и потребностей населенія дѣлаются еще развязнѣе. Какой-то оптимистъ, съ рюмкой водки въ одной рукѣ и съ кускомъ балыка на вилкѣ въ другой, ликуетъ и восторженно разглагольствуетъ:

— Вотъ, господа, какъ нашъ-то уѣздъ себя знать даетъ! Мужскую прогимназію открыли, женскую откроемъ! Письма по почтѣ земской посылать будемъ! Желѣзную дорогу выстроимъ! Вотъ какъ у насъ!

Водка и балыкъ исчезаютъ.

— Вы бы прежде позаботились о мѣрахъ противъ голода,—грустно говоритъ какой-то маленькій человѣчекъ—не земецъ.

Балыкъ представляетъ важныя препятствія свободному выраженію мыслей ликующаго господина, но наконецъ онъ побѣжденъ, и изъ облизывающихся устъ вылетаетъ:

— Какой голодъ?

— А въ Муразовской-то волости, копна на десятинѣ.

— Какая копна? Что̀ за голодъ! Пустяки, никакого голода нѣтъ! У меня, батюшка, копна семь мѣръ, слышите? Семь мѣръ въ этомъ году даетъ! У меня, батенька, пятьсотъ четвертей въ этомъ году одной пшеницы-съ! Вотъ что-съ. Какой тутъ голодъ? Урожаи не ниже средняго... У меня, сударь мой...

— Помилуйте, какой голодъ!—громко вмѣшивается третій собесѣдникъ, господинъ джентльменскаго вида.—Я предлагаю тридцать копеекъ въ день, и никто не идетъ ко мнѣ работать. Развѣ это нужда? Повѣрьте, если бы они нуждались, они бы и за гривенникъ пошли.

— Да вѣдь я говорю только, что въ Муразовской волости...

— Нѣтъ, позвольте-съ! У меня въ самомъ Муразовѣ погребъ. Если бы былъ голодъ, развѣ не было бы замѣтно по отпуску спирта?

— Пьяницы!—перебиваетъ мрачный отставной генералъ, хранящій въ своемъ сердцѣ преданія «Вѣсти».

— А? Развѣ не было бы замѣтно?—побѣдоносно кричитъ изящный владѣлецъ погреба, наклоняясь своей бородой къ самому лицу низенькаго протестанта.—Они, милостивый государь, водку пьютъ, какъ и всегда! А вы въ набатъ, голодъ...

— Дармоѣды!—гремитъ генералъ и, полный негодованія, требуетъ рюмку хересу.

Низенькій человѣчекъ скромно удаляется.

— Вредный человѣчекъ, ваше превосходительство.

— Пьяницы! Что-съ, что̀ вы говорите?—строго и внезапно обращается генералъ къ изящному владѣльцу погреба.

— Франтъ этотъ, говорю, ваше превосходительство, вредный человѣкъ.

— А, да, да, изъ нихъ, изъ этихъ, изъ новыхъ. Лѣнтяй!

Составляется одиннадцать пулекъ.

Иванъ Ивановичъ Половинъ проснулся въ необыкновенно пріятномъ расположеніи духа. Да и было отъ чего. Наступающій день былъ для него великимъ днемъ. Онъ былъ скромный человѣкъ и не жаждалъ славы, но вдругъ случилось обстоятельство, поставившее его въ центръ общественнаго водоворота: предводителя дворянства хватилъ параличъ, такъ что онъ оказался неспособнымъ предсѣдательствовать на предстоящемъ земскомъ собраніи. И воля судьбы указала Ивану Ивановичу взять на себя эту почетную и трудную обязанность.

Когда Иванъ Ивановичъ, напившись чаю, надѣлъ свой мундиръ на бѣлой подкладкѣ, съ длинною таліей и пришитыми орденами, и вышелъ на улицу, то даже Марья Ивановна, проходившая въ это время мимо, возопила отъ восторга и надежды увлечь въ свои сѣти пріятнаго подполковника. Господинъ Растопыркинъ на минуту былъ забытъ.

— Пошла, пошла, дура,—сердито сказалъ предсѣдатель и величественно направился къ низенькому зданію, вымазанному глиной, какъ и всѣ зданія описываемаго города.

Вывѣска, прибитая на одномъ изъ угловъ этого зданія, гласила: «Энская уѣздная земская управа».

Зала собранія была уже биткомъ набита. По случаю ярмарки и хорошей погоды число собравшихся гласныхъ было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы собраніе могло состояться.

Иванъ Ивановичъ, пробираясь черезъ толпу и расточая рукопожатія направо и налѣво, достигъ длиннаго, покрытаго зеленымъ сукномъ стола. Сдѣлавъ фланговое движеніе для обхода, онъ достигъ наконецъ до своего предсѣдательскаго мѣста и взялъ въ руки колокольчикъ.

Водворилась тишина. Сосчитали гласныхъ, выбрали членовъ редакціонной и ревизіонной комиссій, словомъ, начали такъ, какъ начинаютъ всѣ земскія собранія. Но читатель еще не вполнѣ знакомъ съ составомъ энскихъ представителей.

Главный элементъ собранія, благородное дворянство—

намъ уже отчасти извѣстенъ. Второй, менѣе численный, но не менѣе могущественный, составляло благочестивое духовенство. Цѣлая скамья была занята массивными тѣлами въ коричневыхъ и лиловыхъ шелковыхъ рясахъ, съ наперсными крестами и даже съ знаками ордена святыя Анны. Похвальное единодушіе и твердость въ шествованіи къ избранной цѣли всегда составляли главныя качества энскихъ пастырей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ отличались краснорѣчіемъ, явственно доказывающимъ благоуспѣшность въ изученіи риторики въ бытность ихъ въ духовной семинаріи. Особенно славился этимъ достохвальнымъ талантомъ благочинный, о. Андрей Благовзоровъ, совокупившій въ себѣ внушительную наружность и тяжкій вѣсъ съ сладкогласіемъ сирены и хитроуміемъ Улисса.

За духовенствомъ помѣстились гласные изъ волостныхъ старшинъ и вообще всѣ смертные, одѣтые не въ рясы и не въ сюртуки. Уныло понуривъ свои головы, слушали нѣкоторые изъ нихъ доклады управы: «о необходимости децентрализаціи хлѣбныхъ складовъ», «о внушеніи учителямъ сельскихъ школъ, чтобы они держались при преподаваніи ариѳметики метода Грубе», «о дезинфекціи водъ рѣки Рохли ниже шерстяныхъ моекъ купца Абдулина» и пр. и пр. Совершенная безнадежность понять мудреныя слова, искусно ввернутыя въ доклады предсѣдателемъ управы, ясно выражалась на угрюмыхъ сѣдобородыхъ лицахъ; сонъ клонилъ крестьянскія головы и сгибалъ спины, непривыкшія къ шестичасовому сидѣнью на одномъ мѣстѣ. Во время чтенія доклада объ «ирригаціи и дренажѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Энскаго уѣзда», въ которомъ, т.-е. въ докладѣ, между прочимъ, упоминалось о томъ, что и предпріимчивые нидерландцы осушили Гарлемское озеро, одинъ изъ сидѣвшихъ позади гласныхъ даже испустилъ легкій носовой свистъ, за что и былъ подвергнутъ немедленному и строгому взысканію со стороны предсѣдателя собранія.

Засѣданіе шло тихо и смирно. По прочтеніи доклада предсѣдатель предлагалъ «передать его въ редакціонную комиссію», съ чѣмъ собраніе единогласно соглашалось. Надо замѣтить, что многіе вопросы рѣшались подобнымъ образомъ еще со введенія земскихъ учрежденій; семь редакціонныхъ комиссій разсматривали ихъ и оставляли дѣло in statu quo.

Впрочемъ, большинство вопросовъ, представлявшихъ хоть нѣкоторую долю важности, и не могло быть рѣшено именно другимъ образомъ. Вотъ, напримѣръ, желѣзная дорога: что

вы съ нею будете дѣлать? Тутъ что ни думай, ничего не придумаешь. Рѣшили: «признать полезнымъ докладъ управы и выразить г. предсѣдателю оной благодарность собранія, а самый докладъ передать въ редакціонную комиссію». Такъ какъ еще ни разу Энское земское собраніе не успѣвало рѣшить всѣхъ подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ, то, въ силу естественнаго подбора, наиболѣе зубастые изъ нихъ сумѣли продлить свое существованіе и, по всей вѣроятности, продлятъ его еще на долгое время.

Но бываютъ иногда вопросы, которые, хотя и зубасты, но въ силу обстоятельствъ должны быть разрѣшены во что бы то ни стало. Одинъ изъ такихъ вопросовъ внезапно предсталъ передъ членами настоящаго собранія во всеоружіи неразрѣшимости.

Уѣзду грозилъ голодъ.

Хлѣбороднѣйшій уѣздъ одной изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній терпитъ голодъ,—это странное обстоятельство перестало быть страннымъ со времени достопамятнаго 1873 года. Нашъ тучный черноземъ полтора мѣсяца не видѣлъ капли дождя; всходы погорѣли; уцѣлѣвшій хлѣбъ въ четверть ростомъ былъ съ почти пустыми колосьями. Энскій уѣздъ кромѣ пшеницы ничего не производитъ; дѣло, слѣдовательно, шло серьезное. Купцы и помѣщики мало горевали: въ прошломъ году урожай былъ огромный, но изъ-за низкихъ цѣнъ много хлѣба осталось непроданнымъ на этотъ годъ. Въ этотъ же голодный годъ цѣны достигли рѣдкой высоты, и прошлогодній хлѣбъ замѣнилъ хлѣбъ этого года. Крестьянство же, какъ и подобаетъ невѣжественному, лѣнивому и пьяному крестьянству, не выказало такого похвальнаго благоразумія; прошлогодній хлѣбъ былъ весь проданъ за безцѣнокъ, а въ этомъ году его вовсе не было. Сѣна тоже не было; уже въ августѣ лошади продавались по 5 и по 3 р., жеребята по 30 к.

Управа заблаговременно собрала по волостнымъ правленіямъ свѣдѣнія «о количествѣ необходимаго въ 187* г. пособія для лицъ, нуждающихся въ хлѣбѣ, какъ для продовольствія, такъ и для обсѣмененія полей». Свѣдѣнія собирали волостные писаря и собирали весьма оригинальнымъ образомъ: писалась красиво разграфленная вѣдомость, выставлялись на ней имена крестьянъ и противъ каждаго имени болѣе или менѣе хитрая цифра, какъ-то: 21 р. 43¹/₄ к., 47 р. 83³/₈ к. и т. п. Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ сумма, необходимая для предотвращенія голода, вышла если не круглою, то значительною, а именно достигла до 411.843 р. 7¹/₈ к.

Секретарь собранія произнесъ эту цифру съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ.

Взрывъ криковъ покрылъ послѣднія его слова. Передніе ряды гласныхъ вскочили съ мѣста и разомъ произнесли до десяти рѣчей, которыхъ смыслъ, за всеобщимъ шумомъ, навѣки утратился для потомства. Гвалтъ былъ такъ силенъ, что даже отставной гвардіи корнетъ, окончившій службу еще при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, почувствовалъ, что что-то неладно, и испустилъ изъ своего угла какое-то мычаніе.

Въ залѣ стонъ стоялъ, изрѣдка можно было разобрать отдѣльные возгласы:

— У меня семь мѣръ...

— Да помилуйте, водки-то!

— Послать членовъ, разузнать о голодѣ! Какіе тамъ члены, просто плюнуть! Враки-съ, враки-съ, враки-съ! Что̀ за голодъ, помилуйте; Энскій уѣздъ, такъ сказать, древняя житница въ нѣкоторомъ родѣ! Хорошо вамъ-то, у васъ вѣдь куры не клюютъ!

Надъ всѣмъ этимъ гвалтомъ царилъ неумолкаемый звонъ колокольчика, потрясаемаго неутомимою рукою предсѣдателя, не жалѣвшаго ни здоровья ни силъ для общаго блага, да густой басъ генерала съ преданіями «Вѣсти», гудѣвшій подобно колоколу:

— Пьяницы! Дармоѣды! Лѣнтяи! Пьяницы!

Сладкогласное духовенство молчало; крестьяне тоже. Да и что̀ имъ было говорить?

Въ открытое окно съ улицы глядѣла неизбѣжная Марья Ивановна, и странное дѣло: никогда не перестававшая болтать чепуху, она на этотъ разъ молчала. Потомъ глупо засмѣялась, повернулась и заковыляла по улицѣ, громогласно вспоминая своего, хотя и созданнаго ея безумнымъ воображеніемъ, но уже невѣрнаго жениха.

Вопросъ о вспомоществованіи былъ переданъ въ редакціонную комиссію.

Вечеромъ въ клубѣ составилось четырнадцать пулекъ.

На другой день господа гласные собрались вновь. Редакціонная комиссія окончила свои занятія и дала по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣнія, которыя и повергла на усмотрѣніе мудрости народныхъ представителей. Но еще до разсмотрѣнія этихъ былъ предложенъ и блистательно проведенъ вопросъ, имѣвшій существенное значеніе для общественной жизни уѣзда. Вопросъ этотъ былъ поднятъ г. пред-

сѣдателемъ управы и выражался въ слѣдующихъ незабвенныхъ словахъ:

«Принимая во вниманіе, что интересы земскаго самоуправленія вполнѣ аналогичны съ таковыми же государственными; принимая во вниманіе, что стремленіе къ совпаденію тѣхъ и другихъ одно лишь можетъ назваться истиннымъ направленіемъ; а самое совпаденіе истинною цѣлью представителей земской силы имперіи, предсѣдатель управы имѣетъ честь предложить на обсужденіе земскаго собранія слѣдующій вопросъ, заслуживающій вниманія какъ по своей абсолютной важности, такъ и потому, что многія правительственныя учрежденія уже рѣшили его въ утвердительномъ смыслѣ. Важный вопросъ этотъ—вопросъ объ уничтоженіи въ денежныхъ счетахъ Энской управы долей копеекъ, существованіе которыхъ столь значительно замедляетъ теченіе дѣлъ, что...»

Но авторъ предлагаемыхъ достовѣрныхъ мемуаровъ не можетъ изложить конца этого блистательнаго предложенія, потому что земское собраніе такъ восторженно завопило: «принять, принять», что дальнѣйшее содержаніе предложенія осталось неизвѣстнымъ, и г. предсѣдатель былъ вынужденъ, сложивъ руки на границѣ между грудью и брюшною полостью, раскланиваться во всѣ стороны, что̀ онъ и исполнилъ вполнѣ успѣшно. При этомъ на глазахъ его показалась даже нѣкоторая влажность, что̀ привело господъ гласныхъ въ еще большій восторгъ.

— Позвольте мнѣ,—заговорилъ Иванъ Ивановичъ:—позвольте мнѣ, уважаемый Василій Николаевичъ, сказать нѣсколько словъ, которыя только весьма слабо... въ весьма слабой степени могутъ изобразить, могутъ выразить... благодарность собранія, которое... которое не можетъ не видѣть въ вашей дѣятельности... неусыпной дѣятельности... знаковъ, знаковъ... которые...

Тутъ голосъ добродѣтельнаго Ивана Ивановича задрожалъ. Никогда сердце его не было такъ переполнено приливомъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ чувствъ. Задрожавъ, голосъ добродѣтельнаго Ивана Ивановича прервался, и рука его, доставъ изъ задняго кармана красный фуляровый платокъ, поднесла его къ глазамъ, между тѣмъ какъ предсѣдатель управы продолжалъ раскланиваться направо и налѣво.

На другой день утро было пасмурное; вдали слышались раскаты грозы. Къ одиннадцати часамъ тучи собрались надъ

самымъ городомъ, сверкнула бѣлымъ зигзагомъ молнія, грянулъ громъ, и полилъ проливной дождь. Господа гласные собрались на засѣданіе въ мокрыхъ костюмахъ; быть-можетъ, и это обстоятельство было одною изъ причинъ печальнаго событія, подробности котораго благосклонный читатель узнаетъ изъ нижеслѣдующихъ строкъ.

Господинъ гласный Гласовъ, равно какъ и сѣдой господинъ, на всѣхъ засѣданіяхъ собранія сидѣли молча. Что было причиною такого безстрастнаго отношенія къ земскимъ нуждамъ—сказать трудно, но можно съ нѣкоторою достовѣрностью утверждать, что эти господа изъ природнаго благородства и преданности обществу не желали мѣшать рѣшенію общественныхъ дѣлъ открытымъ выраженіемъ своей вражды. А такое выраженіе неминуемо должно было послѣдовать, какъ только одинъ изъ враговъ открылъ бы ротъ.

При разсмотрѣніи проекта «о децентрализаціи хлѣбныхъ складовъ» нѣкоторыми изъ гласныхъ было предложено добавить къ четыремъ уже существующимъ членамъ управы еще пятаго, спеціальною обязанностью котораго было бы ревизированіе хлѣбныхъ магазиновъ. Предложеніе это встрѣтило всеобщій восторгъ, такъ какъ съ почетною обязанностью члена управы соединялось нѣкоторое жалованье, которое, какъ извѣстно изъ поговорки, на улицѣ не поднимешь. Среди общаго ликованья раздался одинъ голосъ, совершенно некстати спросившій:

— А кто, господа, будетъ новымъ членомъ?

Иванъ Ивановичъ на это отвѣтилъ:

— Милостивый государь, неужели у насъ мало дѣятелей? Неужели между нашимъ дворянствомъ не найдется человѣка, который могъ бы взять на себя и съ честью выполнять подобную почетную обязанность? Вотъ вамъ примѣръ: возьмемъ хоть нашего уважаемаго Николая Дмитріевича.

И онъ, обративъ руку вверхъ ладонью, сдѣлалъ ею движеніе по направленію къ господину Гласову.

Эти слова и этотъ жестъ рѣшили все.

Уважаемый Николай Дмитріевичъ всталъ и поклонился. Но не успѣлъ онъ сѣсть на мѣсто, какъ послышался гнѣвный вопросъ:

— Это господинъ гласный Гласовъ съ честью можетъ выполнить? Благодарю покорно!

Компанія, окружавшая сѣдого господина, захохотала. Гласовъ, не садясь на мѣсто, вперилъ взоръ во врага, но встрѣтивъ взоръ не менѣе грозный. Сердца бились. Все

безмолвствовало. Иванъ Ивановичъ очнулся первый, какъ и слѣдовало мужественному предсѣдателю.

— Сядьте, господа, пожалуйста; Николай Дмитріевичъ, прошу васъ! Иванъ Петровичъ! Ахъ, какіе вы, господа... Да полноте, ну, прошу васъ...

Послѣднія слова его были уже заглушены. Гласовъ отвѣтилъ сѣдому, сѣдой — Гласову; сторонники того и другого примкнули къ своимъ вождямъ, и тутъ началось нѣчто неописуемое.

Авторъ предлагаемыхъ достовѣрныхъ мемуаровъ, къ стыду своему, долженъ признаться, что онъ поспѣшилъ спастись бѣгствомъ. Ибо, зная горячность нравовъ, онъ не могъ считать дальнѣйшее пребываніе безопаснымъ. Впрочемъ, послѣдствія показали, что страхъ его былъ напрасенъ. Тотчасъ же послѣ его ухода кричащіе представители самоотверженно рѣшились ретироваться изъ залы собранія, чтобы не превратить этого поля гражданскихъ подвиговъ въ мѣсто безпорядка и насилія. Однимъ словомъ, всѣ побѣжали, собраніе разстроилось.

— Никогда нога моя не будетъ въ этомъ собраніи, — кричалъ, выбѣгая, изящный владѣлецъ погреба. — Помилуйте, что̀ это за люди, это звѣри какіе-то!

Сѣдой господинъ, очутившись на улицѣ, кричалъ во все горло:

— Это подлецъ Гласовъ все виноватъ! Это онъ, негодяй этакій! — и пр. и пр.

И когда господинъ Гласовъ проходилъ мимо, онъ удвоилъ свои крики и брань. Окружающіе смѣялись. Все валило въ клубъ.

Въ залѣ собранія было пусто. Остался только Иванъ Ивановичъ, какъ бы въ столбнякѣ сидѣвшій на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ, да отставной гвардіи корнетъ, который, несмотря на всѣ свои старанія, не понялъ ничего, хотя, повидимому, смутно сознавалъ необычайность происшедшаго. Это сознаніе выразилось какими-то странными звуками.

— Гумъ! Хумъ! Что̀ вы говорите?

Но Иванъ Ивановичъ не только ничего не говорилъ, но даже и не слушалъ отставного корнета. Внезапно вскочилъ онъ, бросилъ объ полъ колокольчикъ, который до того времени держалъ въ судорожно стиснутой рукѣ, и кинулся на улицу. Марья Ивановна какими-то судьбами очутилась возлѣ него и трещала

— Что, голубчикъ, куда бѣжишь? За ними, за молодцами? Не бѣги, не бѣги, не вернутся! Вонъ, вонъ они пошли-поѣхали. Вонъ поѣхали-побѣжали! Погоди, вотъ Растопыркинъ-господинъ пріѣдетъ, онъ ихъ соберетъ! Ужъ соберетъ онъ ихъ, голубчикъ мой! Охо-хо-хо!

И съ безобразнымъ хохотомъ сумасшедшая схватила Ивана Ивановича за руку.

Онъ остановился, вырвалъ у нея руку и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Да пошла ты къ чорту!!..

Да и какъ не сердиться? Быть въ центрѣ общественнаго водоворота, и вдругъ такое неожиданное приключеніе! Собраніе разстроилось, дѣла не рѣшены, надо докладывать господину губернатору и испрашивать разрѣшенія созвать экстренное собраніе. И потомъ неизвѣстно еще, какъ на это посмотритъ его превосходительство.

1876

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПРОЗѢ *).

Когда онъ коснулся струнъ смычкомъ, когда звуки віолончели вились, переплетались, росли и наполняли замершую залу, мнѣ пришла въ голову горькая и тяжелая мысль.

Я думалъ: есть ли здѣсь, въ этой залѣ, десять человѣкъ, которые помнятъ, ради чего они собрались сюда?

Иные пришли изъ тщеславія, другіе—потому, что было неловко отказаться, третьи—послушать хорошей музыки.

Но немногіе помнили умирающаго юношу, ради котораго все это было устроено.

Эта мысль была горька, и подъ страстные и печальные звуки мнѣ представилась далекая картина.

Я видѣлъ слабо освѣщенную комнату; въ углу ея—постель, и на ней лежитъ въ лихорадкѣ больной.

Огонь покрываетъ его исхудалое лицо, и прекрасные глаза горятъ больнымъ пламенемъ.

Онъ смотритъ въ лицо другу. Тотъ сидитъ у изголовья. Онъ читаетъ вслухъ книгу.

Иногда чтеніе прерывается: онъ смотритъ своимъ добрымъ взглядомъ на блѣдное лицо.

Что̀ онъ читаетъ въ немъ? Смерть или надежду?

Віолончель смолкла... Бѣшеный плескъ и вопль удовлетворенной толпы спугнули мечту...

26 декабря 1884 г.

---

*) Написано подъ впечатлѣніемъ игры извѣстнаго віолончелиста К. Ю. Давыдова на музыкальномъ вечерѣ въ домѣ Давыдовыхъ, устроенномъ ими въ пользу больного поэта Надсона. Извлечено изъ бумагъ А. А. Давыдовой, издательницы журнала „Міръ Божій“.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ДРАМЫ *).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небогатая комната въ квартирѣ Кудряшевыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна (одна, сидитъ за швейной машинкой). Что̀ это долго не идетъ Володя? (Подходитъ къ окну) Ахъ, Боже мой, когда все это кончится... Эта вѣчная погоня за работой, эта полунищета... Правда, съ меня было бы довольно. Но онъ... Я понимаю, почему онъ вѣчно хмуръ, вѣчно пасмуренъ, вѣчно недоволенъ. Съ его образованіемъ, съ его способностями сидѣть на семидесяти пяти рубляхъ въ мѣсяцъ — это въ самомъ дѣлѣ тяжело. (Задумывается) А недавно было еще тяжелѣе... Кто знаетъ, быть-можетъ, Настя хорошо сдѣлала, что умерла... Бѣдная дѣвочка! Какъ она плакала, какъ она металась. И Володя, кажется, былъ убитъ. Послѣ ея смерти онъ сталъ еще мрачнѣе... Онъ почти не говоритъ со мной... Вчера сказалъ, что Бѣженцева обѣщала ему мѣсто. Дай Богъ! Только что-то не довѣряю я этой женщинѣ. Не ко двору она намъ съ ея туалетами, съ ея развязными манерами... Ну, да что̀ жъ дѣлать! Ахъ, бѣдность, бѣдность! Не ты сама страшна, а это униженіе. Страшно, что приходится заискивать въ людяхъ, къ которымъ не чувствуешь ни уваженія ни любви. (Звонокъ) Это онъ! (Встаетъ и идетъ къ средней двери) Что-то онъ скажетъ сегодня?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ Кудряшевъ.

Татьяна (обнимая мужа). Ну что̀? Ну что̀?

Кудряшевъ. Да ничего, все то же... Развѣ вотъ, что Бѣженцевъ извинялся...

---

*) Она была задумана Вс. М. Гаршинымъ вмѣстѣ съ Н. А. Демчинскимъ, который долженъ былъ написать первое и третье дѣйствія, а Гаршинъ—второе и четвертое. Второе осталось недоконченнымъ, четвертое же написано имъ полностью.

Татьяна. Бѣженцевъ?.. Въ чемъ?

Кудряшевъ. Наговорилъ дерзостей и извинялся. Жена, должно-быть, приказала.

Татьяна. Дерзостей?.. Какихъ? За что?

Кудряшевъ. Все за то же. За то... за то, что онъ можетъ говорить мнѣ дерзости, а я долженъ ихъ слушать и молчать... Ибо онъ начальство... Старый дуракъ... Сегодня проситъ прощенія. Это да... да... говоритъ, изъ искренняго расположенія къ вамъ позволилъ себѣ... Вѣрьте въ мои отеческія чувства... Отцы... чтобъ ихъ чортъ взялъ.

Татьяна. Не раздражайся, Володя. Минуетъ время...

Кудряшевъ. Минуетъ... минуетъ время! Что-то оно не минуетъ. Что за мерзкое, невыносимое положеніе... чувствовать себя головой выше всей этой оравы—и подчиняться... молчать... О, дорого бы я далъ, чтобы только выйти изъ этого омута!

Татьяна (ласкаясь къ нему). Успокойся; я не вѣрю, чтобы это такъ осталось. Развѣ это можетъ быть? Развѣ тебя не оцѣнятъ? Посмотри вокругъ: у кого такое образованіе, такія способности? Ахъ, Володя! Ты лучше всѣхъ!

Кудряшевъ (сухо). Для тебя, быть-можетъ. Но не для Бѣженцева и прочей братіи. Ну, да что говорить! Если бы хоть какая-нибудь возможность уйти отсюда въ Сибирь, въ Ташкентъ, въ Ахалъ-Теке, я съ радостью принялъ бы всякое предложеніе. (Отстраняя ее) Ну, оставь. Я буду работать. (Идетъ къ столу и садится).

Татьяна. Что съ нимъ? Ума не приложу... (Садится за машинку) Какъ онъ измѣнился за послѣднее время. (Работаетъ) Володя!

Кудряшевъ (рѣзко). Не мѣшай, сдѣлай милость, Таня!

Татьяна. Ну хорошо, хорошо, работай, милый! Да и итти мнѣ уже пора. (Надѣваетъ шляпу и подходитъ къ нему) Прощай, мой голубчикъ (цѣлуетъ его).

Кудряшевъ. Прощай.

(Въ дверяхъ оборачивается и долго смотритъ на него, потомъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кудряшевъ (нѣкоторое время работаетъ, потомъ отодвигается отъ стола). Что за безобразное, невыносимое положеніе! Запутался, во всемъ запутался, Владимиръ Николаевичъ! И нѣтъ выхода... Запрягся въ это несчастное управленіе за какіе-то гроши, и куда только ни метался я, куда ни пробовалъ обращаться! И дипломы мнѣ мои не помогаютъ! А тутъ еще эта исторія съ Варварой Павловной! Хитрая баба... Не успѣлъ и опомниться, какъ обошла, привязала и водитъ, куда ей

угодно. Странное это дѣло. Ну какъ сравнить ее съ Таней? Одна — свѣжесть, чистота, благоуханіе; другая — истрепанная. прошедшая огонь и воду, чуть не сорокалѣтняя женщина... И вотъ я выбираю, и кого же выбираю? Глупецъ, глупецъ! А что виною всему? Все то же. Началъ ухаживать, потому что эта женщина — сила. Она вертитъ, какъ ей угодно, своимъ мужемъ, всѣми своими знакомыми, и знаетъ она всѣхъ. Но я не разсчиталъ того, что она будетъ вертѣть и мною. И вотъ я очутился въ невыносимомъ положеніи: обманываю жену, и съ кѣмъ?.. Съ этой перезрѣлой кокоткой; обманываю ее, Варвару Павловну, и въ концѣ концовъ самъ буду обманутъ. (Звонокъ) Кто это могъ бы быть?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Входятъ Бѣженцевы — мужъ и жена.

Бѣженцевъ. Здравствуйте, здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ. Это вотъ все она... да, да... она привезла меня къ вамъ. Пріѣхали посмотрѣть, каково вы поживаете. (Осматривается и значительно пожимаетъ губами) Ммм... Ну да, вѣдь... семейное счастье, это замѣна... это, знаете ли, замѣняетъ.

Бѣженцева. Здравствуйте, дорогой мой! (Кудряшевъ цѣлуетъ ей руки, она цѣлуетъ его въ лобъ. Перебивая мужа) Пожалуйста, Иванъ Семеновичъ, безъ философствованій. Чѣмъ бы помочь нашему другу, ты тутъ начинаешь дѣлать какія-то замѣчанія.

Бѣженцевъ. Что же, я... что до меня касается... я готовъ всегда.

Бѣженцева. Я знаю, какъ ты готовъ. Для тебя — былъ бы винтъ, а до остального тебѣ рѣшительно нѣтъ дѣла. Владиміръ Николаевичъ съ его способностями, съ его знаніями, съ его симпатичностью, живетъ — такъ... (Показываетъ рукой вокругъ. Кудряшеву) Простите меня, Владиміръ Николаевичъ, вѣдь это только изъ дружбы... Въ такой бѣдности, и ты, его начальникъ, который обязанъ заботиться о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, равнодушно смотришь на это!

Бѣженцевъ. Да, да... видишь ли, матушка, я радъ бы, радъ всею душою, но вакансіи...

Кудряшевъ. Я скроменъ, Иванъ Семеновичъ, и готовъ ждать.

Бѣженцева. Вакансіи! Ждать! Оставьте это кому-нибудь другому, Владиміръ Николаевичъ, а вы... вы человѣкъ совсѣмъ иного разбора... Но гдѣ же ваша милая Татьяна Николаевна? Она дома?

Кудряшевъ. Нѣтъ, она ушла... она скоро будетъ.

Бѣженцевъ. Да, да... это очень жаль. Я, Владимиръ Николаевичъ, я, знаете ли... обвороженъ вашей прелестной супругой... Это... да, да... это такая милая, такая... Варя, мы подождемъ, конечно?

Бѣженцева. Ты забылъ, кажется, что ты долженъ сдѣлать еще три визита.

Бѣженцевъ. Нѣтъ, знаешь ли, не забылъ... конечно, не забылъ, визиты... это, да, да... знаешь ли, визиты—это долгъ...

Бѣженцева. Поѣзжай сейчасъ же. А я... Вы позволите, Владимиръ Николаевичъ, я, можетъ-быть, вамъ наскучу, но я дождусь вашей милой жены. (Мужу) А ты ступай, ступай!

Бѣженцевъ. Сейчасъ, сейчасъ... Владимиръ Николаевичъ, прошу васъ засвидѣтельствовать вашей... обворожительной супругѣ мое почтеніе и... да, да... и восхищеніе. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бѣженцева. Наконецъ одни! Милый мой! (Кудряшевъ цѣлуетъ ей руки) Ахъ, сколько пытки, сколько страданья быть женой этой жалкой развалины женщинѣ въ цвѣтѣ силъ... и женщинѣ (заглядываетъ ему въ глаза) любимой тобою!..

Кудряшевъ. Варвара Павловна!..

Бѣженцева. Варвара Павловна! Жестокій... Зови меня Varbe... Но все равно... времени мало, можетъ пріѣхать твоя жена, а мнѣ нужно сообщить тебѣ очень важныя вещи. (Усаживается на диванъ) Сюда... сядь сюда, поближе... ахъ, какой ты!..

Кудряшевъ. Ну-съ, я слушаю.

Бѣженцева. Слушай. Скажи: ты очень меня любишь?

Кудряшевъ. И объ этихъ-то важныхъ вещахъ ты пріѣхала говорить со мной?

Бѣженцева. Нѣтъ, не объ этихъ. Но все-таки скажи: ты очень меня любишь?

(Кудряшевъ молча цѣлуетъ ей руки).

Бѣженцева. Ну, я вижу, вижу... Скажи мнѣ еще одно: если бы тебѣ пришлось выбирать между мной и... твоей Татьяной Николаевной?.. И если бы отъ выбора въ мою пользу зависѣло счастье насъ всѣхъ, и твое, и мое, и даже ея?..

Кудряшевъ. Что за загадки, Varbe. Говорите яснѣе...

Бѣженцева. Опять «говорите»? Злой! Ну, слушай, и слушай внимательно. Вчера ты видѣлъ у насъ барона фонъ-Зона. Какъ онъ тебѣ понравился?

Кудряшевъ. Баронъ... этотъ баронъ... я видѣлъ его очень мало, только вчера; но что я о немъ слышалъ, не говоритъ въ его пользу.

Бѣженцева. А что̀ ты слышалъ?

Кудряшевъ. Я слышалъ, что это человѣкъ сухой, черствый, жестокій. Что со своимъ огромнымъ состояніемъ онъ не дѣлаетъ добра. Что на его фабрикахъ и заводахъ люди—рабочій скотъ. Что онъ скупъ и жаденъ во всемъ, что̀ не касается одного...

Бѣженцева. И это одно?

Кудряшевъ. Женщины.

Бѣженцева. Можетъ-быть, эта характеристика черезчуръ рѣзка, но въ послѣднемъ ты не ошибся. А знаешь ли, сколько у барона годового дохода?

Кудряшевъ. Я не считалъ. Да и что̀ мнѣ за дѣло?

Бѣженцева (съ разстановкой). Милліонъ триста тысячъ! Милліонъ триста тысячъ,—это больше ста тысячъ въ мѣсяцъ, это три съ половиною тысячи въ день. (Кудряшевъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ) Втрое больше твоего годового содержанія. Твое мѣсячное содержаніе онъ получаетъ въ полчаса. Что̀ жъ молчишь?

Кудряшевъ. Что̀ же говорить? Пусть наслаждается своимъ богатствомъ, а я попрежнему буду жить на свое жалованье.

Бѣженцева. Какъ? Приблизиться къ такому солнцу и не погрѣться хоть немного въ его лучахъ? Послушай, Владимиръ, тутъ-то и начинается дѣло, по которому я къ тебѣ пріѣхала.

Кудряшевъ. Въ самомъ дѣлѣ? Вы сами сказали, что его характеристика вѣрна. Онъ жаденъ, скупъ, золъ... Зачѣмъ мнѣ имѣть съ нимъ дѣло? Да и какое отношеніе между нами?

Бѣженцева. Отношеній—тысяча! Во-первыхъ, ты техникъ.

Кудряшевъ. Положимъ.

Бѣженцева. Во-вторыхъ, у барона подъ Москвой цѣлый городъ заводовъ и фабрикъ... Какъ это называется?.. Разныхъ мануфактуръ.

Кудряшевъ. Въ-третьихъ?

Бѣженцева. Въ-третьихъ, ему нуженъ управляющій на жалованье въ двѣнадцать тысячъ въ годъ...

Кудряшевъ. Двѣнадцать тысячъ?

Бѣженцева. Да, и отъ тебя зависитъ сегодня же сдѣлаться этимъ управляющимъ... Ты согласенъ?

Кудряшевъ. Не шутите, Варвара Павловна! Зачѣмъ говорить о моемъ согласіи, когда баронъ меня не знаетъ? А если и узна̀етъ, то почему онъ выберетъ меня? Ему не нуженъ хорошо образованный техникъ: ему нуженъ кулакъ-приказчикъ. Главный доходъ его — не тотъ, который даетъ производство, а тотъ, который онъ обираетъ со своихъ несчастныхъ рабочихъ. Я для этого не гожусь.

Бѣженцева. Отъ тебя будетъ зависѣть измѣнить все это. Баронъ будетъ въ твоей власти. Ты не только самъ достигнешь положенія... завиднаго положенія... Но ты можешь принести пользу другимъ. Владимиръ! Десятки тысячъ людей могутъ быть осчастливлены тобою! Подумай. Не отказывайся.

Кудряшевъ. Отказываться? Отъ чего? Мнѣ никто не дѣлалъ предложенія. Да я увѣренъ, что баронъ никогда и не сдѣлаетъ его.

Бѣженцева. А если онъ черезъ четверть часа пріѣдетъ къ тебѣ съ визитомъ и самъ предложитъ это мѣсто?

Кудряшевъ (нервно ходя по комнатѣ). Невозможно! Невозможно! Зачѣмъ я ему?

Бѣженцева. Увидишь. Но скажи мнѣ: ты согласишься, если онъ дѣйствительно будетъ просить тебя?

Кудряшевъ. Онъ будетъ просить... Я не вѣрю вамъ... Но если будетъ...

Бѣженцева. Будетъ, будетъ! Видишь ли, тутъ есть одна подробность. Маленькое условіе... Оно маленькое, но отъ него зависитъ все... Сказа́ть?

Кудряшевъ. Конечно.

Бѣженцева. Видишь ли... Ты видѣлъ вчера барона... Твоя Татьяна... Нѣтъ... я скажу иначе. Ты будешь жить въ получасѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Москвы.

Кудряшевъ. Тѣмъ лучше.

Бѣженцева. Да, это недалеко. Но ты... ты долженъ дать обѣщаніе не ѣздить въ Москву. Намъ съ Татьяной иногда можетъ понадобиться...

Кудряшевъ. Какъ не ѣздить?..

Бѣженцева (беретъ его за обѣ руки). Татьяна должна остаться здѣсь. (Кудряшевъ смотритъ на нее въ оцѣпенѣніи) Ты понялъ? Милый мой... Я буду ѣздить къ тебѣ. (Молчаніе) Что̀ жъ ты молчишь?

Кудряшевъ. Но вѣдь это... продажа!

Бѣженцева. Вотъ этого, признаюсь, я отъ тебя не ожидала!.. Какой вздоръ!.. Продажа!.. Чѣмъ же это продажа? Ты съ барономъ не скажешь объ этомъ ни одного слова. Ты уѣдешь... вотъ и все...

Кудряшевъ. Да, я уѣду, зная, что моя жена остается на жертву этому развратнику... Я не могу сдѣлать этого. Пусть лучше прежняя нищета...

Бѣженцева. Постой... Твоя жена не ребенокъ. Что̀ это значитъ: «на жертву»? Развѣ ты выдаешь ее связанной? Да, баронъ полюбилъ твою жену, я скажу прямо, но, какъ ни черенъ его портретъ, нарисованный тобою, онъ все-таки благо-

родный человѣкъ. Онъ хочетъ, онъ будетъ добиваться взаимности.

Кудряшевъ. Онъ будетъ добиваться взаимности? Эта старая тряпка будетъ добиваться взаимности моей Тани? Послушайте, Варвара Павловна, да вы сами не вѣрите тому, что̀ говорите...

Бѣженцева. А, вотъ оно что̀! Ты любишь ее. Ты обманываешь меня. Ты однимъ ударомъ могъ бы разрубить все: выйти изъ своего невыносимаго положенія, освободиться отъ нелюбимой жены и приблизиться къ любимой женщинѣ! Но ты не хочешь! Это потому, что ты ее любишь! Такъ знайте, Владимиръ Николаевичъ, я не позволяю издѣваться надъ моимъ чувствомъ. Это чувство слишкомъ глубоко и, оскорбленное, оно будетъ мстить. (Кудряшевъ подходитъ къ ней и цѣлуетъ ей обѣ руки) Ну, я вижу... Ты сдѣлаешь это. Тебѣ ничѣмъ не придется жертвовать, ничѣмъ. О Татьянѣ у васъ съ барономъ не будетъ сказано ни слова. Ты просто уѣдешь... И я буду къ тебѣ ѣздить... О, мой милый, мой дорогой!

(Звонокъ. Бѣженцева откидывается въ кресло, Кудряшевъ тоже).

Бѣженцева (быстро). А то, что̀ ты говоришь о невозможности для барона овладѣть сердцемъ твоей жены,—это вздоръ! Баронъ красивый мужчина... Да и твоя Татьяна... Ты еще не знаешь женщинъ.

(Входитъ Бѣженцевъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната. Остатки ужина. Свѣчи догораютъ. На кушеткѣ лежитъ спящая Татьяна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Горничная (выглядывая въ дверь, шопотомъ). Спитъ еще. Экъ ее, сердечную, напоили. Не хуже и нашей сестры пьяна; такъ, нераздѣтая, и спитъ всю ночь. (Помолчавъ и оглядѣвъ еще разъ барыню) Вѣдь и вправду сказать, самое время покутить. Я въ ея годы, бывало, и-ихъ какъ покучивала. Да и баринъ-то нашъ тоже пошаливаетъ: тамъ, какъ зубы-то ни заговаривай, а съ Бѣженцевой барыней у нихъ дѣло не ладно. Ну, а коли мужъ налѣво, такъ женѣ и Богъ велѣлъ направо... (Глядитъ на спящую Татьяну) Ишь ты, красавица какая, кабы я такая была, такъ ужъ знала бы, какъ распорядиться; не торчала бы около этого вѣтрогона. (Глядя на столъ) Никакъ цѣльная бутылка осталась. И то не спочата. (Прячетъ ее подъ

фартукъ) Отнесу къ себѣ: ужо пригодится, придетъ Ѳедя; такъ его попотчую, что ну ты. А это сама выпью теперь. (Выпиваетъ изъ другой бутылки остатокъ. Татьяна поворачивается) Никакъ просыпается. Скорѣе удрать, а то пропало угощенье. (Убѣгаетъ на цыпочкахъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Долгое молчаніе).

Татьяна (просыпается). Боже мой, какъ тяжело, какъ голова тяжела... Гдѣ я?.. Что со мной? (Подымаетъ голову, осматривается, потомъ снова опускаетъ голову) А, да, помню... Ужинъ... Они поили меня... Я опьянѣла. (Берется рукой за голову) И этотъ баронъ... Баронъ... Онъ все что-то говорилъ мнѣ... Долго, долго это было... Онъ цѣловалъ мнѣ руки... Онъ обнялъ меня... (Вскакиваетъ съ крикомъ отчаянія и закрываетъ лицо руками) Я погибла, погибла... (Съ рыданіемъ падаетъ въ кресло, — немного придя въ себя) Можетъ-быть, это сонъ... Можетъ-быть... Нѣтъ, нѣтъ... Я помню, я все теперь помню. О, мой мужъ!.. Какъ я признаюсь тебѣ, какъ скажу, что ты опозоренъ. Ему нельзя сказать: онъ вызоветъ, онъ убьетъ его и... можетъ-быть, будетъ самъ убитъ. Но я не могу лгать, я не могу не признаться ему. Я должна его видѣть... Онъ одинъ пойметъ меня, онъ проститъ. Скорѣе, скорѣе телеграмму... Черезъ два часа онъ будетъ здѣсь. (Бѣжитъ къ столу и садится) Я напишу, что лежу, что опасно больна... (Рыдаетъ) Я не знаю, какъ я проживу эти два часа. Или развѣ... (Подходитъ къ шифоньеркѣ и выдвигаетъ ящикъ) Вотъ тутъ... Стоитъ только взять... нѣсколько капель... И онъ застанетъ меня мертвую, но чистую, непорочную, и не узнаетъ ничего. Онъ будетъ убитъ, будетъ горевать, но что жъ? Погорюетъ онъ и забудетъ черезъ годъ. Онъ еще молодъ, онъ можетъ быть счастливъ. Счастливъ... Я тоже молода, я жить хочу... я не хочу умирать. (Порывисто захлопываетъ ящикъ) Да что же, что же дѣлать? Да, вотъ телеграмма. (Звонитъ) Онъ пріѣдетъ. Въ ноги ему брошусь, руки ему буду цѣловать, только чтобы онъ простилъ меня и чтобы не шелъ на опасность. О, онъ проститъ. Онъ пойметъ, что я не виновата, не могу быть виновата.

Горничная (входитъ). Что угодно, Татьяна Николаевна?

Татьяна. Вотъ, Даша, возьмите телеграмму и отправьте ее сейчасъ же, сейчасъ же... Вотъ вамъ деньги. Поскорѣе... (Даша уходитъ) Поѣздъ придетъ черезъ два часа. Господи, дай мнѣ силы прожить эти два часа. А потомъ... Какъ я сознаюсь ему? Какъ я скажу? Боже мой, научи меня... Или вотъ что...

Развѣ я не могу попросить Боброва? Бобровъ мой старый другъ, вѣрный другъ. Онъ любитъ меня... Онъ сумѣетъ. Мнѣ ли передъ нимъ скрываться? Когда умирала моя дѣвочка, не онъ ли не спалъ ночей, не онъ ли сидѣлъ надъ ней, не смыкая глазъ? Не онъ ли столько разъ выручалъ меня изъ бѣды? Онъ хорошій человѣкъ. Я скажу ему все. Онъ сумѣетъ сказать мужу. А я не могу. У меня дыханье захватитъ, слова застынутъ въ горлѣ. (Звонитъ) Поѣду просить его... (Смотритъ на часы) Времени хватитъ... Боже мой, спаси меня, поддержи меня! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Горничная (по уходѣ Татьяны, въ дверяхъ). Господа офиціанты, пожалуйте, убирайте со стола поскорѣе, а то ужъ часъ поздній; неравно кто и навернется.

(Входятъ: одинъ лакей, одѣтый въ курткѣ и фартукѣ, и два мужика съ корзинами).

Лакей. Именины, что ли, справляли?

Горничная. Никакихъ именинъ, а такъ себѣ, баринъ мѣсто получилъ.

Лакей. Видно, хорошее.

(Слышенъ звонокъ Татьяны).

Горничная. Сейчасъ, сейчасъ. (Бѣжитъ къ дверямъ).

Лакей. Смотрите, осторожнѣй, а то перебьешь, хозяинъ-то холку намылитъ.

1-й мужикъ. Зачѣмъ бить... Мы смотримъ. (Роняетъ рюмку).

Лакей. Ишь вѣдь ротозѣй окаянный...

1-й мужикъ. Чтобъ сдохла, проклятая!

2-й мужикъ. Ну, буде-буде разговаривать-то, осторожнѣе.

Лакей. Ну, тащи, тащи скорѣй, да за столомъ приходите живо. (Мужики уносятъ корзины и возвращаются за складнымъ столомъ) И жизнь этимъ господамъ, кажись бы, не умиралъ. Выпилъ—поспалъ, поспалъ—опять выпилъ. (Увидя на столѣ двѣ сигары) А, друзья почтенные. Куривали васъ неоднократно. Пожалуйте-ка сюда. (Кладетъ въ карманъ) Ужо послѣ обѣда выкуримъ.

(Въ передней звонокъ; лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бобровъ (входитъ). Остатки пира... (Входящей горничной) Даша, барыня дома?

Горничная. Дома-съ, одѣваются, сейчасъ выйдутъ.

Бобровъ. Что̀ значитъ этотъ пиръ? И зачѣмъ понадобился

Зону Владимиръ Николаевичъ?.. Откуда все сіе? Тутъ нечисто, очень нечисто. (Задумывается) Не обманываетъ меня чутье въ такихъ случаяхъ. Нужно предупредить Татьяну Николаевну... И эта Бѣженцева тутъ вертится, и по ея скверной мордѣ я вижу, что недаромъ вертится...

(Входитъ Татьяна, Бобровъ идетъ къ ней навстрѣчу).

Татьяна. Вы здѣсь. Боже мой, какъ кстати, какъ кстати... Я только-что хотѣла ѣхать къ вамъ.

Бобровъ. Что съ вами? Вы больны?.. На васъ лица нѣтъ... Что-нибудь случилось?

Татьяна. Да, случилось. Я ѣхала къ вамъ, чтобы разсказать, но теперь... Я не знаю, что со мной... Я не могу...

Бобровъ. Полноте, успокойтесь, выпейте воды... (Подаетъ стаканъ) Татьяна Николаевна, вы знаете меня много лѣтъ. Не разъ вамъ приходилось быть со мной откровенной. Скажите, пожалѣли ли вы объ этомъ хоть разъ? Будьте откровенны и теперь. Можетъ-быть, моя старая дружба поможетъ вамъ и на этотъ разъ.

Татьяна. Да, я вѣрю, что вы мнѣ поможете. Но такія вещи не легко говорятся... Но все равно... Слушайте... Вчера... Нѣтъ... Нѣтъ... Все равно... Я погибла, Иванъ Петровичъ, я погибла... (Заливается слезами).

Бобровъ. Погибли? Вчера? Что такое? Не можетъ быть, вы... Этотъ баронъ... (Татьяна продолжаетъ плакать) О, какая гнусность, какой стыдъ! Я недаромъ чуялъ что-то недоброе. Недаромъ я ненавижу эту безстыдницу, которая втерлась въ вашу семью, которая стала между вами и мужемъ. (Татьяна дѣлаетъ движеніе) Не спорьте, я вижу, вижу все ясно... Но я вѣрить не хочу, чтобы это зашло такъ далеко... Говорите, не плачьте, успокойтесь.

Татьяна. Вы поѣхали съ Володей и Бѣженцевымъ, жена его осталась здѣсь съ Зономъ. Мы говорили, шутили; они поздравляли меня съ удачей мужа. Потомъ явилось шампанское. Я была уже совсѣмъ пьяна. Они поили меня почти насильно. Потомъ туманъ... Головная боль... Я не могу, я не могу. (Бобровъ сидитъ, низко опустивъ голову) Потомъ Бѣженцева исчезла... Все помутилось... И я помню только это ненавистное, гнусное лицо, склонившееся надъ моимъ, гнусные поцѣлуи, которыми онъ осыпалъ меня... И у меня уже не было силъ оттолкнуть его. Знаете, это похоже на то, если бы связанной лежать въ горящей комнатѣ. Но это былъ только проблескъ сознанія. Потомъ... Ужасъ... Адъ... (Молчаніе) Что жъ дѣлать, Иванъ Петровичъ? Я должна сказать мужу. И не

могу... У меня языкъ не повернется. И я боюсь... боюсь, чтобы онъ не вызвалъ Зона.

Бобровъ. Ну, и что жъ?

Татьяна. А если... если онъ будетъ убитъ?

Бобровъ. Бойтесь другого, Татьяна Николаевна, бойтесь другого... Если онъ даже и вызоветъ этого... мерзавца, что жъ вы думаете, баронъ приметъ вызовъ? Да, онъ приметъ, но дастъ знать полиціи... Бойтесь другого.

Татьяна. Я не понимаю васъ! Что вы хотите сказать?

Бобровъ. Я не могу сказать и не скажу. Можетъ-быть, вы сами увидите. (Звонокъ) Знаете ли, кто это? Я увѣренъ, что это онъ... Счастливый побѣдитель... Онъ пріѣхалъ удостовѣриться въ своей побѣдѣ.

Горничная (входя). Баронъ фонъ-Зонъ. (Баронъ показывается въ дверяхъ).

Татьяна. Скажите, что для него меня нѣтъ дома. (Оборачиваясь и увидя барона) Вонъ! (Баронъ скрывается, Татьяна падаетъ въ кресло) Даша... никогда... никогда... (Задыхаясь) Дерзкій... низкій...

Бобровъ. Успокойтесь, забудьте...

Татьяна. Да развѣ это можно забыть! Иванъ Петровичъ, такъ вы скажите Владимиру.

Горничная (входитъ). Баронъ уѣхали, а вотъ это оставили. Приказали отдать Татьянѣ Николаевнѣ. (Подаетъ футляръ).

Бобровъ. Не хватало этого!

Татьяна. Отошлите сейчасъ же назадъ, Даша. (Горничная уходитъ) Боже мой, еще этотъ позоръ. Значитъ, онъ думаетъ, что побѣдилъ. Онъ думаетъ, что я...

Бобровъ. Не вы, не вы, Татьяна Николаевна. Онъ увѣренъ, что побѣдилъ не васъ. Я чуялъ недоброе. Я вижу теперь все. О, вы, несчастная, несчастная женщина! Нѣтъ помощи вамъ ниоткуда.

Татьяна. Нѣтъ, есть. Я вѣрю въ мужа. Онъ проститъ все; онъ знаетъ меня, и я знаю его.

Бобровъ (въ сторону). О, счастливое невѣдѣніе!

Татьяна. Такъ вы скажите ему. Скажите, но поклянитесь мнѣ, что не допустите дуэли.

Бобровъ. О, тутъ не потребуется большого труда.

Татьяна. Иванъ Николаевичъ, вы злы. Вы подозрѣваете...

ЯВЛЕНІЕ V.

Горничная (входя). Госпожа Бѣженцева.

Бобровъ. Еще одинъ хищникъ...

Татьяна. Скажите, что у меня болитъ голова.

Бѣженцева (входитъ, не дождавшись горничной, которая уходитъ). Вы нездоровы, Татьяна Николаевна? Бѣдная, какъ она блѣдна. Иванъ Николаевичъ, здравствуйте. (Татьянѣ) Ну, какъ вы провели ночь? (Смѣясь и грозя пальцемъ) Вы, кажется, немного подвыпили, плутовка. Ну, ничего, ничего. И я, мой другъ, такъ была пьяна, что должна была голову холодной водой обливать, а то не могла заснуть.

Бобровъ. Вамъ къ этому не привыкать.

Бѣженцева. Т.-е. какъ это не привыкать?

Бобровъ. Часто въ такихъ передѣлкахъ бывали. А вотъ зачѣмъ ее-то напоили?

Бѣженцева. Какъ напоили?

Татьяна. Я совсѣмъ до безпамятства... Ничего не помню.

Бѣженцева. Вы очень легко пьянѣете, моя милая.

Бобровъ. А вы и рады этому.

Бѣженцева. Вы, кажется, забываетесь, Иванъ Николаевичъ.

Бобровъ. Зачѣмъ намъ, Варвара Павловна, двуличничать. Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Бѣженцева. Что̀ вы хотите этимъ сказать?

Бобровъ. А то и хочу сказать, что ясно вижу вашъ планъ кампанiи. Вы думаете, что всѣ слѣпы и не видятъ васъ насквозь.

Бѣженцева. Ничего не понимаю.

Бобровъ. Ну, если не понимаете, такъ я прямѣе скажу. Вы хотѣли, вы добивались, чтобы она (указывая на Татьяну) была до безпамятства пьяна. Вы ее напоили.

Бѣженцева. Я? Ее напоила?

Бобровъ. Да, вы; и затѣмъ, чтобы легче справиться съ ней.

Бѣженцева. Какъ справиться?

Бобровъ. Зачѣмъ вы, Варвара Павловна, требуете отъ меня откровеннаго объясненiя. Вы понимаете прекрасно, о чемъ я говорю.

Бѣженцева. Честное слово, ничего не понимаю.

Бобровъ. Если такъ, то я долженъ говорить еще прямѣе. Для меня ясно, какъ Божiй день, что она (указывая на Татьяну) была умышленно напоена, чтобы легче было съ ней справиться, говорю я,—и вы въ этомъ заговорѣ прямой и главный участникъ. Пожалуйста, не притворяйтесь невиннымъ ребенкомъ; не повѣрю, не на того напали. Зачѣмъ понадобился вчерашнiй ужинъ?

Бѣженцева. Это дѣло Владимира Николаевича.

Бобровъ. Люди голодали-голодали — и вдругъ ужинъ, да какой еще. Чуть не ванны изъ шампанскаго принимаютъ.

Бѣженцева. Татьяна Николаевна, объясните г. Боброву, что это было ваше желаніе.

Татьяна (точно очнувшись отъ сна, въ испугѣ). Мое! Мое, говорите вы, желаніе. Еще, еще оскорбленіе!

Бобровъ. Оставьте же ее въ покоѣ, Варвара Павловна. (Подходитъ къ Татьянѣ и цѣлуетъ у ней руку) Успокойтесь, успокойтесь, дорогой мой другъ. (Къ Бѣженцевой) Если вамъ и до сихъ поръ не ясно, что мнѣ все извѣстно, то я скажу вамъ. Вы... продали ее, но за сколько—не знаю.

Бѣженцева. Какъ вы смѣете это говорить?

Бобровъ. Смѣю, потому что это правда.

Бѣженцева. Вы—нахалъ.

Бобровъ. А вы... (Входитъ Кудряшевъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кудряшевъ. Господа, что̀ вы?

Татьяна. Володя!.. (Бросается къ нему и цѣлуетъ ему руки).

Кудряшевъ. Ты не въ постели?

Татьяна. Послѣ...

Кудряшевъ. Но о чемъ вы спорите?

Бѣженцева. Хорошъ споръ! Благодарю, только этого недоставало.

Кудряшевъ. Но въ чемъ же дѣло?

Бѣженцева. Никогда не ожидала въ вашемъ домѣ наткнуться на такую непріятность. Это хорошее спасибо за мою дружбу къ вамъ.

Бобровъ. Это я, братецъ, повздорилъ съ Варварой Павловной.

Бѣженцева. Хорошо повздорилъ! Онъ такихъ вещей мнѣ наговорилъ, что я рѣшительно отказываюсь ихъ повторить. Онъ назвалъ меня чуть не...

Бобровъ. Ничѣмъ я васъ не называлъ, а только позволилъ себѣ сказать то, что̀ вижу воочію.

Татьяна. Оставьте, Иванъ Петровичъ, прошу васъ.

Кудряшевъ (горячась). Но какъ ты позволилъ себѣ говорить, что̀ ты думаешь, если это оскорбительно для Варвары Павловны?

Бобровъ. Потому, что это низко... гадко... это...

Бѣженцева. Вы слышите?

Кудряшевъ. Я прошу васъ, Иванъ Петровичъ, воздержаться и не забывать, что вы въ моемъ домѣ.

Бобровъ. Глупецъ, ты прежде разбери, въ чемъ дѣло.

Татьяна. Ради Бога, оставьте эту ссору.

Кудряшевъ. Въ чемъ бы ни было дѣло, но я не позволю у себя въ домѣ оскорблять моихъ гостей.

Бѣженцева. Ни съ того ни съ чего набросился.

Бобровъ. Ни съ того ни съ чего? (Указывая на Татьяну) Посмотрите на нее: чьихъ это рукъ дѣло?

Бѣженцева (Кудряшеву). Онъ увѣренъ...

Кудряшевъ. Иванъ Петровичъ, я настолько дорожу дружбой Варвары Павловны...

Бобровъ. Нашелъ чѣмъ дорожить! Продала себя, а теперь и за другихъ принялась.

Бѣженцева. Ахъ!

Кудряшевъ. Вонъ!

Татьяна. Володя!

Кудряшевъ. И чтобъ нога ваша здѣсь не была.

Бобровъ. Безумецъ, безумецъ!

Кудряшевъ. Пожалуйста, безъ жалкихъ словъ.

Бобровъ. Тебѣ я прощаю, потому что надѣюсь, что скоро опомнишься. Прощайте, дорогая Татьяна Николаевна. (Цѣлуетъ у ней руку) Помните, что у васъ есть другъ, на котораго вы всегда можете положиться. А вамъ, сударыня (обращаясь къ Бѣженцевой), я посовѣтую бросить эту коммерцію.

Кудряшевъ. Довольно!

Бобровъ. Прощай и будь счастливъ... двѣнадцатитысячный мужъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кудряшевъ. Варвара Павловна, голубушка (цѣлуетъ ей руки), простите. Вы понимаете, что я не при чемъ.

Татьяна (отходитъ въ сторону и искоса смотритъ на Бѣженцеву). Это еще что̀ такое?

Бѣженцева (нѣжно) За что же мнѣ на васъ сердиться? Я знаю, что вы меня любите. Вы милый (цѣлуетъ его въ лобъ, Татьяна дѣлаетъ движеніе).

Кудряшевъ. Забудьте все, что̀ вы здѣсь слышали; я постараюсь убѣдить васъ въ искренности моей просьбы.

Бѣженцева. Я въ этомъ убѣждена. (Тихо) Приласкай ее, а то она уже дуется.

Кудряшевъ. Что̀ же, Таня, ты не извинишься передъ Варварой Павловной за то, что ее оскорбили у васъ въ домѣ?

Татьяна. Довольно одного такого извиненія, какъ твое.

Кудряшевъ. Что̀ это за намеки!

Татьяна. Никакихъ намековъ, я просто...

1884.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ В. М. ГАРШИНА.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРІИ КЪ МАТЕРИ, ЕКАТЕРИНѢ СТЕПАНОВНѢ ГАРШИНОЙ.

(Съ ея предисловіемъ и примѣчаніями).

Всеволодъ Гаршинъ воспитывался въ с.-петербургской 7-й гимназіи, преобразованной сначала въ реальную гимназію, а затѣмъ окончательно въ *1-е реальное училище*. Воспитанники этого заведенія, лишенные права поступать въ университетъ, обыкновенно обходили это, выдерживая экзаменъ въ (тогда еще) Медико-Хирургическую академію, а затѣмъ переходили на 2-й курсъ естественнаго факультета въ университетъ. Страстно любя ботанику, такъ мечталъ поступить и Всеволодъ, но, перейдя въ 7-й (послѣдній) классъ своего училища (въ 1872 году), онъ былъ постигнутъ въ первый разъ своимъ ужаснымъ душевнымъ недугомъ. Черезъ годъ онъ совершенно оправился и осенью 1873 года могъ снова поступить въ тотъ же 7-й классъ училища; но въ теченіе этого несчастнаго года случилось то, что роковымъ образомъ повліяло на судьбу его: воспитанникамъ реальныхъ училищъ окончательно прегражденъ былъ доступъ и въ Медико-Хирургическую академію. Всеволодъ былъ глубоко огорченъ. Кромѣ естественныхъ, его тянуло и къ гуманитарнымъ наукамъ. Всѣ *спеціальныя* заведенія ему были одинаково противны, и если онъ избралъ Горный институтъ, то лишь потому, что тамъ были въ числѣ студентовъ друзья и товарищи его: Вл. Мих. Латкинъ и Вас. Наз. Аѳанасьевъ. Въ институтѣ онъ занимался, что называется, ни шатко ни валко: его тянуло къ литературѣ, къ искусству, онъ пробовалъ писать, но, будучи отъ природы необыкновенно скромнымъ человѣкомъ и слишкомъ строгимъ къ самому себѣ, онъ долго не рѣшался выступить на литературное поприще и только въ 1876 году, 21 года отъ роду, съ благословенія А. С. Суворина (тогда еще „Незнакомца“), рѣшился понести свою маленькую вещицу въ га-

зету „Молва“, гдѣ она и была напечатана 15 апрѣля 1876 года (вещица эта не вошла въ его „книжки“ по нѣкоторымъ причинамъ).

Въ это время я съ меньшимъ сыномъ, тогда еще воспитанникомъ гимназіи, жила въ Харьковѣ. Всеволодъ пріѣзжалъ къ намъ на Рождество, иногда даже на Пасху и непремѣнно — на каникулы. Кромѣ его горячей привязанности къ намъ, его влекла сюда и его долгая юношеская любовь къ той самой Р., имя которой такъ часто встрѣчается въ его письмахъ. Не только для меня, но и ни для кого изъ нашего кружка не была тайною эта любовь, длившаяся цѣлые годы, и всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на помолвленныхъ.

Но вотъ наступилъ 1877 годъ, заговорили о войнѣ, двинулись на югъ войска. Я забыла сказать, что еще лѣтомъ 1876 года, во время герцеговинскаго, а затѣмъ и сербскаго возстанія, Всеволодъ хотѣлъ непремѣнно ѣхать добровольцемъ. Но тогдашній харьковскій губернаторъ, князь Д. Н. Крапоткинъ (убитый впослѣдствіи), не согласился выдать ему (какъ подлежавшему воинской повинности) паспорта, говоря: „подождите, вотъ скоро своя война будетъ“. Пришлось ждать недолго...

12 апрѣля 1877 года въ Кишиневѣ прочитанъ былъ манифестъ государя, а на третій день послѣ этого я, въ Харьковѣ, получила письмо, въ которомъ стояло: „Мамочка, я не могу прятаться за стѣнами заведенія, когда мои сверстники лбы и груди подставляютъ подъ пули. Благословите меня. Вася *) тоже идетъ“. Я отвѣтила телеграммой: „Съ Богомъ, милый!“ Спустя нѣсколько дней они оба пріѣхали въ Харьковъ и пробыли у насъ до 2 мая.

Какіе эти были дни, описывать не буду...

Далѣе читайте уже письма самого Всеволода.

Къ великому моему (тогда) счастію, въ августѣ онъ былъ раненъ и отправленъ въ Харьковъ. Красный Крестъ отпустилъ его лѣчиться домой, у меня на квартирѣ. Два мѣсяца онъ не вставалъ съ постели, но въ нашей крохотной квартирѣ шелъ сплошной праздникъ. Молодежь обоего пола наперерывъ окружала его всевозможнымъ вниманіемъ, студенты-медики перевязывали его больную ногу. Сколько тутъ было молодого, хорошаго веселья! А послѣ того, какъ въ 10-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ появились „Четыре дня“, Всеволодъ Гаршинъ положительно вошелъ въ славу...

Но счастье мое было слишкомъ коротко... Въ ноябрѣ Всеволодъ уѣхалъ въ Петербургъ, но на этотъ разъ скоро вернулся ко мнѣ, къ Р.. Въ маѣ 1878 года его за отличіе произвели въ офицеры. Пока все еще шло хорошо; онъ былъ веселъ и работалъ. Но осенью въ Петербургѣ либеральные друзья уговорили его лечь въ госпиталь и добиваться отставки. Тогда еще въ Николаевскомъ госпиталѣ слушали лекціи медицинскія студентки... Не буду распространяться...

---

*) В. Н. Аѳанасьевъ. См. выше.

По своей рѣдкой добротѣ, честности, справедливости онъ не могъ пристать *ни къ какой сторонѣ* и глубоко страдалъ за тѣхъ и другихъ. Но когда пошли насилія, убійства, покушенія, взрывъ Зимняго дворца, казни, его бѣдная голова не выдержала, и въ началѣ марта 1880 года онъ былъ уже вполнѣ сумасшедшимъ...

Екатерина Гаршина.

I.

Кишиневъ, 5 мая 1877 года.

Вчера утромъ, дорогая мама, мы *) пріѣхали въ Кишиневъ. Къ счастію нашему, 35-я пѣхотная дивизія оказалась здѣсь. Вчера уже подали прошеніе. Сегодня ночью выступаемъ въ походъ, пѣшкомъ на Баштомакъ (на границѣ), затѣмъ, черезъ всю Румынію, въ Баньясъ, мѣстечко на Дунаѣ, противъ Рущука. Вѣроятно, будемъ брать его (Рущукъ),

Въ Баньясъ мы придемъ 28 мая, такъ что придется итти по 30 верстъ въ день, дѣлая дневки черезъ два дня въ третій.

Мы поступаемъ въ роту къ Ивану Назаровичу. Перезнакомились уже съ десяткомъ офицеровъ; все молодежь, пьетъ сильно,—впрочемъ, кажется, есть порядочные люди. Къ намъ отнеслись внимательно и съ какимъ-то уваженіемъ. Хотѣлось бы поставить себя хорошо въ полку. Наше начальство: корпусный—генералъ-адъютантъ Ганъ, начальникъ дивизіи—генералъ-майоръ Барановъ, бригадный—Тихменевъ, полковникъ—Буссе, батальонный—майоръ Флоринскій, ротный — Ив. Наз. Аѳанасьевъ.

Писать къ намъ слѣдуетъ такъ: въ полевой почтамтъ дѣйствующей арміи, на станцію Унгены, 13-го армейскаго корпуса, 35-й пѣхотной дивизіи, 138-го Болховскаго полка, командиру 5 роты поручику Ив. Наз. Аѳанасьеву. Для В. Г.

Мнѣ рѣшительно некогда сегодня написать Володѣ **), а между тѣмъ хочу получить отъ него письмо. Пожалуйста, напишите ему обо мнѣ и сообщите адресъ.

Кишиневъ — городъ совсѣмъ нерусскій. На улицахъ совсѣмъ не слышно русскаго языка—все жидовскій и молдаванскій говоръ. Жаль, что корреспонденціи невозможны. Буду вести дневникъ. Интереснаго много.

*) Вмѣстѣ съ Вс. Гаршинымъ уѣхалъ ближайшій товарищъ его по гимназіи и Горному институту—Вас. Наз. Аѳанасьевъ, родной братъ ротнаго команд. Ивана Наз. Аѳанасьева, теперь уже покойника.

**) Владиміръ Мих. Латкинъ.

Дорогая моя, писать больше некогда. Надо бѣгать по начальству. Не горюйте, голубушка. Писать буду, какъ только будетъ возможность.

Цѣлую васъ.

Вашъ В. Г.

P. S. Брать съ собою вещи, кромѣ необходимыхъ, рѣшительно невозможно. Приходится многое бросить здѣсь. Поэтому не вышивайте рубахъ.

Напишите Володѣ, чтобы выслалъ мнѣ карточку.

II.

Фальчи (на Прутѣ), 13 мая 1877 г.

Дорогая мама! Вчера вечеромъ пришли мы въ Фальчи, опоздавъ противъ маршрута на два дня. Дорога ужасная, дождь шелъ каждый день, чернозёмъ размокъ. Ноги по колѣни въ грязи. Выдерживаемъ мы съ Васей походъ такъ, что сами удивляемся. Правда, сдѣлавъ 30 верстъ съ ранцемъ (впрочемъ, почти пустымъ), бросаешься на что ни попало и спишь какъ убитый до самаго „генералъ-марша" (побудки). Наше положеніе сравнительно съ солдатскимъ еще очень хорошо: насъ не посылаютъ на работу вытаскивать обозъ. А тѣ пройдутъ 30 верстъ — да почти сейчасъ же идутъ назадъ верстъ за 5 вытаскивать на рукахъ обозъ изъ страшнѣйшей грязи.

Спали мы покуда въ деревняхъ въ хатахъ, но, вступивъ въ Румынію, нужно спать уже на бивакахъ. Сегодня спали на воздухѣ въ первый разъ. Если не будетъ дождей, то это ничего. Къ тому же скоро выдадутъ палатки.

Деньги наши мы размѣняли на золото, при чемъ много выгадали. Золото здѣсь очень дорого. Наши бумажки идутъ рубль за рубль

Непріятно, что мы совершенно удалены отъ міра. Не знаемъ рѣшительно, что дѣлается на свѣтѣ. Въ Леово застали торжество, пляску, пьянство — румыны праздновали свое „королевское достоинство", только всего и знаемъ.

Если бы не мысль о васъ и Р., о томъ, какъ вы болѣете сердцемъ за меня, то я былъ бы вполнѣ спокоенъ. А то вспомнишь о Харьковѣ, и даже слезы на глазахъ выступаютъ. Ходятъ слухи, что война скоро кончится и насъ вернутъ. Правда ли это? Не знаю ничего.

25 мая насъ будетъ смотрѣть государь.

Писать много рѣшительно не могу. Голова какъ-то плохо работаетъ, да и то сказать, писать много и нельзя. Не знаю навѣрное, но думаю, что это письмо будетъ распечатано.

Пишите, пожалуйста. Я еще изъ Кишинева сообщилъ вамъ свой адресъ, на всякій случай вотъ онъ еще разъ.

Пишите мнѣ, какъ держитъ себя Р. относительно васъ *).

Замѣчаете ли, что письмо мое написано безтолково?

Должно-быть, крайняя усталость тому виною. Надо писать еще Володѣ и Р.; не знаю, какъ напишу.

До свиданья, дорогая моя! До 28 іюня будьте за меня совершенно спокойны.

Напишу еще нѣсколько строкъ.

Если Богъ приведетъ вернуться, напишу цѣлую книгу. Русскій солдатъ—нѣчто совершенно необыкновенное. Совершенныя дѣти.

Фальчи стоитъ на горѣ, надъ Прутомъ. Долина Прута шириною въ 3—4 версты, а самая рѣка немногимъ шире нашего Айдара **) и извивается по долинѣ, какъ змѣя. Черезъ эту долину мы шли часа $2^1/_2$, а обозъ вторыя сутки не можетъ перебраться: такая ужасная грязь. Лошади выбиваются изъ силъ.

До свиданья, дорогая моя. Цѣлую васъ. Женѣ ***) поклонъ. Дорогая моя! Иногда мнѣ очень бы хотѣлось увидѣть васъ хоть на минутку. Цѣлую васъ.

Вашъ Всеволодъ.

III.

Текучъ, 1877 г., мая 19.

Дорогая мама! Слава Богу, живъ и здоровъ, нахожусь на дневкѣ въ Текучѣ, или, вѣрнѣе, на бивакѣ около него. Идемъ мы благополучно, только отстали отъ маршрута на два дня, такъ что придемъ въ Баньясъ не 28, а 30 мая. Жизнь однообразна: идешь, отдыхаешь и ѣшь—вотъ всѣ интересы.

Совершенно не работаетъ голова, не придумаешь, что̀ и писать, хотя матеріала хватаетъ и на цѣлую книгу. Да и то сказать: писать много небезопасно. Не знаемъ о внѣшнемъ мірѣ рѣшительно ничего. О войнѣ не имѣемъ понятія. Идемъ и идемъ.

Иду я—и обыкновенно думаю о прошломъ, о Петербургѣ, а больше всего о Харьковѣ. Какъ бы хотѣлось иногда перенестись на минутку далеко отсюда, на родину! Съ страннымъ чувствомъ перепрыгнулъ я канаву, отдѣлявшую Россію отъ Румыніи.

Хотѣлъ что-то написать, но не пишется. Усталъ ужасно, да и некогда, надо ружье чистить.

Р—ѣ скажите, что я прошу у нея прощенія: сегодня рѣшительно не могу написать ей ни строчки. Скажите, что я живъ и здоровъ и что очень прошу ее писать. Пожалуйста, пусть она не сердится. Напишу и ей нѣсколько строкъ ****).

---

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто.

**) Айдаръ—рѣчка въ гор. Старобѣльскѣ, Харьк. губ.

***) Евгеній Михайловичъ Гаршинъ.

****) Въ оригиналѣ это зачеркнуто.

Дорогая мама! Простите за коротенькія письма. Въ Баньясѣ мы будемъ стоять на мѣстѣ, такъ постараюсь писать больше, а здѣсь и неудобно, и отъ усталости не знаю, что̀ писать, не могу съ мыслями собраться.

Не подумайте только, что усталость вредитъ нашему здоровью: право, не для вашего успокоенія, а говорю сущую правду, — я и Вася совершенно здоровы. Ѣдимъ невообразимо много. Въ дожди приходилось пить много водки—иначе бы непремѣнно простудились. Ноги мажемъ свинымъ саломъ. Имѣемъ при себѣ хину, капли Боткина, Иноземцева, и на случай—кровоостанавливающую вату.

Пишите, куда вамъ писать. Пишите, получили ли вы мое первое письмо, гдѣ я просилъ васъ писать Володѣ. На всякій случай пишу адресъ второй разъ!

(Слѣдуетъ адресъ).

Денегъ у насъ съ В. еще много, такъ что, прошу васъ, дорогая мама, пока еще не высылайте. Если будете что-нибудь посылать, то ужъ пришлите лучше чаю, который для насъ здѣсь—сущая благодать. До свиданья, дорогая мама! Крѣпко цѣлую васъ. Пишите.

Вашъ В. Г.

IV.

Альбешты (въ Валахіи). 1877, 26 мая.

Дорогая мама! Пишу къ вамъ изъ Альбешты, но пошлю это письмо со слѣдующей станціи, изъ Плоэшты, такъ какъ здѣсь нѣтъ почтовой станціи. Пока мы въ Румыніи, я легко могу посылать вамъ письма, но изъ Болгаріи будетъ трудно. Военная почта ходитъ очень медленно, да и писать-то черезъ нее неудобно.

Наши офицеры, сообщавшіе намъ маршрутъ, ошиблись. Баньясъ (Banjas) вовсе не на Дунаѣ, а версты двѣ-три къ сѣверу отъ Бухареста. Мы придемъ въ Баньясъ 1 іюня и будемъ стоять тамъ, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли.

Чтобы вы могли посмотрѣть на картѣ, гдѣ мы идемъ, вотъ вамъ нѣкоторые пункты: Кишиневъ, Леово, Фальчи, Берладъ, Текучъ, Фокшаны, Рымникъ, Бузеу. Иду я бодро, выдерживаю походъ хорошо. Ни разу не отставалъ и не садился въ фуру. Впрочемъ, Вася ѣхалъ въ ней только 4 версты, и то оттого, что у него животъ заболѣлъ.

До сихъ поръ еще изъ штаба дивизіи не пришелъ приказъ о нашемъ зачисленіи на службу; поэтому мы еще не получаемъ казеннаго „довольствія“: хлѣба и сухарей. Въ строю мы недавно и уже знаемъ всѣ построенія, такъ что завтра въ Плоэшты будемъ на смотру. Будетъ смотрѣть самъ государь. Онъ обогналъ насъ третьяго - дня: мы шли пѣшкомъ, а онъ по желѣзной дорогѣ, которая, начиная съ Текуча, идетъ рядомъ съ нашимъ шоссе. Ужасно досадно смотрѣть на обгоняю-

щіе насъ поѣзда съ войсками. Съ привала, гдѣ мы отдыхали, насъ подняли, вывели къ полотну, выстроили въ двѣ шеренги (бригада заняла больше версты), и, простоявъ часа полтора, мы увидѣли царскій поѣздъ. Самъ государь не показался, чѣмъ солдаты были крайне огорчены.

Итти вообще довольно трудно, особенно когда большіе переходы. А у насъ были подъ-рядъ два перехода: 45 и 40 верстъ. Впрочемъ, физическія трудности мнѣ и не кажутся трудностями: внутреннія мученія, какъ оказывается, гораздо мучительнѣе.

Никогда мнѣ не приходитъ въ голову мысль раскаяться въ томъ, что я пошелъ въ походъ. Это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитаніе характера. Какъ я ожидалъ, матеріаловъ для наблюденія оказалась бездна. Если Богъ вынесетъ, я буду знать, что дѣлать. Въ томъ, что я сумѣю писать и буду имѣть успѣхъ, я почти не сомнѣваюсь.

Сегодня дневка: приказано приготовиться къ смотру. Все чистится, моется. Солдаты купаются въ рѣкѣ; вода ниже колѣнъ, только всѣ лежатъ въ ней на брюхѣ, и мутная, какъ вездѣ въ Румыніи. Бѣлье моютъ прямо въ рѣкѣ, потомъ кладутъ на травку сушиться. Можете представить, какъ оно чисто. Солдаты вообще мнѣ очень нравятся. Офицерство (не отдѣльные офицеры, а офицерство)—чортъ знаетъ что̀ такое. Мордобитіе до сихъ поръ процвѣтаетъ. Даже нашъ бригадный генералъ бьетъ солдатъ въ лицо и ругается скверными словами. Вообще уваженія къ себѣ въ солдатахъ эта публика не внушаетъ никакого.

Нашъ ротный, Иванъ Назаровичъ, мнѣ очень нравится: не дерется и видитъ въ солдатахъ людей. Впрочемъ, онъ — одно изъ немногихъ исключеній.

Объ этомъ всемъ будетъ время говорить подробно, и не съ вами одними.

Въ 4-й ротѣ у насъ есть прекурьезный субъектъ: горный инженеръ Киль, остзейскій нѣмецъ, учившійся въ Берлинѣ и Фрейбергѣ. Онъ поступилъ по доброй волѣ, чтобы „участь въ походъ“. Говоритъ по-русски хуже Феллера. Былъ записнымъ студентомъ: четыре раза раненъ—два пулею и два рапирою. Служилъ у насъ на Дону. Рожа глупая, бычьи глаза, бакенбарды. Впрочемъ, добрый малый. Онъ догналъ насъ въ Текучѣ и пока еще не привыкъ къ походу: часто отстаетъ. Ѣдимъ мы ужасно много; втроемъ съ нашимъ ротнымъ съѣдаемъ порядочный чугунъ каши и выпиваемъ цѣлый самоваръ чаю. Съ тѣхъ поръ, какъ кончились дожди, водка вышла изъ употребленія, но красное вино (10—15 коп. бутылка) потребляется въ страшномъ количествѣ.

Жары стоятъ больше 25°. Мы уже переодѣлись въ бѣлыя рубахи и штаны; на головѣ бѣлыя кэпи съ назатыльниками. Посылаю Р—ѣ свой портретъ, приблизительно нарисованный мною самимъ. Пусть она вамъ его покажетъ. До сихъ поръ не получилъ ниоткуда ни одного письма. Скучно не знать ничего о своихъ близкихъ. У Киля, къ счастью, оказалась карта Турціи, такъ что теперь мы все-таки идемъ не какъ слѣпые.

До свиданья, дорогая мама! Писалъ бы больше, но если бы вы знали, какъ неудобно писать. Пишу на колѣнѣ, сидя на землѣ, солнце жжетъ немилосердно. Да къ тому же несутъ обѣдать.

До свиданья, дорогая моя! Крѣпко цѣлую васъ. Всѣмъ поклонъ.

Вашъ В. Гаршинъ.

Въ Баньясѣ отпросимся въ городъ (Бухарестъ) и постараемся сняться въ полной походной формѣ.

V.

Баньясъ (около Бухареста). 1877, 1 іюня.

Дорогая мама! Маршрутъ намъ опять измѣнили: вмѣсто двухъ недѣль (получили ли вы мое нефранкированное письмо изъ Плоэшты?) мы пробудемъ въ Баньясѣ только четверо или пятеро сутокъ. Черезъ недѣлю будемъ на Дунаѣ.

Въ Плоэшты насъ смотрѣлъ государь, поэтому я не имѣлъ времени пойти съ бивака въ городъ на почту и передалъ письма къ вамъ и къ Р. безъ марокъ, Не знаю, дойдутъ ли они или нѣтъ.

Въ пыли и поту пришли мы къ Плоэшты, усталые, грязные. Но, когда войска стали подходить къ тому мѣсту, гдѣ на сѣромъ конѣ стоялъ государь, солдатъ нельзя было узнать, такъ они воодушевились. Государь здоровался съ каждой ротой, и какъ каждая рота кричала! Шли мимо него бодро, быстро, почти бѣгомъ. Онъ сильно измѣнился, постарѣлъ, поблѣднѣлъ. На его добромъ лицѣ было такъ много грусти, что всѣ солдаты замѣтили это и говорили: „Жалѣетъ онъ насъ! Видно, и у него воля не своя". Вообще, въ царя они влюблены. Вечеромъ онъ пріѣхалъ на бивакъ, чтобы еще разъ посмотрѣть насъ. Тутъ, между прочимъ, нашъ генералъ доложилъ ему о насъ съ Васей; мы до сихъ поръ не были зачислены, потому что штабъ дивизіи еще не догналъ насъ, и государь приказалъ насъ зачислить.

Жары стоятъ ужасныя, идемъ мы въ бѣлыхъ рубахахъ. Я просилъ бы васъ выслать мнѣ одну бѣлую холщевую (толстую) рубаху обыкновеннаго русскаго покроя (косоворотку), только не длинную. А то казенныя сдѣланы изъ какой-то бязи, которая рвется, да вдобавокъ сшита моя рубаха такъ, что воротъ не сходится.

Отъ васъ я получилъ одно письмо, съ новымъ адресомъ, отъ Р.—два, отъ Володи—два: спасибо друзьямъ, что не забываютъ. Ив. Ег. Малышевъ *) тоже прислалъ намъ письмо; мы будемъ просить, чтобы онъ выслалъ намъ за бандеролью прочитанные номера газетъ, хоть черезъ двѣ недѣли будемъ читать, а все-таки будемъ знать кое-что о Питерѣ и Россіи.

---

*) Старшій братъ извѣстнаго художника В. Е. Малышева, умершій въ 1872 г.

Сегодня ѣдемъ въ Бухарестъ по билету отъ ротнаго командира „по казенной надобности". Вообще же солдатъ пускаютъ туда съ большимъ трудомъ.

Это, вѣроятно, послѣднее письмо, которое вы получите отъ меня черезъ румынскую почту. Теперь придется писать черезъ военную, что и медленнѣе и неудобнѣе. Поэтому не придавайте особеннаго значенія тому, что мои слѣдующія письма будутъ, быть-можетъ, очень рѣдки.

Отъ насъ до Бухареста верстъ шесть; городъ, кажется, большой. Мы съ Васей снялись бы, да некому поручить взять наши карточки, а на фотографа надѣяться нечего. Вообще румыны извлекаютъ изъ насъ всевозможную пользу. Дерутъ немилосердно. Страна богатая, сѣнокосы роскошные, а за сѣно платить приходится 57 коп. пудъ.

Пишетъ ли вамъ Володя? Р. писала, что пишетъ.

Очень жалко, что корреспонденціи писать нельзя. Все-таки можно было бы получить порядочныя деньги. Впрочемъ, благодаря Ив. Ег. *), у насъ еще онѣ есть, и въ довольномъ количествѣ. Еще, по крайней мѣрѣ, полтора мѣсяца мы не будемъ ни въ чемъ нуждаться.

Послѣ смотра государя начальство (генералъ) сдѣлалось гораздо добрѣе и снисходительнѣе. Приказано было, какъ говорятъ, возможно облегчить людей. Походъ нашъ сдѣлалъ нашу дивизію одною изъ лучшихъ для боя частей войскъ. Одинъ переходъ мы сдѣлали въ 50 верстъ (прежде думали, что 45). Правда, многіе попадали, но потомъ подтянулись. Мы съ Васей ни разу не отстали даже. Вообще мое здоровье оказывается гораздо лучше, чѣмъ я думалъ.

Въ переходы по 70 верстъ я теперь рѣшительно не вѣрю. Они возможны развѣ только безъ ранцевъ.

Сейчасъ услышалъ (когда писалъ это письмо), что черногорцы на голову разбиты. Неужели это правда?

Драться будемъ хорошо. Солдатское настроеніе серьезное, спокойное; но никто изъ солдатъ не побѣжитъ,—за это я ручаюсь.

До свиданья, дорогая моя! Пишите по прежнему адресу, только „на ст. Унгени" не надо. Просто: въ полевой почтамтъ Дунайской дѣйствующей арміи. До свиданія! Цѣлую васъ и Женю.

Вашъ В. Гаршинъ.

VI.

8 іюня 1877, между Бухарестомъ и Александріею.

Дорогая мама!

Пишу вамъ изъ деревушки, названія которой не знаю. Опущу это письмо не раньше, какъ черезъ два или три дня, когда придемъ въ Александрію. Тамъ простоимъ неопредѣленное время. Можетъ - быть,

*) Малышевъ.

тотчасъ же двинутъ на Дунай, а можетъ-быть, такъ и останемся состоять при главной квартирѣ.

Отъ Баньяса походъ сдѣлался очень легокъ; переходы небольшіе (20, 10, 18, 8, 18, 8) и послѣ огромныхъ переходовъ въ 40 и 50 верстъ кажутся прогулками. Кромѣ того, выдали палатки, очень удобныя, французской системы. На одну палатку полагается 6 человѣкъ, которые ее и несутъ (на человѣка приходится фунта два). Мы помѣщаемся вчетверомъ (съ офицерами — Иваномъ Наз. и прапорщикомъ Сахаровымъ) въ большой офицерской палаткѣ. Вообще, намъ гораздо легче, чѣмъ солдатамъ: пища лучше, чаю пьемъ много. Съ тѣхъ же поръ, какъ выдали палатки, даже и не мокнемъ.

Да и вообще физическія непріятности вовсе не такъ велики, какъ вамъ кажется (судя по письмамъ). Я даже (для себя, конечно) не могу причислять ихъ къ страданіямъ. На расположеніе духа онѣ нисколько не дѣйствуютъ, а это главное.

Идемъ мы изъ Баньяса цѣлою дивизіей съ артиллеріею (всего больше 12 т. чел.). На нѣсколько верстъ растягивается отрядъ. Лучше всего, когда приходится быть въ авангардѣ: раньше выходимъ и раньше приходимъ на мѣсто.

Ваши письма пока я получаю аккуратно. Послѣднее было отъ 25 мая. Отъ Володи до сихъ поръ получилъ только одно письмо. Ему послалъ уже три; сегодня пишу четвертое. Отъ Р. получалъ письма аккуратно. Сегодня ей не пишу, потому что рѣшительно не знаю, возможно ли будетъ доставить его ей въ Старобѣльскѣ (въ Харьковѣ письмо уже не застанетъ ея). Неужели ей нельзя будетъ писать ко мнѣ изъ Старобѣльска?

Чемоданъ, который подарилъ Васѣ Малышевъ, ѣдетъ съ нами. Бѣлье ѣдетъ все, даже блуза. Уже черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Кишинева мы были пріятно изумлены, узнавъ, что подушки, одѣяло и пледъ тоже ѣдутъ съ нами. Спать намъ теперь отлично.

Непремѣнно напишите, получили ли вы и Р. мои нефранкированныя письма изъ Плоэшти (помѣчены: „Альбешти. 27 мая"). Послалъ я ихъ нефранкированными потому, что изъ-за смотровъ не было времени сходить въ городъ.

Изъ Баньяса мы съ Васей ходили въ Бухарестъ.

Городъ имѣетъ совершенно европейскій видъ,—по крайней мѣрѣ тѣ улицы, гдѣ мы были. Восточное осталось только то, что улицы узки и извилисты. Но зато прекрасныя мостовыя, газовое освѣщеніе, конно-желѣзная дорога, красивые дома, магазины. Чистота — какъ въ Петербургѣ.

Наши офицеры (нѣкоторые)—просто пропадали въ Бухарестѣ и, конечно, „наслаждались" всѣми способами.

Живя здѣсь, еще утверждаешься въ уже существующемъ отношеніи къ „неплательщикамъ" и „распоясовцамъ".

Съ послѣдними я въ наилучшихъ отношеніяхъ. Часто разговариваемъ о всевозможныхъ вещахъ. Недавно пришлось толковать устройство телеграфа: къ моему удивленію, мое объясненіе было понятно.

До свиданья, дорогая моя! Вѣрьте, мнѣ не такъ худо, какъ вы думаете. Да и страна значительно измѣнилась съ „временъ очаковскихъ". Итти намъ все-таки было не такъ дурно, какъ вашему полковнику: теперь вездѣ шоссе и отличные мосты (съ самаго Берлада пошло шоссе).

До свиданья, дорогая моя! Поцѣлуйте Женю. Крѣпко цѣлую васъ. Будете писать дядѣ Митѣ *)—поклонитель ему и бабушкѣ.

Васъ любящій Всеволодъ Гаршинъ.

Пишите: будете ли вы переписываться съ Р., покуда она будетъ въ Старобѣльскѣ?

P. S. Вася кланяется. Купаясь въ Баньясѣ, онъ укололь пятку,—у него теперь нарывъ. Поэтому съ Ваньяса онъ ѣдетъ въ лазаретной фурѣ.

12 іюня. Александрія.

(На томъ же листкѣ).

Только сегодня могу послать вамъ письмо, дорогая мама. Отъ Бухареста до Александріи мы шли цѣлыхъ 6 дней, и въ это время послать не было возможности. Мы пришли сюда вчера; думали, что великій князь будетъ смотрѣть насъ, но уже не застали его здѣсь: онъ уѣхалъ со всѣмъ штабомъ. Куда—не знаемъ. Не знаемъ также, когда выйдемъ отсюда, но по всему кажется, что скоро.

Куда—тоже не знаемъ.

До Дуная, какъ вы можете видѣть на картѣ, отсюда недалеко, всего верстъ 25. Многіе говорятъ, что слышатъ ночью пальбу; должно-быть, обманъ напряженнаго слуха. Сегодня поговариваютъ, что одинъ корпусъ уже перешелъ черезъ Дунай. Странно какъ-то: находишься въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ боя—и не знаешь ровно ничего, тогда какъ вы за двѣ тысячи верстъ узнаёте событія черезъ день или два.

Васина нога почти выздоровѣла.

Отъ Володи не получаю писемъ и не знаю, что̀ и думать. Писалъ я къ нему уже не разъ. Одинъ разъ писалъ къ Ал. Як. **). До свиданья, дорогая моя мама! Крѣпко цѣлую васъ и Женю.

Вашъ В.

Александрія — дрянной, маленькій городишко. Стоимъ мы, по обыкновенію, за городомъ, на огромномъ полѣ. Есть рѣка, въ которой я съ великимъ наслажденіемъ искупался.

P. S. Точный адресъ: Въ Унгенскую пограничную почтовую контору для доставленія въ дѣйствующую армію и т. д.

---

*) Дм. Ст. Акимовъ, братъ матери Вс. Гаршина. Герой Синопа и Севастополя. Въ 1879 г. застрѣлился.

**) Александръ Яковлевичъ Гердъ.

VII.

Лагерь около Систова, 1877 г. 19 іюня.

Дорогая мама! Живъ и здоровъ, пишу нѣсколько строчекъ. Мы перешли чрезъ Дунай 15 и 16 іюня. 15 пришли въ Зимницу, тотчасъ по окончаніи боя. Позиціи ужасны; непонятно, какъ возможно было ихъ взять.

Мы стоимъ бивуакомъ на мѣстѣ атаки 14-й дивизіи, пластуновъ и конвоя. Турокъ уже зарыли,—но мы еще застали цѣлыя кучи убитыхъ. Сегодня кончатъ (вѣроятно, мостъ).

Прошлую ночь ходили на позицію; говорятъ, турки хотѣли атаковать нашъ лагерь. Были увѣрены, что будемъ драться, — но „они" ушли. Сейчасъ выступаемъ на другое мѣсто, верстъ за 6 отъ Дуная. Наступленіе, кажется, еще не скоро.

До свиданья! Цѣлую васъ крѣпко.

Р. поклонъ. Если будете писать Володѣ, сообщите обо мнѣ. Писать рѣшительно некогда.

Вашъ В. Г.

Уже давно не получаю писемъ. Отъ Володи совсѣмъ нѣтъ. Отъ Р. тоже нѣтъ.

Турки обезображены ужасно. Все штыковыя раны и прикладомъ. Нашихъ тоже перестрѣляли много.

Не писалъ раньше потому, что вещи были на той сторонѣ, и не было бумаги.

21 іюня.

(На томъ же листкѣ).

Позиція наша за 20 верстъ отъ Дуная. Сегодня посылаютъ въ Систово, и я пользуюсь случаемъ послать письмо. Мы очутились въ крайнемъ авангардѣ. Большой, сильный отрядъ,—кажется, до 100 пушекъ. Турки не показываются, и нигдѣ близко ихъ нѣтъ.

Вася проситъ васъ написать Володѣ, чтобы онъ извѣстилъ Алексѣя Назар. *) и Дроботухина **) хоть письмомъ (Дворцовая набер., театральное зданіе Зимняго дворца) о насъ. Прошу Володю исполнить это для меня, такъ какъ тогда почти всѣ наши знакомые будутъ знать о насъ.

Хотя въ бою мы не были, но чувство передъ боемъ я испыталъ. Въ ночь на 18-е мы были увѣрены, что будемъ драться. Ничего, не струсилъ, только волненіе, сердце бьется чаще, и ноздри раздуваются.

---

*) Аѳанасьевъ же.

**) Мужъ сестры Аѳанасьевыхъ.

Государь, видимо, желаетъ, чтобы потери людьми были какъ можно меньше; поэтому мы идемъ не скоро, но вѣрно. Болгары въ Систовѣ встрѣтили нашихъ пластуновъ съ восторгомъ, со слезами. Маленькія дѣти кидались имъ на шею.

Два дня передъ переправой и день послѣ нея мы очень мало ѣли: мяса не было. Теперь рѣжемъ турецкій скотъ и ѣдимъ ужасно.

Какая страна, какая природа! Виноградъ, абрикосы, персики, миндаль, грецкій орѣхъ. Всего много. Можно было бы устроить здѣсь рай земной; а что̀ дѣлается теперь!

Хотѣлось бы мнѣ прочесть въ газетахъ о Систовскомъ дѣлѣ.

Видѣлъ Драгомирова тотчасъ же, какъ государь надѣлъ ему Георгія на шею. Солдаты его дивизіи обожаютъ его. Видѣлъ и государя и всѣхъ. Они ѣхали въ Систово, а мы стояли шпалерами. За царемъ везли бѣлое знамя съ голубымъ крестомъ и надписью: „съ нами Богъ“. Не знаю, что̀ это за знамя.

Словомъ, все идетъ хорошо—и, вѣроятно, недолго ждать рѣшительнаго побіенія Высокой Порты.

Убитые турки — рослые ребята, сытые и толстые. Раны на нихъ жестокія: у одного четверть черепа снесено прикладомъ. Ружья ихъ изогнуты дугою: такъ дрались наши! Наши, бывшіе въ бою, говорятъ, что только наше „ура“ помогло. Позиція — неприступная; огонь турки открыли такой, что отдѣльныхъ выстрѣловъ не было слышно. И если бы не шли въ штыки, то всѣхъ бы перебили.

До свиданья, дорогая моя мама! Пишите, пожалуйста, Володѣ обо мнѣ. Ему рѣшительно не могу писать. Едва успѣваю написать и одно письмо. Р. поклонъ. Каково ей въ Старобѣльскѣ? Господи, какая будетъ радость, когда я васъ всѣхъ увижу! Поцѣлуйте Женю. Поклонитесь Матильдѣ Борисовнѣ, ея родителямъ и всѣмъ знакомымъ.

До свиданья, дорогая моя! Не придавайте большого значенія рѣдкости моихъ писемъ. Отсюда писать очень трудно.

Володѣ не пишите, чтобы онъ сообщилъ Дроботухину, а лучше перешлите прилагаемую записку прямо Маврѣ Ѳедоровнѣ*) (Галерная, 49). Если васъ не затруднитъ, прибавьте къ письму нѣсколько строкъ подробностей изъ моего письма. До свиданья, моя дорогая! Вася кланяется. Черезъ В. передайте поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ.

24 іюня 1877 г.

(Въ томъ же конвертѣ).

И 21-го я не могъ послать письма. Сегодня уже навѣрное могу послать его.

Сообщаю маленькій *дневникъ*. — 15-го пришли въ Зимницу, по

---

*) Мать Аѳанасьевыхъ.

окончаніи боя, мама, подробности котораго вамъ, конечно, извѣстны черезъ газеты. Ночь на 16-е провели на островѣ Дуная, и нельзя сказать, чтобъ особенно удобно. Въ 12 ч. дня 16 іюня переѣхали черезъ Дунай на баржѣ, на буксирѣ парохода «Annette». Видѣли маленькій миноносецъ, подъ командою какого-то гардемарина съ Георгіемъ: должно-быть, изъ компаніи Шестакова. Молодецъ: когда мы отчалили отъ румынскаго берега и онъ остался у насъ на бортѣ, не успѣвъ сойти на берегъ, и когда пароходъ былъ саженяхъ въ 4 отъ берега, онъ соскочилъ прямо въ воду и поплылъ. — 17-го ничего не ѣли (это въ нѣкоторой степени относится и къ предыдущему дню). Ночь на 18-е—ходили кругомъ Систова, и все бѣгомъ. Продрали верстъ 20 по горамъ, турокъ не нашли. Но и голодъ и страшная усталость вполнѣ были вознаграждены для меня видомъ на Дунай съ вершины горы за Систовымъ. Никогда не забуду этой картины. Еще вдобавокъ солнце только-что всходило. 18-го—ѣли и спали; ѣли, между прочимъ, компотъ (собственноручно мною изготовленный) изъ абрикосовъ и супъ изъ буйвола. 19-го пошли впередъ. Вылѣзли верстъ за 10 впередъ за цѣпь, ночью, въ незнакомой мѣстности, безъ конницы и пушекъ. Ушли назадъ за цѣпь и переночевали. Утромъ 20-го, поѣвъ кашицы, въ 5 ч. утра вышли по той же дорогѣ и дошли до позиціи, о которой я писалъ отъ 21 числа.

Здѣсь собрались: наша дивизія, 4 батальона стрѣлковъ, 200 пластуновъ, куча артиллеріи, гусары, казаки. Все это составило авангардъ арміи. Здѣсь стояли до 22-го, потомъ опять вышли влѣво, прошли день, ночевали въ полѣ, при чемъ мы (наша рота) всю ночь не спали, стоя на часахъ въ цѣпи. Это очень трудно. Спать хочется, да къ тому и вѣтеръ былъ жесточайшій. Ночь черная, какъ сажа, ничего не видно, даже сосѣдняго поста. Но турки были далеко и насъ не безпокоили. Вчера, 23-го, пришли сюда, въ деревню „Общая могила“. Кажется, къ ю.-з. отъ Систова.

Турки все уходятъ и уходятъ. Наши гусары (эскадронъ) наткнулись третьяго-дня на сильный отрядъ, посмотрѣли и ушли. Отрядъ тоже ушелъ сейчасъ же. Вѣроятно, они хотятъ засѣсть въ Балканахъ, занявъ сильную позицію. До тѣхъ поръ боя навѣрно не будетъ.

Болгары рады ужасно. Проходимъ черезъ деревню — всѣ мужчины сбѣгаются здороваться. Даже руки жмутъ.

Деревня, гдѣ мы стоимъ, наполовину черкесская, наполовину болгарская. Черкесовъ, конечно, и духу нѣтъ. Ихъ хаты наша дивизія жжетъ на дрова.

Совсѣмъ забылъ написать: ваши письма я получаю аккуратно, только не скоро. Ваши письма я получилъ *всѣ:* 3 послѣднія были отъ 7, 9 и 11 іюня, и получилъ я ихъ разомъ. Отъ Р. послѣднее было отъ 8.

Рубашекъ, чаю и холста я до сихъ поръ не получалъ. Деньги вы, право, напрасно посылаете; у насъ съ Васей еще и прежнія не вышли. Въ Румыніи еще тратились, а здѣсь съ 16-го числа я и двухъ франковъ

не истратилъ. Питаетъ насъ Иванъ Назарычъ. Чай же очень пригодится, солдатамъ выдаютъ русскій, а здѣсь — англійскій; въ Румыніи былъ французскій — отвратительный. Впрочемъ, у насъ до сихъ поръ есть еще чай „Василія Перлова". До свиданья, дорогая моя! Цѣлую васъ и Женю. Р. пишите, пожалуйста. До свиданья!

Васъ любящій горячо В. Гаршинъ.

Отъ Володи писемъ нѣтъ и нѣтъ.

Сегодня ночью приснились мнѣ Володя и вы въ Петербургѣ. Какая-то суматоха, сумятица. Странно, что мнѣ могъ присниться сонъ: простоявъ предыдущую ночь въ цѣпи да еще сдѣлавъ небольшой переходъ, я страшно усталъ.

25 іюня.

Нарочно распечаталъ письмо. Сейчасъ оно пойдетъ. Письма буду писать теперь каждыя двѣ недѣли. Чаще не будутъ отправлять изъ нашей дивизіи.

Сейчасъ вернулся изъ деревни „Общая могила", названной такъ въ память истребленія болгаръ въ 1852 г. Здѣсь было до 70 домовъ черкесовъ, татаръ, абхазовъ и пр. Все это бѣжало, предварительно въ конецъ разоривъ болгаръ. Что они разсказываютъ — просто ужасъ (половину ихъ рѣчи можно понять). Я самъ видѣлъ одного болгарина, израненнаго въ трехъ мѣстахъ.

До свиданья, цѣлую васъ, дорогая моя!

Если возможно, пусть Ганъ *) пропишетъ опіуму сухого, и столько, чтобъ его хватило унца на четыре тинктуры, и сказалъ бы, какъ растворить.

Если вы вышлете его намъ, то спасете многихъ солдатъ отъ поноса, а можетъ-быть, и хуже. Мы съ Васей уже почти истратили капли, купленныя въ Кишиневѣ, Бухарестѣ и Александріи. Каждый день солдаты просятъ, и скоро давать будетъ нечего. Въ лазаретѣ же трудно добиться помощи, если не серьезно боленъ. Между тѣмъ не захваченный поносъ ведетъ къ *дурнымъ послѣдствіямъ*.

VIII.

2 іюля 1877 г.

Коссова, 10 верстъ къ югу отъ Бѣлы, на р. Янтрѣ.

Пишу вамъ нѣсколько строкъ, такъ какъ письмо надо отдавать. Живъ и здоровъ. Вася тоже. Въ дѣлѣ не были. Турки все уходятъ. Сидимъ на мѣстѣ: переходы маленькіе. Посланныхъ вами вещей еще не получили. Времени писать больше рѣшительно нѣтъ. До свиданья, дорогая моя! Крѣпко цѣлую васъ и Женю. Будете писать Р. — поклонитесь.

Васъ любящій В. Г.

---

*) Ѳед. В. Ганъ — д-ръ медицины въ Харьковѣ, въ домѣ котораго мы жили.

IX.

Рущукскій отрядъ, 20 іюля 1877 г.

Дорогая мама! Живъ и здоровъ. Письмо нужно отдавать сейчасъ же. Вася кланяется. Послѣзавтра—большое письмо. Цѣлую васъ.

В. Г.

X.

Бивакъ у деревни Коцелево, верстъ 10 къ востоку отъ рѣки Кара-Лома. 21 іюля 1877 г.

Вчера я послалъ вамъ нѣсколько строкъ, потому что офицеръ, ѣхавшій на почту, уже собрался, когда я узналъ, что будетъ „оказія". Вы, вѣроятно, знаете о боѣ 14-го іюля, въ которомъ участвовали роты нашего и Нѣжинскаго (137-го) полка. Въ бою были 1-я, 2-я, 6-я и двѣ стрѣлковыя роты (7-я и 8-я стояли въ резервѣ), а съ нѣжинцами всего было въ дѣлѣ 9 ротъ. Турокъ было, говорятъ, до 5.000, и на сильной позиціи. Несмотря на то, они побиты, Азисъ-паша и полковникъ-венгерецъ (у него на клинкѣ я самъ видѣлъ надпись: Patrona Hungariae Virgo Maria). Убитыхъ множество. Наши потери тоже немалы: 2-я стрѣлковая рота потеряла убитыми и ранеными 52 человѣка! Правда, она пострадала больше другихъ.

Здѣсь были лучшія турецкія войска, вооруженныя превосходными ружьями (Пибоди и Мартини). Патроновъ они не жалѣли до того, что на позиціи прямо стояли цинковые ящики съ патронами.

Въ то время, когда былъ бой, наша рота стояла на аванпостахъ въ другой сторонѣ нашего бивуака. Съ нашего главнаго караула мы видѣли, какъ ушелъ нашъ батальонъ, и скоро услыхали выстрѣлы (турки были за 12—15 верстъ, на самомъ Рущукско-Разградскомъ шоссе). Если бы тревога случилась часомъ позже, мы были бы смѣнены шестою ротой и пошли бы въ бой. Вмѣсто этого мы остались на аванпостахъ на вторыя сутки, а потомъ, когда пришли измученныя роты, бывшія въ дѣлѣ, остались стоять и третьи сутки. Это было очень тяжело.

Турки были разбиты, но наши не остались на позиціи, а ушли, сначала на свой бивуакъ (гдѣ остались мы), а потомъ и сюда, въ Коцелево. Отсюда нашъ батальонъ ходилъ на мѣсто боя (верстъ 20—22) убрать мертвыхъ, и я видѣлъ не особенно красивую картину. Турки—огромный народъ, жирные и еще болѣе раздулись отъ лежанья на жарѣ. Зловоніе ужасное. Но мы были вознаграждены за все—*нашли раненаго. Пять сутокъ* лежалъ онъ въ кустахъ съ перебитой ногой. Нѣсколько разъ турки ѣздили мимо него, но не замѣчали. Наконецъ 19-го іюля, черезъ пять дней послѣ боя, наша 6-я рота набрела на несчастнаго. Его подняли и принесли въ Коцелево. Жизнь его внѣ опасности. Вотъ ужъ именно спасшійся чудомъ!

Теперь, кажется, намъ долго еще не придется быть въ дѣлѣ. Не бойтесь за меня, дорогая мама! Кажется, я и вернусь, не побывавъ подъ пулями: видно, не судьба!

Вчера мы получили ваше письмо на имя Васи, но письма съ 60 р., о которомъ вы упоминаете, еще нѣтъ. Зачѣмъ вы посылаете мнѣ такъ много? Если не хотите огорчить меня, пожалуйста, не дѣлайте этого. Деньги здѣсь рѣшительно ни на волосъ не увеличиваютъ удобствъ. Все, что можно на нихъ сдѣлать, это купить по страшной цѣнѣ водки, колбасы (4 фр. фунтъ самой скверной) или рахатъ-лукуму (12 фр. коробка) у нашего маркитанта. А между тѣмъ вы лишаете себя многаго, посылая мнѣ ничего не стоящія для меня деньги.

Мы ходили на мѣсто боя двое сутокъ и въ это время ѣли только сухари да еще сливы (4 сорта и отличныя) и медъ, найденный въ пустой болгарской деревнѣ. Была и птица, по не въ чемъ было ее сварить, такъ какъ мы, выйдя налегкѣ, не взяли съ собой котелковъ. Да и некогда было. Этихъ неудобствъ деньгами не устранишь.

Съ нетерпѣніемъ жду вашего письма съ деньгами, но не изъ-за нихъ. Въ письмѣ на имя Васи вы говорите, что письмо съ деньгами большое, я и жду въ немъ разныхъ подробностей.

Что подѣлываетъ Женя? Не найдетъ ли онъ минутки приписать ко мнѣ нѣсколько строкъ?

Отъ Володи наконецъ получаю письма. Послѣднее было отъ 16-го іюля. Пишу и я къ нему, буду писать и сегодня.

Видно, мои нервы совершенно окрѣпли. По крайней мѣрѣ, видъ поля битвы (черезъ 5 жаркихъ дней послѣ боя) не произвелъ во мнѣ никакого „потрясенія“. Я даже былъ черезчуръ спокоенъ. Странно! Мнѣ кажется, что, если бы я увидѣлъ эти обезображенные оружіемъ и временемъ трупы нарисованными, или прочелъ бы описаніе ихъ à la Hugo или Эдг. Поэ, то болѣе бы „содрогнулся“. Наши убитые солдаты имѣютъ гораздо менѣе ужасный видъ. Ихъ меньше раздуло (худощавый все народъ), и лица ихъ не такъ искажены.

До свиданья, моя дорогая мама! Вѣрьте, какъ вѣрю я, что оно будетъ. Война недолго протянется—ужъ плохо приходится туркамъ. Если война кончится раньше 1-го декабря (нашъ срокъ службы), то я переведусь въ Харьк. губ. батальонъ и дослужу тамъ свой срокъ, а потомъ—въ Питеръ. И тамъ буду работать не попрежнему, уже не стѣсняясь никакими программами и не будучи обязаннымъ сидѣть за пробирными искусствами и гидравликами.

До свиданья, дорогая моя! Крѣпко, крѣпко цѣлую васъ. Женю тоже. Всѣмъ поклоны.

В. Гаршинъ,

Послано 22 іюля.

XI.

Ковачица, 29 іюля 1877 г.

Дорогая моя мама, я думаю, васъ смущало мое двухнедѣльное молчаніе (до письма отъ 22-го іюля). Повѣрьте, что въ этомъ я нисколько не виноватъ; я пользуюсь всякимъ удобнымъ и не совсѣмъ удобнымъ случаемъ, чтобы написать вамъ письмо. Но такіе случаи не часты.

Писемъ я теперь пишу множество — солдатскихъ. Какъ только мы располагаемся на одномъ мѣстѣ, сейчасъ же просьба за просьбой. Конечно, никому не отказываешь, но писемъ очень много.

Вы знаете изъ газетъ (вѣроятно) положеніе 13-го корпуса и можете судить, что наше положеніе не изъ опасныхъ. Пока вы не прочтете въ газетахъ, что 35-я дивизія (и именно Болховской полкъ) участвовала въ дѣлѣ, вы можете быть совершенно спокойны за меня. А имя части, бывшей въ дѣлѣ, всегда пишется. Еще вы, вѣроятно, не знаете, что 5-я рота находится во 2-мъ батальонѣ.

Жизнь наша течетъ обыкновенною (если можетъ быть въ подобной обстановкѣ что-нибудь обыкновенное) колеею. Ничего не дѣлаемъ, ходимъ на аванпосты, переходимъ иногда съ мѣста на мѣсто. Наша бригада (Болховской и Нѣжинскій 137-й полки) съ артиллеріею—въ резервѣ отряда. До насъ, стало-быть, чередъ не скоро дойдетъ.

Не желая терять времени даромъ, я понемногу пописываю. Писать, жаль, не часто приходится, а все дѣло въ *механическомъ* писаніи, потому что въ головѣ такъ много приготовлено за длинные переходы. Идешь и думаешь, думаешь.

Если бы образованіе было совмѣстно съ физическимъ трудомъ, оно было бы гораздо плодотворнѣе. Лучшее время для размышленія—когда тѣло занято трудомъ. Отъ этого, быть-можетъ—нравственное и умственное превосходство (въ большинствѣ случаевъ) простого народа надъ малограмотными писарями, лакеями, швейцарами и т. п.

Однако я философствую.

Во мнѣ явилась совершенная увѣренность въ томъ, что я благополучно вернусь. Если это будетъ такъ, я не пожалѣю, что пошелъ воевать. Столько новаго узналъ я, такъ измѣнилось мое отношеніе къ различнѣйшимъ предметамъ! Относительно „красноты“ я пошелъ еще дальше въ прежнемъ направленіи. Я ясно созналъ теперь громадность міра, съ которымъ пытается бороться кучка людей. И этотъ міръ ея знать не хочетъ! И, быть-можетъ, только сама кучка, да родственники и знакомые ея членовъ, да административный контингентъ, назначенный для ея обузданія—знаютъ объ ея существованіи. Какъ хочетъ В...., а я не могу возвести всего этого въ „явленіе“.

Солдаты съ нами (особенно со мною) въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Не скрою, что это льститъ моему самолюбію, тѣмъ болѣе, что

расположенія солдатъ не добиваюсь никакими „подкупательными" средствами, кромѣ развѣ писанья писемъ. Между ними есть нѣсколько истинно-хорошихъ людей.

Живемъ мы понемногу, питаемся большею частью гусями, которыхъ въ Болгаріи множество, да сухарями, такъ какъ хлѣба достать трудно. Впрочемъ, солдаты ухитряются собирать пшеницу (которая давно готова, но отъ военной неурядицы не жнется), молотить ее палками, молоть на мѣстныхъ „воденицахъ" (мельницы, — здѣсь вѣтряковъ нѣтъ, но маленькія водяныя мельницы, такъ какъ ручьевъ множество и всѣ текутъ съ большой высоты), а то и просто двумя камнями, и печь лепешки. Фрукты уже поспѣли,—сливы, груши. Яблоковъ мало, абрикосы отошли. Есть еще кизиль, ежевика. Груши и яблоки и нѣкоторыя породы сливъ растутъ просто въ полѣ, дичкомъ. Вчера вся наша палатка (Иванъ Назар., Вася, Вас. Плат. Сахаровъ и я), кромѣ меня, объѣлась грушами до желудочнаго разстройства.

Турки отъ насъ верстахъ въ 10—12. Изрѣдка 1-я дивизія и наша 2-я бригада имѣютъ съ ними маленькія стычки; мы же стоимъ спокойно и будемъ двинуты, если Солейманъ перейдетъ въ наступленіе отъ Разграда.

Каждый почти вечеръ видно зарево далекихъ пожаровъ: то турки жгутъ болгарскія деревни. При этомъ рѣжутъ болгаръ нещадно. Несчастный народъ! Дорогой выкупъ заплатитъ онъ за свою свободу. Безконечныя нивы, перебѣгающія съ холма на холмъ, стоятъ неубранными и уже полегли. Рожь (которую здѣсь сѣютъ на 1/2 съ пшеницей) высыпается. Какой урожай! Если такой бываетъ каждый годъ, то наша Малороссія, какъ „житница", Болгаріи и въ подметки не годится.

Чѣмъ дальше отъ Дуная, тѣмъ меньше посѣвовъ кукурузы, самаго подлаго хлѣба, а все пшеница.

И все это пропадаетъ даромъ,—развѣ наши солдатики понапекутъ себѣ лепешекъ. А какой бы здѣсь можно было завести рай!

До сихъ поръ я не получалъ отъ васъ письма съ деньгами, о которыхъ вы писали въ письмѣ къ Васѣ. Что это значитъ? Вообще наша военная почта неисправна.

До свиданья, голубушка моя! Крѣпко васъ цѣлую. Женю цѣлую. Всѣмъ поклонъ.

Пишите мнѣ, Бога ради, объ Р. Вѣдь съ 11 іюня я не имѣю объ ней никакого извѣстія. Съ слѣдующимъ письмомъ къ вамъ пошлю письмо и ей. Къ тому времени, какъ оно придетъ, быть-можетъ, она уже будетъ въ X.

До свиданья! Цѣлую васъ. Пишите.

P. S. Сообщу объ нашихъ офицерахъ, кромѣ ротнаго командира. У насъ два субалтерна: подпоручикъ Сахаровъ I и прапорщикъ Сахаровъ II. Они не братья и даже не родственники. Сахаровъ I—атлетъ тѣломъ, голубь душой и левъ отвагой. Очень хорошій, добрый человѣкъ.

Сахаровъ II — большой кисляй, годный развѣ на затычку въ какомъ-нибудь департаментѣ. Впрочемъ, добрая душа, но глупъ до чрезвычайности. Теперь его нѣтъ; его отправили еще 10-го іюля изъ Черницы въ Систово за солью, и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху ни духу.

Сахаровъ I—Василій Платоновичъ—кончилъ курсъ въ семинаріи и промѣнялъ орарь иподьякона на сабельку армейскаго офицера. Сахаровъ II—Александръ Мих.—нигдѣ, кромѣ юнкерскаго училища, курса не окончилъ.

P. S. Не думайте, что я пишу „вѣчнымъ" перомъ. Оно давно истощилось.

XII.

Дорогая мама! Вчера я получилъ письмо отъ васъ и Р. Въ Копелевъ Вася получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ говорилось, что мнѣ выслано 60 р. Письма съ этими 60 р. я до сихъ поръ не получилъ. Не думаю, чтобы оно пропало. Вѣроятно, застряло гдѣ-нибудь. Но меня интересуетъ самое письмо—во-первыхъ, потому, что оно, какъ вы пишете, большое, а во-вторыхъ, Р. пишетъ мнѣ, между прочимъ, что „имѣнье продано". Между тѣмъ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ объ этомъ ничего не сказано, конечно, потому, что въ письмѣ съ деньгами сказано все, что касается до этого дѣла. Имѣйте это въ виду; въ вашемъ слѣдующемъ письмѣ я просилъ бы васъ повторить содержаніе письма съ деньгами.

Живемъ мы благополучно изо дня въ день. Скука ужасная, сидимъ на мѣстѣ, ждемъ турокъ изъ Разграда. Пойдутъ ли они на насъ, чтобы сбить нашъ отрядъ и прорваться къ Тырнову, или убоятся, не знаю. Должно-быть, струсятъ, хотя числомъ ихъ, вѣроятно, больше.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы пишете, что вы знаете изъ газетъ о нашемъ мѣстопребываніи на „знаменитомъ Коссовскомъ полѣ". Это вовсе не то Коссово. Знаменитое Коссово поле отъ этого верстъ 200—300, въ Старой Сербіи.

Нѣсколько дней назадъ у насъ шли проливные дожди. Въ первую ночь пришлось жутко, потому что въ палатку подтекло, и насъ вымочило насквозь. Утромъ окопали палатку, высушились и потомъ благополучно спали совершенно сухіе. Что бы это было безъ палатокъ? Впрочемъ, намъ пришлось мокнуть и безъ палатокъ сначала, до Бухареста.

Здоровье наше (т.-е. войска) пока ничего себѣ. Есть больные, но не то чтобъ очень много. Большею частью болѣютъ поносомъ, но серьезной формы болѣзни пока еще не бывало. У турокъ въ Разградѣ, говорятъ, кровавый поносъ.

Отъ сидѣнья на мѣстѣ и ничегонедѣланія офицеры дуются въ карты, пьютъ. Конечно, не всѣ практикуютъ и то и другое занятіе, но каждый непремѣнно избралъ себѣ одно изъ нихъ. Генералитетъ нашъ доходитъ до того, что вчера плясалъ канканъ подъ звуки полкового

оркестра! Представьте кадриль: три полковника и генералъ! Всѣ лысые... А кругомъ цѣлая куча „нижнихъ чиновъ“ любуется поучительнымъ зрѣлищемъ. У меня все нутро перевернуло. Такъ и вспомнились слова А. И.:

„Солдатъ нашъ грудью бралъ“...

Да что̀! Писать много нельзя. Что̀ хотѣлось бы передать, то можно передать только лично.

Вчера же получилъ отъ Миши Малышева письмо такого содержанія: „Ѣду охотникомъ. Разскажу все по пріѣздѣ. М. М. 12 іюля, СПБ.“. Больше ничего. Онъ еще раньше писалъ намъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ армію. Ему ѣхать—это совершенная глупость. Долго было бы объяснять вамъ—почему. Воинской повинности онъ не подлежитъ. Ждемъ его, конечно, съ нетерпѣніемъ, но въ то же время, конечно, и съ огорченіемъ.

Скоро кончится война или нѣтъ, вамъ лучше знать, такъ какъ вы во̀-время читаете газеты. Но мнѣ кажется, что скоро. Ахъ, какая будетъ радость, когда я всѣхъ васъ увижу! Дорогая моя мама! Вѣрьте, что я вернусь живой и бодрый. Если имѣніе дѣйствительно продано, уѣдемъ въ Петербургъ, тамъ найдемъ себѣ дѣло.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы изъ Россіи. Три мѣсяца тому назадъ я прыгалъ черезъ канавку у пограничнаго кордона. Какъ много значитъ эта канавка! Сколько осталось за ней дорогого! И здѣсь, въ этой роскошной странѣ, гдѣ и тепло и сыто, и виноградъ растетъ—я ни за что не остался бы.

Иногда ужасно тянетъ въ Россію. Не говоря о томъ, что тянетъ къ своимъ, просто хочется увидѣть самую землю-то русскую.

До свиданья! Цѣлую васъ и Женю. Кланяйтесь всѣмъ. Людвигу Ивановичу *) низкій поклонъ. Спасибо, что не забываетъ меня.

До свиданья, мама.

Васъ любящій В. Г.

XIII.

Ковачица, 9 августа 1877 года.

Дорогая мама! Сейчасъ переходимъ куда-то въ другое мѣсто, — кажется, недалеко. Не зная навѣрно, можно ли будетъ оттуда посылать письма, пишу эти нѣсколько строкъ. Все благополучно, ничего особеннаго не случилось. Поцѣлуйте Женю, Р. поклонъ. Рѣшительно не могу написать ей ни строчки: сейчасъ надѣваемъ ранцы.

До свиданья! Цѣлую васъ.

В. Г.

---

*) Л. И. Прохаско, харьковецъ. Въ настоящее время (1895) инженеръ путей сообщенія.

XIV.

35-й дивизіонный лазаретъ въ Водицѣ.
12 августа 1877 года.

Дорогая мама! Я *легко раненъ* при Аляскарѣ, 11-го августа. Рана пулей въ ногу повыше колѣна, по поперечному діаметру. Пуля прошла такъ счастливо между костью и артеріей, что не задѣла ни той ни другой. Опасности нѣтъ никакой, даже для ноги.

Сегодня ѣдемъ въ Бѣлу, оттуда въ Систово и т. д. до Россіи.

Увидимся, быть-можетъ, черезъ мѣсяцъ.

О боѣ не пишу, было бы долго, да и изъ газетъ знаете. О себѣ скажу, что дрался я хорошо, даже выше своего ожиданія, Вася тоже. Онъ и братъ живы и цѣлы. До свиданья, дорогая моя! Р. и Женю цѣлую.

Вашъ Всеволодъ.

Прилагаемое поскорѣе перешлите Володѣ. У насъ въ ротѣ 14 раненыхъ и 3 убитыхъ.

XV.

Бѣла. 56-й военно-временный госпиталь.
16 августа 1877 года.

Дорогая мама! Вы, вѣроятно, уже получили письмо съ извѣстіемъ о моей ранѣ. Попробую разсказать, какъ было дѣло.

Наша бригада (137-й и 138-й полки) стояла въ Ковачицѣ въ качествѣ резерва. 9-го августа насъ (2-й и 3-й батальоны нашего полка) выдвинули впередъ въ Папкіой. Здѣсь уже нѣсколько дней происходили небольшія дѣла, такъ что почти всѣ войска 13-го корпуса (кромѣ насъ) были въ стычкахъ.

10-го завязалось серьезное дѣло.

Аляскаръ — деревушка около рѣчки Кара-Ломъ. Лѣвый (нашъ) берегъ спускается къ руслу рѣчки холмистою покатостью; на правомъ, турецкомъ — значительныя высоты. Турки засѣли на нихъ. Они все прибывали и прибывали. Сначала наши дѣйствовали только артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, но вечеромъ (луна свѣтила во всю физіономію) пошли въ атаку на крутѣйшую гору, вышиною въ нѣсколько десятковъ саженъ (на самой вершинѣ гора такъ крута, что когда меня тащили на носилкахъ, то ихъ пришлось поставить на склонъ и стаскивать: нести было нельзя).

Въ это время нашъ и 3-й батальонъ Болховскаго полка лежали въ 1½ — 2 верстахъ отъ позиціи въ резервѣ. Намъ очень ясно было видно по огнямъ выстрѣловъ, какъ турецкая цѣпь подымалась выше и выше. Наши наступали снизу, очень рѣдко стрѣляя. Турки не жалѣли патроновъ. Залетная пуля доставала и до насъ: цѣлую ночь онѣ пѣли мимо нашихъ ушей. Непріятно лежать и не шевелиться, когда каждую

секунду слышишь такое пѣніе. Одному солдату такая пуля попала прямо въ сердце, нѣсколько человѣкъ было ранено. Въ нашей ротѣ разбило барабанъ. Можете судить, какія у турокъ ружья; пули дѣйствительны на $1^1/_2$ версты!

Турецкіе выстрѣлы начали вспыхивать уже на самой вершинѣ горы. Послышалось „ура!". Огоньки скрылись за горой, но трескъ выстрѣловъ не прекратился, потому что сбитые турки заняли слѣдующую высоту. Тутъ прекратила свое дѣйствіе наша артиллерія, такъ какъ ей пришлось бы стрѣлять черезъ высокую гору и не зная, куда полетятъ гранаты: въ своихъ или въ турокъ.

Софійцы держались на гребнѣ до утра. На разсвѣтѣ насъ повели имъ на смѣну.

Пули свистѣли чаще, лѣзть въ гору было тяжело, высоко. Однако мы вскарабкались, прошли съ четверть часа по гребню и выскочили изъ кустовъ на открытое мѣсто. Никогда я не забуду той картины, которая представилась намъ. Позади гребня оказалась лощина, за которою опять подымалась возвышенность. За той — еще и еще. Низъ лощины и противоположный намъ склонъ ея весь бѣлѣлъ и дымился. Это стрѣляли турецкіе стрѣлки. Гребень противной намъ высоты былъ покрытъ войсками. Тамъ стояли и пушки.

Мы разсыпались въ цѣпь передъ курганомъ, возвышавшимся на гребнѣ. Пули свистѣли такъ, что отдѣльныхъ взвизговъ не было слышно: все слилось въ общее шипѣнье. Люди изрѣдка падали. Мы вообще стрѣляли очень рѣдко и, какъ я замѣтилъ на себѣ и другихъ, очень тщательно прицѣливались.

Восемь орудій на другой сторонѣ лощины, до сихъ поръ стрѣлявшихъ не въ насъ, вдругъ начали пускать гранаты, прямо въ нашу цѣпь (съ разстоянія 1.200—1.300 шаговъ). Гранаты не такъ истребительны, какъ пули, но нравственное дѣйствіе производятъ очень сильное. Пуфнетъ дымъ бѣлымъ шаромъ, издали слышенъ визгъ, а когда граната пролетитъ мимо, онъ переходитъ въ какой-то скрежетъ. Хуже всего—это разрывъ; если близко, оглушитъ, засыплетъ землею, которая, какъ фонтаномъ, брызжетъ на нѣсколько саженъ и въ стороны. Одна разорвалась передо мною шагахъ въ шести: я легъ ничкомъ, и вся масса обломковъ, картечи и земли пронеслась надъ моею спиной. Вообще пушки стрѣляютъ замѣчательно мѣтко.

На другомъ склонѣ показалась колонна. Она бѣжала внизъ, въ лощину, непрерывно стрѣляя, и мы обратили весь огонь на нее. Но турки шли и шли и черезъ пять минутъ были у насъ на носу. Цѣпь отхлынула назадъ шаговъ на 20; я, не замѣтивъ этого, остался одинъ. Какъ меня не подняли на штыки, не знаю. Турки не добѣжали до меня развѣ потому, что не успѣли: наши закричали „ура" и бросились на нихъ, и я очутился опять между своими. Турки бросились удирать; удираютъ они замѣчательно: прыгаютъ внизъ по горѣ, поджавши обѣ

ноги, и все время стрѣляютъ назадъ, не оборачиваясь, а просто закинувъ ружье за плечо. Вообще они патроновъ не жалѣютъ и жарятъ непрерывно на ходу, на бѣгу, идя впередъ или назадъ.

Только-что мы ихъ погнали, меня хватило по всему тѣлу что-то огромное, и я упалъ. Впрочемъ, я скоро опомнился, сѣлъ, затянулъ себѣ платкомъ ногу выше колѣна и поползъ. Шаговъ сто спустя меня подняли нашъ барабанщикъ и унтеръ-офицеръ и дотащили до носилокъ. Черезъ два часа я уже ѣхалъ съ перевязочнаго пункта въ дивизіонный лазаретъ (откуда писалъ вамъ), а въ 4 часа былъ здѣсь, въ Бѣлѣ. Здѣсь придется быть еще недѣлю-полторы, а потомъ—въ Зимницу, во Фратешти, Бухарестъ, въ Россію, въ Харьковъ! Черезъ мѣсяцъ, а самое большое два—увидимся.

О ранѣ я уже писалъ вамъ: идетъ она очень хорошо, совсѣмъ очистилась. Уходъ здѣсь отличный, кормятъ хорошо, да есть у меня и немного денегъ, такъ что винограду истребляю ежедневно фунта три.

Ну вотъ, вы писали, что война протянется долго! Дѣла подъ Шипкой, окруженный Османъ-паша, нашъ вполнѣ удавшійся отпоръ. Наши *реляціи* всегда *очень правдивы*, но корреспонденты!!! Это между прочимъ... Особенно эта скотина К—нъ...

Корженевскій у насъ. Какой это славный человѣкъ и какая умница! По поводу того, что нашъ перевязочный пунктъ работалъ подъ пулями, какъ онъ разнесъ нашъ генералитетъ!

Писать ко мнѣ вамъ нельзя, такъ какъ не знаю, гдѣ и когда я буду. Но я писать постараюсь при всякой возможности.

До свиданія, дорогая мама! Цѣлую васъ и Женю. Всѣмъ кланяюсь: Женинымъ товарищамъ, Василію Лукичу *) (нижайшій), Прохаскамъ, Гинцбургъ и пр. и пр. Если Людвига это письмо еще застанетъ въ Харьковѣ, кланяйтесь ему и попросите передать мой поклонъ Жукову (его сожителю) и Ефимовымъ.

До свиданья! Васъ любящій
138-го пѣхотнаго Болховскаго полка унтеръ-офицеръ
Вс. Гаршинъ.

Васю тоже произвели и за то же дѣло. Въ бою мы съ нимъ разошлись и увидѣлись только 13-го числа въ дивизіонномъ лазаретѣ.

XVI.

Бѣла. 56-й военно-временный госпиталь.
23 августа 1877 года.

Дорогая мама!

Сегодня я послѣдній день въ Бѣлѣ, вечеромъ отправляется транспортъ, который отвезетъ насъ въ Систово. Третьяго-дня къ намъ при-

*) Василій Лукичъ Спасскій—извѣстный всему Харькову педагогъ и горячій русскій патріотъ, теперь уже скончавшійся.

бавилось раненыхъ; это зарайцы изъ дѣла 18 августа. Бѣдный Зарайскій полкъ цѣлый день дрался противъ 20-тыс. арміи турокъ. Зато и досталось имъ! 14 офицеровъ выбыло, солдатъ до 400.

И опять „солдатъ нашъ грудью бралъ“... Съ этими солдатиками можно было быть въ Константинополѣ.

Рана моя идетъ хорошо, совсѣмъ чистая и подживаетъ. Впрочемъ, проваляться придется еще долго, такъ что, вѣроятно, не удастся вернуться въ полкъ.

Третьяго-дня я былъ пораженъ и обрадованъ внезапнымъ появленіемъ Миши Малышева. Онъ поступилъ-таки охотникомъ. Онъ „слѣдовалъ“ съ командою отъ Фратешти сюда и далѣе въ полкъ и, узнавъ, что я лежу здѣсь, прибѣжалъ. Очень мнѣ было пріятно поболтать часокъ съ нимъ. Изъ Петербурга онъ привезъ кучу поклоновъ, мой револьверъ и еще подарокъ отъ нѣкоего Запорощенка (знакомый старичокъ)—хорошенькую записную книжку. Отъ него я взялъ денегъ, такъ что деньгами обезпеченъ теперь до самаго Харькова.

Сегодня мы слышали гулъ орудій съ запада; вѣроятно, это идетъ бой подъ Плевной. Давно пора!

Съ тѣхъ поръ, какъ привезли зарайцевъ, у насъ въ палаткѣ 15 человѣкъ. Сильно раненыхъ нѣтъ, такъ что всѣ веселы и разговорчивы. Впрочемъ, у одного пробита грудь навылетъ и контузія въ голову. Ничего, ходитъ.

До свиданья, дорогая моя мама! Писать, право, больше нечего. Весь міръ у меня—койка, столикъ да кусокъ палатки.

До свиданья! Цѣлую васъ. Женѣ etc.—поклонъ.

Васъ любящій Всеволодъ.

Сейчасъ докторъ сказалъ, что сегодня отправятъ только больныхъ, раненые остаются. Такъ что еще на два или на три дня я останусь здѣсь. Во всякомъ случаѣ ѣду съ первымъ же послѣ этого транспортомъ.

XVII.

Госпиталь во Фратешти. 29 августа 1877 года.

Дорогая мама!

Сегодня благополучно добрался до Фратешти, выѣхавъ изъ Бѣлы 25 августа. Ѣхалъ я одинъ въ повозкѣ, такъ что было довольно удобно.

Сейчасъ перевязка, поэтому не могу писать много, да и нечего. Сейчасъ узнали о взятіи Плевны. Завтра—въ вагоны и въ Россію.

До скораго свиданья, милая моя мама! Всѣмъ кланяюсь.

Вашъ Всеволодъ.

ПИСЬМО КЪ И. Н. КРАМСКОМУ.

Спб. 14 февраля 78 года. Милостивый государь Иванъ Николаевичъ! Беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я увѣренъ въ правотѣ моего мнѣнія и для себя вовсе не сталъ бы безпокоить васъ, ю мнѣ хотѣлось бы получить разъясненіе отъ васъ самихъ для того, чтобы другихъ вывесть изъ заблужденія. Дѣло идетъ о моментѣ, изображаемомъ вашею картиною „Христосъ въ пустынѣ". Утро ли это 41-го дня, когда Христосъ уже вполнѣ рѣшился и готовъ итти на страданіе и смерть, или та минута, когда „пріиде къ Нему бѣсъ", какъ выражаются мои оппоненты? Я вполнѣ увѣренъ въ правотѣ перваго толкованія. Видѣть въ фигурѣ Іисуса страданіе и борьбу только потому, что у Него измученное лицо,—это показываетъ очень поверхностное знакомство съ человѣческою душою. „Если бъ Онъ рѣшился, Онъ имѣлъ бы сіяющее лицо",—сказалъ мнѣ одинъ изъ публики. Христу сіять изъ-за сознанія того, что Онъ рѣшился на хорошее дѣло! „Какой, дескать, я хорошій!"

Тѣ черты, которыя вы придали своему созданію, по-моему, вовсе не служатъ къ возбужденію жалости къ „страдальцу" (говорю это потому, что одинъ изъ толкователей нашелъ, что лицо Христа ужасно *жалко*). Нѣтъ, меня онѣ сразу поразили, какъ выраженіе громадной нравственной силы, ненависти къ злу, совершенной рѣшимости бороться съ нимъ. Онъ поглощенъ Своею наступающею дѣятельностью, Онъ перебираетъ въ головѣ все, что̀ Онъ скажетъ презрѣнному и несчастному люду, отъ котораго Онъ ушелъ въ пустыню подумать на свободѣ; Онъ сейчасъ же взялъ бы связку веревокъ и погналъ изъ храма безстыжихъ торгашей. А страданіе до Него теперь не касается: оно такъ мало, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ у Него теперь въ груди, что и мысль о немъ не приходитъ Іисусу въ голову...

Всеволодъ Гаршинъ.

Опытъ характеристики.

Очеркъ I. I. Ясинскаго.

Литературная звѣзда Всеволода Гаршина сразу загорѣлась... Это было въ 1877 году, когда появились въ „Отечественныхъ Запискахъ“ его знаменитые „Четыре дня“.

Помню, жадно прочелъ я великолѣпный разсказъ и вкратцѣ воспроизвелъ его въ „Газетѣ А. Гатцука“, которую я редактировалъ въ то время, живя въ Москвѣ. Издатель, покойный А. А. Гатцукъ, вернулся изъ Казани, куда уѣзжалъ на археологическій съѣздъ, и сдѣлалъ мнѣ выговоръ за „Четыре дня“ и за восторженный отзывъ о начинающемъ писателѣ.

— Такіе разсказы,—съ раздраженіемъ говорилъ онъ:—дѣйствуютъ на общество отрезвляющимъ образомъ и отвращаютъ отъ войны. А наша задача поддерживать патріотическое настроеніе. И къ тому же черезчуръ трезвое отношеніе къ войнѣ и изображеніе ея ужасовъ отражаются вредно на подпискѣ. Газеты питаются войною. Не ваше редактированіе удесятерило мою подписку, а военное время.

Я, разумѣется, не хотѣлъ согласиться съ благоразумнымъ издателемъ, и въ концѣ концовъ мы охладѣли другъ къ другу. Черезъ полгода я перебрался въ Петербургъ, и редакторъ „Слова“ Д. А. Коропчевскій пригласилъ меня завѣдывать беллетристическимъ отдѣломъ ежемѣсячнаго журнала „Слово“. Въ одинъ пріемный день въ редакціонную комнату— „Слово“ помѣщалось на Мойкѣ у Синяго моста—передъ вечеромъ, вошелъ чрезвычайно красивый молодой человѣкъ—даже не красивый, а прекрасный — съ страдальческимъ выраженіемъ въ глазахъ, которые можно было бы сравнить (по Теофилю Готье) съ двумя черными солнцами на блѣдныхъ небесахъ. Онъ хромалъ, и—не помню—кажется, опирался на костыль. Онъ назвалъ себя Гаршинымъ.

— Всеволодъ Гаршинъ?—переспросилъ я.

И только было произнесено это имя, какъ изъ кабинетовъ, прилега-

вшихъ къ пріемной комнатѣ, торопливо вышли всѣ бывшіе налицо сотрудники, оба редактора и оба издателя, и окружили молодого писателя. Онъ переконфузился. До тѣхъ поръ я не встрѣчалъ такого одухотвореннаго лица, необыкновенно выразительнаго и омраченнаго не столько, впрочемъ, страданіемъ физическимъ, сколько мыслью о чемъ-то глубокомъ и словно безнадежномъ.

Гаршинъ очень короткое время пробылъ у насъ; и такова была сила личнаго обаянія этого юноши съ его застѣнчивой улыбкой, блистающими глазами и мученически-хмурящимися бровями благороднаго лба, что всѣ сразу расположились къ нему и говорили съ нимъ съ неподдѣльной искренностью. А когда онъ ушелъ, осталось такое впечатлѣніе, какъ будто лучъ свѣта проникъ намъ въ душу вмѣстѣ съ образомъ Гаршина. Онъ былъ еще только авторомъ „Четырехъ дней".

Всеволодъ Гаршинъ былъ силенъ и сразу завоевалъ себѣ громкое имя и привлекъ къ себѣ сердца читателей не только потому, что обнаружилъ крупное дарованіе,—тогда въ молодой литературѣ не было ничего выдающагося, и славны были только старые писатели,—но и потому, что онъ самъ былъ на войнѣ, и образъ писателя сливался въ немъ съ образомъ героя. У насъ всегда героическій элементъ въ той или другой формѣ играетъ большую роль при оцѣнкѣ писательской личности. Всеволодъ Гаршинъ самъ лично пережилъ трагедію войны, совершалъ мучительные походы, стрѣлялъ въ людей, видѣлъ смерть и кровь, спасалъ раненыхъ товарищей изъ-подъ вражескихъ пуль и былъ раненъ. Онъ ставилъ на карту свою жизнь и носилъ за плечами смерть. „Четыре дня" свои онъ написалъ не по наитію. Не факты, описанные корреспондентами, и не телеграммы съ полей битвъ произвели на него такое впечатлѣніе, что ужаснули его и изощрили его художественное зрѣніе. Сама дѣйствительность дала его воображенію страшныя красныя крылья. Всеволодъ Гаршинъ вслѣдъ за Толстымъ проторилъ путь къ ненависти къ войнѣ и даже больше:—оросилъ его собственной кровью.

Къ „Четыремъ днямъ" примыкаютъ еще такія произведенія Гаршина, какъ: „Изъ воспоминаній рядового Иванова", „Боевыя картинки" и „Очень коротенькій романъ". Въ нихъ разсыпаны поразительные штрихи. Въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова" и въ „Боевыхъ картинкахъ" Гаршинъ нѣсколько разъ удостовѣряетъ, что на войнѣ для тѣхъ, кто самъ участвуетъ въ сраженіяхъ, видъ только-что поверженныхъ труповъ не производитъ особенно потрясающаго впечатлѣнія. Страшное дѣло смерти слишкомъ серьезно, чтобы лить надъ нимъ слезы и стучать отъ ужаса зубами. Просто описываетъ Гаршинъ смерть. „Двѣсти убитыхъ, пятьсотъ раненыхъ". Трупъ лежалъ на пескѣ, но „его видъ не возбуждалъ ужаса и отвращенія, а только безконечную жалость къ погибшей, бившей ключомъ, жизни". Въ битвѣ нѣтъ мѣста самоанализу. „Стрѣлокъ съ раздробленной кистью руки, страшно охая и закатывая глаза, съ посинѣвшимъ отъ потери крови и боли лицомъ,

все-таки злобно кричалъ вслѣдъ туркамъ, махая больною рукой: „шалишь, шалишь, проклятый". Въ бою нѣтъ „того физическаго страха,— говоритъ Гаршинъ:—какой овладѣваетъ человѣкомъ ночью въ глухомъ переулкѣ при встрѣчѣ съ грабителемъ; было полное ясное сознаніе неизбѣжности и близости смерти. И дико и странно звучали эти слова. Это сознаніе не останавливало людей, а двигало впередъ. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотѣлось итти впередъ, чтобы убить кого-нибудь, но было неотвратимое желаніе итти впередъ во что бы то ни стало. И мысль о томъ, что нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: „нужно убить", а скорѣе: „нужно умереть". Что касается общихъ картинъ боя, то у Гаршина ихъ нѣтъ. Можетъ-быть, потому, что такихъ общихъ картинъ никто никогда не видѣлъ, онѣ воспроизводятся по клочкамъ только въ реляціяхъ. „Смотрѣть было рѣшительно нечего",— замѣчаетъ Гаршинъ въ одномъ мѣстѣ по этому поводу. Можно только слышать пушечные и ружейные выстрѣлы. Подъ этотъ страшный шумъ людямъ жутко, но они умудряются даже спать. Тамъ и здѣсь лежатъ „свѣжіе" трупы нашихъ и турокъ, пули визжатъ „пронзительно и крайне непріятно", люди падаютъ съ поблѣднѣвшими лицами, кое-гдѣ „копошатся" войска черными точками, краснымъ свѣтомъ озаряются на мгновеніе черныя деревья, люди „ждутъ" тѣмъ временемъ, бѣгутъ, опять падаютъ, бранятся, разговариваютъ, уносятъ раненыхъ, помогаютъ другъ другу, рядовой Ивановъ получаетъ рану въ ногу въ то время, какъ занятъ облегченіемъ участи раненаго солдатика,—и все кончается, и все погасаетъ, кровь льется рѣкой, и вдругъ вспоминается родина, о которой до послѣдней минуты не думалось. Вотъ и все. На полѣ битвы, какъ въ анатомическомъ театрѣ. Поэту Алексѣю Толстому казалось страшно и достойно только вѣдьмъ „потрошеніе" труповъ медичками, а на самомъ дѣлѣ ужасъ анатомическаго театра почти не переступаетъ черезъ его порогъ. Высокая цѣль собираетъ подъ его своды учащихся; и что предъ нею видъ разлагающихся труповъ, разъятыхъ на части? Все же ужасовъ войны Гаршинъ касается большей частью мимоходомъ; напримѣръ, сумасшествія доктора, повѣсившагося на деревѣ при видѣ измученныхъ труднымъ переходомъ людей. Ужасы Гаршина не кошмарны и своими размѣрами не заслоняютъ объективную дѣйствительность. У Гаршина возвращается къ любимой женщинѣ герой на деревяжкѣ, а не обрубкомъ, вмѣсто человѣка. Краски у него не сгущены до бредовыхъ крайностей. Гаршинъ ничего не могъ бы написать и возсоздать на основаніи корреспондентскихъ реляцій и по преемству отъ Льва Толстого, изъ уваженія къ своему перу.

Указаніе на то, что Всеволодъ Гаршинъ зналъ однако цѣну такимъ настроеніямъ, когда воображеніе взвинчивается только грезами объ ужасахъ, можно найти въ его превосходномъ разсказѣ „Трусъ". Слово „трусъ" употреблено Гаршинымъ, разумѣется, не въ порицательномъ смыслѣ. Трусъ у него это человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ и съ

чрезвычайно развитыми человѣческими взглядами, котораго врасплохъ застигаетъ исторія, требующая отъ народа страшной жертвы, и въ томъ числѣ отъ него самого. Трусъ записывается въ ряды войскъ, но все время умъ его занятъ мыслями о войнѣ. Телеграммы съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ терзаютъ его. Трусъ говоритъ о себѣ: „Другой спокойно читаетъ:—„потери наши незначительны, ранены такіе-то офицеры, нижнихъ чиновъ убито пятьдесятъ, ранено сто“—и еще радуется, что мало, а у меня передъ глазами, тотчасъ при чтеніи, является цѣлая кровавая картина. Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ—это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстіе о какомъ-нибудь убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человѣкъ? Отчего видъ пронизанныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на Тилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію, а на аванпостныя дѣла съ незначительными потерями тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ никто не обращаетъ вниманія?“. Когда „трусъ“ прочиталъ о третьемъ плевненскомъ боѣ, гдѣ выбыло изъ строя двѣнадцать тысячъ однихъ русскихъ и румынъ, не считая турокъ, то эта цифра стала носиться передъ нимъ то „въ видѣ знаковъ“, то растягиваясь „безконечной лентой лежащихъ рядомъ труповъ“. Онъ ихъ клалъ рядомъ въ своемъ измученномъ воображеніи плечо съ плечомъ, и тогда составлялась „дорога въ восемь верстъ“. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ „трусъ“ помнилъ и видѣлъ только одно—„гору труповъ, служащую пьедесталомъ грандіознымъ дѣламъ, которыя занесутся на страницы исторіи“, и возмущался „массою пролитой крови“. Онъ говорилъ:—„Быкъ, на глазахъ котораго убиваютъ подобныхъ ему быковъ, чувствуетъ, вѣроятно, что-нибудь похожее... Онъ не понимаетъ, чему его смерть послужитъ, и только съ ужасомъ смотритъ выкатившимися глазами и реветъ отчаяннымъ, надрывающимъ душу голосомъ“.

Страшно описаніе въ „Трусѣ“ болѣзни и смерти студента Кузьмы. Гангрена, вслѣдствіе запущеннаго флюса, распространилась на грудь, и, когда у Кузьмы вырѣзали большой лоскутъ мяса, обнажилась ключица, блестѣвшая, какъ перламутръ. Въ воображеніи „труса“, конечно, картина страданій Кузьмы обобщается—и все же онъ идетъ на войну. И въ результатѣ онъ убѣждается, какъ это видно изъ „Воспоминаній рядового Иванова“ и другихъ военныхъ разсказовъ Гаршина, представляющихъ одно цѣлое, что есть какъ бы двѣ дѣйствительности: субъективная и объективная, при чемъ дѣйствительность страшна только субъективная. Въ „Четырехъ дняхъ“ Гаршинымъ съ рѣдкою силою созданъ образъ этой субъективной дѣйствительности. Но такъ какъ Гаршинъ былъ самъ на войнѣ, а не наблюдалъ ее издали, какъ вначалѣ, когда его герой Ивановъ былъ „трусомъ“, то онъ не впалъ въ гипере-

стезію — преувеличенную чувствительность творчества—и не смѣшалъ субъективное съ объективнымъ.

„Четыре дня“ и теперь потрясающій разсказъ. Худой и слабый Ивановъ убилъ въ разсыпномъ строю огромнаго турка, самъ былъ раненъ въ обѣ ноги, упалъ, былъ забытъ на четыре дня своими и все это время пролежалъ почти рядомъ съ трупомъ турка, который въ концѣ концовъ оказался его спасителемъ, потому что онъ нашелъ у него флягу съ водою и благодаря этому не умеръ. Герой продолжаетъ быть „трусомъ“; оставшись наединѣ съ мертвымъ туркомъ и съ своими тѣлесными и душевными страданіями, онъ имѣлъ время разобраться во всемъ совершившемся. Отъ объективнаго онъ снова возвратился къ субъективному. Когда онъ шелъ на войну, ему хотѣлось только подставить „свою грудь подъ пули“. Онъ „не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться“. Но вотъ штыкъ прямо вошелъ въ сердце турку, а на его мундирѣ большая дыра; вокругъ нея кровь. А этотъ несчастный турокъ еще меньше виноватъ былъ, чѣмъ онъ. Ивановъ пошелъ на войну сознательно, „изъ трусости“, а турокъ изъ-подъ палки. Разсказъ представляетъ собою— кто же этого не знаетъ — протестъ противъ войны и противъ ея безсмысленности и въ то же время какъ бы признаётъ ся неизбѣжность и роковую, хотя и безсмысленную, но историческую необходимость, вытекающую изъ какой-то огромной непоправимой ошибки, которую всегда совершало и во всѣ времена совершаетъ несчастное человѣчество. Оно изліло и изливаетъ стремленіе свое къ общежитію въ такія формы, которыя стоятъ ему вѣчныхъ слезъ и крови. Анализъ субъективнаго страданія, доставленнаго Иванову войною, такъ хорошъ, какъ, можетъ-быть, ни у одного поэта, изображавшаго войну. Тутъ Всеволоду Гаршину не приходилось сочинять и придумывать. Онъ былъ свободенъ, потому что субъективность его творчества опиралась на правду.

Ивановъ, раненый, лежитъ въ кустахъ подъ палящимъ солнцемъ вмѣстѣ съ разлагающимся туркомъ, и на весь міръ и на войну онъ смотритъ — и иначе не можетъ смотрѣть — сквозь это субъективное страданіе. Только онъ, Ивановъ, да мертвый турокъ, да жгучее солнце, да запекшаяся кровь на искалѣченныхъ ногахъ, да качающіяся вѣтки кустарника, вырѣзывающіяся на красномъ дискѣ солнца — и какой ужасающій эффектъ, сколько грозной правды!

Въ „Четырехъ дняхъ“, какъ и въ другихъ военныхъ разсказахъ Гаршина, можно найти элементы всѣхъ красныхъ ужасовъ, которые потомъ вдохновляли русскихъ писателей, когда они касались войны. Даже гаршинскія краски повторились на ихъ палитрѣ. Вспомните, какъ Гаршинъ описываетъ турка. „Онъ былъ ужасенъ. Его кожа, черная отъ природы, поблѣднѣла и пожелтѣла. Раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухомъ. Тамъ копошились черви. Ноги, затянутыя въ штиблеты, раздулись, и между крючками штиблетъ вылѣзли огромные пузыри. И весь онъ раздулся горою“. Это страшно, но это еще не все.

Пытка Иванова заключалась въ томъ, что онъ не могъ уползти отъ своей жертвы. Вѣтеръ по временамъ обдавалъ его нестерпимой вонью. Онъ то просыпался, то впадалъ въ забытье. Разъ, когда онъ открылъ глаза, чтобы взглянуть на сосѣда, онъ ужаснулся. „Лица у него уже не было. Оно сползло съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная *улыбка* показалась мнѣ такой отвратительной, такой ужасной, какъ никогда... Этотъ скелетъ въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами привелъ меня въ содроганіе. „Это война, подумалъ я, вотъ ея изображеніе“.

Улыбка турка, лицо котораго сползло съ костей—символъ и изображеніе войны, то, что̀ потомъ, позднѣе, въ японскую войну, стало „краснымъ смѣхомъ“. Разница только въ томъ, что японскій „красный смѣхъ“, наблюденный не на войнѣ, остался вѣренъ призмѣ гаршинскаго „труса“. А у Всеволода Гаршина было двѣ призмы: не только субъективная, къ которой онъ былъ склоненъ и привязанъ, — но и объективная, которая служила ему поправкой для его творческихъ увлеченій, во̀-время сдерживала его и давала ему возможность отличать художественную дѣйствительность отъ художественнаго кошмара и художественную правду отъ художественной неправды.

Не надо упускать изъ виду, что многіе разсказы Гаршина въ высокой степени драматичны, а иногда, какъ, напримѣръ, въ „Происшествіи“ и въ „Надеждѣ Николаевнѣ“, они принимаютъ даже и драматическую форму, потому что разсказъ начинаетъ вестись то отъ одного лица, то отъ другого.

Въ „Красномъ цвѣткѣ“ главной темой является безуміе. Атмосфера этого разсказа насыщена какимъ-то электричествомъ, въ ней сверкаютъ молніи, и произведеніе озарено таинственнымъ интимнымъ свѣтомъ. Въ этой интимности есть что-то зловѣщее и надрывающее душу.

Безуміе, изображаемое Гаршинымъ, носитъ соціальный характеръ. Его безумецъ въ основѣ своей—благородное сердце и идеалистъ, и ему кажется, что въ красныхъ макахъ, которые расцвѣли въ больничномъ скверѣ, заключается все зло, которое надо истребить, чтобы осчастливить міръ, и онъ всю энергію своей больной души направляетъ къ тому, чтобы достичь своей цѣли. Ему удается сорвать всѣ маки, и съ послѣднимъ краснымъ цвѣткомъ, зажатымъ въ рукѣ, безумный мечтатель наконецъ умираетъ отъ крайняго нервнаго истощенія.

Конечно, Гаршинъ могъ бы разнуздать свою фантазію; но онъ даже и въ „Красномъ цвѣткѣ“ замкнулъ ее въ рамки той строгой художественности, принципамъ которой всегда слѣдовалъ. „Красный цвѣтокъ“ не только свидѣтельствуетъ о страшной напряженности и интимныхъ переживаніяхъ автора, который самъ неоднократно сидѣлъ въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ, но и объ его умѣньи, или, вѣрнѣе, мастерствѣ разграничивать субъективное отъ объективнаго и не смѣшивать этихъ двухъ областей, какъ не смѣшиваетъ художникъ красокъ и контуровъ дома или фигуръ съ красками или контурами окружающаго

пейзажа. Всеволодъ Гаршинъ точно заботился, пиша свои лучшіе разсказы, чтобы они сохранились для потомства. Онъ со скрупулезностью ученаго старается, напримѣръ, отмѣтить подробности, относящіяся къ лѣченію больного. Онъ постоянно его взвѣшиваетъ на вѣсахъ; онъ словно опасается, чтобы читатель не принялъ его героя за нормальнаго человѣка. И когда онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи все, что только могъ сдѣлать, чтобы показать своего героя заключеннымъ въ обстановкѣ сумасшедшаго дома среди другихъ сумасшедшихъ и подъ надзоромъ здоровыхъ надзирателей и врачей, онъ приступаетъ къ изображенію его субъективныхъ страданій и достигаетъ опредѣленнаго, глубокаго и не вызывающаго никакихъ недоразумѣній, но вмѣстѣ—тяжелаго и страшнаго впечатлѣнія.

Въ повѣствованіи Гаршина все стройно и художественно, языкъ правильный и чисто-лермонтовская чистота стиля; у него нѣтъ кошмарныхъ эффектовъ: все разсчитано на художественную правду, а не на молніеносныя неожиданности и поражающее глазъ мельканіе пестрыхъ пятенъ.

Разсказъ „Происшествіе" повторяется у Гаршина подъ названіемъ „Надежда Николаевна", значительно видоизмѣненный и раздвинутый. Душа дѣвушки, продающей въ силу тѣхъ или другихъ причинъ свои ласки, всегда занимала воображеніе беллетристовъ. На Западѣ созданы безсмертные образы этихъ дѣвушекъ. У насъ же въ шестидесятыхъ годахъ Всеволодъ Крестовскій, можно сказать, опоганилъ эту тему. Ни у Тургенева ни у Гончарова не встрѣчается въ числѣ дѣйствующихъ лицъ падшая дѣвушка. Левъ Толстой изобразилъ Катю Маслову, но уже гораздо позднѣе,—значительно позже Гаршина, — и притомъ въ особыхъ нравоучительныхъ и реформаторскихъ цѣляхъ. Героиня „Происшествія" Надежда Николаевна—интеллигентная дѣвушка съ „французскими словами". Безвольность, и страданіе, и любовь. Въ „Надеждѣ Николаевнѣ" несчастная дѣвушка наканунѣ своего обновленія и возрожденія погибаетъ отъ руки влюбленнаго въ нее интеллигента, и все кончается общей свалкой—всѣ погибаютъ.

Гаршинъ откровенно говорилъ мнѣ, что онъ съ натугой написалъ „Надежду Николаевну" и очень недоволенъ ею. Но, по всей вѣроятности, эта повѣсть, передѣланная въ пьесу, имѣла бы большой успѣхъ. Только, разумѣется, она не можетъ быть трактована въ формѣ комедіи. Это всегда трагедія. Можетъ-быть, ошибка Гаршина заключалась въ томъ, что онъ не сдѣлалъ изъ „Надежды Николаевны" драмы, какъ я ему совѣтовалъ. Но совѣты рѣдко принимаются авторами къ свѣдѣнію и исполненію. А передѣлать въ пьесу „Надежду Николаевну" могъ только самъ Гаршинъ. Постороннія передѣлки компрометируютъ авторовъ, какъ въ свое время скомпрометированы были Достоевскій, Левъ Толстой и др.

Пересмотръ настроеній и произведеній Всеволода Гаршина заста-

вляетъ насъ прійти къ заключенію, что уже въ восьмидесятыхъ годахъ имъ положено было начало той благородной нервности, которая выродилась въ наше время, во многихъ случаяхъ, въ нервозность, неврастенію и истерику, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ все же удержалась на гаршинской высотѣ (какъ въ „Семи повѣшенныхъ" Андреева). Разсказъ „Ночь" даетъ превосходный матеріалъ для сужденія о томъ, что Гаршинъ умѣлъ „копаться" въ душѣ не только не хуже своего сверстника Альбова, но и далъ сто очковъ впередъ всѣмъ нынѣшнимъ литературнымъ невропсихологамъ. Самоубійца, отчаявшійся жить, потому что люди — „кривляющіяся обезьяны", и которому хочется выйти „вонъ изъ этого заколдованнаго круга", прислушивается къ ходу карманныхъ часовъ, и двѣ нотки, выводимыя ими, кажутся ему пѣсней. „Эта пѣсня безотрадна и уныла. Само время напѣваетъ ее. Три, четыре, десять лѣтъ назадъ часы стучали такъ же, какъ теперь, и черезъ десять лѣтъ часы будутъ стучать такъ же, совершенно точно такъ же". Съ этого пустяка начинается. Самоанализъ нервности людей, склонныхъ къ самоубійству, для каждаго невропатолога и психіатра представляетъ собою нѣкоторую типичную картину. Мысль о самоубійствѣ начинаетъ развиваться на почвѣ недовольства собою и своею жизнью. Въ умѣ то и дѣло проносятся навязчивыя мысли, которыя не даютъ покоя. Самоубійцы мрачны, угрюмы, сосредоточены, и со стороны кажется, что они ломаются, чтобы показать себя. Они или нерѣшительны, или черезчуръ торжественны въ своихъ поступкахъ. И что дѣйствительно они ломаются, это видно изъ того, что болѣе откровенные изъ нихъ сами обвиняютъ себя въ „ломаніи". Такъ, гаршинскій „блѣдный человѣкъ" ловитъ себя на томъ, что ему слышится каждый разъ, когда онъ думаетъ о смерти, пошлый мотивъ изъ „Марты": „у дѣвицъ есть для птицъ стрѣлы каленыя". Часы тикаютъ, а для него они поютъ: „помни, помни, помни". Ему еще кажется, что онъ всю жизнь разыгрывалъ роль изъ фарса. Прежде чѣмъ покончить съ собою, блѣдный человѣкъ сидитъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ и говоритъ себѣ „жалкія слова", и самъ обвиняетъ себя въ томъ, что „ломается, какъ актеръ". Извозчикъ, на которомъ блѣдный человѣкъ поѣхалъ къ знакомому доктору за револьверомъ, завелъ рѣчь кстати о самоубійствахъ. „Мыслей этихъ самыхъ нѣтъ у него, у извозчика,—разсуждаетъ онъ.—Работа тяжелая, трудная. Тутъ думать трудно. Вотъ вашему брату, барину, вамъ, извѣстно, всякое лѣзетъ въ голову съ пищи съ этой... съ хлѣбовъ съ легкихъ. Потому встанетъ баринъ, надѣнетъ халатъ, чайку попьетъ и давай по комнатѣ ходить. Ходитъ, а грѣхъ-то вокругъ". Въ этихъ словахъ извозчика скрывается мелькомъ — ихъ поэтому нельзя было бы вычеркнуть изъ разсказа—то объективное отношеніе къ самоубійству, котораго всегда придерживается здравый смыслъ и которое проповѣдуется наукою: главная причина зла въ особыхъ условіяхъ нашей культуры — въ томъ, что она „пьетъ чаекъ, ходитъ въ халатѣ и ду-

маетъ". У насъ нѣтъ желанія и необходимости подробно слѣдить за ходомъ самоанализа блѣднаго человѣка. Читатель можетъ сдѣлать это и безъ насъ. Мы только хотѣли бы остановить его вниманіе на удивительной точности поэтическихъ записей Гаршина, на основаніи которыхъ современный невропсихологъ могъ бы прочитать цѣлую лекцію и о „раздражительной слабости", и о нервномъ истощеніи, и о самоубійствѣ (по новѣйшимъ воззрѣніямъ, оно вовсе не есть манія, или болѣзненное проявленіе самосознанія, а только результатъ извѣстнаго уклона душевной дѣятельности человѣка, истерзаннаго личными и семейными, или же соціальными и экономическими условіями).

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь маленькое личное отступленіе. „Ночь" Гаршина появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1880 году совершенно одновременно, впрочемъ, съ разницею въ два или три дня—съ моимъ разсказомъ подъ тѣмъ же названіемъ „Ночь" въ журналѣ „Слово" и, что самое любопытное, почти съ такимъ же содержаніемъ. Точно такъ же молодой человѣкъ и въ моемъ разсказѣ, какъ и въ разсказѣ Гаршина, смотритъ изъ открытой форточки на Петербургъ, перебираетъ въ памяти свою жизнь и тоскуетъ, и послѣ цѣлаго ряда „жалкихъ словъ" и „красивыхъ фразъ" собирается застрѣлиться. Разсказъ мой несравненно слабѣе разсказа Гаршина, и онъ написанъ былъ въ лирическихъ тонахъ, тогда какъ Гаршинъ выдержалъ въ совершенствѣ строгость психологическаго рисунка. Можетъ-быть, не слѣдовало упоминать объ этомъ разсказѣ моемъ совсѣмъ, если бы онъ не служилъ прямымъ, хотя и второстепеннымъ доказательствомъ дѣйствительности настроеній, преобладавшихъ въ то время въ молодомъ поколѣніи и подмѣченныхъ Гаршинымъ, который былъ очень яркимъ его представителемъ. Одновременно—и каждый по-своему: Гаршинъ сильнѣе, а я слабѣе—записали мы эти настроенія. Случаю угодно было, чтобы наши разсказы даже вылились почти въ одинаковыхъ образахъ. Но если бы Гаршинъ предупредилъ меня хотя бы мѣсяцемъ, я бы не напечаталъ своего разсказа. Такъ часто, на самомъ дѣлѣ, бываетъ, что современники улавливаютъ одно и то же явленіе, одну и ту же ноту жизни.

У Гаршина развязка разсказа нѣсколько затушевана. Безспорно, блѣдный человѣкъ не застрѣлилъ себя: на столѣ лежало „заряженное", т.-е. неразряженное оружіе, когда утренній свѣтъ влился въ комнату; но посреди комнаты былъ „человѣческій трупъ" съ мирнымъ выраженіемъ на лицѣ. Можетъ-быть, у „блѣднаго человѣка" разорвалось сердце отъ блаженства примиренія съ жизнью. Люди съ такой повышенной нервной дѣятельностью способны на внезапную смерть: до того дѣятельно работаетъ ихъ сердце, что наконецъ его сократительная энергія разрушаетъ его. Мнѣ хотѣлось узнать отъ самого автора, какъ онъ толкуетъ финалъ разсказа, и когда онъ выслушалъ меня, онъ съ недоумѣніемъ поднялъ на меня свои большіе чудные глаза и сказалъ:

— Право, не знаю. А все-таки вы правы. И, можетъ-быть, онъ остался живъ—чтобы пока сдѣлать что-нибудь.

Остался *пока* жить, чтобы сдѣлать что-нибудь—другое, болѣе жизненное, сдѣлать тамъ, гдѣ людское горе плещетъ, какъ волна океана. Остался жить пока и Рябининъ — герой превосходнаго разсказа Гаршина „Художники". Рябининъ, о которомъ художественный критикъ В. С. (Стасовъ) уже давно сказалъ, что „изъ него выйдетъ толкъ", скучаетъ въ академіи. Онъ сравниваетъ себя съ локомотивомъ, которому предстоитъ одно изъ двухъ: или катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзно-мѣднаго чудовища въ груду обломковъ. „Я долженъ,— разсуждаетъ Рябининъ:—во что бы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какою-то черною дырой, въ которой ничего не разберешь. Другіе говорятъ, что это будетъ художественная дѣятельность. Что это нѣчто художественное- спора нѣтъ, но что̀ это за дѣятельность?" Вопросъ „зачѣмъ" назойливо преслѣдуетъ Рябинина и не даетъ ему уснуть, а между тѣмъ онъ вдохновенный художникъ. Однажды онъ безсознательно написалъ этюдъ съ натуры и, когда онъ очнулся, самъ увидѣлъ, что сдѣлалъ его лучше всѣхъ своихъ товарищей. Этотъ Рябининъ написалъ наконецъ „Глухаря" — рабочаго, профессія котораго состоитъ въ томъ, что онъ подставляетъ грудь въ котлѣ, а снаружи мастеръ бьетъ молотомъ по котлу и по груди и дѣлаетъ заклепки. Художникъ пораженъ былъ этой мучительной работой и передалъ самой картинѣ свое настроеніе. Она дышала ужасомъ и состраданіемъ къ судьбѣ глухаря. Критики зашумѣли, когда увидѣли на выставкѣ картину, и Рябинину оставалось только выполнить конкурсную задачу, чтобы уѣхать на казенный счетъ за границу „для усовершенствованія". У него была уже слава, и его ожидали богатство, почетъ и мѣсто профессора въ академіи. Но опять вопросъ „зачѣмъ" началъ грызть его. Его картина написана была имъ для того, чтобы „ужаснуть" своимъ видомъ чистую, прилизанную и ненавистную ему толпу. Обращаясь къ картинѣ своей, онъ восклицаетъ: „Приди, силой моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки и трены, крикни имъ: я — язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое". Но картина была кончена, вызвала толки, была продана и увезена въ Москву. Объ ней скоро забыли, а деньги, полученныя за нее, Рябининъ долженъ былъ прокутить съ товарищами въ ресторанѣ „Вѣна". Картина, на самомъ дѣлѣ, произвела впечатлѣніе только на самого Рябинина, только онъ слышалъ удары молота и гулъ котла, написаннаго имъ съ непонятной силой. Онъ сталъ бредить. Со всѣхъ сторонъ чудились ему гигантскія печи, снопами вылетало изъ нихъ пламя. Машины качались и визжали въ колоссальной, вдругъ опустѣвшей фабрикѣ съ вертящимися колесами и бѣгущими ремнями, гдѣ-то стучало, и

грохотала работа. Неслись неистовые крики и удары. Рябининъ побѣжалъ. Онъ бѣжалъ туда — и вотъ все слилось въ ревъ, и онъ увидѣлъ странное безобразное существо, корчившееся на землѣ отъ ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Били кто чѣмъ попало. Всѣ знакомые Рябинина съ остервенѣлыми лицами колотили ломами, кулаками, палками несчастнаго глухаря, который подставлялъ имъ свою грудь подъ удары; и наиболѣе страшное лицо, искаженное и блѣдное, принадлежало самому Рябинину. Ему все представлялось, что онъ самъ замахивается молотомъ на глухаря.

Этотъ бредъ принесъ Рябинина на край могилы. Но художникъ все же не умеръ, онъ „пока" остался жить. Ему надо было что-нибудь сдѣлать для жизни — великое, возвышенное и вмѣстѣ простое и доброе. Выздоровѣвши, Рябининъ не захотѣлъ ѣхать за границу, отказался отъ конкурса, выдержалъ экзаменъ въ учительскую семинарію и рѣшилъ сдѣлаться учителемъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Чтобы остаться вѣрнымъ впечатлѣнію, сдѣланному на него его же собственной картиной, онъ заживо погребаетъ себя, какъ художника.

Герои Гаршина оттѣняются иногда такими ничтожными по существу людишками, какъ художникъ Дѣдовъ, какъ панъ капитанъ — „бoецъ Мѣхова и Опатова", или какъ инженеръ Кудряшовъ въ разсказѣ „Встрѣча". Но такихъ тѣневыхъ лицъ — мало у Гаршина. Почти всѣ персонажи его отличаются повышеннымъ настроеніемъ, большими духовными запросами, презрѣніемъ къ личному счастью, неумѣньемъ и нежеланьемъ „устроиться", благороднымъ безпокойствомъ и склонностью къ жертвамъ. Рядовой Ивановъ подъ пулями старается спасти товарища, самъ падаетъ раненый и не считаетъ это даже подвигомъ. Чиновникъ Никитинъ изъ любви къ падшей Надеждѣ Николаевнѣ—любви, осложненной жгучимъ состраданьемъ къ дѣвушкѣ—кончаетъ съ собой. Точно такъ же изъ любви къ Надеждѣ Николаевнѣ погибаетъ художникъ Лопатинъ. А стрѣлочникъ Семенъ въ разсказѣ „Сигналъ", чтобы остановить поѣздъ отъ крушенія, ударяетъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя, намачиваетъ въ своей крови платокъ, расправляетъ, растягиваетъ, навязываетъ на палку и выставляетъ предупреждающій объ опасности свой красный флагъ. Но этого мало. Этотъ необыкновенно героическій поступокъ вызываетъ бурный взрывъ добраго чувства въ преступникѣ, отворотившемъ рельсъ, и когда Семенъ слабѣетъ и флагъ падаетъ изъ его руки, злоумышленникъ выхватываетъ флагъ, поднимаетъ и предъ остановившимся поѣздомъ громко признаётся въ своемъ преступленіи.

Надо жить, пока можно дѣлать добро, но не пока живется. Если же жизнь окажется ничтожной, жалкой и нестоящей, зачѣмъ жить? Если нѣтъ впереди ничего прекраснаго и свѣтлаго, и міръ погруженъ, на самомъ дѣлѣ, въ бездну низостей, лжи и грязи, то какой смыслъ можетъ имѣть для насъ это цѣпляніе за физіологическіе процессы ѣды и питья,

борьба за личное существованіе и другія естественныя функціи и потребности, вложенныя въ насъ грубой природой? Развѣ, разочаровавшись въ жизни, можетъ нѣжная, отзывчивая, благородная и великая душа остаться на (я днѣ со сломанными крыльями и съ помутнѣвшимъ зрѣніемъ, чтобы продолжать жить, какъ навозный жукъ, или муравей, или кузнечикъ въ разсказѣ „То, чего не было“? Надо замѣтить, въ послѣднемъ разсказѣ этомъ, написанномъ со спокойнымъ юморомъ, котораго не чуждъ былъ Гаршинъ,—малороссъ по происхожденію,—слышится яркая и мучительная нота пессимизма. Разныя насѣкомыя, гнѣдая лошадь, улитка и ящерица обмѣниваются своими убѣжденіями, и „никто не умѣлъ сказать ничего путнаго о будущей жизни“. Но вдругъ пришелъ проснувшійся кучеръ Антонъ, нечаянно наступилъ сапожищемъ на компанію и раздавилъ ее.

Отъ сказки „То, чего не было“ вѣетъ уже чѣмъ-то безнадежнымъ. Конечно, сказка прекрасна, но ея художественная цѣнность исчезаетъ во мракѣ настроенія, съ какимъ она написана. Душа художника, который произвелъ ее на свѣтъ, уже словно сама тускнѣетъ, и такъ какъ этотъ художникъ Гаршинъ, то нельзя не чувствовать ужаса приближенія какой-то развязки.

Но „То, чего не было“ смѣняется еще болѣе пессимистической сказкой „Attalea princeps“, звучащей уже раздирающими душу нотами отчаянія. Attalea princeps—гордая пальма. Помните, у Лермонтова пальма тоже гордое дерево. Но она также и роскошное дерево. Пальма возвышалась въ оранжереѣ надъ верхушками всѣхъ другихъ растеній, которыя ея не любили и завидовали ей. Attalea молча страдала, какъ исключительная натура, и съ тоскою смотрѣла сквозь стеклянную крышу на блѣдное небо; и хотя оно было чужое ей, она стремилась къ нему. Мечта о свободѣ, о лучшей жизни, о чемъ-то далекомъ и прекрасномъ наполняетъ пальму, и она предлагаетъ своимъ товарищамъ по заключенію выбраться на свѣжій воздухъ, а для этого надо имъ вырасти, нажать своими вѣтвями на стѣны и рамки оранжереи и разбить ее въ куски. Свобода есть высшее благо. Но мечты гордой пальмы никто не захотѣлъ раздѣлить. „Глупости, глупости!“—заговорили деревья. Attalea стала одиноко расти, уперлась въ рамку, не жалѣла своихъ листьевъ, ей было больно, но она хотѣла на волю, наконецъ продавила крышу и надъ стекляннымъ сводомъ гордо распрямила свою зеленую корону. Идеалъ былъ достигнутъ, и страшно было разочарованіе пальмы. Моросилъ дождикъ пополамъ со снѣгомъ, сѣрыя тучи охватили ее, и скоро она стала засыхать. „Только-то,—думала она:—и это все, изъ-за чего я томилась и страдала такъ долго?“ Жить и бороться, чтобы увидѣть слякоть, стоило ли труда? И пальма была спилена и вмѣстѣ съ преданной ей ма(ленькой травкой окончательно погибла на задворкѣ оранжереи. Жизни, не осуществившей своихъ идеаловъ, остается только погаснуть.

Гаршинъ дошелъ такимъ образомъ до послѣднихъ выводовъ своего міросозерцанія и откровенно высказалъ то, что давно бередило его душу. Душа эта, какъ гордая пальма, росла въ оранжереѣ русской литературы, пробила стеклянный сводъ, увидѣла въ истинномъ свѣтѣ грязь и слякоть нашей жизни и со словами: „только-то? неужели?“ (предсмертныя слова Гаршина)—угасла.

Но если бы болѣзненно трепетавшая нервная натура Гаршина не привела его къ роковому концу и онъ пережилъ бы послѣдній кризисъ своей психики, его творчество должно было бы отыскать для себя новый путь. Гаршинъ уже начиналъ привязываться къ историческимъ темамъ. „Сказаніе о гордомъ Аггеѣ“, хотя и носитъ фантастическій характеръ и написано съ нравоучительной цѣлью — родъ литературы, введенный Львомъ Толстымъ и окончательно опошленный одной небезызвѣстной фирмою, однако все же повѣствованіе это можетъ быть причислено къ типу историческихъ произведеній. Гаршина начинали уже интересовать сочиненія древнихъ русскихъ классиковъ въ родѣ Державина. Онъ иногда поражалъ цитатою изъ Батюшкова или Озерова. Онъ почиталъ въ особенности житіе протопопа Аввакума, находилъ удовольствіе въ перечитываніи Ломоносова, и въ головѣ его, въ одинъ спокойный періодъ его жизни, предшествовавшій его смерти, когда онъ почувствовалъ себя матеріально обезпеченнымъ и сталъ принимать участіе даже въ разныхъ общественныхъ дѣлахъ (если не измѣняетъ память, кажется, и по Литературному фонду, и тогда я заставалъ его нѣсколько разъ у Я. И. Утина, уже тоже давно умершаго), въ головѣ его сталъ складываться планъ историческаго романа изъ жизни Петра Великаго. Русская дѣйствительность была такъ ужасна и неприглядна и, главное, такъ безнадежна, такъ безпросвѣтно-безнадежна въ то тяжелое время, что исторія для писателя съ такимъ темпераментомъ, какъ у Гаршина, могла быть единственнымъ выходомъ, и лишь въ ней могъ онъ найти для себя клапанъ спасенія, чтобы окончательно не задохнуться. То, что впослѣдствіи, можетъ-быть, по таинственнымъ законамъ литературнаго метампсихозиса, сдѣлалъ Д. С. Мережковскій, написавши „Протопопа Аввакума“ и „Антихриста“, какъ называлъ народъ Петра Великаго— мерещилось уже творческой фантазіи Всеволода Гаршина. Но оторваться отъ текущей жизни, не вмѣшиваться той или другой стороной своей души въ ея перипетіи, не откликаться на ея ужасы, на ея вопли и на ея боли и страданія, не чувствовать къ ней соболѣзнованія или отвращенія Гаршинъ не могъ. Однажды Гаршинъ буквально и отозвался на ея „вопль“, когда на улицѣ санитарно-полицейскіе шпики ночью схватили насильно дѣвушку, подозрѣваемую ими въ торговлѣ собою безъ разрѣшенія медицинской цензуры, и она оглашала воздухъ жалобными криками. Гаршинъ въ тотъ моментъ возвращался откуда-то домой. Онъ заступился за дѣвушку и былъ приговоренъ мировымъ судьею за „учиненіе безобразія“ въ публичномъ мѣстѣ, кажется, къ тремъ рублямъ штрафа.

Гаршинъ почти всегда нуждался и одно время принужденъ былъ служить за нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ приказчикомъ въ Гостиномъ дворѣ. Получалъ онъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ едва 75 рублей за листъ, хотя это былъ богатый журналъ. Я говорю это не въ осужденіе и укоръ „Отечественнымъ Запискамъ“, это былъ замѣчательный по своимъ благороднымъ тенденціямъ и литературному вліянію журналъ. Это былъ свѣточъ, горѣвшій въ то время среди русской тьмы. Объ „Отечественныхъ Запискахъ“ я всегда вспоминаю съ какимъ-то тихимъ ужасомъ счастья, какое я испытывалъ, читая этотъ журналъ, и въ немъ же въ теченіе послѣднихъ его четырехъ лѣтъ существованія протекла моя литературная молодость. Горжусь, что мои разсказы помѣщались рядомъ съ произведеніями Салтыкова, Успенскаго и Гаршина. Итакъ, у меня есть только мотивы къ возвеличенію и къ защитѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Но справедливость требуетъ сказать, что переживаемое нами теперь время имѣетъ нѣкоторое преимущество предъ тѣми временами, когда самымъ убѣжденнымъ людямъ трудно было выйти изъ условій ихъ строя. Гаршинъ гремѣлъ. „Отечественныя Записки“ были многимъ обязаны, между прочимъ, и ему, а онъ все-таки получалъ гроши. Нѣкій романистъ за романы, которые теперь давно забыты, бралъ изъ конторы „Отечественныхъ Записокъ“ по шести и восьми тысячъ въ годъ, а на долю Гаршина приходилось полтораста или двѣсти рублей. Самъ Салтыковъ, редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“, жаловался мнѣ по этому поводу. Трудно было тогда понять, что маленькая картинка Рафаэля, которую можно унести у сердца, въ боковомъ карманѣ сюртука, безконечно дороже огромнаго трехсаженнаго полотна какого-нибудь Камучини, котораго, чтобы повѣсить въ комнатѣ, надо снимать съ подрамника, да и не во всякой комнатѣ его повѣсишь; а когда повѣсишь — то даже мухи начинаютъ скучать. Наше время далеко еще отъ идеала справедливыхъ оцѣнокъ литературнаго труда, но оно сдѣлало шагъ впередъ. Такой писатель, какъ Гаршинъ, долженъ былъ—увы!—тратить драгоцѣнное время на служеніе въ магазинѣ или конторѣ и затѣмъ—это было уже верхомъ его благополучія—въ какомъ-то желѣзнодорожномъ съѣздѣ. Хотя Гаршинъ усидчиво обрабатывалъ свои произведенія, и этимъ объясняется ихъ немногочисленность, но, безспорно, необезпеченность, даже бѣдность и необходимость отдавать лучшіе часы своего дня посторонней для духа работѣ должны были дурно отражаться на писательской энергіи отзывчиваго человѣка.

Жизнь Гаршина не была усѣяна цвѣтами. Онъ нанималъ маленькія квартирки и жилъ чрезвычайно скромно. Когда же нервность его развивалась и становилась душевнымъ недугомъ и онъ начиналъ ѣздить и ходить пѣшкомъ по Россіи, обуреваемый своими безумными мечтами, онъ долженъ былъ испытывать ужасающія лишенія и приходилъ наконецъ въ сознаніе не среди комфортабельной обстановки, не на своей

виллѣ и даже не въ своей хижинѣ, а гдѣ-нибудь на больничной койкѣ или же въ сумасшедшемъ домѣ.

Лицо его каждый разъ, какъ онъ выздоравливалъ, принимало необычайно красивый отблескъ словно нездѣшней духовной жизни, совершавшейся въ немъ, и то, что̀ выходило у него тогда изъ-подъ пера, было поразительно и прекрасно. Его удивительные, лучистые и кроткіе, необыкновенно добрые и грустно-проницательные глаза могли бы служить моделью для глазъ вдохновенно написаннаго Христа, а черты его утончались и становились духовными. Но по мѣрѣ того, какъ Гаршинъ входилъ въ условія нормальной жизни, начиналъ печатать свои произведенія, участвовать въ литературныхъ вечерахъ (трудно представить себѣ, съ какимъ восторгомъ принимала молодежь Гаршина на этихъ вечерахъ — ни одинъ пѣвецъ, Шаляпинъ даже, не удостаивался еще такихъ овацій), устраивался на квартирѣ, впрочемъ, не самъ, а съ помощью жены, посѣщалъ кружки и бывалъ въ обществѣ,—духовное выраженіе постепенно начинало меркнуть на его лицѣ. Лицо Гаршина оставалось какъ будто тѣмъ же, но оно было уже другое черезъ нѣкоторое время. Онъ полнѣлъ, и лицо его какъ бы слегка отекало. Онъ становился веселъ, разсказывалъ анекдоты, декламировалъ пародіи Буренина, велъ хорошій домашній образъ жизни, былъ солиденъ съ солидными людьми и чѣмъ-то становился похожъ на своего брата Евгенія Михайловича, у котораго было круглое лицо и сравнительно небольшіе глаза. У Всеволода Гаршина было точно два лица, и одно мало-по-малу замѣняло собою другое. Но проходили мѣсяцы, годы—и что-то совершалось въ его душѣ, она сотрясалась чѣмъ-то, Гаршинъ начиналъ тосковать и приходилъ въ возбужденіе то отъ картины, которую увидитъ на выставкѣ, то отъ прочитанной повѣсти или корреспонденціи, то отъ женскаго крика на улицѣ, и на начинавшемъ желтѣть его лицѣ все чаще и чаще выступалъ румянецъ, оно худѣло, и чѣмъ худѣе становился Гаршинъ, тѣмъ онъ былъ красивѣе. Поразительно сіяли и лучились его глаза. Румянецъ то вспыхивалъ, то погасалъ на щекахъ, и алыя влажныя губы нервно вздрагивали и красиво трепетали, когда онъ начиналъ говорить вдругъ смѣло, рѣзко, оригинально и страшно независимо. Потомъ за этими минутами и днями и даже недѣлями возбужденія,—иногда даже мѣсяцами,—наступалъ упадокъ силъ, божественные глаза его зажигались новымъ, мрачнымъ огнемъ отчаянія, черныя глубокія тѣни окружали ихъ, тѣло его, похудѣвшее и осунувшееся, какъ-то странно болталось въ платьѣ, и онъ не стоялъ посреди комнаты, а опирался о стѣнку или о печку, понуривъ голову и опустивъ руки. Слова вязались вяло, или рѣчь его лилась, безсвязная и жалкая, вперемежку со слезами.

Въ такомъ почти безнадежномъ состояніи, когда было очевидно, что не-сегодня-завтра бѣдный Гаршинъ еще разъ заболѣетъ, я встрѣчалъ его довольно продолжительное время въ тотъ роковой мѣсяцъ 1888 года, когда онъ кончилъ дни свои самоубійствомъ. Каждый день почти онъ

бывалъ у меня на Николаевской улицѣ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ я жилъ, и тамъ плакалъ и жаловался на невыносимыя условія, въ какихъ онъ очутился. „Я разорился,—говорилъ онъ:—и погибаю... мнѣ нечѣмъ дышать“.

Я относилъ его слова къ сознанію его, что у него совершается въ душѣ болѣзненный процессъ, и утѣшалъ его, убѣждая, что онъ, напротивъ, страшно богатъ, потому что ему стоитъ только встряхнуться, сбросить съ себя кошмаръ надвигающагося отчаянія — и изъ-подъ его пера выльются новыя литературныя созданія. На нѣсколько минутъ онъ оживлялся и безтолково, но страстно начиналъ говорить о фантастическихъ повѣстяхъ глубочайшаго философскаго содержанія, которыя онъ задумалъ и въ которыхъ постарается сообщить все, что когда-либо говорилось о человѣческой мудрости; при чемъ реальные персонажи его будутъ скружены видѣніями и символическими призраками, такъ какъ еще неизвѣстно, — можетъ-быть, существуетъ особый, видимый нами только иногда, міръ, съ которымъ мы сообщаемся, когда насъ посѣщаетъ экстазъ. Онъ бралъ слово отъ меня никому не передавать объ его планахъ, но дѣлился своими сбивчивыми фантазіями и съ другими, напримѣръ, съ покойнымъ беллетристомъ Викторомъ Бибиковымъ. По свидѣтельству его близкихъ и знакомыхъ (со многими изъ нихъ онъ около того времени разошелся), какая-то изъ задуманныхъ имъ философско-фантастическихъ повѣстей была даже имъ написана, но въ спокойные дни своего буржуазно-обезпеченнаго существованія въ желѣзнодорожномъ съѣздѣ онъ, незадолго до приступовъ послѣдней предсмертной меланхоліи своей, сжегъ ее. Такимъ образомъ склонность къ фантастическимъ образамъ и символистически-философскимъ обобщеніямъ явленій человѣческой жизни зрѣла въ душѣ Гаршина.

Біографъ Гаршина полагаетъ, что на роковой исходъ его повліяла размолвка его съ желѣзнодорожнымъ съѣздомъ и то, что онъ очутился безъ всякихъ средствъ къ существованію, потому что вышелъ въ отставку, оскорбленный какимъ-то желѣзнодорожнымъ чиновникомъ. Я же думаю, что онъ, кажется, не придавалъ большого значенія своей отставкѣ, о которой онъ даже мнѣ не сказалъ; и я только потомъ уже догадался, что подъ своимъ разореніемъ онъ могъ подразумѣвать не духовное банкротство свое, а невозможность жить и содержать семейный домъ безъ опредѣленнаго бюджета. Но какъ это обстоятельство, такъ и другая, приводимая біографомъ, причина его угнетеннаго настроенія—грубое отношеніе къ нему начинающаго беллетриста, надоѣвшаго ему чтеніемъ своихъ произведеній (дѣло идетъ не о Викторѣ Бибиковѣ, а о нѣкоемъ самодовольномъ и самовлюбленномъ ***, давно уже переставшемъ печатать свои произведенія), едва ли умѣстно приводить для объясненія роковаго исхода болѣзненнаго процесса, который роковымъ образомъ сложился и разрастался въ душѣ Гаршина помимо всякихъ случайныхъ постороннихъ толчковъ. Странно къ Гаршину примѣнять пси-

хологическій масштабъ, какой умѣстенъ былъ бы развѣ только для секретаря желѣзнодорожнаго съѣзда, но не для Гаршина-писателя. Гордая пальма захирѣла и застыла, когда увидѣла міръ Божій во всей его мучительной непривлядности, а не оттого, что ее обидѣлъ какой-нибудь приземистый „кактусъ“ или легкомысленная „саговая пальма“ (символическіе персонажи его сказки).

Мнѣ часто вспоминается вечеръ наканунѣ страшной смерти Гаршина. Что-то дня два или три онъ не былъ у меня. Я шелъ по Николаевской улицѣ по правой ея сторонѣ (отъ Невскаго). Тогда только-что было введено электрическое освѣщеніе, и всего одинъ фонарь на высокомъ столбѣ стоялъ на перекресткѣ. Бѣлый, слегка дрожащій свѣтъ ложился далеко по мостовой и тротуару, и чѣмъ дальше было отъ него, тѣмъ длиннѣе были тѣни, которыя отбрасывались лошадьми и людьми въ тусклую темноту. Шелъ я, задумавшись, въ томъ настроеніи, какое бываетъ въ темные петербургскіе вечера послѣ дня, проведеннаго за напряженной умственной работой. Я весь погруженъ былъ въ свои думы. Въ голубоватый туманъ превращалась мгла петербургской мартовской ночи. Вдругъ кто-то слабо дотронулся позади до моего плеча. Я обернулся и увидѣлъ Гаршина. Онъ стоялъ передо мною совсѣмъ ослабѣвшій, необыкновенно блѣдный и печальный. Такими являются призраки умершихъ друзей, судя по разсказамъ, которые публикуются въ спиритическихъ журналахъ. Хотя я хорошо зналъ, что Гаршинъ живъ, но я невольно вздрогнулъ. Теперь же мнѣ кажется, что судьба его уже была написана на его лицѣ, и оттого мнѣ тогда стало такъ страшно. Изъ мглы смотрѣли на меня большіе глаза Гаршина, какъ двѣ черныя звѣзды, съ несказаннымъ страдальческимъ выраженіемъ. Онъ пожалъ мнѣ руку, мы разошлись.

Этотъ страдальческій образъ Гаршина, запавшій мнѣ въ душу на всю жизнь, особенно ярко выплываетъ предо мною изъ прошлаго теперь, когда я еще разъ перечитываю его сочиненія. Ни объ одномъ нашемъ писателѣ нельзя съ такою увѣренностью повторить старинное изреченіе, что „человѣкъ—это стиль“, какъ о Гаршинѣ. Страдальческая личность его проникаетъ собою всѣ его сочиненія. Мы уже отмѣтили, что у Гаршина очень мало отрицательныхъ фигуръ. Съ объективнымъ мастерствомъ набросаны Гаршинымъ кроки и портреты только въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова“. Всѣ же персонажи его въ остальныхъ произведеніяхъ представляютъ собою многоразличныя изображенія одного и того же лица—лица самого Гаршина. Весь духовный складъ писателя, вся его богато одаренная, высокая, милая, любвеобильная душа участвовала въ созданіи лучшихъ образовъ, которые живутъ теперь въ его сочиненіяхъ. Понять и увидѣть Гаршина цѣликомъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, можно не изъ самыхъ полныхъ его біографій, критическихъ очерковъ, воспоминаній о немъ, а исключительно изъ его сочиненій. Даже въ наиболѣе слабыхъ разсказахъ его звучатъ благо-

родныя струны его сердца. Гаршинъ и его сочиненія—одно и то же. Онъ вылился въ нихъ съ необыкновенной цѣльностью—яркій, безпокойный, любящій и кроткій, поклоняющійся красотѣ и человѣческому страданію, быстро промелькнувшій въ земной юдоли ангелоподобный духъ. Хотя Гаршинъ былъ мастеръ своего дѣла, превосходный беллетристъ, вооруженный точными знаніями и рѣдкимъ искусствомъ стилиста, но онъ никогда не писалъ ничего исключительно для денегъ. Онъ написалъ „Надежду Николаевну“ и даже напечаталъ ее, но онъ напечаталъ ее добросовѣстно, т.-е. считалъ ее до поры до времени хорошей вещью, а если бы малѣйшее сомнѣніе зародилось у него въ этомъ направленіи, онъ уничтожилъ бы ее. Это былъ человѣкъ кристальной честности. И въ самомъ дѣлѣ, какъ отмѣчено было въ свое время критикой, успѣхъ его произведеній зависѣлъ отъ красоты его духовной личности. Но лично его могли знать, какъ и всякаго, немногіе. Эта красота его души—вотъ что̀ главное! — была вложена имъ въ его сочиненія, которыя этимъ и оригинальны. Только изъ его сочиненій могла узнать русская интеллигентная публика о томъ, какъ духовно прекрасенъ Всеволодъ Гаршинъ и юношески чистъ. И душа его безсмертна. Она смотритъ и теперь изъ его сочиненій, милая и кроткая, и входитъ въ общеніе съ читателемъ такъ же легко и съ такой же привѣтливо-печальной улыбкой, какъ и двадцать два года назадъ. Сто̀итъ только развернуть сочиненія Всеволода Гаршина, чтобы подпасть подъ обаяніе его безсмертной души.

РУССКАЯ КРИТИКА О ГАРШИНѢ.

1) Статья К. К. Арсеньева.

(„В. М. Гаршинъ и его творчество“).

Совершенно правъ былъ ораторъ, воскликнувшій надъ могилой Гаршина: „Мы хоронимъ сегодня наши надежды, надежды русской литературы“. Да, отъ Гаршина можно было ожидать еще многаго; но это вовсе не значитъ, чтобы онъ долженъ былъ остаться въ нашей памяти *только* какъ писатель, „подававшій большія надежды“. Его произведенія цѣнны сами по себѣ и занимаютъ выдающееся мѣсто въ современной русской беллетристикѣ. Они недаромъ обратили на себя вниманіе Тургенева, сразу признавшаго въ Гаршинѣ „несомнѣнный, оригинальный талантъ“ *).

Гаршинъ никогда не заботился о томъ, чтобы сообщить своимъ разсказамъ „крѣпость мрамора и бронзы“, онъ не старался быть или казаться хладнокровнымъ и спокойнымъ, не скрывалъ своихъ завѣтныхъ стремленій, своихъ симпатій и антипатій. Напротивъ того, душевная тревога — это обычное, нормальное условіе его творчества; для того, чтобы взяться за перо, ему нужно было, повидимому, быть взволнованнымъ, глубоко потрясеннымъ — а въ такомъ состояніи немыслима систематическая, искусственная сдержанность. Вліяніе новѣйшей французской школы, вліяніе Флобера, Зола, Гонкуровъ — вовсе не коснулось Гаршина. Въ началѣ, какъ и въ концѣ своей дѣятельности, въ семидесятыхъ годахъ, когда еще не потеряли своей силы традиціи предыдущаго десятилѣтія, какъ и въ восьмидесятыхъ, когда измѣнилась мода и появились новыя теченія, онъ былъ и оставался писателемъ по преимуществу тенденціознымъ. Тенденція овладѣвала имъ со всею силою страсти, проникала все его существо, въ ней было иногда больше

*) См. «Первое собраніе писемъ Тургенева», стр. 490 и 498.

наивности, чѣмъ обдуманности, но она во всякомъ случаѣ была *сознательна* и *намѣренна*, т.-е. соединяла въ себѣ оба признака, при наличности которыхъ произведеніе искусства можетъ быть названо тенденціознымъ. Разсказы Гаршина даютъ богатый матеріалъ для разработки вопроса о тенденціозности, въ связи съ вопросомъ о процессѣ творчества. Посмотримъ прежде всего, что говоритъ объ этомъ самъ Гаршинъ.

Въ разсказѣ „Художники“ выведенъ на сцену живописецъ Рябининъ, въ которомъ не трудно найти большое сходство съ авторомъ разсказа: та же нервность, та же чуткость къ чужому страданію и горю, та же неспособность отрѣшиться отъ дѣйствительности и замкнуться въ міръ „чистаго художества“. Рябинина занимаетъ, болѣзненно занимаетъ мысль о значеніи и назначеніи искусства. Онъ жаждетъ *дѣла*, очевидно и безспорно полезнаго для другихъ, и сомнѣвается въ томъ, можно ли считать такимъ дѣломъ трудъ художника, можно ли говорить серьезно о художественной *дѣятельности*. „Я не видѣлъ,—замѣчаетъ онъ:—хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть?“ А между тѣмъ ему нужно, ему необходимо этому вѣрить, иначе для него теряетъ всякій смыслъ его излюбленная работа. Пока онъ держитъ кисть, онъ забываетъ все остальное, но въ минуты отдыха передъ нимъ неотвязно встаетъ вѣчный вопросъ: *зачѣмъ*, „не дающій уснуть, заставляющій смотрѣть въ темноту, какъ будто бы гдѣ-нибудь въ ней былъ написанъ отвѣтъ“. И вотъ у него является рѣшимость написать „глухаря“—этого добровольнаго мученика фабричныхъ порядковъ, эту живую наковальню, по которой сотню разъ въ теченіе получаса ударяетъ тяжелый молотъ. Въ основаніи его рѣшимости лежитъ не эффектное, „фантастическое“ освѣщеніе котла, на днѣ котораго сидитъ „глухарь“, не техническая трудность задачи, заманчивая для художника. „Полотно покрывало мольбертъ съ картиной,—говоритъ Рябининъ:—а я все сижу передъ нимъ, думая все о томъ же неопредѣленномъ и страшномъ, что такъ мучитъ меня. Солнце заходитъ и бросаетъ косую желтую полосу свѣта сквозь пыльныя стекла на мольбертъ, завѣшанный холстомъ. Точно человѣческая фигура, точно Духъ Земли въ „Фаустѣ“... Wer ruft mich? Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-нибудь *сферы*, а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки и трены, крикни имъ: я—язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое!..“

Есть ли во всемъ этомъ какая-либо психологическая несообразность или невѣроятность? Возможенъ ли художникъ съ характеромъ, талантомъ и взглядами Рябинина, художникъ, именно *такъ* выбирающій

темы для своихъ картинъ и *такъ* относящійся къ нимъ во время самаго процесса работы? Этотъ вопросъ можно формулировать иначе: можно спросить себя, совмѣстимо ли художественное дарованіе со всякимъ душевнымъ строемъ и складомъ, или оно составляетъ исключительную принадлежность натуръ уравновѣшенныхъ, гармоничныхъ, едва чувствительныхъ къ водовороту текущей жизни? Намъ кажется, что двухъ отвѣтовъ на такой вопросъ быть не можетъ. Талантъ не пріуроченъ ни къ извѣстному темпераменту ни къ извѣстному міросозерцанію; онъ развивается и растетъ при самыхъ различныхъ, самыхъ противоположныхъ условіяхъ, отчасти, конечно, измѣняясь подъ ихъ вліяніемъ, отчасти налагая на нихъ свою печать, но не уничтожая ихъ и не уничтожаясь передъ ними. Какъ сынъ своего времени и своей страны, художникъ можетъ не оставаться чуждымъ движенію, совершающемуся вокругъ него,—и если это участіе, активное или хотя бы только мысленное, достигаетъ извѣстной силы, оно неизбѣжно отражается на профессіональной дѣятельности художника. Владѣя могучимъ орудіемъ, онъ не можетъ не пользоваться имъ, по крайней мѣрѣ, иногда, въ интересахъ стремленій, которымъ онъ преданъ. Остается ли онъ при этомъ художникомъ, сохраняетъ ли онъ, на ряду съ культомъ идеи, культъ формы, безъ котораго едва ли можетъ быть создано истинно-художественное произведеніе? И на это намъ отвѣтитъ Гаршинъ устами своего Рябинина. „Вопросы: *куда? зачѣмъ?* во время работы исчезаютъ; въ головѣ одна мысль, одна цѣль, и приведеніе ея въ исполненіе доставляетъ наслажденіе. Картина—міръ, въ которомъ живешь и передъ которымъ отвѣчаешь. Здѣсь исчезаетъ житейская нравственность: ты создаешь себѣ новую въ своемъ новомъ мірѣ и въ немъ чувствуешь свою правоту, достоинство или ничтожество и ложь, по-своему, независимо отъ жизни...“ „Былъ ли у меня талантъ?“—спрашиваетъ себя, незадолго до смерти, другой живописецъ, герой разсказа „Надежда Николаевна“, меньше, чѣмъ Рябининъ, но все-таки похожій на самого Гаршина. — „Да, у меня былъ талантъ. Я думаю такъ по тому жившему во мнѣ чувству, которое являлось всякій разъ, когда я начиналъ работать. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать тяжелаго и сладкаго волненія, съ какимъ первый разъ приступаешь къ новому холсту, чтобы начертать на немъ свое созданіе. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать забвенія всего окружающаго, когда духъ погруженъ въ образы“. И здѣсь и тамъ Гаршинъ говоритъ, очевидно, на основаніи собственнаго опыта. Правда, пріемы работы у живописца не совсѣмъ тѣ же, что у писателя; первому легче уйти всецѣло въ міръ видѣній, носящихся передъ его глазами, легче сосредоточить все свое вниманіе на технической сторонѣ дѣла. Но это различіе не исключаетъ сходства; кое-что общее есть во всѣхъ видахъ творчества. Въ области писаннаго слова, какъ и въ области линій и красокъ, желаніе „ударить по сердцамъ“ не исключаетъ усиленнаго — и успѣшнаго — труда надъ внѣшней отдѣлкой

произведенія. Скажемъ болѣе: оно не исключаетъ даже нѣкоторой безсознательности творчества. Намѣренно выбранная тема можетъ облечься въ образы, зародившіеся и слившіеся въ одно стройное цѣлое помимо воли художника... Какъ и Рябининъ, какъ и Лопатинъ, Гаршинъ вносилъ въ свою работу предвзятую мысль, и какъ они оставался художникомъ въ ея исполненіи, потому что она была имъ перечувствована и пережита. Приведемъ еще одну цитату, бросающую яркій свѣтъ на мысль Гаршина. Гельфрейхъ (въ „Надеждѣ Николаевнѣ") мечтаетъ о картинѣ, которою возбуждался бы вопросъ о непротивленіи злу. „Ты скажешь,— говоритъ онъ товарищу: — что вопросъ уже поставленъ? Вѣрно! Но этого мало. Нужно задавать его каждый день, каждый часъ, каждое мгновеніе. Нужно, чтобы онъ не давалъ людямъ покоя. И если я думаю, что мнѣ удастся хоть десятку людей задать этотъ вопросъ картиной, я долженъ написать эту картину... Нужно заставить думать людей, вотъ и все. И кромѣ эстетическаго чувства, которое возбуждаетъ всякая картина и которое одно, само по себѣ, стоитъ не очень-то много, не въ этомъ ли смыслъ того, надъ чѣмъ мы трудимся?"

О чемъ же заставлялъ думать Гаршинъ? Чрезвычайно знаменательнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, стихотвореніе, написанное имъ гораздо раньше всего остального, но напечатанное только послѣ его смерти. Оно внушено первой выставкой картинъ Верещагина (1874 г.), сюжетомъ для которыхъ послужили большею частью эпизоды изъ военныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ. Молодого автора (ему не было тогда и 20 лѣтъ) поразила не техника картинъ, которою восхищалось большинство зрителей. „Не то, — восклицаетъ онъ: —

Увидѣлъ я, смотря на эту степь, на эти лица,
Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,
Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишеній...
Не люди то, а только тѣни...
Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи, одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды,
Изранены, избиты, всѣ они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до послѣдней крови
За родину, лишенную любови,
Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенанія дѣтей,
Погибшихъ за тебя въ глухихъ пескахъ степей,
Вспомянутся чрезъ много лѣтъ
Въ день грозныхъ бѣдъ!"

Въ этихъ стихахъ не видно будущаго мастера формы, но виденъ уже авторъ „Четырехъ дней", „Труса", „Воспоминаній рядового Иванова", страстный противникъ насилія, все равно, единичнаго или коллективнаго. Первый толчокъ къ творчеству не случайно былъ данъ Гаршину именно Верещагинымъ; между ними много общаго... Понятно, какъ

должна была подѣйствовать на Гаршина дѣйствительность, если столь сильно было уже впечатлѣніе, полученное имъ отъ художественной ея передачи. За Дунаемъ юноша воочію увидѣлъ все то, что̀ поразило его впервые въ картинахъ Верещагина. Его литературный дебютъ — „Четыре дня“ былъ одной изъ самыхъ блестящихъ его побѣдъ, потому что съ ощущеніями, въ большей или меньшей степени испытанными имъ самимъ *), переплелась здѣсь глубокая, тяжелая дума, давно уже не дававшая ему покою. Раненый, забытый на полѣ сраженія, герой „Четырехъ дней“ жалѣетъ и объ убитомъ врагѣ, потому что вражда, навѣянная извнѣ, исчезаетъ вмѣстѣ съ шумомъ и громомъ битвы...

„Трусъ“—это новый и не менѣе цѣнный вкладъ въ индивидуальную, если можно такъ выразиться, психологію войны, въ изученіе отраженій, отбрасываемыхъ ею на зеркало личнаго сознанія. Герой разсказа съ самаго начала относится къ войнѣ не такъ, какъ большинство его окружающихъ. При чтеніи телеграммы о *незначительности потерь*, понесенныхъ нашими войсками въ такой-то аванпостной схваткѣ („пятьдесятъ убитыхъ, сто раненыхъ“), онъ не радуется, какъ другіе, а приходитъ въ ужасъ. „Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ!—восклицаетъ онъ: — это незначительная вещь! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстія о какомъ-либо убійствѣ, когда жертвами являются нѣсколько человѣкъ? Отчего катастрофа на тилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію?“ Понятно, что вѣсть о третьей Плевнѣ доводитъ его почти до галлюцинацій. Онъ возмущается горою труповъ, массою пролитой крови; „быкъ, на глазахъ котораго убиваютъ подобныхъ ему быковъ, чувствуетъ, вѣроятно, что-нибудь похожее“. Въ книгѣ, вмѣсто буквъ, ему чудятся „валящіеся ряды людей; перо кажется оружіемъ, наносящимъ бѣлой бумагѣ черныя раны“. Когда заболѣваетъ его пріятель Кузьма, онъ измѣряетъ этой болѣзнью зло, причиняемое войною... Когда онъ присутствуетъ при операціи, совершаемой надъ Кузьмою, онъ думаетъ о другихъ ранахъ, гораздо болѣе ужасныхъ и „нанесенныхъ не слѣпымъ случаемъ, а сознательными дѣйствіями людей“. У умирающаго Кузьмы есть все-таки утѣшеніе, есть даже радость: около него хлопочутъ друзья, надъ нимъ плачетъ любимая женщина. „Смерть всегда будетъ смертью, но умереть среди близкихъ и любящихъ, или валяясь въ грязи и собственной крови, ожидая, что вотъ-вотъ пріѣдутъ и добьютъ, или наѣдутъ пушки и раздавятъ какъ червяка...“

Таковы ощущенія „труса“, испытанныя, конечно, не имъ однимъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ они едва ли были бы возможны, по крайней мѣрѣ, на нашей почвѣ; ихъ подготовило и вызвало продол-

---

*) Хотя Гаршинъ и былъ раненъ, но, какъ мы слышали, ему не пришлось перенести всего того, что̀ описывается въ «Четырехъ дняхъ».

жительное умственное движеніе, обострившее впечатлительность, углубившее вдумчивость въ явленія жизни, поднявшее цѣнность человѣческой личности. Господствовавшій еще недавно взглядъ на войну долго принимался на вѣру, подъ давленіемъ преданія и привычки; онъ долженъ былъ поколебаться, какъ только въ область традиціи проникла и съ этой стороны критическая работа мысли. Освѣщенныя новымъ свѣтомъ, старыя картины получили совершенно другой видъ и совершенно иначе стали дѣйствовать на душу. А между тѣмъ измѣнившееся настроеніе зрителей не освобождало нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ необходимости дѣятельнаго участія въ войнѣ. Эта необходимость обусловливалась иногда даже не внѣшнимъ принужденіемъ, а внутренней борьбой, изъ которой не было другого исхода. Недаромъ же всѣ герои военныхъ разсказовъ Гаршина — какъ и самъ Гаршинъ — пошли на войну по доброй волѣ. Они не могли забыть, что „война есть общее горе, общее страданіе", отъ котораго не должны уклоняться отдѣльныя лица. Не пойдетъ драться одинъ—„возьмутъ другого, и все-таки человѣкъ будетъ изуродованъ или измученъ походомъ". Вотъ это сознаніе обязанности передъ *другимъ* или другими и является источникомъ рѣшеній, бросающихъ раненаго „Четырехъ дней", „труса", рядового Иванова на театръ ненавистной имъ всѣмъ войны. Психологическая подкладка военныхъ разсказовъ оказывается такимъ образомъ довольно сложной — и эта сложность служитъ гарантіей ихъ правды. Они открыто и несомнѣнно тенденціозны, какъ выраженіе чувствъ, внушаемыхъ автору войною,— но вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрны дѣйствительности, они передаютъ ее цѣликомъ, со всѣми ея контрастами и противорѣчіями. Увлекательная сторона войны — тотъ массовый энтузіазмъ, противъ котораго трудно устоять въ данную минуту самому убѣжденному приверженцу мира, едва ли была изображена когда-нибудь съ большей силой, чѣмъ въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова"... Какая оживленная, яркая картина, какъ поразителенъ эффектъ, достигнутый самыми простыми средствами! Какъ вѣрно изображенъ бурный приливъ инстинктивнаго, но именно поэтому неотразимаго чувства, уничтожающаго на время всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія, всѣ мучительные вопросы! Интеллигентный добровольцъ перестаетъ отличаться отъ мужика, только-что разставшагося съ сохой; всѣ сливаются въ одно цѣлое, всѣ находятъ успокоеніе и счастье въ сознаніи безотвѣтственности, въ довѣріи къ руководящей высшей силѣ. Такое настроеніе не можетъ быть продолжительнымъ—и всего короче, конечно, оно у тѣхъ, кто привыкъ къ анализу и критикѣ. Имъ скоро, быть-можетъ, становится трудно понять, какимъ образомъ они могли присоединиться къ общему потоку; но, если они искренни, они не станутъ отрицать совершившагося факта. Искренность была преобладающей чертой въ натурѣ Гаршина, и мы обязаны ей новою, великолѣпною иллюстраціею старой темы: „ave, Caesar, morituri te salutant",

Та же искренность заставляетъ автора военныхъ разсказовъ не скрывать глубокаго различія между взглядами на войну, существующими въ средѣ массы и въ средѣ небольшого меньшинства. Насколько сложенъ послѣдній, настолько элементаренъ первый. „Этого самаго турку бить слѣдуетъ,—говоритъ пьяненькій солдатикъ въ „Трусѣ“:—онъ бунтуетъ, а намъ огорченіе“. Того же мнѣнія придерживаются и товарищи „рядового Иванова“. Они знали только, что турку бить идутъ, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью, пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ, итти куда-то подъ пули и ядра. Турка представлялся бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить. А впрочемъ, если подумать хорошенько, не найдется ли что-нибудь общее между воззрѣніями, повидимому, столь далекими одно отъ другого? Въ этомъ глубокомъ убѣжденіи массы, что нужно наказать виновника, зачинщика войны, не скрывается ли строгій приговоръ надъ самой войною, въ сущности не менѣе строгій, чѣмъ произносимый во имя иныхъ, высшихъ принциповъ?..

Нарисовать солдата и даже офицера, которые бы вовсе не напоминали военныхъ типовъ Льва Толстого, русскому писателю до крайности трудно, почти невозможно. Неудивительно, что Житковъ и Өедоровъ въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова“ немного похожи на Жданова и Максимова въ „Рубкѣ лѣса“, капитанъ Заикинъ—на капитана Хлопова въ „Набѣгѣ“: это не мѣшаетъ имъ быть живыми лицами, безъ сомнѣнія, списанными съ натуры. Совершенно оригиналенъ зато штабсъ-капитанъ Венцель, весь сотканный изъ контрастовъ, думающій по-новому и дѣйствующій по-старому, жестоко обращающійся съ своими солдатами и неутѣшно оплакивающій потери, понесенныя его ротой въ первой стычкѣ съ турками... Фигура Венцеля кажется намъ не только правдивой, но и типичной. Венцели попадаются и внѣ сферы, изображенной Гаршинымъ: она даетъ только больше простора всѣмъ характеристическимъ ихъ свойствамъ, облекая ихъ властью, уменьшая до минимума силу встрѣчаемаго ими отпора. Венцелемъ можетъ стать, при благопріятныхъ условіяхъ, каждый самодовольный идеалистъ, вѣрящій въ людей, но еще больше вѣрящій въ самого себя и ожидающій немедленныхъ, наглядныхъ результатовъ отъ каждаго своего слова, отъ каждаго своего дѣла. Если это ожиданіе не оправдывается, — а какимъ же образомъ оно можетъ оправдаться? — вѣра въ людей быстро уступаетъ мѣсто разочарованію; остается только вѣра въ себя, заставляющая смотрѣть свысока на все и всѣхъ,—а отъ высокомѣрія одинъ шагъ до презрѣнія, отъ презрѣнія одинъ шагъ до призыва къ „кулаку“. Землевладѣлецъ, пріѣхавшій въ деревню съ намѣреніемъ перевоспитать и облагодѣтельствовать сосѣднихъ крестьянъ, встрѣчается на первыхъ порахъ съ недовѣріемъ, съ пассивнымъ противодѣйствіемъ массы,—этого довольно,

чтобы разрушить всѣ его мечты и обратить его изъ народолюбца въ приверженца „административной опеки", кричащаго на всѣхъ перекресткахъ о необходимости „властной руки" или „ежовой рукавицы". Педагогъ, вступающій въ школу съ надеждой подчинить ее всецѣло своему нравственному вліянію, терпитъ неудачу, вызванную всего больше собственными его ошибками, но приписываетъ ее упрямству и испорченности учениковъ—и становится защитникомъ „желѣзной" дисциплины. Это все Венцели, болѣе или менѣе прямолинейные—и благо имъ, если въ ихъ жизни произойдетъ кризисъ въ родѣ того, какимъ является у Гаршина первая битва съ турками. Благо имъ, если необыкновенное стеченіе обстоятельствъ разбудитъ въ нихъ прежнія, лучшія стремленія, иначе они не сойдутъ съ пути, прямо противоположнаго ихъ первоначальной цѣли, и сдѣлаются сами — или сдѣлаютъ другихъ — жертвами роковой ошибки.

Тенденціозность Гаршина выразилась не въ однихъ лишь военныхъ его разсказахъ. Въ „Художникахъ", какъ мы уже видѣли, поставленъ ребромъ вопросъ о значеніи искусства, вопросъ, съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ передававшійся по наслѣдству отъ одного молодого поколѣнія къ другому и обострявшійся по мѣрѣ переплетенія его съ вопросомъ о значеніи и назначеніи жизни. Разрѣшеніемъ мучительной загадки небольшой разсказъ Гаршина, безъ сомнѣнія, служить не можетъ, да онъ и не предъявляетъ на то никакихъ претензій. Въ лицѣ Рябинина и Дѣдова авторъ изображаетъ представителей двухъ противоположныхъ отношеній къ искусству; тенденціознымъ является только явное сочувствіе его къ Рябинину, во многомъ, какъ мы уже сказали, похожему на самого Гаршина. Предвзятою мыслью не уменьшается нимало ни правдивость ни художественность картины. Въ Рябининѣ нѣтъ ничего сочиненнаго: это одинъ изъ многихъ, ищущихъ и не находящихъ примиренія между жизнью и искусствомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ это человѣкъ конца семидесятыхъ годовъ, послѣдовательный, энергичный, неспособный на сдѣлки съ совѣстью. Однажды потерявъ вѣру въ свою профессію, онъ не можетъ продолжать прежнихъ занятій, что бы они ни обѣщали ему въ будущемъ. Различные фазисы процесса, предшествующаго неизбѣжной катастрофѣ, обрисованы Гаршинымъ съ замѣчательной силой. Смутное предчувствіе кризиса владѣетъ Рябининымъ съ самаго начала. „Какъ локомотиву съ открытою паропроводною трубою,—читаемъ мы уже въ первой выпискѣ изъ дневника Рябинина:—предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзно-мѣднаго чудовища въ груду обломковъ, такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и если я сойду съ нихъ, что тогда? Я долженъ во что бы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь"... Чтобы не соскочить съ рельсовъ, Рябининъ

принимается писать „глухаря“; онъ надѣется, хотя и смутно, что „хорошая картина“ произведетъ „хорошее дѣйствіе“. Сомнѣнія берутъ верхъ надъ надеждой еще во время работы. Рябинину начинаетъ казаться, что онъ больше ничего не напишетъ. Онъ доволенъ своимъ „глухаремъ“, но довольство не ласкаетъ, а мучитъ его. „Это — не написанная картина, это созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, я не знаю, но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать“... Сойду ли я съ рельсовъ?..—этотъ вопросъ еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, носится передъ воображеніемъ Рябинина. Картина окончена, выставлена, продана — и Рябининъ дѣйствительно сходитъ съ рельсовъ. Онъ тяжело заболѣваетъ, и въ его болѣзненныхъ снахъ его собственная личность какъ-то странно сталкивается съ личностью изображеннаго имъ „глухаря“... Оправившись отъ болѣзни, Рябининъ бросаетъ кисть и поступаетъ въ учительскую семинарію. Это — одно изъ средствъ „уйти въ народъ“, сдѣлаться непосредственно ему полезнымъ. И на новомъ поприщѣ однако Рябининъ „не преуспѣлъ“. Жаль, что Гаршинъ не исполнилъ своего обѣщанія и не разсказалъ намъ о дальнѣйшей судьбѣ своего героя; но это не мѣшаетъ Рябинину оставаться одною изъ самыхъ крупныхъ фигуръ современной беллетристики.

Сочувствіе Гаршина къ Рябинину не дѣлаетъ его несправедливымъ къ Дѣдову. Представитель „чистаго искусства“ — также живое лицо, а не карикатура. Онъ находитъ полное удовлетвореніе въ своей художественной дѣятельности, никогда не задумывается надъ ея цѣлесообразностью; онъ глубоко убѣжденъ, что „ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ творчество“. Онъ умѣетъ выгодно продать картину, но пишетъ ее вовсе не для того, чтобы заработать побольше денегъ; по выраженію Рябинина, онъ „страстно влюбленъ въ искусство“, существующее „для воспроизведенія изящнаго въ природѣ“, „смягчающее душу“, „настраивающее человѣка на тихую, кроткую задумчивость“. Онъ заботится о заболѣвшемъ Рябининѣ, чистосердечно жалѣетъ о неполученіи имъ золотой медали и заранѣе оплакиваетъ участь, ожидающую его въ глухой деревнѣ. Если Рябининъ — весь огонь, то и въ Дѣдовѣ по временамъ вспыхиваетъ и свѣтится небольшое пламя, и разсказъ, переходящій изъ устъ одного въ уста другого, не производитъ впечатлѣнія искусственной односторонности, не кажется написаннымъ на заданную тему... То же самое можно сказать и про „Ночь“, потому что заключеніе очерка, выражающее задушевную мысль автора, составляетъ естественный, логичный выводъ изъ всего остального. Въ минуты крайняго душевнаго напряженія картины давнопрошедшаго возстаютъ въ памяти съ такою же ясностью, проносятся одна за другой съ такой же быстротою, какъ и въ тѣ моменты, когда внезапно наступившая опасность ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ грозящей смертью. Положеніе человѣка, рѣшившагося на самоубійство, похоже на положеніе утопающаго или ожидающаго съ секунды на секунду разрыва

упавшей бомбы (припомнимъ Праскухина и Михайлова въ одномъ изъ севастопольскихъ разсказовъ Льва Толстого). Онъ можетъ вспомнить о томъ, о чемъ не думалъ цѣлые годы; на него можетъ подѣйствовать то, къ чему онъ въ другое время остался бы совершенно равнодушнымъ. Удары колокола, звукъ которыхъ ворвался въ комнату Алексѣя Петровича, „говорили чужимъ ему языкомъ, но говорили что-то большое, важное и торжественное". Они вызвали въ немъ „неудержимую волну воспоминаній, отрывочныхъ, безсвязныхъ и какъ будто совершенно для него новыхъ". Воскресла память о дѣтствѣ, когда онъ любилъ и былъ любимъ, и вмѣстѣ съ нею воскресъ остатокъ любви, схоронившійся гдѣ-то далеко, въ забытомъ уголкѣ сердца. „Куда, на какое дѣло излить этотъ остатокъ — Алексѣй Петровичъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какія довелось ему видѣть въ жизни, и понялъ,что ему нужно итти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его—и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ. „Страшно, — думалось ему: — *не могу я больше жить за свой собственный счетъ и страхъ*; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего *я*, всепожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ". Надломанный организмъ не выноситъ восторга, возбуждаемаго этою мыслью: Алексѣй Петровичъ умираетъ, но умираетъ не отъ своей руки, счастливый и примиренный съ жизнью.

Слова о невозможности „жить за собственный счетъ и страхъ" — по справедливому замѣчанію одного изъ ораторовъ, говорившихъ надъ могилой Гаршина—чрезвычайно характеристичны для самого Гаршина. Таково было, очевидно, его личное убѣжденіе, возведенное на степень вѣры. Не случайно оно озаряетъ умирающаго героя „Ночи", не случайно держится и въ больномъ героѣ „Краснаго цвѣтка". Отъ другихъ психіатрическихъ этюдовъ, слишкомъ многочисленныхъ въ послѣднее время и въ иностранной и въ нашей литературѣ, „Красный цвѣтокъ" отличается именно тѣмъ, что на первомъ планѣ разсказа стоитъ не скорбный листъ болѣзни, не клиническое изученіе ея фазисовъ и ея симптомовъ, а исторія идеи, зародившейся въ умственно-здоровомъ человѣкѣ и продолжающей жить въ безумцѣ. Душевное разстройство обнаруживается только въ выборѣ средствъ для осуществленія идеи; беззавѣтная преданность ей, ни передъ чѣмъ не отступающая рѣшимость, готовность пожертвовать собою — все это унаслѣдовано больнымъ отъ прежняго, нормальнаго періода его жизни. Отсюда глубокое впечатлѣніе, производимое разсказомъ; отсюда трагическій контрастъ между свѣтомъ, къ которому тянется воля больного, и тьмой, въ которую погруженъ его разсудокъ. По свидѣтельству одного изъ нашихъ психіатровъ, отличительныя черты маніакальнаго состоянія изображены Гаршинымъ въ „Красномъ цвѣткѣ" съ замѣчательной вѣрностью—и

это вполнѣ понятно, потому что онѣ были извѣстны автору, къ несчастью, по собственному его опыту; но не въ этомъ заключается, въ нашихъ глазахъ, главное достоинство разсказа. Насъ поражаютъ въ немъ больше всего тѣ смутные отголоски прежнихъ чувствъ и стремленій, которые служатъ соединительнымъ звеномъ между настоящимъ и прошедшимъ больного. „Больной видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ заколдованномъ кругѣ, собравшемъ въ себя всю силу земли, и въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія". При такомъ настроеніи цѣль дѣятельности больного должна была опредѣлиться первымъ предметомъ, бросившимся ему въ глаза, остановившимъ на себѣ его вниманіе. Такимъ предметомъ былъ макъ съ необыкновенно яркими алыми цвѣтками—и уничтоженіе этихъ цвѣтковъ, отожествляемыхъ фантазіей больного съ міровымъ зломъ, становится для него задачей, которую нужно исполнить во что бы то ни стало. „Ему казалось, что цвѣтокъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красенъ), всѣ слезы, всю желчь человѣчества. Это было таинственное, странное существо, противоположность Богу, Ариманъ, принявшій скромный и невинный видъ". Больной чувствуетъ величайшее отвращеніе къ цвѣтку, величайшій страхъ передъ нимъ — и все-таки срываетъ его, прячетъ подъ одежду, прижимаетъ къ тѣлу, чтобы „не дать ему при издыханіи излить все зло въ міръ". Пускай „зло перейдетъ въ его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ — тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ какъ честный боецъ, и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра". Онъ срываетъ и второй цвѣтокъ, срываетъ, цѣною отчаянныхъ усилій, третій и послѣдній — и умираетъ, счастливый и довольный. Въ нѣсколько дней разыгралась и закончилась такимъ образомъ цѣлая драма; но этой скоротечностью ея, этой сосредоточенностью усилій, обусловливаемою ложнымъ представленіемъ относительно самаго ихъ предмета, не исчерпывается ли различіе между борьбой противъ „краснаго цвѣтка" и борьбой противъ дѣйствительнаго зла, никогда не прекращающейся въ реальномъ мірѣ? Не ясно ли, что дѣятельность безумца была послѣдствіемъ и продолженіемъ душевной работы, совершавшейся въ немъ до болѣзни, подобно тому, какъ сновидѣніе бываетъ иногда продолженіемъ видѣннаго и слышаннаго наяву?

Съ мыслью о „невозможности жить за собственный счетъ и страхъ" мы встрѣчаемся и въ сказкахъ Гаршина. Не отъ того ли погибаетъ Attalea princeps, что она дѣйствуетъ „за собственный счетъ и страхъ", лично для себя, отрекаясь отъ солидарности съ другими, трусливыми

растеніями? Спѣшимъ оговориться: мы вовсе не утверждаемъ, чтобы такова была основная тема „Attalea princeps“. Необыкновенная привлекательность этой сказки зависитъ именно отъ того, что ея мораль не выступаетъ прямо и открыто. Она допускаетъ нѣсколько различныхъ толкованій, отчасти совмѣстныхъ, отчасти несовмѣстныхъ между собою— и мы только отмѣчаемъ одно изъ нихъ, нисколько не ручаясь за его правильность. „Я и одна найду себѣ дорогу,—говоритъ Attalea princeps:—я хочу видѣть небо и солнце не сквозь эти рѣшетки и стекла— и я увижу!..“ И пальма *гордо смотрѣла зеленой вершиной на лѣсъ товарищей, раскинутый подъ нею; никто изъ нихъ не смѣлъ ничего сказать ей.* И вотъ она достигла цѣли; ея верхушка пробила крышу оранжереи... Люди рѣшили срубить пальму; она погибла, и гибель ея никому не послужила на пользу, никого не освободила, а только увлекла за собою маленькую травку, скромнаго друга пальмы. Другое дѣло—гибель розы, въ „Сказкѣ о жабѣ и розѣ“. Спасенная отъ жабы, роза была срѣзана для того, чтобы скрасить послѣднія минуты умирающаго. „Она сама чувствовала, что ее срѣзали недаромъ“ — и, когда на нее упала слезинка изъ глазъ сестры умершаго, она нашла, что это лучшее происшествіе въ ея жизни. Съ большею еще ясностью проповѣдь солидарности, проповѣдь самопожертвованія выступаетъ на видъ въ „Сигналѣ“—послѣднемъ произведеніи Гаршина.

Самый крупный по объему разсказъ Гаршина, „Надежда Николаевна“, тѣсно связанъ съ однимъ изъ раннихъ его очерковъ: „Происшествіе“. Главное дѣйствующее лицо—и тамъ и тутъ—одно и то же. Въ „Происшествіи“ мы видимъ Надежду Николаевну павшею уже такъ низко, что намъ трудно вѣрить въ возможность перемѣны, совершающейся въ ней, *три года спустя*, подъ вліяніемъ любви къ Лопатину. Это — первое обстоятельство, неблагопріятное для „Надежды Николаевны“; другое невыгодное условіе—выборъ темы, слишкомъ извѣстной и избитой. Реабилитація падшей женщины разрабатывалась и у насъ и въ западно-европейскихъ литературахъ рѣшительно на всѣ лады; извлечь изъ нея что-нибудь новое до крайности трудно, даже для большого дарованія. И все-таки нельзя сказать, чтобы „Надежда Николаевна“ свидѣтельствовала объ упадкѣ таланта Гаршина. Нѣкоторая блѣдность фигуръ героя и героини выкупается яркостью, съ которою обрисованы остальныя дѣйствующія лица — Гельфрейхъ, „капитанъ“ Грумъ-Скжебицкій и въ особенности Безсоновъ, этотъ гордый, холодный человѣкъ, внезапно подпадающій подъ иго неукротимой страсти. „У него въ головѣ, — говоритъ о немъ Гельфрейхъ: — все ящики и отдѣленьица; выдвинетъ одинъ, достанетъ билетикъ, прочтетъ, что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Видитъ, падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ себѣ въ голову (а тамъ у него все по алфавиту); досталъ, прочелъ: *онѣ не возвращаются* никогда“. И вдругъ эта формула оказывается ошибочной: Надежда Николаевна начинаетъ возвращаться,

только опираясь не на руку Безсонова, а на руку Лопатина. Этого Безсоновъ перенести не можетъ; старая любовь къ Надеждѣ Николаевнѣ, насильственно подавленная эгоизмомъ и резонерствомъ, пробуждается въ немъ съ новой, страшной силой. Отравленная въ самомъ своемъ источникѣ, она не можетъ привести ни къ чему доброму. Нужно прочесть у Гаршина картину опустошеній, производимыхъ ею въ душѣ Безсонова. Прежде преисполненный уваженія къ самому себѣ, нравственно-щепетильный до гадливости, онъ нисходитъ теперь до сплетенъ, до анонимныхъ писемъ. Онъ долго обманываетъ самого себя, стараясь вѣрить, что дѣйствуетъ только въ интересахъ Лопатина, только для его собственнаго блага желаетъ разлучить его съ Надеждой Николаевной. Нужно много времени и много безплодныхъ усилій, чтобы привести его къ сознанію настоящей его цѣли. „Я могъ спасти ее и не захотѣлъ; теперь я хочу“,—говоритъ онъ и этимъ самымъ сжигаетъ свои корабли; вернуться назадъ ему не позволяютъ ни гордость ни страсть, раздраженная встрѣченными препятствіями — неожиданной энергіей Лопатина, нескрываемымъ отвращеніемъ Надежды Николаевны. Катастрофа съ этой минуты становится неизбѣжной, и мы не думаемъ, чтобы можно было упрекать Гаршина за слишкомъ кровавую развязку разсказа. Однажды выбитые изъ колеи, такіе люди, какъ Безсоновъ, не отступаютъ ни передъ чѣмъ,—а Лопатинъ не могъ не броситься на защиту Надежды Николаевны.

Таланту Гаршина не былъ чуждъ и юморъ, то мрачный — какъ въ сказкѣ: „То, чего не было“, то добродушный — какъ въ разсказѣ: „Денщикъ и офицеръ“, то слегка меланхоличный—какъ въ „Медвѣдяхъ“. Трогательная картина избіенія ни въ чемъ неповинныхъ звѣрей вставлена въ пеструю рамку беззаботной провинціальной жизни; но если вглядѣться въ эту пестроту, то веселаго и въ ней окажется немного... Одинъ изъ разсказовъ Гаршина—„Встрѣча“—рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Онъ доказываетъ, что Гаршину было подъ силу и объективное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ Кудряшевѣ, благоденствующемъ инженерѣ, нѣтъ ни одной симпатичной черты, — но авторъ изобразилъ его безъ употребленія преувеличенно-мрачныхъ красокъ, изобразилъ его вовсе не для того, чтобы возбудить негодованіе или отвращеніе читателей. Кудряшевыхъ вырабатываетъ современная жизнь, и Гаршину просто хотѣлось показать уголокъ этой работы. Откровенный цинизмъ Кудряшева возможенъ только благодаря множеству точекъ опоры, находимыхъ имъ во всемъ окружающемъ; онъ возведенъ въ систему, богато снабженъ оправданіями и не прочь даже, при случаѣ, перейти отъ обороны къ наступленію. „Кричатъ о наукѣ, о цивилизаціи,—говоритъ Кудряшевъ:—а къ чему бы эта цивилизація прилагалась, если бы не мы, люди со средствами? И кто давалъ наукѣ возможность двигаться впередъ, какъ не люди со средствами? А средства нужно откуда-нибудь взять... Ну, что это за заня-

тіе твое—учительство?—продолжаетъ Кудряшевъ, обращаясь къ своему собесѣднику.—Развѣ ты уплатишь своимъ трудомъ даже тѣ гроши, что тебѣ теперь платятъ? Приготовишь ли ты хоть одного порядочнаго человѣка? Три четверти изъ твоихъ воспитанниковъ выйдутъ такіе же, какъ я, а одна четверть—такими, какъ ты, т.-е. благонамѣренною размазнею. Ну, не даромъ ли ты берешь деньги, скажи откровенно? И далеко ли ты ушелъ отъ меня?“ Такъ разсуждать могутъ только современные „хищники“. Кудряшевъ родной братъ герою „Первой борьбы“ (В. Крестовскаго-псевдонима), провозглашающему обязанность общества заботиться о благосостояніи „избранныхъ людей“, баловней цивилизаціи и любимцевъ счастья.

Тонкими художественными штрихами богаты всѣ разсказы Гаршина. Онъ не вдается въ протоколизмъ, не злоупотребляетъ картинами декоративнаго свойства, рѣдко прибѣгаетъ къ описаніямъ, всегда притомъ тѣсно связаннымъ съ ходомъ дѣйствія. Дѣтскія встрѣчи съ цыганами возстаютъ въ памяти разсказчика (въ „Медвѣдяхъ“) вмѣстѣ съ обстановкой, при которой онѣ происходили—и передъ нами является поэтическій образъ тихой лѣтней ночи. Мирное утро, изображенное въ „Четырехъ дняхъ“, еще ярче оттѣняетъ весь ужасъ положенія, освѣщаемаго первыми проблесками зари... Немного у Гаршина и сравненій, но нѣкоторыя изъ нихъ ничего не теряютъ рядомъ съ лучшими образцами этого рода. „Смерть,—читаемъ мы въ тургеневскомъ „Дневникѣ лишняго человѣка“;—уже не приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой; она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня“... Многимъ ли уступаетъ этимъ строкамъ слѣдующее мѣсто въ „Надеждѣ Николаевнѣ“: „Смерть уже не подкрадывается ко мнѣ, а подходитъ твердыми шагами, шумъ которыхъ я ясно слышу въ безсонныя ночи“?.. Умирающій Кузьма (въ „Трусѣ“) узнаётъ, что Марья Петровна, которую онъ любилъ безъ отвѣта и безъ надежды, чувствуетъ къ нему теперь состраданіе, граничащее съ любовью. „Все лицо его точно освѣтило солнцемъ, какъ освѣщается мокрый и печальный лугъ, когда раздвинутся тучи, нависшія надъ нимъ, и дадутъ выглянуть солнышку“. Не вдаваясь въ подробный анализъ психической жизни своихъ героевъ, Гаршинъ умѣетъ выхватить изъ нея отдѣльныя черты, бросающія свѣтъ на цѣлое настроеніе. Таково, напримѣръ, воспоминаніе о раздавленной собачкѣ, преслѣдующее раненаго въ „Четырехъ дняхъ“, или восклицаніе, вырывающееся у него при видѣ восходящей луны: „какъ хорошо теперь дома!“. Таковъ вопросъ Надежды Николаевны (въ „Происшествіи“), когда она готова броситься въ прорубь: „Интересно знать, просвѣчиваетъ ли туда дневной свѣтъ?..“ Формы повѣствованія у Гаршина довольно однообразны; это большею частью или чередующіеся дневники дѣйствующихъ лицъ („Происшествіе“, „Художники“, „Надежда Николаевна“), или разсказъ въ первомъ лицѣ („Четыре дня“, „Трусъ“, „Воспоминанія рядового Иванова“). Весьма

возможно, что Гаршинъ не былъ мастеромъ архитектоники, не умѣлъ возводить сложныхъ, симметрически правильныхъ построекъ; этимъ объясняется, можетъ-быть, и то, что онъ не написалъ ни одного романа,—но объемъ произведенія и способъ веденія разсказа имѣютъ во всякомъ случаѣ весьма второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе, въ нашихъ глазахъ, полная свобода Гаршина отъ погони за „рѣдкими эпитетами", за оборотами рѣчи, поражающими неожиданностью и новизною. На эту черту его таланта мы указали еще въ статьѣ, посвященной очеркамъ и разсказамъ г. Короленко. „Для насъ, русскихъ, — замѣтили мы тогда:—художественная простота имѣетъ особенную притягательную силу, потому что насъ пріучили къ ней великіе образцы, завѣщанные намъ нашимъ недавнимъ прошлымъ. Она сослужила большую службу сначала г. Гаршину, потомъ г. Короленко. Во многомъ другомъ они далеки другъ отъ друга, но простота, въ лучшемъ смыслѣ слова—свойство, общее имъ обоимъ. Читая одного изъ нихъ, мы словно выходимъ на свѣжій, вольный воздухъ; многіе другіе писатели того же поколѣнія часто вызываютъ въ насъ ощущеніе душной атмосферы, въ которой горитъ слишкомъ много свѣчей и курится слишкомъ много благовоній"... „Ничего вычурнаго, натянутаго, претенціознаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ изящество рѣчи, не бросающееся въ глаза, не напрашивающееся на вниманіе" — эти слова, сказанныя нами о г. Короленко, вполнѣ примѣнимы и къ Гаршину.

Былъ ли Гаршинъ скептикомъ или пессимистомъ, какимъ его иногда выставляли? Намъ кажется, что нѣтъ. На произведеніяхъ его лежитъ отпечатокъ глубокой грусти, зависящій отчасти отъ обстоятельствъ времени, въ которое онъ жилъ, отчасти отъ болѣзненности его натуры; но онъ никогда не терялъ вѣру въ человѣка, такъ ясно выразившуюся въ послѣднихъ его произведеніяхъ—въ „Надеждѣ Николаевнѣ", въ „Сигналѣ". Подобно Надсону, съ которымъ у него много общаго, Гаршинъ часто сомнѣвался, иногда, можетъ-быть, даже былъ близокъ къ отчаянію,—но это были только преходящія настроенія, а не міросозерцаніе, овладѣвшее всею жизнью. Гаршинъ слишкомъ много и горячо любилъ, чтобы потерять всякую надежду на лучшее будущее. Онъ зналъ, конечно, что никому не дано вырвать сразу „красный цвѣтокъ", — но едва ли думалъ, что господству его не будетъ конца.

---

2) Статья П. Ф. Якубовича.

(„Гамлетъ нашихъ дней").

Г. Гаршинъ написалъ и напечаталъ всего восемь небольшихъ разсказовъ на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ, и между тѣмъ какъ-то само собою, безъ особаго труда установилось мнѣніе о немъ, какъ о наиболѣе выдающемся и талантливомъ изъ молодыхъ писателей. Никто не

оспаривалъ этого мнѣнія, никто не усомнялся въ даровитости г. Гаршина, хотя никто также не пытался до сихъ поръ выяснить хорошенько, на чемъ основывалась такая сильная вѣра въ это новое дарованіе. Между тѣмъ стоило прочитать подъ-рядъ лучшіе изъ разсказовъ („Четыре дня", „Трусъ", „Художники", „Ночь"),—трудъ этотъ занялъ бы часъ-два времени,—стоило немного вдуматься въ нихъ, чтобы понять, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ талантѣ, не въ стихійной силѣ его...

Не въ художественномъ талантѣ слѣдуетъ искать объясненія завоеванному г. Гаршинымъ обаянію, если только примѣнимо подобное выраженіе къ писателю, почти начинающему. Въ его восьми разсказахъ вы не найдете ни многообразія типовъ ни полной и безусловно вѣрной картины жизни современной русской интеллигенціи; но зато г. Гаршинъ сильнѣе всѣхъ молодыхъ писателей будитъ мысль читателя; онъ волнуетъ и терзаетъ насъ такъ же, какъ терзаются его герои, какъ, очевидно, самъ онъ терзается. И эти терзанія не есть терзанія человѣка одной какой-нибудь партіи, а знакомы всей лучшей части нашей интеллигенціи... Разсказы г. Гаршина, безъ всякаго преувеличенія, можно назвать стонами, раздирающими душу; мало ихъ, рѣдко они слышатся, но зато какіе же это стоны!..

Итакъ, предоставимъ завзятымъ эстетикамъ опредѣлять литературное значеніе г. Гаршина, отыскивать ему мѣсто на нашемъ Парнасѣ, ждать отъ него возрожденія отечественной беллетристики, и т. д. и т. д.; мы того мнѣнія, что въ смыслѣ художественности ничего поразительнаго въ разсказахъ г. Гаршина нѣтъ. Будь сюжетами этихъ разсказовъ тѣ невинныя вещи, которыя всѣмъ такъ набили оскомину, въ родѣ амуровъ, тѣ сюжетики, которые только подъ перомъ даровитаго художника, въ родѣ Тургенева, становятся увлекательными и много говорящими уму и сердцу; будь сюжетами этихъ разсказовъ экскурсіи въ область народной жизни, ея будничной детальности и т. п., т.-е сюжеты, дѣлающіеся только въ произведеніяхъ такого мастера искусства, какъ Гл. Успенскій, способными терзать читателя, мучить, казнить и заставлять ломать руки въ отчаяніи, въ безплодныхъ поискахъ отвѣта на вопросъ: что̀ дѣлать?—и, вѣроятно, г. Гаршинъ не выдѣлился бы изъ многочисленной плеяды писателей, имена которыхъ Ты, Господи, вѣси.

Но г. Гаршинъ выдѣлился...

У него даже формы не выработано оригинальной, своеобразной: слогъ простой, дышитъ искренностью, теплотой, поэзіей, но это такой слогъ, который неизбѣженъ у лирика (а г. Гаршинъ, по преимуществу, лирикъ), вполнѣ естественъ и мало говоритъ объ искусствѣ, о выработкѣ; какимъ онъ былъ въ первомъ произведеніи г. Гаршина („Четыре дня"), такимъ остался и въ послѣднемъ („То, чего не было"), безъ малѣйшаго прогресса и регресса.

Читателю можетъ, пожалуй, показаться, что цѣль всѣхъ этихъ разсужденій—унизить г. Гаршина, доказать, что онъ вовсе не такое чудо, какъ

трубятъ про него. Ничуть не бывало! Мы, можетъ-быть, болѣе господъ трубачей восхищаемся г. Гаршинымъ, болѣе ихъ всѣхъ существомъ нашимъ, всѣмъ „нутромъ“ чувствуемъ боль его ранъ и горечь его скорби, и рѣчь нашу клонимъ совсѣмъ не къ тому, чтобъ унизить молодого писателя, а напротивъ—*возвысить:* убѣдить другихъ взглянуть на него главнымъ образомъ какъ на человѣка нашихъ дней, а не какъ на литератора,—человѣка отравленнаго, для котораго нѣтъ ничего свѣтлаго въ жизни, ничего внушающаго надежду, который, плача жгучими слезами, дерзко срываетъ покровы со всѣхъ проявленій жизни, какъ тотъ юноша миѳологіи, что̀ снялъ покрывало съ Изиды и палъ мертвымъ,—съ злорадствомъ отчаянія и мрачнаго скептицизма обнажаетъ самыя страшныя язвы, ложь нашихъ фразъ, безплодность нашихъ мечтаній и восклицаетъ безнадежно: „да гдѣ же исходъ, наконецъ?!.“

Общественный смыслъ и общественное значеніе имѣетъ эта маленькая книжка, разсказы Всеволода Гаршина.

Теперь мы и разсмотримъ нѣсколько подробнѣе этотъ смыслъ и это значеніе.

I.

Странное и до сихъ поръ неразгаданное явленіе представляетъ извѣстный американскій писатель Эдгаръ Поэ. Одни считаютъ его мистикомъ, другіе просто сумасшедшимъ, третьи недоумѣваютъ. Намъ кажется, что французскій поэтъ Шарль Бодлеръ, имѣющій много родственныхъ съ Эдгаромъ Поэ чертъ и даже считающійся его подражателемъ, можетъ служить нѣкоторымъ ключомъ къ пониманію этого страннаго человѣка. Вдумайтесь въ произведенія того и другого, сопоставьте ихъ съ фактами жизни того и другого, дополните недостающее въ характерѣ одного особенностями другого,—и у васъ получится гигантскій образъ сомнѣнія и отчаянія человѣческой мысли, воплотившійся въ этихъ двухъ личностяхъ. Тутъ до сумасшествія, до абсолютной безсмыслицы далеко! Можетъ, это и сумасшествіе, но только въ томъ смыслѣ, что люди сошли съ обычной „нормальной“ дороги ума и, въ безсильныхъ поискахъ другого, болѣе удовлетворительнаго пути, отчаялись за него, а на старый путь не захотѣли вернуться. И вотъ они глумятся надъ жизнью, бичуютъ ее, мало того: начинаютъ бичевать и трепать самого человѣка, рыться съ копотливостью анатома, не боящагося никакой грязи, въ самыхъ неуловимыхъ, въ самыхъ отвратительныхъ тайникахъ его души, его ощущеній, показывать все ихъ ничтожество, все ихъ безсиліе, всю ихъ безплодность, безцѣльность, а утомившись такой страшной работой—„блуждать въ странѣ грезъ“, „за предѣлами земной немощи“, въ области фантасмагорій...

Je suis la plaie et le couteau,
Je suis le soufflet et la joue,

Je suis la victime et la roue,
Et les membres et le bourreau *)...

говоритъ Бодлеръ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній...

Жизнь для этихъ людей—уже не жизнь, а тяжелый кошмаръ. Смотря на нее, какъ на нѣчто безсмысленное, никакой цѣны не имѣющее, они видятъ столько же смысла въ абсурдѣ, сколько и въ разумномъ, столь же реальности въ грезѣ, сколько и въ конкретномъ, въ осязаемомъ мірѣ. Но повторяемъ: для сумасшедшаго все непроизвольно: и дѣйствіе, и мысль, и ощущеніе; у него сознательность воли исчезаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ въ извѣстныхъ пунктахъ (у такъ называемыхъ маніаковъ-сумасшедшихъ), исчезаетъ тотъ психическій двигатель, который наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы представленія ассоціировались между собою не по однимъ внѣшнимъ признакамъ сходства и различія, а по связи внутренней. Мысль сумасшедшаго то же, что мысль больного во время бреда. Эдгаръ Поэ и Шарль Бодлеръ были сумасшедшіе совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ. Бодлеръ былъ глубокій умъ, передовой мыслитель своего времени... И въ недостаткѣ воли также нельзя обвинять ни того ни другого. Выражаясь языкомъ просторѣчія, они оба напускали на себя дурь,—дурь, которую могли бы въ концѣ концовъ стряхнуть съ себя, если бы захотѣли, и жить и мыслить такимъ же благовоспитаннымъ способомъ, какъ жили ихъ родственники, друзья, вообще современники; но они не хотѣли этого... Почему не хотѣли? Потому что не понимали и не могли понять превосходства этой, такъ называемой „нормальной“ жизни и мысли, видѣли въ нихъ такъ же мало достоинствъ, такъ же мало (если не меньше) смысла, а главное, надежды, какъ и въ той эксцентричности и экзальтаціи, которую они предпочитали, какъ и въ жизни среди грезъ и фантасмагорій. Потомъ они привыкли къ такой жизни...

И вотъ оба медленно умерщвляютъ себя: одинъ виномъ, другой гашишемъ...

Все было испробовано, все исчерпано: мысль, но она имѣла предѣлы: дѣятельность—она не имѣла ясной, видимой цѣли; наслажденіе — оно было преходяще и въ концѣ концовъ монотонно. Что же оставалось? Оставалось по-мефистофелевски иронизировать надъ жизнью, выворачивать всѣ ея детали на изнанку, чтобы удостовѣриться—не лучше ли такъ будетъ; ну, и, конечно, приходилось опять и опять разочаровываться, опять и опять стонать, проклинать, порываться къ нему и, вмѣсто того, падать въ ямы...

Эдгаръ Поэ былъ, собственно, прототипомъ Бодлера; онъ былъ менѣе образованъ, менѣе глубокъ, чѣмъ этотъ послѣдній; онъ скорѣе инстинктомъ, чѣмъ путемъ логики и критики, пришелъ къ своему безотрадному взгляду на жизнь, на плоды ея многовѣковой культуры, на чело-

*) Я представлю въ одно время—и рану и ножъ, и пощечину и щеку, и жертву и колесо, и члены тѣла и палача...

вѣка вообще,—поэтому Эдгаръ Поэ среднему читателю, въ особенности русскому, менѣе всего понятенъ, болѣе всего кажется страннымъ. Но Бодлеръ—истинный сынъ нашего вѣка, больного, искалѣченнаго вѣка, въ своемъ утомленіи отчаявшагося за все будущее человѣчества... „Да будетъ проклятъ прогрессъ! Надежда—миражъ, напрасно обольщающій насъ и заставляющій за него бороться; ничего она не дастъ! Ничего, ничего лучшаго не ждите, потому что человѣкъ—вотъ каковъ, вотъ какъ онъ немощенъ, какъ онъ жалокъ!“ Такъ можно формулировать жалобы Бодлера. Отсюда понятны эти странныя кривлянія, эти гимны сатанѣ, злу, эти „Fleurs du mal“... Поэзія Байрона—поэзія отчаянія за будущее человѣка отчаянія—не лишеннаго однако по временамъ надежды (иначе къ чему бы участвовать въ войнѣ за независимость Греціи?), отчаянія—признающаго однако идеалы свободы и братства; но поэзія Бодлера—поэзія абсолютнаго отчаянія *за человѣка вообще*, за возможность осмысленной жизни на землѣ...

Изъ сравненія Байрона и Бодлера, раздѣленныхъ между собою всего нѣсколькими десятками лѣтъ, видно, какъ быстро живетъ въ настоящемъ столѣтіи Европа, какъ сильно утомилась европейская мысль, какъ изстрадалась она; какъ успѣла разрастись общественная гангрена, едва намѣтившаяся въ концѣ прошлаго вѣка, какого скораго излѣченія она требуетъ, и какъ всѣ предложенныя до сихъ поръ лѣкарства были неразумны и безполезны.

Вотъ съ этими-то двумя „странными“ поэтами (Эдгаромъ Поэ и Бодлеромъ), къ сожалѣнію, мало знакомыми русской публикѣ, много точекъ соприкосновенія имѣетъ Всеволодъ Гаршинъ. Вся разница въ томъ, что нашъ поэтъ находится еще на пути къ тѣмъ страшнымъ выводамъ относительно жизни и человѣка, къ которымъ пришелъ Бодлеръ, находится еще, такъ сказать, въ процессѣ скептицизма, въ періодѣ скепсиса, въ періодѣ ужасномъ, мучительномъ,—тѣмъ болѣе мучительномъ, что по временамъ передъ нимъ блеститъ еще надежда...

Мучительность этого періода для г. Гаршина увеличило и осложнило одно обстоятельство, котораго не знали ни Эдгаръ Поэ ни Бодлеръ. Это обстоятельство—общій подъемъ духа въ нашемъ молодомъ поколѣніи, расширеніе его нравственныхъ задачъ, ростъ идеальныхъ требованій и стремленій, ростъ, увеличивавшійся въ послѣднія десять лѣтъ чуть не съ каждымъ годомъ и наконецъ достигшій такой страшной степени напряженія, когда неизбѣженъ разрывъ со стариной. Но куда приведетъ этотъ разрывъ, ко благу ли? Не случится ли съ чающими движенія воды, съ ищущими выхода на свѣжій воздухъ изъ душной атмосферы отживщихъ традицій, того же, что̀ случилось съ гордой пальмой (Attalea princeps), пробившей въ неудержимой жаждѣ свободы крышу оранжереи и что̀ же нашедшей тамъ? Холодъ и мракъ, т.-е. ту же смерть, только болѣе скорую...

Такихъ вопросовъ не могли не задать себѣ пытливыя натуры, ни-

чему не способныя отдаться беззавѣтно и безраздѣльно, ничего не принимающія на вѣру, все подвергающія суровой критикѣ разсудка. Эти люди—по преимуществу люди разсудка, съ чувствомъ, отстающимъ отъ мысли, хотя—странное дѣло!—эти же люди сильнѣе чувствуютъ, наиболѣе страдаютъ и терзаются... Почему? Можетъ-быть, потому, что совѣсть есть не что иное, какъ сознающее себя чувство, и оно-то, сознавая себя отстающимъ отъ мысли, мучится, казнится своею робостью, казнится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ развитѣе и нравственно мягче... Однимъ словомъ, это—Гамлеты нашего времени, преобразованные Рудины,

Съ осанкою бойца идущіе на бой
И съ нерѣшимостью мечтателя-поэта...

Нѣтъ сомнѣнія, что къ ихъ числу принадлежитъ и Всеволодъ Гаршинъ.

Передъ Гамлетомъ нашихъ дней стоитъ роковая альтернатива: жить, какъ всѣ, или вѣрить и жить, какъ единицы. Но Гамлетъ неспособенъ ни къ тому ни къ другому. Жить, какъ всѣ—для него нравственно невозможно: для этого онъ слишкомъ честенъ, слишкомъ идеаленъ, слишкомъ дитя своей эпохи; для вѣры и дѣлъ—онъ слишкомъ измятъ, слишкомъ старъ нравственно, слишкомъ золъ, слишкомъ скептиченъ, — такимъ сдѣлали его жизнь, среда и воспитаніе. Бываютъ случаи въ жизни, когда для спасенія приходится избирать то или другое рѣшительное средство. И человѣкъ прекрасно сознаётъ, что этихъ средствъ всего два, что выборомъ слѣдуетъ торопиться, ни минуты не медля; но что же? На него находитъ странный столбнякъ, апатія. Нельзя сказать, чтобы онъ желалъ гибели, а тѣмъ не менѣе онъ стоитъ на мѣстѣ и безразсудно медлитъ, теряетъ дорогія минуты спасенія... То же, или почти то же происходитъ съ Гамлетомъ. Ни спать ни бороться, вѣруя — онъ не хочетъ и не можетъ; и, отлично зная, что другого выхода нѣтъ, кромѣ развѣ выхода въ адъ, онъ выбираетъ себѣ именно этотъ адъ муки и горечи, адъ самобичеванія: выворачиваетъ всю свою „внутренность", заглядываетъ въ чужія души, подвергаетъ всю окружающую жизнь безпощадному анализу критики...

Посмотрите, напримѣръ, какую картину рисуетъ намъ г. Гаршинъ. Человѣкъ долженъ сегодня умереть, т.-е. онъ рѣшилъ, что долженъ умереть.

„Онъ вспомнилъ всю грязь своей жизни, перевернулъ всю грязь своей души, не нашелъ въ ней ни одной чистой и свѣтлой частицы, и былъ увѣренъ, что кромѣ грязи въ его душѣ ничего не осталось"... „Въ прошломъ нѣтъ опоры, потому что все тамъ—ложь, все обманъ. И лгалъ и обманывалъ я самого себя, не оглядываясь. Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачомъ, разсказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то „тамъ", „не получены", но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво".

Этотъ человѣкъ, умирая, рѣшаетъ, что онъ обманывалъ себя и другихъ, дѣлая „роль изъ фарса". Изъ этого видно, что для Гамлета на-

шего времени, человѣка, зараженнаго до мозга костей скептицизмомъ, „вѣровать“—значитъ „разыгрывать роль“, „казаться“ другимъ и *самому себѣ* дѣйствующимъ по убѣжденію. Возможно ли при подобной „вѣрѣ“ душевное спокойствіе! Тутъ возможенъ одинъ тотъ исходъ, то рѣшеніе, къ которому и пришелъ герой „Ночи“: покончить съ собой... Но и покончить-то нѣтъ силы воли; все думается: „а что̀, если ты ошибаешься, что̀, если не все въ твоей жизни было фальшиво, если и дальше возможно что-нибудь нелживое, честное?..“ И дѣйствительно: въ этомъ мрачномъ, чуть ли не самомъ мрачномъ произведеніи г. Гаршина проблескиваетъ однако нѣчто въ родѣ надежды, утѣшенія...

„Если не обратитесь и не будете какъ дѣти...“ (прочиталъ онъ въ евангеліи).

„Ему показалось, что онъ понялъ все. . . . .

„Знаю ли я, что̀ значатъ эти слова? Обратиться и сдѣлаться какъ дитя!.. Это значитъ—не ставить во всемъ на первое мѣсто себя, вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное *Я*, которое, какъ глистъ, сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи“.

. . . .

„Онъ сѣлъ, прижавшись въ уголокъ дивана, облокотился на его ручку и, опустивъ горячую голову на руки, плакалъ какъ дитя. И долго тянулся этотъ упадокъ силъ, но въ немъ уже не было мученья. Смягчилась накипѣвшая дѣланная злоба; слезы текли, облегчая, и не было стыдно слезъ; передъ всякимъ, кто бы то ни вошелъ въ ту минуту, онъ не сталъ бы сдерживать эти слезы, уносившія съ собой ненависть. Онъ почувствовалъ теперь, что не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что осталась еще любовь и самоотверженіе, что сто̀итъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ“.

. . . .

„Нужно, непремѣнно нужно себя слить съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего *я*, все пожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ — что̀ бы я тамъ ни кричалъ, и которая говоритъ душѣ, несмотря на всѣ старанія заглушить ее. Нужно „отвергнуть себя“, убить свое *я*, бросить на дорогу“...

. . . .

„Онъ вскочилъ на ноги и выпрямился во весь ростъ.—Такого восторга онъ никогда еще не испытывалъ ни отъ жизненнаго успѣха ни отъ женской любви. Восторгъ этотъ родился въ сердцѣ, вырвался изъ него, хлынулъ горячей, широкой волной, разлился по всѣмъ членамъ, на мгновеніе согрѣлъ и оживилъ закоченѣвшее несчастное существо. Тысячи колоколовъ торжественно зазвонили. Солнце ослѣпительно вспыхнуло, освѣтило весь міръ...“

Вотъ та полоска свѣта, которая отдѣляетъ г. Гаршина отъ конеч-

наго, безнадежнаго отчаянія; но нужно сознаться, что полоска эта очень слабая и—страшно сказать!—нѣсколько искусственная. Возможно ли полное самоотреченіе? Не заблужденіе ли—подобная мысль, не тотъ же ли самообманъ? Развѣ величайшіе подвиги геройства, чистѣйшія жертвы дѣлаются не въ угоду тому же личному *я*, этому маленькому уродцу съ ненасытнымъ брюхомъ? И если герой „Ночи“ до этой злополучной ночи разыгрывалъ, какъ ему казалось, роль изъ фарса, обманывалъ себя, когда говорилъ хорошія фразы и дѣлалъ громкія дѣла, то можетъ ли минутное просвѣтлѣніе (вспомните подчеркнутое нами слово: „на мгновеніе“), можетъ ли минутное душевное размягченіе быть причиною полнаго перерожденія человѣка?.. Нѣтъ; по всей вѣроятности, это было не что иное, какъ простое нравственное самоутѣшеніе, позволившее ему умереть спокойно, „съ счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ“.

„Солнце ослѣпительно вспыхнуло, освѣтило весь міръ и... исчезло“.

По всей вѣроятности, это было минутное душевное размягченіе, подобное тому, что̀ происходитъ въ ребенкѣ послѣ долгихъ горячихъ слезъ, въ которыхъ выливается злоба маленькой дѣтской души...

Гамлеты не способны такъ скоро перерождаться, такъ скоро изъ нюней дѣлаться спокойными борцами, самоотверженными носителями идей; а между тѣмъ, не умри герой „Ночи“ естественной смертью— этой странной смертью, явившейся къ нему такъ кстати, по тону разсказа слѣдовало бы, что онъ именно переродился, успокоился.

II.

Чрезвычайно богато содержаніе восьми маленькихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ Гаршина. Если г. Гаршинъ и никогда больше ничего не напишетъ, мы все-таки будемъ имѣть достаточно данныхъ для опредѣленія его личности. Онъ коснулся въ своихъ разсказахъ слѣдующихъ вопросовъ: войны, искусства, любви, проституціи, экономическаго неравенства, идеальныхъ стремленій... Да развѣ это не все почти содержаніе нашей цивилизаціи?

И что̀ же! Цѣлый Божій міръ оказывается закрытымъ для молодого автора непроницаемой завѣсой мрака: ни луча надежды, кромѣ той искусственной полоски свѣта, на которую мы указали... Бичуя „человѣка“, обнажая нашу внутреннюю мерзость, немощность нашихъ лучшихъ стремленій, г. Гаршинъ съ особенной подробностью, съ странной любовью больного къ своимъ болямъ, останавливается на самомъ страшномъ преступленіи, лежащемъ на совѣсти современнаго человѣчества, на войнѣ. Чтобы нагляднѣе показать весь ужасъ войны, всю ея чудовищность, всю безконечность страданій, доставляемыхъ ею ни въ чемъ неповиннымъ существамъ, онъ рисуетъ такія картины, отъ которыхъ волосы на головѣ способны становиться дыбомъ. Исторія четырехдневной агоніи раненаго такъ чудовищно-правдива, такъ осязательно-жива,

что сердце содрогается отъ отвращенія и страха за человѣка, за го-душу. „И это творитъ человѣкъ! Да во имя чего же? Во имя идеи,-какой?..“—просится наружу восклицаніе.

Въ другомъ разсказѣ „Трусъ“ употребленъ пріемъ еще оригинальнѣе. Авторъ изображаетъ страданія одного молодого человѣка, умирающаго жертвою слѣпого случая; передъ смертью ему улыбается любовь дѣвушки, не любившей его при жизни, и — о! какъ тяжело ему умирать, какъ больно, какъ горько... Какъ мучительно хочется жить... А параллельно съ этими муками одного человѣка, муками, причина которыхъ—слѣпой случай, муками, смягченными счастьемъ любви, идетъ исторія иныхъ мукъ, мукъ сотенъ тысячъ народа, столь же молодого, столь же жаждущаго жизни, но принужденнаго „сознательной человѣческой“ силой страдать и умирать во цвѣтѣ лѣтъ и силъ на чужбинѣ. Эта параллель страшитъ, мучитъ, одурманиваетъ своимъ поражающимъ своеобразіемъ...

Лучшій разсказъ, лучшій въ томъ смыслѣ, что полнѣе всего рисуетъ намъ раздвоенную, больную, истерзанную личность современнаго Гамлета, представляютъ, безъ сомнѣнія, „Художники“. Въ этомъ разсказѣ затронутъ вопросъ, который поразилъ бы своей странностью человѣка другой эпохи, не такой, какъ наша. Это—вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни. Повидимому, вопросъ, обтрепанный со всѣхъ сторонъ, избитый до nec plus ultra. Искусство для искусства били, оплевывали, топтали въ грязь—и критика, и общество, и даже поэзія, заявлявшая, что „стыдно въ годину горя красу долинъ, небесъ и моря и ласку милой воспѣвать“. Но г. Гаршинъ не ершится, не возмущается,—напротивъ: онъ относится къ своему герою-эстетику съ какимъ-то теплымъ безпристрастіемъ, съ дѣтской кротостью. А въ результатѣ подобнаго отношенія къ вопросу выходитъ, конечно, что у него этотъ вопросъ захваченъ глубже и оригинальнѣе. Глубина заключается въ томъ, что Гаршинъ привлекаетъ къ суду совѣсти не искусство для искусства, а искусство вообще — искусство птичье и искусство разумное: Рябининъ, пишущій тенденціознаго „Глухаря“, во вкусѣ военныхъ картинъ Верещагина, страдаетъ, тогда какъ пейзажистъ Дѣдовъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ. Кромѣ того, подъ художникомъ-живописцемъ разсказа можно разумѣть не только живописца, ваятеля, музыканта, но и художника-писателя. Да и очень вѣроятно, что именно вопросъ о литературѣ интересовалъ автора, исторія же двухъ художниковъ-живописцевъ взята въ качествѣ безобидной формы, для воплощенія въ ней мучившей его мысли. Широта міровоззрѣнія г. Гаршина, широта, о которой свидѣтельствуетъ ансамбль его произведеній, заставляетъ насъ дѣлать подобную догадку.

„Вѣра безъ дѣлъ мертва есть“,—сказалъ нѣкогда великій учитель. Мысль безъ дѣлъ тоже мертва,—можемъ мы видоизмѣнить эту прекрасную сентенцію; а мысль человѣческая проявляется въ словѣ, въ про-

...ворчества, въ поэзіи, въ публицистикѣ, въ живописи, въ му... ...роизведенія искусства, въ сущности, не что иное, какъ ...ика, его слово, выраженіе его внутренней жизни, такъ ...евникъ ея, но еще не самая жизнь. Между тѣмъ у каждаго ...сть жажда жизни въ смыслѣ дѣятельности, въ смыслѣ тен... ...ъ поступковъ. Отсюда является для нравственно-чуткаго художника возможность разлада съ самимъ собою, вопроса о нравственномъ самоудовлетвореніи. Нѣтъ спора, что со стороны, съ объективной точки зрѣнія можно и даже должно защищать искусство какъ дѣятельность, раздѣляя людей на двѣ категоріи: на „людей слова“ и „людей дѣла“ (напомнимъ, что живопись, музыку и вообще искусство мы относимъ къ области слова): потому можно, что нерѣдко вліяніе искусства, вліяніе слова поразительно перевѣшиваетъ вліяніе историческихъ фактовъ; должно потому, что если человѣкъ раздвоится, разбросаетъ свои силы,—изъ него не выйдетъ ничего путнаго, исчезнутъ таланты, настанетъ царство посредственностей. Все это такъ. Но вспомните, читатель, что кромѣ объективнаго суда, суда со стороны, есть еще судъ субъективный, есть для художника судъ его собственной совѣсти... А совѣсть, говорили мы выше, болѣе связи имѣетъ съ чувствомъ, нежели съ мыслью. Было бы подлостью съ точки зрѣнія совѣсти, если бы художникъ (будь онъ семи пядей во лбу) безусловно оправдывалъ свою трусость своею геніальностью, тѣмъ, что его творчество будетъ несравненно плодотворнѣе для потомства, чѣмъ его дѣятельность, которая въ большинствѣ случаевъ микроскопична по своимъ историческимъ результатамъ. Такое оправданіе художника будетъ разумно и вполнѣ честно въ устахъ посторонняго судьи, а никакъ не въ устахъ самого художника.

Вотъ этотъ-то субъективный судъ, этотъ-то судъ совѣсти составляетъ содержаніе разсказа „Художники“. Мы не станемъ передавать его содержаніе въ подробностяхъ, на томъ основаніи, что задачей своей мы поставили—не литературное значеніе г. Гаршина разобрать, не художественность его произведеній показать, а разсмотрѣть черты современнаго Гамлета, героя почти всѣхъ разсказовъ Гаршина. По нашему мнѣнію, въ „Художникахъ“ эти черты рѣзче всего отчеканены, отчетливѣе всего нарисована картина болѣзненнаго разлада извѣстной части молодежи съ самой собою и съ окружающей жизнью.

Думаемъ, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы понять громадное значеніе если не г. Гаршина самого по себѣ, то во всякомъ случаѣ того факта, что въ наши дни могъ явиться подобный писатель, съ такой сердечной теплотою и съ такимъ въ то же время холодомъ разсудка, съ такой искренностью и съ такимъ озлобленіемъ противъ жизни, разочарованіемъ въ томъ, что она даетъ и обѣщаетъ...

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о художественномъ талантѣ г. Гаршина, талантѣ, который, какъ заявили мы раньше, не поразителенъ,

хотя и замѣтенъ. Художественный недостатокъ всѣхъ ѣчайшихъ го-зовъ заключается въ ихъ страшной монотонности и скукѣ той гар-кто самъ не страдалъ хоть сколько-нибудь тѣми же страданіямкто-то томъ, что всѣ они чрезвычайно субъективны, что главный геро-ить все тотъ же Гамлетъ нашихъ дней. Конечно, съ той точки зрѣнія, которой мы взглянули на г. Гаршина, это не недостатокъ, а напротивъ, замѣчательное достоинство: искренность автора—теплая, задушевная, раскрывающая передъ нами всѣ язвы его сердца, — эта искренность, эта субъективность и есть то главное, что̀ дѣлаетъ г. Гаршина — Гаршинымъ; но съ точки зрѣнія искусства, теоріи словесности, эта односторонность—страшный недостатокъ.

Наконецъ два разсказа въ художественномъ смыслѣ положительно слабы: мы разумѣемъ „Происшествіе“ и „Ночь“. Въ первомъ изъ нихъ дѣйствующія лица до того исключительны по положенію и внутреннему своему содержанію, что кажутся почти не живыми лицами. Что̀ касается „Ночи“, то этотъ разсказъ съ наибольшей послѣ „Художниковъ“ силой обрисовываетъ передъ нами истерзанную личность русскаго Гамлета, его жгучія, полныя правды, страданія; но, какъ произведеніе искусства, „Ночь“ неудовлетворительна: она слишкомъ растянута; у человѣка, столь утомившагося жить, твердо рѣшившагося навѣки успокоиться, врядъ ли явилось бы желаніе такъ долго, въ теченіе цѣлой ночи, разсуждать съ собою, вспоминать прошедшее, хвататься за револьверъ и опять бросать его; эти длинные монологи рискуютъ обратиться наконецъ въ ломанье, показаться неестественными...

Зато остальные шесть разсказовъ прелестны и безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ.

Что̀ предстоитъ Всеволоду Гаршину впереди? Чего слѣдуетъ ожидать отъ него въ будущемъ?

Мы не сомнѣваемся, что, отвѣчая на эти вопросы, наши критики, осыпавъ г. Гаршина комплиментами, напророчатъ ему всевозможныхъ литературныхъ удачъ, выскажутъ мнѣніе, что онъ долженъ стоять во главѣ нашихъ молодыхъ беллетристовъ, что отъ него слѣдуетъ ждать возрожденія нашего литературнаго искусства.

Гадать о будущемъ и легко и трудно; легко, если заботиться больше о словахъ, чѣмъ объ ихъ смыслѣ. Но для того, чтобы гадать о будущности писателя, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ талантъ, опредѣлить прежде всего личность писателя, насколько она отразилась въ его произведеніяхъ.

Мы видѣли, что̀ такое Гаршинъ: болѣзненный продуктъ нашей больной, мечущейся въ судорогахъ эпохи. Въ параллель ему между западными поэтами мы поставили Эдгара Поэ и въ особенности Шарля Бодлера. Вся разница заключается въ томъ, сказали мы, что Бодлеръ представляетъ собою вполнѣ сформировавшійся типъ „отчаяннаго“, —

нар ени, Гаршинъ—формирующійся,—Гамлета; въ томъ,
мировался на почвѣ обще-культурныхъ условій совре-
, Гаршинъ — формируется на почвѣ тѣхъ же условій
ыя важныя, спеціально-русскія черты жизни, завоева-
л силу въ послѣдніе годы. Онѣ, эти черты, были для
тормозомъ въ развитіи его отчаянія и скептицизма; но онѣ
л мучительность процесса этого развитія, онѣ же увеличили
, онѣ же, разрѣдивъ окружающій мракъ, сдѣлали его, быть-
, болѣе зловѣщимъ, болѣе способнымъ ледянить кровь и наводить трепетъ...

Эта мысль отнимаетъ у насъ возможность пожелать г. Гаршину лучшаго будущаго. Вѣдь пожелать этого—значитъ пожелать лучшаго будущаго всѣмъ современнымъ Гамлетамъ и Фаустамъ, высказать твердую увѣренность въ близости, въ очевидной близости этого будущаго; а не будучи твердо увѣреннымъ въ ней, неохота и говорить фразу... Если „лучшее будущее“ не близко, если далеки отъ насъ тѣ условія жизни, на почвѣ которыхъ не могли бы формироваться Эдгары Поэ и Бодлеры (если только подобныя условія возможны вообще), то пожелать г. Гаршину лучшаго будущаго, пожелать ему просвѣтлѣнія его міросозерцанія, смягченія его ненависти,—значитъ пожелать, чтобы изъ г. Гаршина выработался совсѣмъ другой писатель, уничтожающій теперешняго...

1882.

---

3) Статья О. Ѳ. Миллера.

(„Памяти В. М. Гаршина“).

> «Счастье человѣка не въ космосѣ. а въ томъ микрокосмѣ, который въ душѣ».

Вотъ отвѣтъ покойнаго Гаршина одному изъ пріятелей, который думалъ развлечь его указаніемъ на какой-то хорошій видъ *). Это не значитъ, чтобы природа вовсе не привлекала вниманія Гаршина. Онъ даже очень интересовался естественными науками, — но она не была способна доставлять ему отдыхъ отъ душевныхъ тревогъ. Стоитъ только вспомнить его сказки, чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени не только въ царствѣ животныхъ, но и въ царствѣ растеній представлялся ему микрокосмъ—внутренній міръ, живая душа, съ мыслью о которой онъ такъ и не разставался. Когда онъ увѣрялъ, что сказки его надобно понимать въ прямомъ смыслѣ, что въ нихъ нѣтъ символизма, то ему, разумѣется, слѣдовало вѣрить на слово — но потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ себѣ природу не иначе, какъ очеловѣченною.

Но не разставаться никогда съ человѣкомъ это значитъ не только не

*) Сборникъ «Памяти Гаршина», стр. 85.

лишить себя высшихъ радостей, но и не спасаться отъ величайшихъ горестей. Сознательная жизнь микрокосма слишкомъ далека отъ той гармоніи, которая съ высоты умозрѣнія усматривается въ космосѣ. Кто-то изъ близкихъ къ Гаршину лицъ замѣтилъ, что „если можно представить себѣ такое состояніе міра, когда въ человѣчествѣ наступила бы полная гармонія, то это было бы тогда, если бы у всѣхъ людей былъ такой характеръ, какъ у Всеволода Михайловича". Странно только недоумѣніе замѣтившаго это, что именно человѣкъ, способный бы надѣлить весь міръ такимъ душевнымъ блаженствомъ „былъ бы самъ глубоко несчастный, душевно больной человѣкъ" *). Очень просто: вокругъ себя замѣчалъ онъ слишкомъ мало душевной гармоніи, а обогатить всѣхъ своимъ неисчерпаемымъ душевнымъ добромъ не могъ онъ уже потому, что слишкомъ многіе вовсе и не захотѣли бы у него позаимствоваться.

Хотя Г. И. Успенскимъ замѣчено было недаромъ, что „вопросъ о наслѣдственности въ психическомъ разстройствѣ Гаршина не подлежитъ никакому сомнѣнію" **), но были, разумѣется, и особенныя, какъ частныя, такъ и общественныя причины, по которымъ недугъ этотъ достигалъ такой усиленной степени въ столь тонко развитой, нѣжной и чуткой природѣ Всеволода Михайловича. Въ сообщенныхъ о немъ біографическихъ свѣдѣніяхъ многое, конечно, остается еще далеко не выясненнымъ, но имѣются уже очень внушительные намеки. Иное въ этомъ родѣ внесено было и имъ самимъ въ свои разсказы, и такія автобіографическія черты въ нихъ уже отмѣчены близкими ему людьми.

„Когда онъ былъ маленькимъ, худенькимъ мальчикомъ,—сообщаютъ намъ:—большіе темные глаза смотрѣли уже не по-дѣтски вдумчиво и грустно... Первое событіе, которое отчетливо вырѣзывалось изъ хаоса раннихъ воспоминаній, была тяжелая разлука съ матерью, которую только одну еще и умѣло любить дѣтское сердечко. Быть-можетъ, въ ту минуту, когда увозили отчаянно плакавшаго ребенка отъ дорогого существа, быть-можетъ, тогда и запала въ дѣтскую душу первая искорка скорби... А можетъ-быть, ему передалъ свою тихую подавленную грусть его отецъ, „одинокій, изломанный жизнью человѣкъ". „Жизнь скоро и легко исковеркала его, сломавъ въ немъ все доброе, чѣмъ онъ запасся въ юности; но она не внесла и ничего особенно дурного". „Онъ прожилъ съ отцомъ съ 4 до 8 лѣтъ. Смутно, какъ сквозь сонъ, припоминалась ему глухая малороссійская деревушка, затерянная въ необъятной степи... тѣсная комнатка, долгіе зимніе вечера при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи, и среди этой убогой обстановки „немудрящій человѣкъ", доживавшій свой вѣкъ „безсильный съ безсильной любовью, которую почти всю онъ перенесъ на своего милаго мальчика" ***).

---

*) «Памяти Гаршина», стр. 107—108 (Воспоминанія г. Фаусека).

**) «Памяти Гаршина», стр. 152.

***) «Памяти Гаршина», стр. 131—152. Все, отмѣченное особыми кавычками, взято тутъ изъ разсказа Гаршина «Ночь».

Рано, слишкомъ рано чуткая душа мальчика стала воспріимчива и къ чужой бѣдѣ. „Еще 4-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ, наслушавшись разсказовъ слуги-солдата о походахъ и войнахъ, рѣшился онъ итти на войну, чтобы принять участіе въ ея бѣдствіяхъ, для чего принялся за сборы, прощался съ родными, горько плача, и только кое-какъ могъ быть отвлеченъ отъ этой идеи“ *).

Это не тѣ ребяческія увлеченія разсказами о походахъ, къ какимъ способны вообще едва ли не всѣ мальчуганы, у которыхъ подобныя увлеченія связываются съ обыкновенной игрою въ солдатики. Впослѣдствіи, по большей части, изъ подобныхъ ребяческихъ увлеченій ровно ничего не выходитъ. У Гаршина, какъ извѣстно, отозвались они въ годы студенчества, заставивъ его съ 3-го курса Горнаго института перейти въ ряды дѣйствующей арміи. Объясненіемъ подобнаго перехода можетъ служить слѣдующее письмо его отъ 18 іюня 1876 г.:

„За сообщеніе новостей изъ профессорскаго міра весьма благодаренъ, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова и соединеніе Химическаго и Физическаго обществъ интересуютъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что турки перерѣзали 30.000 безоружныхъ стариковъ, женщинъ и ребятъ. Плевать я хотѣлъ на всѣ ваши общества, если они всякими научными теоріями никогда не уменьшатъ вѣроятностей совершенія подобныхъ вещей“ **).

Страшный призракъ этихъ 30.000 жертвъ и былъ, разумѣется, первымъ толчкомъ, увлекшимъ его на войну. Что же долженъ былъ онъ почувствовать, когда и во время войны, послѣ нашихъ временныхъ неудачъ, оказались опять возможными тѣ же самыя жертвы?

„... Горятъ болгарскія деревни,—писалъ онъ.—Самихъ болгаръ рѣжутъ. Богатѣйшіе хлѣба, уже готовые, стоятъ неприбранными. Несчастная страна! Сколько она заплатитъ выкупа за свое освобожденіе ***)!“

Возможность повторенія такихъ жертвъ не была, стало-быть, устранена и тѣми новыми жертвами, которыя вызывались войной и о которыхъ съ такимъ ужасомъ вспоминалъ Гаршинъ въ своихъ „Четырехъ дняхъ“, рисуя намъ въ нихъ русскаго раненаго солдата, которому пришлось оставаться въ продолженіе такого долгаго срока въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разлагающагося трупа убитаго имъ феллаха — конечно, неповиннаго въ томъ, что его вызвали изъ Египта и заставили итти на войну. „Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ“, — говоритъ устами своего дѣйствующаго лица самъ Гаршинъ, повторяющій то же и въ вос-

*) «Памяти Гаршина», стр. 1—2 (статья г. Абрамова).
**) «Памяти Гаршина», стр. 12—14.
***) «Памяти Гаршина», стр. 19.

поминаніяхъ рядового Иванова: „мысль о томъ, что нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе, нужно умереть“.

Все безчеловѣчіе войны заранѣе зато представляется у Гаршина тому „трусу“, въ которомъ онъ, очевидно, выставилъ опять самого себя, такъ какъ этотъ мнимый трусъ кончаетъ тѣмъ, что самъ добровольно идетъ на войну—по примѣру той молодой дѣвушки, которая идетъ въ сестры милосердія. „Я уже сжилась съ этою мыслью,—говоритъ она:— и не могу отказаться отъ нея. Хочется хорошаго дѣла, хочется оставить себѣ память о хорошихъ свѣтлыхъ дняхъ“. Но она вѣдь будетъ только врачевать раны, наносимыя помимо ея; наносить ихъ самой, а тѣмъ менѣе отнимать жизнь,—ей не придется. Не то предстоитъ ему; однако же онъ, преодолѣвъ свою „трусость“, говоритъ ея брату: „совѣсть мучить не будетъ“. Да, чтобы не мучила совѣсть, онъ будетъ не только подставлять свою грудь, но и цѣлить въ чужую, онъ — самъ Гаршинъ, которому была до того дорога всякая жизнь, что, какъ разсказываетъ кто-то изъ близкихъ къ нему, однажды, не болѣе какъ за годъ до своей смерти, онъ обложилъ муравьиную кучу барьеромъ изъ щепокъ и вѣточекъ, чтобы предохранить ее отъ безжалостныхъ ногъ проходящихъ *). Да, чтобы не мучила совѣсть, онъ неизбѣжно будетъ отнимать жизнь у подобныхъ ему людей, т.-е. подвергать себя мученьямъ той же совѣсти.

То же страшное раздвоеніе сказывалось въ немъ, мучило его и въ ту пору, когда писалось одно изъ его позднѣйшихъ произведеній — „Надежда Николаевна“. Тутъ представляется намъ замыселъ картины изъ эпической жизни Ильи Муромца, картины, которая должна представить богатыря погруженнымъ въ чтеніе „книги евангельской“... „Если ударятъ въ правую щеку?—заставляетъ его разсуждать художникъ.—Какъ же это такъ, Господи? Хорошо, если ударятъ меня, а если женщину обидятъ, или ребенка тронутъ, или наѣдетъ поганый да начнетъ грабить и убивать Твоихъ, Господи, слугъ? (Словомъ, такъ, какъ оно и было на Балканскомъ полуостровѣ). Не трогать? Оставить, чтобъ грабили и убивали? Нѣтъ, Господи, не могу я послушаться Тебя! Сяду я на коня, возьму копье въ руки и поѣду биться во имя Твое, ибо не понимаю я Твоей мудрости, а далъ Ты мнѣ въ душу голосъ, и я слушаю его, а не Тебя!“. Художникъ, очевидно, имѣетъ въ виду толкованіе евангельскаго текста Л. Н. Толстымъ, его „непротивленіе злу“, связанное съ подставленіемъ не своей только щеки (о которой собственно и говорится въ евангеліи), но также и щеки ближняго. Изъ воспоминаній о Гаршинѣ мы узнаёмъ, что сущность ученія Толстого казалась ему ошибочной, какъ „ученія, стремящагося построить жизнь на разсудочной почвѣ“, что особенно „ученіе о непротивленіи злу было ему несимпа-

*) «Памяти Гаршина», стр. 134.

тично“, что онъ „любилъ ссылаться при этомъ на русскую исторію, на нашествіе татаръ, напримѣръ, и примѣнять къ такимъ явленіямъ теорію непротивленія злу, въ видѣ deductio ad absurdum“. До какой степени Гаршинъ въ этомъ отношеніи расходился съ Толстымъ, видно изъ его письма къ покойному И. Н. Крамскому, въ которомъ онъ говорилъ, что въ картинѣ „Христосъ въ пустынѣ“ его сразу поразило „выраженіе ненависти къ злу, совершенной рѣшимости бороться съ нимъ. Онъ тотчасъ же бы взялъ, говорилъ Гаршинъ, связку веревокъ и погналъ изъ храма безстыжихъ торгашей“ (эпизодъ, какъ извѣстно, совершенно исключаемый Толстымъ изъ евангелія). Тѣмъ не менѣе относительно войны Гаршинъ такъ и не могъ окончательно выйти изъ убійственнаго сознанія раздвоенности. „Илья и евангеліе,—продолжаетъ у него разсуждать художникъ. — Что общаго между ними? Для этой книги нѣтъ большаго грѣха, какъ убійство, а Илья всю жизнь убивалъ“. Убивалъ, можно бы было прибавить, обороняя родную землю, убивалъ „ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей“, что было и во время войны съ Турціей, въ которой добровольно участвовалъ Гаршинъ. И, какъ бы въ успокоеніе его совѣсти, тотъ же художникъ продолжаетъ у него разсуждать про Илью:—„А вѣдь онъ святой. Видѣлъ я его въ Кіевѣ... лежитъ вмѣстѣ со всѣми, и справедливо“.

Раненый въ первомъ же боѣ, Гаршинъ долженъ былъ сойти съ кровавой сцены. Но, когда зажила рана, онъ сталъ вновь собираться на войну. На возраженія со стороны зауряднаго резонерскаго либерализма онъ самымъ убѣжденнымъ образомъ отвѣчалъ: „Тамъ русскій мужикъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, борется и страдаетъ, я хочу итти къ нему на подмогу... Неужели сидѣть здѣсь сложа руки, когда этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ?“. Знавшіе близко Гаршина вспоминаютъ, что онъ „любилъ разсказывать о своихъ военныхъ впечатлѣніяхъ“, что „въ его правдивыхъ разсказахъ, чуждыхъ малѣйшей тѣни шовинизма, чувствовалась серьезность и торжественность дѣла, за которое русское войско проливало свою кровь“ *).

При всемъ томъ, безчеловѣчная война вызывала у него, рисовавшаго себя въ образѣ „труса“, разсужденія такого рода: „Огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную часть, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что можешь сдѣлать противъ такого желанія ты... ты, палецъ отъ ноги?“ Тогда какъ, добровольно идя на войну, идя на нее сознательно, онъ никакъ уже не былъ какимъ-нибудь пальцемъ, а былъ одною изъ венъ, примыкающихъ къ мозгу огромнаго организма, или, скорѣе, къ его сердцу. Но вотъ уже прямо сознательное участіе въ великомъ организмѣ, радостное ощущеніе своей связи съ нимъ сказалось у Гаршина

*) Сборникъ «Красный цвѣтокъ», стр. 21 и 23. Воспоминанія М. Павловскаго.

въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова“, а именно въ словахъ: „Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе... и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что̀ вело насъ на смерть. Ты ведешь насъ,—думалъ каждый:—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть“. Между тѣмъ тотъ, чье слово все для нихъ значило, отразился въ памяти Гаршина вотъ въ какихъ—вовсе не повелительныхъ, вовсе не грозою и страхомъ берущихъ чертахъ. „Я помню,—говорилъ онъ:—блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно-быть, привѣтствіе, тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ“.

Дѣло въ томъ, что его взглядъ на войну былъ тотъ же самый взглядъ, который выразился у запомнившаго его въ тотъ мигъ писателя. Дѣло въ томъ, что, вѣрный завѣту своего учителя-поэта, онъ дѣйствительно не забывалъ на своей высокой чредѣ

Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.

Онъ не считалъ нужнымъ подавлять въ себѣ то, что̀ умышленно подавилъ въ себѣ столь маленькій передъ нимъ — не по одному только положенію своему — ротный командиръ Венцель, говорившій рядовому Иванову: „Все, что̀ осталось отъ такъ называемыхъ хорошихъ книжекъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, оказалось сентиментальнымъ вздоромъ. И теперь я думаю, что единственный способъ быть понятымъ—вотъ“. А въ поясненіе было тутъ произнесено и самое слово *кулакъ*. Въ этомъ Венцелѣ, вполнѣ дающемъ волю своему кулаку надъ солдатомъ, а потомъ рыдающемъ отъ того, что въ одномъ сраженіи выбыла изъ строя цѣлая половина его роты,—Гаршинъ выставилъ передъ нами то убійственное жертвоприношеніе на алтарь нелѣпаго принципа, какое, увы, считается многими обязательнымъ и на чредѣ, неизмѣримо высшей, чѣмъ та, на которой стоитъ Венцель!

Дума о томъ, что, оставаясь въ военной службѣ и склоняя къ тому и другихъ сколько-нибудь подобныхъ себѣ, можно содѣйствовать исчезновенію въ ней венцѣлевскаго принципа,—долго склоняла Гаршина къ тому, чтобы обратить свое временное призваніе въ постоянное. Другими словами, его склоняла къ тому любовь къ народу — въ лицѣ выходящихъ изъ него солдатъ. Сердце тутъ сердцу вѣсть подавало. „Солдаты, сообщаютъ намъ, полюбили его, и память о немъ долго хранилась между ними. Когда позднѣе солдаты роты, въ которой служилъ Всево-

лодъ Михайловичъ, узнали, что онъ почему-то не получилъ ордена св Георгія, къ которому былъ представленъ, они крайне сожалѣли, что не присудили ему ротный Георгій — въ надеждѣ, что онъ и безъ того получитъ этотъ орденъ“ *).

Конечно, Гаршину было дорого мнѣніе о немъ солдатъ, конечно, его не могло огорчить неполученіе имъ заслуженнаго ордена, конечно, не ради этого онъ не остался въ военной службѣ. На томъ литературномъ поприщѣ, на которое выступилъ онъ со своими воспоминаніями о войнѣ, ему сразу достался самый блестящій успѣхъ, но это мало его утѣшало. Успѣхъ, какъ *успѣхъ*, ничего для него не значилъ; мало значила для него и популярность среди молодежи. Литературная слава и популярность что-нибудь значила бы для него лишь въ томъ случаѣ, если бы служила порукою, что идеи его приносятъ плодъ. Но онъ такъ же мало вѣрилъ въ это, какъ и его Рябининъ (въ „Художникахъ“). Между тѣмъ онъ могъ бы примѣнить и къ литературѣ то, что̀ говоритъ у него это дѣйствующее лицо: „я не видѣлъ хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть?“. Это не мѣшаетъ однако Рябинину употребить всѣ усилія на то, чтобы хоть одною картиною, но пронять въ самомъ дѣлѣ публику. Онъ доволенъ картиною. „Бѣда только въ томъ,—говоритъ онъ:—что это довольство не ласкаетъ меня, а мучитъ. Это—не написанная картина, это созрѣвшая болѣзнь“. Точно такъ же не разсказомъ или повѣстью, а „созрѣвшею болѣзнью“ было каждое изъ произведеній Гаршина, произведеній, писанныхъ кровью сердца. „Я вызвалъ тебя,—обращается Рябининъ къ своему „Глухарю“:—не изъ какой-нибудь сферы, а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки, трены, крикни имъ: „я — язва растущая! Ударь ихъ въ сердца, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое“... Точно такъ же могъ бы взывать и Гаршинъ къ своимъ героямъ, которые точно такъ же убили... его спокойствіе.

Такая литературная дѣятельность не могла быть отдыхомъ для души. Душевная болѣзнь, впервые посѣтившая Гаршина еще передъ окончаніемъ курса въ реальномъ училищѣ, вернулась къ нему теперь въ усиленной степени. Всего хуже то, что, когда она прошла, онъ сохранилъ полное сознаніе всего, что̀ дѣлалось имъ въ порывѣ безумія, и что сознаніе это—такова ужъ была чуткость и мнительность его нравственнаго чувства — соединялось у него съ болью совѣсти. „Хотя и существуетъ, говорилъ онъ, мнѣніе, что человѣкъ съ больнымъ мозгомъ не отвѣтственъ за свои поступки, но я по себѣ вижу, что оно не такъ. То, что̀ называется совѣстью, мучитъ меня ничуть не менѣе за сдѣланное

*) «Памяти Гаршина», стр. 19 (ср. стр. 127).

во время изступленія, какъ если бы его и вовсе не было“ *). Въ этомъ онъ даже превзошелъ своего Лопатина (въ „Надеждѣ Николаевнѣ“), котораго „дѣло“ было прекращено, такъ какъ признано было, что онъ убилъ защищаясь, но котораго это нимало не успокоило, такъ какъ, по его словамъ, „для человѣческой совѣсти нѣтъ писаныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости“.

Между тѣмъ окружающія впечатлѣнія становились тогда все болѣе и болѣе тяжелыми. „Люди съ огрубѣлыми нервами, холодные и равнодушные, и тѣ страдали отъ мучительной неизвѣстности и отъ чувства страха, который испытываетъ человѣкъ, живущій на колеблющейся почвѣ и по глухимъ ударамъ и минутнымъ вспышкамъ пламени догадывающійся о страшной работѣ подземныхъ силъ... Онъ, кроткій и прощающій, съ ужасомъ и тоской смотрѣлъ на страшную борьбу. Наконецъ онъ не выдержалъ безмолвнаго ожиданія и рѣшился на безумную попытку. Онъ хотѣлъ остановить словами любви руки бойцовъ, наносящія удары, напомнить о кротости въ самый разгаръ озлобленія **).

Къ этой-то порѣ относится и то, о чемъ вспоминаетъ Г. И. Успенскій въ своей статьѣ о смерти Всеволода Михайловича. „Гаршинъ почти ворвался къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ ***), добился, что лицо это разбудили, и сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздиравшагося на части сердца, о снисхожденіи къ какому-то лицу, подлежавшему строгому наказанію. Говорятъ, что высокое лицо сказало ему нѣсколько успокоительныхъ словъ, и онъ ушелъ“ („Памяти Гаршина“, стр. 155, ст. Г. И. Успенскаго).

По другимъ воспоминаніямъ, Гаршинъ тутъ вообще говорилъ о необходимости дѣйствовать на умы не страхомъ, а другими средствами...

Нужно ли говорить о томъ, какъ болѣзненно должна была подѣйствовать на Всеволода Михайловича та ужасающая катастрофа, предотвратить которую онъ старался, смягчительно дѣйствуя въ обѣ стороны...

Болѣзненно должны были отражаться въ его душѣ и тѣ послѣдствія катастрофы, которыя продолжаются до сихъ поръ. „Однажды, принеся вырѣзку изъ какой-то газеты о воспрещеніи празднованья юбилеевъ, Гаршинъ глубоко былъ опечаленъ, что этимъ распоряженіемъ затемняется память народа о свѣтломъ днѣ освобожденія его отъ рабства, о его волѣ, дарованной царемъ-освободителемъ (передъ которымъ благовѣлъ покойный),—какъ близко къ сердцу принялъ онъ и извѣстный циркуляръ объ ограниченіи пріема непривилегированныхъ дѣтей въ

---

*) «Памяти Гаршина», стр. 94.

**) «Памяти Гаршина», стр. 141—142. Ср. въ сборникѣ «Красный цвѣтокъ», стр. 48—49.

***) Покойному гр. М. Т. Лорисъ-Меликову.

гимназіи *). Въ связи съ такимъ настроеніемъ находилось у него, конечно, и то, что первая статья Вл. Соловьева „Россія и Европа“ въ „В. Е.“ 88 г. возбудила съ его стороны живое одобреніе. Онъ находилъ въ ней много увлеченій и несправедливо-рѣзкихъ отзывовъ, но всѣ крайности и неточности ея отнюдь не нарушаютъ, по его мнѣнію, вѣрности ея основной мысли... „Я бы —,говорилъ онъ,—велѣлъ эту статью прочитать каждому юношѣ въ Россіи“ **).

Настроеніе Гаршина и его образъ дѣйствій, кажется намъ, вѣрно объясненъ у г. Арсенія Введенскаго тѣмъ, что „Гаршинъ прежде всего не былъ сыномъ „60 годовъ“, подъ вліяніемъ которыхъ развивался его художественный талантъ, по крайней мѣрѣ не былъ покорнымъ сыномъ этого страшнаго времени... Скорѣе въ свои 70-е годы онъ явился протестантомъ противъ нихъ, отрицателемъ ихъ... т.-е. цитировавшейся тогда фразы, что „кровь освѣжаетъ“, прикрытія факта „борьбы за существованіе“ ореоломъ идеала, множества теорій, основанныхъ на самыхъ „послѣднихъ словахъ науки“, которыми оправдывались понятія и дѣянія, далеко не блиставшія нравственною высотою. Гаршинъ принадлежалъ всею своею душою къ прежнему ***), истинно-гуманическому направленію... Въ немъ недвусмысленно сказалось отрицаніе тѣхъ направленій, которыя послѣдовали за нимъ и, по болѣе точному и близкому опредѣленію, должны быть названы резонерскими“.

„Гаршинъ,—заключаетъ тотъ же критикъ:—человѣкъ нашихъ дней, не могъ избѣжать воззрѣнія на жизнь чисто-реалистическаго, натуралистическаго, но требованія къ ней, какъ идеалистъ, онъ предъявлялъ высоко-идеалистическія“ ****). Да, самымъ безпощаднымъ изобличеніемъ матеріалистическаго взгляда на жизнь является у Гаршина то, что взглядъ этотъ проводится у него не кѣмъ инымъ, какъ инженеромъ съ рыльцемъ въ пушку („Встрѣча“). Приводя своего бывшаго товарища по гимназіи, теперь скромнаго учителя, человѣка честныхъ правилъ, въ свой обширный акваріумъ, онъ толкуетъ ему значеніе этого послѣдняго вотъ какимъ образомъ: „Я люблю всю эту тварь за то, что она откровенна, не такъ, какъ нашъ братъ человѣкъ („самоломанный“, по выраженію тургеневскаго Базарова, напомнимъ мы отъ себя). Жретъ другъ друга и не конфузится... Сколько, если бъ ты зналъ, они пожираютъ этой мелкой рыбы... и не помышляютъ о безнравственности — а мы? Я только недавно отвыкъ отъ этой ерунды“.

Какъ реалистъ и въ то же самое время идеалистъ, Гаршинъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣми двумя писателями, съ которыми у него такъ много общаго и въ самомъ выборѣ темъ, — съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Л. Н. Толстымъ. То, что̀ трактуютъ они вглубь и вширь, является у

*) «Красный цвѣтокъ», стр. 26. Воспоминанія Васильева.
**) «Памяти Гаршина», стр. 107.
***) Т.-е. незадолго предшествовавшему.
****) «Красный цвѣтокъ», стр. 73 и 82.

него въ сжатомъ видѣ, является какъ итогъ. „Въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ,—справедливо замѣчаетъ Г. И. Успенскій:—положительно исчерпано все *содержаніе* нашей жизни, *въ условіяхъ которой пришлось жить Гаршину и его читателямъ* (наша—не значитъ только русская, а жизнь людей нашего времени вообще), все до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самимъ жгучимъ чувствомъ и именно потому-то и могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ книжкахъ *), т.-е. какъ квинтъ-эссенція, какъ экстрактъ".

Вотъ передъ нами въ „Ночи" молодой человѣкъ, покушающійся на самоубійство. Онъ не хочетъ жить, потому что жизнь не дала ему всего того, чего онъ отъ нея требовалъ. При этомъ онъ сознаётъ, что многое зависѣло отъ него, что онъ самъ нехорошъ, — но отъ себя ему не уйти, и тѣмъ менѣе ему стоитъ жить. „Онъ вспомнилъ всю грязь своей жизни, перевернулъ всю грязь своей души, не нашелъ въ ней ни одной чистой и свѣтлой частицы, и былъ увѣренъ, что кромѣ грязи въ его душѣ ничего не осталось". Онъ, конечно, преувеличиваетъ, частью этимъ рисуясь передъ самимъ собою, но все же — подъ вліяніемъ той усиленной *работы совѣсти,* какою смѣнилась въ немъ наконецъ прежняя односторонняя *работа чести* (употребляемъ терминологію одного изъ нашихъ писателей), та работа, о которой онъ теперь вспоминаетъ: „пусть кто-нибудь сказалъ бы ему даже десятую часть того, что самъ онъ наговорилъ на себя въ этотъ долгій вечеръ,—и на его лицѣ выступила бы краска не стыда отъ сознанія правды упрека, а гнѣва. И онъ сумѣлъ бы отвѣтить обидчику, задѣвшему его гордость, которую теперь онъ самъ, повидимому, такъ безжалостно топталъ". Внезапно раздающійся звонъ колокола напоминаетъ ему объ отдаленномъ прошломъ, о дѣтствѣ, о дѣтской впечатлительности, и „ему стало ужасно жалко этихъ слезъ шестилѣтняго мальчика, жалко того времени, когда онъ могъ плакать оттого, что въ его присутствіи ударили беззащитнаго человѣка", онъ чувствуетъ, какъ въ душѣ его опять зазвучали тѣ симпатическія струны, которыя такъ давно уже заглохли въ ней. Одинъ изъ критиковъ выразилъ, что въ томъ, что онѣ заглохли, „онъ сознаётъ свое *несчастье*; онъ сознаётъ, что его узкій міръ его измучилъ, что, говоря вульгарнымъ языкомъ, *выгоднѣе* мучиться общимъ горемъ, чѣмъ въ одиночку" **). Мы сомнѣваемся, чтобы самъ Гаршинъ употребилъ въ этомъ случаѣ слово *выгода.* Если герой его разсказа этимъ внезапнымъ наплывомъ въ душу давно утраченныхъ чувствъ остановленъ отъ самоубійства, — то тотъ же внезапный наплывъ высшей жизни прекращаетъ въ немъ самую жизнь — разрывомъ сердца ***).

---

*) «Памяти Гаршина», стр. 156.

**) «Памяти Гаршина», стр. 183. Ст. г. Михайловскаго.

***) Толкованіе самого Гаршина въ отвѣтъ на недоумѣніе г. Михайловскаго.

Прямо, пожалуй, и личную выгоду отъ союза съ другими видитъ у Гаршина Attalea princeps, когда обращается къ окружающимъ ее растеніямъ, говоря: „Растите выше и шире, раскидывайте вѣтви, напирайте на рамы и стекла; наша оранжерея разсыплется въ куски, и мы выйдемъ на свободу. Если одна какая-нибудь вѣтка упрется въ стекло, то, конечно, ее отрѣжутъ, но что̀ сдѣлаютъ съ сотней сильныхъ и смѣлыхъ стволовъ? Нужно только работать дружнѣе, и побѣда за нами“. Не вразумились такимъ увѣщаньемъ сосѣднія растенія, закричавъ: „Несбыточная мечта, вздоръ, нелѣпость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаемъ ихъ“. Но Attalea princeps не падаетъ духомъ; оставаясь „однимъ въ полѣ воиномъ“, она говоритъ: „Я умру или освобожусь“. Если бы другія дѣйствовали заодно съ нею, и они бы освободились, — теперь же освобождается только она одна и притомъ слишкомъ поздно, — когда солнце уже не грѣетъ и снѣгъ идетъ.

Но возможна побѣдная гибель и безъ малѣйшаго расчета на что-либо для себя — даже и на нѣсколько мгновеній личнаго участія въ доставляемой другимъ лучшей жизни. Такую гибель — тутъ уже выгода рѣшительно ни при чемъ — рисуетъ намъ Гаршинъ въ „Красномъ цвѣткѣ“. Это гибель сумасшедшаго. „Человѣку,—говоритъ онъ:—который достигъ того, что въ душѣ его есть великая мысль, общая мысль, — ему все равно, гдѣ жить, что̀ чувствовать. Даже жить и не жить“. Но это уже вовсе не сумасшедшая мысль. Помѣшательство, разумѣется, видно въ томъ, что все зло міра представляется воплотившимся въ „красномъ цвѣткѣ, впившемъ въ себя всю невинно пролитую кровь“, цвѣткѣ, который надо сорвать и положить къ себѣ на грудь, чтобы она одна впитала въ себя весь заключающійся въ немъ ядъ. Но въ готовности пожертвовать собою, съ тѣмъ, чтобы на свободѣ отъ зла зажили другіе — нѣтъ помѣшательства, или, если это помѣшательство, то передъ нимъ должна преклониться всякая житейская мудрость. „Красный цвѣтокъ“ — это то произведеніе Гаршина, котораго и одного хватило бы, чтобы упрочить за нимъ вѣчную память. Это верхъ его возвышеннаго идеализма. Вмѣстѣ же съ тѣмъ это и разгадка его собственнаго помѣшательства — той возвратной болѣзни, которая и свела его наконецъ въ преждевременную могилу. Настоящій корень этого помѣшательства — не въ личныхъ невзгодахъ, а въ міровой скорби. Да, для Гаршина эта „міровая скорбь“ — порядочно затасканное слово — была не литературной спеціальностью, не драматическимъ амплуа, а настоящею, дѣйствительною болью, мучительность которой и извела его.

Но подвигъ, соединяемый съ „краснымъ цвѣткомъ“ — все-таки только подвигъ сумасшедшаго, существующій въ его разстроенномъ воображеніи и, кромѣ его смерти отъ наплыва ощущеній, не оставляющій по себѣ никакихъ осязательныхъ результатовъ. Совершенно зато въ предѣлахъ дѣйствительности совершается и прямо достигаетъ своей цѣли тотъ подвигъ, который изображаетъ намъ Гаршинъ въ „Сигналѣ“. Это

подвигъ не культурнаго, а простого человѣка — стрѣлочника на желѣзной дорогѣ. Онъ далекъ отъ какого-либо мірового значенія, но имъ спасается цѣлое множество людей. При томъ же это настоящій подвигъ, вполнѣ чуждый личной выгоды, даже той, которая заключается въ собственномъ сознаніи, что это *подвигъ*. Стрѣлочникъ Семенъ, конечно, далекъ отъ такого сознанія, какъ и отъ какой-либо мысли о наградѣ. Ему просто надо спасти тотъ поѣздъ, который можетъ погибнуть отъ мщенія желѣзнодорожному начальству со стороны стрѣлочника Василія. Слишкомъ далеко ужъ зашла въ Васильѣ такъ называемая *работа чести*, до того заговорило въ немъ чувство обиды, что совершенно остановило въ немъ *работу совѣсти* — возобновляемую наконецъ въ амбиціонномъ стрѣлочникѣ все тѣмъ же подвигомъ другого и съ другимъ сердцемъ стрѣлочника. Видя, что онъ, отъ окончательно одолѣвшей его слабости, уже выронилъ изъ рукъ тотъ флагъ, который напиталъ своею собственною кровью, такъ какъ некогда было бѣжать за краснымъ флагомъ, чтобы при помощи его остановить поѣздъ, — видя это, Василій беретъ кровавое знамя въ свои руки и тѣмъ довершаетъ освободительное дѣло Семена. „Вяжите меня,—говоритъ онъ затѣмъ: — я рельсъ отворотилъ“. Видно, что Семенъ окончательно возстановилъ въ немъ работу совѣсти. *Смирный* тутъ возобладалъ надъ *хищнымъ;* побѣда, полная побѣда одержана *любовью*, безъ какого-либо прибѣганія къ *силѣ*. Тутъ Гаршину можно было совершенно совпасть съ Л. Н. Толстымъ.

Заглядывая въ душу людей своего круга, Гаршинъ, подобно Толстому, заглядывалъ и въ душу людей непосредственныхъ, людей изъ народа. Но не только по этой послѣдней причинѣ нашелъ онъ себѣ и читателей изъ народа, а просто потому, что онъ вообще глубоко заглядывалъ въ душу, чутко откликался на человѣческую бѣду. „Та до̀бра жь вин, мабудь, людина, що усѐ такѐ жалостливе описце“ — замѣтилъ о немъ одинъ хохолъ *). Да, добрый онъ былъ человѣкъ, если описывалъ все такія жалкія вещи!

1889.

---

*) По свидѣтельству Х. Д. Алчевской (въ книгѣ: «Что̀ читать народу»).

Библіографія сочиненій Вс. М. Гаршина

Составилъ П. В. Быковъ.

Молва.

1876.

Подлинная исторія Энскаго земскаго собранія. (№ 15. 11 Апрѣля. Стр. 277 — 279). Подписано Р. Л.

Новости.

1877.

Вторая выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведеній". (№ 68. 12 Марта. Фельетонъ. Стр. 1 — 2).

Новая картина Семирадскаго: „Свѣточи христіанства". (№ 72. 16 Марта. Фельетонъ. Стр. 1 — 2).

Конкурсъ на постоянной выставкѣ художественныхъ произведеній. (№ 91. 7 Апрѣля. Фельетонъ. Стр. 1).

Боевыя картинки. I — IV. (№ 296. 13 Ноября. Прибавленіе: „Воскресное чтеніе").

Императорская академія художествъ за 1876 — 1877 учебный годъ. (№ 332. 21 Декабря. Фельетонъ. Стр. 1)

Отечественныя Записки.

1877.

Четыре дня. (Одинъ изъ этюдовъ войны). (Т. V (CCXXX). № 10. Октябрь. Стр. 461 — 471). Дата: Бэла, Августъ 1877.

1878.

Происшествіе. I — IV. (Т. II (CCXXXIII). № 3. Мартъ. Стр. 129 — 144)

1879.

Трусъ. (Изъ записной книжки). (Т. II (CCXLIII). № 3. Мартъ. Стр. 145 — 164).

Встрѣча. (Отрывокъ). (Т. II (CCXLIII). № 4. Апрѣль. Стр. 555—572).

Художники. I — XI. (Т. VI (CCXLVI). № 9. Сентябрь. Стр. 103—118)

1880.

Ночь. I — VI. (Т. III (CCXLVIII). № 6. Іюнь. Стр. 397 — 412).

1883.

Изъ воспоминаній рядового Иванова. I—IX. (Т. I (CCLXIV). № 1. Январь. Стр. 135—176).

Красный цвѣтокъ. (Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева). I—VI. (Т. V (CCLXVIII). № 10. Октябрь. Стр. 297—310).

Медвѣди. (Т. VI (CCLXIX). № 11. Ноябрь. Стр. 199—213).

Стрекоза.

1878.

Очень коротенькій романъ. (№№ 10 и 11. Мартъ. Стр. 7 и 8). Подписано: L'homme, qui pleure.

Русское Богатство.

1880.

Attalea princeps. Сказка. (№ 1. Январь. Стр. 142—150).

Люди и война. Глава первая. (№ 3. Мартъ. Стр. 109—125). Подъ статьей значится: „Продолженіе слѣдуетъ", но продолженія не было. Въ собраніи сочиненій помѣщено подъ заглавіемъ: „Денщикъ и офицеръ".

Устои.

1882.

То, чего не было. (№ 3 и 4, двойной. Мартъ и Апрѣль. Стр. 266—270). Дата: 6 февраля 1882.

Южный Край.

1882.

Петербургскія письма. 1—2. (№№ 490 и 508. 2 и 20 Іюня. Фельетонъ).

Изящная Литература.

1883.

Коломба. Романъ Проспера Мериме. I—XXI. Переводъ. (№ 10. Октябрь. Стр. 1—151).

Сказки для дѣтей, Уйда.

1883.

Честолюбивая роза. Переводъ. (Стр. 199—218).

Нюренбергская печь. Переводъ. (Стр. 61—148).

Царство сказокъ, Карменъ Сильва.

1883.

Замокъ вѣдьмы. Переводъ. (Стр. 61—79).

Чахлау. Переводъ. (Стр. 193—205).

XXV лѣтъ.

Сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

1884.

Сказка о жабѣ и розѣ. (Для дѣтей). (Стр. 471—478).

Русская Мысль.

1885.

Надежда Николаевна. Разсказъ. I—XVIII. (Февраль и Мартъ. Стр. 348—368 и 224—261).

1886.

Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. (Апрѣль. Стр. 225—233). Въ выноскѣ сказано: „Пересказъ старинной легенды".

Сѣверный Вѣстникъ.

1887.

Сигналъ. (№ 1. Январь. Стр. 1—9).

Замѣтки о художественныхъ выставкахъ. I — 2. (№ 3. Мартъ. Стр. 160—170).

Родникъ.

1887.

Лягушка-путешественница. (№ 7. Іюль. Стр. 575—581). (Съ рисунками художника М. Е. Малышева).

День.

1888.

На первой выставкѣ картинъ Верещагина (Толпа мужчинъ, дѣтей и дамъ нарядныхъ). Стих. (№ 39. 30 Марта. Стр. 2. Фельетонъ). Доставлено П. В. Засодимскимъ.

Памяти В. М. Гаршина.

1889.

Стихотворенія. I. Плѣнница. (Прекрасная пальма высокой вершиной). Дата: 3 Марта 76 г. — II. Нѣтъ, не дана мнѣ власть надъ вами. Дата: Январь 76 г.—III. Свѣча. (Свѣча погасла и фитиль дымящій). (Стр. 65—67).

Письма Гаршина. (Отрывки). (Стр. 13 — 64, въ ст. Я. В. Абрамова „Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ").

Смерть. (Гимназическое сочиненіе). (Тамъ же. Стр. 6—9).

Отрывки изъ стихотворенія: „Мнѣ жалко васъ, родимыя мѣста". (Тамъ миріады травъ цвѣтутъ). (Стр. 133 и 135, въ статьѣ *М. Л.* (М. М. Латкиной) „Писатель").

Русское Обозрѣніе.

1895.

Письма къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.). I — XVII. (Т. XXXI и XXXII. №№ 2, 3 и 4. Февраль — Апрѣль. Стр. 877 — 887, 404—413 и 883—897). Вначалѣ статья Екатерины Степановны Гаршиной: „Вмѣсто предисловія", въ концѣ—Письмо Ив. Назаровича Аѳанасьева къ Е. С. Гаршиной.

Путь-дорога.

1893.

*** Друзья, мы собрались передъ разлукой. Стихотвореніе. (Стр. 326). Въ выноскѣ сказано: „Писано въ сентябрѣ 1876 г., во время особенно сильнаго движенія добровольцевъ въ Сербію. Всеволоду Гаршину въ то время былъ 21 годъ, и онъ также стремился въ Сербію къ Черняеву, но не могъ получить разрѣшенія, такъ какъ подлежалъ отбыванію воинской повинности".

Журналъ театра Литературно-Художественнаго Общества.

1910.

Два отрывка изъ неоконченной драмы. (Стр. 19 — 24, приложеніе къ статьѣ Н. А. Демчинскаго: „Сладкія грезы“ — воспоминанія о В. М. Гаршинѣ).

Современный Міръ.

1909.

Стихотвореніе въ прозѣ. (№ 11. Ноябрь. Стр. 39).

Оглавленіе.

	Стран.
Памяти Гаршина. Стихотвореніе *А. Н. Плещеева*	3
Вс. М. Гаршинъ. Черты его жизни и дѣятельности:	
I. Автобіографическая замѣтка	5
II. Воспоминанія о Вс. Гаршинѣ въ разныя эпохи его жизни.	
1) Воспоминанія брата, Евгенія Михайловича	9
2) Воспоминанія дяди, В. С. Акимова	15
3) Воспоминанія товарища, М. Е. Малышева	20
4) Воспоминанія Н. В. Рейнгардта	24
5) Воспоминанія В. А. Фауссека	28
6) Воспоминанія сослуживца, А. Васильева	63
7) Воспоминанія В. И. Бибикова	67
III. Смерть В. М. Гаршина. Статья *Глѣба Ив. Успенскаго*	77

Разсказы.

Четыре дня	89
Происшествіе	100
Трусъ	116
Встрѣча	136
Художники	154
Ночь	171
Attalea princeps	188
То, чего не было	195
Денщикъ и офицеръ	199
Изъ воспоминаній рядового Иванова	212
Красный цвѣтокъ	256
Медвѣди	271
Сказка о жабѣ и розѣ	287
Надежда Николаевна	294
Лягушка-путешественница. Сказка	354
Сказаніе о гордомъ Аггеѣ	359

стран.

Сигналъ 38
Боевыя картинки. Аясларское дѣло. 77
Очень коротенькій романъ 91

Стихотворенія.

На первой выставкѣ картинъ Верещагина 396
„Нѣтъ, не дана мнѣ власть надъ вами“. 397
„Мнѣ жалко васъ, родимыя мѣста“ . . . . —
Плѣнница 399
Свѣча 400
„Друзья, мы собрались передъ разлукой“ . . . . —

Статьи по художественной критикѣ.

Вторая выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведеній“. 401
Новая картина Семирадскаго „Свѣточи христіанства“. 408
Конкурсъ на постоянной выставкѣ художественныхъ произведеній . . 416
Императорская Академія Художествъ за 1876—1877 учебный годъ . . 422
Замѣтки о художественныхъ выставкахъ 428

Петербургскія письма.

Письмо первое и второе 441

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Смерть. Изъ гимназическихъ опытовъ 453
Подлинная исторія Энскаго земскаго собранія 456
Стихотвореніе въ прозѣ 466
Два отрывка изъ неоконченной драмы 467

Изъ переписки В. М. Гаршина.

I. Письма изъ Болгаріи къ матери, Екатеринѣ Степановнѣ Гаршиной. Съ ея предисловіемъ и примѣчаніями 481
II. Письмо къ И. Н. Крамскому 506

Всеволодъ Гаршинъ. Опытъ характеристики. Очеркъ *I. I. Ясинскаго.* 507
Русская критика о Гаршинѣ:
1) Статья К. К. Арсеньева. „В. М. Гаршинъ и его творчество“. 525
2) Статья П. Ф. Якубовича. „Гамлетъ нашихъ дней“ 539
3) Статья О. Ѳ. Миллера. „Памяти В. М. Гаршина“ 550
Библіографія сочиненій В. М. Гаршина. Составилъ *П. В. Быковъ* . . 563